ГЛАВА III.

Сяньбийский период.

(С начала II до половины IV **века).**

Сянь-би—название не этнографическое, а географическое [1]). По словам китайцев, так стали именоваться дун-ху, поселившиеся у гор Сянь-би-шань, в долине Жао-ло-шуй, ныне Шара-мурэни [2]), после разгрома их государства хуннами (в 208 г. до Р. Хр).

В китайских анналах сянь - би, как народное имя, стало появляться лишь с 49 г. нашей эры, когда сяньбийский старшина Бянь-хэ, воспользовавшись междоусобиями среди хуннов, предложил Китаю свои услуги по истреблению этих последних. Предложение было принято, и с тех пор, говорит китайская летопись, Бянь-хэ ежегодно являлся в Ляо-дун с головами убитых хуннов для получения условленной платы [3]). Позднее тот же Бянь-хэ воевал за плату и против своих сородичей ухуаньцев.

С 58 г. известия о сяньби прекращаются, но 30 лет спустя они вновь заявили о себе жестоким поступком: разбив в 87 г. северных хуннов и захватив в плен их шаньюй'я, они замучили его самым варварским образом—содрав с него кожу [4]).

[J]) Народы сяньбийской расы называют себя по имени тех гор и долин, в которых живут („Шань-си-тун-чжи", цитир. у *Chavannes*—„Documents sur les Tou-kiue Occidentaux", стр. 56).

[2]) „Шуй-цзин-чжу", цитир. в „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 167, 269. Впрочем это отождествление оспаривается, и в „Географии области Чзн-дэ", а также в некоторых других китайских сочинениях (см. „Мзн-гу-ю-му-цзи", стр. 193, 201, 269 и 270), так называется не Шара-мурэнь, а Ин-цзинь-хз, левый значительный приток Ляо-хэ.

[3]) *Иакинф*—„Собран, свед. о нар., обит, в Средн. Аз. в древн. вр.[й], I, стр. 162.

[4]) Китайцы не говорят, с мертвого или с еще живого шаньюй'я была содрана кожа. Если с мертвого, то с какою целью?

Засим в 93 г. они овладели почти всей Халхой и выступили на историческую сцену преемниками могущества хуннов.

Выше уже говорилось [1]), что сяньбийцы и родственные им дунху и ухуань были народами смешанного происхождения, сложившимися из динлинского, тюркского и монгольского элементов, и в антропологическом отношении хотя и стояли ближе к динлинам, но говорили на одном из монгольских диалектов. В виду, однако, того большого значения, какое имеет для истории и этнологии Средней Азии вопрос о принадлежности этого народа к той или иной этнической группе, я нахожу необходимым не ограничиваться сказанным, а осветить его возможно полнее [2]).

В „Географии Тибета" Миньчжулхутукты мы находим такое указание: „От монастыря Го-ман-гонь (Го-ман-сы) на восток, перейдя одну гору, находится монастырь Чувзан (Чейбсен); отсюда на юго-восток в полдня слишком пути находится монастырь Гонь-лун... к северу от этого последнего удел Амдо-Бал-ри... Ниже этого удела—удел Хор или Долдо... (Живущие здесь) гья-хоры ^чжа-хоры) владели прежде восточной и северной частью Амдо'ских земель, но при Танах китайские войска, соединившись с тибетскими, вторглись в их земли, и они подпали под китайское владычество, но земли их в большей части достались тибетцам, и говорят, что это есть начало поселения тибетцев в Домад'е. История о бывших в древнее время у этих чжахоров царях Хор - Тоба, владевших половиной Китая, находится в летописях Серединной империи" [3]).

Хотя указание это и грешит несколько против истории, тем не менее из него явствует, что амдоские монголы суть потомки сяньбийцев, выселившихся сюда из восточной Монголии в начале IV века нашей эры [4]). Этим последним обстоятельством об'ясняется и замечание А. О. Ивановского,

1) См. стр. 91.

[2]) Дальнейшее взято главным образом из моего исследования—„К этнологии Амдо и области Куку-нора", вошедшего двумя главами (II и III) в т. III моего сочинения—„Описание путешествия в Западный Китай".

3) Стр. 53—55.

[4]) О сем см. ниже.

что в фонетическом отношении язык этих монголов „ очень напоминает дахурский, причем некоторые слова, сохранившиеся только в дахурском языке, существуют и в нем"[1])

Откуда почерпнул Миньчжул хутукта вышеприведенное известие, мне, конечно, неизвестно; однако чрезвычайная точность сообщаемых им данных по географии Тибета и обнаруживаемая им при этом значительная эрудиция заставляют относиться к его сообщениям с особым доверием; к тому же самый факт принадлежности чжахоров к потомкам сяньбийцев не представляет ничего невероятного и уже возбуждался в печати [2]).

По словам Потанина, амдоские монголы „называют себя просто монголами"; между тем слуга Гюка, Сантан-джимба, сопровождавший и Потанина в его путешествии, как видно из „воспоминаний" упомянутого миссионера, именовал себя „чжахором". Впрочем последнее название осталось небезызвестным и Потанину, но он полагает, что так зовут амдоских монголов тангуты, причем повторяет замечание Рокхилля, что слово „чжахор" происходит от сочетания двух слов: rgya (произносится jya)—Китай и hor—хор (название тибетской народности) [3]); таким образом по Рокхиллю, чжахор значит—тибето-китаец, а по Потанину, подозревавшему, что хор „имя какого-то кочевого племени, населяющего (населявшего?) северный Тибет, не тибетского происхождения, а может быть, монгольского" [4])—монголо-китаец [5]).

[x]) См. *Потанин*—„Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия", II, стр. 412.

Дахуры ближе к маньчжурам, чем к монголам, язык их представляет, однако, нечто среднее между монгольским и маньчжурским *(Васильев*—„История и древности восточной части Средней Азии", стр. 30 и 130)

[2]) *Потанин,* op. cit, I, стр. 347.

[3]) „В страну лам", русск. пер., стр. 34. „Rgya" или „дуа" *Котвич* переводит через „чжя", а не „чжа" (см. *Сарат Чандра Дас*—„Путешествие в Тибет", стр. 69 и 103, где Gyarong переведено Чжярон).

Ч Op. cit., I, стр. 343.

[5]) *Grenard* (в Dutreuil de Rhms—„Mission scientifique dans la Haute Asie*, II, стр 455) полагает, что наименование чжахор (rgya-hor), означающее „китайские хоры", дано было одному из живущих в Сининской области оседлых тибетских племен их современниками в отличие от хоров Наг-чу и лишь впоследствии перешло на далдов Позднее (op. cit., Ill, стр. 228) тот же исследователь переносит название „хор" на кашгарцев

Неестественность этого словопроизводства совершенно очевидна Правда, у китайских историков мы часто встречаем подобные сочетания для обозначения народностей смешанного происхождения, как, например, жун-манъ, ди-жун и т. д., соответствующие европейским -англо-саксы, угро-финны, но то ведь историки, а не народ, которому, конечно, будет всегда чуждо сочинительство подобных комбинированных этнических наименований К тому же происхождение слова чжа-хор может быть объяснено гораздо проще: „чжа", по свидетельству китайцев, на местном (?) языке означает „белый" *); таким образом наименованию чжа-хор будет соответствовать „цаган—монгол", под каковым именем в действительности чжахоры и известны у прочих монголов [2]).

„Хор"—этническое наименование едва-ли тибетского происхождения. Миньчжул хутукта пишет[3]), что это слово испорчено китайцами в „ху", что подтверждает и проф. Васильев[4]), с „ху" же или „хорами" китайцы познакоми-

и яркендцев и говорит, что жители Ладака и Рутока под именем страны Хор разумеют Кашгарию. Не под влиянием ли книги *Hadgson'a,* о чем ниже, были написаны эти строки^ Ошибочным считаю также предположение *Grenard'a,* что озеро Хор-ба-цо получило это название лишь потому, что лежит на большой дороге в Восточный Туркестан.

Долдо или далдо у *Мииъчжуь хутукты* название географическое и потому едва-ли правильно перенесено на чжахоров. Впрочем, может быть, это и не так, ибо, невидимому, народ далда существовал некогда в Маньчжурии, откуда и мог быть увлечен в Сининскую область тогонами; см. *Васильев,* op. cit., стр. 139, где говорится о бо- далда и шуй- далда, живших еще в XIII в. в Маньчжурии. Далда, по мнению проф. *Васильева,* то-же, что татар.

Пржевальский („Третье путешествие в Центральной Азии", стр. 343) чжахорами называет оседлых тангутов Амдо.

[1]) *Успенский*—„Страна Кукэ-нор или Цин-хай", стр. 83; „Мзн-гу-юму-цзи[a], стр. 429.

<>) *Пржевальский,* op. cit, стр. 330; *Потанин,* op. cit, I, стр. 342.

Значение определительного „белый", прилагаемого к родовым названиям, в точности не выяснено; однако оно встречается у кочевых племен с древнейших времен. У сянь-би также существовало поколение, которое именовалось „белым" *(Иакинф,* op. cit., I, стр. 190). Бо-далда значит „белые далда".

[3]) Op. cit., стр. 32.

[4]) „География Тибета", стр 5 (примечание).

лись задолго до Р Хр *). После разгрома восточных хоров хуняами, народ этот утрачивает на страницах китайской истории свое племенное название, которое заменяется, как это замечено было выше, географическими—сянь-би и ухуань Засим в последующую эпоху и эти наименования исчезают, уступив место наименованиям особо усилившихся сяньбийских родов—мужунь и тоба. Все эти перемены едва-ли, однако, могли заставить хоров позабыть свое древнее племенное название, и мне кажется несомненным, что тогонцы [2]) вступили на территорию Тибета носителями этого названия. Они заняли всю северную его часть, и весьма естественно, что у тибетцев, сложившихся в государственный организм в долине Цзамбо, именно эта часть Тибета получила название страны хоров—Хор-ба. Ныне хоров в названной стране уж нет [3]), но раз данное ей название не только продолжает жить в народной памяти, но и перенесено на кочующие там [4]) тибетские поколения—наг-цан, нам-ру, наг-чу и янба-чжань [5]), каковое

[J]) *Иакинф,* op. cit, I, стр. 9. У *Schott'a* („Zur Uigurenfrage" в „Abhandl. der. k. Akad. d. Wiss. zu Berlin", philos-histor. Kl., 1875, стр. 35) читаем. „Unter Hu verstand man in alter Zeit gewisse Nomadenstamme nordlich von China, genauer—Tung-hu und Lm-hu (Hu in Waldern), angebhche verwandte der Hiung-nu, und ofter die Hiung-nu selbst".

[2]) О них см. ниже.

[3]) *Ora^io delta Penna* в одном из своих писем, помеченных 1730 годом, пишет о хорах следующее* „Между Татарией и провинциями Чанг и Нгари проживает народ хор, умственно мало развитой, заплетающий волосы в косу и носящий платье татарского покроя; они сохранили свой родной язык, но говорят и по тибетски" *(Markham*—„Narratives of the Mission of G. Bogle to Tibet", стр. 313). Ныне эти хоры утратили свою народность и слились с тибетцами, что доказывается существованием среди кукунорских панака поколений чжахор (Rjyakor) и тоба (Тора) *(Rockhill*—„Diary of a Journey through Mongolia and Tibet", стгЗ. 114). Поколение тоба (ванчи тоба) имеется и среди голыков *(Потанин*—„Распросные сведения о восточном Тибете" в „Извест. И. Русск. Геогр. Общ.", 1887, стр. 515). Что хсэсв нет более в центральном Тибете, это доказывается тем обстоятельч, что никто из современных путешественников *(Найн-Синг, Бонвало, **PuKxuMtb,** Бауэр (Bower)* и *Thorold, Литлъдель, M. S Wellby* и *N. Malcolm,* [т]- *—5еплъ де-Рэн, H. Deaty* и *С Гедин)* их там не встретил.

*) Т. е. к северу от Вуй (Уй) и Цзана.

[5]**)** Про эти поколения у *Минъчжул хутукты,* op. cit, стр 32, говорятся: .поколения наг-цан, нам-ру, наг-чу и янба-чжань хотя и называют **хэрахя,** но они суть тибетцы".

обстоятельство вполне разъясняет ошибку Рокхилля, утверждавшего, что чжахоры—тибетцы, а не монголы *).

Что наименование Хор-ба связано с появлением сяньбийцев в северном Тибете, а не монголов, овладевших им в XYII веке, явствует из того, что осевшие тут остатки этих последних носят у тибетцев наименование „сок", а не „хор", занятая же ими территория, включая область Куку-нор,—Сокиёл, т. е. страны, занятой кочевьями народа сок [2])

Венгерский ученый А. Чома деКорос (Csomade Koros), а вслед за ним и другие орьенталисты причисляли

1) „В страну лам", стр. 34. По словам *Grenard'a* (op. cit, II, стр. 322) наименование „хор" получило у современных тибетцев значение, равнозначущее словам „иноземец", „варвар".

[2]) *Hodgson*—„Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet"; *Markham*— „Narratives of the Mission of G. Bogle to Tibet", стр. XXIV; *Montgomery*—„Narrative of an Exploration of the Namcho, or Tengri Nur Lake, in Great Tibet, made by a Native Explorer *(Кигиэн-Синг)*, during 1871 — 1872" (в „The Journal of the Roy. Geograph Soc.", 1875, XLV, стр. 323); *Grenard*, op. cit, II, стр. 322; *Рокхилль*, op. cit, стр. 97, говорит, что тибетцы восточных монголов называют „мар-сок"; *Jigs-med nam-mk'a (Hutb*—„Geschichte des Buddhismus in der Mongolei", II, стр. 33) называет их однако „сок",

О монголах соках или, как он их называет, дамсук монголах, упоминает и *Пржевальский* („Монголия и страна тангутов", I, стр. 287), причем передает легенду о том, что эти монголы— осевшая в Тибете часть войск Гуши-хана хошоутского. *Рокхилл* в „Diary of a Journey through Mongolia and Tibet", стр. 157, пишет об этих монголах подг онее; по его словам, старики этого племени говорят еще по монгольски, но по одежде и обычаям совершенно напоминают тибетцев Вероятно, о тех же монголах пишет и *Тюк* („Путешествие через Монголию в Тибет к столице Талеламы", стр. 228—229). В заметке о путешествии дурбэтского хамболамы *Монкочжеева* от Напчу до Сачжацзуна в 1892 году („Известия И. Русск. Геогр. Общ.", 1895, стр. 570) мы находим об'яснение слова „дамсук": оно означает монголов (соков), кочующих на р. Дам. О дам-монголах упоминает и *Gutflaff* („Tibet and Sefan" в „The Journal of the Roy. Geogr. Soc. of London", 1851, XX, стр. 209 и 221). О местности Дам, лежащей к юго-востоку от Тэнгри-нора и населенной монголами (хошоутами армии Гуши-хана), см. также *Gunther Schulcmann*—„Die Geschichte der Dalailamas", 1911, стр. 139 и 169.

Moorcroft называет ойратов, вторгшихся в Тибет, сок-ба (см. *Abel Remusat*—„Nouveaux melanges asiatiques", II, 1829, стр. 342).

Давность наименования Хор-ба для северной части Тибета подтверждается также и передаваемой *Наин-Ситом (Ъ otter*—„Account of the

хоров к народам тюркского племени и языка; но факты, на которых базируется эта гипотеза, не кажутся мне достаточно убедительными.

Howorth в „History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century" *) пишет, что после исследований Hodgson'a не остается сомнений в том, что под именем „хор" тибетцы всегда разумели уйгуров, монголов же называли „сок". Очевидно, Howorth имел в виду статью „On the tribes of Northern Tibet" [2]), в коей Hodgson действительно говорит, что хоры—уйгуры. При этом, однако, он причисляет к хорам и магометан (кашмирских выходцев), известных в Лхассе под именем хачи. В хачи (Khachhen) он видит китайское Kao-tse, а Kao-tse это—уйгуры. В уровень с этим заключением я могу поставить лишь не менее удивительное и принадлежащее равным образом Hodgson'y сопоставление имен Сок и Согдиана! [3])

Но в книге Hodgson'a мы находим и нечто положительное, а именно—исследование наречия жителей области

Bandit's Journey in Great Tibet from Leh in Ladak to Lhasa" в „Journ. Roy-Geogr. Soc.", 1877, XLVII, стр. 107) легендой, связывающей это наименование с именем некоего царя Лимура, правившего, будто-бы, этой стра-ной 2.000 лет назад. Засим заслуживает внимания следующее место „Бодимура" (соч. конца XV века)* Сронцзан гамбо поручил управление государством 16 министрам; из них шесть, называвшиеся важнейшими, заведывали сношениями с китайцами и минаками на востоке, с хорами на севере, с Индустаном на юге и с бальбо (непальцами) на западе *(Schmidt*— „Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Furstenhauses", стр. 328). Как известно, к северу от Тибета никаких монголов кроме тогонов в эпоху > образования Тибетского государства не жило. Наконец, у *Минъчжул хутукты*, op. cit., стр. 56, читаем: „Уже в глубочайшей древности встречаем мы среди тибетских царей, вельмож и лоцзав (переводчиков) лиц, носящих фамилии китайские и *хорские*, из чего явствует, что нельзя говорить с уверенностью об единстве происхождения народа тибетского..."

1) Том I, стр. 695.

[2]) Статья эта помещена в цитир. выше сборнике „Essays on the languages, literature und religion of Nepal and Tibet".

[3]) Таких странных сопоставлений, впрочем, не мало в литературе, посвященной Востоку; укажу, например, на сопоставление слов „ди" и „тюрк[a] *(Edkms* в „Journ. China Br. Roy. As. Soc.", XXII, стр. 228), .тубала" (наименование племени, упоминаемого пророком Иезекиилем) **и ,Тобол'** (река Сибири) *(de Rougemont, Флоринский*, op. cit., II, стр. 395;

в восточном Тибете, носящей также название Хор-ба Hodgson приходит к заключению, что quasi—арийская внешность (sic!) суб'екта, с которым он имел дело, и который, конечно, и дал ему материал для словаря, а равно особенности языка свидетельствуют о тюркском происхождении народа, населяющего названную страну.

Кроме пундита Кишэн-Синга (А-К) область Нья-рон или Хор-ба посетили американец Рокхилль и полковник Козлов, но ни один из этих путешественников не говорит ничего об особенностях тибетского языка, на котором, судя по исследованию Hodgson'a, из'ясняются ныне уроженцы этой страны. Проходит обстоятельство это молчанием и Миньчжул хутукта, который страну Хор-ба называет Хор-хог—областью Хор *).

, Миньчжул хутукта, Рокхилль и Козлов согласно показывают, что владение это распадается на пять уделов (родов): Хан-сар (Кангзар или Ганзе у Рокхилля, Кансар у Козлова), Мази (Мазур, Мансар). Враг-го (Чан-го, Дза-хог), Бери.(Бэрим, Бэрэ) и Дрео (Дра-мон или Чуво, Дэву), но и эти наименования не дают оснований для каких-либо сближений с тюркскими родовыми прозваниями.

Как-бы то ни было, филологические изыскания Hodgson'a не могут не иметь серьезного значения для этнологии и истории земель, входящих ныне в состав западной Сы-чуани,

впервые, однако, это странное сближение появилось в „Толковой Библии", изданной в 1724 году в Париже; см. *Герард Миллер*—„Описание Сибирского царства", 1750, стр. 2), „Organum"* *Рубрука*, очевидно, территории, находившейся в управлении регентши Эргэнз, т. е. Джагатайского улуса, и Эргэнэ-хон, долины, считающейся родиной монголов *(Howorth*—„History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century", I, стр. 34); всего более таких странных сопоставлений и еще более парадоксальных гипотез заключает книга *v. Erdmann'a*—„Temudschm der Unerschutterliche", где, между прочим, находим следующие сближения имен: „Германии" и персидской провинции „Керман" (Кирман), „тукуз" в „тукуз-уйгур" и „тунгуз" (стр. 70, 96—97) и т. д. К этой же категории гипотез следует отнести и догадку *Howorth"*a, op. cit, I, стр. 31, что наименование жуань-жуань, напоминая название, принятое монголами для своей династии—Юань, позволяет считать их предками ойратов (?!).

*) *Козлов* („Монголия и Кам", 1, 2, стр. 523) называет эту страну Хор-карн'а-шог.

так как ими затрагивается весьма интересный, но пока, при современном уровне наших знаний исторических судеб этой страны, неразрешимый вопрос—как и в какую эпоху проникли тюрки так далеко на юг. Во всяком случае не им страна Хор-хог обязана своим названием.

Тогонские владения граничили на юге с территорией дансянов, занимавших в начале YII века нынешние земли голоков. Тибетцы, овладевшие в 663 г. царством Тогон, вызвали значительное передвижение народных масс в области верхнего течения Желтой реки, в котором главное участие приняли дансяны и тогонцы Часть этих племен выселилась на северо-восток, в Алашань и Ордосские степи *), часть осталась на месте [2]), а часть была вытеснена на юг, где мы действительно и находим в настоящее время минягов (дансянов) Что тогонцы также и в этом отношении разделили участь дансянов, видно из того факта, что Шан - Сыло, противник узурпатора Шан-Кунжо, собрал в 843 году в Сун-пане корпус в 80.000 человек, состоявший исключительно из тогонских и яншунских ополчейцев [3]). Сун-пан был, конечно, лиЩь местом сбора тогонйких сил, поэтому весьма вероятно, что уже в то время хоры заселяли долину Ниарон. В 861 году Тибетское государство распалось на отдельные владения, а при таких условиях Хор-хог могла получить некоторую самостоятельность, которую и удержала до наших дней. Я замечу еще, что население этой страны заплетает волосы в косу, тогда как жители соседних владений кос не носят [4]),—факт, говорящий во всяком

*) См. выше стр. 25—26.

[2]) Один из голокских родов носит название ванчи, напоминающее дансянский род ванли *(Иакинф*—„История Тибета и Хухунора", I, стр. 238). В „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 433, род этот (голокский) назван ван-ши. Среди кукунорских панака *Рокхиллъ* также называет поколение Wangsht'ah'a (op. cit., стр. 114). *Грецар,* op. cit., II, стр. 330, высказывает предположение, что голоки прямые потомки дансянов, но, к сожалению, не подкрепляет его фактами

[3]) *Иакинф,* op. cit, I, стр. 227. Тогонцы продолжали существовать, не смешиваясь с другими племенами, до XIII века. Последнее упоминание о них я нашел у *Иакинфа* в его книге „История первых четырех ханов из дома Чингисова", стр. 146.

[4]) *Потанин*—„Распросные сведения о восточном Тибете" в „Извест. И. Русск. Геогр. Общ.", 1887, стр. 510.

случае за их хорское (сяньбийское) *), а не тюркское происхождение.

За принадлежность хоров к монголам высказался и К л а п р о т, но при этом впал в другую ошибку. Тибетцы, говорит он [2]), хорами называют лишь тех монголов, которые кочуют между Тибетом и Малой Бухарией (Восточным Туркестаном) и сами себя именуют сирайголами или шарайголами. Таким образом П о т а н и н, вводя для амдоских монголов наименование „широнгол", только повторяет К л а п р о т а.

Отождествление чжахоров с шарайголами едва-ли можно считать правильным, и вот по каким основаниям.

П р ж е в а л ь с к и й передает легенду, что некогда всей страной к северу от оз Куку-нора владели ёгуры, которые были частью истреблены, частью вытеснены в северо-западную часть провинции Гань-су Гуши-ханом ойратским [3]). Этих-то ёгуров за 80 лет перед сим, т. е. в 1559 году, поразил Аньда или Алтан-хан, о котором в монгольской хронике „Алтан-тобчи" говорится, что он „покорил шарэгольцев-амдосцев, обитающих между Тибетом и Тангутом" [4]). Что здесь идет речь именно о шира-ёгурах (сары-уйгурах) [5]), явствует из того, что юго-западная Гань - су оставалась в то время во власти китайцев. Именно, Алтан-хан несколько лет спустя объяснял китайскому правительству, что грабежи китайских областей, которые позволяют себе кукунорские подданные его сына Бин-ту, вызываются крайней необходимостью и отсутствием средств к жизни, так как вблизи, в Гань-су, для них нет открытых рынков, ходить же в г. Нин-ся и далеко и неудобно. И хотя, снисходяч к сему, кукунорцам и разрешен был торг в Гань-су, но этим все же беспокойства на границе устранены не были; чаще же всего от хищнических набегов кочевников страдала Сининская область [6]), т. е. именно тот район, в котором расположены самые западные из селений амдосских монголов.

[1]) См. ниже.

[2]) „Asia polyglotta", стр. 269.

*) „Монголия и страна тангутов", I, стр. 287.

[4]) „Записки И. Археол. Общ.", 1858, XIV, стр. 80 (пёрев. *Галсан Гамбоева).*

[5]) Сведения о сары-уйгурах читатель найдет ниже.

[6]) *Успеткищ* op. cit, стр. 162.

Впрочем Санан-Сэцен совершенно определенно указывает на то, что Алтан-хан поразил шира-уйгуров *).

В одном из приложений к Санан-Сецену академик Шмидт приводит нижеследующую выдержку из „Бодимура": „Сронцзан Гамбо (Лунцзан и Нунцзан китайских авторов) отправил к китайскому императору послов, поручив им высватать ему дочь императора; последний вернул, однако, послов с отказом, после чего послы донесли царю, что император с охотой отдал-бы за него свою дочь, если-бы не помешали шара-шарайгол-тулухуньцы (несомненно—тугухунь), восстановившие его против тибетцев и побудившие его отвечать отказом. Взбешенный царь собрал тогда огромное войско и лично повел его в страну Dsongdschio (?); полководца же Jatong'a послал против тулухуньцев, чтобы опустошить их царство. Этот полководец поразил тулухуньцев и преследовал далеко по ту сторону Куку-нора, последствием чего был захват тибетцами тулухуньских земель с оставшимся там населением" [2]). Эта выдержка представляет почти дословную передачу китайских известий о тех же событиях, что явствует из сопоставления ее с нижеследующим местом китайской летописи: „Лунцзан отправил в Китай посла с дарами и предложением о браке. Император отказал; но посланный по возвращении ложно донес кяньбе, что принят был императором благосклонно и скоро получил-бы царевну; но только что приехал тогонский король, то китайский двор уменьшил вежливость и отказал в браке, чему причиною полагал он неприязненные внушения тогонского короля. Лунцзан рассердился и с яншунскими цянами совершил нападение. Тогонцы не могли устоять и уклонились на северную сторону Куку-нора, а Лунцзан забрал все их имущество и их скот" [3]).

Отождествляя тугухуньцев с шара-шарайголами, тибетский **автор** впадает в очевидную, как мне кажется, ошибку.

[1]) Привожу это место: „Im 1573 zog Altan-Chaghan gegen die Chara-Tubet zu Felde, unterwarf sich die beiden Abtheilungen der obern und untern Schira-Uigur und nahm die drei Fursten der untern Abtheilung nebst vielen des Volkes gefangen". *Schmidt,* op. cit., стр. 211.

2) Op. cit., стр. 359.

[3]) *Иакинф,*— „Ист. Тиб. и Хухун.", I, стр. 131.

случае за их хорское (сяньбийское) *), а не тюркское происхождение.

За принадлежность хоров к монголам высказался и К л а п р о т, но при этом впал в другую ошибку. Тибетцы, говорит он [2]), хорами называют лишь тех монголов, которые кочуют между Тибетом и Малой Вухарией (Восточным Туркестаном) и сами себя именуют сирайголами или шарайголами. Таким образом П о т а н и н, вводя для амдоских монголов наименование „широнгол", только повторяет К л а п р о т а.

Отождествление чжахоров с шарайголами едва-ли можно считать правильным, и вот по каким основаниям.

П р ж е в а л ь с к и й передает легенду, что некогда всей страной к северу от оз. Куку-нора владели ёгуры, которые были частью истреблены, частью вытеснены в северо-западную часть провинции Гань-су Гуши-ханом ойратским [3]). Этих-то ёгуров за 80 лет перед сим, т. е. в 1559 году, поразил Аньда или Алтан-хан, о котором в монгольской хронике „Алтан-тобчи" говорится, что он „покорил шарэгольцев-амдосцев, обитающих между Тибетом и Тангутом" [4]). Что здесь идет речь именно о шира-ёгурах (сары-уйгурах) [5]), явствует из того, что юго-западная Гань - су оставалась в то время во власти китайцев. Именно, Алтан-хан несколько лет спустя объяснял китайскому правительству, что грабежи китайских областей, которые позволяют себе кукунорские подданные его сына Бин-ту, вызываются крайней необходимостью и отсутствием средств к жизни, так как вблизи, в Гань-су, для них нет открытых рынков, ходить же в г. Нин-ся и далеко и неудобно. И хотя, снисходяч к сему, кукунорцам и разрешен был торг в Гань-су, но этим все же беспокойства на границе устранены не были; чаще же всего от хищнических набегов кочевников страдала Сининская область [6]), т. е. именно тот район, в котором расположены самые западные из селений амдосских монголов.

!) См. ниже.

[2]) „Asia polyglotta", стр. 269.

[3]) „Монголия и страна тангутов", I, стр. 287.

[4]) „Записки И. Археол. Общ.", 1858, XIV, стр. 80 (пёрев. *Галсан Гамбоева).*

[5]) Сведения о сары-уйгурах читатель найдет ниже.

[6]) *Успенский,* op. cit., стр. 162.

Впрочем С а н а н - С э ц е н совершенно определенно указывает на то, что Алтан-хан поразил шира-уйгуров *).

В одном из приложений к Санан-Сецену академик Шмидт приводит нижеследующую выдержку из „Бодимура": „Сронцзан Гамбо (Лунцзан и Нунцзан китайских авторов) отправил к китайскому императору послов, поручив им высватать ему дочь императора; последний вернул, однако, послов с отказом, после чего послы донесли царю, что император с охотой отдал-бы за него свою дочь, если-бы не помешали шара-шарайгол-тулухуньцы (несомненно—тугухунь), восстановившие его против тибетцев и побудившие его отвечать отказом. Взбешенный царь собрал тогда огромное войско и лично повел его в страну Dsongdschio (?); полководца же Jatong'a послал против тулухуньцев, чтобы опустошить их царство. Этот полководец поразил тулухуньцев и преследовал далеко по ту сторону Куку-нора, последствием чего был захват тибетцами тулухуньских земель с оставшимся там населением" [2]). Эта выдержка представляет почти дословную передачу китайских известий о тех же событиях, что явствует из сопоставления ее с нижеследующим местом китайской летописи: „Лунцзан отправил в Китай посла с дарами и предложением о браке. Император отказал; но посланный по возвращении ложно донес кяньбе, что принят был императором благосклонно и скоро получил-бы царевну; но только что приехал тогонский король, то китайский двор уменьшил вежливость и отказал в браке, чему причиною полагал он неприязненные внушения тогонского короля. Лунцзан рассердился и с яншунскими цянами совершил нападение. Тогонцы не могли устоять и уклонились на северную сторону Куку-нора, а Лунцзан забрал все их имущество и их скот" [3]).

Отождествляя тугухуньцев с шара-шарайголами, тибетский автор впадает в очевидную, как мне кажется, ошибку.

[J]) Привожу это место: „Im 1573 zog Altan-Chaghan gegen die Chara-Tubet zu Felde, unterwarf sich die beiden Abtheilungen der obern und untern Schira-Uigur und nahm die drei Fursten der untern Abtheilung nebst vielen des Volkes gefangen". *Schmidt,* op. cit, стр. 211.

[2]) Op. cit., стр. 359.

[3]) *Иакинф,*— „Ист. Тиб. и Хухун.", I, стр. 131.

Тогон, а отсюда и тугухунь, что, вероятно, означало „тогонские люди"—„того(н)-хунь" *), имя династии, а не народа, в качестве же 'такового оно едва-ли могло удержаться в народной памяти в течение восьми слишком веков; и вот, мне думается, что составитель „Бодимура", найдя в китайской летописи имя неизвестного ему народа тугухунь, властвовавшего когда-то в области Куку-нора, где в его время (в конце XY века) преобладающую, чуждую тибетцам, народность' составляли сары-уйгуры, слил обе эти народности в одну, дав ей фантастическое название шара-шарайгол-тулухунь.

Такая ошибка со стороны составителя „Бодимура" тем извинительнее, что уйгуры были действительно давние насельники области Куку-нор, куда они переселились в 1028 году, после захвата Гань-чжоу тангутским королем Юань-хао [2]). Для изустных преданий четыре столетия — огромный период. А так как и уйгуры были некогда могущественны, то этого, конечно, было вполне достаточно для отождествления обоих имен.

Козлов [3]) передает, однако, легенду, производящую население уделов Лхадо и[1] Лин-гузе, в бассейнах рек Меконг и Я-лун-цзян, от монголов-шарайголов, поселившихся, будто-бы, в этой стране уже в эпоху царствования „монгола" Сронцзан-гамбо. Сюда они явились под предводительством шарайгола Эрхэ-тайчжи, печать которого, как реликвия, сохраняется у них и до настоящего времени.

[1]) *Владимирцов* сообщает мне, однако, что „хунь"—слово более нового образования. Следует также отметить, что *Chavannes* („Documents sur les Tou-kiue Occidentaux", стр. 372), находя чтение ту-гу-хунь неправильным, заменяет его ту-юй-хунь и пишет, что о племени туй или ту-хунь, отождествляемом им с ту-юй-хунь, говорится в маршруте *Сюй Кан-цзуна,* китайского посла, отправленного ко двору цзиньского императора в 1125 году *(Chavannes*—„Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen" в „Journ. Asiat", 1898, стр. 420), в письме императора У-цзуна к уйгурскому хану У-цзэ, относящемуся к началу 842 года *(Chavannes* и *Pelliot*— „Un traite manicheen retrouve en Chine" в „Journ. Asiat.", 1913, стр. 252), и в Киданьской истории *(v. der Gabelent^*—„Geschichte der Grossen Liao", стр. 25, 187).

[2]) В „Мин-ши" говорится, что первоначально Цайдам назывался «Страной сары-уйгуров" *(Klaproth*—„Fragmens historiques sur les Ouigours", в .Memoires relatifs & 1'Asie", II, стр. 345).

[3]) Op. cit., стр. 420 и 492.

У Миньчжул хутукты мы не находим названных вшце княжеств [1]), но у него сказано, что на востоке от Чамдо лезетт местность Мар-Хамс, население которой, отличаясь грубостью и свирепостью, говорит сходно с минягами, и далее, что в ней имеются храм и кумиры, воздвигнутые еще при царе веры Срон-цзан-гамбо [2]). Подводя засим итог сказанному о нескольких последующих мелких владениях, он добавляет, что население их не настоящие тибетцы и что к юго-востоку от них находятся кочевья сок (сог), ариг и других номадов [3]).

Ив этого ясно, что в легенде, передаваемой Козловым, нашли отражение предания как древнейшие, так и более новые,

и что население княжества Лхадо, первоначально, может быть, только минягское, смешалось сравнительно уже[4] в позднейшее время с пришлыми сюда ордами монголов [4]) и сары-уйгуров. Последнее подсказывается существованием к юго-востоку от этого княжества кочевий соков и фактом большого распростра-

[1]) *Козлов* как будто не уверен в том, что княжество Лхадо называется так в действительности. Лхадо он переводит: лха—бурхан, догверх; но это название может обозначать и „девять гор"—Ла-д(г)у.

[2]) Op. cit., стр. 44.

[3]) Op. cit, стр. 46. *Миньчжул хутукта* пишет араг, но я думаю, что это ариг, сары-уйгурский род, о котором будет говориться ниже.

[4]) В Амдо и область оз. Куку-нора монголы стали проникать лишь с начала XVI века, притом первоначально не с севера, а с востока, из Ордоса. Именно, в десятых годах этого столетия сюда бежал с ордосцами Ибура-тайши, который в очень короткий срок (к 1512 г.) овладел всей страной между г. Гань-чжоу-фу и Сун-пан'ом, между долиной р. Хуан - хэ и уроч. Гас. Засим в 1559 г. вторгся в эти земли ордосский князь Алтан-хан, который и посадил одного из своих сыновей княжить на Куку-норе, а другого в Сун-пан'е, к югу от р. Хуан-хэ. Одновременно с Алтан-ханом откочевали на запад и другие роды восточных монголов (Чэчень - тайджи), занявшие под свои кочевья Юй-гу, т. е. „Ильмовые долины". Возможно, что отсюда они продвинулись и в пров. Кам, и среди них именно те, за которыми установилось название широ-монголов. О широ-монголах, живших на южной окраине Гоби, упоминает в своем показании сибирский казак *Ив. Петлин* (см. донесение Тобольского воеводы, помещ. в стат. списке под 1618 г. в дел. монг. архива мин. ин. д.—*John F. Baddeky*—„Russia, Mongolia, China, being some Record of the Relations between them from the beginning of the XVII-th Century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich A. D. 1602—1676", etc., in fol., London, 1919, vol. II, p. 71); по поводу этой же части показания *Ив. Петлина* у *арх. Палладия* (»За-

йенш* здесь рода ар иг, несомненно уйгурского [1]). Об этом роде пишет Миньчжул хутукта. о нем же упоминает и Козлов, называя среди хошунов, на которые распадается княжество Дза-чю-кава, и хошун Арик [2]).

Потанин полагает, что под именем широнголов могли быть известны оба народа—чжахоры и шира-ёгуры [3]), но так как это предположение он не подкрепляет фактами, то я ограничусь указанием, что оно находится в противоречии с тем обстоятельством, что китайцы и тангуты присваивают обоим народам различные наименования: чжахоров китайцы называют ту-жень [4]), а шира-ёгуров—хуан-фань. В „Географии Тибета" Миньчжул хутукты мы читаем также: „На север от Цонгонь-бо (озер%, Куку-нор) в смежности с Бари находится удел Шара-кьгу, жители коего составляют отрасль уйгуров; большая часть их старшин происходит от чжурчженьских царей, из рода Вань-янь".

метки о путешествии в Китай казака Петлина" в „Зап. вост. отд. И. Р. Археол. Общ.", 1892, VI, вып. I—IV, стр. 307) читаем, что это название, хотя и редко, в эпоху Минов прилагалось к урянхам, населявшим юго-восточную Монголию.

*) Кость арык имеется у киргиз-казаков (см. *А. Тцлло*—„Первая народная перепись в Киргизской степи", etc., в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1873, IX, стр. 83); вероятно, это тюркизованное арин *(Аристов*—„Опыт выяснения этнологического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов" в „Живой Старине", 1894, вып. III и IV, стр. 452). Среди трех уйгурских князей, плененных Алтан-ханом, один, Сагарджайба, был из рода арик *(Schmidt,* op. cit, стр. 211). Среди кукунорских панака род арик принадлежит к числу наиболее многочисленных.

2) Op. cit, стр. 554.

3) Op. cit., стр. 345.

4) В „Иллюстрированном отчете о данниках Империи" („Хуан-цин-чжи-гун-ту"), изданном в конце XVIII столетия, говорится, между прочим^ что в округе Нянь-бэй (Нянь-бо) живет монгольское племя дун-гу, управляемое родовыми старшинами, носящими фамилию Ли и ведущими свое происхождение от Ли-ко-юн'а, тюрка-шато, знаменитого полководца Танской эпохи *(Рокхиллъ*—„В страну лам", стр. 34). *Потанин,* говоря об амдоских монголах, также пишет, что их старшины или князья носят фамилию Ли и ведут свое происхождение от сановника Танской эпохи Ли-чжина. Ли-ко-юн и Ли-чжин—одно и то-же лицо. А тогда приходится заключить, что еще в XVIII веке китайцы называли чжахоров—дун-гу, что, может быть, следует поставить в связь с более древним дун-ху. Вопрос о про-

Мне кажется, что все вышеприведенные факты устанавливают с несомненностью, что к амдоским монголам не может бить приурочена наименование широнгол и что за ними должно быть оставлено их древнее племенное название хор или чжа-хор, которое, вопреки заявлению Потанина, ими еще не забыто. Об этом свидетельствует миссионер Гюк, это видно и иэ книги того же Потанина, где читаем, что сами себя: амдоские монголы называют чах арами *), в каковом названии следует, конечно, видеть лишь испорченное (может быть не совсем точной записью?) „чжахор".

На основании изложенного я считаю, что тогоны, а стало быть и еянь-би, принадлежали по языку к монгольской группе парадов [2]); что же касается их антропологического типа, то выяснит!* последний тем труднее, что сянь-би вступили ва историческую сцену не цельной, а уже смешанной народностью, что доказывается хотя-бы разнообразием их причесок: только сяньбийцев-тоба китайцы причисляли к „со-тоу", т. е. к плетущим косу, о муюнах же они этого не говорят, вероятно, потому, что те или брили голову подобно западным

нахождении Ли-ко-юн'а не играет в данном случае существенной роли, так как история Средней Азии знает не мало примеров призвания на княжение лиц чуждой национальности, и ниже читатель найдет тому доказательство; к тому же предание говорит, что ЛИ-KQ-JOH женился на монголке, очевидно, княжеской династии.

*> Op. cit, I, стр. 342.

[2]) Этот вывод подтверждается и исследованием *К. Shlratori*—„Ueber die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stamme", в котором автор на основании дошедших до нас остатков их языка пришел к заключению, что народы сяньбийской группы по языку были монголами. В этом он резко разошелся с большинством орьенталистов, которые относили и относят их к тунгузской ветви монгольского племени. Наконец, укажу еще на один довод *m* пользу монголизма тогонов.

В 128О году Хубилай отправил для исследования вершин Желтой реки известного китайского математика *Ду-ши.* Приведенные в обстоятельном рапорте этого последнего *(de Mailla*—„Histoire generate de la Chine*, IX, стр. 404—405) туземные собственные названия—монгольские: Ходунь-нор (ныне Одонь-тала), соответствующее китайскому Син-су-хай, т. е, звездному морю, долине (тала), испещренной множеством небольших водоемов, Ала (Алак)-нор, Ъличи (Элици) и Холань (Хулань, Улань?). Если тогоны не были монголами, то кто другой мог занести в места их кочевий столь рано эти монгольские имена?

сяньбийцам и ухуаньцам или оставляли пук волос на темени подобно восточным сяньбийцам (юй-вынь) *).

В сочинениях, трактующих о сяньбийской группе народов, не содержится указаний на физические особенности их типа, и все, что я мог в этом отношении извлечь из китайских анналов, ограничивается заключением китайского оановника Цай-юна, охарактеризовавшего сяньбийцев в следующих словах: „они известны крепостью телесных сил; у них оружие острее, а лошади быстрее, чем у хуннов" [2]), т. е., что они отважнее в бою и сильнее последних. Если сопоставить это замечание с указанием китайской летописи на рослое племя чан-ди, еще в "VI веке до Р. Хр. жившее в Хинганских горах [3]), то невольно напрашивается вопрос, не этим-ли чан-ди сяньбийцы обязаны были своей „крепостью телесных сил" и, вероятно, высоким ростом? [4]). Если так, то сяньбийцы должны были иметь и черты лица, мало напоминающие современный монгольский тип. Было-ли это в действительности так, видно из следующего.

По словам Рокхилля [5]), население Хор-ба отличается от кочевников Тибета (друпа) менее резкими и грубыми чертами лица, прекрасными большими глазами, почти всегда орлиным носом, и нередко вьющимися волосами; особенной же миловидностью и даже красотой выделяются в Хор-ба женщины.

Ной&аоп[6]) дает более детальное описание уроженца страны Хор - ба. Находя, что чертами лица и всей своей изящ-

[1]) *Klaprotb*—„Tableaux historiques de 1'Asie", стр. 96; *Иакинф*—„Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Аз. в древн. вр.[a]", 1, 2, стр. 240. У *Иакинфа* сказано, однако, что язык юй-вынь'цев „нарочито разнился от сяньбийского".

[2]) *Иакинф,* op. cit., I, стр. 173.

[3]) *Plath*—„Die fremden barbarischen Stamme in alten Chi: zungsber. d. philos.-philol. Cl. d. Akad. d. Wiss.*, 1874, I, стр. 469, 471.

[4]) Достойно внимания, что и до сих пор еще уроженцы северо-восточного Китая отличаются своим высоким ростом от всех остальных китайцев/При среднем росте китайцев 1,63 (а южных даже 1,62), средний рост уроженцев Чифу и Ляо-дуна, по данным *Hagen'a* и *Weissbach** ^ равен 1,68. См. *А. А. Ивановский*—„Население земного шара[a]", стр. 63.

[5]) „В страну лам", стр. 159.

[6]) „Essays of the languages, literature and religion of Nepal and Tibet*, II, стр. 78.

ной фигурой означенный суб'ект напоминал арийца, он в то же время очерчивает его внешность в следующих выражениях: •„рост высокий (1,71), но сложение далеко не сильное; р$цщ> несколько длиннее, а ноги короче, чем у европейца; голова небольшая (54 сант. в окружности); форма черепа продолговатая (головной указатель 79,9): лицо довольно длинное, овальной формы; лоб узкий и довольно низкий, но не покатый назад; лобные бугры и надбровные дуги мало заметные; скулы тоже не выступающие вперед; глаза довольно большие, карие, с веками, прикрывающими слезные бугорки *);-нос прямой, не слишком выдающийся; ноздри продолговатые, овальные; переносье широкое; рот красивой формы; губы полные, но не вывороченные; зубы ортогнатичны, хорошо поставленные, но не прочные; челюсти небольшие; подбородок округлый, неуходящий назад; цвет кожи очень смуглый, без румянца на щеках; волосы на голове черные, густые, прямые и довольно жесткие, усы небольшие; бакенбарды густые; бороды, а равно волос на груди и на конечностях не имеется.

Дополнением к этому описанию уроженца Хор-ба может служить следующее замечание Козлова[2]): уроженцы Кама ростом крупнее кочевников Тибета, значительно их благообразнее и опрятнее; в особенности замечание это должно относиться к достаточному классу населения, где можно встретить грациозных, стройных, румяных девушек; еще более интересными представляются дети с их живыми, блестящими, черными глазенками и густыми, часто вьющимися волосами. Глядя иногда на группу резвящихся детей, я невольно задавал себе вопрос—на кого они походили-бы, будучи одеты в соответственный возрасту европейский костюм? Б, не задумываясь, отвечал—на южных европейцев цли цыган.

Что же касается той части чжахоров, которая населяет Сининский округ, то хотя о них писали многие, но только у Пржевальского мы находим указание на их тип. Мужчины, говорит он [3]), несут на себе все признаки разностороннего скрещивания, и „только у женщин сохранился здесь тип,

[1]) Такая форма век—отличительный признак монгольской расы.
[2]) Op. cit, стр. 272.
[3]) „Третье путешествие в Центральной Азии*", стр. 330.

свидетельствующий о том, что они принадлежат скорее к арийской, нежели к монгольской расе".

Свидетельство Пржевальского тем ценнее, что только здесь, в северной части Амдо, тогоны должны бкиш избегнуть скрещивания с дешсявами *), влиянию коих до некоторой степени можно приписать современный тип камских хор-ба; если, несмотря на окружающее их монгольское море, они все же удержали некоторые характерные особенности европейского типа, то это должно служить доказательством, что в IY веке, когда муюны (тогоны) явились в Амдо и в бассейн ов. Кукунора, тип сяньбийцев напоминал европейский.

Вывод из вышеизложенного находится в противоречии с установившимся взглядом на природу сяньбийской группы народов: ни с антропологической точки зрения, ни в отношении языка [2]) она не является такой, какой ее себе представляли со времен Ab. Reinusat до наших дней [Васильев, Frank e, Chavannes, Parker[3]}], а именно - - тунгузской

*) См. выше стр. 149.

[2]) Когда уже эти строки сданы были в печать, *P. Pelliot* сообщил мне, что в „Бзй Ци" имеется список некоторых слов тоба'ского языка, который указывает на то, что *по всей вероятности* тоба'ский язык был турецким.

Выражая здесь искреннюю признательность академику П. К. Пеялио за это сообщение, я все же позволяю себе заметить, что не могу придать ему значение факта, в корне подрывающего изложенную мною здесь гипотезу о монголизме хоров, во-первых, потому, что тоба отличались от остальных хоров некоторыми особенностями, отмеченными уже китайцами, и, во-вторых, потому, что эти „некоторые слова" не подвергались еще специальному анализу и могут оказаться из числа тех, которые искони были общи турецко-татарскому и монгольскому языкам по единству их корней; припомним, что согласно тому, что пишет *Ши-гу (Иакинф*—„Собр. свед. о нар., обит, в Средн. Аз. в древн. вр.«, I, стр. 7), „поколения шань-жунов и дун-ху были предками сянь-би", шань-жунов же *Сы-ма Цлнъ (Chavannes*—„Les mem. hist, de Se-ma Ts'ien", I, стр. 31) отождествляет с хуннами. Если так, то в языке тоба могли удержаться турецкие слова подобно тому, как в джагатайском—монгольские. См. выше стр. 85, сн. 1.

[3]) Ни один из этих орьенталистов не предпринимал, вгфочем, специального исследования сяньбийского вопроса. Отнесение сяньби к тунгузской народности принималось ими за факт, не возбуждавший сомнений, и только *Deveria* (см. Dutreai! de Rhins -„Missfon scientifique dans la Haute Asie", III, стр. 137) и позднее *K. Shiratori* рискнули высказаться за их принадлежность к монгольскому племени.

ветвью монгольского племени. Этот вывод большого значения, и он вполне оправдывает то длинное отступление, второе пришлось для него сделать, А засим я возвращаюсь к изложению исторических судеб сяньбийцев в связи с историей Западной Монголии.

Последовавший за падением Хуннской державы шестидесятилетний период ознаменовался мелкими стычками и борьбой сяньбийцев с Китаем, южными хуннами, ухуаньцами и даже между собой[1]), причем сяаьбийцы то покорялись китайцам, посылая им заложников [2]), то вновь отлагались и производили набеги за укрепленную линию [8]). Ояньбийцы в ату эпоху расиадались на множество родов, не объединенных между собой и преследовавших каждый свою собственную политику; тем труднее было китайцам добиться спокойствия на границе. Впрочем, они старались бороться с ними силами пограничных варваров—хуннов и ухуаньцев, поощряя к тому последних щедрой раздачей громких титулов и подарков, и 'только в исключительных случаях посылали отряды своих стрельцов и латников; так было, например, в 118 году, когда сяньбийцы в больших силах вторглись в Чжилийскую провинцию, предавая огню и мечу города и селения. В общем, однако, хотя из этих пограничных столкновений китайцы и выходили в большинстве случаев победителями, но что значило для них разбить силы одного, двух, даже десяти князей, когда таких князей, всегда готовых ваяться за оружие, насчитывалось у сяньбийцев свыше 120! Чувствовалась необходимость решительных действий в более широком масштабе, разгром всей массы сяньбийцев, но к атому Китай не был готов: все его внимание поглощало в это время западная граница, где китайские полководцы в борьбе с восставшими цянами [4]) терпели поражение за поражением.

[1]) Так, в 127 году, пристав Гын - ? с сяньбийскими войсками князя Шуай-чжун'а нанес жестокое поражение сянъбийцам, вторгшимся в Ляо - дун.

[2]) В 110 году таких заложников в Китае собралось около 120 человек, но и после того сяньбийцы „то покорялись, то вновь отлагались" *(Иакинф,* op. cit, I, стр. 164).

[3])ч Эти набеги сяньбийцев простирались до области Шо-фан.,

[4]) См. выше стр. 132—133.

Лун-си *) и Бэй-ди [2]) были потеряны, смежная часть провинции Шэнь-си разорена, „народ пришел в ужас и бежал на юг, за Желтую реку" [3]), даже область Хэ-нэй[4]) оказалась в опасности. При таких условиях растерявшееся правительство не нашло ничего лучшего, как, отозвав главнокомандующего китайскими силами на западном фронте, подвергнуть его унизительному привозу в столицу [5]) в клетке и заключить в тюрьму. Второй мерой было распоряжение—перейти к обороне и построить новую укрепленную линию в составе 616 небольших крепостей.

Но и эта мера оказалась мало действительной: правительственные войска продолжали отступать, и пламя восстания охватывало все новые и новые округа.

Спасли положение баныпунекие мани (южные динлины) [6]), прозванные за их ратные подвиги в эту войну „божественным войском". К ним, как победителям, тотчас же примкнули населявшие Сининский округ юэчжи [7]) и некоторые цянские роды, а засим восстание пошло быстро на убыль. Однако, еще в 115 году положение дел на западной границе было настолько серьезным, что министр Юй - юй определил его в следующих выражениях: На границе сосредоточено ныне свыше 200 тысяч войска, но и эти силы еще не обеспечивают успеха. А между тем страна разорена, и сельское население, несущее все тяготы казенной службы по снабжению войск, не видя себе защиты, бросило и земли и промыслы. При таких условиях трудно предвидеть вероятные последствия нового поражения императорских войск, а между тем оно возможно, так как военные власти действуют, не принимая во внимание условий борьбы с противником, который „наступает подобно туче, а отходит подобно опущенной тетиве". Преследовать их, имея в своем распоряжении лишь пехоту,—бесполезно. И о победе можно

*) Ныне округа Лян-чжоу-фу, Лань-чжоу-фу и Гун-чан-фу.

[2]) Ныне область Цин-ян-фу.

[3]) *Иакинф*—„История Тибета и Хухэнора", I, стр. 41.

[4]) Округ Хуай-цин-фу в провинции Хэ-нань.

[5]) Г. Ло-ян близь г. Хэ-нань-фу, провинции Хэ-нань.

[6]) См. выше стр. 16.

[7]) Небольшая ветвь юэчжиского племени, оставшаяся в Нань-шаньских горах и засим выселившаяся в бассейн Сининской реки.

будет мечтать лишь тогда, когда собранные на границе пехотные части будут заменены легкой конницей.

Потушено было это восстание только в 126 году, но ликвидировать его удалось не скоро, так как цяны, отвыкнув за истекший двадцатилетний период от китайского гнета, не легко снова ему подчинялись. В 140 году понадобилось даже вновь построить около трехсот крепостей и снарядить огромную армию, и хотя на этот раз с мятежниками удалось справиться сравнительно довольно скоро, но войска все же не распускались до 145 г., несмотря на то, что содержание их цстощало последние ресурсы казны. По произведенному тогда подсчету война с цянами поглотила свыше 34 миллионов лан серебра—сумму баснословную для того времени, и понятно, что при таких условиях предпринимать одновременно какие-либо крупные операции против сяньбийцев было-бы для империи непосильно.

В начале второй половины П столетия нашей эры среди сяньбийских князей выдвинулся некто Таныпихай (Тань-шихуай), которому легендой приписывалось сверхъестественное происхождение. Он сумел объединить под своей властью весь сяньбийский народ и в очень короткое время овладел прежней территорией Хуннской державы от Тарбагатайских гор до "побережья Великого океана: на юге он опустошил китайские пограничные земли, на севере и востоке отразил нападения динлинов *) и государства Фу-юй [2]), на западе поразил усуней. Сталкивался-ли он при этом с северными хуннами—неизвестно; но так как после вторжения сяньбийцев в Джунгарию китайская история не упоминает более об этом народе [3])> то возможно, что сяньбийцы положили конец их господству в этой стране, заставив последние их остатки выселиться на запад *[4]).

[1]) Это, насколько мне известно, последнее упоминание китайской летописи о северных динлинах, живших в бассейне р. Селенги. Впрочем у *Иакинфа* („Записки о Монголии", III, стр. 81) говорится о каких-то динлинах, покоренных императором Тоба Дао в 429 г. Я не имел.возможности проверить это указание.

[2]) У корейцев—Пу-ю. Оно владело территорией между средней Сунгари и хребтом Чан-бо-шань и было завоевано Муюном Хой в 285 году.

[3]) См. выше стр. 139.

[4]) Не тогда-ли члены хуннской княжеской фамилии Хоянь, владевшей Баркульской долиной, были уведены на восток, где засим они и утра-

Начиная с 156 года, редкие годы проходили без того, чтобы сяньбийцы не вторгались в пределы Китая. Северные его окраины были до тла разорены, огромное число китайцев перебито, очень многие уведены в плен. Императорское правительство не знало, что предпринять и как усмирить лютость Таныпихая, который отказывался и от титулов и от каких-либо договоров на основе „мира и родства". Особо отмечен в китайской истории 168 год, , когда сяньбийцы проникли далеко внутрь страны и когда пострадали три новых обширных района Серединной империи—Ю-чжоу *), Бин-чжоу [2]) и только что ставшая оправляться после восстания цянов область Хэ-си. Но засим Таныпихай приостановил на некоторое время свои вторжения в Китай, будучи, вероятно, занят военными делами на севере, где им были присоединены обширные территории, входящие ныне в состав южных частей Иркутской и Томской губерний [3]). Они возобновились в 174 году, когда опустошена была область Вэй-ди.

Под 177 г. в китайской летописи говорится: с весны этого года сянь-би произвели более тридцати набегов, причем три высланные против них армии хотя и проникли далеко внутрь неприятельской территории, но были там почти уничтожены Таныпихаем, который захватил их обозы и бунчуки [4]). Выгнав из своих владений китайцев, Таныпихай той же осенью вторгся в Ляо-си [5]), после чего перебросился на крайний запад и в 178 году напал на Су-чжоу.

Это вторжение сяньбийцев в Хэ-си было последним при жизни Таныпихая. Он скончался в 181 году, а несколько лет спустя распалось и созданное им государство.

тили свою национальность. *Янъ Ши-гу,* писатель VIII века, говорит о фамилии Хоянь как сяньбийской (см. *Deverla в* Dutreuil de Rhins—„Miss, sclent, dans la H. As.", Ill, стр. 137).

x) Шунь-тянь-фу, Пекин.

[2]) Ныне—Тай-юань-фу.

[3]) *Иакинф*—„Записки о Монголии", III, стр. 53. Говорю предположительно, так как не могу указать времени, когда эти завоевания, если только они действительно имели место *(Иакинф* не сообщает источника своих сведений), были произведены.

[4]) *Иакинф*—„Собр. сведен, о нар., обит, в Ср. Азии в древн. вр.", I, стр. 170 и 174.

[5]) В настоящее время область Юн-пин-фу.

До 235 года, пока власть над значительной частью наследства Таныпихая удерживалась еще в слабых руках его преемников, последние, пользуясь смутным положением дел в Серединной империи [1]), предпринимали иногда набеги на ее северные пределы, но засим и в среде сяньбийцев, как во всей остальной Восточной Азии, настал период безначалия и волнений, направивших избыток народной энергии на внутреннюю борьбу за власть, вместе с чем прекратилась и запись о событиях в Монголии в китайских анналах. Имя сянь-би исчезло со страниц истории, пятьдесят же лет спустя, одновременно с объединением всего Китая под властью Сы-ма-яня, основателя Цзиньской династии, в восточной Монголии народилось сильное сяньбийское государство Муюнов (Мужун).

В смутную эпоху, последовавшую за 235 годом, один из сяньбийских родовичей Мохоба овладел округом Ляо-си и здесь поселился. Его внук Муюн Шегуй переместился далее на север, к реке Ляо-хэ. Он уже настолько усилился, что китайский двор вынужден был согласиться на принятие им титула шаньюй. Это обстоятельство не помешало ему, однако, овладеть Чан-ли, одним из китайских городов в Ляо-си[2]). Его сын Муюн Хой начал свою военную деятельность с почти ежегодных вторжений в Китай. Его купили, дав ему громкий титул сяньбийского главноначальствующего. В 285 г. [3]) Муюн Хой овладел царством Фу-юй. В 289 г. он перенес свою резиденцию из города Цзинь-чжоу-фу в Ги-чэн (Да Ги-чэн), лежавший к северо-западу от г. И-чжоу. Здесь *он был в 302 г. окружен сяньбийцами юй-вынь [4]), но без труда заставил их отступить.

[1]) Эпоха троецарствия (221—265 г.), характеризующаяся борьбой трех царств—Вэй, У и Хань, на которые распалась тогда Китайская империя.

[2]) Вероятно, Мохоба овладел лишь частью Ляо-си; далее говорится, что Муюн Хой разорял Ляо-си.

[3]) *Иакинф*, op. cit, II, стр. 18. Вероятно, однако, несколько позднее, так как в 285 г. он лишь принял в управление наследие отца; см. *Иакинф*, op. cit., I, стр. 176.

[4]) Это племя, которое китайцы, может быть, совершенно правильно относят к сяньбийской группе народов, населяло горную область к востоку от верхнего течения Ляо-хэ. Позднее они получили у китайцев название **хи.** Турки называли их татаби.

Юй-вынь претендовали на первенство среди восточных сяньбийцев, и это было уже не первое их выступление против муюнов, но в борьбе с последними они терпели неудачу за неудачей. Так было и в 319 г., когда Муюн Хань нанес им решительное поражение, так было и позднее, до полного их разгрома в 343 г., когда последний из их правителей должен) был бежать в Гао-ли (Ко-риб, Корею), а народ был расселен среди муюнов *). В 311 г. Муюн Хой покорил сяньбийские поколения су-хи и му-вань, кочевавшие к югу от Мукдена, в 313 г. нанес поражение владению Ду-ань [2]), у которого отнял древний город Ту-хэ [8]), в 319 г. вышел победителем из трудной борьбы с коалицией трех государств—Юй-вынь, Ду-ань и Гао-гюй-ли [4]), организованной и поддержанной китайцами, и после сего приобрел такое могущество, что китайский двор „поспешил" наградить его титулами: северного полководца, ляодунского князя и пинчжоуского [5]) губернатора; однако еще ранее он присвоил себе титул великого шаныой'я [6]), который в 318 году и вынуждены были признать за ним китайцы. Он скодчался в 333 году.

Среди его преемников возникли междоусобия, в которых приняли участие дуаньцы и ляодунцы. Благородный поступок Муюн Ханя, из любви к отечеству ограничившегося лишь отражением войск Муюн Хуана и не допустившего своих союзников дуаньцев развить их успех, предотвратил, однако, катастрофу.

[1]) *Иакинф*, op. cit, I, стр. 186; ниже, 1, 2, стр. 243, ошибочно сказано в 333 г.

[2]) Это владение образовалось под управлением сяньбийцев из различных этнических элементов в смутную эпоху троецарствия. Оно занимало территорию, входящую ныне в состав областей Сюань-хуа и Шуньтянь (Пекинской).

[3]) Он лежал к северо-западу от города Цзинь-чжоу-фу.

[4]) По корейски—Ко-гу-риб. Первоначально гаогюйли жили в долине верхнего Ялу-цзяна, но засим постепенно овладели Северной Кореей и восточной частью Ляо-дуна.

[5]) Пин-чжоу—ныне Юн-пин-фу.

[6]) Такой титул стал необходим в виду того, что многие из сяньбийских князей стали именоваться шаньюй*ями и утверждались в этом звании китайским правительством. Впрочем и князей, титуловавшихся великими шаньюй'ями, одновременно было несколько.

Возвратив в 336 г. отнятый у него Муюн Женем Ляо-дун, Муюн Хуан провозгласил себя ваном (царем), а династии дал имя Янь.

Предпринятый им вслед засим в союзе с царством Чжао *) поход против владения Ду-ань хотя и увенчался успехом, но послужил поводом к ссоре с Ши-Ху, государем Чжао, и к войне между прежними союзниками. В этой далеко не равной борьбе [2]) двух царств победили муюны, но блестящий исход борьбы с могущественным хуннским императором, законченной в 340 году, не удовлетворил честолюбивого Муюн Хуана, .и в 342 г. он предпринял свой победоносный поход на Северную Корею (Гао-гюй-ли), который и закончился полным разгромом и покорением этого царства. В 344 г. им было уничтожено владение Юй-вынь -- последний член той коалиции государств, которая поставила себе задачей уничтожить муюнов. В 348 г. он скончался.

Его преемник Муюн Цзюнь овладел царством Чжао, казнил узурпатора Ши Минь и в 352 году принял титул императора.

История этой империи представляет почти непрерывный перечень интриг и убийств в среде императорской фамилии, и, как следствие, быструю смену правителей, что, конечно, не могло не отразиться на прочности и долговечности государства: в 370 г. оно было завоевано циньским государем Фу Цзянем П, в 384 г. восстановлено, в 398 г. распалось на два царства— Северное и Южное Янь, а в 410 г. оба эти царства были уничтожены, все же представители императорской фамилии Муюн, а также лица, имевшие с ними родственные или служебные связи, в общем около 13.000 человек, казнены.

Та легкость, с какой в Восточной Азии в описываемую эпоху создавались и рушились обширнейшие монархии, всего очевиднее доказывается историей возникновения и падения Циньской империи.

Ее основателем был диский (динлинский) князь Фу Хун из окрестностей города Лё - яна. В 347 году он встал во главе

[1]) Об этом царстве, основанном хуннским полководцем Ши Лэ, провозгласившим себя ваном, а в 330 г. императором, см. выше стр. 140.

[2]) Если верить китайской летописи, Ши Ху двинул против муюнов полумиллионную армию и флот из 10.000 судов.

всякого сброда, которого было не мало в то безначальное время повсеместно в Китае, и, располагая силами около ста тысяч человек, сумел так повлиять на чжаоское правительство, что император поспешил признать его главнокомандующим в Гуан-чжуне (Си-ань-фу). В 350 г. он разбил войска имперского министра Яо И-чжуна, такого же, как сам, авантюриста, и принял титул шаньюй'я, но затем был убит одним из своих полководцев. В том же году его сын Фу Цзянь отнял столицу империи Чан-ань (Си-ань-фу) у захватившего ее незадолго перед тем авантюриста Ду-хун и, воспользовавшись беспорядками, вызванными в государстве полководцем Ши Минь *), об'явил себя императором царства Цинь.

В 357 г. на престол вступил Фу Цзянь И. Покончив в 367 г. со смутами в своем государстве, он в 370 г. одним мощным ударом овладел империей Муюнов, после чего до 40.000 сяньбийских семейств было выселено в долину Вэй-хэ; затем в 373 г. он покорил Шу (Сы-чуань) и в 376 г. княжество Лян [2]) и царство Дай [3]). Объединив таким образом под своею властью огромную территорию от Кореи до окраин Тибета и Куку-нора [4]), он решился наконец и на борьбу с Южным Китаем. Туда он направил огромные силы. Едва, однако, он вступил на территорию Цзиньской империи, как в тылу у него возникли серьезные беспорядки, приведшие к восстановлению монархии муюнов и отторжению провинции Бэй-ди, где Яо Чан, сын упоминавшегося выше авантюриста Яо И-чжуна, провозгласил себя Ъаном, дав своей династии на-

*) См. выше стр. 140.

[2]) У китайских историков более известное под именем Цянь Лян. Оно создано было в 313 г. китайцем Чжан-гуй на землях, входящих ныне в состав областей Лян-чжоу-фу и Си-нин-фу (см. *Franke*—„Eine chinesische Tempelinschrift aus Idikutschahri bei Turfan", стр. 9; *Deveria*—„Stele Si-hia de Leang-tcheou", 1898, стр. 9).

[3]) Царство сяньбийцев-тоба; о нем ниже.

[4]) У *Иакинфа* („История Тибета и Хухунора", I, стр. 119) читаем даже, что он владел южной Монголией, областью Куку-нора и Восточным Туркестаном, но подтверждения сему я не нахожу в исторической литературе, посвященной этому периоду. Впрочем, у того же автора имеется указание, что в 381 г. к Фу Цзяню на поклон явились послы 62 иностранных владений; среди них должны были находиться и послы князей Восточного Туркестана.

именование Младшей Цинь. Фу Цзянь II поспешил вернуться обратно, но в первом же столкновении с муюнами был разбит, бежал, в горах Ву-цзян схвачен Яо Чаном и тут же казнен. Это событие отнесено китайской летописью к 385 году, а десять лет спустя рушилась и обширная Циньская империя, просуществовавшая едва 44 года и раздробившаяся на*части, о которых придется сказать несколько слов ниже.

Пока эта трагедия разыгрывалась в пределах Северного Китая, в южной Монголии назревали события, которые в дальнейшем своем течении обняли и те территории, которые входят в состав Западной Монголии.

Полагают, что сяньбийцы тоба выселились на север, в бассейн Онона [1]), за несколько десятков лет до Р. Хр. Оставаясь в зависимости от хуннов, они не могли, конечно, играть политической роли, но в конце I столетия по Р. Хр. причина их вынужденной пассивности перестала существовать, и они исподволь подчинили себе окрестные земли, образовав под главенством единой ханской власти союз 39 уделов. В III веке началось их движение к югу. Они заняли земли севернее Долон-нора с центром у оз. Дал аи-нор, т. е. земли, входящие ныне в состав монгольских княжеств Абага и Абаганар [2]), засим, раздвигая пределы своих кочевий, к 261 году распро-

*) „Мэн-гу-ю-му-цзи", прим., стр. 360; *Иакинф*—„Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Аз. в древн. вр.[a], I, стр. 188. Подтверждением сему служит следующее место „Вэй-шу[a]: в 443 г. ко двору Тоба Дао прибыло посольство из страны У-ло-ху. Послы сообщили императору, что к северо-западу от их родины сохранилась гробница его предков, представляющая каменное сооружение, имеющее 70 фут. высоты, 70 шагов от сев. к югу и 40 шагов от востока к западу *(Hirth*—„Die Kaiser-Graber in Centralasien" в „Verhandl. d. Bed. anthropol. Gesellsch.% 1890, стр. 52—55; „Мэн-гу-ю-му-цзи", прим., стр. 361). *Hirth* полагает, что владение У-ло-ху находилось в долине Кэрулюн. Приводимые в „Мэн-гу-ю-му-цзи" расстояния не оправдывают этой гипотезы, но едва-ли и.м следует придавать решающее значение.

[2]) В „И-тун-чжи" *(Иакинф,* loc. cit.) говорится, что земли княжества Абага и Абаганар были под властью сяньбийцев тоба при династии Цзинь. Что, однако, эти земли были заняты ими несколько ранее, доказывается тем обстоятельством, что они, согласно „Ган-му", уже в 261 г., т. е. за четыре года до возникновения Цзиньской империи, проникли в Чэн-ло (Гуй-хуа-чзн), которым и овладели.

странились на юг до Юй-чжоу и Сюань-хуа-фу и на запад до Ордоса.

В 295 г. хан Ито перешел на северную окраину Гобийской пустыни и, пройдя далеко на запад, покорил более тридцати владений. Что это были за владения и где они находились—нам неизвестно, но судя по тому, что пишет Ab. Remus at[1]), можно думать, что здесь идет речь о тех же государствах, которые были некогда завоеваны Таныни-хаем [2]) и засим, по распадении Сяньбийской державы, отложились.

Тоба Илу, избранный в 307 году ханом, продавая свои услуги Цзиньской империи в ее борьбе с царством Хань, добился от нее значительных территориальных у ступок* и титулов: сначала великого шаньюй'я и князя Дай, а затем в 315 г. и царского; но последним ему не суждено было долго пользоваться, так как в том же году он был убит своим сыном.

Это убийство вызвало междоусобия, закончившиеся с восшествием на престол Юй-люй'я, который „на западе завоевал древние усуньские земли [3]), на востоке покорил все, лежавшее

) „Remarques sur I'extension de Tempire Chinois du cote de I'Occident в „Memoires sur plusieurs questions relatives a la geographic de 1'Asie Centrale", стр. 107, где говорится: „Les princes de cette dynastie (Wei, Topa), originaires de la Siberie, avoient conserve des relations avec toutes les tribus qui habitaient au-dela du lac Baikal jusqu'a ГОЫ et jusqu'aux contrees voisines de la mer Glacial".

[2]) См. выше стр. 161.

[3]) Выражение „древние усуньские земли" является неопределенным указанием на ту территорию, которая присоединена была Юй-люй'ем к Тобаским владениям. Что, делая такое указание, китайцы не имели в виду долины р. Или, как то полагает *о. Иакинф* („Записки о Монголии", III, стр. 73), это—очевидно, так так Илийский бассейн был последней из занимавшихся усунями территорий. Что ими не могли быть также и земли в бассейне Булунгира, явствует из того, что в восточном Приньшанье в это время существовало уже княжество Лян (см. выше стр. 166), которое должно было служить Юй-люй'ю помехой для овладения названным бассейном. Таким образом остается предположить, что под „древними усуньскими землями" китайцы разумели территорию в области Хангайских гор (см. выше стр. 99). Но тогда должен представиться еще более темным вопрос о тридцати владениях, покоренных в 295 году ханом Ито, лежавших на северной окраине Гобийской пустыни и к западу от Онона, ибо едва-ли тоба могли пускаться на завоевание южной Сибири, не обеспечив себе обладания бассейном Селенги.

от Уги *) на запад* *). В 321 г. и этот хан был убит, после чего в государстве Тоба наступил смутный период, ознаменовавшийся частой сменой ханской власти и попытками претендентов укрепиться на тобаском престоле при содействии соседних владетелей—сяньбийцев (Янь и Юй-вынь) и хуннов (Чжао).

!) Владение У-ги (У-цзи) находилось в Маньчжурии к северу от Гао-гюй-ли („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 361; *Schott*—„Aelteste Nachrichten von Mongolen und Tataren", стр. 7). У-цзи—потомки су-шэней. О су-шэнь упоминается уже в так называемой бамбуковой летописи („Чжу шу-цзи~нянь"), где они под именем си-шэнь или цзи-шэнь названы в числе тех инородцев, которые в 2225 г. до Р. Хр. из'явили покорность императору Шунь. Следующую, более достоверную, дату приводит „Тун-цзянь Ган-му", где говорится, что послы названного племени явились с данью ко двору У-вана в 1103 году до Р. Хр.; наконец, в „Хэу Хань-шу" встречается указание, что су-шэнь'ские послы приходили и ко двору Кан-вана. В „Хэу Хань-шу", в "Цзинь-шу" и в „Минь-чжоу-юань-лю-као" говорится, что они жили к северу от Бу-сянь-шань (ныне—Чан-бо-шань) и к востоку от племени мань-го; в Ханьскую же эпоху, как это видно из китайского исторического атласа „Я-си-я-ли-ши-ди-ту", они занимали долину среднего и нижнего течения р. Сунгари. Позднее, в эпоху Хэу Хань их имя исчезает, изменяясь в и-лоу, и еще позднее, при северной Взйской династии, в у-цзи. При Сунской династии наименование у-цзи удерживает только одно из племен бывшей су-шэнь'ской племенной группы, вся же масса последней получает собирательное имя мо-хэ. Впрочем „Тун-чжи" сближает у-цзи и мо-хэ фонетически, причем указывает, что мо-хэ есть испорченное слово от звукового комплекса у-цзи. Всего долее наименование мо-хэ удержалась у населения Амурской долины ниже устья Сунгари, где оно было известно под именем хзй-шуй мо-хэ, т. е. мо-хз Черной реки. Бо-хай, получившие в VII столетии первенство в Маньчжурии, происходили, по словам *Ма-дуанъ-линл,* из отдела, мо-хз, известного под именем сун-мо или су-мо мо-хэ *(Гребенщиков*—„Маньчжуры, их язык и письменность" в „Изв. Восточн. Института", 1912, XLV, вып. I; *Горский*—„Начало и первые дела Маньчжурского дома" в „Трудах членов Росс, духовной миссии в Пекине", I; *Иакинф*—„Собр. свед. о народ., обит, в Средн. Аз. в древн. врем." И; /. *Dyer Ball*—-Things Chinese or notes connected with China"; *Parker*—„A thousand years or the Tartars", 1895; *Wylie*—„Chinese researches", 1897, IV, стр. 241; *C. de Harle*^— „Histoire de 1'Empire de Kin", стр. 1—3; архим. *Палладий*—„Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию", 1870). Имя у-цзи удержалось в Маньчжурии до конца XVI столетия *(Рудаков*—„Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции", I, стр. 7; *Гребенщикову* op. cit., стр. 12).

[2]) *Иакинф*— „*Собр.* свед. о народ., обит, в Ср. Аз. в древн. вр.", I, стр. 193.

Ёднодержавие удалое^ восстановить только Тоба Шийгяж*^ возведенному на престол тобаскими старшинами в 388 году.

„Вэй-шу", наделяя этого государя качествами хорошего правителя и полководца, говорит, что ему удалось не только сохранить „наследие предков", но и раздвинуть пределы государства „с востока от Сумо *) на запад до Полона [2]), с юга от Инь-шаня на север до песчаной степи* [3]). Эти границы, однако, не точны, так как уже в 340 году Шиигянь перенес свою резиденцию в Дай, т. е. далеко на юг от Иныпаньских гор; с другой же стороны нельзя было говорить и о сохранении „наследия предков", когда все завоевания тобаских ханов к северу от Гобийской пустыни оказались утраченными.

В 376 году он был убит одним из своих сыновей, что вызвало смуту в ханской семье и способствовало быстрому занятию столицы войсками Циньской империи. Фу Цзянь II, овладев царством Дай, разделил его на две части: восточную, от Желтой реки на восток, он оставил за пшигяневым внуком Тоба Гуем, поручив ее управление до совершеннолетия последнего князю Лю Кужиню, над западной же поставил ордосского князя Лю Вэй-чэня [4]), главного виновника тех событий, которые довели царство Дай до столкновения с могущественной Циньской империей.

Тоба Гуй принял в свои руки управление государством в 386 году, т. е. в момент распадения Циньской монархии. Но этот момент не мог быть им в полной мере использован, так как за ^истекший десятилетний период царство Дай не только успело переменить сюзерена, но и внутри его определились тенденции сепаратизма, которые необходимо было прежде всего подавить.

Первой жертвой предприимчивости Тоба Гуя был Лю Сянь, сын Лю Кужяня, успевший приобрести большое значение

*) Река Сунгари.

[2]) Владение, находившееся в восточной части Ферганы.

Столь далекое распространение на запад владений Шиигяня возбуждает, однако, большие сомнения; во всяком случае известие это не подтверждается другими китайскими историческими сочинениями, трактующими о том же предмете.

[3]) *Иакинф*, op. cit., I, стр. 194.

[4]) См. выше стр. 140.

и силу в южной Монголии. Тоба Гуй сумел привлечь на свою сторону Муюн Чуя, и соединенные их войска очень быстро покончили с этим владетелем. Следующим противником, с которым Тоба Гуй также скоро расправился, был Выньгэди, князь жеужаньский [1]). Жеужани были с давних пор данниками тоба, с разделением же царства Дай на две половины, их кочевья отошли к Лю Вэй-чэню. Тоба Гуй напал на Выньгэди, когда же жеужани бежали на север, догнал их и, вернув обратно, силой принудил их поселиться к востоку от Желтой реки. Лю Вэй-чэнь выслал войска на защиту жеужапей, но в первом же столкновении с тоба они были разбиты, после чего Тоба Гуй вторгся в Ордос и быстро овладел всем этим краем. Бежавший Лю Вэй-чэнь был убит своими же спутниками, а его наследник и с ним до 5.000 родовичей были казнены по приказанию Тоба Гуя.

Видя такие успехи своего вассала, Муюн Чуй решил остановить их силой оружия; но значительная армия, посланная им в 395 г. в Ордос, была почти уничтожена Тоба Гуем, так как даже пленные, всего в количестве до 50.000 человек, были преданы смерти. Начатая столь бесчеловечным актом [2]) война между муюнами и тоба продолжалась два года и закончилась в исходе 397>г. в пользу последних завоеванием ими всей той территории, которая принадлежала муюнам к югу от Великой стены. Не дожидаясь, однако, исхода ее, Тоба Гуй счел своевременным подчеркнуть свою независимость принятием императорского титула. Своей династии он дал имя Вэй, в 496 г. измененное в Юань-вэй.

[1]) *Об* этой народности см. ниже. *Васильев* („Приведение монголов в покорность при начале Дайцинской династии", прил. к III т. книги Потанина—„Очерки сев.-зап, Монголии", стр. 306) полагает, что жеу-жань можно читать и ю-жань.

[2]) Мне приходилось отмечать, что сяньбийцы отличались особой жестокостью. Эта черта их национального характера проходит красной нитью по всей их истории, где случаи, одновременных казней тысяч людей и убийств ближайших родственников, не исключая отца (так погиб, как мы ниже увидим, и император Тоба Гуй), составляют обычное явление. Вместе с тем, однако, не было в Средней Азии народа, среди которого история отметила-бы столько примеров доблести, самоотвержения и незлобивости, как у сяньбийцев. Очевидно, темперамент этого народа совмещал крайности.

В 399 году он нанес решительное поражение гаогюйцам, населявшим степи к северо-западу от современного Гуй-хуачэна, и, забрав большое число пленных, перевел их на северные склоны хребта Инь-шань, к северу от города Дай *).

В 401 г. он вступил в борьбу с царством Цинь [2]), принявшим сторону бунтовавших жеужаней, но должен был вскоре ликвидировать эту войну, удовольствовавшись самыми ничтожными ее результатами, в виду тех серьезных последствий для государства, к каким грозил привести бунт жеужаней.

Средп этих последних выделился князь Шелунь, которого китайская летопись аттестует находчивым, злым и лукавым [3]); но несомненно, что он был также смел, решителен и талантлив. Потерпев неудачу в своих первых столкновениях с императорскими войсками, он сумел, однако, поднять и увлечь за собой на север и запад весь жеужаньский народ, силами которого и завоевал северную Монголию от Чао-сяни [4]) до Яньци (Карашара) [5]). Покорив на своем победоносном пути

[1]) Согласно *Иакинфу* („Зап. о МонгД III, стр. 79), в том же году Тоба Гуй завоевал Тарбагатай. Если даже он и действительно посылал войска так далеко на запад, то это завоевание не было прочным, ибо уже в 402 г. Джунгария ему больше не принадлежала.

[2]) См. выше стр. 166—167.

Это царство (на некоторое время даже империя), возникшее в 385 г. на землях, входящих ныне в состав Шэньсийской провинции и юго-восточной Гань-су, было уничтожено Цзиньской империей в 417 г. Его основатель Яо Чан был потомок Шаоданов, т. е. цян по происхождению.

[3]) *Иакинф*—„Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Аз. в древн. вр,% 1,2, .стр. 208.

•) По корейски—Цзо-сибн — государство, владевшее территориями северной Кореи и юго-восточной Маньчжурии.

[5]) *Иакинф*, op. cit, 1, 2, стр. 209; *Parker*, op. cit, стр. 161; *Chavannes*—„Documents sur les Tou-kiue Occidentaux", стр. 221.

Указание „Бэй-шы" на Карашар, как на предел завоеваний Шелуня на западе, кажется мне странным. Хотя южное Притянынанье и находилось в это время в зависимости от гаогюйцев, но Шелунь, вторгаясь в их владения во главе конных полчищ, не мог, конечно, избрать для этого путь вдоль лишенных растительности южных склонов Тянь-шаня; он несомненно шел южной Джунгарией, причем так как китайская летопись на этот раз ничего не говорит об его столкновении с усунями, то я из этого заключаю, что на запад он овладел территорией Джунгарии до границ усуньскнх владений, т. е. до р. Куйтун. Если в дальнейшем границы жеужаньских владений и были продвинуты на запад, то лишь за счет

гаогюйские поколения, „он сделался столь сильным и страшным" *), что заставил даже Тоба Гуя, этого дальновидного правителя и смелого полководца помириться с потерей огромной территории к северу от Гобийской пустыни.

Таким образом почти внезапно возникло мощное жеужаньское государство, опиравшееся, главным образом, на силы гаогюйцев, многочисленные, но разрозненные поколения коих

усуньских земель; ошибочно поэтому *Gaubil* („Memoires concernant 1'histoire etc., des Chinois, par les missionnaires de Pekin", XV, 1791, стр. 418, 419) пишет: „Us se fesaient payer tribut par les princes du nord des Indes, par ceux du pays Balk et par ceux qui regnaient dans la Transoxane. Us occupaient tous les pays entre les fleuves Selinga, Orgoun, Irtis, Oby et les vastes pays au nord du fleuve Si-hian (Tche, см. стр. 403), jusqu'au nord de la mer Caspienne. C'est sans doute la puissance de Jeou - gen qui obligea les Alains et beaucoup de hordes des Huns & passer les fleuves Jaick et Volga pour aller s'etablir ailleurs". *Gauhil,* очевидно приписал жеужаням завоевания, совершенные другим народом—эфталитами. Впрочем в .Вэй-шу" *(Specht*— „Etudes sur 1'Asie Centrale d'apres les historiens chinois" в ,Journ. Asiat.*, 8-eme serie, 1883, II, стр. 328) говорится: „Юэчжи, владения коих на севере соприкасались с владениями жеужаней, терпя от набегов последних, вынуждены были удалиться в Боло"—местность, как думает *Specht,* лежавшую на запад от Бамиана (ср. /. *Marquart*—„Ueber das Volkstum der Komanen" в „Abhandlungen d. kon. Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen", philol.-hist. Klasse, n. Folge, 1914, XIII, I, стр. 70, где читаем: ...„nach der Stadt Balchan (gr. ^aXaxjx) am Busen von Krasnowodsk verdrangt worden waren"). Затем далее (ibid., стр. 348) *Specht* резюмирует китайские известия так: „В начале V века жеужани изгнали Ци-до-ло, царя кушанов, на запад и вынудили его перейти на южную сторону большого горного хребта, где ему покорилось пять княжеств, лежавших к северу от Кандахара". В „Бэй-шы* *(Иакинф,* op. cit, III, стр. 172) те же факты излагаются, однако, иначе: во 1) говорится, что набеги жеужаней вызвали лишь перенесение столицы государства в Боло, а не передвижение туда всего народа кушанского; во 2) что они не имели последствием бегство Ци-до-ло на запад, и 3) что поход последнего в северную Индию не находился в какой либо связи с враждебными выступлениями жеужаней. Весь ход исторических событий указывает, однако, на то, что и перенесение кушанской столицы в Боло не могло быть вызвано набегами жеужаней на Тохарестан, так как так далеко на юг эти последние не проникали. Самое бблыиее, что можно в этом направлении допустить, это набег их грабительских шаек на Фергану после того, как усуни были уже вытеснены из центрального Тянь-шаня за Алайский хребет. Такие набеги совершали они и на оазисы Восточного Туркестана.

*) *Иакинф,* op. cit., l_f -2, стр. 208.

разбросанжо кочевали на огромном пространстве между Джунгарским Ала-тау, Хангайской горной страной и Инь-шанем.

Что же это были аа племена—эти жеужани и гаогюйцы, столь неожиданно выступившие на историческую сцену в первых ролях? О гаогюйцах мне приходилось уже упоминать выше *); их значение в истории Средней Азии будет выясняться постепенно при изложении последующих событий, подробно же я остановлюсь на них в тот момент, когда к ним перейдет активная роль; что касается жеужаней. то наши сведения о них сводятся к следующему.

В „Ган-му" под 521 г. говорится, что родиной жеужаней была „великая песчаная степь"—Да-цзи [2]). В этом указании нельзя видеть противоречия с тем местом „Бэй-шы[a], где говорится, что жеужани платили дань тобаским ханам куницами и соболями, так как в той же „Бэй-шы" далее говорится, что сюда, в Гобийскую степь, жеужани перекочевывали лишь на зиму, лето же проводили на северной ее стороне, т. е. очевидно в Хангайских горах.

Основателем жеужаньского княжества китайская летопись считает некоего Мугулюя, по прямой линии от которого в шестом колене и происходил тот князь Выньгэди, о котором говорилось выше. Из этого следует, что в Да-цзи жеужани поселились лишь в III веке по Р. Хр., в то время, когда и тоба двинулись к югу от бассейна Онона. Впрочем на этот счет имеется прямое указание китайской летописи, поясняющей, что Мугулюй был современником хана ГЧ;фыня.

О Мугулюе говорится, что волосы у него были наравне с бровями. Этот гориллоподобный морфологический признак, являясь индивидуальной, а не расовой особенностью, не может иметь значения при решении вопроса о принадлежности жеужаньского народа к той или иной этнической группе. Не разрешается этот вопрос и данными китайской истории, так как „Вэй-шу" видит в нем ветвь дун-ху [3]), „Сун-ту". „Лян-шу"

') Стр. 18, 69.

[2]) *Иакинф,* op. cit., Ill, геогр, указ., стр. 14; *idem*—„Записки о Монголии", III, стр. 101.

[3]) Анахуань, хан жеужаньский, также считал, что род императоров Юань-взй одного происхождения с его родом *(Иакинф*—«Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Аз. в древн. вр.% 1, *2,* стр. 226).

й „Нань-шы" *) считают его племенем, родственным хуннам, и, наконец, „Бэй-шы" (?) приписывает Мугулюю^ гаогюйское происхождение [2]). Может быть доля правды содержится в каждом из этих источников, так как „жеужань" не племеяное прозвание, а наименование того княжества, которое удалось образовать Челуху, сыну Мугулюя, из всякого сброда [3]).

Последующие 180 лет вассальной зависимости могли усилить его лишь за счет естественного прироста населения, но и к 390 г. оно все еще оставалось ничтожным владением, распадаясь на два удела, с которыми легко справлялись даже небольшие отряды войск, посылавшиеся Тоба Гуем.

Это следует иметь в особенности в виду при дальнейшем ознакомлении с судьбой Жеужаньской державы, ибо вся ее мощь построена была на умелой эксплоатации сил многочисленных гаогюйских поколений, не доросших еще в то время до сознания племенного своего единства.

Жеужаньское государство существовало в течение 150 лет, но уже в 506 году император Сюань-ву (Тоба-Ко) приказал ответить жеужаньскому послу следующее: „Шелунь был отложившийся подданный дома Вэй. В то время, в виду особо трудных обстоятельств, допущено было сношение посольствами. Ныне, однако, жеужаньский дом находится накануне утраты всех своих владений. В виду сего, если Тохань желает соблюсти долг пограничного вассала, то должен доказать искренность своего подданства более осязательным образом, чем присылкой послов с предложением мира". Таким языком китайский двор [4])

[1]) *K. Shiratori*—„Ueber die Sprache der Hiungnu und . der Tunghu-Stamme", стр. 18, 19.

[2]) *Иакинф—„Зап.* о Монг.% III, стр. 101.

[3]) Всего поэтому правильнее видеть в жеужанях конгломерат осколков различных народностей, первых „казаков", союз под главенством хана всяких беглых элементов, какие и в последующие эпохи не раз слагала в Средней Азии государства.

[4]) Употребляю это выражение, так как к этому времени тобаские императоры успели вполне окитаиться. Уже Тоба Хун, окружив себя китайцами и переняв все обычаи китайского двора, издал указ, воспрещавший ношение хорского (т» е. сяньбийского) одеяния и употребление при дворе хорского языка, его же преемники, мечтавшие овладеть всем Китаем, были еще ббльшими гонителями всего родного, дабы заставить китайцев позабыть их иностранное происхождение.

мог говорить только с представителем государства, материаль*-ные силы которого были ничтожны. Трудно указать момент, когда Жеужаньское государство достигло апогея своей мощи: преемники Шелуня увеличили несколько захваченную им территорию, но с другой стороны терпели такие поражения, что только отсутствию у них серьезных противников можно приписать то обстоятельство, что им удалось сохранить обладание северной Монголией в течение сравнительно долгого периода времени. Характерно в этом отношении то место указа императора Сюань-ву, где говорится, что он единственно потому „не простирает еще своих видов на север, что страна Гянь-нань, т. е. южный Китай, остается не покоренной". Именно честолюбивая мысль-^-об'единить под своей властью весь Китай, ставшая заветом императоров Юань-вэйской династии, спасала Жеужаньское государство от их решительного удара.

Еще Klaproth высказывал предположение, что жеужани [1])—авары, оттесненные в Европу турками [2]). Klaproth упустил, однако, из виду свидетельство византийского историка Феофилакта Симоката, указывавшего на то, что авары, вторгшиеся в 558 году в Европу [8]), не имели

[1]) *De Groot*—„Die Hunnen der vorchristlichen Zeit", I, стр. 181, название этого народа пишет Dsu-dsu (Dsut-dsut, Dsurdsut). *Marquart*—„Ober das Volkstum der Komanen", стр. 88, 89, 96, пишет, что в „Сун-шу" тот же народ именуется да-дань или дань-дань — название, которое, может быть, следовало-бы поставить в связь с позднейшим да-да.

[2]) „Tableaux historiques de 1'Asie", стр. 116. До *Клапрота* ту же мысль, хотя и не особенно решительно, высказали *Deguignes* и, как это пишет *Parker* (см. *Koloman Ntmati*—„Die historisch-geographischen Beweise der Hiung-nu=Hun Identitat", стр. 28), *Gibbon*. Сам *Паркер* относится, однако, вполне отрицательно к этой гипотезе.

[3]) Что эти авары вышли из Западной Монголии, явствует из факта существования и до настоящего времени в бассейне р. Тельгир - морина хошуна, носящего название Уар-гуни *(Потанин*—„Очерки сев.-зап. Монголии", II, стр. 23), т. е. то именно название, которое давали себе и некоторые отделы аваров, производившие его от имен двух своих ханов—Уара и Хуни *(Saint- Martin,* прибавл. к IX т. Lebeau—„Histoire du Bas-Empire*, стр. 361 и 373). *Аристов*—„Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей", etc., в „Жив. Стар.", 1896, вып. III и IV, стр. 310, высказывает довольно обоснованное предположение,* что авары, бежавшие в Европу, были частью тургешского племени. См. т. III, гл. V, настоящего сочинения.

ничего общего с теми аварами, царство коих было уничтожено турками и остатки которых бежали под защиту китайцев *) и народа мукри [2]). Этих-то последних аваров Saint-Martin[3]), Marquart[4]), Chavannes[6]) и Franke[6]) и отождествляют с жеужанями, что, нисколько не подвигая нас вперед в раа'яснении вопроса об этнических особенностях этого народа, создает, однако, странную теорию о существовании двух различных народов, носивших одно и то-же название. Не менее странно также и то обстоятельство, что об имени народа, сложившегося в политический организм на границе Китая и там же лишившегося своего политического бытия, мы узнаем от византийца и притом историка, далеко не всегда находившегося на высоте понимания излагавшихся им событий и известного равнодушием к истине [7]).

*) „Таугаст", правильнее—„Таугач", „Табгач". Под этим именем у турок и у византийских историков *(Феофилакта Симоката)* известны были китайцы. См. *Klaproth*—„Noms de la Chine", стр. 213 (цит. по *Richthofen*— „China", I, стр. 551); *Yule*—„Cathay and the Way Thither", I, стр. LII, LIII; *Chavannes,* op. cit, стр. 230; *Radloff*—„Die altturkischen Inschriften der Mongolei", HI, 1895, стр. 428; *Thomsen*—„Inscriptions de I'Orkhon" в „Memoires de la Societe Finno-Ougrienne", 1896, V, стр. 139; *Marquart*— „Eranschahr nach der Geographic des Pseudo-Moses-Xorenac'i" в „Abhandl. d. kon. Gesell. d. Wiss. zu Gottingen", phil-hist. Cl., n. Folge, 1901, III, стр. 317; *Hirth*— „Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk", стр. 35. *Pellwt* („L'origine du nom de г Chine"" в „T'oung Pao", VIII, стр. 731 — 732] связывает это наименование с народным названием „тоба", в древнекитайском произношении—„ так-бат".

[2]) Этот народ отождествляется *Шаванном* (ibid.) с му-ги, впоследствии мо-хо, *Marquart'oM* („Eranschahr", etc., стр. 54) с меркитами.

[3]) Прибавл. к IX т. Lebeau—„Histoire du Bas Empire", стр. 361.

[4]) „Eranschahr", etc., стр. 53, 54.

[5]) Op. cit., стр. 230, 246—247.

[6]) „Eine chinesische Tempelinschrift aus Idikutschahri bei Turfan", стр. 15.

[7]) Равным образом попытка *Шаванна,* op. cit, стр. 232, сопоставить народное имя Кермихион, как составное из „керм" (иранское—червь) и „хианас" (Hyanas) — этнического названия, встречаемого в Авесте, с именем „жуань-жуань" кажется мне неудачной хотя-бы уже потому, что последнее наименование, повидимому, не народное имя и даже не наименование государства,, а кличка, по созвучию данная жеужаням императором Тоба Дао, который хотел ею сказать, что в качестве соседей жеужани столь же неприятны и беспокойны, как насекомые жуань-жуань.

С отвлечением интересов Юань-вэйской монархии к югу и захватом жеужанями власти в Халхе и восточной Джунгарии, история этих последних приобретает для нас первенствующее значение. Однако, для понимания той политической обстановки, среди которой жила Средняя Азия в период, предшествовавший появлению турок в роли ее завоевателей, необходимо вернуться к сяньбийцам и их деятельности в качестве восстановителей единодержавия в северной половине Китая.

В 409 г. император Тоба Гуй был убит одним из своих сыновей. На престол вступил Тоба Ци, который, казнив^ преступника, сумел быстро подавить те волнения, которые готовы были охватить молодую империю. Будучи миролюбивым по натуре, он вынужден был, однако, вести внешние войны с южным Китаем и жеужанями. Первая окончилась присоединением провинции Хэ-нань, вторая—бегством жеужаньского кагана *) Датаня, покушавшегося было на империю, на северную окраину Гобийской пустыни. Тоба Ци скончался в 424 г., еще при жизни передав управление государством сыну своему Тоба Дао.

Подобно своему деду Тоба Гую, император Тоба Дао был не только хорошим и просвещенным правителем государства, но и талантливым и отважным полководцем, ведшим свои войска от победы к победе. Окруженный враждебными государствами, неоднократно действовавшими в союзе между собою, он громил их армии на юге, западе и далеком севере, но, придав таким образом особый блеск своему царствованию, он в своей семейной жизни оказался очень несчастным; в 451 г. он был даже вынужден, поборов в себе отцовские чувства,

Впрочем, слово „насекомое" играет, может быть, здесь роль, как и в происхождении слова „башкир" (у *Рашид эд-Дина*, *Идриси* и нек. др. писателей—башкурт; см. *Березин*—„Нашествие Батыя на Россию" в „Журн. Мин. Народн. Проев.", 1855, V, отд. отт., стр. 7)—наименования народа, пришлого, вероятно, с востока. *Рашид* упоминает о племени куркут, жившем в Монголии, и Березин, ibid., полагает, что баш-курты, где „курт" может означать насекомое, составляли лишь главный отдел этого племени. У киргизов и до сего времени сохранился род кызым-курт.

*) Этот титул впервые появляется у жеужаней. *Parker,* op. cit, стр. 139, считает его более древним, но едва-ли правильно. Ср. *Marquart,* op. cit., стр. 53,

казнить своего старшего сына и наследника. И бамая его смерть была неестественной: в 452 г. он был убит сторонником казненного сына, евнухом Цзун-ай.

Из веденных им войн наибольшего нашего внимания заслуживают его войны с жеужанями.

Какой же территорией владели жеужани?

Шелунь после разгрома гаогюйских кочевий поселился, говорит китайская летопись [1]), в долине Жао-ло-шуй (Жо-ло) [2]), т. е. на восточном склоне Хинганских. гор, где его земли должны были примыкать к территории царства Янь. Но как далеко отсюда простирались они на запад и юг, и где проходила граница между его владениями и владениями Юань-вэйской империи, нам неизвестно. Можно лишь предполагать, что она совпадала с северным водоразделом р. Луань-хэ и затем вдоль гребня Большого Хингана выходила на северную окраину Гобийской пустыни, огибая таким образом ту часть степного пространства с озером Далай-нор в центре, которая была занята сяньбийцами-тоба еще в начале II[века[3]).

Северная граница Шелуньских владений ещё менее нам известна, чем восточная. На северо-западе она должна была соприкасаться с владением Юебань [4]), что явствует из следующего места „Бэй-шы": „Юебанский владетель находился в дружеских сношениях с Датанем. Желая навестить его, он в сопровождении конвоя из нескольких тысяч человек вступил в его земли, но затем, убедившись в варварстве жеужаней, возвратился обратно" [6]). Этот поступок, показавшийся оскорбительным Датаню, дал повод к войне между обоими государствами, закончившейся, вероятно, не в пользу жеужаней, так как далее в той же „Бэй-шы" говорится, что юебаньский владетель вступил в 429 г. в соглашение с Табо Дао об одновременном нападении на жеужаней с востока и запада,

*) *Иакинф*—„Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Аз. в древн. вр.% 1, 2, стр. 208.

[2]) Ныне Ин-цзинь-хэ.

[3]) Такая близость коренных тобаских земель была вероятной причиной последующего переноса ханской ставки к южному подножию Хангайских гор.

[4]) См. выше стр. 133 и след.

[5]) *Иакинф,* op. cit., Ill, стр. 163—164.

что и было, как мы ниже увидим, осуществлено. К этому летопись добавляет, что обмен посольствами между союзниками после сего не прекращался — свидетельство очень важное, в полное мере опровергающее указание „Мэн-гу-ю-му-цзи" *) на поглощение Юебаньского владения жеужанями.

В „Бэй-шы" мы встречаем еще одно указание на северный участок границы Жеужаньского ханства. Именно, в ней говорится, что к северо-западу от этого последнего находилось сильное и богатое владение потомков хуннов, уничтоженное Шелунем после упорных и кровопролитных боев.

Где находилось это владение?

К северо-западу от Шелуньских владений, как мы уже видели, лежала Юебань; далее же к востоку шли земли турок. Таким образом, руководствуясь указанием китайской летописи, мы не найдем территории, которую можно было-бы выделить под сказанное владение. Однако, китайским определениям стран света, в особенности того времени, не следует придавать преувеличенного значения, так как направления обыкновенно брались от главного административного центра государства, будь-то город или ханская ставка, в данном случае, вероятно, от р. Жао - л о - шуй, притом по отходящим от него путям, в виду чего, говоря о Селенге, например, китайская летопись могла-бы сказать, что эта река протекает вдоль северо-западной границы государства. Нечто подобное, надо думать, имело место и в данном случае, и о. Иакинф, руководствуясь вышеизложенным и созвучием, как он говорит [2]), слов „фгынь"— названия реки, в долине которой произошла первая схватка между противниками, окончившаяся не в пользу Шелуня/ и „Онгин", мог, конечно, поместить сказанное владение в восточном Хангае. Но при этом он не принял во внимание того обстоятельства, что жеужани, искони населявшие северную окраину Да-цзи, т. е. южное подгорье восточного Хангая, должны были владеть также и долиной реки Онгин. Если, однако, не здесь, то севернее это владение действительно могло находиться, и тогда становится возможным другое отождествление, а именно, реки 'Ьгынь с рекой Эгинь, левым

О Стр. 151.

1) Op. cit., 1, 2, стр. 209.

значительным притоком Селенги, вытекающим из южного конца оз. Косогола. Что это отождествление верно, явствует из того, что далее [1]) та же река пишется уже своим настоящим именем—Эгынь. Она служила северным предельным пунктом, до которого доходили полководцы императора Тоба Дао в своих преследованиях жеужаней.

Переходя к западной и южной границам жеужаньских владений, надлежит заметить, что в этом направлении преемники Шелуня сумели несколько раздвинуть пределы государства за счет усуньских земель, ибо в „Бэй-шы" [2]) говорится: „Жеужаньцы несколько раз производили набеги на у су ней, что и вынудило последних откочевать далее к югу и поселиться в Цун-лине" [3]).

На оседлые владения Восточного Туркестана власть жеужаней не распространялась, и только Гаочан [4]) в 460 году, и то на короткое время, принужден был им покориться [5]).

Восточный Бэй-шань, вероятно, и после захвата императором Тоба Дао княжества Хэ-си [6]) остался во власти жеужаней.

Таким образом в состав территории их государства кроме Да-цзи входили следующие земли: бассейн верховий Или, Джунгария за исключением Тарбагатайского округа, степная часть хр. Алтаин-нуру, Хангай, бассейн верховий Селенги, восточная Халха, оба склона Большого Хингана к северу от истока р. Ин-цзинь-хэ, бассейн верхнего и среднего течения р. Ляо-хэ и, может быть, степная область между Сунгари и этой последней.

Армии Тоба Дао доходили до внешних пределов почти всех этих земель, но все же не смогли окончательно сломить силу сопротивления Жеужаньского государства. Как мы ниже

*) *Иакинф*, op. cit., 1, 2, стр. 217.

[2]) *Иакинф*, op. cit, III, стр. 162.

[3]) Памир. В последний раз китайская летопись („Вэй-шу") упоминает об усунях под 437 г. (см. *Franke*—„Zur Kenntnis der Turkvolker und Skythen Zentralasiens", стр. 17).

[4]) Об этом владении говорилось уже выше; см. стр. 121 и след.

[5]) Впрочем, в одном из своих набегов на Восточный Туркестан (467 г.) они доходили даже до г. Хотана, но им не удалось закрепить его за собой (см. *ЛЬ. Remusat*—„Histoire de la ville de Khotan", стр. 25).

[6]) См. ниже стр. 184—185.

увидим,, этого, однако, легко достигли турки после того, как „взбалмошные и грубые", по словам „Гу-цзинь ту-шу-цзи-чэн" *), гаогюйцы стали в явно враждебные отношения к жеужаням и заставили даже одного из последних их ханов спасаться бегством в Китай.

Первые серьезные военные действия Тоба Дао против жеужаней, вызванные набегом последних на северную границу империи, относятся к 425 году, когда имперские армии выступили тремя дорогами через пески Хэй-ша [2]) вглубь Гобийской пустыни. Этот поход не имел, однако, иных последствий кроме бегства жеужаней на север.

В 429 г. [3]), в виду предстоявшей войны с южным Китаем, Тоба Дао, желая обеспечить себя с тыла, предпринял новый поход против жеужаней и, как и в 425 г., выступил по пути из Чэн-ло *) на Хэй-шань [5]). Перед переходом пустыни армия была разделена на два корпуса: при восточном остался император, западный же был поручен князю Чан-сунь Ханю, который очень скоро оправдал доверие своего повелителя. Нагнав подкрепления, которые вел отцу сын Датаня, Пило, он нанес ему жестокое поражение и тем до такой степени устрашил Датаня, что тот, не выждав приближения неприятеля, сжег свою ставку и бежал на запад в сопровождении лишь немногих родовичей; остальные после сего рассеялись в разные стороны, оставив на произвол судьбы" свои стада и имущество: „скот бродил по степи, говорится в „Бэй-шы", и не было никого, кто-бы смотрел за ним" [6]).

Достигнув р. Ту-юань [7]), Тобао-Дао в целях преследования врага выделил из своей армии несколько сильных отрядов.

[J]) *Л. Позднеев*—„Исторический очерк уйгуров", стр. 21.

[2]) Хзй-ша в переводе—черные пески. Так называлась местность, лежавшая к северу от нынешнего города Гуй-хуа-чэна; вероятно, пески на нижнем течении р. Шара-мурень.

[3]) *Иакинф,* op. cit, 1, 2, стр. 213, повидимому, ошибочно относит это событие к 430 году.

[4]) Название древнего города, лежавшего близь Гуй-хуа-чэна и служившего с 260 по 310 г. резиденцией тобаским князьям.

[5]) Хэй-шань—горы системы Инь-шаня близь г. Гуй-хуа-чэна. Другое их название—Ша-ху-шань.

[6]) *Иакинф,* op. cit, 1, 2, стр. 214.

[7]) Вероятно—река, известная ныне под названием Туин-гол.

которые на восток (северо-восток?) доходили до Хань-хая, на юг до р. Чжан-ГЬ *), на север до хребта Янь-жань [2]).

Гаогюйцы, воспользовавшись паникой, охватившей жеужаней, нападали на их стойбища и предательски их убивали. При таких условиях „датаневы люди" стали в массах отдаваться на милость победителей, и вскоре число таких „добровольно покорившихся", кроме взятых в плен, достигло огромной для того времени цифры—300.000 человек[3]). Вместе с тем и число захваченных лошадей и рогатого скота возросло до миллиона голов. Это был полный разгром Жеужаньского ханства. Но Тоба Дао этим не удовольствовался, и зная, что жеужаньские ханы черпают свои силы среди гаогюйцев, решил надолго обезопасить себя и с этой стороны. Поэтому, несмотря на то, что в этой войне они заявили себя на его стороне, он все же выслал против них войска, которые с полным успехом и выполнили возложенное на них поручение [4]).

В 430 г. Тоба Дао вел одновременно войну с Сунской империей из-за провинции Хэ-нань и царством Ся, унаследовавшим земли царства Цинь [5]). Она закончилась в следующем

*) Зцзин-гол. На юг из долины Туин-гола и в настоящее время имеется прямая дорога в бассейн Эцзин-гола. Ею в 1886 г. прошла экспедиция *Г. Н. Потанина*.

[2]) Системы Хангая; см. выше стр. 112.

[3]) Все цифры, приводимые в данном случае в „Бэй-шы", страдают, повйдимому, большим преувеличением. Эти пленные были поселены на южной окраине Гобийской пустыни, на пространстве 3.000 ли между Ву-юань, т. е. местностью на левом берегу Желтой реки, к северу от г. Нин-ся-фу, и Жу-юань—урочищем, лежавшим где-то в восточной части чахарских земель, с разделением всей территории на шесть военных округов (см. „Мэн-гу-ю-му-цзи", ст. 302; также *Deguignes*, op. cit, II, стр. 3; *de Mailla*, op. cit, V, стр. 27).

[4]) *Иакинф* („Зап. о Монг.[a], III, стр. 81) пишет, что Тоба Дао, опустошив всю Халху, коснулся Тарбагатая. Этого ни откуда, однако, не видно. Не знаю также, где почерпнул *о. Иакинф* известие, что и владение Динлин ему покорилось. Кажется, в это время Динлинского государства уже не существовало более.

[5]) Царство Ся основано было в самом начале V века Хзлянь-бобо. Обосновавшись в г. Тунь-вань-чзне, лежавшем в восточном Ордосе, к северо-западу от Великой стены[и] он воспользовался смутным положением дел в царстве Цинь (386-417) и овладел (ок. 410 г.) большею частью его земель в Шэнь-си и восточной Гань-су.

году полной победой над противниками и присоединением к Вэйской (Юань-вэйской) империи территории парства Ся.

Засим в военной деятельности Тоба Дао наступает перерыв, длившийся до 439 г., когда император решил наказать жеужаньского хана Уди за учиненный им набег на укрепленную линию. Но этот поход был неудачен, так как Уди успел своевременно откочевать далеко внутрь страны, погнавшиеся же за ним императорские войска, благодаря чрезвычайной засухе, понесли значительные *) потери в людях и лошадях [2]).

Весть об этих потерях, благодаря эмиссарам хана Уди, дошла до правительств соседних держав в значительно искаженном виде, возбудив в них преувеличенные надежды на возможность сбросить с себя тяготившую их зависимость от Юань-вэйского дома. „Уди [3]), говорится в „Бэй-шы", оповестил владетелей Западного края, что дом Юань-вэй пришел в упадок, и что, наоборот, он, Уди, сделался сильным в поднебесной". Действительность, однако, очень скоро опровергла эту похвальбу Уди, и Цзюй-цюй[4]) Мугянь, князь Хэ-си [5]), не

!) Лишились около половины своего состава *(Franke*—„Eine chinesische Tempelinschrift aus Idikutschahri bei Turf an", стр. 15).

[2]) Корпус, во главе которого находился император, достиг при этом Восточного Тянь-шаня и, нигде не встретив неприятеля, возвратился.

[3]) *Иакинф—„Собр.* свед. о нар., обит в Ср. Аз. в древн. вр.", III, стр. 139,—У ту.

[4]) Наследственный титул, получивший с годами значение фамилии. Этот титул носили старшины одного из отделов хуннов (?) См. *de Groot*— „Die Hunnen der vorchristlichen Zeit", I, стр. 56—57.

[5]) Воспользовавшись убийством Фу Цзяня II (386 г.) и начавшимися вслед за сим смутами в Циньской империи, Люй Гуан, динлин по происхождению, восстановил княжество Лян под именем Хоу Лян. Десять лет позднее в этом княжестве начались волнения, приведшие к тому, что Дуань-"Б, губернатор Цзянь-кана, отделился и об'явил себя князем Бэй-Ляна (397 г.). В исходе 400 г. он был схвачен хунном Цзюй-цюй'ем Мэн-сунем и обезглавлен. Мэн-сунь был одним из губернаторов княжества Хоу Лян, но, овладев Бэй Ляном, он остался в нем княжить, перенеся лишь столицу из Цзянь-кана, города, лежавшего верстах в 20 к югу-западу от г. Гао-тая, в находившийся и ранее в его управлении г. Гань-чжоу. Этот момент китаец Ли-хао, бэй-лян'ский губернатор в Ань-си и Дунь-хуане, счел благоприятным для того, чтобы в свою очередь отделиться от Бэй-Ляна и основать новое княжество—Си-Лян. Но еще ранее, имерно в том же 397 г., когда от Хоу Ляна отделилось княжество Бэй Лян, ^делились от него и округа Лань-чжоу'ский. и Сининский, где воцарился

сумевший угадать правду и в расчете на помощь жеужаней переставший „исполнять волю северного государя" *), уже в следующем году поплатился потерей всех своих владений в Гань-су.

Этот исторический момент особо важен для этнографии Внутренней Азии, так как с присоединением к владениям Вэйской империи территории княжества Хэ-си земли сяньбийцев-тоба примкнули к землям сяньбийцев-муюнов, эмигрировавших на запад еще в 310 году и в 312 году образовавших в Амдо и в области Куку-нора сильное Тогонское царство [2]). Сложилась огромная непрерывная территория от р. Сунгари до оз. Гас и истоков Желтой реки, где хорская речь и хорские обычаи и установления должны были получить естественное преобладание, а на западе, сверх того, и вызвать утрату самобытности у тех остатков жунов, цянов, ди и юэчжи, которые еще продолжали удерживать здесь некоторую долю своей политической самостоятельности. С этого именно момента их имена исчезают со страниц китайской истории, заменяясь именем тогонского народа, который не переставал господствовать в Амдо и на Куку-норе вплоть до второй половины VII столетия, когда его сменили тибе.тцы, быстро и глубоко изменившие этнографическую карту Западного Китая.

сяньбиец Ту-фа У-гу, давший своему княжеству наименование Нань Лян. Таким образом на территории западной Гань-су почти одновременно возникли четыре княжества: Си (Западный), Бэй (Северный), Хоу (Поздний) и Нань (Южный) Лян. Они были об'единены цзюй-цюй'ем Мзн-сунем в такой последовательности: в 403 г. пал Хоу Лян, в 412 г. (?) Нань Лян и в 421 г. Си Лян, одновременно с чем Мзн-суню подчинилось и владение Гаочан. Овладев Нань Ляном, Мэн-сунь провозгласил себя князем Хэ-си. Он умер в 433 г., передав престол сыну Мугяню *(Visdelou*—„Histoire de la Tartarie* в „Supplement de la Bibliotheque Orientale", стр. 24; *Deguignes*—„Histoire generate des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares Occidentaux", etc., I, 1, стр. 117, 118 и 223; *Franke*, op. cit, стр. 9—14). Мугянь был в 440 г. уведен пленником в Дай, ^де и окончил жязнь, окруженный почетом в качестве зятя императора, его же братья Ухой и Аньчжоу бежали на запад, в Дунь-хуан, где и пытались некоторое время отстаивать свою независимость.

[!]) *Иакинф*, ibid.

[2]) Муюны, пользуясь смутным положением дел в Китае, прошли в провинцию Лун-си и, обойдя Лань-чжоу, утвердились в Бао-хань (Хэчжоу), которая стала базой их дальнейших завоеваний.

Как более слабое, Тогонское царство принуждено было встать в вассальные отношения к Юань-вэйской державе, но, как мы ниже увидим, это добровольное подчинение не спасло его государей от необходимости с оружием в руках отстаивать свою внутреннюю автономию.

В то время, как войска Тоба Дао занимали княжество Хэ-си, союзник Цзюй-цюй'я Мугяня, хан Уди, обойдя выставленную против него заставу, вторгся в северный Китай и подступил к г. Да-тун-фу. Этот успех ему не удалось, однако, развить в решительную победу, так как подоспевшими императорскими войсками та часть его армии, которая оставалась еще по северную сторону Инь-шань'ских гор, была уничтожена. Лишившись таким образом резервов, он должен был отступить, и в сознании крушения своих планов и невозможности собственными силами отклонить последствия своего набега на империю, он воскликнул: „Цзюй-цюй, своей трусостью ты меня погубил![44] Благодаря, однако, возникшим в Тогонском царстве волнениям, потребовавшим вооруженного вмешательства Тоба Дао, час возмездия жеужаням наступил только в 444 году, когда имперская армия выступила четырьмя путями на север. Уди бежал далеко внутрь страны, но был настигнут в долине р.Эгинь *) и разбит. Отсюда Тоба Дао вернулся обратно, избрав путь на верховья Орхона [2]).

В следующем году тобаские войска преследовали жеужаней на южной окраине Гобийской пустыни, но и тут Уди сумел уклониться от решительных столкновений. Впрочем в это время Тоба Дао не мог уже уделить должного внимания северному театру войны, так как более важные дела призвали

!) См. выше стр. 180—181.

[2]) В „Бзй-шы" сказано: „потом дошел до р. Ши-шуй и возвратился* (*Иакинф,* op. cit.? 1, 2, стр. 217). В ,Мэн-гу-ю-му-цзи*, стр. 367, мы находим следующее указание: „Тот участок Орхона, который находится выше устья Хара, носит название Ши-хэ, т. е. каменистой реки (Чилуту), так как течет по ущелью". Следует, однако, иметь в виду, что в восточном Хангае очень многие реки, пробиваясь через базальты, бегут в отвесных каменных берегах и могут быть названы Ши-шуй (см. *Клемец*—„Заметки к маршруту Чань-чуня" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографии", XXXIV, 1909). Один из истоков реки Селенги также носит название Чулуту (см. т. I, passim).

его на запад, где он решил положить конец враждебным выступлениям тогонского государя Муляня. Он .послал против него полководца На. Преследуемый по пятам, Мулянь бежал через Цайдам на запад, в Хотан, которым и овладел после кровопролитного боя [1]). Здесь, однако, он оставался до тех только пор, пока имперские войска занимали тогонскую территорию, а затем вернулся в родные кочевья.

Одновременно на крайнем западе Вэйской империи имели место следующие события.

Цзюй-цюй Ухой, брат Мугяня, не мирясь с положением почетного узника, бежал на запад, выгнал из Цзю-цюаня (Су-чжоу) императорского комиссара, овладел после кровопролитного боя Дунь-хуаном и, решив обратить его в оплот против дальнейшего наступления императорской армии, начал стягивать в него отряды <своих приверженцев. В попытке овладеть городом Гань-чжоу он потерпел, однако, неудачу, а засим лишился и г. Су-чжоу, вынужденного к сдаче голодом. Поставленный этой потерей в безвыходное положение, он решился принять предложение Тоба Дао—прекратить непосильную для него борьбу и занять пост лянчжоуского губернатора с титулом цзюцюаньского князя (441 г.) [2]). Честолюбие Ухоя не было, однако, удовлетворено скромною должностью губернатора. Он задумал образовать новое государство из соседних владений и, собрав отряд силой в 5.000 человек, послал его под начальством младшего своего брата Ань-чжоу на запад против Шань-шан'и [8]).

Ань-чжоу оказался плохим полководцем, и его действия в этой стране были в общем неудачными; тем не менее шань-шаньский владетель, сознавая бесполезность дальнейшего сопротивления, в порыве отчаяния решился на поступок, редкий в истории Востока: уходя с бблыпей половиной своего

[1]) *У Иакинфа* („История Тибета и Хухунора", I, стр. 82) сказано; „Итак Мулянь ушел в Хотан, убил тамошнего короля и побил несколько десятков тысяч человек, после чего начал войну с государством Лобинь (Бадахшаном?); в следующем же году возвратился на прежние земли". Известие о походе на Бадахшан в виду краткости срока возбуждает вполне справедливые сомнения.

[2]) *Franke*, op. cit, стр. 16, 17.

[3]) Об этом владении см. выше стр. 101—102.

народа на запад, в Цзюймо [1]), он, дабы „затруднить сообщение" [2]) и тем обеспечить себе путь отступления, приказал опустошить свои собственные владения. Впоследствии впрочем он вернул себе снова Шань-шань.

После вторжения Ань-чжоу в Шань-шань, Ухой не мог уже оставаться в Лян-чжоу и бежал к брату. Там он застал посла гаочанского правителя, китайца Гань Шуаня, прибывшего в Шань-шань просить помощи против ивуского (хамийского) князя Тан-ки. Момент показался Ухою благоприятным. С небольшим отрядом он проник через Яньци в Гаочан, занял его и, выгнав Гань Шуаня, об'явил себя его правителем (442 г.) [3]). Тем временем корпус императорских войск, высланный против обоих Цзюй-цюй'ев, перешел пески и вторгся в Шань-шань. Не имея мужества принять бой, Ань-чжоу отступил в Гаочан, правителем которого и остался по смерти Ухоя, последовавшей в 444 году.

Для того, чтобы более не возвращаться к нему, я замечу, что в 460 г., при вторжении жеужаней в Гаочанское княжество, он был ими схвачен и казнен, после чего был истреблен и весь хуннский род Цзюй-цюй'ев, оставивший глубокий след в истории Средней Азии [4]). У ученых буддистов он заслужил наименование „бриллианта северных стран" не только потому, что из поколения в поколение был насадителем и защитником буддизма в Принаныпанье, а впоследствии и в Турфанском оазисе [5]), но также и потому, что виднейшие его члены являлись покровителями науки во всех ее отраслях. О Мэн-суне

[1]) См. выше стр. 130.

[2]) *Иакинф*—„Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Азии в древн. вр.[в]", III, стр. 141.

[3]) *Franke*, op. cit., стр. 21; *Иакинф*, op. cit., Ill, стр. 150, ошибочно относит это событие к 446 году.

[4]) Жеужаньские качаны были в очень длительном союзе с Цзюй-цюй'ями, и только при их поддержке удалось Цзюй-цюй'ю Ань-чжоу овладеть Чеши и таким образом установить единовластие в Турфанской котловине. Что было причиной внезапного разрыва этого союза и последующего истребления рода Цзюй-цюй'ев—нам неизвестно.

[5]) По свидетельству „Бзй-шы[а]", в V веке буддизм не был еще господствующей религией в Гаочане. *Franke*, op. cit., стр. 27, полагает, что ему приходилось выдерживать здесь борьбу с манихейством, что вполне вероятно, так как *Грюнведелю* („Bericht uber archaologische Arbeiten in Idi-

говорилось даже, что он обладал не только неестественным для человека умом, но я глубокими познаниями в области истории и астрономии. Резиденция Цзюй-цюй'ев, куда-бы их ни забрасывала судьба, всегда становилась центром умственной жизни обширного района Азии, и город Лян-чжоу во времена господства Цзюй-цюй'ев в Хэ-си составлял в этом отношении конкурренцию Цзянь-кан'у (Нанькину)-—столице Цзиньской, а потом и Су некой империй.

Известно, что Тоба Дао был убежденнейшим врагом буддизма [1]). Не это-ли обстоятельство явилось причиной той исключительной ненависти, которую питали к нему члены семьи Мэн-суня, которые стали даже вассалами Сунов в надежде с их помощью порвать свои вассальные отношения к Северному двору. Как бы то ни было, их образ действий был настолько вызывающим, что не мог остаться безнаказанным. Как мы видели выше, Тоба Дао послал в Шань-шань полководца Бань Ду-гуй'я, поручив ему ликвидировать цзюй-цюйское дело. В преследовании Ань-чжоу Вань-Ду-гуй доходил до Яньци и, наказав попутно строптивых князей, кучаского и карашарского, возвратился [2]).

В 447 году, пишет о. Иакинф [3]), император Тоба Дао „покорил Восточный Туркестан и произвел такое опустошение в жеужаньских землях, что жители их долго не могли помышлять о набегах на северные пределы Китая".

В действительности, как мы уже знаем, .из всех владений Восточного Туркестана Тоба Дао подчинил своей власти только Шань-шань, Яньци и Гуйцы; что касается разгрома

kutchari und Umgebung im Winter 1902—1903-, стр. 58, 59, 173, 177) удалось найти несомненные следы существования в Турфанском оазисе этого религиозно-философского учения.

[1]) *В* 446 году он издал указ об избиении буддийских монахов на всем пространстве империи, а равно об уничтожении их книг и храмов. Казнь грозила каждому, открыто исповедовавшему эту религию.

[2]) Странно, однако, что главный об'ект преследования — Цзюй-цюй Ухой избег при этом столкновения *с* императорскими войсками. Тоба Дао очевидно пренебрег возможностью раздавить своего врага, к которому впрочем он и прежде относился с непонятною для нас сейчас снисходительностью.

[3]) »Записки о Монголии", III, стр. 83.

зкеужаньских владений, то и в этом случае о. Иакйнф не совсем точен, так как в „Ган-му[a] это событие отнесено к 449 году, в „Бэй-шы[a] же—к 460 году.

Вернувшись из похода на северную окраину Гобийской степи [1]), Тоба Дао обратил свое оружие против Сунской империи, в подстрекательствах которой он видел главную причину тех политических осложнений, которые не переставали возникать на северной и западной границах его владений. Первые действия высланных им отрядов оказались, однако, неудачными, и ему пришлось не только отступить перед многочисленными* войсками Сунов, но и очистить вслед за сим значительную часть северного Китая. Положение спасла сяньбййская конница. Направленная в обход наступающего противника, она блестяще исполнила свою задачу и внесла такую панику в ряды последнего, которую не в силах были подавить полководцы Южной империи. Их стремительное отступление перешло вскоре в бегство, и окончательный их разгром был-бы неизбежен, если-бы семейные дела Тоба Дао не потребовали его цемедленного возвращения в Пин-чэн, где вскоре затем он и был убит евнухом Цзун-ай (452 г.). Так печально закончил свою жизнь величайший из сяньбийских монархов.

Со смертью Тоба Дао во Внутренней Азии наступает период успокоения, чему в значительной мере способствовала отмена указа 446 года и дозволение свободной пропаганды буддизма на всем пространстве северного Китая. Впрочем история отмечает ряд войн, которые пришлось вести Юань-вэйской империи даже в этот сравнительно мирный период ее истории. Так, в 458 г. по не вполне ясной причине император Тоба Сюнь сам повел свои войска на север против жеужаней, причем „знамена", говорит китайская летопись, „простерлись на 1.000 ли". Главная масса жеужаней успела, однако, своевременно откочевать на север, и императору пришлось удовольствоваться захватом лишь нескольких тысяч пленных и хвалебной надписью о подвигах этого похода, выбитой по его же приказанию на попутной скале. Засим возникли военные столкновения с тогонцами, вызванные жела-

[1]) Маршрут этого похода не может быть в точности восстановлен.

нием царя Шеиня сложить с себя обязанности вассала. Конец же этого периода ознаменовался двухлетней войной с Сунской империей, завершившейся миром 468 года, по которому Суны уступили Тоба южную часть современной провинции Хэ-нань.

Начиная с 470 г. возобновились нападения кочевников на пределы Юань-вэйской империи. В этом году несколько сяньбийских корпусов под личным водительством императора Тоба Хуна I выступило на север, следуя, повидимому, обычным путем от современного Гуй-хуа-чэна через Онгиин-даба и долину р. Онгин в Хангайские горы. Тоба Хун настиг жеужаней, вероятно, еще на южной окраине Гобийской пустыни, где и нанес им решительное поражение. Взяв при этом в плен до 10.000 человек и получив в добычу несметное количество оружия и лошадей, он продолжал преследование неприятельской армии на протяжении 3.000 ли [x]), после чего возвратился. Эта экспедиция, однако, не устрашила жеужаней, и в дальнейшем их набеги на укрепленную линию не прекращались, хотя велись и небольшими отрядами.

В 472 году пришлось вновь усмирять тогонов, которые не переставали грабить область Жао-хэ [2]). Шеинь был при этом разбит, просил мира и послал заложником сына.

В следующем году Тоба Хун вынужден был вмешаться во внутренние дела динлинского (диского) царства Ву-ду [3]), которое хотя с 427 г. и числилось среди вассальных владений

[!]) В „Бэй-шы" (*Иакинф*—„Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Азии в древн. вр.[в], 1, 2, стр. 219) сказано: „В продолжении 19 дней в передний и обратный путь прошли около 6.000 ли"—цифра несомненно очень преувеличенная. С такой быстротой не ходит даже курьерская почта в Китае,

[2]) Эта область обнимала бассейн Сининской реки. Город Жао-хэ находился в верховьях последней.

[3]) В эпоху наибольшего своего могущества царство это владело территорией, простиравшейся на север до Цинь-чжоу и Ци-шань (ныне округ Фын-сян-фу), на восток до Хань-чжун-фу и на юг до г. Лянь-чжоу. Его центром было плоскогорье Чэу-чи (Лун-мынь-шань), столицей—город Лё-ян.

Наименование Ву-ду очень давнего происхождения. Дисков племя *ба* владело плоскогорьем Чэу-чи с незапамятных времен; их князья принадлежали к фамилии Ли. При князе Ли Тэ ба-ди овладели Лянь-чжоу и Чэн-ду-фу. Преемник Ли Тэ—Ли Сюн в 306 году об'явил себя императором, но уже 40 лет спустя это царство пало *[d'Hervey de Saint-Dcnys*—„Ethno-

Юань-вэйской империи, но более тяготело к южному Китаю, на стороне которого и выступало почти во всех его войнах с Северной империей. Последствием этого вмешательства было восстановление прежних вассальных отношений дома Ян к дому Тоба, что, однако, не помешало царю Ян Вынь-ду уже в 477 году напасть на город Чэу-чи, находившийся с 443 г. под властью Тоба, и занять его своими войсками. Удержать его за собой ему, однако, не удалось, а засим он был схвачен * вэйским полководцем Цзя-лу и обезглавлен.

В 479 году киданьский князь Мохэ Фэугань признал себя вассалом дома Юань-вэй *).

В 487 году начались волнения среди гаогюйцев фуфуло [2]), закончившиеся их бунтом и уходом на запад. „Бэй-щы", объясняя причину этого бунта их нежеланием принимать уча-

graphie des peuples etrangers de Ma-touan-lin" („Atsume Gusa"), II, стр. 51—53; *А. О. Ивановский*—„Материалы для истории инородцев юго-западного Китая", 1, 1, стр. 15—16] и на смену ему стало возвышаться царство другого динлинского племени—бома, во главе которого стояли князья, принадлежавшие к фамилии Ян. На плоскогорий Чэу-чи бома поселились, повидимому, в начале II века по Р. Хр., но политическое значение получили лишь в 322 г., когда Ян Нань-ди возведен был в сан царя Ву-ду чжаоским государем Лю Ю. Как разграничивались при этом царства динлинов „ба" и „бома"/китайская летопись не сообщает, но, вероятно, уже
к 322 г. „ба" утратили свою самостоятельность, став данниками „бома".
То „княжество", то „царство", Буду, беспрестанно меняя сюзеренов, коими были попеременно или одновременно государи династий Чжао, Цзинь, Цинь, Сун, Юань-вэй и, наконец, Ци, и служа при этом нередко яблбком раздора между более сильными соседями, просуществовало до 506 г., когда, наконец, пало, истощенное непосильной борьбой с империей Юань-вэй, причем было переименовано в область Дун-и-чжоу. *(Иакинф*—„История Тибета
и Хуху-нора", I, стр. 99—109).

*) Это первый случай упоминания в китайских летописях народа кидань. См. *Иакинф*—„Зап. о Монг.", III, стр. 85. *Васильев*—„История
и древности восточной части Средней Азии", стр. 8, пишет, однако, что уже в 471 г. и притом все киданьские поколения поддались Взйской династии. См. также *Иакинф*—„Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Аз. в древн. вр.", II, стр. 89—90.

[2]) В тексте древне-тюркской надписи в Хушо-цайдаме упоминается народ парпурум, представители коего в числе других явились почтить память усопшего Бумын-кагана. *Радлов* („Die altturkischen Inschriften der Mongolei", III, 1895, стр. 429) считает фуфуло китайской транскрипцией этого наименования, которое должно было принадлежать народу нетюрк-

стие в набеге жеужаней на северные пределы Вэй-вейской империи, умалчивает о том, откуда они бежали и где поселились. Сопоставление некоторых исторических событий дает нам, однако, возможность осветить этот вопрос.

Китайцы считают гаогюйцев потомками чи-ди, т. е. динлинов, до V века до Р. Хр. занимавших горные районы современных провинций Чжи-ли и Шань-си. После разгрома чи-ди уделом Цзинь они частью продвинулись отсюда на запад *) и, находясь здесь в течение веков под зависимостью хуннов, переняли от последних их язык и обычаи.

Уже в жилах чи-ди текло не мало чуждой, в особенности китайской крови; хунны были также не однородным народом; в течение же последующих восьми столетий, когда из этих двух народностей слагались гаогюйские племена, в их состав должны были войти сначала цянский, а затем и сяньбийский элементы. Несмотря, однако, на значительную примесь крови пассивных рас, гаогюйцы продолжали оставаться и в IV веке, когда о них впервые заговорила история, массой весьма беспокойной [2]), не знающей подчинения [3]) и дисциплины и неспособной сложиться в крепкий политический[4] организм. Дробясь на мелкие самоуправляющиеся общины, разбросанные среди более сплоченных и потому более сильных народов, они были их вечными слугами и отдавали им, выражаясь словами хушоцайдамской надписи, „свою душу и силу".

ского происхождения. Так как гаогюйские племена были очень пестрыми по своему составу, то это предположение вполне допустимо. *Vambtry* („Noten zu den altturkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens" в „Mem. de la Soc. Finno-Ougr.", 1899, XII, отд. отт., стр. 30) полагает, что Par-Purum есть турецкая передача наименования Tagfur, Tagfur же „1st mit China identisch und moglicherweise ist unter diesem Worte ein Theil letzterwahnten Reiches zu verstehen". Эта гипотеза уже потому не приемлема, что в надписи наряду с парпурумами упомянуты и китайцы (табгач).

О *Plath*—„Die fremden barbarischen Stamme im alten China", стр. 457—471, говорит об истреблении (Vernichtung) красных ди, что находится в противоречии с последующими историческими фактами.

[2]) „Грубой и взбалмошной" по отзыву китайцев (*Д. Позднеев*—„Исторический очерк уйгуров", стр. 21). Китайцы характеризовали гаогюйцев также „гордыми и неистовыми" (*Chavannes*—„Documents sur les Toukiue Occidentaux", стр. 87).

[3]) „Не желавшей присылать постоянных посольств с данью" (*Д. Позднеев,* loc. cit).

Под именем гаогюйцев 1) они впервые выступают на историческую сцену в 390 г., когда Тоба Гуй должен был снарядить армию для того, чтобы подавить вспыхнувшее между ними волнения. Место действия этой армии нам неизвестно, но в следующем году тобаские войска оперировали уже к западу от р. Жао-ло-шуй, в местности Лу-хунь-хай [2]), где и нанесли жестокое поражение сильнейшему из гаогюйских племен — юань-хэ [3]). Другое столкновение их с гаогюйцами. окончившееся также не в пользу последних, произошло при горе Дан-шань[4]), т. е. также на юго-восточной окраине Гобийской пустыни. Наконец, в 399 г. [6]) войска Тоба Гуя громили

[1]) Наименование „гао-гюй" лишь позднейшее китайское прозвище народа, который сам себя называл дили, тЬлз, чилз *(Chavannes,* op. cit., стр. 87, замечает: „les Tolos etaient appeles Kao-kiu ? 1'epoque des Yuen Wei"; в „Бэй-шьГ сказано: „первоначально гаогюйцы назывались дили; уже на севере они получили прозвание гаогюйских динлинов", т. е. динлинов, употреблявших телеги на высоких колесах; /. *Marquart—„Uber* das Volkstum *der* Komanen", стр. 78 и 169, пишет: „ Ko-ku-Ting-ling—Tingling mit hohen Wagen"). „Т-влз" *Parker* считает простым изменением слова „динлин". Наименование т*БЛЭ держалось в Китае, повидимому, очень долго. В „Си-ся-шу-ши" и в „Юань-ши" (см. *А. Иванов*—„Документы из города Хара-хото" в „Изв. И. Акад. Наук", 1913, стр. 813) говорится: „Двинув вперед войско, монгольский Сюань-фу-ши Ван Чжи прошел пески и, войдя в Хэ-си, ударил на племена са-ли, тэлэ и чи-минь". Это известие относится к эпохе Чингис-хана.

[2]) Согласно „Бэй-шы", Лу-хунь-хай, искони служившая местопребыванием гаогюйцам юань-хэ, находилась к западу от р. Жао-ло-шуй (см. выше стр. 141) и к северо-западу от города Пин-чэн (Да-тун-фу). См. *Д. Позднеев,* op. cit., стр. 14.

[3]) *Л- Позднеев,* op. cit., стр. 15—16.

[4]) *Л. Позднеев,* ibid.

Под этим именем у китайцев было известно несколько горных местностей, а именно: 1) горы, возвышающиеся на границе найманских и барунтуметских кочевий; современное их название—-Чоноту-шань; 2) горы левого берега р. Хацир в центральной части Большого Хингана, носящие ныне название Чолоту (в „Мзн-гу-ю-му-цзи", стр. 266,—Чоноту-хара), и 3) горная группа, находящаяся к северо-западу от г. Гуй-хуа-чэна, на границе уратских и муминганских кочевий; ее современное название—Чоно-тологой. Здесь может итти речь или о горах Чолоту или о горной местности Чоно-тологой.

[5]) Д *Позднеев,* loc. cit. У *Иакинфа* („Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Аз. в др. врем.", геогр. указ., стр. 95) в 400 г.

те из их кочевий, которые занимали степные пространства к северо-западу от современного города Гуй-хуа-чэна *).

Все эти факты с несомненностью устанавливают пребывание гаогюйских племен в Мо-нань, т. е. к югу от Гобийской пустыни, до конца IV века, и таким образом указание о. Иакинфа[2]), что гаогюйцы ушли на север, в бассейн р. Селенги, в конце IV века, должно быть отнесено только к части этих племен и в том числе к племени юань-хэ, которое тобаские войска нашли в 403 г. уже к северу от Ша-мо.

Впрочем, это выселение гаогюйдев из области Мо-нань было, вероятно, не первым, ибо у Дегцня читаем: „После того как хунны изгнаны были из Северного Китая, большая их часть откочевала на север, а остальные, носившие название тилэ или тЬлэ, заняли степные пространства на запад до Каспия" [3]).

Присутствие т^лэских родов в той группе кочевников, которая была отброшена к западу в момент крушения Хуннской державы, представляется тем более вероятным, что их коренные .земли служили с незапамятных времен яблоком раздора между кочевыми государствами и Китайской империей.

Как бы то ни было, нам приходится считаться с тем фактом> что парпурумы (фуфуло) были не первыми гаогюйцами, переселившимися на запад и, между прочим, в степи южной Джунгарии [4]).

*) *Д. Позднеев,* op. cit, стр. 17—18. Об упоминаемых здесь городе Чан-чуань-чзн, горе Бо-шань и местности Ню-чуань см. *Иакинф,* op. cit, геогр. указ., стр. 9, 54 и 95.

[2]) Op. cit, 1, 2, стр. 248.

[3]) Op. cit, 1, 2, стр. 325. *Радлов* („К вопросу об уйгурах", стр. 108 и 113) приходит также к заключению, что „значительную часть хуннов, вторгшихся в южно-русские степи, составляли восточно-тюркские- племена, получившие приблизительно с начала нашей эры (?) наименование уйгуров". Равным образом он полагает, что и „византийцы смотрели на уйгуров как на часть прежнего хуннского политического тела". Переселение уйгуров (гаогюйцев, твлэ) на север должно быть отнесено к еще более раннему- времени, если только племя ху - сЪ правильно включено китайцами в число т-влэских (гаогюйских) племен; см. выше стр. 102.

[4]) Это доказывается, между прочим, тем, что жеужани нашли ее в 401 г. уже занятой гаогюйскими племенами. Китайцы пишут об Урумчи: „при Северной Вэйской династии земля эта принадлежала гаогюйцам,

Для разрешения вопроса о той территории, какую они могли тут занять, надлежит иметь в виду нижеследующее.

В первой половине У века *) в историю Азии вступило в роли завоевателей племя хуа [2]), которое очень быстро объединило под своею властью огромную территорию между Алтаем и Хотаном на востоке [3]), Каспийским морем и верховьями Инда на западе [4]). Хуа—это эфталиты византийских историков, названные так по имени их кагана Ашунвара Эфталана, победившего Сассанида Пероза в 484 году. Вероят-

после него перешла к жеужаням" („Мзн-гу-ю-му-цзи", стр. 465); о владении Пулэй Хэу-го: „при династии Юань-вэй землями этого княжества владели сначала гаогюйцы, затем жеужани" *(Иакииф,* ор. cit, III, геогр. ук., стр. 56); о владении Утаныдыли: „при династии Юань-вэй землями этого княжества владели сначала гаогюйцы, затем жеужани, наконец, турки" *(Иакинф,* loc. cit., стр. 72).

Что гаогюйцы не только жили в южной Джунгарии, но и властно распоряжались в Восточном Притяншанье до прихода туда парпурумов, явствует из следующего места „Бэй-шы": „В 482 г. гаогюйский владетель Кэчжило убил Гань Шеу-гуя и его брата и некоего Чжан Мын-мина, уроженца Дунь-хуана, поставил владетелем" *(Иакинф,* ор. cit, III, стр. 151).

*) У *Specht'a* („Etudes sur 1'Asie Centrale d'apres les historiens chinois" в „Journ. Asiat.[e], 8-eme serie, 1883, II, стр. 349), однако, читаем: „Sous le regne de Wen-tch'ing-ti des seconds Wei (452—465) ce peuple descendit du nord de la grande muraille de la Chine en passant a 1'ouest de Khotan, et 'fonda un grand empire". Это хотя-бы потому неверно, что к 425 г. эфталиты уже владели бассейнами Сыра и Аму-дарьи (см. *Drouin*—„Memoire sur les Huns Ephthalites dans leurs rapports avec les rois perses Sassanides" в „Le Museon", 1895, XIV, стр. 143 и 153).

[2]) *Specht,* ор. cit., стр. 335; *Drouin,* ор. cit., стр. 75; *Chavcinnes,* ор. cit., стр. 222. *Аристов* („Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям" в „Русск. Антроп. Журн.", 1904, №№ 3 и 4, стр. 140 и след.) высказывает, мне кажется, основательные сомнения в том, чтобы это имя можно было распространить на весь народ, известный у китайцев под именем Ъда.

[3]) *Franke—»Zur* Kenntnis der Turkvolker und Skythen Zentralasiens", стр. 46; *S. Beal*—„Travels of Fah-hian and Sung-jun", 1869, стр. 185; *Specbt*$_y$ ор. cit, стр. 337; *Drouin,* loc. cit; *Marquart*—„Eranschahr nach der Geographic des Ps.-Moses Xorenac'i", стр. 216.

[4]) *Chavannes,* ор. cit, стр, 223—226; *Specht,* loc. cit., *Drouw,* ор. cit., стр. 145 и след.; *Marquart,* ibid.

ной их родиной были Алтайские горы *), где они одно время числились среди вассалов жеужаней, происхождение—очень темное и тем менее определимое, что по языку они не имели ничего общего с прочими народами Внутренней Азии [2]). Византийцы называли их белыми хуннами по белому цвету их кожи, резко отличавшему их от прочих кочевников [3]), проникавших в Европу из Азии; китайцы, присвоившие им впоследствии также имя эфталит, искаженное в 'Ьда и идань [4]), очень нерешительно указывали на их родство с юэчжийцами [5]). Но это указание не разрешает вопроса, так как и национальность юэчжи остается до настоящего времени еще недостаточно выясненной [6]).

Если верно предположение, что они спустились с Алтая [7]), то первой их жертвой должно было стать владение Юебань,

[г]) Вышеприведенное указание *Specfa* (стр. 349) на то, что хуа, будучи вассалами жеужаней, жили к северу от Великой стены, возбуждает сомнения и игнорируется *Drouin* и *Шаванном*. В „Бзй-шы[в] (см. *Иакинф,* op. cit, III, стр. 177) говорится лишь, что Ъда об'явились за северной границей и засим поясняется, где именно: „к югу от Алтайских гор и к западу от Хотана". По мнению *Паркера,* эфталиты то-же, что юебань; см. выше стр. 138.

[2]) *Иакинф,* op. cit., Ill, стр. 178.

[3]) За исключением, однако, белокурых аланов.

[4]) „Yetha—abreviation de Ye-ta-i-li-to" *(Specht,* op. cit, стр.334). „II est probable que les Hoa prononqaient ce nom *Hyetha* ou *Hyeptha г-U-to* avec une legere aspiration initiate (tombee en chinois) et 1'aspiration du *th,* au moment de leurs premiers rapports avec la Perse et Byzance, ainsi qu'en font foi la forme arabe et la transcription grecque" *(Drouin,* op. cit., стр. 75). Едва-ли так, ибо среди кипчакских родов *'Руки ад-Дин Бейбарс Элъмансури (Тизетаузен*—„Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды", I, стр. 540, 541) называет род иета (у *Ибн-Халдуна*—сета)—вероятный осколок этого племени.

[5]) „Владетельный дом Ъда происходит от одного рода с Юэчжи? другие сказывают, что Ъда есть отрасль гаогюйского племени" *(Иакинф,* op, cit, III, стр. 177).

[6]) См. выше стр. 91 и след.

[7]) Мне кажется, что это единственно приемлемая гипотеза. Нет действительно ничего невероятного в том, что под напором усуней одна ветвь юэчжи отделилась на север, перешла Иртыш и проникла в Алтайские горы, где, очутившись среди динлинских родов, частью с ними смешалась. Отсюда их более светлый цвет кожи. Я не знаю, почему *Н, Веселое-*

известия о котором действительно прекращаются одновременно с их появлением на исторической сцене. Усилившись в Тарбагатайском округе, они двинулись в бассейны Или, Сыра и Аму-дарьи и только уже отсюда, а не из Джунгарии, остававшейся во власти жеужаней, проникли в Восточный Туркестан, что доказывается тем обстоятельством, что Гаочан, который в противном случае лежал-бы им на пути, избег их нашествия. Таким образом можно считать, что к концу У века восточной гранью империи эфталитов служил хребет Ала-тау, а так как при своем переселении на запад парпурумы не нарушили этой грани, то оседание их могло произойти только в Джунгарии *) и притом даже не в лучших ее частях, уже отошедших под кочевья ранее поселившихся там гаогюйцев, а на севере и востоке, в бассейнах рек Урунгу, Черного Иртыша и в Баркульской долине, разделенных широким рукавом Гобийской пустыни. В последовавшем засим разделении парпурумов на два административных отдела—южный и северный [2]), вызванном, без сомнения, указанной географической особенностью занятой ими страны, я вижу лучшее подтверждение этой гипотезы, другим же ее подтверждением могут служить бои в Баркульской долине и разгром эфталитами того из их отделов, который поселился на юге.

Ответить на вопрос—-откуда пришли в Джунгарию парпурумы, гораздо труднее. Одно несомненно: их кочевья должны были находиться к северу от Гобийской пустыни, в Мо-бэй, так как к югу от нее, в Мо-нани, к концу У века уже не

ский—„Несколько новых соображений по поводу „пересмотра" вопроса о происхождении Гуннов" в „Журн. Мин. Нар. Проев.", 1882, сент., стр. 100, считает вопрос о происхождении эфталитов уже разрешенным в смысле принадлежности их к арийской группе народов. *Blochet,* последний, насколько помнится, писавший об эфталитах (см. его „Introduction *a* 1'histoire des Mongols de F. A. Rashid ed-Din", 1910, стр. 211), считает их тюрками, но *Pelliot* („L'origine de Tou-kiue, nom chinois des Turcs" в „Toung Pao", 1915, p. 688), и совершенно, как мне кажется, правильно, пишет: „...les Hephthalites qu'il n'y a aucune raison de tenir pour une tribu specifiquement turque".

*) Что парпурумы проникли в Джунгарию, явствует из следующего места китайской летописи *(Иакинф,* op. cit., 1, 2, стр. 221): „Жеужаньский князь Нагай погнался (за парпурумами) от Золотых гор", т. е., очевидно, Алтая.

[2]) *Иакинф,* op. cit., 1, 2, стр. 252,

оставалось номадов, которые не признавали-бы над собою власти Тоба.

В борьбе с парпурумами жеужани обнаружили чрезвычайную слабость. Каган Дэулунь, пытавшийся остановить беглецов, был разбит ими наголову и бросил преследование, князь Нагай хотя н вышел победителем из нескольких с ними стычек, но не достиг главного, допустив их перебраться с обозами через такой трудный барьер, каким должен считаться Гобийский Алтай. Не более успешными оказались и позднейшие их столкновения с парпурумами; особенно же неудачно окончился для них поход кагана Футу, предпринятый по настоянию императора Тоба Ко: Футу был не только разбит парпурумами у Баркульского озера, но и пал в этом бою.

В конце V века против парпурумов на стороне жеужаней выступили эфталиты. Они нанесли им решительное поражение, уничтожив их южный отдел, а затем силой поставили князя Мивоту правителем их северного отдела. Как бы мы ни смотрели на это вмешательство эфталитов в дела ЭКеужаньского ханства, оно не свидетельствует о внутренней его мощи. Ханство явно стало клониться к упадку, и только переход власти в руки энергичного кагана Чоуну на короткое время вернул ему его прежнюю славу и могущество. Чоуну разбил во многих боях гаогюйцев, „всех их покорил своей власти" *), в 516 году предал жестокой казни князя Мивоту [2]), и „царство его сделалось сильным". Но уже в 520 году парпурумам удалось нанести поражение этому кагану. Он бежал в свою ставку, где и был убит князьями в сообществе с его матерью. Ему наследовал Анахуань, последний[1] из государей жеужаньских.

Волнения, распространившиеся в 487 году среди гаогюйских племен, подвластных жеужаням, передались и гаогюйским родам, заселявшим еще со времен Тоба Дао северную окраину Юань-вэйской империи. Ближайшим поводом к этим волнениям послужило требование императора Тоба Хуна II принять участие в затевавшийся им войне с Южным Китаем.

*) *Иакинф,* op. cit., 1, 2, стр. 223.

[2]) „Он привязал его обеими ногами к спине клячи и убил тряскою; покрыл головной его череп лаком и употреблял вместо сосуда для питья" (*Иакинф,* op. cit., 1, 2, стр, 252).

Подобно парпурумам, гаогюйцы не пожелали проливать своей крови в защиту чуждых им интересов и подняли бунт, который хотя в 493 году и был подавлен имперскими войсками, тем не менее вынудил Дайское правительство пересмотреть свои отношения к непокорным вассалам.

По этому поводу пристав (ду-ду), посланный на север для приведения в порядок местных дел, доносил: гаогюйцы не считаются с велениями законов и легкомысленно относятся к условиям общественной жизни; применяемые к ним меры строгости, не убеждая их в необходимости нести государственные повинности, ведут лишь к возмущениям; тем не менее, управлять ими возможно, но для этого нужен человек, который сумел-бы завладеть их доверием: действуя одним лишь убеждением и справедливостью, он мог-бы достичь очень многого *). Доклад этот, заслушанный советом высших чинов государства, получил их одобрение [2]), и новая тенденция в управлении инородцами, проведенная в жизнь, не замедлила дать самые лучшие результаты: бежавшие к жеужаням гаогюйские поколения вернулись обратно и выслали депутацию с из'явлением покорности и ходатайством о помиловании. Император пошел им навстречу[4] и „с радостью издал указ, в котором внял их просьбам [3])".

В 495 году в северном Китае совершились события большой важности: столица государства перенесена была из Пинчэна в Ло-ян [4]) и одновременно издан был указ, воспрещавший ношение хорского (хуского), т. е. сяньбийского, одеяния *г* и употребление хорского языка при дворе и в правительственных установлениях. Эта реформа, сопровождавшаяся замещением ответственных должностей китайцами, не замедлила вызвать опасное брожение в государстве. Во главе заговорщиков встал наследник престола князь Тоба Сюнь; но заговор

*) *Д. Позднеев,* op. cit., стр. 28. Здесь приводится не текст донесения пристава, а лишь содержание той его части, которая знакомит нас с психологией народа, игравшего видную роль в истории Средней Азии.

[2]) Совет положил следующую резолюцию: „ду-ду идет верной стопой". *(Д. Позднеев,* op. cit, стр. 29).

[3]) *Д. Позднеев,* loc. cit.

[4]) Этот город находился близь г. Хз-нань-фу.

своевременно был открыт, Тоба Сюнь был отдан под суд и в числе прочих князей осужден и казнен (497 г.).

В 499 году Тоба Хун повел свои войска против империи Ци. Он разбил высланную против него китайскую армию, но не успел довести своего плана покорения Южного Китая до конца, так как скоропостижно скончался. Война продолжалась впрочем и после его смерти и закончилась в исходе 500 года миром, по которому Северная империя приобретала территорию между реками Хуай и Ян-цзы.

Это был момент наивысшего могущества Тобаской державы, а затем она стала быстро клониться к упадку.

Тоба Хун II был последним из императоров, интересовавшимся ратным делом. Последующие государи замкнулись в сфере дворцовых интересов и погрязли в интригах и всевозможных пороках, которые очень скоро свили себе прочное гнездо при дворе. Это были все ничтожные правители и правительницы, царство любимцев, лицемерия и ханжества *), в которое не было доступа тем, кто стремился направить управление империей в прежнее русло.

Огромные расходы двора[2]), потребовавшие новых налогов, лихоимство и всевозможные злоупотребления очень скоро расшатали организм этого сильного государства. Страна пришла в волнение, которое выразилось, наконец, в 524 году открытым бунтом всех шести северных инспекций, населенных главным образом гаогюйцами [3]). В следующем году беспорядки перекинулись на запад, в Хэ-си, где мятежники в короткое время успели овладеть всеми главнейшими опорными пунктами провинции, не исключая и Лян-чжоу. Здесь выделился некий Мо-ци Чоу-ну, поспешивший объявить себя императором. На

*) На почве буддизма, к этому времени сделавшего огромные завоевания в Северном Китае. В одном Ло-яне число индийских монахов, находившихся на иждивении двора, достигало при императоре Тоба Ко 3.000 человек.

[2]) Между прочим огромные суммы поглощали в это время содержание монахов и постройка многочисленных буддийских храмов.

[3]) Точнее — в исходе 523 г. Восстание поднял в крепости Во-i. (к западу от крепости Ву-чуань-чжэнь, лежавшей к северо-западу от г. Гуйхуа-чэна) некий Ба-лин. В 525 г. он был разбит вспомогательным отрядом жеужаней.

востоке дела приняли также опасный для империи оборот: тут во главе партии недовольных встал популярный Гэ-жун, успевший собрать и организовать огромную армию. Наконец и на юге не все обстояло благополучно: сюда вступили Лянские войска, успевшие без большого напряжения сил занять 50 городов.

Спасителем положения дел в империи явился полководец Эр-чжу Жун. Он занял Ло-ян, приказал утопить несовершеннолетнего императора и его мать-правительницу, доведшую страну до анархии, об'явил императором князя Тоба Цзи-ю, одним мощным ударом уничтожил армию Гэ-жуна, которого захватил в плен и казнил, умиротворил север и запад и остановил успехи южных китайцев и передавшегося им князя Тоба Ин, поднявшего, пользуясь его отсутствием, знамя восстания в столице и выгнавшего из нее слабого и бездеятельного Тоба Цзи-ю.

Лавры, выпавшие на долю Эр-чжу, и приобретенное им исключительное влияние на государственные дела восстановили, однако, против него дворцовую партию и императора, который встал во главе заговорщиков. Эр-чжу Жун был убит в тронной во время императорского приема.

Весть об этом убийстве произвела возмущение в армии. Родственник Эр-чжу Жуна Эр-чжу Ши-лун вступил в столицу, казнил Тоба Цзи-ю и возвел на императорский престол князя Тоба Хуа *(ц*, 531 г.), но затем, найдя его мало подходящим для предназначенной ему роли, заменил его князем Тоба Гун.

Отав фактически правителем государства, Ши-лун, не отличавшийся дарованиями, очень скоро восстановил против себя вельмож и народ и дал повод Гао Хуаню собрать армию во имя защиты попранной императорской власти. Высланный против него Эр-чжу Чжао был разбит, и Гао Хуань занял столицу. Но захватив власть, он не только не встал на защиту короны, но еще более ее принизил, повторив игру ПТи-луна с императорским титулом: заточив Тоба Гуна в монастырь, он возвел на престол Тоба Лана, а затем почти тотчас же сместил его, пригласив на амплуа императора более податливого Тоба Сю (в 532 г.).

Этот последний, невидимому, очень дорожил своей призрачной властью, так как, едва вступив на престол, поспешил

казнить всех трех остававшихся еще в живых ех-императоров: Дана, Гуна и Хуа.

С своей стороны и Гао Хуань принял меры к истреблению фамилии Эр-чжу, последний из представителей коей погиб в 533 году.

Засим повторилось то-же, что случилось при смещении Ши-луна. В лице Юй-вынь Тай'я нашелся подражатель Гао Хуаня, выставивший подобно последнему своим девизом: „ спасение попавшего в плен императора". Поверив его искренности, Тоба Сю бежал в его лагерь (534 г.) *), но когда не смутившийся этим обстоятельством Гао Хуань об'явил его низложенным и возвел на престол князя Тоба Шань-цзянь, перенеся одновременно столицу из Ло-яна в Хуай-цин-фу [2]), то и Юй-вынь Тай не счел нужным оказывать ему дальнейшее покровительство; даже больше того: он поспешил от него отделаться обычным в то время способом—при помощи яда. Преследуя те же цели, что и Гао Хуань, Юй-вынь Тай хотел иметь императором лицо, единственно ему обязанное своим высоким постом, и, остановив свой выбор на князе Тоба Бао-цзюй, провозгласил его императором. После сего Юань-вэйская империя разделилась на две части: западную, Юйвынь Тай'я, и восточную, Гао Хуаня.

Последующие 15 лет прошли в борьбе между собой этих генералов, причем состоявшие при них императоры играли самую жалкую роль [3]). В 547 г. Гао Хуань скончался, передав свою власть сыновьям. Старший из них Гао Чэн был убит в 549 году, младший Гао Лян, устранив Тоба Шань-цзянь, сам воссел на престол, дав своей династии наименование Ци [4]). Семь лет спустя та же участь постигла западную половину империи, где Юй-вынь Цзю, сын Юй-вынь Тай'я, положил основание династии Чжоу.

Так бесславно закончила свое существование одна из величайших инородческих династий Китая.

*) Находился под Си-ань-фу (близь г. Чан-ань),

[2]) Ныне областной город той же провинции Хэ-нань.

[3]) „С Тоба Шань-цзянь обращались грубо и нагло" *(Иакинф* — „Записки о Монголии", III, стр. 98).

[4]) Бэй Ци в" отличие от династии Ци, царствовавшей в южном Китае с 479 по 502 г.

Не лучше обстояло дело и в соседнем Жеужаньском ханстве.

Едва Анахуань *). принял бразды правления, как в ханстве возникли междоусобия. Анахуань был разбит наголову и едва спасся бегством в Китай, где и нашел приют при дворе императора Тоба Сюй (520 г.)

К этому последнему, преклонив колена, он обратился со следующей речью:

„Предки вассала одного происхождения с великим домом Вэй. Сначала они кочевали в Мо-нань, затем переселились в Мо-бэй. Если они не всегда имели возможность засвидетельствовать свою преданность престолу, то причиной тому были гаогюйцы. находившиеся в постоянном брожении. Та же причина помешала исполнить долг вассала и моему покойному брату. Руководимый искренним желанием благоговейно исполнить этот долг, Чэуну каган снарядил уже посольство к великому дому Вэй, когда вспыхнуло восстание гаогюйцев. Вслед за тем составился заговор, и он был убит злонамеренными людьми. Ныне же, полагаясь на беспредельное милосердие государя, вассал прибегает к подножию трона". И, поясняя свое ходатайство, он продолжал: „ Вассал приехал пасть пред вратами дворца, дабы умолять государя о военной помощи, без которой у него нет возможности ни собрать рассеявшихся, ни наказать взбунтовавшихся".

Эта речь принята была благосклонно, но едва вспомогательный корпус достиг границы, как получено было известие, что в степи нормальный порядок уже восстановлен, и Поломынь объявлен каганом (521 г.). Анахуаню ничего иного,не оставалось, как вернуться обратно в Ло-ян, что он и сделал, но оставался в нем и на этот раз недолго, так как в том же 521 году Поломынь, по выражению летописца, был уже „изгнан" парпурумами и бежал в Хэ-си, оставив жеужаньский престол снова вакантным.

*) Так транскрибирует наименование этого государя о. *Иакинф* в „Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Аз. в древн. вр.[и], 1, 2, стр. 225; в „Зап. о МонгД III, стр. 107, он называет его Аногуй; *Попов* („Мэн-гу-ю-му-цзи",. стр. 473) переводит Анагуй; *Chavannes* („Documents sur les Tou-kiue Occidentaux", стр. 222)—А-на-гуай; *St. Julun* („Documents historiques sur les Tou-kioue" в „Journ. Asiat.", VI serie, III, стр. 329)—А-на-гуй. В „Ган-му" Анахуань назван Тубин-ханом.

В степи возникли серьезные беспорядки: Жеужаньское государство распалось на отдельные княжества, которые вступили в борьбу между собой за первенство *). Некоторые родовичи, и в их числе старший брат Анахуаня, Синифа, бежали в Китай, где униженно просили о помощи в восстановлении ханской власти, но в этом им было отказано, взамен же решено: Поломыня с десятью оставшимися ему верными аймаками поселить в местности Си-хай-цзюнь[2]), а Анахуаня к востоку от Ву-юань[3]), т. е. на той территории, которая в 429 году была отведена пленным жеужаням.

[1]) *Иакинф*—„Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Аз. в древн. вр.", 1,2, стр. 231.

[2]) Принимая Си-хай за озеро Куку-нор, *Иакинф* („Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Аз. в древн. вр.[a], 1, 2, стр. 233; „Записки о Монголии", III, стр. 106) пишет, что Поломынь был поселен между Дунь - хуаном и оз. Куку-нор. Однако в данном случае имеется в виду не область последнего, а низовья р. Эцзин-гол. В „Мзн-гу-ю-му-цзи", стр. 473, читаем: „Поломынь поселен был в Си-хай-цзюнь, в 1200 ли на северо-запад от Чжан-і, (Гань-чжоу-фу) и в 1000 ли от Цзинь-шань (Гобийского Алтая)[4]'. *А. И. Иванов* дал мне следующую справку о местоположении Си-хай-цзюня: В „Обозрении административного деления при дин. Цзинь" сказано: „В 7 году правления Тай-ши (в 271 г.) был учрежден округ Си-хай-цзюнь". В „Географическом обозрении дин. Юань" говорится: „И-цзи-най (лу) находится к северу от Гань-чжоу в 1500 ли; к северо-востоку от города есть большое озеро, которое на севере и западе ограничено песками; это и есть древний город Цзюй-янь, округа Си-хай-цзюнь, времен дин. Хань", Наконец, в „Шуй-цзин-чжу" читаем: „К югу от Си-хай на границе сыпучих песков позади красной воды и впереди черной находится гора Кунь-лунь*.

В области Куку-нора уже потому нельзя было поселить Поломыня, что там продолжали еще господствовать тогонцы.

[3]) *Иакинф* („Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Аз. в древн. врем.[44], 1,,2, стр. 232) дает ошибочный перевод соответственного места „Бэй-шы". Вместо фразы: „ключ Тужоси от Дунь-хуана на севере и Си-хай-гюнь суть два укрепленных места династий Хань и Цзинь; там земли обширные, ровные, повсюду тучные, то полагаем Анахуаня поместить при Тужоси, Поломыня в Си-хай-гюнь"—следует, согласно переводу *А. И. Иванова*, читать: „ключ Тужоси и Си-хай-цзюнь, лежащий на север от Дунь-хуана, суть два укрепленных места династий Хань и Цзинь" и т. д. Си-хай-цзюнь действительно, как мы видели выше, лежит если не к северу, то к северо-востоку от Дунь-хуана; что касается Тужоси, то указание на Хуай-шо-чжэнь, крепость, составлявшую опорный пункт одной из тести инспекций и находившуюся в округе Шо-чжоу, т. е. на территории Уратского знамени, дает нам возможность искать его там же. Что Анахуань поселен был на землях Уратского знамени, явствует, между прочим, из следующего:

Оба хана остались таким решением дела недовольны и бежали. Поломынь был настигнут и водворен обратно, Анахуань же, ограбив предварительно всю страну на юг до Пин-чэна (523 г.), успел отбиться от высланной за ним погони, преследовавшей его до Хань-хая[x]), и достичь своих родных кочевий, где и утвердился на прародительском престоле.

Вскоре затем роли императора и кагана жеужаней переменились. В северном Китае вспыхнули беспорядки, и Анахуань вступил в его пределы в роли защитника трона. Оба Вэйские двора, восточный и западный, стали искать его дружбы, но Анахуань держал себя в сношениях с ними надменно и даже не всегда отвечал на посольства посольством.

Эта надменность в обращении с обоими соперниками, истощавшими ресурсы империи в междоусобной войне, слуэрила, однако, мерилом глубины падения престижа императорской власти, а не свидетельствовала о возросшей силе Жеужаньского ханства. Даже наоборот, в том обстоятельстве, что и при столь благоприятных для него условиях Анахуань отваживался только на небольшие грабительские набеги на сопредельные части Китая, следует видеть ясное указание на переживавшийся этим государством внутренний кризис. Он в полной мере сказался несколько лет спустя, о чем будет говориться в следующей главе; здесь же, заканчивая обзор политического положения Средней Азии в эпоху, предшествовавшую выступлению турок, мне остается указать лишь на то, что и третье значительное государство Внутренней Азии—Тогонское царства переживало одновременно эпоху бессилия. Тогонцы приняли

1) свидание китайских послов с Анахуанем, состоявшееся после переселения последнего на отведенные ему земли, произошло между крепостями Хуай-шо^-чжзнь и Хуай-хуан-чжэнь;

2) необходимое ему довольствие он получал из г. Шо-чжоу, и

3) в 523 г. Анахуань ограбил северную окраину Китая на юг до Да-тун-фу, чего он не мог-бы сделать, если-бы его кочевья находились к северу от Дунь-хуана.

В „Зап. о Монг.", Ш, стр. 106, *Иакинф,* впрочем, прямо говорит, что Аногуй поселен был в Чахаре.

*) *Иакинф* („Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Азии в др. вр.[м], 1, 2, стр. 234) переводит: „до Байкала". Географический термин этот, как мы

участие в ликвидации беспорядков, охвативших Юаньвэйскую империю, но вмешательство это было несущественным и имело единственным результатом свержение сюзеренной власти Тобаского дома. Событие это должно быть отнесено к 525 году.

уже знаем, крайне неопределенный, но едва-ли здесь может идти речь -об озере Байкал.

ГЛАВА VI. Период быстрой смены господствующих народностей. (с 745 года до половины XII века).

Уйгурское ханство, занимая территорию между Большим Хинганом на востоке [1] и Алтаем на западе [2], на юге простиралось до подгорий Инь-шаня, что видно из следующего места „Тан-шу": „Пэй-ло жил на юге, на землях, которыми в прежнее время владели восточные турки [3], когда же пало Турецкое государство, он переселился на север и поставил свой стан между горой У-дэ-гянь (Утукен) и рекой Гунь", т. е. Орхоном. Что касается севера, то Саянское нагорье стало достоянием уйгурских ханов лишь в 758 году [2]), да и то на короткое время. Таким образом, своими размерами оно значительно уступало Турецкой державе, уступало ей несомненно и в силе, ибо не все даже телэские племена вошли в его состав [8]), тем не менее в его жизни был период такого могущества, перед которым преклонился даже Китай в лице его императоров: Дай-цзун, тогда наследник престола, на коленях вымаливал у Моу-юй-хана пощаду столице, его сын, впоследствии император Дэ-цзун, за отказ коленопреклоненно приветствовать хана поплатился пятидневным арестом и муками жажды, его же полководцы Вэй-кюй и Вэй Шао-хуа, выразившие протест, умерли под батогами.

Пэй-ло, царствовавший под именем Кутлуг Бильге Кюль кагана, умер в 747 году[4] . Ему наследовал его сын Моюн Чур[5] (Мо-янь-чжо), принявший титул Тэнгридэ-болмыш Иль-итмиш Бильге-кагана.

Китайцы аттестуют его отважным и искусным полководцем. Таким рисует его и надпись „Селенгинского камня".

Согласно этой надписи, вступление его на престол сопровождалось смутами, ибо часть народа— „восемь огузов и девять татар" от него отложилась, об'явив своим каганом старшего его сына Тай Бильге-тутука [6].

Последующие события в надписи изложены настолько подробно, что дают возможность восстановить следующую картину борьбы отца с сыном.

Разбив Тай Бильге-тутука, Моюн Чур во внимание к тому, что „восемь огузов" были его

---

[1] Вероятно, здесь идет речь о территории, занятой ныне монголами урат и тумэт.

[2] *Ипкинф,* op. cit., стр. 391, 449.

[3] *Радлов,* op. cit., стр. 92, пишет: „колена пу-гу, хунь, ба-fe-гу тун-ло, сы-rb, и ки-би сохранили свою самостоятельность". Поводом к такому заключению послужило, повидимому, следующее место книги *о. Иакинфа* („Собрание свед. о народ., обит. в Ср. Азии в др. вр.", 1, 2, стр. 383): „в числе их (т. е. девяти родов уйгуров) не полагаются Пу-гу, Хунь, Ба-Ь-гу, Тун-ло, Сы-гЬ, Ки-би; сии шесть домов были равные с уйгурами", но оно имеет совершенно иное значение. Тем не менее существуют указания, что если не все, здесь перечисленные, то некоторые из т-ьлэских племен оставались под властью Китая и после 745 года. Так, в ,Тан-шу" *{Иакинф,* op. cit, 1, 2, стр. 386) говорится: „Уйгурский хан Гэ-ло (Моюн Чур), соединившись с Го Цзы-и, разбил *тун-ло",* входивших в состав инородческой массы, поднявшей восстание под предводительством АньЛу-шаня, „при Желтой реке". Засим, под 842 годом там-же читаем: „Мянь и Ши Хун с кочевыми из поколений ша-то и *ки-би...* вступили в сражение с уйгурами и разбили их" *(Иакинф,* op. cit., 1, 2. стр. 422). Наконец, в „Ган-му" *(Иакинф,* op. cit, 1, 2, стр. 400) сказано, что Хуай-энь, о. *шдетельныи,* князь племени *пу-iy,* сражался на стороне китайцев, не будучи в то же время в подчинении у уйгурского хана.

[4] Эту дату дает *Рамстедт* (.Труды Троицкос.-Кяхт. отд. Пркам. отдела И. Русск. Геогр. Общ.", 1912, XV, 1, стр. 48), опираясь на „Селен-гинскую надпись". См. также *idem*— „Zwei uigurische Runeninschriiten in der Nord-Mongolei", 1913, стр. 48. *Schlegel* („Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgassun", стр. 3, 30) относит смерть Пэй-ло к 746 году. *Иакинф,* op. cit., 1, 2, стр. 384, дает более раннюю дату:февраль 745 года. Наоборот, *Bretschneider,* op. cit., 1, стр. 240, и, согласно с ним, *Д. Позднеев,* op. cit., стр. 66, возводят на ханский престол Моюн Чура в 756 году. *]. Marquart*—„Ueber das Volkstum der Komanen" в „Abhand-lungen der k. Gesellsch. der Wissenschaften zu Gottingen", philolog-hist. K.L, neue Folge, 1914, XIII, I, стр. 61, также считает годом смерти Пэй-ло (Bojia) 746 г.

[5] Эта *Шлеюлевская* транскрипция китайского Мо-янь-чжо считается P. *Pellwt* („A propos des Comans" в „journ. Asiaf, 1920, Avr.-juin, стр. 153, сноска) неправильной, как равно и транскрипция Боюн-чур, предложенная *Mnrquart'ovi;* более близкой он считал бы Баян-чур, но в виду сомнений, которые вызывают эти транскрипции, он находит более правильным остаться при китайском Мо-янь-чжо.

[6] Селенгинская надпись умалчивает о том, кто таков был Тай Бильге-тутук; но так как в „Тан-шу" говорится, что старший сын Моюн Чура был казнен вследствие содеянного им преступления, то отсюда *Рамстедт,* 1ос. cit., стр. 48, делает естественный вывод, что этот „именитый преступник" и был Тай Бильге-тутук.

собственным народом, ограничился наложением на них только взыскания (пени) [1]; но этот милостивый поступок не возымел желанного действия: „восемь огузов" не перешли на его сторону, и военные действия возобновились. Результат их был снова неблагоприятен для бунтовщиков, и, разгромив их кочевья, Моюн Чур на этот раз наказал их строже, угнав скот и лошадей и уведя в полон их жен и дочерей. Но видно глубока была преданность огузов своему кагану, ибо и этот суровый урок не повлиял на их решение идти по избранному пути до конца. Остался без ответа и новый призыв Моюн Чура сложить оружие. Он послал им сказать: „Из-за низости Тай Бильге-тутука, .из-за низости немногих князей, ты, мой черный народ, идешь на погибель... Но ты не должен страдать, и ты не умрешь, если передашь мне свою поддержку и силы". Он назначил им продолжительный срок для принятия соответственного решения, но прошли положенные два месяца, и борьба возобновилась, на этот раз решительная и беспощадная [2]. Огузы были побеждены [3]. Поплатились и токуз-татары: часть их принуждена была ему покориться, часть бежала к киданям [4]; впрочем, как видно из дальнейшего, разгрому подверглись далеко не все их кочевья.

Покончив с восстанием Тай Бильге-тутука [5], Моюн Чур обратил оружие против внешних своих врагов. В 750 году он присоединил к своим владениям земли чиков [6], в следующем окончательно покорил токуз-татар. В то же время против него образовалась, поддержанная, невидимому, внутренними его врагами, сильная коалиция соседних народов, в числе коих надпись называет: только что покоренных чиков, киргиз, кар-луков, тургешей и басмалов [7]. Борьба с ними, в общем победоносная, и заполняет все последующие годы царствования Моюн Чура, ибо хотя он и покорил басмалов и карлуков в 755 году [8], но с киргизами, согласно „Тан-шу" [9], сумел справиться только в 758 году, т. е. едва за год до смерти.

Моюн Чуру довелось сыграть выдающуюся роль во внутренних делах Китайской империи, потрясенной восстанием Ань Лу-шаня.

Это восстание нанесло сильнейший удар престижу Танской династии и настолько обессилило империю, что последняя в борьбе с своими внутренними и внешними врагами долгое время не в состоянии была обходиться без чужой помощи. Последнюю охотно оказывали ей уйгурские ханы, но это сразу же поставило ее в зависимое от кочевников положение, которое оказалось еще более тяжким, чем в цзелиево время [10].

Если не почву для восстания, то в значительной мере благоприятные для него условия, создал никто другой, как император Су-цзун своей неосторожной окраинной политикой, приведшей к возрождению стремлений к сепаратизму там, где они, казалось, должны были давно заглохнуть.

В 742 году, для охраны империи от кочевников, северные и западные участки ее внешней границы были разделены на военные округа (цзэ-ду) [11]. Так как основную массу населения этих

---

[1] *Рамстедт* переводит: „наложил на них наказание",

[2] Заключаю это из следующих слов надписи в переводе *Рамстедта:*
„от врагов я был свободен и освобожден", т. е. очевидно: покончив с врагами, я почувствовал себя на свободе.

[3] О конечной судьбе бунтовавших огузов надпись не говорит; равным образом умалчивает она и о судьбе, постигшей Тай Бильге-тутука.

[4] Это, впрочем, только догадка *Рамстедта*

[5] В 749 году (см. *Ramstedt*—„Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei", стр. 50)

[6] См. выше стр. 311.

[7] *Рамстедт,* op. cit., стр. 44, переводит название одного из пламен, ставшего равным образом во враждебные отношения к уйгурам, словами— „Три Святых". Я предпочитаю оставить белое место, чем приводить такое племенное название.

[8] Точнее было-бы сказать до 755 года. См. *Рамстедт,* loc. cit, стр. 46.

[9] *Иакинф,* op. cit, 1, **2,** стр. 449.

[10] См. выше стр. 244 и след.

[11] В Притяньшаньском крае были изменены лишь названия Ань-си ду-хо-фу и Бэй-тин ду-хо-фу на Ань-си и Бэй-тин цз^-ду, причем и управление этими округами осталось в тех же городах, т. е. в Куче и Бишба-лыке. Реформу эту в Джунгарии *Иакинф,* op. cit, III, геогр. указ., стр. 11, относит впрочем к более раннему времени, а именно, к 733 году. Засим, из провинции Хэ-си образовано было Хэ-си цз1>-ду с центром в Лян-чжоу;
далее же на восток вдоль северной границы следователи: Шо-фан цз^-ду с центром в Лин-чжоу, Хэ-дун (управление в г. Тай-юань-фу), Фань-ян (в г. Ю-чжоу) и Пин-лу (в г. Ин-чжоу). Остальной затем участок

округов составляли военнообязанные инородцы, то на должности окружных начальников (цзе-ду-шэ) стали назначаться преимущественно родовые старшины этих последних.

Су-цзун, стремясь выработать из них надежных служилых людей и привязать к трону, значительно увеличил отпускавшиеся в их распоряжение суммы [1] и сделал их должности наследственными. Но расчеты его не оправдались: почувствовав себя вне постоянного правительственного контроля, находясь во главе значительных масс вооруженного народа, окружные начальники очень скоро переступили грань, отделявшую правительственного чиновника от владетельного князя, и. перестав считаться с центральным правительством, повели каждый свою особую окраинную политику. Таким образом на гранях империи за ее счет образовался очень скоро ряд крупных феодов, с которыми танскому правительству довелось очень скоро считаться.

Ань Лу-шань, хунн родом [2]. был одним из таких окружных начальников. В 741 году [3] он был назначен главноуправ-ляющим (цзе-ду-шэ) в Ин-чжоу [4]. Благодаря подкупам, в 747 году он получил в управление второй округ Фань-ян а затем в 754 году и третий—Хэ-дун. 06'единив таким образом под своим управлением огромную территорию от Ляодунского залива до Ордоса, он вскоре затем добился и очень важного для его целей поста—заведующего казенными табунами. При всей своей ловкости [5] он все же не мог скрыть подготовлявшегося им восстания, был заподозрен в измене и вызван в Чан-ань. Там, однако, он сумел не только оправдаться, но и добиться высочайших наград для 2500 высших своих офицеров, а равно крайне важного для него разрешения заменить на 32 высших должностях китайских чиновников инородцами. Тем не менее он понял, что этот успех при дворе был последним, и что в дальнейшем ему не на что уже больше рассчитывать. Поэтому, возвратившись в Фань-ян, он быстро созвал под знамена армию в 150 000 человек и поднял восстание.

Императорское правительство оказалось в критическом положении.

В Танскую эпоху Китай вел все свои войны войсками, набранными преимущественно среди инородцев, т. е. главным образом теми силами, которые оказались в распоряжении Ань Лу-шаня или же при первом его успехе готовы были ему передаться. Впрочем, нашлись и преданные Танам князья, которые поспешили явиться на защиту престола; но приведенные ими отряды были невелики и не могли спасти положения; рассчитывать же на войска Ань-си, Бэй-тина, Хэ-си и трех западных округов было нельзя, так как попыткой снять гарнизоны на западе сейчас же воспользовались тибетцы, поспешившие занять без боя часть Сы-чуани, восточную Гань-су и бассейн Сининской реки. При таких условиях императору Су-цзуну не оставалось другого выхода из создавшегося положения как обратиться за помощью к уйгурскому хану.

В китайских летописях говорится, что вспомогательные войска прибыли в Китай не только с севера, из Монголии, но и из западных владений: хотанский князь выставил пятитысячный корпус, Ли Сы-е, бывший наместник в Бэй-тине, привел войска из Западного Туркестана, и в их составе, будто бы, даже отряд арабов [6] Наконец, были мобилизованы также и южные инородцы. Но все эти силы собрались под китайскими знаменами уже после того, как обе китайские столицы, Чан-ань и Ло-ян, были взяты Ань Лу-шанем, успевшим к тому времени об'явить себя императором.

государственной границы был разбит на три цз^-ду: Лун-ю (в г. Шань-чжоу), Гин-наяь (в г. И-чжоу) и Лин-нань (в г. Гуан-чжоу-фу).

[1] Окружные начальники обязаны были держать наготове 490 тысяч пограничных войск и 80 тысяч лошадей. До 713 года содержание пограничных гарнизонов обходилось казне в 2 миллиона кусков шелковых тканей, после же реформы в 10.200.000 кусков и 690 тысяч ху (ху равен был приблизительно 6 четверикам) хлеба. По тому времени эти издержки были огромными.

[2] Кажется, Ань Лу-шань—последний хунн, о котором говорится в китайской истории.

[3] Т. е. за год до общей реформы.

[4] Это—древний Лун-чэн, близь которого находились некогда могилы хуннских князей. См. выше стр. 85.

[5] Китайцы характеризуют его искусным лицемером и тонким льстецом,

[6] *Gaubil*—„Memoires concernant 1'histoire, etc., des Chinois", XVI, стр. 67, 71; *de Mailla,* op. cit, VI, стр. 261, 264; *Иакинф,* op. cit, I, 2, стр. 384.

Несмотря на большой исторический интерес, который представляет последующая борьба с Ань Лу-шанем, оказавшимся плохим полководцем [1], подробное ее изложение не входит в задачу настоящей книги; поэтому я ограничусь лишь указанием, что поднятое им восстание было сломлено в течение 757 года силами главным образом уйгуров, что в том же году обе столицы были возвращены империи, и что оттесненный на север, в Фань-ян, Ань Лу-шань не мог справиться с революционным движением в рядах своих приближенных и пал жертвой их заговора (в 757 году). Но его министры, сплотившиеся вокруг его сына Ань Цин-сюй'я, продолжали его дело и успели даже в 759 году нанести правительственным войскам под Сян-чжоу [2] сильное поражение; затем, однако, Цин-сюй был окружен императорской армией в городе Е-чэн [3] и хотя и был освобожден своевременно подоспевшими войсками полководца Шы Сы-мина, но последний, видя полную его бездарность, схватил его и казнил, себя же объявил императором государства Янь (в 759 году).

Последовавшая засим борьба с Шы Сы-мином, пользовавшимся заслуженной репутацией талантливого вождя, приняла очень скоро неблагоприятный для китайского правительства оборот, и город Ло-ян был вторично потерян. Это заставило китайский двор вновь обратиться за помощью к уйгурам. Но в это время Шы Сы-мин был убит своим сыном Шы Чао-и, что в значительной степени облегчило задачу китайского правительства: Чао-и, вынужденный бежать из Ло-яна на север, был настигнут, разбит и в порыве отчаяния, покинутый всеми, покончил жизнь самоубийством (в 764 году).

Эти междоусобные войны сопровождались неслыханными жестокостями. О них красноречивее всего говорят следующие цифры: в 754 году население Китайского государства исчислялось в 53 мил. душ обоего пола, десять же лет спустя. в 764 году, после того, как голова Шы *Чао-и была,* вывешена в клетке, всего лишь в 17 милл.! [4]. „Б селениях не оставалось ни одной целой хижины", говорит нам китайская летопись, „и жители вместо одежды прикрывались листами бумаги" [5]. В довершение всех бед в западные пределы империи вступили тибетцы и почти без сопротивления заняли области Хэ-си и Лун-ю (в 763 году) [6].

В этом страшном разгроме империи приняли не малое участие и союзники китайцев— уйгуры. Они грабили города,, уезды и области; провиант забирали без счета и меры; за малейшее сопротивление грабежу избивали население без жалости: „бесчеловечнее мятежников поступали" [7] и „когда", говорится далее в „Тан-шу", „вступили, наконец, в столицу (Ло-ян), то предали и ее разграблению [8]; жители столицы бежали в ближайшие буддийские монастыри, но они и там их настигали и избивали". Так было перебито свыше десяти тысяч человек, причем погибли в пламени и монастыри „Тогда старики поднесли им 10.000 кусков шелковых тканей и только этим спасли то, что еще оставалось неразграбленным в городе". Примеру уйгуров следовали и правительственные войска, прибывшие из военного округа Шо-фан и состоявшие главным образом из тех же кочевников От их грабежей пострадали целые области, в особенности же округа Жу-чжоу и Чжэн-чжоу [9] в провинции Хэ-нань.

Кто бы, однако, ни громил Китай, события 756—764 годов нанесли его могуществу настолько сильный удар, что понадобились века, чтобы залечить его раны. Вынужденный с

---

[1] Впрочем, он стал в это время быстро слепнуть, что и вынудило его передать высшее командование в другие руки. Этим об'ясняется, может быть, последующий неуспех его дела.

[2] Ныне город Кай-фын провинции Хэ-нань (?).

[3] Лежал в двадцати 'ли к западу от современного уездного города Лин-чжан провинции Хэ-нань.

[4] 06'яснение этому чрезмерному уменьшению цифры населения Китайской империи следует искать не только в кровавых событиях пережитой эпохи, но и в сокращении ее территории.

[5] *Иакинф,* op. cit, 1, 2, стр. 398.

[6] *Иакинф*—„История Тибета и Хухунора", I, стр. 176.

[7] *Иакинф*—„Собр. свед. о нар., обит. в Ср. Азии в древн. вр.", 1. с.

[8] С разрешения впрочем императора. В „Синь Тан-шу" (*Д. Позднеева,* op. cit., стр. 79) говорится: „После того, как уйгуры исторгли из рук бунтовщиков восточную столицу, император приказал сказать им, что земля и народ должны быть возвращены ему, -а богатства и пленницы пусть достанутся победителям". Впрочем согласие это было, повидимому, вынужденным, ибо далее говорится : ,'Ь-х.у после победы над мятежниками все хотел предать грабежу"... См. также *de Mmlln,* op. cit, VI, стр. 268—269.

[9] Оба эти округа сохранили доныне свои названия

этого времени отрешиться от мировой политики, он замкнулся в себе, и конец VIII века—это постепенная ликвидация китайских политических успехов предшедшего времени.

Изложенными событиями бедствия Китая не ограничились. В 765 году восстал талантливейший из китайских полководцев, бугуский (пу-гу) владетельный князь Хуай-энь, успевший многократно доказать свою беззаветную храбрость и верность престолу, потерявший в войнах с врагами империи 46 человек своих родственников и не задумавшийся казнить своего родного сына за то только, что тот предпочел плен—смерти в бою. В восстании он искал спасения от неминуемо ожидавшей его казни по наветам евнуха [1].

Хуай-энь вступил в соглашение с уйгурами и тибетцами [2], но вскоре после того, как союзники вторглись в пределы Китая, скоропостижно скончался. Смерть эта порвала единственную связь, существовавшую между обоими народами, и облегчила китайцам задачу втравить их в борьбу между собою. „Биография Го Цзы-и" приписывает переход уйгуров на сторону китайцев тому нравственному влиянию, которое на них имел этот государственный деятель. Что, однако, одного этого влияния оказалось недостаточно для того, чтобы склонить уйгуров к измене тибетцам, об этом свидетельствуют те сто тысяч кусков шелковых тканей, которые были им выданы в подкрепление доводов Го Цзы-и [3]. Да и было бы странно, если бы уйгуры того времени, воспитавшиеся на безнаказанных грабежах [4] и научившиеся дорогой ценой продавать свои услуги Китаю, вдруг пошли бы проливать свою кровь ради торжества каких-то отвлеченных принципов Насколько же строго блюли они свои интересы, это доказывает их набег в 778 году на округ Бин-чжоу, предпринятый в отместку за отказ китайского правительства оплатить все количество пригнанных ими лошадей договорным числом кусков шелковых тканей [5].

О помощью уйгуров тибетцы были изгнаны из Китая, но война с ними не прекращалась до 781 года, когда утомившиеся противники решили, наконец, заключить договор, в основание которого легли некоторые территориальные уступки, сделанные китайцами, и согласие последних на признание Тибета равной с Китаем державой [6].

К этому времени официально Западный край все еще находился под властью Китая, так как в городах Ань-си, Бэй-тине и Си-чжоу, начиная с 755 года отрезанных от Китайской империи, продолжали каким-то чудом держаться китайские гарнизоны; фактически же он давно уже принадлежал: на северо-западе каблукам, которые в 766 году овладели почти всей территорией бывшего Тургешского ханства, па северо-востоке уйгурам и к югу от Тянь-шаньской магистрали тибетцам, что можно заключить из следующих указаний китайских анналов: во-первых, ша-то, кочевавшие в окрестностях Бэй-тина, хотя и имели опору в этом городе, тем не менее считались данниками уйгуров, и, во-вторых, гэ-лу [7], бай-янь [1] и другие

---

[1] Сам Хуай-энь в письме, адресованном императору, обвинил себя в шести «преступлениях", как он иронически назвал главнейшие свои *услуги* государству, малейшая из которых заслуживала-бы вечной признательности китайского народа.

[2] В „Биографии Го Цзы-и" упоминаются кроме того дансяны, хунь, цяйчк» (какие цяны имеются здесь в виду—сказать трудно) и ну-ла (?), приславшие свои вспомогательные отряды Хуай-эню; в «Истории Тибета и Хухунора", I, стр. 179, в числе союзников Хуай-эня упомянуты сверх того и тогоны.

[3] Другим и едва-ли не главным поводом к переходу на сторону китайцев послужили для уйгуров их распри с тибетцами на почве первенства в командовании *(Иакинф*—„История Тибета и Хухунора", *1*, стр. 181).

[4] Китайские анналы этого времени пестрят фактами самого дикого грабежа и безмерной наглости уйгуров, не стеснявшихся даже в столице отбирать среди бела дня у проезжих их лошадей, хватать на улице и уводить к себе девушек и т. д. Между прочим, под 469 годом рассказывается, что и ханские послы не утерпели перед возможностью ограбить Хун-лу-сы (буддийский монастырь) и прилегавшее к нему селение, причем высланные им навстречу китайские чиновники не могли им в этом помешать, так как взамен они безумно требовали золота".

[5] Это была скрытая подать, которую обязалось ежегодно вносить китайское правительство; но в 778 году уйгуры вдруг пригнали 10.000 голов большей частью очень плохих лошадей, потребовав за них 400.000 кусков шелковых тканей—количество, которое китайское правительство не в силах было выдать, не отягощая без меры народ; оно согласилось принять только 6000 лошадей, что и дало повод к конфликту.

[6] *Иакинф,* op. cit., I, стр. 188 и след.

[7] Никаких данных, которые-бы указывали на принадлежность этого племени или рода к той или другой этнической группе, я не нашел в литературе, трактующей об истории и географии Средней Азии: всего, однако, вероятнее, что это одно из турецких племен, позднее других спустившееся в Джунгарию с Алтайско-Саянского нагорья. Оно

турецкие роды, подвластные также уйгурам и кочевавшие, вероятно, где-либо по соседству, так как явились пособниками тибетцев при взятии Бэй-тина, тайно были преданы этим последним [2], чего не могло бы случиться, если бы тибетцы не господствовали в это время в Притяньшанье; да, наконец, и по ходу событий нельзя предположить ничего другого.

В 790 году [3] ша-то были покорены тибетцами. О их помощью Бэй-тин был взят [4], уйгурские же войска, спешившие ему на выручку, отражены. Китайский окружной начальник Ян Си-гу бежал в Си-чжоу, но после того, как уйгуры вновь были разбиты тибетцами и принуждены были отступить на восток, отбиваясь от преследовавших их гэ-лу, он в припадке отчаяния наложил на себя руки.

Тибетцы, невидимому, не закрепили за собой южной Джунгарии; но, покидая ее, они увели за собой и ша-то, которых поселили в Хэ-си, к северу от города Гань-чжоу.

Внутренний кризис, переживавшийся в то время уйгурами, помешал им силой оружия воспрепятствовать этому переселению; но они не забыли своих поражений и, как только обстоятельства позволили, не только вернули утраченное, вновь покорив гэ-лу, но и отняли у тибетцев город Лян-чжоу в Хэ-си. Поражения, которые понесли при этом тибетцы, были приписаны ими измене ша-то. Действительно, среди последних стало замечаться брожение, когда же тибетцы задумали перевести их на новые места, вглубь страны, на правый берег Желтой реки, оно перешло в открытый бунт, выразившийся в их бегстве на восток, под защиту китайцев. Это случилось в 808 году.

Посланный в вдогонку тибетский отряд хотя и нанес ша-то ряд поражений, но не мог их остановить, после чего остатки их добрались до Ордоса, где и были поселены в округе Янь-чжоу, к востоку от Лин-чжоу, но засим местность эта по ее близости к тибетской границе признана была для них не подходящей, и они были переведены частью на северо-восток от Желтой реки, в долину Дин-сян, частью еще далее на восток, где им и вверена была охрана прохода Хуан-хуа-дуй в Да-тун-фу [5].

Высшего могущества Уйгурская держава достигла при двух преемниках хана Пэй-ло, его сыне и внуке [6], Моюн-Чуре (747—759) и И-ди-гяне (759—779), принявшем по восшествии на престол имя Бугу [7] и титул Тэнгридэ кут болмыш киттут тэнгмыш алп кюлюг бильге кагана [8]. Но уже смерть И-ди-гяня была насильственной, а затем интрига и преступление свили себе прочное гнездо в ханской ставке.

И-ди-гяня убил подкупленный китайцами Дунь Мо-хэ да-гань [9]. Не принадлежа к

управлялось князем с титулом ябгу (шэ-ху), что видно из следующего места „Тан-шу" *(Иакинф*— «Собр. свед. о нар., обит. в Ср. Азии в древн. вр.", 1, 2, стр. 449): «жену свою, дочь гэ-лу'ского шэ-ху, об'явил ханшей". *Васильев* (см, *Kadlqff*—.*Die* altturk. Inschr. der Mong.", Ill, 1895, стр. 289, 290) полагает, что гэ-лу— карлуки; того-де мнения придерживаются: *Schlegel*—„Die chin. Inschr. auf dem uigur. Denkm. in Kara-Balgassun", pass., и *Bretschnelder*— „Media&val researches from Eastern Asiat. Sources", I, стр. 28, сн. 48. В XIII веке они еще жили где-то в пределах Алтайского нагорья (см. *Bretschnelder,* ibid.). О племени гэ-лу упоминается и на уйгурском памятнике орхонской группы ("см. *Васильев*—„Орхонские памятники", стр. 25—26).

[1] И по отношению к этому племени или роду, который я также отношу к числу турецких, я не нашел указаний в китайской исторической литературе.

[2] *Иакгшф,* op. cit., 1, 2, стр. 412,

[3] У *Ипкинфа,* op. cit., 1, 2, стр. 455, событие это ошибочно отнесено к 794 году.

[4] У *de Malllii, op.* cit., VI, стр. 354, взятие тибетцами Бэй-тина отнесено к 790 году; у *Deguignes,* op. cit., II, стр. 23,— к 791 году.

[5] Впоследствии один из шатоских князей овладел императорским престолом, основав династию Хэу Цзинь (937—947; см. *de Mailla,* op. cit, VII, стр. 319—384). Эта династия была свергнута шатосцем же Лю-чжи-юанем, давшим своей династии наименование Хэу-Хань (947—951; см. *de Mailla,* ibid., стр. 385—422).

[6] *Л. Позднеее,* op. cit., стр. 67, называет И-ди-гяня не внуком, а сыном хана Пэй-ло; ср однако *Иакинф,* op. cit, 1, 2, стр. 393; *idem*— „Зап. о Монголии", III, стр. 140.

[7] *Schlegel,* op. cit, стр. 32; *Marquart*—„Guwaini's Bericht uber die Bekehrung der Uiguren" в „Sitzungsber. d. k. Preuss. Akad. d. Wiss.", 1912, XXVII, стр. 487; *idem*—„Ueber das Volkstum der Komanen" в „Abhandlungen der k. Gesellsch. der Wissenschaften zu Gottingen", philolog.-hist. Klasse, neue Folge, 1914, XIII, 1, стр. 59 (759—780).

[8] *Schlegel,* op. cit., стр. 128; у *Chavannes* и *Pelliot*—„Un traite mani-cheen retrouve en Chine" в „Journ. Asiaf", 1913, стр. 211,—Тэнгридэ кут болмыш иль тутмыш алп кюлюг бильге каган.

[9] Тун-Мбкб тархан у *Радлова,* op. cit, стр. 93, Тун-Бага у *Schlegel'K,* op. cit, стр. 130.

ханскому роду, он расчистил себе дорогу к ханскому престолу массовыми казнями уйгурских родовичей [1], и засим, чтобы возвысить свой род в глазах народа, который продолжал смотреть на него как на узурпатора ханской власти, он пошел на крайние уступки китайскому правительству ради одной только чести попасть в зятья императору. Эти уступки свелись к следующим четырем пунктам: он признал себя вассалом императора: согласился сократить свиту послов до 200 человек [2] и ограничить одной тысячью число лошадей, ежегодно пригоняемых в Китай для обмена на шелковые ткани, и, наконец, обещал не допускать впредь в свои владения беглых китайцев.

Дунь Мо-хэ, принявший при воцарении имя Кет кутлуг бильге кагана [3] в китайском переложении—Хэ Гу-ду-лу Би-гя хана, скончался в 789 году. Престол перешел к его сыну До-ло-сы [4], который, однако, уже в следующем году был отравлен ханшей, внучкой Хуай-эня [5]. Смутой, вызванной этим убийством, воспользовался второй сын Дунь Мо-хэ и об'явил себя ханом, но был вскоре же схвачен и убит придворными чинами, не пожелавшими иметь его своим государем, и на престол возведен был А-чжо, несовершеннолетний сын До-ло-сы, под именем Фын-чэн хана [6]. В этот момент в ставку прибыл бежавший из под Бэй-тина уйгурский первый министр Гегянгяс. А-чжо пал перед ним на колена и передал свою судьбу в его руки. Тронутый таким смирением хана, Гегянгяс прослезился, обнял его и тут же обещал служить ему, как верный вассал.

Беспримерный в истории кочевых государств поступок А-чжо находит свое об'яснение как в изменившихся с 779 года условиях престолонаследия, так и в том влиянии на государственные дела, какое приобрело в Уйгурском ханстве служилое сословие. Избиение членов ханского рода, совершенное Дунь Мо-хэ, привело к тому, что ханский престол стал заниматься не по праву рождения, а ставленниками высших сановников государства, что принизило ханскую власть, обратив носителей ее в покорных слуг той группы людей, которая свила себе прочное гнездо в Кара-балгасуне [7] и которая явилась продуктом реформ в управлении государством, введенных И-ди-гянь-ханом, создавшим у себя по китайскому образцу штаты царедворцев и служилых людей. Гегянгяс был одним из таких служилых людей, таким же первым министром при Дунь Мо-хе, каким этот последний был при И-ди-гянь-хане, и так как в его, по видимому, руках сосредоточены были главнейшие функции государственной власти, то от него в сущности зависел и ханский престол, что, конечно, хорошо понимали советники А-чжо, продиктовавшие ему его поведение в отношении Гегянгяса.

А-чжо умер в 795 году, не оставив мужского потомства, и на престол вступил по выбору

---

[1] По словам „Тан-шу", число казненных им лиц простиралось до 2000 человек.

[2] В „Тан-шу" говорится: „Уйгурские послы, приезжавшие в Серединное государство, имели при себе свиту, обыкновенно состоявшую из тысячи человек. Оставаясь подолгу в столице на полном иждивении правительства, многие из них наживали состояние *(Иакинф*—„Собр. свед. о нар., обит. в Ср. Азии в древн. вр.", 1, 2, стр. 405). Естесгвенно, что китайцы стремились по возможности сократить этот расход.

[3] Алп кутлуг бильге-каган у *Schlegel'fi,* op. cit., стр. 70.

[4] Он носил титул —Тэнгридэ болмыш кюлюг бильге кагана *(Chavannes* и *Pelliot,* op. cit, стр. 222).

[5] В „Зап. о Монг.", II, стр. 144, говорится, что убийцей был **брат** До-ло-сы. -.

[6] Он принял турецкий титул Кутлуг бильге кагана *(Chavannes* и *Pelliot,* loc. cit.).

[7] Согласно надписи „Селенгинского камня" основателем его был Моюн Чур. Китайские анналы, а также *Джувейни* (перев. *Salemann'a.* в пред. к *Radloff*—„Das Kudatku bilik des Jusuf Chass-hadschib aus Bala-sagun", I, стр. XLV; русск. перев. в *Радлов*—„К вопросу об уйгурах", стр. 56—57, 59) относят его постройку к позднейшему времени и приписывают ее И-ди-гянь-хану. Другое название этого города было Орду-балык. Развалины его сохранились доныне; уцелеяи еще: вал цитадели, основание находившейся в ней башни и т. д., а также вне цитадели на протяжении $2^1/2$ верст следы улиц и построек. У современных монголов это городище известно под именем Хара-хэрэм; оно находится на левом берегу Орхона, между рекой и ее притоком Джирмантай, в степи Талалхаин-дала (Тала-хаин-тала у *Потанина*—„Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия", I, стр. 524). Открытие его составляет заслугу *Падерина* («О Каракоруме и о других развалинах близь Орхона", в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1873, IX, стр. 355—360; газ. „Голос", 1873, №. 311; в переводе на английский язык эта заметка с пояснением *Yule* была помещена в „Geographical Magazine", 1874, стр. 137—139), который принял, однако, Хара-хэрэм за развалины не уйгурского, а монгольского Кара-корума (см. ниже, гл. VIII). См. также *Ядринцев*—„Путешествие на верьховья Орхона, к развалинам Кара-корума" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1890, XXVI, стр. 257 seqq.

царедворцев Кутлуг, первый министр, принявший титул и имя Тэнгридэ улюг болмыш алп кутлуг улуг бильге кагана. Кутлуг был приемным сыном одного из родовых старшин, выделился своими дарованиями и был взят ко двору Дунь Мо-хэ. Вступив на престол, он „не осмелился", как говорится в „Тан-шу", приблизить к себе своих родственников и окружил себя преимущественно ханскими сыновьями и внуками. Китайская кара-балгасунская надпись рисует его прекрасным стрелком из лука и искусным полководцем, которому удалось восстановить славу уйгурского оружия на полях битв с карлуками и тибетцами [1]. Он скончался в 805 году, оставив престол сыну Гюй-лу Бильге хану, который, ничем не проявив себя, процарствовал почти четыре года. Его сменил Бао-и-хан [2], правивший Уйгурией несколько долее и умерший в начале 821 года.

Поддерживая сватовство Бао-и-хана, китайский министр Ли-цзян высказал между прочим, что уйгуры никогда не достигали большего могущества, чем при этом государе [3]. Это было несомненным преувеличением, явным даже запуганному имперскому правительству, и во избежание громадных расходов, вызывавшихся выдачей замуж принцессы императорской крови, хану в его домогательстве было отказано [4].

Могущество уйгуров и в прежнее время было не абсолютным; лишь благоприятная политическая конъюнктура—чрезвычайное ослабление Китай, вызванное внутренними смутами и изнурительной войной с Тибетом, выдвинула их на передний план и дала им возможность сыграть выдающуюся роль в политических событиях второй половины VIII века; после асе смерти И-ди-гянь-хана, когда в Китае стал восстанавливаться нормальный порядок, политическая история уйгуров вступила в такой бесцветный фазис, который свидетельствует скорее о внутренней слабости государства, чем об его силе.

Уйгурия вела свои войны с Тибетом необыкновенно вяло, ограничиваясь, невидимому, одними лишь пограничными столкновениями: весь же актив ее внешней политики за истекший 35-летний период свелся к распространению, и то путем добровольного соглашения, суверенных прав на киданьскую территорию. В этой политической бездеятельности, находившейся как бы в противоречии с засвидетельствованными историей энергией и воинственностью уйгуров, сказалась, однако, в полной мере психология этого народа, стремившегося не столько к порабощению соседей, сколько к обеспечению своей собственной свободы. Это подмечено было и китайцами, что видно из следующего диалога между тибетским полководцем Шан-шацзаном и китайским послом Лю-юань-дином [5].

„Уйгурия, сказал Шан-шацзан, в сущности небольшое владение. Некогда я вел с ней войну [6] и уже подходил к ее столице, когда неожиданная смерть государя потребовала моего возвращения на родину. В военном отношении эта держава не может считаться даже нашим соперником. Чем же об'яснить то уважение, какое питает к ней императорское правительство?"

„Мы уважаем это государство за то, отвечал китайский посол, что оно свято блюдет договоры и не покушается на не принадлежащие ему земли".

Как бы то ни было, но внутренние события последних лет, частая смена государей [7], в особенности же реформы И-ди-гянь-хана, вопреки мнению Ли-цзяна, могли лишь ослабить, а не усилить Уйгурию.

---

[1] См. выше стр. 342.

[2] В „Зап. о Монг.", стр. 145, сказано, что Бао-и был сыном Гюй-лу Бильге-хана.

[3] *Д. Позднеев,* op. cit, стр. 91

[4] Вторичное сватовство Бао-и увенчалось впрочем успехом, но императорское согласие не застало уже его в живых, и китайская принцесса, дочь императора Сянь-цзуна, досталась его преемнику Чун-дэ-хану, который выслал для ее принятия небывалое еще по своей многочисленности посольство (одних женщин числилось в нем свыше 2000). В виду значительности предстоявших казне расходов, в Чань-ань были допущены лишь 500 человек свиты, остальные же были задержаны в г. Тай-юань.

[5] *Иакинф «Ист.* Тиб. и Хухун.», стр. 221—222.

[6] Вероятно, здесь идет речь о тибетском вторжении 821 года в долину Орхона (см. *Deveria*—„Inscription de 1'Orkhon", preface, цит. по *Grenard*— „La legende de Satok Boghra khan" в „Journ. Asiat.", 1900, стр. 28).

[7] Причины недолговечности уйгурских ханов этого периода не указываются китайскими историками.

По кончине Бао-и на престол вступил Чун-дэ хан [1], который, процарствовав четыре года, умер в начале 825 года. В преемники ему был избран его брат Гэ-са-торэ, на престоле— Чжао-ли-хан, который пал жертвой заговора царедворцев в 832 году. Сменивший его Ху-торэ, приходившийся ему племянником, покончил в 839 году жизнь самоубийством после того, как восставший против него его первый министр Гюй-ло-фу, призвав на помощь ша-то, с сильной армией двинулся на Кара-балгасун. Гюй-ло-фу возвел на престол несовершеннолетнего Кэ-си-торэ, именем которого и стал управлять государством. Тогда против узурпатора восстал уйгурский полководец Гюй-лу Мо-хэ и, соединив свои силы с войском киргизского хана Чэн-мин [2], занял Кара-балгасун. Кэ-си-торэ пал при этом в бою, Гюй-ло-фу же был им схвачен и казнен.

Киргизы восстановили свою независимость, невидимому, еще в 820 году; с тех пор война между обоими государствами не прекращалась, хотя и велась с обеих сторон без должной энергии. В „Тан-шу" говорится, что когда в Уйгурии возникли беспорядки, киргизский хан, будто бы, воскликнул: „Звезда твоя закатилась! Я скоро возьму твою золотую орду, поставлю перед ней своего коня и водружу свое знамя!" Тем охотнее принял он предложение Гюй-лу Мо-хэ помочь ему устранить узурпатора, но, заняв Кара-балгасун, он не вывел из Уйгурии своих войск, а прочно в ней утвердился. Тогда уйгуры покинули свои кочевья и рассеялись: часть их, имея во главе министра Пан-торэ, бежала на запад под защиту курлуков, часть же откочевала к горам Цо-цзы-шань [3], где и избрала своим ханом У-цзэ. Так в 840 году закончило свое существование Уйгурское ханство.

Киргизы выступили на политическую арену в самый темный период истории Средней Азии.

Император Сюань-цэун (847—859 г.г.) был последним монархом Танской династии, при котором центральная власть чувствовалась и признавалась на всем пространстве империи;
его преемники, подпав влиянию буддийских монахов, евнухов и царедворцев, выпустили из своих рук управление государством, и на окраинах последнего обнаружились центробежные стремления, которые и вылились в образовании десяти полусамостоятельных уделов, борьба с коими, а засим и подавление таких серьезных внутренних беспорядков, как вспыхнувший в 875 году бунт Хуан-цзяо, потребовали от чан-аньского правительства сосредоточения исключительного внимания на внутренних делах монархии и отказа от мировой политики, чему, впрочем, содействовало и спокойное положение дел на границах: Тибету было в это время не до Китая, ибо он переживал тяжелый внутренний кризис; его раздирали смуты, которые к шестидесятым годам IX века и довели страну до такого истощения сил, что отпадение от нее прежних китайских областей—Лун-ю, Лань-чжоу и других совершилось само собой; спокойной оставалась и северная граница империи:
киргизы, унаследовавшие после уйгуров территорию современной Халхи, удовольствовались достигнутым успехом и не помышляли о дальнейших завоеваниях; кидано были заняты сосредоточением сил и об'единением под своей властью мелких народностей, населявших Маньчжурию; их время выступления на историческую сцену еще не наступило. Засим, в 907 году. Танская династия была свергнута, и в Китае наступило смутное время „пяти династий"— Ву-дай.

---

[1] Он носил титул—Кюн тэнгридэ юлюг болмыш кючлюг бильге чун-дэ (уважающий добродетель) каган {*Chavannes* и *Pelliof*, op. cit., стр. 244—245)»

[2] Полный титул его был—Цзун-ин Сюн-ву Чэн-мин-хан.

[3] Китайцы не поясняют, где находились эти горы, но что они должны были лежать в Мо-бей и притом на пути между долиной Орхона и Ордо-сом (не назывался-ли так хребет Ханай-хамар в истоках Онгина?), это явствует из следующего места „^Ган-шу": „Киргизы, захватив в плен Тай-хо, вдову Чун-дэ-хана (китайскую принцессу), с почетом препроводили ее в Чан-ань; *по на пути она была перехвачена* ханом У-цзэ. После этого повледний *перешел* степь и осадил крепость Тянь-дэ". Согласно „Да-цин-и-тун-чжи" („Комментарий архимандрита *Палладия Кафарова* на путешествие Марко Поло по северному Китаю", 1902, стр. 23), эта последняя находилась на месте нынйшнего Гуй-хуа-чэн'а (Куку-хото).

В течение всего этого почти шестидесятилетнего периода [1] в китайские анналы вносились только случайные сведения о событиях, совершавшихся за пределами Великой стены, персидские же и арабские источники не восполняют этого пробела. Таким образом вторая половина IX века и начало X, когда первенствующая роль в Монголии перешла к киргизам, образуют в истории Средней Азии один из наиболее темных ее периодов, и это тем прискорбнее, что, благодаря этому, осталась в тени история наиболее интересного из среднеазиатских народов, самого сильного и многочисленного из той загадочной в этнологическом отношении племенной группы, которая, оставив после себя бесчисленные остатки хотя и односторонней, но по тому времени высокой культуры, почти бесследно исчезла в море ей чуждых народностей.

О киргизах (хагясах) китайские анналы стали упоминать без малого за два столетия до нашей эры [2]. Хотя „Вэй-лё" [3] и помещает их к северо-западу от Кангюйя, но, невидимому, они и тогда уже населяли Саянские горы [4], распространяясь на юг до хребта Танну-ола [1].

---

[1] Считая до 916 года, когда Ълюй Амбагянь, овладев восточной частью Монголии и северным Китаем, основал Киданьскую империю.

[2] См. выше стр. 94.

[3] „T'oung Pao", serie 2, VI, стр. 559. См. также *Hirth*—„Nachworte zur Inschr. d. Tonjukuk", стр. 41.

[4] В „Тан-шу" говорится: „Гянь-гунь лежит на запад от И-ву (Хами) на север от Янь-ци (Карашара), подле Белых гор". Эти .Белые горы" *Chavannes* („T'oung Pao", ib.) отождествляет с Богдо-ола, из чего следо-вало-бы, что прародиной киргизов должен считаться Восточный Тянь-шань. Далее *Chavannes* пишет: „Согласно , Тан-шу", киргизы были изгнаны отсюда шаньюй'ем хуннов Чжи-чжи и бежали на север, где и поселились в 7000 ли к западу от ставки шаньюй'я и в 5000 ли к северу от Гуй-ши (Турфана)". Заключение его, однако, не вполне соответствует вышеизложенному, ибо он пишет: .Сказать п«о правде, колыбелью киргизов была, повидимому, местность между Саянским хребтом и горами Танну-ола; но возможно допустить, что некогда народ этот занимал обширную территорию и, согласно показаниям , Вэй-лё" и „Тан-шу", достигал в своем распространении с одной стороны Хами, с другой—Аральского озера".

То .место „Тан-шу", на' которое ссылается *Chavannes*, в переводе *о. Иакинфа* („Собр. свед. о нар., обит. в Ср. Аз. в др. вр.", I, стр. 77) читается так: „Чжи-чжи, ударив на усуньцев, разбил их; отселе, поворотив на север, ударил на У-гЬ. У-гЬ покорился, и Чжи-чжи при помощи войск его разбил на западе Гянь-гунь, на севере покорил Динлин. Покорив три царства, он часто посылал войска на Усунь и всегда одерживал верх. Гянь-гунь от шаньюевой орды (т. е. ханского стойбища у Хангайских гор) на запад отстоит на 7000 ли, от Чеши на север 5000 ли. Здесь Чжи-чжи утвердил свое местопребывание". В „Тан-шу" таким образом вовсе не говорится о бегстве киргизов на север, а указывается лишь, что Чжи-чжи с помощью войск у-цзэ овладел страной Гянь-гунь, которая находилась в 7000 ли к западу от его ставки и в 5000 ли к северу от Тур- фана, т. е. во всяком случае не в Тянь-шаньских горах. Приведенные в „Тан-шу" расстояния, заимствованные из „Вэй-лё" („T'oung Pao", стр. 560), конечно, сильно преувеличены (это явствует и из дальнейшего текста «Тан-шу", где расстояние между ставками государей хуннов и киргизов сокращено до 3000 ли), так как если остановиться на долине Абакана, то и тогда от Турфана до Гянь-гунь по кратчайшему расстоянию наберется едва 1500 верст или 3000 ли и столько же или немного более от долины Орхона, где, вероятно, находилась в то время ставка шаныой'я, Данный в приведенной выдержке из ,Тан-шу" маршрут шаныой'я Чжи-чжи приводит нас, впрочем, в местность, лежавшую к западу от Абаканской долины.

Предполагая встретить в усунях союзников, Чжи-чжи направился к их границе, но там усуни встретили его с оружием в руках и хотя в происшедшей схватке были разбиты, но все же заставили его *повернуть на север* и вторгнуться в пределы владений у-цзэ. Согласно „Ши-цзи-чжэн-юй" *(Franke*—„Beitr aus chin. Quellen zur Kenntn. d. Turkvolker u. Skythen Zentralas.", стр. 14) эти у-цзэ жили к северо-западу от г. Гуа-чжоу, развалины коего находятся близь современного г. Ань-си, в провинции Гань-су. Это указание приводит нас к Хамийским горам; но так как Чжи-чжи от восточной усуньской границы повернул к се.веру, то их следует искать уже по северную сторону Джунгарской пустыни и вероятнее всего в бассейне Черного Иртыша. Покорив у-цзэ, Чжи-чжи, чтобы достичь страны Гянь-гунь, повернул на запад. Таким образом, если тут нет ошибки в указании направления, означенная страна должна была находиться к западу от озера Зайсан-нор, оправдывая до некоторой степени показание „Вэй-лё" и опорачивая свидетельство „Тан-шу" в той его части, которая говорит, что страна Гянь-гунь находилась к северу от Турфана. Выше мне приходилось останавливаться на тех недоразумениях, которые возбуждают китайские показания стран света (стр. 180); вышеизложенное лишь подтверждает невозможность базироваться только на них. Впрочем, в данном случае не в них одних только дело. Большую трудность представляет также определение, какие горы разумелись .Тан-шу" под именем „Белых". Что тут шла речь не о Богдо-ола, это явствует хотя-бы из дальнейшего, где говорится, что «жители страны Гянь-гунь перемешались с динлинами", ибо в истории владений, лежавших к северу и югу от Восточного Тянь-шаня, нет даже намека на то, чтобы там когда-либо жили динлины или киргизы. Но тогда остается предположить, что так называлась одна из цепей Алтайско-Саянского нагорья. Вообще, однако, ч сомневаюсь, чтобы киргизы когда либо жили в Большом Алтае и вообще к западу от Зайсана, и это сомнение оправдывается до некоторой степени указанием „Юй-ян-цза-цзу" *[Hirth*, ibid.), что предки

Минцлов, произведший многочисленные раскопки в Урянханском крае, пришел к выводу, что тогда как погребения короткоголового типа находятся на двух нижних террасах Улу-кема [2], могилы долихоцефалов [3], заключающие изделия из меди, встречаются исключительно только на верхней террасе этой реки [4]. Этот важный вывод приводит пас к заключению, что первыми насельниками Засаянского края, знакомыми с металлами, были если не динлины, то отуреченные сородичи их—киргизы, и последние вероятнее, чем первые, так как мы не имеем никаких указаний на то, чтобы динлины когда либо жили на Улу-кеме. Но останавливаясь на этой гипотезе, нельзя обойти молчанием и фактов, с ней не вполне согласующихся.

Минцлов не нашел на берегах Улу-кема следов похоронного обряда, который соответствовал бы китайскому описанию киргизских похорон [5], существенно отличавшихся от турецких в том, что трупы покойников не сжигались, а лишь обжигались, после чего предавались земле собранные кости, а не пепел. Возможно, однако, что объяснение этого факта кроется в разнообразии тех типов погребения, которых держались разбившиеся на мелкие общины динлинские племена, что особенно ярко проявилось именно в области реки Енисея.

Другой факт, имевшийся мною в виду, которому впрочем также можно дать об'яснение, это—значительное число удержавшихся еще и доныне в Урянхайской земле географических названий, притом наиболее древних, принадлежавших не турецкому, а всего вероятнее динлинскому языку. Китайцы, ближе познакомившиеся с киргизами только в первой половине IX века, хотя и утверждают, что письмо и язык этих последних были совершенно сходны с уйгурскими [6], но конечно они не могли уловить в киргизском языке остатков динлинского языка, а что таковые были, это прежде всего доказывает титул киргизского хана — а-жэ (эш, ош?) [7], который сохранился в языке коттов [8] в соединении с словом хан (эш-хан), как императорский титул [9]; несомненно, что были удержаны из динлинского языка и все термины, относившиеся к искусственному орошению полей, устройству плотин, постройке водотоков и деревянных срубов и проч.

Киргизы были рослым, белокурым и голубоглазым народом, в характере которого было много гордости и независимости. Китайцы указывают на их стойкость в бою. От них же мы узнаем о частых их войнах как с их соседями тюрками и самоедами—меркитами [10], э-чжы [11]и ду-бо, так и с родственными им динлинами—бо-ма, е-ло-чжи [12], цзюнь-ма, иначе би-ла [1], и

киргиз жили в пещерах, находящихся на склонах хребта Цюй-мань (Кук-мань), т. е. Когмен-ского хребта (см. выше стр. 297).

[1] В ,Тан-шу" и других позднейших китайских сочинениях горы, ограничивавшие с юга владения киргизов, названы Тань-мань—наименование, которое *Parker* отождествляет с Кенгу Тарман турецких надписей. *Hirth,* op. cit., стр. 42, пытается доказать, что Тань-мань может быть только магистральным Саянским хребтом, иными словами, что корренные киргизские земли не распространялись на его южные склоны. Его доводы, не исключая и ссылки на *Schott'a.,* кажутся мне уже потому мало убедительными, что турецкие надписи не стали-бы давать двух названий одному и тому же хребту, а Кбгмен—всего скорее Саянский хребет (см. выше стр. 297).

[2] См. т. I настоящего сочинения, стр. 226—227, 234.

[3] Демонстрированные *Минцловым* в Географическом Обществе черепа—были поддлинноголового типа.

[4] Рукопись, любезно переданная мне для использования. Извлечение из нее было засим опубликовано автором под заглавием .Памятники древности в Урянхайском крае" в „Зап. Вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1916, XXIII, вып. III—IV.

[5] *Иакинф,* op. cit., стр. 446

[6] *Иакинф.* loc. cit.

[7] Он удержался у киргиз до XVIII в., но уже присваивался не хану, а главному судье, именовавшемуся у алтысаров „батьяжо", как значится в .отписках" русских служилых людей, т. е. баты-ожо, как полагает *II. Козьлин* (см. его ст.—„Д. А. Клеменц и историко-этнографические .исследования в Минусинском крае" в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1916, XLV, стр. 56).

[8] Котты—когда-то довольно многочисленное, ныне уже вымершее племя енисейских остяков, с последними пятью представителями которого, помнившими еще свой язык, *Кастрен* встретился в долине Агула, притока Кана, в 1847 году (CarfrCT—„Ethnologische Vorlesungen uber die altaischen Volker", 1857, стр. 88).

[9] Царь (ван) у цоней, янь-чжоу'ских инородцев и других южно-дин-линских племен носил тот же титул: а-кэ, а-цэ, а-сы.

[10] Тюркское происхождение этого племени, впрочем, не установлено; о нем. ниже гл. VII.

[11] Это название удержалось до настоящего времени в имени эчжэнь, которое носят косогольские урянхайцы

[12] В транскрипции *Visdelou*—голочи, *Шаванна*—о-ло-чжэ, очевидно, как это предполагает и *Аристов,*—алачин,

другими белокурыми племенами, отличавшимися от них только до языку. Об их воинственности свидетельствует как численное преобладание у них женщин [2], так и то, что они никогда, по словам Jigs-med nam m'ka [3] не расставались с оружием. Последнее было очень разнообразно [4], но наиболее употребительным был лук, которым они владели в совершенстве. Грудь, ноги и руки они защищали деревянными нагрудниками, наручами и набедренниками, которые прикреплялись к кожаному панцырю. Они татуировались [5], по это право принадлежало только храбрейшим.

Их верхняя одежда из шерстяной и шелковой ткани [6] не могла быть короткой [7], так как подпоясывалась кожаным поясом с металлическим набором, на котором кроме оружия висели нож и точильный брусок. Их головной убор зимой состоял из меховой, летом из белой войлочной шляпы. Самыми дорогими мехами считались соболь и рысь. Из собольего же меха носил шляпу а-жэ, заменяя ее летом белой войлочной с тульей конической формы и полем, обшитым по краю золотым галуном. Низший класс населения и зиму и лето не выходил из бараньего тулупа, голову же оставлял непокрытой. Китайцы особо подчеркивают киргизский обычай носить кольца в ушах [8]. Вероятно, кольца служили предметом украшения не только мужчин, но и женщин, которые одевались в шелк и очень тонкие шерстяные ткани. По выходе замуж, они приобретали право татуировать себе шею.

Киргизы вели полуоседлый образ жизни и зимой жили в избах (срубах), крытых берестой [9], летом—в палатках (юртах). Свои зимние стойбища они обносили частоколом [10].

алчин, о которых *Абуль-raw (Desmai^ons*—„Histoire des Mogols et des Tatares", II, стр. 44) пишет, что узбеки имеют их в виду, когда говорят, что в стране Алакчин *{Абуль-Гаэи* помещает ее на р. Ангаре) все лошади пегие, а очаги золотые. Алачины впоследствии вошли в состав узбекского союза (см. *Н. Ханыков*—„Описание Бухарского ханства", стр. 60,—ялычин) и казацкой Малой орды, где явились важнейшей составной ее частью.

[1] Не „би-цэ"-ли *Шав11нна7 См.* выше стр. 13, где говорится, что согласно „Тан-шу", бо-ма, би-цэ и о-ло-чжэ, были названиями одного народа.

[2] *Иакинф,* op. cit., 1, 2, стр. 443.

[3] *Huth*—„Geschichte des Buddhism'us in der Mongolei", II, стр. 33.

[4] *Huth,* ibid.

[5] Этот распространенный среди первобытных народов обычай (его не обошли и китайцы) не был, повидимому, знаком туркам и монголам, в виду чего существование его у киргизов следует считать динлинским наследием. О существовании этого обычая у южных динлинов пишет *Legendre*—„Races aborigenes". „Les Lolos" в „T'oung Pao", 2 serie, 1909, X, стр. 377; см. также *Chavannes*—„Les memoires historiques de Se-ma Ts'ien", IV, стр. 2.
Обычай татуировки был также чужд иранцам и племенам, населявшим западную часть Среднай Азии. Тем знаменательнее, что мы находим его так далеко заброшенный вглубь Азии от ее восточной периферии (южной Кореи, юго-вост. Китая, Японского архин., Формозы и земель, заселенных малайцами), где его распространение современные историки и этнографы приписывают то малайскому *{Ямадзи;* ряд его статей, посвященных вопросу о происхождении японского народа, печатавшихся в переводе на английский язык в газете „The Japan Times, Weekly edition", 1910; цит. у *Кюнера*—„Статистико-географический и экономический очерк Кореи", I, стр. 223— 224; *Hulbert*—^, Korean history" в „Korea Review", I, 1901,. и его статьи об японском языке, и др.), то полинезийскому влиянию *(Fr. Sta'rr*—статья в „Seoul Press", 25 Febr. 1912, цитир. у *Кюнера,* op. cit., II, стр. 013). Китайский историк *Вэй-ши* („Сань-го-чжи", цит. у *Ямадзи},* писавший в IV веке по Р. Х., видел в этом обычае черту, сближавшую население юго-восточного Китая с населением Японии; с большей долей вероятия можно сближать древних киргизов с населением южного Китая, куда выселились их общие предки—динлины.

[6] Последнюю киргизы получали из Бэй-тина, Ань-си (Кучи) и городов Западного Туркестана (см. *Иакпнф,* op. cit., 1, 2, стр. 445).

[7] См., однако, *Radloff* („Aus Sibirien", II, стр. 98), который приходит к обратному заключению, основываясь на найденных в динлинских могилах статуетках и на рисунках, сохранившихся на скалах р. Енисея. Ср. также *Aspelm*—„Types des peuples de 1'ancienne Asie Centrale" в „Journ. de la Soc. Finno-Ougrienne", 1890, VIII, стр. 124—134.

[8] Все без исключения южные динлины, мужчины и женщины, имели обыкновение носить в ушах кольца; мужчины хэй-лоло только в левом ухе [ср. находку *Аюпитовым* („Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", XII, № 4—5) в одной из „чудских" могил кольца с левой стороны черепа].

[9] *Кривошапкин*— „Енисейский округ и его жизнь" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", 1863, I, стр. 157, пишет, что и до сего времени енисейские остяки кроют свои чумы берестой, которую предварительно варят в больших котлах, от чего она делается мягкою, а затем куски ее, длиной до 5 аршин, шириной до 12 вершков, сшивают по несколько вместе так называемой постегонкой, т. е. ссученной коноплей.

[10] Кое-где на крутых мысах верхнего Енисея сохранились еще небольших размеров городища, служившие,

Они были знакомы с земледелием и на полях, окружавших зимовья, возделывали пшеницу, просо, гималайский и обыкновенный ячмень. Китайцы пишут, что у них в употреблении были только ручные жернова; в долине Улу-кема найдены были, однако, жернова очень крупных размеров, свидетельствующие о том, что для размола зерна они пользовались и лошадиной силой. Свои поля они орошали, отводя воду преимущественно из ручьев и мелких речек, но в Урянхайском крае сохранились также и каналы, находившиеся в связи с значительнейшими из притоков р. Улу-кема и по своим размерам долженствовавшие играть роль магистралей. Вода в эти каналы бралась иногда очень высоко в горах и проводилась затем поперек встречных гряд по искусно врезанным в них водотокам, о чем свидетельствуют следы каменной кладки и подпорных стенок на утесах и высеченные в скалах лотки. Особенно ясно эти гидротехнические сооружения видны по Или-кему и Темир-суку, где сопровождающие эти реки древние оросительные канавы то лепятся высоко по скалам, то опоясывают расширения их долин [1].

Невидимому, площадь полей у киргизов была настолько велика, что необходимое им количество воды приходилось обеспечивать устройством искусственных резервуаров, откуда она затем и расходовалась по мере надобности. Следы таких заградительных плотин, сложенных из камня, сохранились, например, по речкам Турану и Уюку [2]. Несомненно, что при таких условиях пользование водой требовало расчета и строгой регламентации и что в составе киргизской администрации должны были находиться лица, ведавшие водным хозяйством страны.

Все эти оросительные устройства, а равно и несокрушенное временем шоссе, соединявшее долины Улу-кема и Кемчика, и дорога, сопровождавшая левый берег Енисея в участке выше устья Кемчика, сооруженная по типу искусственных водотоков, наводят на мысль о высоком уровне той культуры, которая существовала некогда в пределах Алтайско-Саянской горной страны и о которой китайские записи дают нам лишь весьма слабое представление Произведенные в Минусинском районе раскопки дали возможность до некоторой степени оценить эту динлинскую культуру [3], но, к сожалению, мы имеем еще слишком мало фактических данных для того, чтобы восстановить на основании найденных реликвий и имеющихся литературных памятников общественную жизнь этой интересной страны. Что касается ее истории, то она должна считаться навеки утраченной. Бесцельно было бы также доискиваться о судьбе, постигшей енисейских динлинов: всего вероятнее их поглотило турецкое море, которое смыло и нарождавшуюся здесь на китайской основе своеобразную культуру, о которой так много говорят нам теперь следы их прежней деятельности и содержание бесчисленных их могил.

Возвращаюсь к событиям, следовавшим за падением Уйгурской державы и бегством У-цзэ-хана па юг, к Инь-шаньским горам.

Здесь он осадил китайскую крепость Тянь-дэ [4] Одновременно же уйгурами было отправлено два посольства в Чань-ань: первое просило о признании У-цзэ уйгурским ханом, второе—о принятии части уйгурского народа в китайское подданство. Ранее, однако, чем императорское правительство приняло окончательное решение но этим вопросам [5], новый набег уйгуров на Шо-фан (в 841 году) побудил Китай взяться за оружие. Тогда Вэнь-мо-сы (Умус), брат У-цзэ, видя, что своими неразумными действиями министр Чи-синь ведет народ к гибели, решил его схватить и казнить, что и удалось ему при содействии коменданта крепости

вероятно, местожительством их князей и укрепленным центром более значительных поселений. То-же некогда было и на Руси: „Придоша, говорится в летописи, свеа под Ладогу (в 1164 году), и пожгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася в граде с посадником, с Нежатью, а по князя послаши и по нов-городци" (цит. у *Флоринскою*—„Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни", I, стр. 182).

[1] См. *Родевпч*—„Урянхайский край и его обитатели" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1912, XLVIII, стр. 145.

[2] *Родсвич,* loc. cit.

[3] *См.* вышестр. 70 и след.

[4] Находилась к северу от Ордоса, к северо-северо-востоку от поворота Желтой реки на восток.

[5] Оно склонно было не только разрешить их в благоприятном для просителей смысле, но и пойти еще дальше, вплоть до оказания У-цзэ-хану материальной поддержки (см. *Иакипф*—„Зап. о Монг.", III, стр. 147J.

Тянь-дэ, сумевшего заманить его в эту последнюю. Положение уйгуров не изменилось, однако, от сего к лучшему, так как вызванная этим убийством смута повела к расколу среди уйгурских родовичей и бегству некоторых из них в Ши-вэй и Чжи-ли. Бежавшие в Ши-вэй погибли в схватках с преследовавшими их китайцами, судьба же покорившихся танскому правительству нам неизвестна; вероятно, однако, что они были расселены на свободных землях Фань-янского военного округа [1]

Несмотря на свои враждебные выступления против китайцев, У-цзэ-хан нашел в себе достаточно смелости обратиться к императору У-цзуну с ходатайством о временной уступке ему Тянь-дэ и о помощи войсками против киргизов: когда же ему в этом было отказано, то в отместку он вторгся в пределы империи, разграбил Да-тун-чуань [2] и напал на Юнь-чжоу [3].

Эта выходка У-цээ-хана, по видимому, переполнила чашу терпения Вэнь-мо-сы и побудила его с своей частью народа передаться Китаю. Он был поселен к западу от Хуан-хэ, по соседству с западными дансянами, которые и были ему при этом подчинены (в 842 году) [4]. Затем мы видим его уже на стороне китайцев в их последующей борьбе с У-цзэ-ханом.

В 843 году китайцы нанесли последнему ряд поражений и вынудили его, наконец, бежать к хэй-чэ [5], которые не затруднились, однако, выдать его за приличный выкуп китайскому полководцу Хун-шуню. Согласно „Ган-му", он был казнен китайцами в 846 году [6]. Остатки разбитых китайцами уйгуров хана У-цзэ нашли приют частью у хи, частью в Ши-вэй. Эти последние, узнав о казни У-цзэ, избрали своим ханом его брата Э-нянь-торэ, по Э-няню не над кем было уже ханствовать, так как ни хи, ни шивэйцы не были достаточно сильны, чтобы с оружием в руках отстоять свое право гостеприимства: хи были на голову разбиты китайцами, шивэйские земли были наводнены киргизскими войсками, в обоих же случаях уйгурам пришлось подчиниться своей горькой участи — следовать за своими победителями в качестве пленных. Э-нянь успел, однако, бежать на запад, но что с ним сталось потом—неизвестно.
Китайские анналы заканчивают свое повествование о конечной судьбе уйгуров хана У-цзэ следующими словами: остатки их, укрываясь в горах и лесах и пропитываясь в пути грабежом, потянулись на запад и там присоединились к той части своих сородичей, которые, имея во главе Пан-торе, успели уже утвердиться в юго-восточной Джунгарии и Хэ-си, основав новое Уйгурское ханство.

Образованию этого ханства благоприятствовали следующие политические условия, в каких оказалась Средняя Азия к началу второй половины IX века.

В 766 году, по взятии города Суй-е, карлуки овладели почти всей территорией тургешей. Повторные попытки их в 772 [7] и 792 годах [8] утвердиться в Фергане, где они столкнулись с арабами, не имели, однако, успеха, и даже более того: дали повод Аббасиду Махди (775 — 785

---

[1] Заключаю это из того, что принятие их в китайское подданство возложено было на ю-чжоу'ского цз-в-ду-шэ.
[2] Город Да-тун, о котором здесь идет речь, лежал несколько западнее крепости Тянь-дэ.
[3] Окружной город области Тай-юань-фу в провинции Шань-си.
[4] Уйгуров, последовавших за Вэнь-мо-сы, китайцы предполагали разместить по различным корпусам, но план этот встретил вооруженный отпор с их стороны, и хотя бунт этот и был вскоре подавлен, но китайцам все же пришлось отказаться от своего первоначального проекта.
[5] О хэй-чэ упоминается в дорожнике *Ху-цяо (Васильев*—„История и древности восточной части Ср. Азии", стр. 39). Он помещает их к северо-северо-западу от киданей, на границе миров реального и фантастического, так как далее, по его словам, уже жили турки с коровьими ногами. Земля хэй-чэ не производила хлебов, но сами они были хорошими мастерами, и их телеги и деревянные основы юрт пользовались заслуженной известностью; отсюда и их прозвище—хэй-чэ, что значит—черные телеги.
[6] *Иакинф*—„Собр. свед. о нар., обит, в Ср. Аз. в др. вр.", 1, 2, стр. 423. Согласно же тому, что читаем у *Chavannes* и *Pelliot,* op. cit, стр. 248—249, он был убит (кем?) в Алтае (?!) в 847 году.
[7] *Grenard* („La legende de Satok Boghra khan et 1'histoire" в „Journ. Asiat.", 1900, IX serie, стр. 26), ссылаясь на *Ибн-ал-Асира,* приписывает поражение в 772 году карлуков наместнику хорасанскому Наср б. Сейяру. Это—ошибка, Tai? как последний умер в 748 году, и его поход на Фергану имел место в конце Гишамова правления после 120 г. гиджры, т. е. в 738 году (см. *Григорьев*—„Восточный или Китайский Туркестан", стр. 186). Если поэтому год изгнания карлуков из Ферганы верен, то победителем их мог быть только Ляйс, как думает *Бартольд* („Туркестан в эпоху монгольского нашествия", II, стр. 206), сын Наср б. Сейяра.
[8] *Бартольд,* op. cit., II, стр. 207.

г.г.) считать их в числе своих вассалов [1]. Впрочем, так как этот халиф, претендуя на мировое господство, требовал покорности также и от императоров китайского и тибетского, то возможно допустить, что включение джабгу (ябгу) карлуков в число аббасидских вассалов было не более обоснованным; с другой стороны, однако, нельзя не заметить, что претензия на суверенные права на Тибет и земли карлуков высказывал не только халиф Махди, но и халиф Мамун, который, начиная в 811 году войну со своим старшим братом Амином, жаловался на то, что ему придется вести ее при весьма неблагоприятных внешних условиях, ибо и „карлукский джабгу вышел из повиновения и такую же непокорность обнаруживает хакан, владетель Тибета" [2]. Что, однако, власть арабов действительно не распро-страЕ1ялась на Тянь-шаньское нагорье, это можно заключить из показаний, хотя и относящихся к более позднему времени, арабских географов, в особенности Якуби и Истахри, писавших—первый в конце IX, второй в начале X века [3].

В какое время карлуки овладели Кашгарией—неизвестно, но, вероятно, не ближе 861 года, когда, благодаря смутам, Тибетская империя пала, большую же часть ее внешних владений поделили между собой карлуки, уйгуры и китайцы.

В той же части китайских исторических книг, которая переведена на европейские языки, события этого времени изложены настолько отрывочно и даже противоречиво, что ясного представления о случившемся составить себе невозможно.

Вот, что, между прочим, в них сказано:

В 851 году тибетский наместник Чжан-и-чао сдал китайцам одиннадцать вверенных его управлению областей в Хэ-си н Притяньшанье; в числе этих областей находился и Гань-чжоу [4]. Засим, в 861 году, тот же Чжан-и-чао, но уже в качестве китайского военного губернатора, овладел округом Лян-чжоу [5], и одновременно уйгурский князь Пу-гу Цзунь [6], вероятно в союзе к китайцами [7], нанес решительное поражение тибетскому узурпатору Кун-жэ и отослал его голову в Чан-ань. На ряду же с этим в „Тан-шу" и „Ган-му" говорится: „В 847 году Э-нянь-торэ [8] бежал на запад и без лести пропал; между тем Пан-торэ уже объявил себя ханом, обосновался в Гань-чжоу и овладел городами, лежавшими далее, за песчаною степью, а равно Дунь-хуаном и Лян-чжоу", т. е. теми именно городами, которые в 851 году Чжан-и-чао сдал китайцам. К этому добавляется: „Во время царствования императора И-цзун (860—873 г.г.) князь Пу-гу Цзунь, управлявший Бэй-тином, напал на тибетцев, поразил Лунь Шан-жэ, который пал в этом бою. отнял у них Си-чжоу и Лунь-тай [9] и, представив пленных в Чан-ань, просил императора утвердить его в ханском достоинстве".

Мне кажется, что все эти противоречащие одно другому известия можно было бы согласовать, допустив следующий ход событий.

Пан-торэ, бежавший в 840 году с частью уйгуров на запад [10] и осевший в юго-восточной

---

[1] *Бартольд,* loc. cit.

[2] Вероятно, эта жалоба была вызвана той помощью, которую оказали карлуки и тибетцы Рафи б. Ляйсу, внуку Наср б. Сейяра, поднявшему в 806 году восстание против халифа. Восстание это было подавлено в 810 году после того, как турки (карлуки) покинули Рафи. *Бартольд,* loc. cit.; см. также *G. Well*—„Geschichte der Chalifen", II, стр. 180.

[3] Так, у *Якуби* говорится, что пограничными на турецкой меже городами в Ферганской долине были Касан (развалины этого города сохранились до настоящего времени на берегу р. Касан-сайТ правого притока Сыр-дарьи) и Исфиджаб (ныне—сел. Сайрам в долине р. Арыс; см. *Бартольд,* op. cit., II, стр. 176) и что река Зеряфшан вытекала из турецких пределов; *Истархи* проводит северную границу халифата от „самых дальних-городов Ферганы", т. е. от Узкенда, на Тараз (Талас) и далее пишет, что турки харлухи облегают Мавераннагр от Исфиджаба до отдаленнейших городов Ферганы.

[4] *Иакинф*—.Ист. Тиб. и Хухун.", I, стр. 232.

[5] *Иакинф*—op. cit,, I, стр. 233.

[6] Правильнее было-бы: князь бугуский Цзунь.

[7] Заключаю это из того факта, что в составе его войск находился отряд дансянов под начальством Тоба Хуай-гуана.

[8] См. выше стр. 359.

[9] См. выше стр. 271.

[10] Так как китайцы пишут, что с ним бежало на запад пятнадцать поколений, то следует думать, что кроме уйгуров, тут были части и других т'Ьлэских племен.

Джунгарии, где нашел опору в Бэй-тине, воспользовавшись беспорядками, возникшими в 842 году в Тибетской империи, стал постепенно занимать города Хэ-си и Притяньшанья, находившиеся в управлении тибетского наместника Чжан-и-чао, пока, наконец, не овладел городом Гань-чжоу [1]. Чжан-и-чао, покинутый на произвол судьбы центральным тибетским правительством, исчерпав все имевшиеся в его распоряжении средства остановить успехи уйгуров, счел себя, наконец, вынужденным искать помощи у китайского правительства, которому и „передал карту" одиннадцати им уже фактически утраченных областей. Китайцы, приняв этот фиктивный дар, оставили его правителем Хэ-си, но получили возможность оказать ему действительную поддержку лишь после того, как овладели Лун-ю. О их помощью он и занял в 861 году город Лян-чжоу. В дальнейшем, однако, мы видим уйгуров добивающими тибетские полчища уже в качестве китайских союзников, и это последнее обстоятельство, по-видимому, и дало им возможность сохранить за собой Гань-чжоу и территорию, лежавшую к западу от него. А засим, бугуский князь Цзунь, правитель Бэй-тина, отнял у тибетцев остававшиеся у них еще города Лунь-тай и Си-чжоу и, усилившись таким образом, порвал связь с Гань-чжоу и об'явил себя ханом. Этим положено было основание новому государству в пределах Тянь-Шаня—столь известной впоследствии Уйгурской державе. Одновременно же, вероятно, и карлуки овладели Кашгарией.

Пределы Притяньшанской Уйгурии не простирались на юг за Лоб-нор [2], на запад за реку Манас [3]город Ань-си
(Кучу) [4]; впрочем, был, по-видимому, период, когда власть уйгурских идыкутов [5] распространялась и далее к западу, на соседние земли карлуков; так Бартольд [6] приводит

---

[1] *Grenard,* op. cit, стр. 28, пишет, что Пан-тбрэ овладел г. Гань-чжоу ранее 847 года, но не подкрепляет этого указания ссылкой на источник, из которого он почерпнул это известие.

[2] По крайней мере у нас нет данных предполагать, чтобы когда-либо город Хотан и вообще прикуньлуньская часть Восточного Туркестана находилась в обладании уйгуров.

[3] В „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 467, сказано, что при Сунской династии (960—1280 г.г.) Бэй-лу (т. е. „Северная дорога", южная Джунгария) до р. Манаса находилась во владении уйгуров. Это известие подтверждается „Си-ю-цзи" („Труды Российской Духовной Миссии в Пекине", IV, стр.302; *перев, арх. Палладия),* где говорится, что Чан (Чжан)-балык, третий город к западу от г. Лунь-тая (см. выше стр. 271), в монгольскую эпоху находился во владении уйгуров. Как видно из реляции о походе 'Ьлюй Си-ляна против возмутившегося Алибухи, город этот лежал восточнее р. Манаса (см. . Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 468; *Bretschneider*—„Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources", II, стр. 32). На карте, изданной в 1331 году и приложенной к цитированному сочинению *Bretschneider'a* Чжан-балык показан к востоку от города Гу-та-ба, ныне Хутуби. Более ранних известий о распространении уйгурских земель в этом направлении мы не имеем.

[4] *Grenard,* op. cit, стр. 29. В „Сун-ши" говорится, что Кучаский округ входил в XI веке в состав земель Уйгурской державы; там же упоминается об уйгурском посольстве из этого города *(Bretschneider,* op. cit., I, стр. 244—245). *A. van Le Coq* („Fragment einer manichaischen Miniatur mit uigurischen Text aus Ruinen-Stadt Idikut-Schahri bei Turfan") полагает, что на запад Уйгурия не распространялась далее г. Курли. Говоря о границах Уйгурии, посол *Ван Янъ-дэ* (в 981 году) пишет, что на запад территория этого государства простирается до страны А-си *(St. Julien*— „Notices sur les pays et les peuples etrangers", III, „les (Vigours" в „Journ. Asiat", IV serie, IX, стр. 64). А-си, а-сы—это аланы *{Bretschneider,* op. cit., II, стр. 84 seqq.), но так далеко на запад (аланы жили в то время к западу от Волги и Каспийского моря) власть уйгурских ханов простираться, конечно, не могла; поэтому, если придавать значение этому показанию *Ван Янъ-дэ,* то приходится допустить, что он разумел под этим именем другой народ, может быть, азов орхонских надписей [см. выше стр. 312, сн. 4 (3)], которые в это время могли передвинуться в составе киргизских войск (о сем ниже) к югу и даже занять некоторую часть Тянь-шаньского нагорья, на что намекает неизвестный автор географического сочинения «Границы мира", написанного в 982 году, который говорит о поколении аз в составе тургешского племени (см. *Бартольд*—„Очерк истории Семиречья" в .Памяти, кн. Семиреч. обл. на 1898 г.", стр. 15, и *тою же автора*— „Отчет о поездке в Ср. Азию с научн. целью", стр. 125, где дается перевод той части сочинения *Гардизи,* в которой подтверждается показание автора «Границ мира" о существовании в составе тургешей двух поколений аз и тахс). Что племя аз было родственным киргизскому, это явствует из извлеченной *Шоттоу.* („Ueber die achten Kirgisen", стр. 432J из „Юань-ши" легенды о происхождении народа киргизского, которая говорит, что народу этому положили начало сорок девиц из Китая (у *Ab. Remusat*— „Recherches sur la ville de Kara-koroum[1]', стр. 18, переведено: „китаянок"), сочетавшихся браком с таким же количеством мужчин народа у-сы. По мнению *В. М. Алексеева, в* китайской передаче у-сы может быть равнозначущим а-сы.

[5] Титул государей притяньшаньской Уйгурии.

[6] „Очерк истории Семиречья" в „Памятной книжке Семиреченской области на 1898 г.", стр. 17 и 19.

свидетельство неизвестного автора географического сочинения „Границы мира" о потере карлуками городов Аксу [1] и Барсхана [2], ставших достоянием токуз-огузов, т. е. уйгуров [3]. Тот же неизвестный автор говорит далее, что несколько позднее городом Аксу овладели киргизы. Большое значение этого последнего указания видно из следующего:

В виду несомненной тождественности имен тяньшаньских и енисейских киргизов [4], были сделаны попытки об'яснить нахождение киргизов в Тянь-Шане переселением туда енисейских киргизов в начале XVIII столетия, когда большая часть этого народа действительно уведена была с Енисея джунгарами, но в настоящее время, как полагает Аристов[5], это об'яснепие должно быть отброшено [6], ибо более глубокое ознакомление с историей Средней Азии выяснило несомненное существование в Тянь-Шане киргизов в далеко более ранние времена [7]; об участи же уведенных осенью 1703 года с Енисея киргизов [8] в числе 3—4 тысяч кибиток достоверно известно, что они кочевали в бассейне реки Или при урге джунгарскпх хун-тайш [9] до времени падения джунгарского государства, после чего с находившимися там же мингатами и телеутами пошли было обратно на Енисей, но по пути были рассеяны и частью попали в Россию, где присоединились к кундровским татарам, частью разбрелись между киргиз-казаками, урянхайцами и алтайцами, примкнув главным образом к качинцам и сагайцам

Гипотез» Радлова и Но worth'a о переходе части енисейских киргизов в Тянь-шань в X [10], не ранее XII [11] и, наконец, в ХШ веке [12] Аристов считает не имеющими исторических оснований и в свою очередь полагает, что тянь-шаньские киргизы являются потомками отделившейся ранее III века до Р. Х. ветви киргизского племени, образовавшей на границе хуннских земель усуньский союз. Аристов не опубликовал подтверждающих эту гипотезу данных, но то, что нам пока известно о смене народностей в Центральном Тянь-шане, не дает оснований считать ее более вероятной, чем гипотезы его предшественников. В настоящее,

---

[1] Сказано, что хотя город Аксу и находился во владениях карлуков, но правитель его был в зависимости от токуз-огузов, т. е. уйгуров.

[2] Об этом городе говорится, что правитель его „происходил из карлуков, но жители перешли на сторону токуз-огузов".

[3] Впрочем, может быть, в данном случае имелась в виду другая ветвь токуз-огузов—племя ягма? О последнем см. ниже.

[4] Тождественность тяньшаньских и енисейских киргизов подтверждается, между прочим, существованием у тех и других одноименных коренных костей *(Аристов,* loc. cit; *Rddlojf*— „Observations sur les Kirghis" в „Journ. Asiat.", 1863, 6 serie, стр. 316) и некоторыми особенностями их языка *(Наливкин*—„Краткая история Кокандского ханства", стр. 16).

[5] „Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей", стр. 120 (отд. отт.).

[6] Повидимому, не вполне; см. ниже гл. VIII.

[7] *Аристов* не дает соответственных ссылок на источники, но у *Вали-хпнова* („Очерки Джунгарии" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", 1861, 2, стр. 46) я нахожу следующие строки: „В кашгарской истории, называемой Тарихи Рашиди, я нашел свидетельство, что киргизы уже кочевали в конце XV столетия в горах около Андижана, а во времена самого историка (около 1520 года) они распространили свои .кочевья до Иссык-Куля". См. также *N. ЕГки* and *E. D. Ross*—.The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar", стр. 125, 254, 339, 348—351, где говорится об участии киргизов в событиях первой половины XVI столетия.

[8] В донесении казака *Ф. Моисеева* («Памяти. Сиб. ист. XVIII в.", стр. 232, № 58; цит. *Вати/ши*—.Минусинский край в XVIII веке", 1913, стр. 21) об «осени" не говорится, а сказано лишь, что „в нынешнем 1703 году, октября в 15 день, *приходил* в Караульный острог кизыльской ясачной татарин, а в вестях сказывал: „приехали-де 2500 калмыков в Киргизскую землицу и киргиз-де к себе загнали всех и ныне-де в Киргизской землице киргиз никого нет". Повидимому, в Красноярске этому донесению значения не придали, так как 26 января следующего 1704 г. оттуда был послан в Киргизскую землю для сбора ясака с киргизских князцов и улусных людей сын боярский Иван Злобин с товарищами, но ему пришлось вернуться ни с чем, так как он „киргизских князцов никого не из'ехал, а из'ехал прежде осталцов тубинцов семи человек". Тубин-цами в XVIII в. называли ту часть киргизов, которая населяла правый берег Енисея и низовья Упсы (см. т. III, гл. X).

[9] Не вполне достоверно, ибо как мы ниже увидим, они были, невидимому, поселены не только в долине р. Ил'и, но и в долине р. Талас, где потомки их, вероятно, и образуют кара-киргизское крыло соп. Бегство их на Алтай не удалось, и, повидимому, только небольшой их части довелось добраться до русских пределов.

[10] *Radloff,* op. cit., стр. 317.

[11] *Hmvorth* - „The Kirais and Prester John" в „The Journal of the Roy. Asiat. Society of Great Britain and Ireland", 1889, XXI.

[12] *RadloJf*—„Ethnographische Uebersicht der Turkstamme Sibirien's und der Mongolei", 1883, стр. 23, 24.

впрочем, время, когда мы имеем прямое указание неизвестного автора X века на появление киргизов в Тянь-шане в качестве, как догадывается Бартольд, вероятных защитников карлуков от идыкутов Уйгурии, киргизский вопрос выходит из окружавшего его до сих пор тумана и приобретает прочную основу для своего решения.

Это свидетельство в той его части, которая опубликована Бартольдом, сводится лишь к указанию, что город Аксу был отнят у уйгуров киргизами. Несмотря, однако, на свою краткость, он устанавливает факт вторжения киргизов в Тянь-шань, так как живи они, согласно гипотезе Аристова, в этом последнем, они могли бы действовать только в качестве вассалов карлуков, и тогда их имя не попало бы на страницы рукописи Туманского.

Бартольд сопровождает это свидетельство замечанием, что в данном случае идет речь лишь о частичном переселении в Тянь-шань енисейских киргизов, так как главная их масса должна была переселиться туда много позднее [1], в эпоху передвижений на запад кара-киданей и монгольских племен [2], Связывать, однако, переселение енисейских киргизов в Тянь-шань с движением на запад кара-киданей [3] едва ли возможно, так как последние достигли р. Эмиля, не затронув бассейна верхнего Енисея [4]; что касается эпохи монголов, то за время их господства в Средней Азии известен лишь один случай переселения киргизов, но не на юго-запад, а на восток, в бассейн р. Сунгари [5]. Таким образом и эта гипотеза о более поздних переселениях киргизов на юг, выражаясь словами Аристова, имеет не более исторических оснований, чем предположения Радлова и Howorth'a.

Современный этнический состав той народности, которая носит название киргизской, столь пестрый, ее киргизское ядро до такой степени успело раствориться в иноплеменных примесях, что нельзя предположить, чтобы оно когда-либо в Тянь-шане было многочисленным. Этим, вероятно, об'ясняется и то обстоятельство, что киргизы никогда не играли там значительной политической роли, попадая в то же время нередко в зависимость от кашгарских владетелей. Таким образом я не вижу необходимости искать пополнений киргизской массы, обосновавшейся в Небесных горах в X веке, последующими переселениями с Енисея, тем более в монгольскую эпоху, когда, по словам Абуль-Гази [6], настоящих киргиз оставалось уже очень мало, и их именем стали называть себя племена другого происхождения. Неудачная попытка уйгуров увеличить пределы своего государства за счет карлукских земель, вызвавшая на сцену киргизов, была, по-видимому, единственным крупным эпизодом их последующей 400-летней истории. Отвечая народному характеру, чуждому стремлений к мировому господству [7], их идыкуты вели мирную политику, заботясь лишь об охране пределов государства и отдавая свой труд и внимание внутреннему ходу государственной жизни. И последствия такой политики очень быстро сказались в под'еме благосостояния населения восточного Притяньшанья. Достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что „когда монгольские императоры нуждались в деньгах, то уйгуры им служили банкирами: так, например, при одном Угэдэе выплачено было им в счет долга 76 тысяч серебряных слитков; равным образом, когда князья крови и вообще сильные люди той эпохи нуждались в жемчуге и драгоценных камнях, в Уйгурию же посылали они людей своих за всем этим, как в другие места за соколами и кречетами" [8]... Олив свои интересы с интересами культурного населения своих новых владений, преемники Цзуня сумели оградить производительные и культурные их центры от случайностей борьбы, грабежа и насилий, и последние разрослись, разбогатели и в свою очередь положили основание могуществу и богатству тяньшаньских уйгуров.

---

[1] Ibid.

[2] Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", XI, стр. 344.

[3] О сем см. ниже.

[4] Известно лишь, что попытка "Ьлюй-даши собрать в Западной Монголии ополчение в целях дальнейшей борьбы с с чжурчженями потерпела неудачу, благодаря противодействию- киргизов.

[5] *Schott*—„Ueber die achten Kirgisen" в „Abhandl. d. k. Akad. d. Wiss zu Berlin", 1864, стр. 461; „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 171.

[6] *Schott*, op. cit, стр. 445.

[7] См. выше стр. 347.

[8] *Иакинф*—„История первых четырех ханов из дома Чингисова", стр. 282 и 301.

Ход исторической жизни Средней Азии еще не раз вернет нас к Уйгурии, теперь же он призывает нас снова на восток, где уйгуров и киргизов сменили две новые политические силы—Тангутская и Киданьская монархии.

Тангуты, известные также под именем дансянов [1], первоначально жили в Амдо (Си-чжи), в горах водораздельных между бассейнами рек Ян-цзы и Хуан-хэ; когда же страной этой завладели тибетцы (в 660 году), то дансяны, имея по главе поколение тоба [2], выселились в пределы Китая, в область Цин-ян-фу (в провинции Гань-су), а затем и еще далее к северу, заняв постепенно всю территорию до Великой стены. До половины VIII века китайская история о дансянах почти вовсе не упоминает, но с этого времени начались их набеги на окрестные китайские города и поселения. В 762 году они даже разграбили предместье Чан-ани, а годом позднее в составе войск Хуай-эня [3] доходили до стен Фын-сян-фу. С этих пор, беспрестанно воюя и то входя в союз с тибетцами против Китая, то снова заискивая у Танов, дансяны множились, богатели, и, наконец, овладев городом Ся-чжоу (в 873 году), почувствовали себя достаточно сильными, чтобы основать государство, которое и получило у китайцев название Ся-го или царства Ся.

---

[1] Народ, именовавшийся у турок и монголов тангутами, у китайцев— дансянами, у тибетцев—минягами или минаками, сам себя называл ми-хоу *(Pf'i[ma'ier*—„Die fremdiandischen Reiche zu den Zeiten der Sui" в „Sitzungsber. d. kais. Akad. d. Wiss.", philos.-hist. CL, 1881, т. 97, стр. 452). О генетической связи этого племени с динлинами см. выше стр. 26. См. также *Klaproth*—„Description de la Chine sous Ie regne de la dynastie mongole" в „Nouv. Journ. Asiat.", XI, 1833, стр. 461; *idem*—„Explication", etc., в „Memoires relatifs a 1'Asie", II; *Pnuthier*—„Le livre de Marco Polo", I, стр. 152 и 162; *Howorth*—.The Northern Frontagers of China", VI, „Hia or Tangut" в Journ. of the R. Asiat Soc. of Gr. Brit a. Ir.", 1883, XV, стр. 439.

Клапрот высказывает предположение, что слово „тангут" произошло от слова „дан-счн", с чем соглашается и *Ховорс*. В „Си-цан-фу" приводится, однако, следующее предание: „Тан-гу-дэ потомки тан-ту-гюэ. Происхождение слова „ту-гюэ" следующее: в древности этот народ жил в западной стране, в Алтайских горах. Они были превосходные кузнецы и ковали из железа шлемы, бывшие известными под именем „ ту-гюэ", перенесенном впоследствии и на местность их производства. Современные тангуты и кукунорские фань-цзы носят шляпы, напоминающие железные горшки. Это **их** сходство и доказывает правильность вышесказанного". *(Рокхилль*— „В страну лам", стр. 53). Это, хотя и темное, указание свидетельствует, что к дансянам имели какое-то отношение турки Ашина, некогда, как мы уже знаем (см. выше стр. 210), действительно кочевавшие в Нань-шаньских горах. У *Ма-дуань-лин'* я *{Klaproth*—„Explication", etc., стр. 367) также читаем: „Ce pays recut alors le nom de Tangou, d'une de leurs (Tang'hiang) hordes principales, appelee (par les Chinois) Thang-gou".

Самое раннее упоминание о тангутах мы находим в орхонских надписях, а так как в тех же надписях говорится и о тибетцах, то очевидно, что в то время тюрки видели в тангутах отличный от тибетцев народ; самое раннее упоминание о дансянах встречается в истории династии Хань *[Chavawies* и *Pelliot*, op. cit., стр. 252).

[2] Тоба—племя сяньбийской группы, овладевшее, как мы уже знаем (см. выше гл. III), северным Китаем и давшее ему династию Бэй-Вэй с 386 до 558 года. Что тангутские князья, основавшие царство Ся, были потомками, хотя, может быть, и не в прямой линии, тобаских императоров этой династии, видно из нижеследующих строк письма тангутского царя Юань-хао' „Предки мои происходят от императорской отрасли и еще при конце дома Цзинь положили первое основание дому Вэй" *(Иакинф*—„Ист. Тиб. и Хухун.", II, стр. 28). *Chavannes* („Dix inscriptions chinoises de 1'Asie Centrale" в „Mem. pres. par div. sav. & 1'Acad. d. Inscr. et Belles-lettr. de 1'Institut de France", 1904, XI, 2, стр. 205) сомневается в существовании родства между тангутской и сяньбийской фамилиями Тоба и полагает, что родство это вывел генеалог царства Ся, чтобы выслужиться перед своим повелителем. Ничего невозможного в том, что Тоба бежали к дансянам и поде-лались у них князьями, я, однако, не вижу и в доказательство такой возможности привожу следующее место „Географии Тибета" *Мцнъчжул хутукты:* „на север от Цо-нгонь-бо (озера Куку-нора) в смежности с Бари находится удел Шара-ю-гу, жители коего составляют отрасль уйгуров;

большая часть их старшин происходит от чжурчженьских царей из рода Ваньянь", (племя вань-янь населяло некогда северо-восточную Маньчжурию;

см. *Васильев*—„История и древн. вост. части Ср. Азии", стр. 47). Что могло иметь место у уйгуров, могло также случиться и у дансянов. См. также *Gaubil*—„Histoire de Gentchiscan", etc., стр. 50; *Devena*— „L'ecriture du royaume de Si-Hia ou Tangout", *idem*—„Stele Si-hia de Leang-tcheou", 1898, стр. 18, и *Bushell*—„Inscriptions in the Juchen and allied scripts", где не высказывается сомнения в родстве тангутов тоба с теми тоба, которые овладели северным Китаем в IV веке. *Царкер*—„Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней", перев. Грулева, 1903, СПБ., стр. 58, называет государство Ся полу-тибетским, полу-тоба. По словам *Grenard* („La legende de Satok Boghra khan et I'histoire" в „Journ. Asiat", IX ser., 1900, XV, стр. 48), род тоба и до сего времени сохранился среди цайдамских панака. То же сообщает и *Rockhill*—„Diary of a Journey through Mongolia and Tibet", стр. 114.

[3] См. выше стр. 340.

Основатель этого царства Тоба Сы-гун был возведен R княжеское достоинство в 888 году и хотя фактически он уже владел обширной территорией в Шэнь-си и северо-восточной Гань-су, тем не менее все же не без значения для него остался факт официального признания за ним и его потомством наследственных прав на феод Ся. Сверх того он был награжден высшим придворным чином, удостоен фамилии Ли и сделан правителем пяти областей. Столь беспримерные награды получил он за услуги, оказанные им в войне с отважным мятежником Хуан-чао, успевшим к тому времени овладеть обеими столицами Китайской империи. Подобным же образом награжден был и шатоский князь Ли-кэ-юн, получивший в удел область Тай-юань, в провинции Шань-си.

Первые серьезные недоразумения между тангутами и китайцами возникли только столетие спустя, а именно, в исходе X века, когда один из тангутских князей, по имени Тоба Цзи-цянь, бежал в Ордосские степи, откуда и стал производить набеги на пределы Китая. Все попытки усмирить его не имели успеха, и в 998 году китайцы вынуждены были, наконец, возвратить ему незадолго перед тем, путем мирного соглашения, присоединенные к империи округа, входившие в состав феода Ся [1].

В 1001 и 1002 годах Тоба Цзи-цянь последовательно овладел городами Нин-ся и Лин-чжоу и, поселившись в последнем, сделал его столицей Ся-го. При его сыне Тоба Дэ-мине столица перенесена была в г. Нин-ся, значительно расширены пределы самого государства и отнят у уйгуров г. Гань-чжоу (в 1028 г.).

Первые столкновения тангутов с ганьчжоускими уйгурами относятся к самому началу XI века [2], но тогда они не имели для последних серьезных последствий. Впрочем в это время уйгуры были еще настолько сильны, что сумели отстоять себя даже в борьбе с могущественными киданями; так, хотя последние в 1008 году и полонили их князя Е-ла-ли, но это был лишь частный успех, не имевший дальнейших последствий [3]. Засим кидане предпринимали против ганьчжоуских уйгуров походы в 1010 и 1026 годах. Первый окончился захватом города Су-чжоу, второй не имел и такого успеха. Эти походы В. Григорьев [4] об'ясняет желанием киданей „усмирить" непокорных вассалов, но в китайских анналах я не нахожу указаний на существование таких отношений между киданями и уйгурами. У Visdelou [5] мы читаем: „В 924 году Амба-гянь [6] пленил уйгура Би-ли-гэ, тутука города Гань-чжоу. Он воспользовался этим случаем, чтобы послать уйгурскому хану У-му-чу письмо приблизительно такого содержания:

„Не мечтаете ли вы вернуться на свою родину (т. е. в долину Орхона)? Если—да, то я, император, готов вернуть вам эти земли [7], ибо считаю для себя безразличным, будут ли они находиться в моих или в ваших руках". На это предложение У-му-чу дал следующий ответ: „Уже десять поколений сменилось после того, как уйгуры, покинув свою родину, кочуют в пределах Китая. Они довольны тем, что имеют, и не стремятся отсюда на север; а потому и я с своей стороны не могу принять вашего предложения переселиться в долину Орхона". Эта переписка вполне устанавливает тот факт, что уйгуры не были покорены Амбагянем, основателем Киданьской империи; не были покорены они и позднее, так как летописи не упоминают о каких либо войнах между уйгурами и киданями в промежуток времени между 924

---

[1] Инициативу этого соглашения китайские анналы приписывают тангутскому князю Тоба Цзи-бану, который, будто-бы, просил четыре округа, входившие в состав его феода, а именно Ся, Суй, Инь и Ю, как населенные преимущественно китайцами, вернуть империи, управляющих же этими областями тангутских князей, в наказание за их постоянные ссоры между собой, перевести на жительство в Китай. Э'[1,0] предложение было принято и осуществлено *(Иакинф,* op. cit., I, стр. 254). .Бегство" Тоба Цзи-цяня становится поэтому понятным, но что все предшедшее совершилось по инициативе самих же тангутов, в этом позволительно усомниться.

[2] *De Mazlla,* op. cit, VIII, стр. 141.

[3] *Bretschneider,* op. cit, 1, стр. 242—243.

[4] Восточный или Китайский Туркестан", стр. 276—277.

[5] „Bibliotheque orientale", suppl., стр. 86; *v. dei Gabelent*^—„Geschichte der Grossen Liao", стр. 182.

[6] Амбагянь—переделка „Исторического Комитета" времен императора Цянь-пуна из Абао-цзинь (Абаки) прежних историографов (см. *Васильев*-„История и древности вост. части Ср. Аз ", стр. 13).

[7] Из этого видно, что в это время долина Орхона не находилась уже во власти киргизов

и 1008 годами. В „Тун-цзянь-ган-му" имеется более правдивое об'яснение киданьских походов против уйгуров, в частности их похода в 1026 году. „Кидане, читаем мы у de Mailla [1], начавшие с подозрением относиться к Тоба Дэ-мину, решили не давать ему повода к ссоре до тех пор, пока они не окружат его земель своими владениями. С этой целью они двинули свои войска против уйгуров и осадили город Гань-чжоу'". Но этот план был своевременно разгадан тангутами, которые прогнали киданей из под стен этого города. Засим Тоба Дэ-мин, убедившись в слабости уйгуров, решил захватить этот последний и присоединил его к своим владениям.

В 1035 году тангуты вторглись в пределы Туботского княжества [2] и проникли на юг за Хуан-хэ, но возвратились из этого похода без видимых результатов; зато на западе они довершили завоевание уйгурской территории и заняли города Су-чжоу, Гуа-чжоу и Са-чжоу [3] и, невидимому, еще в том же году овладели Лян-чжоу, столицей незадолго перед тем (в конце X века) возникшего тибетского княжества Хэ-си-цзюнь. В 1036 году они покорили Лань-чжоу и всю страну на юг до Ди-дао-чжоу и таким образом стали обладателями всей Хэ-си, юго-восточной части Бэй-шаня, Ала-шаня, Ордоса и северной окраины Шэньси'ской провинции. В это время общая численность тангутской армии, по словам китайской летописи, достигала пятисот тысяч человек [4]; цвет ее составляли пятитысячный корпус гвардейской легкой кавалерии, набиравшийся из лиц, принадлежавших к высшей аристократии страны, и трехтысячный корпус латников. Эти цифры я привожу с умыслом, чтобы показать, как густо в то время населена была страна, которая ныне едва прокармливает ничтожное по численности китайское население.

В 1038 году возгорелась война между царством Ся и Китаем, окончившаяся мирным договором, по которому каждая из договаривавшихся сторон сохраняла за собой свою территорию, но Китай обязывался вносить ежегодную дань [5] серебром, шелковыми тканями и чаем на сумму 250,000 лан взамен отказа тангутских государей от употребления императорского титула в своих письменных сношениях с Сунским двором [6].

В том же 1044 году тангуты успешно отразили киданей, которые в эту эпоху были наверху своей славы и могущества [7]. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о внутренней мощи Тангутского государства, занимавшего одну из наименее производительных частей современного Китая [8].

---

[1] Op. cit, VIII, стр. 188—189.

[2] В исходе IX века, как это говорилось выше, Тибетская империя без какого-либо толчка извне распалась на части. Не только каждая из входивших в ее состав народностей добилась самостоятельности, но даже в пределах последних явились независимые владетели, к которым ближе всего подходит титул князьков. Один из таких князьков, потомок тибетских царей, по имени Ци-нань (Го-сы-ло, Го-срай), собрал тибетские поколения, кочевавшие между северной цепью Наньшаньских гор и р. Хуан-хэ, и основал в начале XI века княжество, известное в истории под-именем Туботского.

[3] *Дешнь,* op. cit, II, стр. 30—31, относит занятие этих городов тангутами к 1036 году.

[4] „Тун-цзянь-ган-му" *{de Mailla,* op. cit., VI1I, стр. 201) дает, впрочем, значительно меньшую цифру, а именно, Полтораста тысяч человек, вероятно, однако, постоянной армии, тогда как в данном случае речь идет о военнообязанных. В Ся-го в войска зачислялись: один из двух, два из четырех мужчин, достигших определенного возраста.

[5] Она именовалась жалованием.

[6] В 1032 году Тоба Юань-хао принял титул у-цзу, что значит, невидимому, сын (голубого) неба (см. *Deveria*— „L'ecriture du royaume de Si-hia ou Tangent" в .Mem. pres. par divers savants a 1'Acad. des Inscr. et Belles-lettres", 1898, 1 serie, XI, I, стр. 17).

[7] *Иакинф*—„Ист. Тиб. и Хухун.", II, стр. 49; *de Mailla,* op. cit, VIII, стр. 234. В огместку за понесенное в этом году поражение кидани в 1049 году предприняли новую экспедицию против Ся-го; но поражение, которое они при этом понесли, было серьезнее первого. „Les Hia (ся)", читаем мы у *de Mailla,* ibid., стр. 241, „en firent une etrange boucherle". Впрочем, в 1053 году тангуты все-же должны были признать себя вассалами империи Ляо *(v. d. Gabelent^*—„Geschichte der Grossen Liao", стр. 133).

[8] *Васильев,* op. cit., стр. 86, совершенно справедливо замечает о царстве Ся, что оно составляет замечательное явление с истории. «Занимая незначительную часть земли в Китае, оно умело сохранить внутреннюю свою независимость, находясь на границах таких великих держав, как Киданьская, Цзиньская и Сунская, и только один меч Чингис-хана мог положить ему конец". Китайский историк по тому же поводу пишет: „Оно сумело сохранить свою независимость столь долго благодаря уменью их государей действовать сообразно обстоятельствам,

Дальнейшая политическая история царства 'Ся в том виде, как она дошла до нас, вплоть до 1124 года, когда тангуты признали себя данниками чжурчженей, представляя сухой перечень непрерывного ряда пограничных столкновений и кровопролитных войн с Китайской империей, имеет для нас лишь самый отдаленный интерес, так как район действий обоих противников выходил далеко за пределы территории, политические изменения которой могли бы найти отражение в жизненном ходе Западной Монголии [1]. О внутренней же жизни этого государства за столь долгий период времени мы знаем лишь то, что в нем элементы гражданственности стали довольно быстро проникать во все слои населения. Так, военные силы страны получили прочную организацию; гражданские дела были выделены в ведение особого министра; введено было судопроизводство на основании писанных законов [2]; открыты школы, высшее училище [3] и академия; изобретен был алфавит, и переведены на тангутский язык [4] некоторые китайские сочинения; отлита была медная монета; при дворе введен был китайский церемониал: одновременно же последовали изменения и в самой форме одежды, которая получила китайский покрой; наконец, устроена была богадельня для престарелых чиновников.

Перехожу к киданям.

Киданей китайцы считают отраслью дун-ху, т. е. относят к сяньбийской группе народов [5]. Их имя впервые попадает на страницы истории в 479 году. Уже в это время они занимали своими кочевьями обширную территорию между средним и нижним течением Нонни и реками Хацыр и Шара-мурен В конце VII века они перешли эту последнюю и овладели всей страной на юг до г. Ин-чжоу [6], что втянуло их в упорные войны с Китаем. Вассалы то китайских императоров, то турецких каганов, они никогда не утрачивали внутренней автономии, отваживаясь на борьбу со своими могущественными соседями даже тогда, когда те имели на своей стороне их сородичей хи (татаби).

Эпоха Ань Лу-шаня, несмотря на только что (в 751 г.) законченную войну с Китаем, не вызвала с их стороны каких-либо новых агрессивных действий против империи, может быть, потому, что их сдерживали уйгуры, а засим в их жизни наступил период, который отмечен в китайской истории лить перечнем их посольств и мелких пограничных столкновений. Впрочем в эту эпоху они вели, по-видимому, жестокие войны со своими северными соседями—хи, татарами и шивэйцами, которых им удалось покорить лишь в конце IX века.

В начале X столетия среди киданьских князей выделился своей предприимчивостью

своевременно становиться на сторону более сильного и в соответствии с этим менять сюзеренов. Оно погибло только тогда, когда уклонилось от союза с чжурчже-нями против монголов" *(de Mailla,* op. cit, IX, стр. 127).

[1] Отмечу только, что в 1082 году тангуты нанесли столь сильное поражение китайцам, какого последние давно не испытывали. У *de Mailla,* op. cit, VIII, стр. 301, читаем: „Depuis un temps immemorial la Chine n'avait point essuye d'echec aussi terrible".

[2] Это впрочем несколько позднее. См. *Иакинф,* op. cit., II, стр. 108.

[3] В 1101 г. был основан университет, расчитанный на 300 студентов, и определены ученым в целях обеспечения им возможности свободно заниматься наукой, не думая о хлебе насущном, пенсии. Засим, число обучающихся в этом университете студентов было постепенно доведено до 3000 человек *(Иакинф,* op. cit., II, стр. 93, 108 и 122; ср., однако, *de Mailla,* op. cit., VIII, стр. 623, где основание этого университета отнесено к позднейшему времени).

[4] Те племена, которые ныне носят название тангутов, говорят на одном из диалектов тибетского языка; что, однако, тангуты царства Ся говорили на ином наречии, хотя, вероятно, той же тибето-бирманской группы языков (мон-тай), это доказывают те затруднения, какие испытывают в настоящее время орьенталисты в дешифровке дошедших до нас тангутских письменных памятников. *Morisse*—„Contribution preliminaire a 1'etude de 1'ecriture et de la langue Si-hia" в „Memoires pres. par div. sav. a 1'Acad. d'ln.scr. et Belles-lettres de 1'Inst. de Prance", 1 serie, XI, 2, 1904, стр. 349,'находит, что на основании некоторых синтаксических аналогий можно высказаться за его сродство с тибетским языком; того же взгляда держится и *Deveria.* С своей стороны полагаю, 'что так как основную массу населения государства Ся составляли дансяны, т. е. миняги, то естественно предположить, что и язык его был минягский. Миняги же или, как их называет *Hodgson* („Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet", II, стр. 65), маниаки и до сего времени уцелели еще к востоку от Литана; от тибетцев, пишет *Миньчжул-хутуктп* („География Тибета", стр. 46), они отличаются наружностью и языком. ') См. выше—гл. III.

[5] См. выше- гл.3.

[6] Ин-чжоу—позднейшее название г. Лун-чэна эпохи Муюнов. Ныне от этого города остались только развалины, носящие название Горбань-собарга-хото

Амбагянь [1], составивший себе боевую репутацию на полях северной Маньчжурии. Он сумел об'единить под своей властью все киданьские поколения и после новых побед над чжурчженями [2], племенами восточной Монголии и, наконец, в Китае [3] об'явил себя императором (в 916 году) [4]. В последующие годы он продолжал расширять пределы своего государства и, вероятно, в это время овладел и Халхой [5], а засим, незадолго до своей смерти (в (в 927 году) и царством Бохай [6].

Ему наследовал Дэ-гуан, царствовавший под именем Тай-цзуна (927—947 г.г.). Дэ-гуан продолжал завоевательную политику своего отца и своим вмешательством в китайские дела в значительной мере усилил тот хаос, который, начиная с конца IX века, водворился в Серединной империи [7].

В 936 году он вторгся в ее пределы [8], разбил под Тай-юанем высланные против него войска и об'явил хоу-танского полководца Ши Цзин-тана императором, за что тот, достигнув престола, признал себя его вассалом, уступил ему 16 округов северного Китая, и в их числе город Ю-чжоу (Пекин), вскоре затем обращенный в столицу Киданьской (Ляо) империи, и обязался вносить ежегодную дань в количестве 300 тысяч кусков шелковых тканей [9]. Пока это обязательство выполнялось [10], кидане оставались спокойными зрителями совершавшегося в

---

[1] Об его наружности сообщается: он был очень высок ростом и имел заостренный подбородок *(H. Conon v. d. Gabelent^—*„Geschlchte der Grossen Liao", 1877, стр. 2).

[2] С ними мы встретимся ниже.

[3] Он достиг при этом Ю-чжоу (Пекина), но не мог взять этого города.

[4] В „Geschichte der Grossen Liao" событие это отнесено к 907 году, под 916 же годом сказано, что Амбагянь изменил в это время наименование годов своего правления.

[5] См. выше стр. 371. *Marquart (.Guw&Ws* Bericht uber die Bekehrung der Uiguren" в „Sitzungsber. d. k. Preuss. Akad. d. d. Wiss.", phil.-hist. CL, 1912, XXVII, стр. 498) приводит следующее место из „Ляо-ши" в переводе проф. *de Groot:* „В 924 году остановился он (Амбагянь) в развалинах уйгурской крепости (Кара-балгасуна) и приказал выбить там на камне хронологический перечень своих деяний"... То же место „Ляо-ши" приведено у *Bretschneider'a.,* op. cit., 1, стр. 256, и *Chavannes*—„Voyageurs chinois chez^les Khitan et les Joutchen" в „Journ. Asiat", IX serie, 1897, IX, стр. 382.

[6] Это царство лежало к северу от р. Ялу и занимало территорию нынешней Гириньской провинции и Южно-Усурийского края, а также морское побере.жье северной Кореи. Его столица находилась в 25 верстах к югу от Нингуты. Образование его относится ко второй половине VII века, хотя самое название государства и народа „Бохай", вытеснившее наименование Мо-хэ, и должно быть отнесено к 713 г., когда танский император Жуй-цзун(710—712) прислал послов для вручения мохэскому князю и полководцу, разбившему китайскую армию, титул бохайского царя—„бо-хай цзюнь-вана" *{Гребенщиков*—„К изучению истории Амурского края по данным археологии* в Юбилейном Сборнике, изд. Общ. Изуч. Амурск. Края, стр. 55—56. Владивосток, 1916). Впоследствии оно подчинило себе и все земли на север до Амура.

[7] Китай переживал в это время смутный период, известный в истории под именем „ву-дай" т. е. „пяти династий". Танская династия была свергнута в 907 году Чжу-цюань-чжуном, основателем Хоу-Лянской династии. В 923 году эту династию сменила династия Хоу-тан, павшая в свою очередь под ударами киданей в 936 году. Затем следовали: Хоу-Цзип (937—946 г.г.), Хоу-хань (946-950 г.г.) и Хоу-Чжоу (950—960 г.г.). Все они владели лишь частью Китая, как и последующая династия Сун (960— 1280 г.г.), считаются же они главными по прямому переходу власти Тан-ской династии к династии Хоу-Лян и от династии Хоу-Чжоу к Сунской. Наряду с этими в периферических частях Китая возникали и падали другие династии, столь же, как и они, слабые и недолговечные; из числа последних только царство Ву в южном Китае просуществовало около пятидесяти лет (917—970 г.г.).

[8] Враждебные действия между Киданьской и Китайской империями открылись, впрочем, несколько ранее, а именно уже в 934 году (см. *v. d. Gabc-lent[,* op. cit., стр. 37).

[9] В „Geschichte der Grossen Liao", стр. 41—42, однако, читаем:
„Цзинский император предложил Тай-цзуну почтить его передачей ему городов к северу от прохода Ян-мынь-гуань и ежегодной данью в 300.000 кусков шелковых тканей, но Тай-цзун отклонил это предложение". Между тем этому противоречит дальнейшее, где говорится (стр.43), что цзинский • посол передал Тай-цзуну в 938 году карту шестнадцати городов и в том числе Ю-чжоу, т. е. Пекина, после чего император об'явил этот последний южной столицей государства.

[10] *Васильев,* op. cit., стр. 18, сообщает, что Ши Цзин-тан был настолько предан Дэ-гуану, что отказался вступить во враждебную последнему коалицию, в которой между прочими племенами приняли участие тангуты, шато. тугухуньцы, жившие в это время к северу от Ян-мынь-гуаня и много терпевшие от притеснений киданей, и турки. Интерес этого, свидетельства в том, что на северной окраине Китая продолжали еще и в X веке существовать под своими народными названиями племена, которые можно было считать навеки угасшими.

Китае, но как только преемник Ши Цзин-тана, император Ши Чун-гуй [1], перестал именоваться их вассалом и замедлил высылкой дани, Дэ-гуан наводнил своими войсками Хоу-Цзинскую империю.

Император Ши Чун-гуй во главе своей армии мужественно встретил врагов и в течение двух лет (944—946) успел нанести им несколько поражений [2], но засим измена его генералов поставила его в безвыходное положение. Он был схвачен киданями в Кай-фын-фу [3] и отправлен отправлен пленником в Маньчжурию.

Китайским престолом овладел Дэ-гуан. Но кидани торжествовали свою победу недолго. Поднятое князем Лю Чжи-юанем восстание заставило Дэ-гуана, не сумевшего справиться с выпавшей на его долю задачей, удалиться на север, а засим китайцы очень быстро стряхнули с себя киданьское иго.

Война с Китаем вскоре [4], однако, возобновилась и продолжалась засим почти без перерывов до 1004 года, когда взаимно истощенные противники заключили наконец мир на правах равенства, но при условии уступки киданями части своей территории, а именно округов Ин, Мо и И [5], за ежегодную арендную плату, определенную в сто тысяч лан серебра и двести тысяч кусков шелковых тканей [6].

За этот пятидесятилетний период времени внутренние дела Киданьской империи нам очень мало известны [7]. Сменились императоры Уюнь, Шуя [8], Шуру, Сянь и Лун-сюй, ничем не не замечательные, проводившие свой досуг в кутежах и на охоте, достигавшие престола путем интриг и преступлений [9] и не погубившие государства лишь потому, что среди киданьских генералов нашлись такие выдающиеся полководцы, как Елюй Сю-гэ и Елюй Сэ-чжэнь, которые сумели с честью выйти из трудной борьбы с Сунской империей, выставившей также несколько крупных военных дарований. Засим, из дел внутреннего управления можно только отметить учреждение пяти военных инспекций, предназначавшихся для наблюдения за внешней границей империи и опиравшихся на специально ради сего сформированные контингенты пограничных войск [10].

Неизвестна нам также и политика, которой держались кидани на западе, хотя из дошедших до нас известий и видно, что территория их в этом направлении простиралась до Алтайских гор (Цзинь-шаня), на север до Керулюна (Лун-цзюй'я) [11], и что до шестидесяти владетелей признавали себя здесь вассалами киданьских императоров [12]. С ганьчжоускими уйгурами и тангутами кидани столкнулись позднее, что касается Халхи и Хангая, то о происходившем в этих странах у нас пет известий. А между тем именно здесь завершалась в это время та смена народностей, которая подготовила разлитие в XIII веке монгольского моря по лику старого континента.

С уходом уйгуров на запад и на юг земли в бассейнах Орхона и Селенги остались не заселенными, что видно, между прочим, и из письма Амбагяня к У-му-чу, идыкуту уйгурскому

---

[1] Вступил на престол в 942 году. Том II.

[2] В одном случае Дэ-гуан едва избег даже плена *(v. d. Gabelent^*, op. cit, стр. 50).

[3] Сдался на милость победителя *(v. d. Gabelent^*, op. cit., стр. 54).

[4] Повидимому, в 951 году, хотя *Васильев,* op. cit., стр. 20, и приводит 949 год.

[5] Т. е. округов, отвоеванных у них китайцами еще в 959 году *[Васильев,* op. cit., стр. 20).

[6] Впоследствии эта цифра была несколько увеличена.

[7] „Киданьская история составлялась спустя долгое время, уже при конце монгольской династии; материалы для нее были растеряны победителями их, чжурчженями. Китайцы ссылаются сверх того на то, что кидани держали в возможной тайне свое внутреннее состояние, и потому **их** ученым нельзя было составлять своевременные описания" *(Васильев,* op. cit., стр. 23).

[8] Этот император был признан только небольшой частью государства.

[9] Были убиты: Уюнь, Шуя и Шуоу.

[10] Эти инспекции носили китайские названия и ведали границами:
Янъ-шанъ-лу с Сунской империей, *Юнъ-чжун-лу* с царством Ся, *Ша-мо-фу* с кочевыми владениями на западе и севере, *Чань-чунь-лу с* землями чжур-чженей и ши-вэй и *Ляо-дун с* Кореей.

[11] Маньчжурское название этой реки—Дахань-бира.

[12] Среди этих владетелей назван и идыкут тяньшаньских уйгуров.

[1]; но пустующими они долго не могли оставаться, и, вероятно, уже с X века стали заселяться тюркскими и монгольскими племенами, которые были известны у китайцев под общим именем да-да.

Считают, что да-да—китайская транскрипция слова татар. До монгольской эпохи, пишет архимандрит Палладий [2], это название распространялось китайцами как на кочевников, населявших степи восточной половины Средней Азии, так и на некоторые другие народы, о которых у них не было точных известий. Согласно ранней „У-дай-ши", да-да населяли северную часть провинции Шань-си, хребет Инь-шань и степи к северу от границ Тангутского царства, согласно же „Ляо-ши", они жили и по северную сторону Ша-мо, т. е. в Мо-бэй. Писатели времен династии Сун знали, невидимому, только иньшаньских да-да. Ученый X века Сун-бо считал их особым отделом мо-хэ. Оу-ян Сю, автор позднейшей „У-дай-ши" \ (XI в.), писал, что мо-хэ, переселившиеся в Инь-шань, сами себя называли да-да. Более поздний писатель Мэн-хун делил да-да на три отдела: белых, черных и диких; белые да-да, иначе ван-гу, т. е. онготы или онгуты (ныне—оннюты), это— шато [3], черные да-да это—мэн-гу, дикие или непокорные да-да—урянхи, шуй да-да и хэ-шуй да-да. „Юань-чао-ми-ши" не отождествляет да-да с татарами [4], хотя китайцы свое да-да (та-та) всего вероятнее взяли из слова татар, и переносит это название на монголов, меркитов [5] и кераитов. Наконец, „Дэн-тань-би-цэю", сочинение времен династии Мин, говорит, что народ, который известен в Китае под именем да-да, на своем родном языке всегда писался и именовался мэн-гу. Из всего этого арх. Палладий делает вывод, что отождествление монголов с татарами совершилось на западе, благодаря каракиданям [6], которые встретили в Туркестане своих прежних вассалов под тем именем да-да, т. е. татар, которое укоренилось за ними на дальнем востоке Азии.

Само по себе весьма вероятное [7] предположение арх, Палладия не разрешило, однако, монголо-татарского вопроса, который и после него остался столь же темным, как и после попыток Шотта [8] и Васильева [9] осветить его, опираясь главным образом на китайские источники.

Первое известие о татарах дают нам орхонские надписи [10]. В Китае, по словам „У-дай-ши-цзи" [11], имя этого народа стало известным лишь в конце Танской эпохи, когда, будучи призваны шатоским князем Ли Кэ-юном, татары в составе его войск вступили в провинцию Шань-си, где и разбили бунтовщика Хуан-цзяо (в 875 году). Отсюда они уже не вернулись обратно на север,

---

[1] См. выше стр. 371.

[2] «Труды членов Росс. духовн. миссии в Пекине", IV, стр. 169 и след.

[3] *Аристов,* op. cit., стр. 21, пишет, что белые да-да были потомками хи. Я не знаю, откуда заимствовал он это известие, но, как это будет об'яснено ниже, оно не согласуется с тем, что нам известно об этом отделе да-да. Хи упоминаются в Китайской истории в конце X века *(v. d. Gabe-Icnl^,* op. cit, стр. 91), т. е. одновременно с онгутами; упоминаются и позднее: их восстание было подавлено чжурчженями в 1162 году (C. *de Harle^—,Histe\re* de 1'empire de Kin", 1887, стр. 108).

[4] См. „Труды член. Росс. духовн. миссии В.Пекине", IV, стр. 32 и 34. Впрочем лишь в китайском переводе; в подлиннике же, по сообщению проф. *А. О. Ивановскою* (см. *Бартолъд*—„Зап. вост. отд. И. Русск. Арх. Общ.", XI, стр. 351), вместо да-да стоит манхол. Во всех-ли, однако, случаях?

[5] См. также „Труды член. Росс. дух. миссии в Пекине", IV, стр. 187.

[6] О них см. ниже.

[7] Им трудно, однако, об'яснить то обстоятельство, что монголы отрядов Чжебэ и Субутая при первом своем появлении в Половецких степях, совершенно неожиданном как для русских князей, так и для кочевников, стали уже известны под именем татар. В Новгородской летописи, в отделе законченном в 6742 (1234) году («Новгородская летопись по синодальному харатейному списку", изд. Археогр. комис., СПБ., 1888, стр. 215), читаем: „Том же л'Ьт'Ь, по грехом нашим, придоша языци незнаем!, ихже добр-в никто же не *в-Ьсгъ:* кто суть и откеле изыдоша, и что язык их, и которого племени суть, и что в^ра их; а зовут я Татары, а инии глаголют Таурмены, а друзии Печен-Ьзи... Бог един весть, кто суть и откол'в изидоша..."

[8] „Aelteste Nachrichten von Mongolen und Tataren", 1846.

[9] «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века", 1857.

[10] См., однако, *Schott,* op. cit., стр. 29, где приводится сомнительное, впрочем, указание, что да-да были известны китайцам уже в IV веке" нашей эры.

[11] *Васильев,* op. cit., стр. 166; *Klaproth*—„Fragmens sur les races et sur les langues de 1'ancien et du nouveau continent" в „Memoires relatifs a 1'Asie", II, стр. 4; *Grosier,* прим. в *de Mailla*—„Hist. gen. de la Chine", IX, стр. 2—3.

а поселились между Юнь и Дай в Инь-шань'ских горах. Позднее они принимали участие в войнах киданей с Китаем на стороне последнего и, невидимому, настолько перемешались к этому времени с ша-то, что Мэн-хун имел некоторое основание приписывать да-да ван-гу шатоское происхождение [1].

К тому же приблизительно времени относятся и первые китайские известия о племени мэн-гу, находившемся в подчинении у турок и населявшем современную Баргу," к востоку от озера Хулун и р. Аргуни [2].

Это известие „Тан-шу" [3], подтверждающееся данными о северных инородцах, опубликованными в „Ки-дань го-чжи" [4], очень важно, так как дает нам возможность вместе с Шоттом [5] приписать указание „Цзинь го-чжи" на значительно более восточное местообитание этого народа (в низовьях Амура) lapsu penicilli ее автора. Эта ошибка вызвала, однако, в дальнейшем другую и повела даже к созданию теории о двух владениях мэн-гу, из коих одно, времен Чингис-хана, лежало к северо-западу, другое, населенное шивэйцами мэн-гу,— к северо-востоку от чжурчженских земель. Эта теория о двух этнографически различных народах мэн-гу, которую проф. Васильев положил в основу своего рассуждения о происхождении названия монгол [6], в полной мере, однако, опровергается „Тун-цзянь ган-му", в в свою очередь базирующейся на дальнейшем тексте того же „Цзинь го-чжи", где говорится, что в 1147 году чжурчжени были вынуждены уступить ши-вэй мэн-гу земли к северу от Керулюна (Си-пин-хэ) вместе с 27 построенными там крепостями [7]. Отсутствие критического анализа исторических материалов—явление весьма частое в китайских исторических сочинениях, но странно, что проф. Васильев просмотрел столь явное противоречие в тексте „Да Цзинь го-чжи". Засим, в доказательство того, что монголы, ведшие до эпохи Чингис-хана войны с чжурчженями, жили не в низовьях р. Амура, куда их помещает „Цзинь го-чжи", а в современной восточной Монголии, привожу следующую выписку из „Сань-чао-бэй-мын-хой-бян": „в 1122 году, по словам цзиньских послов, Ша-мо разделена была между да-да и мэн-гу,

---

[1] Князья у оннютов были тюркского происхождения *(Gaubil—',Hist.* de Gentchiscan et de toute la dynast, des Mongous ses succes.'[1], стр. 10;
d'Ohsson—„Hist. de Mongols", I, стр. 84—85). У **арх.** *Палладия* („Комментарий на путешествие Марко Поло по северн. Китаю" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1902, XXXVIII, вып. 1, стр. 23), читаем: „Господствующим родом у турок (тукю) шато был ван-гу, иначе юн-гу; он вел свое происхождение от тех шато, которые некогда господствовали в северном Китае под именем династии Хоу Тан (923—936 г.г.). Кидани, завладев северной окраиной Китая, подчинили своей власти и разрозненные роды этих турок (тукю); с воцарением гиньцев род ван-гу разделился на два отдела— иньшаньский и линь-тао. Последний гиньцы перевели в Ляо-дун". Далее у того же автора находим .указание, что онгутов монголы относили ко второй группе племен, т. е. считали их не монголами, а тюрками (ibid., стр. 27). Замечание неизвестного персидского географа, что „татары тоже один из родов токузгузов" *{Бартольд*—„Отчет о поездке в Средн. Аз. с научн. целью", стр. 34), следует, может быть, отнести к этим ван-гу, хотя шато и не были токуз-огузами.

[2] *Schott,* op. cit, стр. 19, 22. "То обстоятельство, что мэн-гу в числе, вероятно, других татарских отделов находились находились в подчинении еще у турок, в полной мере опровергает гипотезу *Банзарова* (ст. „О происхождении имени монгол", помещ. особ. прилож. к соч. того же автора .Черная вера", стр. 73—74) о происхождении имени монгол от речки Мон-гол, стекавшей с вершины Мона, в Иньшаньских горах, долина которой служила, будто-бы, в IX веке временной стоянкой (это ничем не подтверждается) одному из отделов татар, носившему до того имя бота.

По мнению/ комментатора „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 325, монголы * (мэн-гу) впервые появились на границах Китая в период Ву-дай (907— 960 г.г.), но имя их упоминается раньше, так как уже в „Хэу-Хань-шу" указывается, что мань-го (мэн-гу) граничили на востоке с су-шэнями (это последнее имя продержалось только до цянь-ханьской эпохи, когда сменилось и-лоу; см. *Гребенщиков*— „Маньчжуры, их язык и письменность" в „Изв. Восточн. Институт.", 1912, XLV, вып. I), которые жили к северу от Бу-сянь-шань (ныне Чан-бо-шань), занимая, согласно китайскому историческому атласу „Я-си-я Ли-ши-ди-ту", территорию среднего и нижнего течения Хунь-тун-цзяна, т. е. р. Сунгари.

[3] *Schott,* op. cit., стр. 13.

[4] *Schott,* op. cit., стр. 15.

[5] Op. cit., стр. 17.

[6] Op. cit., стр. 159. Невероятной считает эту гипотезу и проф. *Березин* (прим. к „Истории Чингиз-хана до восшествия его на престол" Рашид эд-Дина, стр. 186).

[7] *Васильев,* op. cit., стр. 79.

причем оба народа признали себя вассалами Цзиньской империи" [1].

На вопрос о том, были ли монголы татарами, приходится, по-видимому, отвечать утвердительно.

До эпохи Чингис-хана, когда имя "монгол" только и об'единило многие родственные племенные группы, китайцы в своих исторических сочинениях очень часто называли коренных монголов—татарами, но никогда не наоборот, из чего можно вывести лишь то заключение, что монголы в глазах китайцев были лишь отраслью татар. То же замечается и в правительственных актах Цзиньской империи; так, изданный в Пекине в 1161 году манифест начинался словами: „Мэн-г у да-да несколько раз при моем предшественнике нападали на паши границы. Ныне поступило известие, что они вновь собрались в 'большом числе и вступили в союз с государством Ся"... [2]. Засим в „Цзинь го-чжи" читаем: „Да-да не переставали вносить дань пока Цзиньское государство было сильно, но затем, когда цзиньский престол занял Вэй-ван, их старшина Тэмучин об'явил себя императором" [3]. По словам Мэн-хуна, Чингис, его министры и полководцы принадлежали к отделу черных да-да, и только в память монголов, когда-то мужественно боровшихся с чжурчженями, они, будто бы, присвоили себе имя монгол [4]. Кроме этой версии, свидетельствующей о принятии татарами имени монгол, существует еще и другая: „Да-да, успешно боровшиеся с цэиньцами, говорится в „Мэн-гу-ю-му-цзи" [5], подражая последним и киданям, дали своей династии имя мэн-гу, что значит серебро" [6]. Но обе эти версии после всего того, что писалось выше, должны считаться отпавшими, хотя и не утратившими своего интереса, как новое доказательство этнической близости обоих народов [7].

И тот и другой китайцы относят к шивэйской племенной группе [8]—определение, которое

---

[1] Архим. *Палладий*—„Старинное монгольское сказание о Чингисхане" в „Труд. член. Росс. дух. миссии в Пекине", IV, стр. 172.

[2] Архим. *Палладий,* op. cit, стр. 173. Интересно, что и армянские историки *[Киракос Гандзакецц;* см. *Натканов*—„История монголов по армянским источникам", II, стр. 13) называли коренных монголов—мугал-татарами.

[3] *Schott,* op. cit, стр. 26; *Васильев,* op. cit., стр. 165.

[4] *Васильев,* op,- cit, стр. 217, 220.

[5] Стр. 324.

[6] Имя киданьской династии Ляо в переводе значит .сталь", имя чжурчженской династии Цзинь—.золото".
Проф. *Васильев,* op. cit., стр. 161 (см. также *idem*—„Вопросы и сок-нения" в .Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1890, IV, 3—4, стр. 379), говорит, однако, что значение иероглифов, которыми со времен Чингис-хана стало писаться слово мэн-гу, иное, а именно—„получать древнее", в чем он видит новое подтверждение версии о двух народах мэн-гу, ибо восточные мэн-гу писались другими иероглифами. Перемене иероглифов едва-ли, однако, можно придавать столь важное значение, тем более, что известны случаи перемены их и у других народов (уйгуров). Ср. *Ab. Remusat*—.Recherches sur les langues tartares", стр. 10. Замечу еще, что по мнению *Шаванна* („Journ. Asiat", 1898, стр. 426—427) значение слов Ляо и Цзинь совершенно иное и заимствовано было от названий рек, на которых находились главные стойбища киданей и чжурчженей. Впрочем это толкование едва-ли приемлемо, так как известно, что монголы и тюрки величали чжурчженских царей алтын-ханами.

[7] Следует, однако, отметить, что *Рашид эд-Дин (Березин*—„История Монголов", „Введение", стр. 4) не об'единяет татар с монголами.

[8] *Schott,* op. cit, стр. 21, 25. По другой родословной татары входили в состав мо-хэ'ской, т. е. также тунгузской племенной группы. Вот эта родословная:
Некогда в северной Маньчжурии обитали племена су-шэнь и и-лу. Около Р. Хр. и-лу подчинили себе су-шэнь и дали своему царству имя У-ги. Последнее, однако, вскоре распалось на семь княжеств, из числа коих в V столетии получило преобладание Хэй-Йуй-бу, т. е. то, которое владело долиной Амура. В VII веке это последнее стало называться Мо-хэ и в свою очередь распалось на 16 владений. В VIII веке эти владения утратили свою самостоятельность и вошли в состав Бохайского царства. В начале IX века одно из мохэских племен выселилось на юг и здесь присвоило себе имя да-да. Постепенно оно приобрело силу и значение и овладело всей территорией восточной Халхи. В 1135 году одно из поколений этих да-да, по имени мэн-гу, об'явило войну Цзиньской империи и, выйдя из нее победителем, принудило последнюю к заключению мира (в 1147 году), по которому приобрело 27 укрепленных пунктов в бассейне Аргуни. В это время да-да распадались на несколько княжеств, из числа которых сильнейшими были: Монгол, Татар, Тайджут и Кераит. Засим, о мо-хэ читаем еще у С. *de Harle*^—„Histoire de l'empire de Kin", стр. 1—3: Мо-хэ или У-ги первоначально было названием страны, а не народа; впоследствии же в начале VII века, китайцы стали прилагать это название к группе населявших ее племен (семи). В Танскую эпоху из числа этих племен продолжали еще существовать только два—хэ-суй (хэ-шуй) и су-мо; хэ-суй были родственны чжурчженям. См. также *Горский*—„Начало и первые дела Маньчжурского дома" в „Труд. член. росс. дух. миссии в Пекине", I, изд. второе, 1909, стр. 2—3; /. *Duer Ball*—„Things Chinese or notes connected with China", стр. 411;

не имеет, однако, этнического значения, так как языки, на которых говорили шивэйцы, были различны [1]. Таким образом, ничто не заставляет нас считать их тунгузами по происхождению, и косвенным этому подтверждением служит их образ жизни: из всех шивэйских племен они одни были по преимуществу скотоводы [2].

На ряду с монгольскими племенами, невидимому, в том же X веке стали селиться в Халхе и выходцы из южной Сибири, происхождение коих остается до сего времени спорным; первенствующее положение между ними занял сначала союз бикин [3], а затем найманы и кераиты [4], отнесенные китайцами к той же племенной группе да-да. С ними мы будем иметь еще случай столкнуться в следующей главе теперь же я возвращаюсь к киданям.

После 1004 года могут быть отмечены следующие события политической жизни Киданьской империи.

В 1005 году да-да, кочевавшие в восточной Монголии, признали себя данниками киданей.

В 1010 году Киданьская империя столкнулась с Кореей из-за Ляо-дуна, на который заявил претензию корейский король, считая себя наследником бохайских правителей. В этой войне Корея оказалась побежденной и лишилась всей своей территории к западу от реки Я-лу-цзяна. Не довольствуясь этим, кидани в 1015 году перешли названную реку и вторглись в коренные земли Кореи. Здесь, однако, они встретили вспомогательный отряд чжурчженей [5], перед которым и должны были отступить. Но заключенному вслед засим в 1020 году договору река Я-лу-цзян легла границей обоих государств.

В том же 1010 году кидани с завоевательными целями напали на ганьчжоуских уйгуров [6].

Parker—„A Thousand years of the Tartars", 1895, стр. 128; арх. *Палладий*—„Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию", 1870, стр. 59 и 387; *Гребенщиков*— „Маньчжуры, их язык и письменность" в „Изв. Восточн. Институт.", 1912, XLV, вып. 1, у которого я заимствую ссылку на /. *Duer Ball,* и то, что писалось уже об этой народной группе выше в гл. III, стр. 169.

[1] *Schott,* op. cit., стр. 21; *Klaproth*—„Tableaux historiques de 1'Asie", стр. 92; *Васильев,* op. cit, стр. 32—33. Интересное указание находим мы в путевом журнале китайского посла *Сюй Кан-цзуна,* проехавшего в 1125 году через всю Маньчжурию. Со времен киданей, говорится в нем, которые вселили сюда толпы пленных, здесь живут, не смешиваясь между собой, племена бо-хай, т1>-ли, гао-ли, мо-хэ, жу-чжань (чжурчжени), ши-вэй, у-шэ, хой-хэ, дан-сян, наконец, хи и кидань; их языки настолько разнятся между собой, что они не понимают друг друга и пользуются при своих сношениях языком китайским, что служит доказательством давнего культурного влияния Серединной империи на все эти народности *(Chavannes*— „Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen" в „Journ. Asiat", 1898, стр. 420).

[2] Всего подробнее вопрос о мэн-гу и да-да, один из важнейших для этнографии Средней Азии, изложен *II. П. Семеновым* в заметке „о происхождении Монголов и Татаней", служащей дополнением к первому тому „Землеведения Азии" К. Риттера. В существенном его выводы совпадают с изложенными выше.

[3] О союзе бикин читаем у *Рашид эд-Дина* („История Монголов". «Введение", стр. 114): Ханы бикинские были «больше государей—отцов Ван-хана (кераитского), Даян-хана (найманского) и других государей найманских и кераитских, сильнее и почтеннее их. После некоторого времени упомянутые государи стали сильнее **их.** Чингис-хан присоединил то племя бикин к племени онгут и дал им общие кочевья".

[4] Хотя *Абуль-фарад.ж* под 1007 годом и упоминает о кераитах *(у. Erdmann*—„Temudschin der Unerschutterliche", стр. 562—563) как о народе, который первенствовал на востоке над другими турецкими племенами, но то, что излагается им при этом, относится к значительно позднейшему времени. *Van Erdmann* дает следующий перевод этого места:

[9] „Im Jahre 1514 der seleucidischen Rechnung (т. е. в 1203 г. христианской эры) fing die Herrschaft der Mongolen an. Denn um diese Zeit herrschte uber die ostlichen turkischen Stamme Aweng Chan (Ван-хан кераитов), welcher auch Konig Ju'hana genannt wird, aus dem Gerait (кераит) genannten Stamme, einer Nation, welche sich zur christlichen Religion bekannte". Из этого следует, что *d'Ohsson*—„Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-khan jusqu'a Timour", I, стр. 48—49, "говоря со слов *Абуль-фараджа о* распространении христианства среди кераитов уже в начале XI века, впал в ошибку;

см. также *Бартольд*—„О христианстве в Туркестане в до-монгольский период" в „Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1893, VIII, 1—2, стр. 23; *Аристов,* op. cit., стр. 31; *Л,. Хвольсон*—„Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях" в «Зап. вост. отд. И. Русск. Арх-.Общ.", 1886, 1, 2, стр. 107.

[5] Джурджиты мусульманских писателей. Их имя, как одного **из** племен мохэской группы, стало известно китайцам уже в первой половине VII века. Они жили к востоку от р. Сунгари и к северу от хребта Чан-бо-шань.

[6] В „Geschichte der Grossen Liao", стр. 106, первое столкновение киданей с ганьчжоускими уйгурами отнесено к 1008 году.

Они взяли приступом город Су-чжоу, но, по-видимому, не смогли в нем удержаться и отошли обратно.

В 1026 году они повторили попытку овладеть Притянь-шаньской Уйгурией и осадили город Гань-чжоу, но были прогнаны оттуда тангутами [1].

В 1029 году в Ляо-дуне вспыхнуло восстание, но было. тогда же ими усмирено.

В 1042 году кидани потребовали у китайцев об'яснения в предпринятых ими работах по укреплению северной границы империи и возвращения десяти уездов. До вооруженного столкновения дело, однако, не дошло, благодаря особой уступчивости, проявленной на этот раз Сунским правительством, согласившимся удвоить размер ежегодно вносимой аренды.

В 1044 году кидани об'явили войну царству Ся, но вели ее неудачно и вскоре должны были ее прекратить. Пять лет спустя они вновь напали на тангутов и после четырех лет борьбы принудили их, наконец, признать себя побежденными и вассалами империи Ляо.

В 1114 году открылись военные действия между киданями и чжурчженями [2], которые закончились в 1125 году падением империи Ляо и образованием на ее развалинах нового государства—чжурчженской империи Цзинь.

Не все, однако, кидани покорились своей участи; некоторая их часть бежала на запад и, воспользовавшись слабостью местных властителей, в очень короткое время овладела огромной территорией между Иртышом и Аму-дарьей, между Алтайским хребтом и Кунь-лунем и основала новую империю, носившую название Кара-Киданьской у турецких племен и Ляо-си—Западного Ляо у китайцев.

Чтобы понять происшедшее, следует вернуться несколько назад, к концу X века, когда власть в Западном Притяньшанье перешла от ханов карлукских [3] к Караханидам.

Мусульманские историки не говорят нам, к какому тюркскому племени принадлежали ханы династии Караханидов [4], европейские же ученые не пришли в этом вопросе к определенному выводу. Бартольд [5], ссылаясь на то, что титул Богра-хан, очень обыкновенный у у Караханидов, носили только государи племени ягма, одного из отделов токуз-огузов [6], владевшего в IX веке Кашгаром и частью Тянь-шаньского нагорья к югу от Нарына, высказывается за принадлежность их к этому племени. Григорьев [7] же и Grenard [8] считают эту династию карлукской, базируясь, главным образом, на показаниях Мас'уди, который писал, что в его время „карлуки жили по всей Фергане, Шашу и окрестным местам, в прежние же годы преобладали над всеми другими тюркскими племенами, имея главой своим хакана над хаканами, который соединял под рукой своей все прочие тюркские владения и налагал волю свою на их государей". Мас'уди умер в 956 году, т. е. уже после того, как город Баласагун [9] был

---

[1] См. выше стр, 371—372.

[2] Народом тунгузской расы и языка. В , Шэн-у-цзи" и в „Мань-чжоу-ди-чжи" наименование нюй-чжи (чжурчжен) сближается с су-шэнь (см. выше стр. 169 и 385) и рассматривается как простое изменение одних и тех же звуков (*Гребенщиков*—„Маньчжуры, их язык и письменность" в „Изв. Восточн. Института", 1912, XLV, вып. 1; *Wylie*—.Chinese researches", 1897, IV, стр. 241). Р/дй—.Geschichte des Bstlichen Asiens", I, стр. 196, замечает, что династия Цзинь вышла из среды так называемых „диких" чжурчженей.

[3] См. выше стр. 359 и след.

[4] Это название династии по имени первого из ханов, принявшего ислам, предложено *В. Григорьевым* („Караханиды („Караханиды в Мавераннагре", стр. 6).

[5] „Очерк истории Семиречья", стр. 21; *idem*—„Туркестан в эпоху монгольского нашествия", II, стр. 266; *idem*—заметка в „Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1899, XI, (1—4), стр. 348—349.

[6] Т. е. уйгуров, по мнению же *Бартольда* (см. выше стр 286)—т^рок. Этому противоречит, однако, язык поэмы „Кудакту-билик", написанной в 1069 году для Харун Богра-хана, существенно отличающийся от языка орхонских надписей и принадлежащий .одному из восточно-тюркских наречий. Мнение *Бартольда* таким образом расходится с мнением тех ученых *(Deguzgnes, Френ, Reinaud, Бретшнейдера* и *Радлова),* которые считали династию Караханидов—уйгурской. О ягма, находившихся в числе других подвластных уйгурам племен, говорит уже китайский посол *Ван Янъ-дэ* (см. *Pelliot—.A* propos des Comans" в .Journ. Asiat.", 1920, Avril-Juin, стр. 135, сноска).

[7] Op. cit, стр. 59.

[8] „La legende de Satok Boghra khan et 1'histoire" в .Journ. Asiat.", IX serie, 1900, XV, стр. 31.

[9] *Бартольд* в своем „Отчете о поездке в Среднюю Азию", стр. 40, пишет, что для окончательного решения вопроса вопроса о местоположении Бала-сагуна мы не имеем пока достаточных данных; скорее же всего он мог находиться

был отнят какими-то тюрками (Бартольд полагает—ягма) у кар-луков и задолго до возвышения Караханидской династии. Таким образом, его свидетельство о прежнем могуществе карлуков, к тому же не имеющее под собой исторической почвы, не только не подкрепляет гипотез Григорьева и Гренара, но и явно им противоречит, ибо если карлуки преобладали над остальными тюркскими племенами в прежнее время, то это значит, что в его, Мас'удиево, время они уже утратили это преобладание, которое и перешло к другому тюркскому народу, невидимому, действительно к племени ягма [1].

В начале второй половины X века ничто еще не предвещало близкого падения династии Саманидов в Мавераннагре [2]. К этому времени относится даже их попытка утвердиться на северном склоне Тянь-шаня, где они возвели рабат [3] около селения Мерке. Но уже в 992 году [4] совершил свой торжественный в'езд в Бухару Богра-хан Харун б. Муса, внук Богра-хана Сатука (Кара-хана), а в 999 году был низложен Караханидом илеком ил-ханом Шемс эд-Доулэ [5] и последний государь этой династии Абд-ал-Мелик.

Ханы Караханидской династии не отличались ни воинственностью, ни военными дарованиями. Мавераннагр стал их достоянием *уже* в последней стадии своего государственного разложения, вызванного неразумной внутренней политикой последних Саманидов, ослабивших себя раздачей огромных территорий в управление наместникам с государственными правами над населением и тем лишивших себя возможности играть роль центральной власти, достаточно авторитетной, чтобы потушить борьбу честолюбий. Измена докончила остальное. Но, получив Мавераннагр, Караханиды не сумели, опираясь на него, овладеть Харезмом (Хивой) и заамударьинской частью Саманидских владений и были изгнаны

в Чуйской долине (см. также *Marquart*—„ Osteuropaische und ostasi'atische Streifzuge", 1903, стр. 77). *Grenard,* op. cit., стр. 34—37, помещает его близь современного Токмака.

[1] „Dass unter Bogratsh das Reich der Bogra-chane mit Hauptstadt Kaschgar, sonst *Jagma* genannt, zu verstehen ist, kann nicht mehr bezwei-felt werden" *(Marquart*—„Guwaini's Bericht uber die Bekehrung der Uiguren" в „Sitzungsber. d. kon. Preuss. Akad. d. Wiss.", 1912, XXVII, стр. 492;
см. также *idem*—„Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge", стр. 77). Хотя *Абу-Дулеф* и не заслуживает особого доверия, но все же нельзя не отметить, что, говоря о народе богрaч, он не отождествляет его с кар-луками.

[2] Мавераннагром называлась страна между реками Аму и Сыром (см. *Березин*—„Шейбаниада", прилож. „Зеркало мира" *Кятиба Челеби);*
однако, повидимому, из нее исключался Припамирский район, и на восток далее Бадахшана она не простиралась. Вообще, однако, это географический термин довольно неопределенный и едва ли часто распространявшийся на южную часть Ферганы; с другой стороны, арабы включали в него и земли, лежавшие к северу от Сыр-дарьи (см. *Веселовский*—„Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве", стр. 33).

[3] Небольшое укрепление. См. *Бартольд*—.Туркестан в эпоху монгольского нашествия", II, стр. 268.

[4] *Бартольд,* op. cit, стр. 271.

[5] Согласно „Тарихи" *Мунедджим-баши,* полное его имя было: Илек ил-хан Абу-Наср Ахмед бэн-Али Шемс эд-Доулэ (см. *Григорьев,* op. cit., стр. 28).
Еартолъд, op. cit., стр. 282, пишет, что этот государь (Наср), носивший также титул Арслан-илека, был только удельным правителем Маве-раннагра, жившим в г. Узгенде. Далее, однако (стр. 288), у того же автора читаем: „На основании монетных данных *Дорн* пришел к выводу, что Мавераннагр завоевали два брата—Насир-ал-хакк Наср и Кутб-ад-доулэ Ахмед, из которых Наср был старший и потому занимал первое место". Если так, то приходится думать, что *Мунедджим-баши* ошибочно соединил имена братьев в одно имя илека, завоевавшего Мавераннагр. Такие недоразумения тем возможнее, что в государстве Караханидов, как во всех кочевых империях, понятие о родовой собственности было перенесено из * области частно-правовых отношений в область государственного права. Государство считалось собственностью всего ханского рода и разделялось на множество уделов; крупные уделы в свою очередь делились на множество мелких, причем нередко власть главы империи почти не признавалась вассалами. Такая система не могла не вести и всегда вела к частным междоусобиям и постоянной смене правителей. Оттого-то, пишет *Бартольд* (op. cit, стр. 282), мы и лишены возможности „точно установить хронологию царствования отдельных членов династии". Даже монеты Караханидов, дошедшие до нас в довольно большом числе, не помогают разрешить этот вопрос, так как при отсутствии точных исторических данных мы часто не знаем, принадлежат-ли различные титулы, упомянутые на одной и той же монете, одному или нескольким лицам. Сочинение *Дорна,* на которое ссылается *Бартольд,* озаглавлено: „Ueber die Munzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan" и помещено в „Melanges Asiatiques", 1884, VIII, стр. 706—707.

из Балха и Нишабура войсками газневидского султана Махмуда (998— 1030 г.г.) [1], который затем (в 1008 году) близь г. Балха нанес жестокое поражение и тем полчищам тюрков „с широкими лицами, маленькими глазами, плоскими носами, с железными мечами и в черной одежде"[2], которые под предводительством самого илека Насра вторглись в Тохаристан. Дальнейших же попыток овладеть последним Караханиды не предпринимали, довольствуясь тем, что и Газневиды их не тревожили.

Центробежные стремления стали обнаруживаться во владениях Караханидов уже в начале XI века, причем особенно энергичная борьба возникла между восточной и западной половинами империи, где властвовали потомки двух внуков Сатук Богра-хана—Харуна и Али, отца Насра. Восстановить ход этой борьбы по тем отрывочным и часто противоречивым данным, которые дошли до нас, очень трудно, но одно несомненно: это—постепенное вытеснение на запад потомков Али сыном Харуна—Кадыр-ханом Юсуфом.

Последний получил в удел город Хотан, но, не довольствуясь этим, около 1013 года занял Яркенд, а затем овладел и Кашгаром, откуда изгнал Туган-хана, старшего брата Насра. В 1025 году в союзе с султаном Махмудом он предпринял завоевание Мавераннагра, но план этот не удался: Махмуд ограничился разгромом туркмен, поддержавших илека Али-тегина, самому же ему удалось овладеть только Баласагуном и частью Ферганы. Самарканд и Бухара остались во власти Али-тегина. Что касается Туган-хана, то после потери Бала-сагуна он удалился в Ахсикет [3], где монеты с его именем чеканились еще в 1027 году. Но затем и этот город перешел во власть Кадыр-хана, после чего, как наиболее сильный, он стал признанным главой Караханидов.

Кадыр-хан скончался в 1032 году, а двумя годами позднее умер и Али-тегин [4], но вражда, существовавшая между обоими правителями [5], передалась и их сыновьям, что доказывается их обращением к посредничеству султана Мас'уда. В то же время, однако, ссорились между собой и сыновья Кадыр-хана—Богра-тегин Сулейман Арслан-хан, правивший Кашгаром и Баласагуном, и Иган-тегин Мухаммед Богра-хан, получивший в удел Талас и Исфиджаб. Эта ссора довела обоих до вооруженных столкновений, которые окончились в 1056 году пленением Арслан-хана. Но и Богра-хан, захвативший Баласагун, не долго пользовался своим успехом, так как уже в 1057 году был убит своей женой, стремившейся провести на престол младшего своего сына Ибрагима. Это ей удалось, но последний скоро пал в битве с барсханским владетелем [6], и кашгарский престол занял другой сын Кадыр-хана— Тогрул Кара-хан Юсуф (1059—1075 г.г.).

Наследственная вражда, разделявшая обе ветви Караханидов, продолжалась и при этом государе, который принужден был вести войну с Шемс-ал-мульком Насром, владетелем Мавераннагра [7]. Эта война кончилась миром, по которому последний должен был уступить

---

[1] Основателем династии Газневидов, названной так по имени города. Газни, был узбек Алп-тегин, который из рабов возвысился до должности наместника и звания эмира (в 962 г.). Он успешно боролся с Саманидом Мансуром и успел закрепить за своим родом Хорасан, которым управлял на правах наместника. По смерти его сына Абу-Исхаака, последовавшей в 976 году, управление Хорасаном перешло в руки его зятя Себук-тегина (976—998 г.г.), который присоединил к наследственному феоду Кабул и Пешавер. Независимости государство Газневидов добилось в 999 году при султане Махмуде после того, как пал Мавераннагр под ударами Караханидов. Махмуд был самым могущественным монархом этой династии. Он покорил Харезм и всю северную Индию до Дели и устьев Инда. Но уже при его преемнике Мас'уде (1030—1041 г.г.) отторгнут был Хора-сан (в 1040 году), а затем государство Газневидов стало быстро клониться к упадку и, утрачивая область за областью, пало окончательно в 1184 году.

[2] *Бартольд*, op. cit, стр. 287.

[3] Главный город северной Ферганы, верстах в 15 к юго-западу от Намангана, близь места впадения Касан-сая в Сыр-дарью (см. *Бартольд*, op. cit, II, стр. 156).

[4] Его считают братом Насра и Туган-хана.

[5] „Али-тегин, по выражению хорезм-шаха Алтунташа, помня о той помощи, какую некогда оказал султан Махмуд Кадыр-хану, держал себя по отношению к обоим как змея с защемленным хвостом".

[6] См. выше стр. 364.

[7] Шемс-ал-мульк Наср был внуком первого илека Насра и сыном Тамгач-хана Ибрагима, который, вырвавшись в 1038 году из плена, в котором его держали сыновья Али-тегина, с ничтожными силами повел борьбу за отцовское наследство и уже в следующем году при поддержке туркмен овладел Самаркандом и Бухарой. Засим он утвердился и в западной Фергане, о чем свидетельствуют ахсикетские монеты, чеканившиеся с его именем и

Тогрул Кара-хану все земли к востоку от города Ходжента.

Шемс-ал-мульк скончался в 1080 году. При его внуке Ахмеде Мавераннагр подвергся нашествию сельджуков (в 1089 году)[1], которые хотя и овладели страной, но оставили ее управление в руках Караханидов. Вскоре затем и восточные Караханиды должны были признать над собой власть сельджуков, что, впрочем, отнюдь не мешало им вести бесконечные междоусобные войны. В 1102 году один из них, Кадыр-хан Джибраил, внук Иган-тегина, владелец Таласа и Баласагуна [2], покусился даже на соседний Мавераннагр, и когда ему удалось прогнать оттуда Караханида Мухаммед-тегина, то двинулся еще дальше на юг и взял приступом крепость Тармиз (Термез). Но это был его последний успех. Столкнувшись близь этой крепости с главными силами сельджуков султана Синд-жара, он был ими разбит, взят в плен и убит.

После бегства полчищ Кадыр-хана из Мавераннагра, туда вернулся Мухаммед-тегин, правивший затем этой страной с титулом Арслан-хана до 1130 года, когда за интригу против султана Синджара был этим последним смещен и сослан в Балх.

При его преемнике Рукн-ад-Дине Махмуд-хане восточные Караханиды должны были признать главенство последнего, а вскоре затем к „восточным границам мусульманского мира приблизился народ, впервые заставивший мусульман Мавераннагра признать над собой власть неверных" [3]. Это были кидани.

Во главе бежавших на запад киданей находился князь Елюй Даши. Он пытался было собрать новые силы для борьбы с чжурчженями среди кочевников Западной Монголии [4], но встреченный здесь враждебно киргизами, перевалил на западный склон хребта Алтаин-нуру.

Отсюда китайская версия [5] ведет его в город Бэй-тин, столицу Уйгурии, где он, будто бы, успел организовать свои силы и откуда предпринял затем завоевание государства Караханидов. Та же версия дальше говорит, что последующий переход его войск через Джунгарию совершился с разрешения уйгурского идыкута.

Эта версия кажется мне неприемлемой.

Уйгурские идыкуты не были ни союзниками, ни данниками киданей [6]. Ничто поэтому не обязывало идыкута Би-лэ-кэ растворять перед князем Елюй-Даши ворота своей столицы;
но, возможно, что, узнав об его вступлении в пределы Уйгурии не с враждебными целями, а в силу необходимости, он приказал снабдить его провиантом под условием оставления границ государства. Подтверждением этого служит указание Джувейни [7], что, спустившись с Алтая,

---

именами его сыновей.

[1] Сельджуки—ветвь огузов. Имя свое они получили от бека Сельджука, поселившегося, по преданию, в 955 году в Дженде, т. е. низовьях Сыр-дарьн. Около 1030 года они переселились в пределы Хорезма, но оставались здесь очень недолго, так как уже в 1035 году мы видим их в Хорасане, где беки их получили в удел некоторые города и звание дих-канов. В 1040 году они овладели этой провинцией и об'явили своего бека Тогрула хорасанским эмиром. Засим они продолжали свои завоевания и в 1042 году овладели Джурджаном и Табаристаном (прикаспийской частью Персии), в 1043 году—Хорезмом, в 1054 году—Азербейджаном, в 1055 году—Багдадом, в 1059 году—Балхом, в 1081 году—Малой Азией и в 1089 году—Мавераннагром. После Мелик-шаха (1072—1092 г.г.) Сельджукская империя стала разлагаться. Династия, владевшая центральной и восточной частями империи, просуществовала до 1194 года; кирманская погибла четырьмя годами позднее, т. е. в 1198 году; сирийско-месопотамская— в 1128 году и иконийская (мало-азийская) в конце XIII или в начале XIV века.

[2] Факт владения Балагасуном доказывает, что Кадыр-хан успел уже перед этим отнять часть земель у кашгарской старшей линии Караханидов, представителем которой' был в это время Богра-хан Харун, брат Тогрул Кара-хана; он умер в начале 1103 года.

[3] *Бартольд,* op. cit, II, стр. 344.

[4] *Von d. Gabelent^*—„Geschichte der Grossen Liao", стр. 182. Впоследствии, по словам *СаиЫГя* (см. *H. Cordier*—.Situation de Ho-lin en Tartarie" в „T'oung-pao", 1893, VI, № 1, стр. 23), он осуществил, будто-бы, даже это намерение, отправив на восток армию в 70.000 человек, но последняя вернулась обратно, не выполнив возложенной на нее задачи: она не смогла перейти пустыни, потеряв на пути множество лошадей и верблюдов.

[5] См. *Васильев,* op. cit., стр. 60. Почти то-же читаем мы у *Visdelou, Grosier* (см. *Григорьев*—.Восточный или Китайский Туркестан", стр. 287) и *о. Иакинфа* („Записки о Монголии", III, стр. 170).

[6] Это видно и из письма "Ьлюй Даши на имя идыкута Уйгурии, приведенного у *Bretschneider'a.*—„Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources", I, стр. 214, и у *v. d. Gabelent^*, op. cit, стр. 182.

[7] *D'Ohsson—.Histoire des* Mongols", 1852, I, стр. 442.

кидани достигли долины Эмиля, для чего должны были пройти лишь окраиной Уйгурии, не простиравшейся на север за гребень Алтайских гор [1].

В долине Эмиля кидани построили город. Здесь князь Даши организовал из киданьских беглецов десятитысячный отборный корпус, принял под свои знамена конные отряды канглов и карлуков и с этими силами явился перед стенами Баласагуна [2], который и не замедлил открыть перед ним свои ворота. По этому поводу у Джувейни [3] говорится:

„От былого могущества баласагунских владык ничего не осталось; даже канглы и карлуки, некогда считавшиеся их вассалами, и те безнаказанно грабили их владения".

Но последующие шаги князя Даши были уже не столь успешными. В 1128 году он столкнулся с войсками Арслан-хана Ахмеда б. Хасана кашгарского и потерпел, столь сильное поражение, что султан Синджар в .письме к багдадскому везиру счел возможным высказать не только надежду, но и уверенность, что дальнейшая опасность со стороны неверных была этим совершенно устранена [4].

Письмо это, помеченное июлем 1133 года, доказывает, что до 1133 года князь Даши не только не предпринимал дальнейших враждебных действии против мусульманских государств, но и держал себя в отношении последних весьма осторожно, в тиши подготовляя свои последующие удары. Рашид эд-Дин характеризует его человеком большого ума, великих способностей и редкого благоразумия [5]. Одаренный всем этим, он должен был тем. серьезнее отнестись к полученному уроку и вновь выступил против кашгарцев не прежде, как значительно усилившись отрядами канглов [6], которых он сумел подчинить своей власти.

Покорение земель на северо-восток до Енисея [7], на юго-восток до Хотана должно было совершиться очень быстро, так как 1137 год застал его уже в Мавераннагре, где под Ходжентом он нанес жестокое поражение войскам Рукн-ад-Дин Махмуд-хана.

Последний бежал в Самарканд, и „страх и печаль", по словам Ибн-ал-Асира, „настали великие. Ожидали, что вот-вот нагрянут неверные. И не в одном Самарканде, то же было и в Бухаре и других городах Мавераннагра. Махмуд, собирая войска, обратился за помощью и к Синджару, молил его, чтобы он выслал к нему кого только можно из мусульман, всех и каждого возбуждал идти выручать его. И явились к Махмуду с вспомогательными отрядами

---

[1] См., между прочим, *d'Obsson,* op. cit., I, стр. 424; *Brelscbiieider,* loc. cit.

[2] У *Джувейни (d'Ohsson,* op. cit, I, стр. 442) сказано, что в его время этот город носил название Гу-балыка.

[3] *D'Ohsson,* ibid.

[4] *Бартольд* („Очерк истории Семиречья", стр. 29) высказывает предположение, что столкновение между киданями и кашгарцами произошло несколькими годами позднее, так как в упомянутом письме, датированном июлем 1133 г., о поражении киданей говорится как о недавнем событии.

Это столкновение киданей с кашгарскими войсками наводит *Бартольда* на мысль, что кидани шли из Китая на запад двумя путями, из которых второй пролегал по Восточному Туркестану. Фактов, подтверждающих это предположение, мы не имеем; с другой же стороны Балагасун обычно составлял часть территории кашгарских Караханидов, а потому, вероятно, что и в данном случае Арслан-хан Ахмед выступил на защиту своих северных владений, управлявшихся в качестве наместника одним из Караханидов. Не менее вероятно и другое предположение: что Ахмед-хан встретил "Ьлюй-Даши на северной границе Кашгарии, где и нанес ему поражение.

Кстати замечу, что приведенное *Бартольдом* там-же, со слов *Ибн-ал-Асира* известие, что часть киданей, в числе 16.000 кибиток, переселилась в Семиречье еще в первой половине XI столетия, кажется мне маловероятным. 'О том же переселении, относимом им, впрочем, к более позднему времени, говорит и *Абуль-Гази (bar. Desmaisons*— „Histoire des Mogols et des Tatares", etc., II, стр. 49; „История Абуль-Гази", перев. *Саб.и/кова* и *Бере-зина,* стр. 46).

[5] *D'Ohsson,* ibid.

[6] У *Ибн-ал-Асира* (см. *Грюрьев,* op. cit., стр. 290) сказано, что „гурхан киданьский вступил в Кашгарские пределы с ратью великою, число которой одному Господу было известно".

[7] Здесь приведены были в покорность киргизы *(d'Ohsson,* ibid.). Представляется, однако, вопросом, была-ли покорена киданями также и Притяньшаньская Уйгурия.

У *Visdelou* („Histoire de la Tartarie" в „Supplement de la Bibliotheque Orientale", стр. 116) имеется указание, что в ИЗО году хо-чжоу'ские (т. е. тянь-шаньские) уйгуры схватили и представили цзиньскому императору одного из сторонников 'Ьлюй-Даши по имени Са-ба-ду-ли-ту-т-в. Едва-ли это могло-бы случиться, если-бы уйгурский идыкут уже тогда признавал себя вассалом киданьского гурхана. Не думал-ли идыкут этим актом купить у чжурчженей материальную поддержку на случай вооруженного столкновения с киданями? *Рашид* сообщает, что Уйгурия подчинилась гурхану после того, как тот овладел Мавераннагром и Туркестаном. Ср., однако, *Bretschneider,* op. cit., I, стр. 215.

владельцы Хорасанские, государь Седжестана [1] и горной области Гур [2] и правители Газни, Мазендерана и других стран. Собралось всего до 100.000 всадников. Прибыл наконец из-за Аму-дарьи и султан Синджар . Но и гурхан [3] не оставался праздным. Он собрал огромную рать из киданей, турок и китайцев (?), всего до 300.000 воинов. Противники встретились в степи Катван [4]. Гурхан, обойдя войска Синджара, принудил последнего отойти в долину Диргам [5], где где и произошло решительное сражение (в 1141 году), в котором мусульмане были разбиты; бесчисленное множество их было убито и ранено. Синджар бежал. Жена его и многие из мусульманских вождей попали в плен. Никогда еще не испытывали мусульмане столь тяжкого бедствия, ни в одной из битв не было дотоле столь большого числа павших. С этих-то пор утвердилось владычество киданей и неверных турок над Мавераннагром".

Этот рассказ Ибн-ал-Асира требует, однако, весьма существенных дополнений и исправлений.

Прежде всего надлежит отметить, что между битвами под Ходжентом и в долине Диргам прошло свыше четырех лет— промежуток слишком большой для того, чтобы связывать обе эти битвы так, как это делает Ибн-ал-Асир. Чем были заняты все это время кидани, мы не знаем; но, вероятно, серьезные причины побудили гурхана Даши отойти в 1137 году назад, не воспользовавшись плодами своей решительной победы над войсками Махмуда. С другой стороны и внутреннее состояние в Мавераннагре было иным, чем то заставляет думать рассказ Ибн-ал-Асира. Не организацией сопротивления нашествию неверных был занят самаркандский двор, а борьбой с бунтовавшей частью войск, набранной среди кар-луков [6]. Последние просили помощи у гурхана, Махмуд у султана Синджара, и таким образом возник тот конфликт, который привел к битве в Диргамской долине.

С Диргамского поля Синджар бежал в Тармиз, куда за ним последовал и Махмуд-хан, бросивший на произвол судьбы свои владения. Самарканд был занят киданями, а затем та же судьба постигла Бухару и несколько позднее—Хорезм [7].

Таким образом весь Туркестан до Аму-дарьи вошел в состав империи кара-киданей. Но, распространяя свои державные права на территории мусульманских государств, Даши оставил их управление и в руках прежних властителей, Так же поступил он, невидимому, и в Заилнйских степях, где в его время сидели какие-то карлукские ханы в городе Каялыке [8]. Все эти вассалы находились в различных степенях зависимости от центральной власти, что резче всего выражалось в порядке взыскания податей в пользу имперской казны. В этом отношении, замечает Бартольд [9], мы находим в Кара-Киданьской империи те же ступени зависимости, какие существовали в России во времена монгольского владычества:

карлукский хан, подобно владетелю Самарканда, должен был терпеть у себя присутствие постоянного представителя гурхана;

к другим, к хорезм-шаху, например, сборщики податей посылались только в определенные сроки; наконец, некоторые, как глава бухарского духовенства, сосредоточивавший в своих руках и светскую власть, пользовались правом сами собирать с населения дань для кара-киданей.

Под непосредственным управлением гурхана Даши оставались лишь населенные

---

[1] Лежал к югу от Герата, примыкая на северо-западе к Хорасану.

[2] Эта область лежала на юго-восток от Герата и на юг от Гарджи-стана.

[3] Титул, принятый "Елюй-Даши после завоевания Туркестана. По об'яснению *Банзарова* (ст. ,0 происхождении слова „Чингис", прилож. к соч. того-же автора—„Черная вера", стр. 77), мелкие племена Монголии назывались илами, лица же, стоявшие во главе их, титуловались ил-ханами; когда же несколько таких илов об'единялось под одной властью, то такое владение получало название гур, а его правитель титул гур-хана.

[4] Лежала на пути между Ходжентом и Самаркандом, к северу от г. Баркета, находившегося в 4-х фарсахах от Самарканда.

[5] Так назывался один из притоков р. Зеравшана.

[6] *Бартольд*—„Туркестан в эпоху монгольского нашествия", II, стр. 348.

[7] *Бартольд,* op. cit,, II, стр. 350.

[8] Находился к западу от г. Копала (см. *Бартольд*—«Очерк истории Семиречья", стр. 32).

[9] Op. cit, ibid.

кочевниками земли в Тянь-шане и в долине среднего течения р. Или [1]. Трудно сказать, какими соображениями пользовался гурхан, оставляя себе лишь скудную ресурсами горную страну, но этим он несомненно вызвал преждевременное ослабление государства. Впрочем к этому присоединились вскоре и другие причины, и главнейшая из них—переход власти в женские неумелые руки. Но об этом—в следующей главе, так как падение Кара-Киданьской державы непосредственно связано с появлением на исторической сцене нового этнического элемента—монголов.

Даши скончался в 1143 году [2].

[1] Что касается земель в бассейне реки Иртыша, то характер их управления нам неизвестен. Повидимому, однако, и там кидани сохранили власть в прежних руках, удовольствовавшись одной лишь данью. Ставка гурхана носила название Хосун хото и находилась всего вероятнее в долине р. Чу (см. *Бартольд*—„Отчет о поездке в Среднюю Азию", etc., стр. 36—37), которая издавна являлась культурным и административным центром всего Притяньшанья к западу от р. Или.

[2] По китайским сведениям он умер в 1136 году (см. *Иакинф*—„Зап. о Монг.", III, стр. 171; *v. d. Gabelent^*, op. cit, стр. 185).

ГЛАВА VII. Монгольский период. (с половины XII века до 1370 года).

В XIII столетии монголы получили выдающееся значение в истории. В эту эпоху кочевые племена Средней Азии, об'единенные под одной властью, могучим потоком разлились по всей Азии и восточной Европе, залив свой путь кровью и оставив после себя только одни развалины. Человек, который управлял этим бурным людским потоком, в молодости стоял во главе лишь немногих монгольских родов, рассеянно кочевавших в долинах Гэнтэя и в южном Забайкалье. Назывался он Темучином (Тэмучженем).

Он родился в феврале 1155 года [1] в урочище Дэлюн-болдок, лежащем на правом берегу реки Онон в восьми верстах от государственной границы, в русских пределах [2]. Его современник, китайский историк Мэн-хун [3], описывает его человеком очень высокого роста, с широким лбом и длинной бородой, чем он существенно отличался от своих приближенных—типичных монголов [4]. Теми же физическими особенностями, т. е. высоким ростом, длинным и румяным лицом и большой бородой, отличались как Исункэ, племянник Темучина, так и Джучи-Хасар, его брат, который даже в его высокорослой семье считался атлетом. Рашид эд-Дин пишет:

„Дети в роду Есукэй-бахадура (отца Темучина) рождались большею частью с серыми глазами и белокурые" [5]. И затем далее: „Когда Хубилай явился на свет, Чингис-хан удивился темному цвету его волос, так как все дети его были белокурыми" [6]. Все это делает вероятной монгольскую легенду, вводящую в родословную Чингиса белокурого и голубоглазого юношу,

---

[1] Эту дату мы находим у *Рашид эд-Дина.* Впрочем тот же автор замечает, что время рождения Чингис-хана в точности неизвестно, и что он останавливается на феврале 1155 года, как на наиболее вероятной дате, лишь потому, что, согласно утверждению ближайших родственников хана, он умер 72 лет, родился же в год свиньи, что указывает именно на февраль 1155 года. Ту же дату дают как персидский историк *Джузджани* (см. *Raverty*—„The Tabakat-i Nasiri", стр. 1077; цит. у *Бартольда*—„Образование империи Чингиз-хана" в „Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", X, стр. 108), так и *Абуль-Гази* (26 января 1155 года; см. *bar. Desmaisons*— „Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-ghazi Behadour-khan", II, стр. 73). В *Абуль-Гази*—„Родословное древо тюрков", перев. *Р. С. Саблукова с* послесловием и примечаниями *Н. Ф. Катаноеа,* Казань, 1906, стр. 61, читаем однако: „Чингиз-хан родился в 559 г, гиджры, в год свиньи (1164—1165 г.г. Р. Х.)". Ни *Саблуков,* ни *Катаное* не указывают на такое различие текстов. Что ошибка в рукописи, которой пользовался *Саблуков,* явствует из дальнейшего (см. стр. 118). *Мин-хун* положительно утверждает, что Чингис-хан родился в 1154 году *(Васильев,* op. cit., стр. 217). Известный китайский историк *Сюй-сун,* скончавшийся в 1847 году, вероятно основываясь на „Мэн-да-бэй-лу", приводит также 1154 год как год рождения Чингиса. Но „Юань-ши", старинная биография Чингис-хана— „ Цинь-чжэн-лу", „Тун-цзянь-ган-му" *(de Mailla,* op. cit., IX, стр. 8 и 128) и друг. китайские исторические сочинения указывают совершенно иную дату—1161 год. *Санан-Сэцэн (Schmidt*—„Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Furstenhauses", стр. 63) утверждает, что Чингис' умер 66 лет и родился в 1162 году. Ту же дату находим мы у *Gaub'il*—„Histoire de Gentchiscan et de toute la dynastie des Mongous ses successeurs, conquerans de la Chine", стр. 2, 52.

[2] *Юренский*—„Местность Дэлюн-болдок на берегах р. Онона" в .Зап. Сиб. отд. И. Русск. Географ. Общ.", 1856, II, разд. III. У *Абуль-Гази* (перев. *Саблукова)* говорится: „родился в области Булун-Юлдук";

у *Рашид эд-Дина* (примечание *Desmaisons]* местность, где родился Чингис-хан; названа „Diloun-Bouldaq", т. е. Дэлюн-болдок.

[3] *Васильев,* op. cit, стр. 217.

[4] *Мэн-хун* в таких выражениях характеризует современных ему монголов: низкорослые, с отвратительной внешностью—широким, плоским, почти четырехугольным лицом, с выдающимися скулами, без верхних ресниц и с бедной растительностью на верхней губе и подбородке.

Такой же портрет монголов, современников Чингис-хана, рисует и армянский историк *Киракос (Dulaurier*—„Les Mongols d'apres les historiens armeniens" в „Journ. Asiat", VI serie, 1858, XI, стр. 248; *Патканов*—„История монголов по армянским источникам", II, стр. 45).

[5] История Чингис-хана до восшествия его на престол", стр. 49. Грузинский царевич *Вакушт* в своей „Истории Грузии" пишет, что Чингис-хан имел рыжие волосы (см. *M. Brosset*—„Histoire de la Georgie", 1, 2, стр. 448).

[6] *D'Ohsson,* op. cit., II, стр. 475.

По словам *Марко Поло,* Хубилай имел орлиный нос и прекрасные черные глаза.

В виду изложенного, замечание К. *Струве* и *Потанина* с ссылкой на *Валиханова* (.Путешествие на оз. Зайсан и в речную область Черного Иртыша", etc., в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", 1867, I, стр. 388), что «киргизские султаны, считающие себя потомками Чингис-хана, до сей поры сохранили чистый монгольский тип", оставаясь, вероятно, верным по существу, не имеет, однако, того значения, какое ему хотели дать авторы.

отца Бодуаньчара, предка Чингиса в девятом колене [1]. Самое родовое имя Борджигин, присвоенное потомками Бодуаньчара, означает, по словам Рашид эд-Дина, „имеющий серые глаза" [2], что свидетельствует о значительной примеси в этом роду к монгольской динлинской крови или даже более того, что род Борджигин был динлинским по происхождению [3]. Несомненно, что динлинский элемент к тому времени еще не окончательно вымер к востоку от озера Байкала и в северной Халхе, так как даже среди киданей был распространен довольно сильно белокурый тип [4], да и позднее, в конце XVIII столетия, по свидетельству Barrow, среди маньчжуров еще встречались, и притом, по видимому, нередко, суб'екты с светло-голубыми глазами, прямым или даже орлиным носом, темно-каштановыми волосами и густой бородой.

К какому племени принадлежал Темучин? Согласно Рашид эд-Дину, он происходил из рода кыиот-бордясигин, племени тайджиутов. То же следует и из „Юань-чао-ми-ши". Но эти названия не поясняют нам главного: был ли Темучин монголом по происхождению, иными словами, принадлежал ли он к тому отделу, который именовался монгол?

Вероятно, под влиянием рассуждений проф. Васильева [5], сводившихся к тому, что монголы не были монголами, а лишь присвоили себе это имя, Бартольд [6] высказывает подозрение, что родство с монгольским ханом Хутула-кааном было придумано Темучином. Этого я не думаю. В „Юань-чао-ми-ши" [7] это родство устанавливается самым положительным образом:

Бодуаньчар
Хабичи
Хачи-кюйлук
Хайду
Бошин-хордохшинь
Туньбинай -сечань
(Кубуль)[8] Хабул-хан
(Бюртэн) [9] Бартань-бахадур Хутула-хан
Есукэй-бахадур Алтань
Темучин

Хабул-хан поднял значение монгольского племени, при Хутуле, который впрочем остался героем многих народных сказаний [10], оно вновь упало, Алтань же не наследовал от отца даже ханского титула; поэтому Чингис-хан имел полное основание принять для слова „монгол" китайские иероглифы— „получать прежнее", ибо он действительно восстановил прежнее значение монгольского племени, и давать этому факту иное толкование едва ли правильно.

Близость Темучина к семье Хутула-хана доказывается, между прочим, и следующим его

---

[1] *D'Obsson,* op. cit., I, стр. 23; *bar. Desmaisons*—„Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-ghazi Behadour khan", II, стр. 65. В „Юань-чао-ми-ши" эта легенда изложена несколько иначе: говорится о человеке золотистого цвета, который, уходя от Аланьхоа, матери Бодуаньчара, .взбегал по лучам светила словно желтый пес". У *Рашид эд-Дина* («История монголов", .Введение", перев. *Березина,* стр. 133) сказано: Аланьхоа зачала от света.

[2] История Монголов". „Введение", стр. 138; „История Чингис-хана до восшествия его на престол", стр. 49.

[3] Интересное указание: коренные монголы (племя хонкират) носили серьги в ушах (см. *Березин*—„Шейбаниада" в «Библиотеке восточных историков", I, стр. XL)—динлинский обычай, существовавший только у среднеазиатских племен, образовавшихся смешением с динлинами. О том же обычае читаем у *d'Ohsson'a.,* op. cit., 1, стр. 375: „Среди даров, которые прислал цзиньский император, было блюдо превосходных жемчужин. Чингис-хан отдал **их** *тем* из своих офицеров, которые носили серьги".

[4] См, выше стр. 21.

[5] См. выше стр. 383—384.

[6] Op. cit,, стр. 110.

[7] С некоторыми изменениями в именах та же родословная приведена у *Рашид эд-Дина* („Введение", стр. 133 и след.), у *Санан-Сэцэна* и в китайских исторических сочинениях *(de МаШа,* op. cit, IX, стр. 3).

[8] Согласно *Абуль-Гази* (пер. *Саблукова}.* Имена предшедших предков Чингис-хана у этого историка приведены иные, чем в „Юань-чао-ми-ши".

[9] У *Desmaisons*—Bartan-khan.

[10] Хутул отличался большой физической силой и подобно Чингис-хану высоким ростом и атлетическим сложением. Его руки по словам одной легенды напоминали лапы трехгодовалого медведя.

обращением к Алтаню и Куджиру [1] (Хучару?) [2].Вы порешили меня убить. Между тем сыновьям Бартань бахатура, а равно Оачжа [3] и Тайчу [4], я высказал лишь свое мнение, что земли по Онону не должны оставаться без главы. Я убеждал каждого из вас стать этим главой, но вы отказались. Я был этим несказанно огорчен. Не тебе ли Хучар, сын Некунь-тайчжи [5], я предлагал быть нашим ханом? Ты меня не захотел слушать. Не тебе ли, Алтань, я сказал: Ты сын Хабула (Хутула?), нашего покойного хана. Принимай же отцовский престол. Но и ты отказался. Тогда только, уступая вашим настояниям, я согласился принять высшую власть и стать на страже обычаев предков. Разве я домогался этой власти? Я был избран ханом единогласно, дабы оградить от неприятельских покушений земли, занятые нашими предками в области трех рек. Избранный ханом, я подумал, что обязан обогатить тех, кто был мне предан. И все, что я приобретал: скот, юрты, женщин и детей, все это я отдавал вам. Облавой я сгонял вам животных степи. О гор я гнал вам горных животных. А теперь вы служите Ван-хану. Но разве вы не знаете, насколько он непостоянен? Вы видели, как он поступил со мной. То же, если не худшее, ожидает и вас".

Это обращение важно и в другом отношении. Оно доказывает нам, что монголам неизвестен был принцип наследственной ханской власти, хотя, вероятно, и у них, как у древних турок, выбор был ограничен пределами некоторых владетельных родов [6]; а если так, то при отсутствии преемства власти у монголов рассказ „Юань-чао-ми-ши" о переходе народа, „собранного" Есукэй-бахадуром [7], после его смерти (в 1164 году) под власть князей линии Тайджиут [8] представляется вполне правдоподобным, как равно и рассказ о ближайших причинах раскола между обеими ветвями фамилии Кыиот [9], последующем преследовании Тайджиутами Темучина, в котором они прозревали будущего своего врага, и, наконец, о материальной нужде, в которую впала семья Темучина, благодаря уводу Тайджиутами не только народа, но и „людей" Есукэя [10]. Если же так, то в молодости Темучин должен был пройти тяжелую школу всевозможных невзгод и испытаний, которые и дали ему возможность с юных лет проявить асе особенности своих дарований. Вероятно, последние были достаточно яркими, так как только этим и можно объяснить его быстрое возвышение наперекор тем интригам, какие вели против него сильнейшие из монгольских родовичей. К сожалению, ни „Юань-чао-ми-ши", ни сочинения персидских и китайских историков не дают нам возможности

---

[1] Я не нахожу этого имени в родословной.

[2] Приписывая Чингис-хану это обращение, *d'Ohsson,* op. cit., стр. 77—78, базировался на „Юань-ши" и .Истории монголов" *Рашид эд-Дина.* Ср. *архим. Палладий*—„Старинное китайское сказание о Чингисхане" в „Восточном сборнике", 1877, I, стр. 172—173.

[3] По словам *d'Ohsson'a.,* loc. cit.,—двоюродный брат Чингиса.

[4] Согласно „Юань-чао-ми-ши", правнук Хабул-хана.

[5] В „Юань-чао-ми-ши" назван Некунь-тайчжи (он был старшим братом Есукэй-бахадура), у *Иакинфа* („История первых четырех ханов из дома Чингисова", стр. 28)—Нагунь, у *d'Ohsson'a.,* op. cit, I, стр. 77,— Дэкунь-тайчжи.

[6] …

[7] Замечание *Мэн-хуна (Васильев,* op. cit., стр. 217), что Есукэй, отец Чингиса, был только десятником, опровергается рядом фактов, свидетельствующих о той выдающейся роли, какую он играл в политических событиях Халхи в начале второй половины XII столетия: в 1155 году он находился во главе монгольских войск, сражавшихся с татарами *(d'Ohsson,* op. cit., стр. 35), а затем мы видим его вершителем дел в Кераитском ханстве, где, благодаря лишь его помощи, Тогрул вновь овладел престолом *(d'Ohsson,* op. cit., I, стр. 52, 73—74; „Юань-чао-ми-ши", стр. 75, 92; „Родословное древо тюрков", стр. 63).

[8] Эта линия пошла от Аньбахай-хана, внука Хайду, к которому монгольский престол перешел после Хабул-хана.

[9] Вдова Есукэя, отличавшаяся, по-видимому, энергичным характером и властной натурой, не была допущена вдовами Аньбахай-хана к жертвоприношениям общим предкам, что было равносильно изгнанию ее из родственного круга.

[10] «Юань-чао-ми-ши», стр. 38. Под именем .людей" в данном случае разумелись, по-видимому, не только рабы, т. е. пленные, приобретенные, но и клиенты семьи Есукэя. У *Абуль-Гази* (перев. *Саблукова)* читаем:

„Таким образом весь народ, покорный Есукай-Багадуру, разделился при Чингиз-хане; три части его соединились с Тайджиутами; одна, четвертая часть, осталась с Чингиз-ханом. При нем остались: половина манкытов, покоренных дедом Чингиз-хановым, Бюрдан-ханом; а из других поколений осталось при нем по двести семейств, по сту семейств, по пятидесяти, по десяти, по пяти семейств".

нарисовать во весь рост нравственный облик этого мирового завоевателя. Бартольд [1] пишет: „Смутное время благоприятствовало возвышению даровитых личностей; подвиги Темучина, может быть, также память о военной славе его отца, привлекли к нему несколько молодых людей знатного происхождения, из которых впоследствии составилась его дружина". Уловить это из помянутых источников, однако, нельзя.

Прежде всего эпоха возвышения Чингис-хана всего менее заслуживает названия смутной. Она была нормальной для той стадии кочевого быта, в какой пребывал в то время монгольский народ, не вышедший еще вполне из естественного своего состояния и не сложившийся в один государственный организм. Засим, ни одно из действий Чингиса в том освещении, какое дает нам „Юань-чао-ми-ши", нельзя подвести под понятие подвига. Темучин впервые проявил себя убийством безоружного брата, поводом к чему послужила ничтожная ссора. Когда Тайджиуты напали на становище его матери, он бежал, предоставив своим братьям, Белгутаю и Хасару, спасать младших детей и отстреливаться от врагов. Когда у Темучина угнали его лошадей, он бросился за похитителями и отбил их с помощью Боорчу; если это и подвиг, то не больший совершенного этим последним. Когда его невеста привезла в подарок своей будущей свекрови шубу из темных соболей, он отнял ее у матери и подарил Ван-хану в надежде заслужить его расположение. Когда меркиты напали на его стан, он забрал последнюю лошадь и бежал, бросив на произвол врагов свою молодую жену. Чтобы убедиться в уходе меркитов, он послал на разведку Белгутая и Боорчу и покинул свое убежище на горе Бурхань не прежде получения от них успокоительных известий; при этом в благодарность духу горы за свое спасение он дал обет приносить ему ежегодную жертву. Белгутай мстил за пленение и позор своей матери, Темучин же, удовольствовался отбитием при содействии Чжамухи и Ван-хана своей жены и тотчас же прекратил преследование похитителей, сославшись на наступившую ночь. Вот и все, что дает нам „Юань-чао-ми-ши" в качестве материала для характеристики Темучина. В этом материале нет элементов, из которых могла бы сложиться та мощная фигура, которая рисуется нашему воображению при имени Чингис-хана. Злой, жестокий и мстительный, трус, решающийся на отважные поступки только тогда, когда задеты его материальные выгоды, себялюбец, лишенный рыцарских чувств,—вот какой портрет Темучина в молодости дает нам „Юань-чао-ми-ши", и, конечно, будь этот портрет хоть сколько-нибудь верен, Темучин не мог бы стать тем, чем он стал, и возбудить к себе уже с юных лет с одной стороны преданность и симпатию, с другой— боязнь и зависть, а засим и открытую вражду тех, которые прозревали в нем силу, способную умалить, если не совсем уничтожить их влияние на народ. Когда тайджиуты напали на становище борджигинов, то кричали защищавшимся: „мы пришли за Темучином; остальных нам не надо" [2]. Бартольд [3] полагает, что Чингис-хан стал во главе монгольской аристократии, Чжамуха же, сперва друг, затем упорнейший из его противников,— во главе простого народа, и что в последовавшей затем борьбе аристократическая партия победила. И этого в тех источниках, какими я пользовался, я усмотреть не мог. Первый друг Темучина, Боорчу, не был аристократом; не был им и последующий его сподвижник Чжелме, а также Чжебэ и Сорханыпира, и только уже впоследствии, после разгрома меркитов соединенными силами Ван-хана Тогрула (Тоорила), Темучина и Чжамухи [4], к нему примкнули в числе прочих и некоторые именитые монголы со своими челядинцами. .Но они не составили дружины Чингис-хана в том даже значении, какое это слово имело в Киевской Руси, а получили различные, лишь частью военно-административные назначения. Что касается Чжамухи, по мнению Бартольда—защитника социальных прав монгольского народа, то роль его в монгольской истории вполне определяется составом тех войск, которые он вывел против Чингиса в 1201 году [5]: главную их массу составляли татары, ойраты, найманы и меркиты; монголы же

---

[1] Op. cit, стр. 109.

[2] «Юань-чао-ми-ши», стр. 40.

[3] Ibid.

[4] В 1197 году; не в бассейне Селенги, как пишет *d'Ohsson,* op. cit., I, стр. 55, а, по-видимому, в бассейне Керулюна *(Klaproth*—.Nouv. Journ. Asiat", 1883, ЬХУ, стр. 452).

[5] *) Иакинф*—„История первых четырех ханов из дома Чингисова", стр. 20—21, относит это столкновение к

были представлены в них всего лишь пятью родами: тайджиутами, примыкавшими ко всякой враждебной Темучину коалиции, сальджиутами, хатагинами, дурбэнами [1] и отраслью племени хонкират—икирасами [2]. Все эти племена собрались под знамена Чжамухи отстаивать свою политическую самостоятельность, а не демократические принципы, да и сам Чжамуха, добивавшийся престола в то еще время (в 1201 году), когда Темучин, преследуемый Тайджиутами, не мог даже мечтать о нем, едва ли действительно разделял их. Вообще мы не имеем средств, чтобы восстановить нравственный облик Чингиса, и даже вряд ли в состоянии будем когда-нибудь указать главнейшие элементы его характера, без чего, однако, невозможно дать правдивой опенки его деяний не только в качестве полководца, но и как организатора мировой империи—задача, которая в таком об'еме, по справедливому замечанию Бартольда, не предлагалась еще ни одному народу, а посему я нахожу по меньшей мере преждевременными рассуждения о том, что в этих деяниях надлежит отнести на долю „здравого смысла дикаря", а что на долю „советов" его культурных помощников, и перехожу к изложению хода его завоеваний в их хронологической постепенности.

В конце XII века история монголов тесно связывается с историей кераитов—народа, тюркское происхождение которого [3] представляется тем более сомнительным, что до сего времени не удалось установить их преемственной связи с современными киреями. Мне кажется даже, что такой связи и не может быть установлено, ибо если бы она существовала, то остался бы без об'яснения тот факт, что остатки этого народа, части той тысячи, которая, по приказанию Чингисхана, была из них собрана [4], вступили в XIV веке в узбекский, а затем и в казацкий союз с именем керейт [5], а не кирей, и что роды, носившие оба эти названия, существовали в этом союзе одновременно [6]. Некоторое сомнение в их турчизме возбуждает также и указание „Юань-чао-ми-ши" на их родство с монголами [7]; у d'Ohsson'a даже читаем: „leur idiome se rapprochait beaucoup de ceux des Mongols" [8]. Наконец, не отождествляет кераитов с киреями и "Цзинь Ляо Юань сань-ши-юй-цзэ"—„Словарь исправлений туземных названий, встречающихся в историях Цзиньской, Ляоской и Юаньской династий", изданный ученым комитетом, учрежденным императором Цянь-луном, который называет киреев—цюй-линь, а кераитов—кэ-лэ (хэрэ).

Кераиты становятся нам известными в начале ХП века, хотя, может быть, они уже задолго

более раннему времени.

[1] У *Иакинфа,* op. cit., стр. 20, дурбэны названы дурботами; это предки современных дорбётов и тут упоминаются впервые и без связи с ойратами. В этническом отношении *Рашид эд-Дин* отличает ойратов от дурбэнов и включает последних в число монгольских племен нирун.

[2] Странно, что род джаджират, к которому принадлежал Чжамуха, не назван в числе тех монгольских родов, которые составили коалицию против Чингиса.

[3] За турчизм кераитов высказываются наиболее решительно *Henry H. Howortb*— „History of the Mongols from the 9th to the 19й century", I, стр. 696—698; *idem*—„The Kirais and Prester John" в „Journ. of the Royal Asiatic Society", 1889, XXI, и *Н. Аристов,* op. cit, стр. 79—80.

[4] *Рашид эд-Дин*—„История монголов'[1]. „Введение", стр. 105. Кераиты были частью истреблены, частью распределены между сподвижниками Чингис-хана—мера, которая должна была бы повести к погибели племени, если бы некоторой его части не удалось спастись бегством; впоследствии эти остатки племени приняли даже участие в коалиции 1204 года против Чингиса.

[5] Имеются роды керейт и среди кундровских татар и алтайцев, а также кость хиреид у урянхайцев; с другой стороны, однако, среди бурят имеется род убур-кирей, который перекочевал из Халхи в Забайкалье в начале XVIII столетия (см. *Разумов* и *Сосновский*—„Население, значение рода у инородцев и ламаизм" в „Материалах комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области", VI, стр. 8).

[6] *Левшин*—„Описание киргиз-казачьих орд и степей", III, стр. 8—9.

[7] Архим. *Гурий* („Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен", I, стр. 11) цитирует следующее место неизданного сочинения проф. *О. М. Ковалевского*—„История Монголов": Опираясь на китайские источники, можно установить, что одно из 16 поколений дун-ху „в начале IX века заняло нынешнюю Халху и здесь разделилось .на четыре больших отдела: монгол, кэраит, тайджут и татар". Эти китайские источники не указываются архим. *Гурием,* но, может быть, они не приведены и у проф. *Ковалевского.* Во всяком случае это известие, в виду его значения для решения вопросов—монгольского, татарского и кераитского, требовало бы проверки. См. также *Бартольд*—„Зап. вост. отд. Русск. Археол. Общ.", XI, стр. 351, сн. 2.

[8] Op. cit., I, стр. 48.

пред тем занимали покинутую уйгурами центральную часть Халхи [1]. Первый их государь, попавший на страницы истории, носил имя Мэргуз Буюрук-хана. Он был схвачен татарами, выдан цзиньцам и замучен последними. Ему наследовал его старший сын Худжатур, а от него престол перешел к ван-хану Тогрулу [2], которому пришлось, однако, выдержать предварительно упорную борьбу с найманами [3], принявшими сторону его дяди гурхана [4] лишь благодаря помощи Есукэя [5] он удержал за собой ханскую власть, но засим должен был вновь бежать перед своим младшим братом Эркэ, действовавшим также в союзе с найманами, и только уже Чингис-хану удалось окончательно утвердить за ним кераитский престол. О своей стороны и ван-хан Тогрул во многом содействовал упрочению власти Чингис-хана среди монголов, и только Чжамухе удалось нарушить связывавшую их дружбу.

Весной 1203 года ван-хан в союзе с коалицией монгольских князей, среди которых встречаются имена Чжамухи, Алтаня и Хучара, в превосходных силах напал на Чингиса в местности Калангин-алт, но не смог воспользоваться одержанным здесь успехом, так как между ним и монголами не замедлили возникнуть трения, которые и повели к распадению союза. Это был тот момент, когда Чингис послал вышеприведенный призыв [6] монгольским князьям. Призыв не имел успеха, ибо, покинув ван-хана князья не пожелали усилить и сторону Чингис-хана; но и с тем количеством войск, которым к тому времени располагал этот последний, он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы возобновить войну с кераитами, оставленными союзниками. Осенью того же 1203 года он нанес им жестокое поражение на плоскогорий в истоках рек Толы и Керулюна [7], чем и положил конец их господству в Халхе. Тогрул спасся бегством, но на найманской границе был убит одним из несших здесь караульную службу воинов [8], после чего его царство стало естественным достоянием Чингис-хана.

Победа над кераитами выдвинула Чингис-хана в ряды сильнейших властителей Монголии. Скорее это обстоятельство [9], чем убеждения Чжамухи, побудили найманского хана Даяна об'явить Чингису войну. Весть эта не замедлила обойти всю Монголию, и к кайманам поспешили присоединить свои силы все те племена северной Халхи, которые имели основание

---

[1] В 924 году земли бывшего Уйгурского ханства еще пустовали, что видно из письма Амбагяня к идыкуту ганьчжоуских уйгуров *(Visdelou,* op. cit,, стр. 86). Какие племена заселили затем эти земли—нам неизвестно, но одним из **них** должно было быть племя бикин, родственное найманам и утратившее политическое значение непосредственно перед выступлением найманов и кераитов на историческую сцену (см. *Рашид эд-Дин*—.История монголов". .Введение", стр. 113—114). На ряду с племенем бикин жили в Халхе, вероятно, и кераиты, см. выше стр. 386.

Аристов, op. cit., стр. 80, выводит кераитов из-за Саян, где они жили в долине р. Уды, по речкам Кирей, от которых, как он полагает, и получили свое название, ибо он не делает различия между словами кирей и кэраит.

[2] Тогрулу пожалован был цзиньским императором титул вана, после' чего он стал величаться ван-ханом,

[3] Турчизм найманов остается до настоящего времени столь же спорным, как и турчизм кераитов. Я нигде, однако, не нахожу ясных указаний на сродство найманов с монголами; с другой же стороны найманские ханы присоединяли обыкновенно к своему титулу прилагательное „кучлук"— .могущественный" *(d'Ohsson,* op. cit., I, стр. 57; ср. *Radloff*—„Die altturk. Inechr. der Mongolel", III, 1895, стр. 273), которое было бы очень странным позаимствованном из тюркского языка, если бы найманы были действительно по языку монголами.

Найманы занимали своими кочевьями Хангайское нагорье, оба склона хр. Алтаин-нуру, и долину Черного Иртыша (у *Рашид эд-Дина*—Кук Иртыша) и озера Зайсан-нор, гранича на востоке с кераитами, на севере с киргизами, на западе с канглами и на юге с Уйгурией. После завоевания Найманского ханства Чингис-ханом большая часть их земель отошла под кочевья монголов, и в их числе хори-бурят („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 154); впрочем еще в середине XIII века они, по свидетельству армянского царя *Гайтона,* жили к востоку от Иртыша *(Dulaurier,* op. cit, стр. 467; *Bretschneider,* op, cit, I, стр. 167; *Патканов,* op. cit, II, стр. 82).

[4] Почему этот кераитский князь титуловался гурханом—неизвестно.

[5] „Си-ся-шу-ши" или .Исторические записки Си-ся (Тангутского царства)" относят столкновение гурхана кераитов с Есукэем к 1171 году (арх. *Палладий*—примечания к „Юань-чао-ми-ши", стр. 199).

[6] Стр. 405. Ср., однако, *de Mailla,* op. cit, IX, стр. 34.

[7] *Gaubil,* op. cit, стр. 10.

[8] Согласно же *Абуль-Гази* (пер. *Саблукова,* стр. 71) двумя **из** важнейших вельмож Даян-хана под влиянием опасения, что последний пощадит этого исконного врага найманов.

[9] „Юань-чао-ми-ши" и .Юань-ши" приписывают Даяну следующие слова: „Уж не мечтает ли он (Темучин) стать ханом? На небе, однако, светит лишь одно солнце; как же на земле быть двум господам"? См. *de Maillci,* op. cit., IX, стр. 35—36.

опасаться честолюбивых замыслов Чингис-хана и уже с давних пор считались в числе его врагов: меркиты [1], ойраты, дурбэны, сальджиуты, хатагины, джаджираты, татары [2] и остатки кераитов. Решительное столкновение между противниками произошло на восточной границе найманских владений [3] осенью 1204 года. Мощная коалиция, которой в последнюю минуту изменил Чжамуха [4], била разбита на голову, Даян-хан убит, найманы после упорного сопротивления бежали, ойраты, дурбэны и хатагины сдались на милость победителя, и только меркиты отступили в порядке, отказавшись сложить оружие. Впрочем их сопротивление было вскоре также сломлено, и глава их, Тохта-бей, принужден был бежать на запад, за Алтай, во владения Буюрук-хана [5], куда спасся бегством также и Кучлук, сын Даян-хана.

Эта победа, отдавшая в руки Чингиса всю Монголию на запад до Иртыша, не удовлетворила, однако, монгольского завоевателя. Он не мог чувствовать себя огражденным от всяких случайностей, пока на ряду с покорившимися найманами существовали свободные, пока север оставался в обладании враждебных ему меркитов, а на юге властвовали тангуты и исконные враги монголов—чжурчжени; засим и в пределах Хангая оставалась еще целая группа непокоренных „лесных народов", которые, несмотря на громкие его победы, не выказывали склонности перейти под его державную руку. До 1204 года за исключением его набега в 1201 году на паган и аньци-татар, когда почти поголовно истреблены были эти враждебные ему роды, инициатива военных действий исходила не от Чингиса: он только защищался; с этого же момента он выступает в роли завоевателя.

Первой его жертвой стало государство тангутов. Что дало повод Чингису вторгнуться в

---

[1] „ Юань-чао-ми-ши" вводит меркитов в число монгольских племен. То же делает и *Абуль-Гази (Desmaisons*— „Histoire des Mogols et des Tatares", etc., II, стр. 53; .История Абуль-Гази", перев. *Саблукова* и *Березина,* стр. 49). *Рашид эд-Дин* равным образом относит их к одной группе с ойратами, хотя, может быть, только потому, что кочевья их были смежными. В „Тан-шу" *[Иакинф*—«Собр. свед. о нар., обит. в Средн. Азии в древн. врем.", 1, 2, стр. 447) они упоминаются под именем ми-ли-гэ (в юаньскую эпоху китайцы слово „меркэ" передавали иероглифами мэ-ли-ци). Согласно тому же источнику, они составляли одно из турецких княжеств и жили к востоку от моря (Косогола), т. е. приблизительно там же, где застает их эпоха Чингис-хана (в бассейне нижней Селенги); для жилья строили деревянные срубы, крытые берестой (, Юань-чао-ми-ши" упоминает только о городках, служивших мер китам опорными пунктами), и существовали охотой и коневодством. См., однако, то, что пишет по этому поводу архим. *Палладий* (.Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по северному Китаю", 1902, стр. 19), относящий их к числу пастушеских племен.

Аристов считает их тюрками, но не приводит тому доказательств;

в пользу их турчизма говорит, впрочем, титул их князей—.бей", если только *d'Ohsson,* op. cit, I, стр. 55, правильно передает монгольское бики (беки) словом бей (бек). Арх. *Палладий* (примеч. к , Юань-чао-ми-ши", стр. 228) пишет, что „6'Ькинь" (6'Ьки) у монголов и чжурчженей значило— благородный, дворянин, т. е. употреблялось в том же значении, в каком и доныне в Турции и Персии употребляется слово бек (бей). Но *Бартольд* (.Туркестан в эпоху монгольского нашествия", II, стр. 421), думает, что слово ,бики" хотя и встречалось в титулах некоторых государей, например, меркитского и ойратского, но у монголов имело другое значение, а именно, соответствующее слову первосвященник. Он не приводит, однако, сему доказательств. *Сенковский* (Supplement & 1'histoire generale des Huns", стр. 128—129) пишет, что следует различать слова *бей* (Ы) и *бек* (big);

первое обозначает военный чин, соответствующий нашему генеральскому, второе—титул. См. также M. *СЪагтоу*—„Expedition de Timour-i-Lenk ou Tamerlan centre Togtamiche, khan de 1'Oulous de Djoutchy en... 1391 de notre ere" в „Mem. de 1'Acad. I. des sciences de St.-Petersb.', VI serie, 1836, III, стр. 162, прим. 66.

[2] 0 каких татарах здесь идет речь—неизвестно. Ближайшие соседи монголов хулун-буир-нор'ские цаган и аньци (анчи)-татары были незадолго пред тем (в 1201 году) уничтожены Чингис-ханом.

[3] В „Юань-чао-ми-ши", стр. 105, говорится: „Даян направился вниз по реке Тамир, переправился через Орхон и, подойдя к восточному склону горы Наху, стал тут бивуаком". Знаменитая битва произошла у этой горы, причем найманские войска расположены были частью под ее яром, частью на. ее склонах и таким образом занимали более выгодное положение, чем монголы Чингис-хана, которым приходилось наступать из равнины. Согласно „Су-хун-цзянь-лу" (см. *АЬ. Remusat*—„Recherches sur la ville da Kara-Koroum", стр. 42), гора, при которой Чингис-хан разбил найманов, называлась Хан-хай, т. е. Хан-гай (см. выше стр. 106).

[4] После разгрома найманов Чжамуха продержался недолго и, будучи наконец выдан Чингису, умер насильственной смертью. По одной версии этот странный человек отказался от предложения Чингиса сохранить ему жизнь и просил лишь дозволить ему умереть без потери крови; по другой—он был четвертован одним из родственников Чингиса, причем, подставляя свои руки и ноги под топор палача имел, будто бы, мужество заявить, что одобряет этот род казни, ибо, будь он победителем, он поступил бы с Чингисом не лучше.

[5] Буюрук-хан был младшим братом Даяна, но, по словам *Рашид эд-Дина,* уже с юных лет с ним не ладил. Он самостоятельно правил частью найманских родов.

1205 году в пределы Ся-го— неизвестно, но, вернувшись из этого похода с богатой добычей, он затем в течение последующих пяти лет ежегодно отправлял туда отряды монголов для грабежей [1], ссылаясь на неаккуратное представление дани.

В 1206 году продолжались военные действия в Западной Монголии, где были уничтожены последние следы найманской самостоятельности: Буюрук-хан был убит [2], нашедшие же у него приют Тохта-бей и Кучлук бежали в Заиртышские степи [3].

В этом же году Темучин принял титул Чингис-хана [4].

В 1207 году Чингис приказал своему старшему сыну Джучи привести к покорности лесные племена, населявшие страну Баргуджи-токум, т. е. Саяны и северные пределы Хангая [5]. Когда Джучи достиг урочища Шихшит [6], то к нему поспешили явиться главари племен: ойрат [7], баргут [8], була-гачин [9], урасут [10], хорхан [11] и туба [12], и из'явили покорность;

когда же он подошел к границе киргизских земель, то их примеру последовали и оба хана киргизские [13], а засим Джучи овладел и всеми другими народами, жившими в лесах к югу от страны Шибирь [14], среди которых мы узнаем: телесов, кешдимов [15] и байджигитов [16].

В 1208 году Чингис-хан вынужден был вновь предпринять поход на запад, где Тохта-бей

---

[1] *De MailJa,* op. cit, IX, стр. 42; арх. *Палладий,* op. cit, стр. 241.

[2] В горах Улуг-таг; по мнению *d'Ohsson'a.,* op. cit, I, стр. 101, в Большом Алтае.

[3] У *Иакинфа*—„Истор. перв. четыр. хан. из дома Чинг.", стр. 36, сказано: „бежали к Яр-даши-голу". *Klaproth* („Journ. Asiat", 1823, II, стр. 199) переводит то же название с маньчжурского—'Ел-ди-си (lel-di-si);

арх *Палладий*—„Старинное китайское сказание о Чингис-хане" в „Восточном Сборнике", I, стр. 180,—'Ер-ди-ши (Ердиши).

[4] Чингис—филологически не раз'ясненное слово. Литература предмета Приведена у *Березина*—„Шейбаниада", стр. 43, и у *Fr. von Erdmann'a.*— „Temudschin der Unerschutterliche", стр. 599—609. *E. Oliver—.The* Cha-ghatai Mughals" в „The Journ. of the Royal Asiat. Soc. of Gr. Britain a. Ireland", new series, 1888, XX, I, стр. 73, относит ошибочно это событие к 1205 году.

[5] Так называлась, согласно *Рашид эд-Дину,* страна к северу от р. Селенги—„на краю земель, населенных монголами".

[6] «Юань-чао-ми-ши», стр. 131. Очевидно, здесь идет речь о долине реки Шишкит (см. том I, стр. 221—223).

[7] Согласно *Абуль-Гази* (перев. *Саблукова,* стр. 76'), они уже в то время населяли бассейн Иртыша, что едва ли верно, так как не имеется данных считать их в числе вассалов найманов, коим были подвластны земли по Иртышу.

[8] В „ Юань-чао-ми-ши", изданном в сокращенном виде *Ван-гуань-дай'ек* (loc. cit., прим. архим. *Палладия,* стр. 497),—бархунь. В баргутах проф. *Березин* (прим. к „Введению" *Рашид эд-Дина,* стр. 254) видит племя турецкого происхождения. Если верить *Рашид эд-Дину* (.История Чингис-хана до восшествия его на престол", стр. 111), они получили свое название от реки Баргуджин (Баргузин, впадающей с востока в озеро Байкал), в долине которой жили. Впоследствии с ними слилась часть меркитов *{Рашид эд-Дин,* op. cit., стр. 118).

[9] В „Юань-чао-ми-ши"—бу-ли-я. Вулагачин переводится—.ловцы соболей[1]'; может быть, это не было даже племенным названием.

[10] В „Юань-чао-ми-ши"—урсу.

[11] В , Юань-чао-ми-ши"—хахань (хаханасы).

[12] На родство этого племени с самоедским указал впервые *Георш* (.Описание всех в Российском государстве обитающих народов", 1779, III, стр. 17). Этот взгляд разделяют: *Castren* („Reiseberichte und Briefe aus den jahren 1845—1849", стр. 351) и *Radloff* („Aus Sibirien", I, стр. 207). О туба (ду-бо) упоминается в „Тан-шу" *{Иакинф*— „Собр. свед. о народ., обит. в Ср. Аз. в древн. врем.", 1, 2, стр. 439); они уже в то время (в IX веке) населяли земли, примыкающие к озеру Косоголу. Современными **их** потомками считаются урянхайцы (сойоты), карагасы, так называемые черновые (тубалар) и часть абаканских татар (см. *Radloff,* op. cit., I, стр. 212; *Ядринцев*—„06 алтайцах и черновых татарах" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1881; *Катаное*—«Предания присаянских племен", стр. 278;

idem—«Поездка к карагасам в 1890 г." в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этн.", 1891, XVII, 2, стр. 133).

[13] Над киргизами царствовали в это время два хана: один в долине Кемчика, другой—на Енисее, ниже порогов. , Юань-чао-ми-ши", *Рашид эд-Дин* л *Абуль-Гази* согласно показывают, что они носили в монгольскую эпоху титул (?) и н а л.

[14] Не называлась ли так Бараба? У *Абуль-Гази (bar. Desmaisons*— „Histoire des Mogols et des Tatares", etc., II, стр. 43) читаем: границами киргизских земель служили с одной стороны реки Селенга и Ангара-морен, с другой—страны, называемые Ибирь и Сибирь. Перевод *Саблукова* и *Бере-тна* („История Абуль-Гази", стр. 41) менее ясен.

[15] У *Ван-1уань'дай'я*—кэ-сы-ди-ин. Племя кешдим упоминается в надписи на утёсе Кая-бажи (см. *Radloff*—„Die altturk. Inschr. d. Mong.", 1895, III, стр. 326), поднимающемся на правом берегу Кемчика ниже устья Иш-кема (см. т. I, стр. 236).

[16] У *Ван-гуань-дай'я*—ба-чжи-ги. Байджигиты составляют ныне один **из** кара-кирейских родов (см. *Потанин*— „Очерки сев.-зап. Монголии", II, стр.6)

и Кучлук успели, по видимому, собрать крупные силы. Он настиг их в долине Иртыша [1] и в происшедшем здесь бою нанес им жестокое поражение: их войско опрокинуто было в реку и частью погибло при переправе, Тохта-бей был убит, Кучлук же успел бежать;

с ним вместе бежали и сыновья Тохта-бея, но тогда как найманский князь направился к реке Чу, во владения кара-киданей, они предпочли отдаться под защиту канглов (кипчаков) [2].

В 1209 году притяньшаньская Уйгурия сбросила с себя кара-киданьское иго и добровольно покорилась Чингису [3].

В этом же году Чингис-хан вел войну в большом масштабе с тангутами, закончившуюся поражением тангутских войск и взятием нескольких укрепленных мест. Однако он принужден был снять осаду Нин-ся, столицы Ся-го, благодаря удачным действиям гарнизона, сумевшего прорвать плотины и затопить окрестности города водами Желтой реки [4].

В 1210 году монголы неожиданно напали на вновь выстроенное цзиньцами укрепление Ву-ша и, взяв его приступом, уничтожили. Этот эпизод послужил официальным началом военных действий между Цзиньской империей и монголами, хотя обе стороны уже задолго пред этим сознавали, что война между ними становится неизбежной. Монголы были данниками чжурчженей, но Чингис-хан, став повелителем всей Монголии, признал прежние договоры отпавшими, о чем и дал понять цзиньцам в самой грубой и непозволительной форме. Когда к нему прибыл цзиньский посол с об'явлением о вступлении на императорский престол князя Юнь-цзи и потребовал принятия указа о сем, согласно китайскому церемониалу, на коленях, то Чингис-хан, обратясь на юг, плюнул и гневно сказал: „Я думал, что на императорский престол воссел какой-нибудь достойный князь; но разве этот слабоумный может управлять государством? Он не достоин царствовать и не заслуживает поклонения!" после чего, потребовал лошадь и уехал с аудиенции [5]. Это было тяжкое оскорбление, оставшееся, однако, без отмщения. Тогда Чингис-хан послал полководца Чжебэ вторгнуться в пределы империи, и крепость Ву-ша была взята [6]. Собрав войска в долине Керулюна, Чингис-хан в марте 1211 года всеми своими силами обрушился на империю, которая оказалась совершенно неподготовленной к такой серьезной войне. Ляо-дун и часть Маньчжурии оказались вскоре же

---

[1] В „ Юань-чао-ми-ши", вероятно, ошибочно сказано: „Найманский Кучлук соединился с Тохта в уроч. Иртыш-Бухтарма, у самых истоков" вместо „при устье". В „Юань-ши"—сказано: „(монгольские войска) дошли до Иртыша (Яр-даши)-гола". У *Visdelou* река названа Дань, у *d'Ohsson'a.* op. cit, I, стр. 105,—Джэм.

[2] Существует и другая версия о бегстве Кучлука и меркитских князей, согласно которой они пытались, будто бы, силой проникнуть в Уйгурию, но были отброшены идыкутом *{Klaproth*—„Fragmens histo-riques sur les Ouigour" в „Memoires relatifs a 1'Asie", II, стр. 332;

архим. *Палладий*—«Старинное китайское сказание о Чингисхане" в „Восточном Сборнике", 1877, I, стр. 181). *D'Ohsson,* op. cit, I, стр. 105, заставляет **их** даже бежать через Бишбалык и Кучу. Если, однако, столкновение монголов с найманами и меркитами действительно произошло близь р. Иртыша, то бегство последних через Уйгурию представляется крайне неправдоподобным. В своем „Введении" к „Истории монголов", стр. 74, *Рашид эд-Дин* говорит только: Когда сыновья Тохта-бея достигли границ Уйгурии, то отправили к идыкуту посла по имени Букан, но идыкут приказал умертвить его и о происшедшем донес Чингис-хану. И далее (1ос. cit., стр. Ill): Кучлук после того, как Тохта-бей был убит, бежал к гурхану кара-киданей.

[3] Вообще принято думать, что Уйгурия, хотя номинально, но все-де не переставала находиться в вассальной зависимости сперва от императоров Танской династии, затем, преемственно, от императоров киданьских и, наконец, одновременно от императоров чжурчженских и кара-киданьских, в виду чего добровольное прибытие идыкута Баурчака в ставку Чингисхана могло считаться лишь традиционной необходимостью. Но в исторической литературе Востока я не нахожу фактов, подтверждающих подобный взгляд на международное положение Уйгурии с начала X столетия по 1141 год, когда Елюй Даши положил основание обширной Кара-Киданьской империи, в состав которой (хотя и несколько позднее) в качестве вассального владения вошла и Уйгурия (см. *Грум-Гржимайло*—«Описание путешествия в Западный Китай", II, стр. 60—61).

[4] *Иакинф*—„Аист. перв. четыр. ханов из дома Чинг.", стр. 42;

ср. *de Mailla,* op. cit., IX, стр. 43.

[5] Этот рассказ приведен у *Иакинфа,* op. cit., стр. 43, у *de Mailla,* op. cit., IX, стр. 43, у *СаиЫГя*—, Histoire de Gentchiscan et de toute la dynastie des Mongous ses successeurs", стр. 14, у *d'Ohsson,* op. cit, I, стр. 122, и у *de Harks*—,Histoire de 1'empire de Kin", стр. 205.

[6] *А.* ^oJ/—„Geschichte der Mongolen und Tataren", 1872, стр. 49, впрочем пишет, что первое столкновение между монголами Чингис-хана и чжурчженями произошло в 1205 году, когда шу-нюйчжи, обитавшие между реками Нонни и Сунгари, были на голову разбиты монголами и должны были им покориться.

во власти монголов, сильнейшая ^ крепость Цзя-юн-гуань и западная столица—город Да-тун-фу взяты приступом, вся страна до ворот Пекина совершенно опустошена. В следующем году войска Чингис-хана с одной стороны продолжали свои завоевания в Маньчжурии, где был взят наконец и город Ляо-ян—восточная столица империи, с другой же отняли у цзиньцев Ордос и северную часть Шань-си; но в то же время они принуждены были отступить от Да-тун-фу, возвращенный цзиньцами, под стенами которого Чингис-хан был легко ранен. В 1213 году, пользуясь смутами при цзиньском дворе, вызванными убийством императора Юнь-цзи, Чингис-хан тремя колоннами вновь вторгся в империю, где, предавая все огню и мечу, дошел до Желтой реки. 1214 год застал его там же в переговорах о мире. Бунт киданьских войск, передавшихся монголам, заставил его, однако, прервать заключенное перемирие и спешить к Пекину в надежде на захват-этого важнейшего города. Но Пекин сдался лишь в июне следующего 1215 года, с чем вместе закончился и первый период борьбы между цзиньцами и монголами [1].

Одновременно с этими событиями на востоке, в западной половине Средней Азии без особых потрясений заканчивала свое бытие монархия кара-киданей.

После смерти гурхана Даши (в 1143 году) государством правили некоторое время женщины: его дочь и вдова, но в какой последовательности, в точности неизвестно [2]. Всего вероятнее, что до совершеннолетия старшего его сына Или (Мухаммеда) регентшей была мать, когда же Или скончался (в 1155 году), оставив лишь малолетних сыновей, то на престол возведена была его сестра Бокшохонь (Бу-со-хуань), убитая своим свекром, мстившим за смерть сына, казненного ею по наущению любовника. После ее смерти, последовавшей, вероятно, позднее 1170 года [3], престол занял Чжулху (Чжэ-лу-гу), перед тем убивший своего старшего брата.

Все эти убийства, порождавшие смуты при кара-киданьском дворе, должны были в значительной мере поколебать авторитет престола и усилить вассалов, что действительно и случилось, причем некоторые из них успели за это время достичь даже такого могущества, которое ставило их на один уровень с гурханами [4].

Возникли одновременно и центробежные стремления в государстве.

Лучшим примером той самостоятельности, какой стали пользоваться вассалы кара-киданей, служит быстрое усиление шахов Хорезма.

Крупное политическое значение это государство получило уже к концу первой половины XII столетия, когда престол занял энергичный Атсыз (1128—1156 г.г.), внук выслужившегося раба Ануш-тегина Гарджа. Падение власти персидских Сельджукидов [5] дало возможность шахам Хорезма распространить далеко на юг и запад свои владения: в 1187 году был взят Нишабур, в 1193 году—Мерв, в 1194 году был уничтожен Иракский султанат и захвачены Рей и Хамадан. Султан Мухаммед Текеш (1172—1200 г.г.) заставил даже ассасинов [6] перенести

---

[1] Заслуживает внимания следующий факт: Цзиньская империя принуждена была вести войну на три фронта: с монголами, с Сунской империей и царством Ся и одновременно бороться с анархией, охватившей всю страну (бунт „краснокафтанников"—„habits rouges"). Из всех почти своих столкновений с китайцами, тангутами и краснокафтанниками, где превосходство сил находилось обыкновенно на стороне противников, чжурчженские войска выходили неизменно победителями, но в то же время они редко выдерживали натиск монголов, что указывает на то, что после первых же неудач они утратили веру в возможность победить этих последних. Очень полно эта эпоха изложена в „Histoire de 1'empire de Kin", стр. 207—254.

[2] *Бартольд*—„Очерк истории Семиречья", стр. 32, 33.

[3] *Бартольд*—«Туркестан в эпоху монгольского нашествия", II, стр. 361. По китайским сведениям *(de Mailla,* op. cit, VIII, стр. 399) смерть ее последовала несколько ранее, а именно в 1167 году; *yv.der Gabelent'a,* op. cit, стр. 186, приведен впрочем 1170 год.

[4] *Бартольд*—«Очерк истории Семиречья", стр. 33.

[5] Весной 1157 года умер Синджар (см. выше стр. 394 и след), после чего фактически прекратилось верховное владычество сельджукских султанов в восточной части Персии *[Бартольд*—„Туркестан в эпоху монгольского нашествия", II, стр. 356).

[6] Орден, возникший около 1090 года среди персидских и сирийских шиитов, преследовавший главным образом политические цели и руководствовавшийся при этом положением, что цель оправдывает средства. Уже основатель ордена Гассан Ибн-Сабба стал набирать и воспитывать сильных юношей, которых с помощью гашиша и опиума

свое разбойничье гнездо из Арслан-Гумая в Аламут (крепость близь города Казвтша), а его сын и преемник Мухаммед Ала ад-Дин (1200—1220 г.г.) докончил завоевание Западного Туркестана, отторгнув у Гуридов Герат и принудив гурского султана Гиас ад-Дина Махмуда признать себя вассалом Хорезма (в 1206 году).

Этому усилению хорезмшахов в значительной, впрочем, мере способствовали сами кара-кидани. Так, султан Текеш только благодаря помощи кара-киданьского войска овладел престолом Хорезма, Ала ад-Дину же кара-кидани помогли не только отразить нападение Гурида Шихаб ад-Дина, но и выйти победителем из тяжелой борьбы с этим последним.

Усилившись столь значительно, Мухаммед Ала ад-Дин стал тяготиться положением вассала; воспользовавшись затем волнениями, возникшими в восточной части государства, где восстал хотанский владетель, он отказался от взноса очередной суммы в имперскую казну и занял Бухару и Самарканд.

Эти известия и измена правителя Самарканда, Караха-нида Османа, передавшегося Мухаммеду Ала ад-Дину, заставили гурхана Чжулху принять энергичные меры к восстановлению порядка в империи. Нуждаясь в войсках, он доверился найманскому князю Кучлуку, которого успел тем временем женить на свой дочери, и, снабдив его оружием и деньгами, разрешил ему организовать набор дружин среди найманских и меркитских беглецов, после поражения 1208 года рассеянно бродивших в степях между Иртышом и Тянь-шанем.

По видимому, Кучлук справился с своей задачей блестяще, но вместо того, чтобы с набранными войсками спешить на помощь своему тестю, он занял явно враждебное по отношению к нему положение, ограбил казначейство в Узгенде и, как только узнал, что большая часть кара-киданьских сил выслана на юг, за Сырдарью, против бунтовавших вассалов, поспешил к Бала-сагуну в надежде захватить гурхана врасплох. Но эта часть плана ему не удалась: он был предупрежден и разбит вооружившимся против него гурханом.

Столь *же* успешными были первые действия кара-киданьских войск на западе: Самарканд был ими взят обратно (в 1210 году) [1], и Ала ад-Дин отброшен за Бухару [2]. Но в дальнейшем война приняла явно неблагоприятный для Чжулху оборот. Ала ад-Дин, явившийся во главе новых сил, заставил его, невидимому, сначала оттянуть свои войска к северу, а затем и принять бой близь Таласа, и хотя исход последнего был недостаточно решительным, тем не менее для Чжулху он имел фатальные последствия, так как мусульманское население северного Притяньшанья, убедившись в отходе кара-киданей к востоку, стало явно переходить на сторону хорезмшаха Ала ад-Дина [3]. Одновременно возникли беспорядки и среди киданьских войск, как говорят, вследствие приказа гурхана вернуть ему отбитую ими у Кучлука казну. Этим моментом воспользовался найманский князь и, окружив ставку Чжулху, взял последнего в плен (в 1211 году).

Кучлук сохранил Чжулху все внешние знаки царского достоинства; во время торжественных приемов гурхан сидел на престоле, а Кучлук стоял среди его хаджибов [4], но фактически все же власть в государстве перешла всецело к нему, что видно, между прочим, и из факта ведения им переговоров с хорезмшахом, требовавшим от него добровольной уступки

делал орудием своей воли, направленной к достижению неограниченного могущества; его же преемники значительно увеличили число таких послушников ордена. С помощью таинственных убийств, выполнявшихся последними, Гассан Ибн-Сабба вскоре навел ужас на самых сильных государей и государственных сановников Передней Азии и Ирана, и тогда-то название ассасин стало равнозначущим со словом убийца (франц. assassin). Орден получил широкое распространение, и по истечении короткого времени многие укрепленные города Сирии и Персии подпали под власть его приверженцев. К числу таких укрепленных пунктов относился и замок Аламут, ставший резиденцией главы ордена. Он был взят и уничтожен Хулагу в 1256 году (см. ниже гл. VIII).

[1] *Бартолъд,* op. cit, II, стр. 390.

[2] Факт этот, однако, нуждается еще в подтверждении.

[3] Баласагун закрыл даже свои ворота перед отступавшей кара-киданьской армией и был взят только приступом, причем в происшедшей затем резне погибло до 46,000 народа. Во всяком случае утверждение *Oliver'si*—„The Chaghatai Mughals" в „the Journ. of the Roy. Asiat. Soc. of Great Brit. a Irel.", new series, 1888, XX, I, стр. 74, что власть Ала ад-Дина простиралась на восток почти до берегов р. Или, должно считаться ошибочным.

[4] *Бартольд, op.* cit, II, стр. 394.

части занятой им территории.

Эти переговоры не привели к определенному соглашению, а засим Кучлук не позднее 1214 года сумел не только подавить центробежные стремления в Восточном Туркестане, но и утвердиться на правом берегу Сырдарьи, отстояв в свою пользу спорные территории в бассейне этой реки [1]. Засим он сделал попытку уничтожить владение Алмалык [2], возникшее незадолго пред тем в Илийской долине, но это предприятие втянуло его в войну с монголами, в которой он и погиб в 1218 году.

Основателем Алмалыкского княжества был Бузар [3], в прошлом—конокрад и атаман разбойничьей шайки. Воспользовавшись смутным положением дел в Кара-Киданьской империи, он захватил город Алмалык и провозгласил себя его ханом. Затем, когда стали намечаться успехи кара-киданьского оружия, он совместно с другим вассалом гурхана, князем Каялыка, решил отдаться под державную руку Чингис-хана (в 1211 году). Естественно, что к нему же он обратился за помощью, когда к Алмалыку стали стягиваться войска найманского князя.

Монгольской помощи он не дождался. Он был пойман на охоте найманами и убит. Но вскоре затем в долине Или появилась монгольская конница, и Кучлук поспешил снять осаду Алмалыка и отступил за реку Или.

Это отступление перешло в бегство, когда выяснилось, что мусульманское население Притяньшанья стало повсюду встречать монголов как избавителей от ставшей ему ненавистной власти найманского князя [4]. Кучлук сделал попытку организовать сопротивление в одном из проходов Тянь-шаня [5], был здесь, однако, разбит и бежал сначала в Кашгар, а затем еще далее к югу—в Сарыкол [6]. Но тут его настигли монголы, и он погиб под топором палача.

После восьми лет скитания, т. е. в 1216 году [7], сыновьям Тохта-бея удалось, наконец, вновь собрать в Алтае настолько внушительные силы, что Чингис-хан принужден был отправить против них два корпуса своих войск. Меркитские князья были разбиты,, брат и старшие сыновья Тохта-бея пали в бою, младший же, Хултуган Мерген, захвачен в плен и засим, несмотря на заступничество Джучи, по приказанию Чингис-хана казнен [8]. По другой версии [9] победа над меркитами досталась монголам не сразу, и окончательно разгромить их им

---

[1] См. между прочим *Бартольд*—„История Туркестана" в „Труд. Туркест. Госуд. Унив.", Ташкент, 1922, вып. 2, стр. 27.

[2] О местоположении города Алмалыка см. *В. Бартольд*—„Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью", стр. 65 и след., а также *Грум-Гржимайло*—„Опис. пут. в Западн. Китай", I, стр. 25—26.

[3] *Бартольд*—«Очерк истории Семиречья", стр. 37. Он более известен под именем Озара.

[4] В „Юань-ши" (арх. *Палладий*—„примеч." к „Юань-чао-ми-ши", стр. 233) говорится, что население городов Кашгара, Яркенда и Хотана только тогда открыло ворота этих городов монголам, когда убедилось в смерти Кучлука. Из „Биографии Хэ-сы-май-ли (Измаила)" *А. Иванов* («Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши" в .Зап. Разряда воен. археол. и археогр. И. Русск. Военно-Истор. Общ.", 1914) извлекает следующее относящееся сюда место:

„Чжэ-бо" (Чжебэ) велел Измаилу (в будущем—одному из полководцев армии Чингис-хана) об'ехать с головой Кучлука владения последнего, и тогда такие города как Кашгар, Яркенд и Хотан (Ва-дуань) сдались при первом приближении монголов". Заслуживает, однако, более доверия утверждение *Джувейни* и *Рашид эд-Дина*, что жители Восточного Туркестана восстали против Кучлука и перебили в городах найманские гарнизоны после того, как монгольский полководец Чжебэ довел до **их** сведения, что во владениях Чингис-хана господствует полная религиозная свобода.

[5] Об этом говорит впрочем только *Плано Карпини*, по остальным известиям Кучлук бежал от монголов, не дав им ни одного сражения (см. *Бартольд*—«Туркестан в эпоху монгольского нашествия", II, стр. 433).

[6] *Бартольд*, op. cit., II, стр. 433; *idem*—„Очерк истории Семиречья", стр. 39.

[7] *D'Ohsson*, op. cit, I, стр. 155—156. 1216 год дает и .Юань-ши" (арх. *Палладий*, ibid., стр. 232). Но вообще известие это очень темное. Ср. *J. Marquart*—„Uber das Volkstum der Komanen", стр. 133 и след., где приводятся данные, указывающие на то, что окончательный разгром меркитов последовал лишь в 1219 году. *D'Ohsson* пишет, что столкновение между меркитами и монголами произошло на реке Джэм (в , Юань-ши"— Чжань), в .Юань-чао-ми-ши", стр. 131, говорится, что меркиты были разбиты на р. Чу. И Чжань и Джэм нам равно неизвестные реки, хотя *J. Marquart*, loc. cit, и отождествляет их с р. Чу.

[8] *D'Ohsson*, op. cit, I, стр. 156.

[9] См. сводку относящихся сюда известий у *Бартольда*—„Туркестан в эпоху монгольского нашествия", II, стр. 397—399.

удалось уже только в Тургайской области, на берегу р. Иргиза. О этого момента о меркитах история более не упоминает [1], и с остатками их мы встречаемся лишь в составе других как тюркских [2], так и монгольских племен [3].

В следующем году восстали киргизы и хори-тумэты—народ, относившийся монголами к группе „лесных" племен и населявший, по видимому, одну из частей Хангайско-Саянского нагорья [4]. Обе эти народности были покорены Джучи в том же году [5].

Между тем на востоке хотя война с Цзиньской империей и вступила в более покойную фазу, но совершенно не прекращалась, так как Чингис-хан соглашался даровать мир на неприемлемых для цзиньцев условиях: отказа от всех земель к северу от Желтой реки и их государя от императорского титула.

В 1216 году закончено было завоевание провинции Шэнь-си до р. Вэй-шуй взятием сильной крепости Тунь-гуань, на востоке же уничтожено было княжество Син-лун, возникшее всего только в 1214 году, когда цзиньский генерал Чжан Цин счел момент подходящим для того, чтобы захватить в Цзинь-чжоу'ском округе [6] власть в свои руки. Временно монгольский полководец Мухури оставил его княжить в Цзинь-чжоу, но засим, убедившись в его нелояльности, велел его схватить и казнить; труднее достался ему брат последнего Чжан Чжи, который не замедлил занять освободившийся престол, но *та.* он вскоре погиб от руки монгольского палача. В 1217 году Мухури продолжал свои завоевания в Шаньдуне и в Чжилийской провинции к югу от города Бао-дин-фу. В 1218 году было закончено занятие юго-западной части Чжилийской провинции и всей Шань-си, причем приступом были взяты города: Дай-чжоу, Тай-юань, Хо-чжоу, Пин-ян-фу, Шунь-дэ-фу, Лу-ань-фу и, наконец, Цзэ-чжоу-фу. Одновременно монголы опустошили тангутские земли до города Нин-ся-фу и на востоке овладели Кореей.

В 1219 году Чингис-хан поручил Мухури закончить завоевание северного Китая, сам же во главе значительных сил направился на запад против хорезмшаха Ала-ад-Дина, вызывающий

---

[1] Впрочем у *Шереф эд-Дина [Petis de la Croix*—„Histoire de Timur-bec", etc., I, стр. 255; см. также *N. Elias* and *E. D. Ross*—„The Tarikh-i-RashidI of Mirza Muhammad Haidar", стр. 42) упоминается о современнике и друге Тимура Мубарек-шахе меркитском, начальнике тысячи, управлявшем частью >Тянь-шань'ского нагорья к югу от р. Нарын. О меркитах (мекритах) в армии Тимура см. *Petis de la •Croix,* op. cit, I, стр. 343, II, стр. 370, III, стр. 413, IV, стр. 103; о них говорится как о горцах, которыми Тимур пользовался в горных войнах на ряду с бадахшанцами в самых исключительных случаях, из чего приходится заключить, что после своего бегства из-за Саян они заселили в пределах Джагатайских владений труднодоступные горные области, что и позволило им сохранить навык к преодолению самых трудных под'емов.

Интересно, что имя меркит (мекрит), как родовое, удержалось в Притяньшанье до XVII века (см. *Бартольд*—.Отчет о командировке в Туркестан" в .Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1904, XV, стр. 241).

[2] Кость меркит встречается среди чулышманских телесов, телеутов, киреев и других тюркских племен, населяющих Алтайско-Саянское нагорье, а также у башкиров.

[3] Среди торгоутов есть кость меркит. Среди чахаров, по свидетельству *А. Позднеева* (.Замечания на дневник арх. Палладия", etc., в .Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", XXII, 1, стр. 136—137), меркиты представляют весьма заметный элемент населения; даже ван Гуан-дуна принадлежит к этому поколению.

[4] Как в этих племенных наименованиях, так и во многих других, некоторые ориенталисты (проф. *Березин, Банзаров* и друг.) склонны видеть имена числительные: „хори —двадцать, „тумэт" (тумэн)—десять тысяч;

но в таких комбинированных названиях это об'яснение становится еще менее приемлемым.

В , Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 154, говорится, что хори населили Хангай после того, как его покинули найманы.

[5] По китайским известиям—в 1218 году (/. *Marquart*—„Ueber das Volkstum der Komanen", стр. 136). Джучи совершил этот поход зимой, проникнув в страну киргизов по льду Енисея. Таким образом ему удалось избежать тех трудностей, которые выпали на долю турок, ведших туда свои войска через Саяны. У *Gaubll,* op. cit., стр. 32, говорится, что Джучи в 1217 году где-то на северо-западе покорил следующие племена: *у-сз-хань, ха-на-са, ку-л-ан-лу-кэ-ги* и *тай-ми-хоу-ни-р-кан. У-сч-хань* и *ха-на-са* называются в числе тех племен, которые в 1276 году переселены были вместе с киргизами в Маньчжурию (, Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 171). Название *ку-лэ-ан-гу-кэ-ш* несомненно сложное; в кэ-шэ следует видеть саянское киши—люди; ку-лэ (ку-ли) упоминаются в „Юань-ши" *[Schott*—. Ueber die achten Kirgisen" в „Abhandl. d. k. Akad. d. Wiss. zu Berlin", 1864, стр. 436 и 455), где говорится, что они являются потомками племени гулигань Танской эпохи, живут в долине Ангары и говорят на языке, отличном от киргизского; таким образом ку-лэ-ан-гу-кэ-шэ могло бы значить: кули, жители долины Ангары. Название *тай-ми-хоу-ни-р-кан,* очевидно, также сложное, не поддается дешифровке. Ниркан—название одного из джалаирских родов.

[6] Здесь говорится о городе Цзинь-чжоу, лежащем в провинции Шэн-цзин.

образ действий которого требовал возмездия.

Посольские сношения между Хорезмом и Монгольской империей возникли еще в 1215 году [1], когда хорезмшах, обеспокоенный нараставшим могуществом монголов, решил путем обмена посольствами получить более достоверные сведения обжатом народе. Его послы застали Чингис-хана еще в Китае, где незадолго перед тем пал город Пекин. Сын цзиньского императора находился в это время в плену у монголов: везде были видны следы страшного опустошения; кости убитых слагали целые горы; почва местами была рыхлой от человеческого жира; гниение трупов породило смертельные заболевания, которых не избегли и некоторые члены посольства. У ворот Пекина находилась огромная куча костей, и послам об'яснили, что при взятии города множество женщин (60.000!) бросилось, будто бы, с городских стен, чтобы только не попасть в руки монголов. В столь ужасной обстановке посольство получило аудиенцию у Чингис-хана, который, впрочем, встретил его очень милостиво, после чего был выдвинут вопрос и о торговом договоре между обоими государствами. Этот последний, обеспечивавший беспрепятственный обмен торговыми караванами, был заключен, однако, позднее, вероятнее всего весной 1218 года, когда ответное монгольское посольство прибыло в Мавераннагр. Во всяком случае уже в том же году из Монголии отправлен был на запад большой караван, везший товаров на значительную сумму, но в городе Отраре он был по приказанию хорезмшаха задержан, входившие в его состав лица были убиты, а товар конфискован. Дня выяснения обстоятельств, вызвавших отрарский инцидент, Чингис-хан отправил посла, но и посол был убит, сопровождавшие же его монголы, опозоренные сбритием у них бород [2], высланы обратно. Три дня и три ночи Чингис-хан, не сходя с места, молил на горе о помощи свыше для примерного отмщения неслыханного оскорбления, и оно скоро явилось:

осенью 1219 года монголы подступили к Отрару [3], а уже в конце 1220 года Хорезмская империя перестала существовать, виновник же постигшего ее бедствия, хорезмшах Ала ад-Дин, умер беглецом на одном из островов Каспийского моря [4], против портового города Абескуна [5], [5], после чего его преследователи, монгольские полководцы Чжебэ и Субутай, вернулись в Среднюю Азию кружным путем через Кавказ [6] и степи южной России [7].

---

[1] *Бартольд,* op. cit., II, стр. 423.

[2] *Я. Ханыков*—„Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", 1851, V, стр. 270; *Бартольд,* op. cit., II, стр. 430; *Тизенгаузен*— „Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды", I, стр. 7.

Согласно *Несеви (Houdas*—„Histoire du sultan Djelal ed-Din Mankobirti prince du Kharezm", стр.60—61), все члены монгольского посольства были убиты. Если, однако, верно, что и у монголов того времени подобно тому, как в Передней Азии, лишение бороды составляло „опозорение" человека, то обстоятельство это с антропологической точки зрения заслуживает особого внимания. Что монголы эпохи Чингис-хана носили бороды и, может быть, даже гордились ими, явствует, между прочим, и из следующего места „Юань-чао-ми-ши" (стр. 156): „Бури сказал: „Баты (Батый) не более, как баба с бородой, и я, пятой толкнув, свалю и растопчу его".

[3] *Джуэджани* определяет численность монгольских войск, вступивших в пределы владений хорезмшаха Ала ад-Дина, в 600 и даже 700 тысяч человек. Эту цифру повторяет и *Oliver*—„the Chaghatai Mughals" в „the Journ. of the Roy. Asiat. Soc. of Gr. Brit. a. Irel.", new series, 1888, **XX,** I, стр. 74, но *Бартольд,* op. cit., II, стр. 435, как мне кажется, вполне справедливо называет ее фантастической: такого числа воинов Чингис-хан конечно не мог вывести из Монголии.

[4] *Я. Ханыков,* ibid., приводит более определенную дату—февраль 1221 года, но она едва ли верна, так как Джелаль ад-Дин, присутствовавший при смерти отца и вернувшийся затем в Гургандж, покинул Хорезм до прибытия туда войск Джучи, т. е. до зимы 1220—1221 г.г. *Несеви (Houdas,* op. cit., стр. 81) пишет лишь, что Ала ад-Дин умер в 617 году, что соответствует 8 марта нового (25 февраля старого) стиля 1220 (1221) г.

[5] Находился на территории Джурджана (Гургана), нынешней Астрабадской провинции Персии [см. *Гаркави*— „Сказания мусульманских писателей о славянах и русских", 1870, стр. 123 *{Мас'уди}}.*

[6] Их путь при этом лежал через Казвин, Тавриз, Грузию и Дербент.

[7] Этот беспримерный по своей длине кавалерийский раз'езд (преследуя русских князей после битвы при Калке 31 мая 1223 года, монголы доходили до берегов Днепра) *Иванин* („О военном искусстве и завоеваниях монголов", стр. 29) совершенно справедливо аттестует одним из самых смелых движений, известных нам из военной истории. По словам армянского историка *Киракоса (Патканов,* op. cit., 2, стр. 3; *Dulaurier,* op. cit, стр. 200) они вынуждены были обойти Дербент по едва доступным путям, причем должны были бросить свои метательные снаряды, часть обоза и множество лошадей.

Чингис-хан уже весной 1220 года мог считать Мавераннагр своим владением [1]. Осенью того же года был взят Тармиз, а засим в начале 1221 года главные силы монголов переправились через Амударью, заняли Балх и подступили к крепости Талькан [2]. Отсюда корпус младшего сына Чингиса, Тулуя, отправлен был в Хорасан, где последовательно пали [3] Мерв [4], Нишабур [5] и Герат [6], корпуса же Джагатая и Угэдэя—на север для подкрепления Джучи, который успел к тому времени перебросить свои войска через пустыню в Хорезм и осадить его столицу—г. Гургандж [7]. Последний был взят приступом в апреле 1221 года [8]. Позднею осенью осенью того же года, после падения крепости Талькан, Чингис-хан занял Газну, откуда в преследовании Джелаль ад-Дина, сына и преемника Ала ад-Дина, единственного хорезмского вождя, сумевшего из нескольких столкновений с монголами выйти победителем [9], достиг берегов Инда, где и нанес остаткам распавшейся хорезмской армии жестокое поражение.

Инд был конечным пунктом, до которого доходили войска Чингис-хана [10]. В тылу их в это время восстали Мерв и Герат;

Газна, добровольно покорившаяся монголам, также стала внушать опасения, и так как отважный Джелаль ад-Дин все еще оставался на свободе и мог найти в ней опору для своих дальнейших враждебных выступлений, то решено было поступить с ней так же, как с остальными значительными городами Хорезмской империи—население частью выселить, укрепления же уничтожить. Помимо сего, гнало монголов на север, в горы, и наступившее

---

[1] *Несеви (Houdas,* op. cit., стр. 63) указывает на крупную стратегическую ошибку, допущенную Ала ад-Дином в самом начале войны при распределении своих сил, которые он разбросал по главнейшим городам Туркестана; впоследствии он уже лишен был возможности ее исправить, так как этому помешал Чингис-хан, устремившийся из Отрара на Бухару. *Бартольд*—„История Туркестана", стр. 30, об'ясняет такое распределение Ала ад-Дином своих военных сил его боязнью сосредоточить их в одном месте, так как „он знал" (?), что в случае победы над внешним врагом, они не замедлят двинуться против него, дабы лишить его престола. Но если так, то на что же он мог рассчитывать, ведя столь вызывающую внешнюю политику?

[2] Лежал на пути между Балхом и Мервом, ближе к последнему (см. *Бартольд*—„Туркестан в эпоху монгольского нашествия", II, стр. 81).

[3] По-видимому, вторжению в Хорасан главных сил Тулуя предшествовало вторжение туда же его авангарда, которым и был взят и уничтожен город Неса. *D'Ohsson,* op. cit, I, стр. 275 —277, относит его падение к концу 1220 года.

[4] Гор. Мерв пал в конце февраля 1221 г.; при этом его население частью уведено было в плен, частью перебито. перебито. Ср., однако, *Бартольд,* op. cit., II, стр. 485, где говорится, что этот город в конце того же года восстал против монголов, но был вновь ими взят, причем погибло свыше 100 тысяч человек. Но и после этого вторичного разгрома он продолжал еще существовать, ибо несколько месяцев спустя выставил 10 тысяч воинов, участвовавших в экспедициях против монголов. Таким образом, становится очевидным, что рассказы мусульманских писателей о поголовных избиениях населения значительнейших городов Хорезмской империи страдают преувеличениями; впрочем и *Мин-хун (Васильев,* op. cit,, стр. 224) пишет: по взятии городов монголы убивают без пощады всех, не разбирая старых и малых, красивых и безобразных, богатых и бедных, сопротивляющихся и покорившихся; даже самые именитые лица не щадятся ими, раз схвачены были *с оружием в руках.* Отмечу еще, что C. *Biddulph* („Four months in Persia and a visit to Transcaspia", London, 1892), сделав обзор сохранившихся следов былого заселения Закаспийской области, также пришел к заключению, что десятки и сотни тысяч человек, избивавшихся, будто бы, монголами и другими завоевателями в пределах этой области, существовали только в воображении восточных писателей.

[5] Город был взят в апреле 1221 г.; жители за исключением ремесленников перебиты.

[6] При взятии пострадал мало, но засим, после восстания 1222 года, из его миллионного населения уцелело, будто бы, всего лишь сорок человек, сумевших скрыться среди развалин, в которые он был обращен.

[7] Гургандж—позднейший Ургенч. Он был расположен по обоим берегам р. Аму-дарьи, соединявшимся мостом. мостом. По количеству населения он занимал одно из первых мест в государстве.

D'Ohsson, op. cit, I, стр. 239, пишет, что корпуса Джагатая и Угэдэя отправлены были в помощь Джучи из под Самарканда. См. также *Березин*— „Шейбаниада" в „Библиотеке восточных историков", I, стр. XL VII.

[8] За исключением ремесленников все остальное население этого города было перебито, город разрушен и затоплен водами Аму-дарьи.

[9] Жизнь и деяния этого замечательного воина и полководца составили предмет обширного труда *Шихаб ад-Дина Мухаммеда б. Ахмеда ан Несеви*—„Жизнеописание султана Джелаль ад-Дина Мангуберти". Я пользовался французским переводом этого сочинения, принадлежащим *О. Houdas*—„Histoire du sultan Djelal ad-Din Mankobirti prince du Kharezm" в „Publications de 1'ecole des langues orientales vivantes", III serie, X, 1895.

[10] Я имею в виду лишь главные силы монголов; **их** отряд же, посланный в погоню за Джелал ад-Дином, доходил на восток до Сетледжа.

жаркое время года.

В то время, как главные их силы располагались на летние квартиры в высоких долинах Гиндукуша, отдельные их отряды доканчивали завоевание Гарджистана [1]; их операции здесь задержала только крепость Ашияр, сумевшая продержаться 15 месяцев и сдавшаяся только весной 1223 года [2].

Существует сказание, что Чингис-хан намеревался вернуться в Монголию через Индию и Тибет, и что только серьезные доводы его полководцев о трудностях такого пути остановили его в этом намерении. Как бы то ни было, он возвратился на реку Толу прежним путем, через Туркестан и Алтай, употребив на переезд свыше двух лет [3]. Какие причины вызвали такую медленность в передвижении, нам неизвестно, но одно достоверно: ему не приходилось дорогой вступать в вооруженные столкновения с только что покоренными народностями.

Осенью 1225 года Чингис-хан решил покончить с Тангутским царством, правители коего, переоценивая свои силы и не считаясь с суверенными правами монголов, вели крайне неосторожную внешнюю политику, дававшую поводы к непрерывным взаимным неудовольствиям. Весной 1226 года он с большими силами вступил в Хэ-си и быстро овладел западной частью тангутских земель, где были взяты приступом И-цзи-най (Эцзин) [4], Хэ-шуй-чэн [1] и некоторые

---

[1] *Абулъ-Гази. (Desmaisons,* op. cit, II, стр. 138) сообщает, что после поражения Джелаль ад-Дина на берегу Инда Чингис-хан послал Джагатая на запад для завоевания Мекрана. Задача эта была им выполнена, страна разорена и значительная часть ее населения уведена в плен или перебита.

Последствия этого погрома не изгладились и до настоящего времени, так как карысная система (см. *Грум - Гржимайло*—„Опис. пут. в Западн. Китай", I, стр. 326—328; *Цимбаленко*— .Кяризы Закаспийской области"), благодаря которой подгорная Мекранская степь орошалась фреатическими водами, должна была без надлежащей поддержки очень быстро придти в упадок и даже совершенно исчезнуть. В древности (в особенности с VIII по XI век) Мекран, через который пролегал мировой путь в Индию (см. мою заметку—„Забытый мировой путь в Индию" в журн. „Новый Восток", 1925, N» 1 (7), стр. 147—151), славился своим богатством и транзитной торговлей. Знаменитые в то время портовые его города— Ормара, Гвадар, Чахбар и Джаск, державшие в своих руках эту торговлю, представлены ныне жалкими поселениями' рыбаков смешанного мекранского племени, что же касается внутренних частей страны, то они совершенно пустынны, и об их былом богатстве и населенности свидетельствуют только сохранившиеся еще всюду развалины.

[2] Рассказывают, что эмир Ашияра, воспользовавшись уходом главных сил монголов на юг, напал под Тальканом на небольшой монгольский отряд, прикрывавший ханский обоз, разбил его и увез столько телег с золотом и другими драгоценностями, сколько только мог увести; он освободил также пленных и угнал множество лошадей.

[3] Он переправился на правый берег Аму-дарьи осенью 1222 года, достиг же берегов Толы весной 1225 года.

[4] *D'Ohsson,* op. cit., I, стр. 370; *Gaubil,* op. cit., стр. 49. Насколько мне известно, это второй случай упоминания этого города. Впервые о нем говорилось в „Хуан-юань-шэн-ву-цинь-чжэн-лу" („Восточный Сборник", 1877, I, стр. 176) под 1203 годом: преследуемый Чингисом, через него бежал в Ся-го И-ла-ха, сын ван-хана. Ошибочна поэтому следующая справка архим. *Палладия* („Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по северному Китаю" в .Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1902, XXXVIII, вып. I, стр. 12): „Хубилай, тревожимый мятежными родичами своими на севере, учредил у озера И-цзи-най военный пост и построил город или крепость на юго-западном берегу его; с сих пор и появляется название И-цзи-най". Он был лишь восстановлен при императоре Хубилае, когда и сделан областным. Через него в это время пролегал большой караванный путь в Каракорум. Некоторые о нем сведения мы находим у *Марко Поло:* „В двенадцати днях пути от Campichiu (т. е. Гань-чжоу, как доказал это Юль в .the Book of Ser Marco Polo, the Venetian", etc., I, стр. 222, хотя уже *Gaubil,* op. cit., стр. 49, высказывался в том же смысле), говорит он, лежит город Etzina (Эцзин) при начале песчаной пустыни. Он лежит в провинции Тангут. Его жители язычники, не занимаются ремеслами, но живут произведениями земли и держат много верблюдов и других животных. Путники, проезжающие через этот город, запасаются в нем провизией на сорок дней, ибо столько времени нужно употребить, чтобы проехать по пустыне, простирающейся к северу от Эцзины; в ней нет признаков жилищ, и она бывает населена только летом, когда люди заселяют там некоторые горы и долины, в коих имеются лес и вода, зимой же там очень холодно; там водятся дикие ослы и другие дикие животные".

По изгнании монголов из Китая, китайские войска дважды, а именно в 1372 и в 1380 г.г., проходили местностью И-цзи-най-лу *(Покотилов*— .История восточных монголов в период династии Мин", стр. 5 и 9;

de Ma'illa, op. cit., X, стр. 64 и 79). В той же местности И-цзи-най-лу в первой половине XV столетия осели остатки разбитых ойратами восточных монголов Аруктая *{Покотилов,* op. cit., стр. 49); но вскоре затем они были тут поголовно уничтожены китайцами *[Покотилов,* op. cit., стр. 50). В тридцатых годах XVIII столетия здесь поселены были торгоуты, которые известны под именем старо-торгоутов. Их кочевья и до сих пор еще находятся в этих местах.

другие укрепленные пункты, а затем и города Оу-чжоу и Гань-чжоу. Осенью монголы овладели Лян-чжоу, зимой сильно укрепленным Лин-чжоу Их отряды, предавая встречные селения огню и мечу, проникли далеко внутрь страны и на юге доходили до границ Сы-чуани [2]. Фактически к началу 1227 года во владении последнего тангутского государя Тоба Ши оставалась уже только столица государства Нин-ся, но и она должна была вскоре сдаться на милость победителя. Так пало государство, просуществовавшее два с половиной столетия среди могущественнейших империй Востока, благодаря забвению принципа, которым до тех пор, по словам „Тун-цзянь ган-му" [3], неизменно руководствовались его монархи: действовать в союзе с сильнейшим.

На пути из Тангута в Монголию в августе 1227 года Чингис-хан скончался [4], но прошло почти два года прежде, чем удалось собрать совет князей для выбора ему преемника. Согласно с волей Чингис-хана, на престол возведен был Угэдэй, который начал свое правление с некоторых нововведений и реформ, в числе коих наибольшее значение имела законодательная регламентация прав и привилегий младших членов суверенной семьи, т. е. „принцев крови", и церемониала, регулировавшего внешнее обращение как принцев крови между собой и к суверену, так и подданных к своему государю, чем воздвигалась стена между двором и народом, дотоле бывшая неизвестной в Монголии [5], и положено было основание той лестнице поклонений и величаний [6], которая столь характеризует государства Востока, Засим была ограничена власть монгольских правителей покоренных стран: от них отнято было право осуждения на смерть без предварительного суда. Урегулированы были также налоги [7], введен

Если верно мое отождествление („Опис. пут. в Западн. Китай", II стр. 62) этого города с развалинами „города хана Харчечжи" (Эркэ-хара-бурюк у *Потанина*—„Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия", I, стр. 513; Хара-хото у *Козлова*—„Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-хото" в „Русск. Старине", 1911, отд. отт., стр. 52), то его местоположение в настоящее время нам известно. По определению *Козлова,* op. cit., стр. 54, его географические координаты следующие: широта 41° 45' 40", долгота от Гринвича—101° 5' 14," 85; он находился к востоку от Эцзин-гола, на террасе, омывавшейся водами этой реки, и имел обычный тип китайского города с высокой глинобитной стеной, ориентированной по странам света. Согласно преданию, записанному Козловым, он был взят китайскими войсками после отвода вод Эцзин-гола на запад, в его теперешнее русло. Мне же передавали, что отведены были воды не реки, а того магистрального оросительного канала, на берегу которого стоял город (см. цитир. выше соч., там же), что следует считать более вероятным в виду изменчивости русел степных рек Средней Азии. Так построены Нин-ся, Гань-чжоу, Су-чжоу, Юй-мынь, Ань-си и другие города Западного Китая.

[1] Местоположение его неизвестно.

[2] *Gaubil,* op. cit., стр. 50.

[3] *De Mailla,* op. cit., IX, стр. 127.

[4] О смерти и месте погребения Чингис-хана см. выше стр. 64 и след.

[5] Одним из постановлений „Ясы", т. е. .Сборника наказов" Чингисхана воспрещалось в обращении к кому-либо, не исключая и **хана,** употреблять почетные прозвания и титулы; достаточно было и одного имени *(Березин*— „Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева" в «Труд. вост. отд. И. Археол. Общ.", 1846, VIII, стр. 412). Таким образом в этом случае Угэдэй отступил от одного из существеннейших постановлений Чингис-хана, видевшего в доступности управляющих залог успешного управления государством.

[6] У *Мэн-хуна (Васильев,* op. cit., стр. 232) читаем: „Когда сунский посланник прибыл ко двору Чингис-хана, то свидание произошло без предварительных церемоний, речи велись простые. В этом можно было видеть неиспорченность древности. Ныне, находясь под воздействием цзиньских чиновников, монголы стали уже утрачивать эту простоту отношений: разрушается естественное, заменяясь низкой хитростью (лицемерием). О, это гадко!"

Насколько быстро была утрачена монголами простота взаимных отношений, это лучше всего иллюстрирует рассказ *Рашид эд-Дина о* приеме Хубилаем своего мятежного брата Арик-буги, который при входе в шатер должен был трижды преклонить колена. И эти коленопреклонения стали обязательными не только перед ханами и перед князьями, но и перед чиновниками высших рангов, которые, принимая даже иностранцев, требовали от них стояния на коленях в течение всего времени аудиенции (см. *Березин,* op. cit, стр. 452).

[7] Налоги, взимавшиеся монголами, были крайне обременительны в завоеванных странах, т. е. почти повсеместно в империи. Они взимались в казну хана и отдельно в пользу улусного князя и областного начальника. *Плано Карпини* пишет, что в Монголии считалось, что все—вещи, скот, даже люди составляют собственность императора, почему никто не дерзает об'явить что-либо своим. При таком представлении вполне естественно, что император и его ставленники брали с народа все, что хотели и сколько хотели, да и самими людьми располагали, как хотели. Так же поступали они и с девицами, которых забирали для услуг и с иными целями. Относительно сбора дани в России тот же автор сообщает следующие подробности: .В нашу бытность в России туда прибыл сборщик податей, посланный Гуюк-ханом и Батыем. От каждого, имевшего трех сыновей, он отбирал одного; брал

закон о порядке государственной службы, учреждена казенная почта [1]. Наконец, введены были некоторые административные реформы. Так, северный Китай разделен был на десять провинций, управление коими вверено было китайским чиновникам. Угэдэй вполне усвоил мысль, подсказанную ему министром Елюй Чуцаем: „Империя была завоевана верхом на коне, но управлять ею с седла невозможно".

Все эти нововведения служили лишь продолжением той огромной организационной работы по устроению Монгольского государства, которая совершена была его основателем [2].

Чингис-хан, по словам Рашид эд-Дина, об этой стороне своей деятельности высказывался так: „У степных народов, которых я подчинил своей власти, воровство, грабеж и прелюбодеяние составляли заурядное явление. Сын не повиновался отцу, младший не признавал старшего, муж не доверял ясене, жена не считалась с волей мужа, богатые не помогали бедным, низшие не оказывали почтения высшим, и всюду господствовали самый необузданный произвол и безграничное своеволие. Я положил всему этому конец и ввел у них законность и порядок".

Если и видеть в этом преувеличение, то все же нельзя отрицать, что, дисциплинируя свои войска, Чингис-хан одновременно дисциплинировал и народ, получивший при нем в полной мере военную организацию. Исходя из того положения, что всякий, способный носить оружие, есть уже воин, он разделил кочевников Монголии на десятки, десятки соединил в сотни, тысячи и „тьмы" (десятки тысяч), которые обязаны были беспрекословным подчинением своим начальникам. Удача всех его походов и несметные богатства, доставшиеся на долю его войск, т.

также всех бобылей, незамужних женщин (вдов?) и нищих, с остальных, хотя бы однодневных младенцев, требовал в дань по шкуре медведя, бобра, соболя, чернобурой лисицы и хорька". Не во всех, впрочем, странах установлено было столь высокое обложение; так, с грузинского народа, например, единожды в год взималась определенная сумма денег.

То, что сообщает *Плано Карпини о* налогах, отчасти подтверждается из других источников (см. *Березин*, op. cit.); в общем из всех имеющихся по сему предмету данных мы не получаем ясного представления о налоговой системе, введенной в Монгольской империи, и это, может быть, потому, что монголы всюду в завоеванных землях применялись к существовавшим уже там системам обложения. То же случилось и в Китае, где они, хотя и не без некоторых колебаний, сохранили систему подворного обложения. Податная реформа Угэдэя коснулась, по видимому, только Китая, где был устранен прежний налоговый произвол и были введены совершенно определенные податные оклады.

[1] Казенная почта возникла в Монголии по мысли Чингис-хана, но только при Угэдэе получила законченную организацию по образцу почты во внешних областях Китая. Содержание почтовых станций и при них положенного числа гонцов и животных возложено было на местное население и составило в дальнейшем самую тяжелую из натуральных повинностей, так как станциями стали пользоваться не только ханские послы, требовавшие проводников, лошадей и содержания, но и вообще чиновные особы, отправлявшиеся к месту своего служения или же в отпуск, и даже купцы. В этом отношении характерны следующие три указа времен Монкэ-хана (*Беретн*, op. cit., стр. 461; *d'Ohsson*, op. cit., II, стр. 265, 266):

1. Главные комиссары не должны брать из почтовых животных более 14 голов от яма до яма и тем паче забирать дорогой скот частных лиц. «^

2. Чиновники не должны останавливаться в тех городах и селениях, где у **них** нет прямого дела, и требовать себе содержания свыше положенного.

3. Данное купцам в прежнее время (при Угэдэе) разрешение—пользоваться для своих переездов по Монголии почтовыми лошадьми отменяется. Торговцы ездят по стране ради собственной наживы; пусть же заводят для сего и собственных животных.

[2] Об этой работе из тех скудных материалов, которые дают нам исторические документы той эпохи, составить себе цельное представление едва ли возможно. Даже более того: если в области государственного строительства монголов не ограничиться ^одной лишь деятельностью Чингис-хана, а обнять весь организационный период первых четырех монгольских ханов, то и тогда в этих материалах мы не найдем данных для характеристики хотя бы в общих чертах государственного строя Монгольской монархии. Прямое доказательство тому—попытка *Стратонитскою* (.Монгольское управление покоренным Китаем и Арменией" в .Учен. Зап. И. Лицея в память Цесар. Николая", 1914, VIII) осветить государственное отношение монголов к двум из покоренных ими народов, стоявших выше их по развитию, китайцам и армянам. Из этой попытки так и не получилось того, к чему стремился исследователь, —выяснить, как управляли монголы покоренными Арменией и Китаем.

Правда, *Стратонитский* далеко не исчерпал весь имеющийся по этому предмету материал, но последний не помог бы ему более ярко и полно изложить те начала, коими руководствовались монголы в своих отношениях к покоренным народам.

е. того же народа, создали всем его требованиям значение божеских велений и принимались не только безропотно, но и благоговейно к неуклонному исполнению. При таких условиях и при том под'еме нравственных сил, который был пережит в его время монгольским народом, совершенно допустимо и то нравственное перерождение народных масс, которое ставил себе в заслугу Чингис.

Плано Карпини (1246г.) следующим образом отзывается о монголах: „Между ними не было ссор, драк и убийств; друг к другу они относились дружески и потому тяжбы между ними заводились редко; жены их были целомудренны; грабеж и воровство среди них—неизвестны". Не подметил у них склонности к дракам и ссорам и современник Чингис-хана, китаец Мэн-хун. Ибн-Батута также пишет, что конокрадства у них не существовало, благодаря, будто бы, строгости законов против воровства. Но если обратиться к „Юань-чао-ми-ши", то там мы найдем более, чем нужно, указаний на все те отрицательные качества народного характера, которых не нашли уже у монголов Плано Карпини и Ибн-Батута. Рашид эд-Дин дает также неблагоприятную характеристику татар (монголов): „Ненависть, гнев и зависть, говорит он [1], преобладали в природе их; они прославились убийствами и поражали друг друга ножами и саблями из-за неосторожно сказанных слов подобно курдам и франкам". Если Чингис-хан сумел подавить в кочевниках это свойство их характера и, сплотив их в одну массу, образовать из них организм, не знавший иной воли, кроме его воли, то это было делом, которым он действительно был в праве гордиться. Впрочем, может быть., этой метаморфозе содействовало и то обстоятельство, что Чингис-хан повел монголов по большой дороге завоеваний, где избыток их сил и нашел себе достойное применение;

а засим, как величие, так и полный успех всех его начинаний должны были покорить ему народную душу.

Законы Чингис-хана [2] карали смертью убийство [3], блуд, многоженство, супружескую неверность жены, кражу [4], грабеж, скупку краденого, принятие в услужение или сокрытие беглого раба, невозвращение владельцу утерянного в бою оружия [5], оставление без разрешения порученного поста [6], чародейство, направленное к вреду ближнего, наконец, третий случай потери по беспечности доверенного капитала [7]. Непременным, однако, условием вменения преступления в вину было сознание подсудимого; но благодетельное значение этого постановления ослаблялось допущением пытки упорствующего. Замечу кстати, что и введение

---

[1] «История монголов". «Введение", стр. 49.

[2] Законы или наказы Чингис-хана, как удостоверяют это *Рашид эд-Дин,* арабский путешественник *Ибн-Батута,* арабский писатель *Ахмед Макризи* и армянский ученый *Вирган* (умер в 1271 г.), были изложены на монгольском языке и изданы под названием *Яса.* Этот кодекс до нас не дошел, и *П. Попов* („Яса Чингис хана и Уложение монгольской династии „Юань-чао-дянь-чжан"" в „Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1907, XVII, стр. 151) сомневается даже, существовала ли когда-нибудь *Яса* Чингис-хана в виде такового кодекса, т.е. в письменном виде.

[3] За убийство мусульманина можно было откупиться деньгами: требовалось уплатить потерпевшим сорок золотых балышей (об этой монете см. *Quatremere*—„Histoire des Mongols de la Perse", I, стр. 320): жизнь же китайца оценивалась еще дешевле: довольствовались ослом *(Березин,* op. cit., стр. 414).

[4] У *Марко Поло (Минаев*—„Путешествие Марко Поло", стр. 91) читаем: «Суд творят вот как: кто украдет хотя бы и немного—тому за это семь палочных ударов, или семнадцать, или двадцать семь, или тридцать семь, или сорок семь и так доходят до трехсот семи, увеличивая по десяти, смотря по тому, что украдено. От этих ударов многие помирают. Кто украдет коня или что-либо дорогое—тому за это смерть; мечом разрубают его; а кто может дать выкуп, заплатить против украденного в девять раз, того не убивают". Последнее подтверждает и *Ибн-Батутой [Березин,* op. cit., стр. 414). „У кого, пишет он, находилась украденная лошадь, тот обязан был возвратить ее хозяину с прибавкой девяти таких же лошадей; если же он не в состоянии был этого сделать, то у него отбирались дети; если же и детей у него не было, то его предавали казни".

[5] *У Ахмеда Макризи (Березин,* op. cit., стр. 440) это постановление читается так: „Если кто-нибудь, нападая или отступая, обронит свой вьюк, оружие или часть багажа, то находящийся сзади его должен сойти с коня и возвратить владельцу упавшее; в противном случае он предается смерти".

[6] По видимому, этот закон применялся только в военное время и таким образом в этом перечне является лишним.

[7] У *Макризи* (ib., стр. 410) соответственный закон изложен иначе: „Кто возьмет товар и обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, того предать смерти после третьего раза".

пыток в древнее русское судопроизводство приписывается влиянию монголов. Очевидно, и в Монголии подобно тому, как в Европе того времени, существовала уверенность в вмешательстве небесных сил в дела людского правосудия, которые не могли не помочь невинному вынести незаслуженные страдания и укрепить его телесно и духовно настолько, чтобы не взять на себя несовершенного преступления.

Этот перечень преступлений, каравшихся смертью, конечно, не полон; нам известны случаи осуждения на смерть за, превышение власти, за не вполне точное изложение мыслей Чингис-хана в проекте письма и за некоторые еще менее с современной точки зрения маловажные проступки [1]; тем не менее законы Чингис-хана нельзя назвать строгими, если сравнить их с кровавыми средневековыми законами Европы или даже с „Воинским Уставом" Петра Великого, согласно которому смертная казнь угрожала по 200 артикулам и, между прочим, за такие маловажные проступки, как самовольная порубка в заповедном лесу.

При крайнем абсолютизме государственной власти [2], смешении судебной части с административной [3] и отсутствии других писанных законов, кроме несовершенной „Ясы" [4], нельзя ожидать, чтобы правосудие в Монголии стояло на должной высоте, и, действительно, отзывы современников сходятся на том, что ордынский суд и расправа „вертелись на золотом колесе произвола" [5].

Все последние двадцать лет своего царствования Чингисхан провел в военных походах, и так как inter arma silent leges, то ему самому .неоднократно приходилось отступать от велений „Ясы". Так, например, ею предписывалось щадить добровольно покорившиеся страны и города, между тем он уничтожил Газну из боязни, как бы в будущем этот богатый и многолюдный город не стал опорным пунктом Джелаль-ад-Дина [6]. Если уж Чингис-хан не всегда мог

---

[1] Например, за нарушение некоторых народных предрассудков. По словам *Плана Карпини*, предавался смерти тот, кто мочился в ставке, если не имел средств заплатить шаману за очищение ее. Засим у *Березина,* op. cit, стр. 415, читаем, что человека, подавившегося пищей, протаскивали под ставкой и затем немедленно предавали смерти. Казнили также и того, кто ступал на порог княжеской ставки.

[2] Гуюк так определял свою императорскую власть: исполнять мою волю; являться, когда позову; идти, куда велю; предать смерти всякого, кого назову *(Березин,* op. cit., стр. 422; *Саблуков*—„Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства" в .Изв. Общ. Археологии, Истории и Этнографии при И. Казанск. Унив.", 1896, XIII, стр. 100). При хане находился совет из первых сановников государства, не ограничивавший власти хана, а лишь помогавший ему в управлении. У *Саблукова,* op. cit., стр. 101, читаем: разделение власти с лицами, принадлежащими к его дому, не ограничивало власти хана, как и участие подданных в избрании хана (курултай) было только обрядом, представлявшим лишь с первого взгляда вид зависимости.

[3] У *Рашид эд-Дина* („История монголов". .Введение", стр. 39) говорится, что Монкэ-сэр нойон был старший бек бек и главный судья; но, по видимому, судейские обязанности ему пришлось выполнять только однажды, а именно, при расследовании заговора против Монкэ-хана, когда он был назначен старшим судьей, О Чжурмагун (Чирмагун) нойоне говорится, что он был одновременно начальником монгольских войск, расположенных в Персии, правителем страны и судьей *(Березин,* op. cit., стр. 451).

[4] См. выше стр. 438, сноску 1.

[5] Сохранилась русская песня о Щелкане Дудентьевиче, назначенном в Тверь главным судьей: .А немного он судьею сидел", так как был растерзан толпой за то, что „и вдов-то бесчестити, красны девицы позорити, надо всеми поругатися, над домами насмехатися", В «Истории Государства Российского" *Карамзина,* примеч. 396 к IV т. (5-ое издание), читаем: В дни правосудного хана Узбека послы его, Сабанчий и Казна-чий, злодействовали в Ростове, лютый Кочка (1318 г.) убил в Костроме 120 человек, ограбил Ростов, жег села, храмы, монастыри, брал в полон жителей, ибо власть закона не удерживала злодеев (цитир. у Саблукова, op. cit, стр. 103).

Чингис-хан стремился, однако, всегда к тому, чтобы поддержать в стране правосудие. Замечательно его наставление сыновьям, сказанное при представлении им старших офицеров тех частей армии, которые отходили под их непосредственное командование *[d'Ohsson,* op. cit., II, стр. 6—7): «Если когда-либо кто-нибудь из них совершит проступок, не берите на себя роль судьи, ибо вы—молоды, они же—заслуженные люди. Советуйтесь со мной: меня не станет—советуйтесь между собой и только после сего поступайте по закону. Но при этом преступление должно быть доказано и подтверждено сознанием подсудимого. Подвергаясь наказанию, он должен сознавать, что с ним поступлено по закону, а не под влиянием вспышки гнева или других причин, влиявших на его осуждение". Сколь мало это ему удавалось, свидетельствуют следующие слова Елюй-Чуцая, обращенные к супруге Угэдэя: „Высшие чины империи торгуют должностями и правосудием, и монгольские тюрьмы переполнены ныне людьми, вся вина которых заключалась лишь в том, что они сопротивлялись насилию вымогателей" *(d'Ohsson,* op. cit, II, стр. 86).

[6] Та же судьба постигла и многолюдный Балх *(d'Ohsson,* op. cit, I, стр. 272).

согласовать свои действия с предписаниями „Ясы", то могла ли она соблюдаться даже в первое время его ближайшими преемниками? Конечно, нет, и на это указывают те суровые кары, которые постигали нарушителей ее, хотя бы то были члены ханской семьи.

Война—не время для проведения широких реформ в области гражданского управления; да степь и не нуждалась в подобных реформах, раз не имелось в виду колебать ее кочевого строя, и Чингис-хан оставил ее в покое [1], отдав все силы своего организаторского таланта военному делу.

Иванин [2], называя Чингис-хана творцом нового военного искусства и об'ясняя огромные военные успехи монголов хорошим устройством войск, их большою выносливостью и уверенностью в превосходстве своего военного искусства, наконец, прекрасными, частью заимствованными у китайцев, военными и политическими правилами, не говорит, однако, в чем же заключалось творчество Чингис-хана как полководца и организатора военных сил государства. В нижеследующих строках я делаю попытку восполнить этот пробел.

Чингис-хан рано понял, что небольшая, но дисциплинированная и обильно всем снабженная армия представляет существеннейший залог военного успеха, и первые его действия были направлены к тому, чтобы из вооруженной толпы, какую до него обычно представляли армии кочевников, создать дисциплинированное и хорошо обученное войско, и до отзывам современников он достиг в этом отношении поразительных результатов, сумев внушить своим воинам от темника до рядового, что неповиновение высшему командованию является тягчайшим из преступлений [3]. Этой железной дисциплине, заставлявшей людей отстаивать вверенное им дело иногда до последнего человека, Чингис-хан обязан был многими своими победами. „Введенным мной порядку и дисциплине, говаривав он, обязан я тем, что могущество мое, подобно молодой луне, растет со дня на день, и что я заслужил благоволение неба, уважение и покорность земли" [4]. Требуя от своих войск беспрекословного повиновения, самоотверженной и огромной работы, Чингис не переступал, однако, в этом отношении пределов возможного для человека и заботливо относился к сохранению армией сил и боеспособности. Это видно из следующего обращения его к своим офицерам [5]: „Нет человека храбрее Есутая. Как воин, он стоит выше всех. Но так как самый длинный переход не утомляет его, так как он способен выносить голод и жажду, как никто, он полагает, что тою же способностью обладает и остальное человечество. Вот почему он не годится в военачальники. Командующий должен быть чувствителен и к голоду, и к жажде, и к усталости, дабы понимать, что чувствуют те, коими он командует. Необходимо, чтобы он бережно относился к силам порученных ему людей и животных и шел шагом слабейшего". Вообще же о командном составе он рассуждал так: „всякий, кто сумел организовать и обучить свой десяток, кто готов по первому приказанию выступить с ним в поход, тот достоин получить в командование тысячу и десять тысяч, но сотник или тысячник, не справившийся с своей задачей, должен быть

---

[1] В этой области заслуживают внимания только произведенные им работы по размежеванию пастбищных угодий между отдельными группами населения (родами? улусами?). Современники сообщают *(Березин,* op. cit., стр. 421), что «никто не смел жить нигде кроме того места, которое великий хан ему назначил. Он назначает где кочевать воеводам, тысячники—сотникам, сотники—десятникам".

[2] ,0 военном искусстве и завоеваниях монголов", стр. 5.

[3] Согласно одному из постановлений Ясы, начальник отряда, охраняющий известный пост, по личной инициативе не мог сойти с него даже для подания помощи другому посту или отряду, хотя бы то требовалось обстоятельствами дела, и никто не должен был принимать от него таковой помощи. За нарушение этого постановления назначалась смертная казнь.

Современники пишут: „Император татарский имеет удивительную власть над всеми. Что бы ни приказал, в какое бы ни было время и где бы то ни было, на войну ли, на смерть ли, на жизнь ли, все это исполняют они без прекословия".

Безграничное повиновение высшему командованию доведено было до того, что виновный военачальник покорно ложился, чтобы получить назначенное ему число палочных ударов, или подставлял шею под меч того, кому поручено было исполнение приговора, хотя бы то был человек из народа.

[4] *D'Ohsson,* op. cit., I, стр. 392.

[5] *Березин,* op. cit, стр. 486; *d'Ohsson,* op. cit., I, стр. 403.

немедленно устранен и предан казни: он сам, его жены и дети" [1].

Все эти принципы были новы не только в степи, но и в остальной Азии, где, по словам Джувейни, господствовали совершенно иные военные порядки, где самовластие и злоупотребления военачальников вошли в обычай и где мобилизация войск требовала месяцев времени, так как командный состав никогда не содержал в готовности положенного по штату числа солдат.

Начиная с 1206 года Чингис-хан вел только наступательные войны. Вторжению предшествовала разведка и ознакомление с внутренним положением государства и состоянием его вооруженных сил, для чего все средства признавались пригодными. Если представлялось возможным, его эмиссары об'единяли недовольных, склоняли их к измене подкупом, поселяли взаимное недоверие среди союзников [2], создавали внутренние осложнения в государстве [3]. Вступая в его пределы, Чингис-хан вносил в него террор. Полное пренебрежение к человеческим чувствам позволяло ему противопоставлять народные массы враждебного государства вооруженным силам последнего и пеной бессчетного количества жизней некомбатантов добиваться падения укрепленных городов и крепостей.

В „Ган-му" [4] говорится, что для взятия городов монголы сгоняли население окрестных поселков. Во время штурма отцы узнавали сыновей, старшие братья—младших, и это обыкновенно настолько парализовало их силы, что города сдавались монголам один за другим. Прием этот, впервые испытанный в провинции Шань-си, был затем хорошо использован Чингисханом в Хорезмской империи, где для осадных работ, для заполнения рвов мешками с землей, даже для штурма посылались почти исключительно или пленные [5] или контингенты войск, выставленных добровольно покорившимися правителями и городами; иногда, как, например, в Бухаре, дело доходило даже до того, что монголы принуждали городское население штурмовать цитадель собственного города [6], и это, до тех пор еще неслыханное по своей жестокости обращение с человеческим материалом, вытекавшее, однако, из натуры Чингис-хана, который по собственному признанию находил высшее ^ наслаждение не только в отнятии у поверженного врага всего ^ того, чем тот дорожил, но и в обесчещеньи его жен и дочерей [7], наводило такой ужас на мусульман [8], что обеспечивало даже слабым отрядам

---

[1] *Березин,* op. cit, стр. 484—485; *d'Ohsson,* op. cit,, I, стр. 391.

[2] Когда Чжебэ и Субутай вышли в долину низовий р. Терека, им противостали соединенные силы кипчаков, черкесов, лезгин и аланов. Видя невозможность сломить сопротивление этих масс, монголы подослали к кипчакам опытных искусителей и путем подкупа склонили их отделиться от остальных союзников, а засим разбили порознь тех и других *(d'Ohsson,* op. cit., стр. 337; *Desmaisons,* op. cit., II, стр. 129—130).

[3] По словам *Несеви,* чтобы увеличить недоверие хорезмшаха к своим военачальникам, Чингис-хан приказал составить от имени последних подложное письмо с предложением ему своих услуг, которое затем и подбросить Ала ад-Дину *(Бартольд* —„Туркестан в эпоху монгольского нашествия", II, стр. 451). *D'Ohsson,* op. cit., I, стр. 215, почему-то сомневается в действительности этого факта.

[4] *Иакинф*—„ Аист. перв. четыр. хан. из дома Чингис.", стр.66. *Мэн-хун* также пишет, что монголы сгоняли сельское население к городским стенам, заставляя их землей, камнями и бревнами заполнять крепостные рвы до их уровня и убивая при этом тех, кто не поспевал за остальными. При таком способе взятия городов, замечает тот же автор далее, гибли обыкновенно десятки тысяч народа. См. также *Gnubil,* op. cit., стр. 22.

[5] Для взятия Нусрет-куха Чингис-хан предписал согнать огромное число пленных и, образовав из них штурмовые колонны, бросил их на крепость впереди своих войск, которым отдал приказ убивать каждого, кто отступит *(d'Ohsson,* op. cit, I, стр. 273).

[6] *D'Ohsson,* op. cit, I, стр. 232.

[7] *D'Ohsson,* op. cit., I, стр. 404. Современник Чингис-хана, *Ибн-ал-Асир* в следующих выражениях описывает омерзительную сцену, последовавшую за взятием Бухары: „Это был ужасный день! Среди десятков тысяч народа, выведенных за город, был слышен только плач мужчин, женщин и детей, расставшихся навсегда. Варвары тут же на глазах всех этих несчастных, посягали на стыдливость доставшихся им женщин, и многие из мужчин, не смогшие вынести непристойности этого зрелища, тут же лишали себя жизни. Так погибли кади Бедр ад-Дин, имам Рукн ад-Дин и его сын, которые пали, защищая честь своих жен" *{d'Ohsson,* op. cit., I, стр. 233—234; *Тизенгаузен,* op. cit, стр. 10).

[8] *D'Ohsson,* I, стр. 278, приводит следующий рассказ очевидца всех этих ужасов: .Когда варвары вторгались в какой-нибудь населенный район, они собирали крестьян и гнали их к городу, который намеревались взять, для того, чтобы приставить их к осадным машинам. Ужас' и отчаяние становились настолько всеобщими, что уже захваченный в плен чувствовал себя увереннее, чем оставшийся дома, ибо участь, которую ему готовили монголы,

монголов победу над во много раз сильнейшим врагом.

Чингис-хан никогда не избегал случая нанести неприятелю решительный удар в генеральном сражении, но такие случаи открывались ему только в начале его боевой карьеры, когда его противники еще не были достаточно знакомы с его уменьем руководить боем; вся же четырехлетняя компания его на западе и закончившиеся только после его смерти войны в северном Китае прошли преимущественно в осаде и взятии крепостей и укрепленных городов. Но как бы ни слагался ход военных событий, он всегда держался принципа, рекомендуемого современной стратегией, и с удивительной настойчивостью развивал одержанный успех до полного истощения нравственных и материальных сил противника. Его упорство в достижении намеченной цели как нельзя лучше характеризуется его приказом напоминать ему перед каждой едой, что Тангутское царство еще не переставало существовать [1].

Благодаря обширной практике, искусство брать крепости достигло у монголов большого совершенства, и вскоре в этом отношении они даже превзошли своих учителей, китайских и персидских инженеров [2], найдя возможным применять метательные орудия в открытом бою и вводя в действие против крепостей неслыханное до того времени число этих последних [3], что в связи с ведением ими штурмовых операций силами пленных и набранных реквизиционным порядком рабочих отдавало в их руки сильнейшие крепости после сравнительно непродолжительного сопротивления. Рассказывают, что, приступая к осаде Нишабура, Тулуй приказал изготовить 3.000 баллист, 300 катапульт, 700 машин для метания горшков с зажженной нефтью, 4.000 штурмовых лестниц и 2.500 вьюков камня для бросания из баллист [4], и можно ли удивляться, что такое численное превосходство в осадных орудиях и перспектива в первую голову убивать своих же сородичей, может быть даже родственников, должны были действовать на городской гарнизон самым угнетающим образом и тем в значительной мере ослабить его силу сопротивления.

Наступление Чингис-хан вел всегда широким фронтом, преследуя при этом три цели: облегчить продовольствие войск, уничтожить путем разорения страны материальные ресурсы противника [5] и раз'единить его силы [6], так как, благодаря организации своей конницы, выступавшей обыкновенно в поход с заводными лошадьми, он имел большую возможность, чем неприятель, сосредоточить к полю сражения возможно большее количество войск и таким образом в нужном пункте оказаться сильнее последнего. Впрочем, в этой части стратегия Чингисхана не представляет чего-либо нового. В той же степи, за столетие до Р. Х., она уже применялась китайцами, которые в целях более успешной борьбы с хуннами перешли от обороны к наступлению и ради этого впервые ввели у себя кавалерию, обученную стрелять из лука в конном строю, и повели наступление несколькими колоннами, сметая на пути стойбища

была ему неизвестна".

[1] „Юань-чао-ми-ши", стр. 152.

[2] См., например, *Gaubil*, op.cit., стр. 34, а также ниже—войны в Персии и Китае.

[3] И рабочие и материалы для этих орудий получались на месте реквизиционным порядком; при этом монголы ничем не стеснялись и истребляли, например, ценные тутовые и платановые насаждения на изготовление ядер для катапульт и баллист.

[4] *D'Ohsson*, op. cit., I, стр. 289.

[5] Эта цель разгадана была уже его современниками. В „Ган-му" *(Иакинф,* op. cit., стр. 84—85) приводится следующее представление прокурорского приказа цзиньскому императору. Неприятельские войска глубоко проникли в империю и уже приближаются к западному предместью столицы. Но так как им известна многочисленность гарнизона, то, не приступая пока к осаде, они стараются прервать сообщение города с окрестной страной, уничтожая селения и города и занимая дороги. Этими действиями они стремятся поставить в затруднительное положение столицу, и действительно, если ограничиться одной лишь защитой городов, то на ее долю выпадут более тяжелые бедствия, чем те, которые испытал Чжун-цзин (Пекин), пищевые запасы которого были во много раз большими, чем у нас. Вот от чего леденеет сердце. Поэтому необходимо немедленно приказать войскам, стоящим в Шэнь-чжоу (Хэ-нань-фу), выступить к Тун-ганю и одновременно организовать несколько легких отрядов под начальством распорядительных и отважных офицеров для действий против таких же отрядов монголов, рыскающих в окрестностях столицы. Такие же отряды должны быть сформированы и в стране к северу от Желтой реки (Хэ-бэй).

[6] Хорезмшах и цзиньские военные власти в значительной степени облегчили ему эту задачу, раздробив свои силы и перейдя к обороне отдельных городов.

кочевников [1]. Той же стратегии держались и кочевники Монголии, обыкновенно отступавшие, однако, перед перспективой брать города и становившиеся господами Китая лишь в смутные моменты жизни этого государства. При менее благоприятной политической кон'юнктуре пришлось действовать Чингис-хану, и в результате—семнадцати лет непрерывных военных успехов оказалось недостаточно, чтобы сломить сопротивление Цзиньской империи, которая окончательно пала только в 1234 году. Столь продолжительная борьба, выдержанная чжурчженями, об'ясняется до некоторой степени малочисленностью монгольских сил, оперировавших в северном Китае. Армия, которую оставил после себя Чингис-хан, насчитывала едва 130 тысяч человек монгольских воинов [2], и только его военный гений и выдающиеся организаторские способности давали ему возможность разбросать эти небольшие силы на огромном пространстве от Кореи до Кавказа и Инда, оставаясь повсюду сильным настолько, чтобы подавить малейшую попытку к восстанию. Современники пишут, что Чингис-хан двигал многотысячными армиями, составленными исключительно из контингентов, набранных среди покоренных народов. Если это и так [3], то надо было все нее иметь достаточно силы и обаяния, чтобы вести в бой такие войска.

История Средней Азии знает не мало примеров, когда победители, по выражению китайских историков, геройствовали силачи покоренных народов; одинаковым образом действовали и китайцы, искусно пользуясь раздорами кочевников в завоевательных целях. Но масштаб этих прецедентов не может быть поставлен в уровень с тем, что мы видим в эпоху Чингисхана. Только турки в этом отношении до некоторой степени приблизились к монголам, но и они не отваживались бросать одну часть народа на другую и формировать войска из горожан только что покоренных владений. Вообще легче представить себе БАТЫЯ во главе миллиона войск, набранных среди кипчаков, канглов и других кочевников [4], воителей par excellence, охотно становившихся под знамена сильных вождей, не разбирая их национальное ги, чем Угэдэя в роли полководца небольшой армии, набранной среди чжурчженей и северных китайцев и предназначенной для разорения и покорения под монгольскую пяту их сородичей [5]. Впрочем события той эпохи нам еще так мало известны, что правильные выводы из них едва ли возможны, и если я тем не менее счел необходимым на них остановиться, то лишь для того, чтобы оттенить те условия, в каких пришлось действовать Чингис-хану.

По мере вторжения вглубь страны неприятеля для обеспечения и устройства сообщений в тылу армий приходится занимать важнейшие пункты гарнизонами, устраивать этапы и т.п., что требует большого расхода войсковых частей; в виду малочисленности монгольских войск

---

[1] См. выше стр. 104.

[2] *D'Ohsson,* op. cit., II, стр. 3. В состав этой армии вошли кроме коренных монголов 10,000 киданей и 10,000 чжурчженей, испытанная преданность коих давала Чингис-хану основание к зачислению **их** в состав монгольских корпусов. *Howorth*—„History of the Mongols", I, стр. 115, приводит большую цифру, а именно 230,000, но он вводит в нее войска Мухури (52,000) и Бургуджи нойона (47,000), состоявшие главным образом из немонгольских частей. Ту же цифру дает и *v. Erdmann*—„Temudschin der Unerschutterliche", стр. 446—455, приводя вместе с тем на основании данных, заимствованных у *Рашида,* подробный перечень всех войсковых частей основной армии Чингис-хана (130,000 чел.).

[3] В „Ган-му" *(Иакинф,* op. cit., стр. 65) читаем: Чингис-хан, оставя часть войск по северную сторону Пекина, разделил 46 китайских дивизий, а равно монгольские войска, на три армии и, поставив во главе западной своих сыновей Джучи, Джагатая и Угэдэя, послал их на юг опустошать страну между городами Пин-ян и Тай-юань. См. также *Gaubil,* op. cit., стр. 57.

Таких примеров можно привести очень много.

[4] *Береэин,* op. cit., стр. 446; *Саблуков,* op. cit., стр. 104—105.

[5] На это можно возразить, что в эту эпоху национальное чувство не пробуждалось еще с особенной силой в народных массах и что даже в Европе, при том в начале XIX столетия, принцип национальности был настолько мало понятен, что мог состояться так называемый рейнский союз немецких государств, обязавшийся содержать для Наполеона 63-тысячный корпус войск, который и сражался в Пруссии в 1806 году. Мне кажется, однако, что в основе такого возражения лежало бы неверное освещение фактов, ибо нельзя смешивать политику монархов с совершенно естественным чувством народной солидарности; взрыв национальных чувств, охвативший немецкие земли в 1813—1814 годах, служит тому доказательством. Засим следует иметь также в виду, что в начале XIX столетия в немец-

Чингис-хан лишен был этой возможности [1], почему, как указывалось уже выше [2], и обеспечивал свой тыл уничтожением крупнейших центров оседлости. Для него это было необходимостью, от которой он отступал только в исключительных случаях [3].

В заключение мне остается еще отметить, что Чингис-хан вел компании, по видимому, без выработанного заранее плана, который если и составлялся, то обнимал только постановку ближайшей цели, не переходя за пределы первых столкновений с неприятелем.

Подводя итог вышеизложенному, следует сказать, что Чингис-хан держался тех положений, которые признаются важнейшими и современными тактикой и стратегией.

Возвращаюсь к изложению хода исторических событий в Средней .Азии после смерти этого великого монгола.

На том же совете монгольских князей, который провозгласил Угэдэя ханом, было решено продолжать завоевательную политику Чингис-хана и с этой целью отправить войска: в Персию против Джалаль-ад-Дина, который, воспользовавшись отходом монгольских войск на восток, успел уже вернуть часть отцовских владений, в Тургайскую область и на Волгу против болгар и кипчаков и, наконец, на юг, в Китай, где общее положение дел приняло явно неблагоприятный оборот для монголов.

В этих государствах не существовало еще национальных армий; они комплектовались вербовкой, насчитывали свыше 50% иностранцев и носили явно космополитический характер. Что касается Китая, то там сильное национальное чувство умело проявляться за долго до эпохи Чингис-хана.

В период регентства Тулуя (1227—1229 г.г.) военные операции в Северном Китае не прекращались, хотя и велись, монголами без должной энергии. Мухури скончался еще в 1223 году, его же преемники, не имея его талантов, стали более заботиться об удержании захваченной территории, чем о новых завоеваниях; все же к концу 1227 года покорение юго-восточной Гань-су [4] и южной Шэнь-си к югу от реки Вэй было закончено, и монгольские владения на этом участке границы сошлись с владениями Сунской империи. Но в 1228 году монголов постигла крупная неудача под селением Да-чан-юань [5], и так как это была первая ^решительная победа [6] чжурчженей за истекшие восемнадцать лет непрерывной борьбы с монголами, то победитель Вань-янь Чэнь-хо-шан удостоился чрезвычайных наград, как равно и его войска, навербованные среди уйгуров, тангутов, маней, тогонцев [7] и беглых китайцев—„людей, по словам „Ган-му", наглых, хищных и необузданных", которых, однако, Чэнь-хо-шан сумел не только укротить, но и подчинить строжайшей дисциплине. Эта неудача монголов повлекла за собой отпадение почти всей Шэнь-си [8] и вызвала , ^ выступление Тулуя с мирными предложениями. Но цзиньский \ главнокомандующий Ира-буха, принудивший монголов снять [.;

осаду и отступить от Цин-ян-фу (в 1230 г.), вернул монгольских . ^ послов к Тулую с таким высокомерным ответом: "„Я привел свои войска в порядок, и если ты не потерял еще охоты драться, то приходи". Это был вызов, на который не могли не отозваться монголы.

---

[1] Он оставлял под охраной небольших монгольских отрядов только войсковые обозы.

[2] Стр. 441.

[3] Так, например, он не тронул городов нынешней Семиреченской 0'бласти, сдав1цйхся ему без сопротивления.

[4] Здесь был взят последний оплот цзиньцев—город Си-хэ-чжоу.

[5] *D'Ohsson,* op. cit, II, стр. 17, полагает, что это селение находилось близь Цин-ян-фу, но это означало бы, что монголы потеряли перед тем все свои завоевания в Шэнь-си, между тем у *Иакинфа,* op. cit., стр. 146, сказано, что монгольские войска в 1228 году „вступили" в Да-чан-юань.

[6] Вероятно, размеры этого поражения были преувеличены. *Иакинф,* op. cit., стр. 47, пишет: , Чэнь-хо-шан сражался за престол, почему для вящей его похвалы и написано *совершенно разбил".*

[7] *Иакинф,* op. cit., стр. 146. На сколько мне известно, это последнее упоминание китайской истории об этом народе.

[8] В ,Ган-му" говорится, что войска Чэнь-хо-шана первые всходили на городские стены, первые устремлялись на на неприятельские ряды в открытом бою, составляя опору прочих корпусов цзиньской армии, что указывает на ряд дальнейших столкновений между монгольскими и цзиньскими войсками притом с неблагоприятным исходом для монголов. Из дальнейшего впрочем следует, что Чэнь-хо-шан разбил монголов еще в двух пунктах: под Вэй-хой-фу и Дао-хой-гу.

Во главе войск, посланных советом князей в Китай [1], стояли Угэдэй и Тулуй; авангардом командовал один из лучших полководцев Чингис-хана—Чжебэ.

Пройдя без столкновений с цзиньскими войсками северную часть Шэнь-си, монголы в треугольнике между городами Цзин-чжоу, Фын-сян и Тун-чжоу уничтожили до шестидесяти укрепленных пунктов и, переправившись через реку Вэй, взяли приступом город Хуа-чжоу; тогда главные силы цзиньцев отступили на восток и сосредоточились у города Вынь-сянь.

В 1231 году после упорного сопротивления пали города Фын-сян, Ои-ань-фу и Хэ-чжун [2]. [2]. Не довольствуясь, однако, 'возвращением утраченной было территории, Угэдэй решил вторгнуться в пределы Цзиньской империи, дабы навсегда покончить с этой державой, но так как на пути монгольских войск находились трудно доступные и хорошо защищенные горы T'fe-лин-шань, форсирование которых могло бы надолго задержать монголов, то он решил осуществить план, рекомендованный еще Чингис-ханом, и обойти эти горы с юга, долиной Хань-цзяна, т. е. по территории Сунской империи, ради чего и обратился с соответственной просьбой к сунскому императору. В пограничном китайском городке его посол был, однако, убит, и это фатальное обстоятельство дало повод монголам силой занять нужную им территорию. Таким образом возникла война, поставившая монголов против всего Китая и одновременно против Кореи, решившей использовать этот момент для свержения монгольского ига. С Кореей монголы справились быстро, что касается Сунской империи, то борьба с нею, столь, же упорная, как и с Цзиньской империей, закончилась только в 1280 году.

Монголы вторглись в Южный Китай двумя колоннами. Главные силы под начальством Тулуя после взятия .города Сиы-юань, ныне Хань-чжун-фу, двинулись на восток долиной реки Хань-цзяна, вспомогательный же отряд, назначенный для прикрытия их тыла со стороны Ы-чуани, занял долину реки Цзя-линь-цзян на юг от города Нань-бу-сянь.

Цзиньские полководцы встретили Тулуя между городами Нань-ян-фу и Юй-чжоу [3], но это это первое столкновение, несмотря на проявленное с обеих сторон упорство, не имело решительного исхода. Тем не менее, Тулуй счел необходимым отступить за реку Хань-цзян, но оставался там недолго, и когда получил известие, что главные силы монголов по льду перешли Желтую реку, то быстро двинулся им навстречу и, несмотря на неоднократные попытки цзиньской армии преградить ему путь [4], все же достиг города Юй-чжоу на реке Цин-хэ, где и соединился с армией Угэдэя. Чжурчжени оказались здесь почти окруженными монголами; имея, однако, во главе таких полководцев, как Ира-буха, Вань-янь Хада и Вань-янь Чэнь-хо-шан, они решили дорого продать свою жизнь. Принужденные принять бой при невыгодных для себя условиях, они потерпели поражение и, отступив к Юй-чжоу, заперлись в этом городе. Но он был взят, и все его защитники перебиты [5].

---

[1] Кроме войск, стоявших в Монголии, сюда направлена была также часть сил, находившихся в распоряжении Джагатая („Юань-чао-ми-ши", стр. 153).

[2] Ныне Пу-чжоу в провинции Шань-си. Он пал позднее других городов *(Иакинф,* op. cit, стр. 162; *d'Ohsson,* II, стр. 25—26; *de Mailla,* op. cit, IX, стр. 144).

[3] *D'Ohsson,* Op. cit, II, стр. 25, пишет: „к юго-западу от Нань-ян-фу".

[4] Этот переход с юга на север Хэ-нани зимой представил огромные трудности как для монголов, остававшихся по суткам без пищи, так и в особенности для цзиньской армии, которая, будучи составлена главным образом из пехотных частей, получила задачу сдержать неприятеля. Этой задачи выполнить она не могла, благодаря своей сравнительной малочисленности, не позволявшей ей занять фронт настолько широкий, чтобы помешать охвату флангов. Под давлением этого охвата ее отступление скоро приняло беспорядочный характер, и только военный талант ее полководцев хранил ее от преждевременного разгрома.

[5] Китайские летописцы пишут, что обстоятельства смерти Чэнь-хо-шана и доныне производят впечатление на читателей. Когда он был схвачен, он велел отвести себя к Тулую, и' на вопрос последнего: кто он— отвечал: „Я— полководец Чэнь-хо-шан, разбивший монголов под Да-чан-юанем, Вэй-чжоу и Дао-хой-гу. Если бы я был убит в схватке, то могли бы подумать, что я скрылся и изменил отечеству; теперь же будут знать, каким образом я умер". Так как он отказался преклонить колена перед Тулуем, то палач отрубил ему ноги; но даже и после того, как ему разорвали рот до ушей, он не переставал кричать: „Никогда до этого не унижусь!" Потрясенные этим ужаснем зрелищем, монгольские офицеры, делая возлияние кумысом, молили: «Великий воин! если когда-либо ты вновь возродишься, то удостой этим нашу землю!"

Не менее славно погиб и Хада. Он был захвачен монголами Субутая. Перед казнью он пожелал видеть этого полководца и на вопрос последнего, что побудило его этого добиваться, ответил: „Твое чрезвычайное мужество.

Засим монголы разлились по Хэ-нани и овладели городами Шань-чжоу, Суы-чжоу, Жу-чжоу, Оюй-чжоу, Чжэн-чжоу, Оуй-чясоу, Чэнь-чжоу, Бо-чжоу, Ин-чжоу, Шоу-чжоу и некоторыми другими, менее значительными, т е. не только центральной частью этой провинции, но и прилегающими частями провинций Ань-хой и Цзян-су. Одновременно цзиньские войска, охранявшие проходы через T'fe-лия-шань и имевшие свою штаб-квартиру в городке Вынь-сян-сянь, атакованные с тыла, частью принуждены были положить оружие, частью бежали вглубь гор, где и погибли от голода, стужи и меча монголов. Таким образом империя осталась без защитников, и дальнейшая борьба ее, хотя и затянувшаяся на два года, представляла уже только агонию государства, в котором растерявшееся правительство, спасая себя от гибели, металось из города в город, пока, наконец, не пал последний оплот его—город Цай-чжоу (1234 г.) [1].

Но и монголам победа эта досталась не дешевой ценой, что явствует -из того, что Угэдэю пришлось не только оставить завоеванную территорию Сунской империи, но и просить у императора Ли-цзуна о присылке вспомогательного корпуса [2], что и было последним исполнено после того, как монголы обязались уступить ему часть земель Цзиньской империи, а именно, почти всю Хэ-нань. Упорство, проявленное чжурчженями в защите своих городов, было необычайное; в некоторых случаях жители доходили даже до каннибализма [3]. В обороне стен принимало участие не только все мужское население, но и женщины; когда недоставало наконечников для стрел, их заменяли монетой, когда не хватало стрел у собирали монгольские и, разрезая их на части, стреляли такими обрезками из особых, изобретенных тогда же, снарядов. Примеры необыкновенной стойкости и мужества были бесчисленны. Но все это не могло заменить собой отсутствия организованной обороны и твердой власти в стране: последний император Нин-цзя-су имел достаточно силы воли, чтобы покончить с собой, но был настолько легкомыслен, что, благополучно добравшись до Цай-чжоу, последнего из оставшихся у него городов, издал приказ о немедленном наборе в нем „дворцовых девиц- и устройстве садов для отдохновения и прогулок" [4].

Тулуй не дожил до падения Цзиньской империи. После утомительного хэнаньского похода [5] он хотел провести летние месяцы на берегах О нона, но там его постигла болезнь, от которой он и умер в октябре 1232 года.

Войска, посланные Угадаем в Персию, застали эту страну в полном восстании.

Потеряв свою армию на берегах Инда [6], Джелаль ад-Дин, преследуемый монголами, успел тем не менее сравнительно благополучно [7] добраться до Дели [8]; но пребывание его здесь было небезопасным, так как местный султан, внешним образом оказывая ему почет, искал только

Небо, а не случай, родит героев! И так как я теперь тебя видел, то спокойно пойду на казнь".

Не изменил своему государю и Ира-буха, который на настойчивые предложения Тулуя—перейти на службу Угэдэю, неизменно ответствовал:

„я сановник империи Цзинь; таким и умру". Он был также казнен.

[1] У 7. *Dyer Ball*—.Things Chinese or notes connected with China", стр. 412, имеется указание, что после падения Цзиньской империи остаток чжурчженей возвратнлись в Маньчжурию на берега Сунгари и средней Ляо-хэ, где и поселились.

[2] Монголы дважды отправляли своих послов к сунскому императору, уговаривая его вступить с ними в союз против чжурчженей *(Иакинф,* OR. ^ стр. 192).

[3] В „Ган-му" читаем: „Городское управление приказало умертвить старых и малолетних и топило из них сало. Ужасно даже слышать ,об этом! Когда о сем узнал сунский полководец Мын-хун, то немедленно послал Дао-ши умолять жителей сдаться, дабы прекратить это страшное дело, но его не послушали". И еще: «Одни в виду других умирали от голода. Чиновники и жены их просили милостыню на улицах. Некоторые дошли до того, что ели своих жен и детей. Всякие изделия из кожи варили для утоления голода... Дома знаменитых жителей, лавки и трактиры, все было сломано на дрова..."

[4] *Иакинф,* op. cit, стр. 219.

[5] *D'Obsson,* op. cit, II, стр. 30.

[6] См. выше стр. 430—431. *Hondas,* op. cit., стр. 139.

[7] Об его столкновениях с местными князьками, из коих он неизменно выходил победителем, см. *Houdas,* op. cit., стр. 143 и след.

[8] Шемс ад-Дин Ильтумиш, владетель Дели, по словам *Несеви (Houdas,* op. cit, стр. 150), выставила было против него огромные силы;

случая его погубить и даже вступил в этих видах в союз индийских князей, поставивших себе целью силой изгнать его из своих владений [1]. На его счастье из Ирака к нему подошло значительное подкрепление, давшее ему возможность не только благополучно отойти к р. Инду, но и разбить на пути войска княжества Оинд. Его мечтой было, однако, вернуть отцовские земли, и потому, не развивая своего успеха в Индии, он покинул эту страну и прямой дорогой через пустыню направился в Персию.

В Кирман он вступил во главе 4.000 всадников [2], но в этой провинции он не встретил сопротивления, как равно и в Фарсистане, где правитель Шираза поспешил выслать ему навстречу своего сына и почетный эскорт из 500 всадников. Иную встречу нашел он в провинции Ирак Аджеми, где незадолго перед тем успел утвердиться его младший брат Гияс. который не пожелал добровольно уступить ему свою власть;

•но он принужден был это сделать после того, как обнаружилось, что большая часть его войск перешла под знамена Дже-лаль ад-Дина. Когда же весть о сем обошла Персию, то и правители городов Мазандарана и Хорасана, водворившиеся там после ухода монголов, поспешили ему подчиниться. Таким

100.000 чел. пехоты, 30.000 чел. кавалерии и 300 боевых слонов; но число врагов никогда не смущало Джелаля, и он с своим ничтожным отрядом не задумался принять этот вызов. Он отважно напал на часть этой армии, причем его авангард совершенно неожиданно для себя оказался в центре расположения противника, который, полагаясь на свою многочисленность, не принял' никаких мер предосторожности. Это обстоятельство до такой степени потрясло Шемс ад-Дина, что он немедленно выслал парламентеров с предложением мира. Сказочные успехи Джелаля в Индии тем более замечательны, что тамошние государства представляли в то время далеко не легкую добычу для завоевателей, что и показали дальнейшие попытки монгольских властителей овладеть этой страной.

---

[1] *Houdas, op.* cit, стр. 151.

[2] Состояние этого отряда после перехода через пустыню оказалось ужасным; большинство потеряло в пути своих лошадей и ехало частью на ослах, взятых из состава обоза. Но во главе его стоял Джелаль, и это одно обстоятельство обеспечивало ему успех в решении предстоявшей задачи—обратного завоевания Персии *(Houdas,* op. cit., стр. 157J!

образом к концу 1224 года Джелаль ад-Дин явился ирвенаа-ным властителем той части Персии, которая некогда входила в состав Хорезмской державы [1].

Он принял ее разоренной, разделенной на множество мелких сатрапий, частью во власти различных искателей приключений, которые озабочены были только собственным обогащением [2], и совершенно неподготовленной к войне с монголами, новое нашествие коих было между тем неминуемо. Но Джелаль ад-Дин не имел качеств, необходимых правителю; это был только -солдат. Безумно храбрый, предприимчивый, но в то же время крайне легкомысленный, он представлял себе жизнь не иначе, как на поле битвы или в кругу приятелей за чаркой Вина. Он удивительно напоминал, характером своего современника Ричарда I Львиное сердце (умер в 1199 году) и так же, как этот последний, любил опасные приключения. Рассказывают, что перед битвой в Грузии с превосходными силами неприятеля но вызвал на поединок лучших бойцов вражеской армии и, только поразив пятого, отличавшегося геркулесовским сложением и огромной силой, ринулся в бой и одержал над ошеломленным врагом решительную победу. Вступая в битву, он не считался с численностью неприятельской армии, говоря окружающим: дев никогда не считает баранов, н«, которых бросается. Руководя сражением, он обыкновенно сам принимал в нем деятельное участие, и его всегда видели там, где положение было наиболее опасным. Несмотря на это, благодаря тому мастерству, с каким он владел оружием, его изумительной ловкости и присутствию духа, он ни разу не был серьезно ранен и если и отступал, то лишь перед подавляющей численностью врага. Так было и на берегу Инда, где Чингис-хан, видя изумительные деяния этого смуглого, невысокого роста воина, воскликнул: „вот человек, которого каждый хотел бы иметь своим сыном!" [3]

При таком характере, без административных способностей и с взглядом на государство, не особенно разнившимся от взгляда Ричарда I, не раз говорившего, что, найдись только покупатель, он не постеснился бы продать даже Лондон [4], Джелаль оказался не тем человеком, в котором так нуждался в то время Иран. Он не только не залечил ран, нанесенных этой стране монгольским вторжением, не уничтожил ее бесчисленных сатрапий, того зла, которое в корне подтачивало ее благосостояние, внося в то же время крайнее расстройство в военную ее организацию, и не восстановил ее оборонительных средств, но и навязал ей ряд новых войн, которые довели платежные силы населения до чрезвычайного напряжения.

Утвердившись в Ираке, Джелаль в 1225 году вторгся в Хузистан, входивший в состав Багдадского халифата, ограбил эту страну и во главе небольших сил двинулся на Багдад. По пути он на голову разбил высланную против него армию халифа Насира, взял приступом несколько городов, пленил князя Эрбильского, ведшего халифу вспомогательные войска, но затем, после всех этих побед, неожиданно бросил багдадское направление и повернул на север, в Азербайджан, где и занял Марагу. Вероятно, его побудило к этому известие о грабежах, произведенных в этой провинции его зятем Туганом. Появление Джелаля в Азербайджане было столь неожиданным для последнего, что он и не подумал о сопротивлении и беспрекословно подчинился его требованию присоединить свой отряд для совместной осады Тавриза.

После взятия этого города Джелаль вторгся в Грузию, которая с некоторых пор стала грозой мусульман. Он разбил на голову высланное против него войско, но, получив известие о волнениях в Тавризе, поручил Гиясу докончить ее завоевание, сам же возвратился в Азербайджан, где и успел потушить восстание, схватив заговорщиков. Вернувшись затем в Грузию, он вновь разбил высланные против него войска и взял приступом город Тифлис, который и отдал на разграбление. Из Тифлиса он был, однако, еще раз вызван в Персию, где

---

[1] *Houdas,* op. cit, стр. 163.

[2] *D'Ohsson,* op. cit, III, стр. 8.

[3] Согласно *v. Erdmann'y* („Temudschin der Unerschutterliche", стр. 431), Чингис-хан воскликнул: „Von einem solchen Vater musste ein solcher Sohn entstehen; keiner sah]e einen solchen Zeitgenossen und keiwer horte je von einem Ihm ahnlichen mit Ruhm Gekronteni". Место Инда, где Джелаль после нескольких часов боя его переплыл, защищаясь щитом от сыпавшихся на него стрел, получило название Джол Джелали—„Дороги Джелаля" (см. *Petis de la Croix*—„Histoire de Timur-bec, connu sous 'Ie nom du Grand Tamerlan", III, стр. 46).

[4] Ои так и поступил с Шотландией, верховные права над которой продал своему родственнику Вильгельму Льву.

поднял восстание наместник Кирмана. Быстро справившись и с этим восстанием, он уже на обратном пути в Исфаган встретил гонца с тревожными известиями из Закавказья, где в его отсутствие дела приняли неблагоприятный для него оборот. Но он приступом взял здесь город Ани [1], в котором при его приближении заперлись остатки разбитых им грузинских армий, осадил затем Каре и одновременно совершил опустошительный набег на Абхазию, чем еще раз доказал грузинам всю тщету их попыток к восстановлению своего царства. Конец 1226 года застал его уже снова в Азербайджане, где он успел окружить и уничтожить туркменский отряд, предававшийся грабежам в этой провинции.

В 1227 году он имел первое столкновение с монголами, отряд которых проник в Персию до Дамгана. Он разбил этот отряд и преследовал его в течение нескольких дней. В следующем году монголы вновь вторглись в Персию, пройдя на / этот раз до Исфагана, где Джелаль сосредоточил все, что мог собрать к этому времени. В первые же дни ему удалось уничтожить их раз'езд силой до 2.000 человек [2], но затем, когда Гияс ему изменил и увел из под Исфагана свои войска [3], монголы получили, невидимому, перевес в силах, и шансы его победы над ними значительно сократились. Тем не менее он принял бой, и правое крыло его войск, которым он командовал лично, успело не только опрокинуть монголов, но и преследовало -их до Катана; в то же время, однако, левое крыло, увлеченное также преследованием, попало в засаду и в своем паническом бегстве смешало центр, который, несмотря на все усилия Джелаля внести порядок, не выдержал стремительной монгольской атаки. Отступление сменилось вскоре бегством, и Джелалю, оставшемуся только с небольшой кучкой всадников, едва удалось пробиться сквозь ряды неприятеля. Но победа эта досталась монголам столь дорогой ценой, что они не имели возможности воспользоваться ее плодами и отступили на север с поспешностью, не слишком отличавшеюся от бегства. Джелаль вернулся в Исфаган.

Воспользовавшись затруднениями, выпавшими на долю хорезмийцев, восстали Грузия и Азербайджан. Но Джелаль ад-Дин остался верен себе. Организовав преследование монголов [4], он с свойственной ему быстротой достиг Тавриза, умиротворил этот город и засим во главе лишь небольшого отряда вступил в пределы Грузии, где и одержал блестящую победу над многочисленной вражеской ратью, состоявшей из отрядов грузин, аланов, армян, абхазцев и других горцев [5].

В 1229 году Джелаль вторгся в северную Месопотамию и осадил город Калаат, который и взял приступом после шестимесячной осады в апреле 1230 года. Тогда против него составилась коалиция властителей Северной Сирии, Месопотамии и Малой Азии, которые, воспользовавшись его болезнью, успели соединить свои войска в Сивасе и направить их затем на Калаат.

Джелаль, имея при себе лишь ничтожные силы [6], тем не менее выступил навстречу союзникам, с которыми и столкнулся под Эрзинджаном (Эрсингяном). На этот раз, однако, его отряду, утомленному тяжелыми переходами, пришлось иметь дело с противником, не только значительно превосходившим его своей численностью, но и вооружением [7], и он был разбит.

---

[1] Ныне—селение Эриванского округа; некогда—столица Армении.

[2] *Несеви* пишет, будто Джелаль лично отрубил головы двумстам пленным, остальных же отдал на растерзание толпе. Рассказ этот неправдоподобен уже потому, что Джелаль был вспыльчив, но не жесток. Кипчаки сохранили о нем надолго добрую память за то, что, будучи тогда , ^ еще наследником престола, он освободил из плена их соплеменников. ^•<<»Даже когда представлялась к тому возможность, он всегда щадил человеческую жизнь и никогда не злоупотреблял своим правом карать смертью даже государственные преступления.

[3] Он ушел в Хузистан; когда же туда дошла весть, что Джелаль вернулся в Исфаган и был встречен там как победитель, он бежал сначала к ассасинам (исмаилитам, см. выше стр. 421) в Аламут, а засим в Кирман, где и был убит по приказанию наместника этой провинции, заподозрившего его в желании захватить в ней верховную власть.

[4] Посланный им отряд преследовал монголов до берегов Аму-дарьи.

[5] Перед этой битвой, чтобы поднять упавший дух своего войска, он вызвал на поединок лучших бойцов неприятельской армии; о сем говорилось выше стр. 456.

[6] После взятия Калаат он частью распустил свои войска, частью разбросал **их** небольшими отрядами между Калаатом и Меласгердом, который осаждал его визирь.

[7] Эмиры Сирии выставили только отборные конные части. По словам *Киракоса (Dulaurier*, op. cit, стр. 207—208; *Патканов*—„История монголов по армянским источникам", II, стр. 10), честь этой победы принадлежала

Джелаль ад-Дин бежал в Хон. Но победители не захотели воспользоваться плодами своей победы, и Ашраф, эмир Кала-ата, прислал на имя визиря Джелаля следующее письмо: „Твой государь—султан магометан и их оплот против монголов. Все мы знаем, сколь гибельной для ислама была смерть его отца, и понимаем, что малейшее ослабление могущества султана станет фатальным для нашей религии, и что его потери отразятся на всем мусульманском мире. Почему же ты, муж, умудренный опытом, не внушаешь ему более мирного образа мыслей? Передай султану, что я гарантирую ему искреннюю дружбу и могущественную поддержку султана Рума и моего брата, повелителя Египта" [1]. Джелаль принял протянутую ему руку и клятвенно обещал не посягать более на целость их владений.

Между тем с востока уже вступали в пределы Хорасана передовые отряды армии Чирмагуна, посланного Угадаем для покорения отложившегося Ирана.

Чирмагун, хорошо осведомленный о том, что творилось в Персии, решил не дать Джелалю времени собраться с силами и, не задерживаясь в пути взятием городов, быстро прошел Хорасан и Ирак и мимо Ардебиля вышел на Муганскую степь, где в то время находился Джелаль, предававшийся кутежам и охоте в ожидании подхода войск, усиленным набором коих были заняты все его полководцы.

Появление близь султанской ставки монголов было для Джелаля тем более неожиданным, что расставленные им на пути от Ардебуш сторожевые посты, а равно высланные вперед отряды разведчиков, очевидно, обойденные или снятые монголами, не дали ему своевременно знать об их приближении.

Несмотря на удивительную предусмотрительность и большое искусство, проявленное в этом деле Чирмагуном, ему все же не удалось схватить Джелаля и тем быстро покончить с сопротивлением Персии; султан успел бежать в Азербайджан, направив монголов по ложному следу.

Но с этого момента Джелаля стали преследовать неудачи: восстало не только население Азербайджана, но и долины Аракса; изменил ему в числе прочих и визирь Шереф иль-Мульк, который сделал все, от пего зависевшее, чтобы помешать своевременному сбору войсковых частей, достаточных для отражения монголов; наконец, отказали ему в помощи и владетели государств Передней Азии [2]. При таких условиях он решил было перенести свою штаб-квартиру в гор. Исфаган, но затем отказался от этого плана и принял другой, более фантастический: овладеть Румом [3], дабы использовать , затем материальные ресурсы этой страны в борьбе с могущественным восточным врагом. О этой целью он двинул свое войско на запад, но на пути, близь города Амида (Амадии), был окружен монголами, от которых едва спасся бегством. Преследуемый по пятам, он был еще раз ими настигнут и снова спасся, на этот раз, однако, потеряв убитыми почти всех своих спутников. Он скрылся в горах, но здесь попал в руки курдов, которые и убили его, не зная даже на кого посягают [4].

Так бесславно погиб последний в династии хорезм-шахов, величайший из воинов, каких когда-либо имела Средняя Азия, у которого не оказалось даже своего Фэди, чтобы воспеть его ратные подвиги [5].

армянам и франкам, которые также приняли участие в коалиции против Джелаля.

[1] *D'Ohsson,* op. cit., Ill, стр. 46; *Houdas,* op. cit., стр. 348.

[2] В **их** числе и Ашраф, письмо которого приведено было выше.

[3] Государство это обнимало центральную часть Малой Азии. Оно было основано и находилось под властью Сельджукидов, начиная с 1080— 1081 года (см. выше стр. 393—394).

[4] Весть о смерти Джелаля распространилась не скоро. *Ибн-ал-Асир* пишет. „Да смилуется аллах над мусульманами, да отвратит от них этого (ужасного) врага! Пришел этот год к концу, а мы все еще не имеем достоверных сведений о Джелаль ад-Дине и не знаем: убит ли он ими или "скрывается, опасаясь татар, или ушел из этого края в другой..."

[5] *Несеви,* закончивший свои воспоминания о Джелаль ад-Дине восклицанием: „видно самой судьбой было предопределено этому храбрейшему льву погибнуть от действий лисиц", отвел в них слишком мало места его бесчисленным ратным подвигам, которые и в то боевое время казались современникам необычайными (см., например, *Houdas,* op. cit, стр. 230, где приведен отзыв о нем монголов); засим в них не оттенена также и его деятельность, как полководца.

Последствия его смерти сказались тотчас же.

Чирмагун не замедлил изменить свою тактику в отношении туземного населения, и монголы разлились широким потоком по Месопотамии, Руму, Курдистану, Азербайджану, Грузии и Армении, предавая все огню и мечу и совершая неслыханные жестокости. На своем пути они нигде не встречали сопротивления, так как всюду эмиры бежали первыми при их приближении: „Трудно представить себе, пишет историк Ибн-ал-Асир [1], тот панический ужас, который овладел тогда всеми сердцами. Рассказывают, что однажды один монгол ворвался в большое селение и стал избивать его жителей, не встречая ни в ком даже попыток к сопротивлению; в другой раз безоружный монгол приказал своему пленнику лечь на землю и не двигаться до тех пор, пока он не вернется с оружием, и тот повиновался этому приказанию, хотя знал, что оружие понадобилось монголу лишь для того, чтобы отсечь ему голову. Таких фактов можно было бы привести сколько угодно"... Вооруженный отпор монголам дал только халиф Багдада, и Чирмагун не рискнул вторгнуться в его земли.

Вступив в 1230 году в пределы Ирана, монголы в течение последующих двадцати лет не переставали грабить то одну, то другую из его частей, предпринимая одновременно и более отдаленные экспедиции в сторону Сирии и на запад— к Сивасу, но эти их действия имеют уже второстепенные исторический интерес и значение.

Завоевание кипчакских степей [2] поручено было Чингисханом в 1222 году старшему своему сыну Джучи, но тот умер [3], не исполнив отцовского поручения, и эта задача возложена была советом князей на его сына—Батыя.

Отложенный на некоторое время, поход этот осуществился наконец в 1236 году, причем к участию в нем привлечены были князья всех четырех ветвей ханской фамилии. „От множества воинов, собравшихся на восточной грани земель болгарских, пишет Джувейни, земля стонала, и от громады войск обезумели дикие звери и ночные птицы" [4]. Болгария пала, не будучи в состоянии отразить даже авангарда монгольских войск, шедшего под предводительством Субутая;

а засим покорены были аланы, кипчаки [5], мордва (мокша), буртасы [6], и, наконец, очередь дошла и до русских земель, завоевание которых закончено было в 1240 году. В том же году, разделившись на четыре колонны, монголы вторглись в Польшу, взяли Сандомир, разбили польское рыцарство под Хмельником, выжгли Вроцлав и Краков; засим проникли в Силезию и нанесли жестокое поражение соединенным силам поляков и немцев под Лигницом (9-го апреля 1241 года). В Моравии монголы были, однако, остановлены Стернбергом, который заставил их снять осаду Ольмюца и отступить в Венгрию на соединение с армией Батыя. Этот последний с главными силами проник в Венгрию через Ужокский и Мункачский (Лавочне) проходы в Карпатах, уничтожил венгерскую армию при р. Шаяве (Сайо) и овладелЕштом. После подхода сюда же четвертой, южной, армии, имевшей задачей овладеть Трансильванией, он

---

[1] *D'Ohsson,* op. cit, III, стр. 69—70; *Тизенгаузен*—„Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды", I, стр. 18, 42.

[2] По словам *Рашида (D'Ohsson,* op. cit., I, стр. 353), не только этих степей, но и Ибирь-Сибири, Болгарии, России и черкесских и башкурдских земель. Под именем последних *Рашид* разумел Венгрию (см. *Березин*— .Нашествие Батыя на Россию" в „Журн. Мин. Нар. Проев.", 1855, V, отд. оттиск, стр. 7).

[3] Вскоре после возвращения Чингис-хана в Монголию.

[4] В состав войск Батыя вошли и контингенты, набранные среди магометан Туркестана *(D'Ohsson,* op. cit., II, стр. 62).

[5] Часть этих последних бежала на запад, перевалила Карпаты и с разрешения короля поселилась в Венгрии.

[6] *Березин,* op. cit., стр. 19, пишет, что, по-видимому, буртасы утратили свое племенное имя со времени покорения их монголами. Это—не так. В Цивильском уезде, Казанской губернии, существует и до настоящего времени несколько деревень, населенных буртасами, которых причисляют (В. *Сбоев*—„Исследования об инородцах Казанской губернии", I), хотя, может быть, и без достаточных к тому оснований, к чувашам. До XVII века русские источники, упоминая о буртасах, называют **их** иногда „посопными татарами". *Е. Я. Огородников* („Волжский бассейн по книге Большого чертежа" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.", 1881, IX, отд. отт., стр. 47 и 62) указывает на то, что I Софийская летопись под 1396 годом ошибочно помещает буртасов или, как она их называет, пертасов в Пермской губернии, так как они населяли Поволжье только в пределах Саратовской и частью Симбирской и Казанской губерний.

разделил свои войска на несколько сильных колонн которым и поручил окончить покорение Венгрии. Одна из этих колонн, доходила до Вены, другая, под начальством Кадана, сына Угэдэя, преследовала короля Бела IY через Хорватию и Далмацию до побережья Адриатического моря где и закончила свое наступательное движение. Полученное в это время известие о смерти Угэдэя заставила Батыя спешно отозвать все свои войска и отступить из залитого) кровью Венгерского королевства.

Монголы в этом походе держались стратегии Чингис-хана, причем крупные силы, которыми они располагали, позволяли им в полной мере осуществлять основное его правило— дробить силы неприятеля и разбивать их по частям. Впрочем, в России, как и в Польше, этот стратегический маневр мог быть проведен ими тем успешнее, что общегосударственной организованной обороны они в них не встретили: в России давно уже получили преобладание центробежные стремления, и князья превратились в вотчинников своих уделов, утратив сознание в том, что они являются членами одной правящей семьи, стоящей во главе единого государства, да и Польша переживала такой же удельный период.

Засим современники отмечают, что и в этом походе монголы употребляли свои обычные приемы борьбы: обман [1], ведение осадных работ силами окрестного населения, образование из пленных штурмовых колонн, что при большом количестве захваченных в плен давало им возможность вести безостановочный приступ на протяжении нескольких суток, наконец, опустошение оставляемых в тылу местностей, уничтожение крепостей и городов и истребление населения. При Чингис-хане, как общее правило, щадились женщины, дети и люди, обладавшие техническими познаниями, которые и уводились в плен. Батый, забравший в половецких степях и России огромное число пленных, невидимому, стал ими тяготиться к концу похода и в Венгрии неоднократно отдавал приказание не щадить даже детей. Только благодаря замечательной энергии, проявленной королем Бела в восстановлении порядка и в поднятии благосостояния страны, Венгрия к концу его царствования (1270 г.) несколько оправилась от страшных последствий монгольского нашествия, но состав ее населения резко изменился, так как для заселения обезлюженных территорий он принужден был пригласить немцев и половцев (куманов). Не менее, если только не более, пострадала и южная Русь, которая стала вновь заселяться славянскими элементами, притом преимущественно с запада, лишь начиная с XIY столетия.

[1] Даже подлог. Захватив лагерь при р. Шаяве, монголы нашли в королевской ставке государственную печать и, пользуясь ею, стали рассылать от имени короля Белы указы, отдававшие в их руки городское и сельское население королевства.

ГЛАВА УШ. **Монгольский период**

(с половины XII века до 1370 года). (Продолжение).

Угэдэй однажды высказал, что монарх должен заботиться не о накоплении материальных богатств, которые излишни, раз человек не может вернуться из загробного мира, а о том, чтобы отложить в сердцах людей сокровища своих поступков[1], и эти слова не расходились у него с делом. Тем не менее эпоха его царствования не может быть отнесена к числу счастливейших, хотя деятельным его сотрудником по управлению империей и был „совершеннейший из людей того времени"[2] канцлер 'Елюй Чуцай, ибо к этой именно эпохе относятся вышеприведенные слова последнего о падении правосудия в империи[3]. Главными тому причинами были: удельная система управления Монголией, при которой императорская власть не могла проявить себя достаточно энергично в делах внутреннего управления страной, смешение судебной власти с административной, на что указывалось выше[4], крайнее огрубение нравов как естественное последствие непрекращавшихся войн, бесправное положение огромного числа покоренных, на которых их победители смотрели с полным презрением, вообще же торжество варварства во всех его проявлениях над законом, порядком, человечностью и культурой, а засим и характер Угэдэя, искавшего всегда компромисных решений, робкого в своих действиях[5], легко поддававшегося влияниям, вообще же малодеятельного и легко забывавшего о делах управления ради охоты, попоек и женщин. Говорят, что и причиной его ранней смерти было злоупотребление спиртными напитками[6].

После пяти лет междуцарствия[7] на престол возведен был Гуюк (Куюк), старший сын Угэдэя, который занимал его два года и умер в апреле 1248 года. Суровый, вечно больной[8], он не сумел примирить с собой тех, кто остался недоволен его избранием, и после его кончины среди княз.ей образовалась сильная партия, на предварительном с'езде решившая нарушить преемство в роде Угэдэя и передать престол Мбнкэ, старшему и достойнейшему из сыновей Тулуя. На сторону этих князей перешел и Батый, голос которого, как старшего в роде, имел преимущественное значение[9]. Он повел дело со свойственной ему энергией и добился избрания Мбнкэ в 1251 году. Внуки Угэдэя составили было заговор против Мбнкэ, по он своевременно был открыт, и все его участники за исключением, впрочем, князей, сумевших отстоять свою непричастность к нему, поплатились за него головой[10] .

---

[1] *D'Ohsson,* op. cit, II, стр. 88.

[2] *Иакинф,* op. cit, стр. 293; *d'Ohsson,* op. cit., II, стр. 191. В „Ган-му" о нем сказано: „если-бы не было "Блюй Чуцая, то неизвестно, что ста-лось-бы с человеческим родом", ибо ему миллионы людей обязаны своей жизнью. Заслуги его перед родиной были огромны (см. *Аь. Remusat*—„Nou-veaux melanges asiatiques", I, стр. 64 и след.; цит. у *d'Ohsson"a,* ibid.), и их сумело оценить даже маньчжурское правительство, которое в 1751 году приказало соорудить при его могиле новый храм и поставить новый памятник с перечислением его деяний. В прежнем храме существовала статуя, изображавшая его человеком с длинными свесившимися усами и бородой.

[3] Стр. 441.

[4] Стр. 440.

[5] См., например, *d'Ohsson,* op. cit, II, стр. 93—94, где приведен рассказ о том, как Угэдей, чтобы спасти мусульманина, пойманного на берегу реки в момент совершения предписанного ему законом омовения, от грозившей ему казни, прибег к довольно сложному обману.

[6] Когда Джагатай убедил его, наконец, не пить больше определенного числа кубков в день, то он не посмел нарушить данного слова, но заказал себе сосуды таких размеров, которые вознаградили его с избытком за вынужденное у него обещание. Впрочем, он сам сознавал крайний вред этой страсти и по словам „Юань-чао-ми-ши", стр. 159, включил ее в число крупнейших своих недостатков. Таким же недостатком считал он и свое бессилие в борьбе с женским влиянием. Плана Карпини (Иоанн де-Плано Карпини—„История Монгалов", изд. А. С. Суворина, стр. 57) сообщает как положительный факт, что Угэдэй был отравлен „теткой нынешнего императора", т. е. хана Гуюка, которая и была казнена в числе „очень многих других".

[7] Несколько менее, так как Угэдэй скончался в декабре 1241 года, Гуюк же вступил на престол в августе 1246 года.

[8] Он разбит был параличей (Абулъ-Гази, перев. Саблг^кова, стр. 126).

[9] Значение Батыя как старшего в роде всего лучше иллюстрируется словами Монкэ, сказанными им Рубруку: „Как солнце освещает всю все ленную, так равно и власть моя и Батыя распространяется на все народы. Мы как два глаза в одной голове; хотя их и два, но оба смотрят всегда в одном направлении".

[10] Но и для князей дело это не прошло безнаказанным. Их лишили права иметь свои войска, а некоторых из них и уделов; наконец, Шира-мун, которому Угэдэй хотел передать монгольский престол, был впоследствии по распоряжению Монкэ убит. Та же судьба постигла Джагатаева внука Бури, казненного Батыем, и двух женщин—мать Ширамуна и регентшу Угул-гамиш, вдову

Все эти события не отражались, однако, на внешней политике Монгольского государства, которая продолжала оставаться неизменно агрессивной.

После падения Цзиньской империи Угэдэй грубо нарушил свой договор о сунским правительством и не вывел войск из Хэ-нани[11]. Эго послужило поводом к возобновлению военных действий между обоими государствами.

Монголы перешли границу в трех пунктах: западная армия вторглась в Сы-чуань, средняя имела задачей занять провинцию Ху-бэй, восточная—оставшуюся у Супов часть Хэ-нани и долину Ян-цзы-цзяна.

Первые действия монголов вдоль сычуаньской границы оказались для них неудачными: их передовые отряды были разбиты и отброшены на север китайским полководцем Цао-ю-вынь; по когда подошли главные части армии князя Куй-туна, преимущество в силах оказалось на стороне монголов, и в первом же решительном столкновении с ними китайцев Цао-ю-вынь был убит, а его войско уничтожено. Засим монголы нигде уже на своем пути не встретили серьезного сопротивления и в течение последующего месяца успели занять долину Цзя-линь-цзяна, области Тун-чуань и Чэн-ду и округ Вынь-чжоу, где вырезали почти все население. В начале 1237 года эта армия отошла обратно в Шэнь-си, после чего вся страна вернулась под власть Сунов.

Средняя армия одновременно взяла города Сян-ян-фу, Цчяо-ян и Дэ-ань, но под Цзян-лином[12] монголы потерпели неудачу и должны были снять осаду этого важного в стратегическом отношении пункта.

Действия восточной армии под начальством князя Хонь-буха и полководца Чагана были менее успешны. Под городом Чжэн-чжоу монголы понесли даже столь крупные потери, что только в 1237 году с подходом подкреплений получили возможность вновь перейти в наступление, причем заняли города Гуан-чжоу, Ци-сянь и Оуй-чжоу в восточной Хэ-нани. Попытки их овладеть городом Хуан-чжоу-фу не увенчались, однако, успехом, как равно и предпринятая уже в 1238 году осада города Лу-чжоу-фу[13], которую пришлось снять, несмотря на чрезвычайную энергию, проявленную при этом обоими полководцами [14].

1239 год был для них еще менее удачен, так как китайский главнокомандующий Мын-гун сумел нанести им ряд поражений и отобрать у них несколько городов. Эти неудачи побудили монголов приостановить отправку новых войск на юг и просить мира; но когда он был отвергнут сунским правительством, то они изменили свою обычную тактику. Оставив надежду планомерного завоевания Сунской империи с теми силами, которыми они в то время располагали, они перешли к обычному для кочевников ведению войн с культурными государствами и до кончины Угэдэя предпринимали лишь грабительские набеги на сопредельные, наиболее богатые, районы Южного Китая.

Причину неуспеха, испытанного монголами в этой войне, следует прежде всего искать в составе тех войск, которые были двинуты Угэдэем на юг; здесь оперировали преимущественно корпуса, набранные из состава населения только что покоренной Цзиньской империи, так как лучшие войска были отправлены на запад в составе армий Батыя и на восток, где вновь вос-сглвшая Корея до 1241 года упорно отстаивала свою независимость. Засим не мало монгольских сил поглощала также Персия и Передняя Азия, а равно операции монголов в высокогорных районах Гиндукуша и Гималаев, где в это время шло завоевание Кашмира и Северной Индии.

За период времени с 1241 по 1252 год имеются лишь отрывочные известия о ходе военных действий монголов в Южном Китае. Невидимому, наибольшие их усилия направлены были к тому, чтобы удержать северные округа Сы-чуани, и это пм удалось, так как в 1253 году Хубилай, на которого Мбнкэ возложил задачу овладеть землями, примыкавшими к Оунской империи с запада и юга, прошел Сы-чуань без столкновений с китайцами.

После угомительного похода по трудно доступным горам[15] Хубилай вышел к реке Цзинь-ша на территории племени мосо[16], которое добровольно ему покорилось. Но в царстве Нань-чао, куда он вторгся, с трудом переправившись через стремительную Цзинь-ша, его встретили с оружием в руках, и Да-ли,

---

хана Гуюка. Приверженцев князей Угэдэевой ветви искали на всем протяжении Монголии от Желтой реки до Отрара и Енисея, и много при этом погибло достойных людей, с которыми их недруги искали лишь случая свести личные счеты. Во всяком случае то, что произошло в улусах Джагатая и Угэдэя, едва-ли можно охарактеризовать словом „разгром", как это делает Бартольд в прим. к 175 стр. соч. Стэнли Лэн-Пу ib—„Мусульманские династии".

[11] История показывает, что монголы не придавали большого значения договорам и вообще не стеснялись нарушать свое слово, данное врагу даже при самой торжественной обстановке.

[12] Ныне гор. Цзин-чжоу-фу.

[13] В провинции Ань-хой.

[14] *Gaubzl,* op. cit., стр. 95, пишет, что под Лу-чжоу-фу монголы испытали более серьезное поражение, чем когда-либо прежде.

[15] См. *de Maillfl,* op. cit, IX, стр. 258.

[16] См. выше стр. 28.

столица государства, открыла ему свои ворота лишь после того, как народное сопротивление было окончательно сломлено, и царь оказался в плену у монголов[17]. Засим еще в том же 1253 году были покорены и тибетцы, населявшие горную страну, примыкавшую с севера к Бирме.

Выполнением этой части возложенной на него задачи Хубилай должен был удовольствоваться[18], так как его вызвал к себе Мбнкэ, встревоженный ложными слухами об его мятежных замыслах[19]. Его заместителем при войске остался Урянг-кадай, сын Субутая, который и провел в Юнь-нани и Тонкине четыре года[20], покоряв за это время ло-ло[21], а-лу[22], а-ва[23] и 37 других маньских поколений и заставив Тонкий подчиниться монголам.

В 1258 году Мбнкэ, собравший тем временем огромные силы для войны с Сунской империей, предписал ему вторгнуться с юга в ее пределы и идти к городу У-чан-фу на соединение с колонной Хубилая, что Урянгкадай и исполнил, хотя вся его армия, потерявшая к тому времени от болезней и беспрестанных кровопролитных схваток с воинственными горцами почти ^s своего первоначального состава, насчитывала едва десять тысяч воинов. Подкрепленный отрядами, набранными среди покоренных племен, он, однако, и с этими силами сумел не только пробиться на север, но и одержать по пути несколько блестящих побед. Берегов Ян-цзы-цзяна он достиг в 1260 году.

Монгольские войска вступили в империю Сунов тремя дорогами: из Шэнь-си в Оы-чуань и через Хэ-нань в Ху-бэй и Ань-хой.

Несмотря на неоднократные войны, которые монголы вели в Сы-чуани, в их власти находились здесь лишь важнейшие пути через провинцию и наиболее значительные из ее городов, которые оставались, однако, под угрозой крепостей, в которых упорно отсиживались сильные китайские гарнизоны. Насколько непрочно было положение в этих городах монголов, доказывает падение Чэн-ду-фу в тот момент, когда на выручку его гарнизона подходил уже авангард армии Мбнкэ-хана. Мбнкэ решил окончательно закрепить за собой Сы-чуань и систематическое завоевание этой провинции начал со взятия сильнейших ее крепостей в бассейне реки Цзя-линь-цзяна. Засим пали города: Мянь-чжоу, Лян-чжоу[24], Лун-чжоу[25] и Я-чжоу; но город Хэ-чжоу остановил успехи монголов. Несмотря на четыре месяца чрезвычайных усилий, он не был взят, а развившаяся под его стенами эпидемия диссентерии заставила монголов сначала сменить осаду блокадой, а затем и совсем бросить этот город и отступить к северу. Жертвой эпидемии сделался и хан Мбнкэ, который скончался в августе месяце 1259 года по дороге в Шунь-цин-фу[26].

Это событие приостановило компанию. Хубилай после блестящего похода на юг вернулся из под стен осажденного им города У-чан-фу, заключив перемирие с китайцами на условиях, крайне

---

[17] „ Ган-му" *(Иакинф,* op. cit, стр. 321). *D'Ohsson,* op. cit„ II, стр. 315, опираясь на *de Mdilla,* op. cit., IX, стр. 257—262, излагает события этой войны несколько иначе.

[18] „Ган-му" *(Иакинф,* ibid.). *D'Ohsson,* op. cit, II, стр. 316, пишет, что Хубилай выехал обратно в Монголию после взятия Да-ли и в походе на тибетцев участия уже не принимал.

[19] Хубилай получил от брата в управление Китай и прилегавшую часть Монголии. Его гуманное отношение к китайскому населению было истолковано при дворе Мбнкэ как стремление добиться популярности, а затем и независимости.

[20] В 1254 году он выезжал на отдых в Монголию и вернулся в Юнь-нань через Тибет (?) только в следующем году.

[21] См. выше стр. 28.

[22] В этнологической и исторической литературе я не мог найти сведений, относящихся к этому племени.

[23] *Ма-дуань-линь {Chavannes*—„Documents sur les Tou-kiue Occiden-taux", стр. 88) упоминает о т^лэском племени а~ба, которое с одной стороны отождествляется с племенем апар орхонских надписей и аварами византийских историков, с другой—с а-д'ь „Тан-шу", т.-е. с эдизами тех-же надписей. Одно из этих отождествлений должно быть, конечно, отброшено. Где жили а-ба в точности неизвестно, но всего вероятнее где-нибудь в Мо-нань (в Ала-шане или Ордосе), откуда они и могли быть впоследствии оттеснены на юг, в бассейн р. Ян-цзы-цзяна, если только а-ба или а-ва, с которыми здесь столкнулись монголы, действительно имеют какое-либо отношение к т'ьлэсцам а-ба—сомнение тем более уместное, что у *Иакинфа,* op. cit., стр. 327, сказано, что а-ва составляли часть населения государства А-бо, т. е. древнего царства Бо-го *{Deveria*—„La frontiere sino-annamite", стр. 131). С другой стороны, однако, переселение в бассейн р. Ян-цзы-цзяна если не т-влэсцев а-ба, то иного турецкого племени должно было иметь место, так как *Hodgson* („On the tribes of Northern Tibet" в сборнике „Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet") нашел элементы тюркского языка в говорах местных жителей.

[24] Ныне Бао-нин-фу.

[25] Ныне Лун-ань-фу.

[26] *Gaubil,* op. cit, стр. 121, ошибается, когда пишет, что Мбнкэ пал при неудачном для монголов штурме города Хэ-чжоу.

унизительных для последних[27], и по той-же причине третья монгольская армия, успевшая уже не только овладеть нижней частью долины Хуай, но и проникнуть отсюда далеко на юг в пределы Сунской империи[28], отошла обратно в Хэ-нань.

Одновременно с войной на востоке монголы вели войну крупными силами и на западе, где Мбнкэ-хан поручил своему брагу Хулагу докончить завоевание Передней Азии.

Ни одна военная экспедиция монголов не подготовлялась столь тщательно, как эта последняя, что видно, между прочим, из следующих, предшествовавших ей, распоряжений: дабы сохранить нетронутыми пастбища на пути следования войск Хулагу, кочевому населению долин на запад от гор Тунгат[29] приказано было заблаговременно их покинуть; засим, предписано было повсеместно исправить дорогп и навести мосты на понтонах через все крупные реки, в Персии же, сверх того, заготовить и большие количества муки и вина; наконец, из Китая были вызваны лучшие механики в числе тысячи человек для управления метательными снарядами, бросавшими камни, стрелы и горящую нефть.

Авангард этой армии выступил в Персию в мае 1252 года, Хулагу с остальными войсками осенью 1253 года, но, проведя летние месяцы 1254 года в горах Туркестана, он лишь в сентябре 1255 года достиг Самарканда и в январе 1256 перешел на левый берег Аму-дарьи.

Прибыв в Хорасан, он поставил себе ближайшими задачами: уничтожение ордена исмаилитов30 и завоевание Багдадского халифата. Первая задача выполнена была в течение года (1256—1257), причем было разрушено свыше ста замков и крепостей последователей этой секты31, не исключая и главного их оплота—крепости Аламут, сами же

---

[27] Согласно этим условиям, скрытым, впрочем, от императора, последний признавал себя вассалом монгольского хана и обязывался вносить ему ежегодную дань.

[28] Она доходила до города Линь-цзянь-фу, в провинции Цзянь-си, который и взяла приступом.

[29] У d'Ohsson'Si, op. cit, III, стр. 35, говорится, что эти горы лежали между Кара-корумом и Бишбалыком, что дает повод Bretschneidef'y (Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources", I, стр. 114) высказать предположение, что так у монголов назывался Хангайский хребет.

Существовало-ли у монголов чингисхановской эпохи название Хан-гай только как нарицательное для горных возвышенностей, богатых лесом и пастбищами (см. *Тимковскии*—„Путешествие в Китай", III, стр. 47), или получило уже значение собственного имени и приурочивалось к определенному горному хребту, нам неизвестно; но первое кажется мне более вероятным, ибо оно нашло себе полное отражение в том представлении о Хангае, какое мы находим у китайских географов, об'единявших под этим названием горные массы, различные по своему географическому положению, об'ему и значению, но неизменно такие, которые изобилуют лесом и пастбищами. Так, на стр. 332 примечаний к „Мэн-гу-ю-му-цзи" мы читаем: „Хангай, это знаменитые горы Халхи, богатые хвойным лесом и водой. Высочайший их пик известен под именем Отхон-тэнгри. Они тянутся на 1000 ли, то прерываясь, то вновь возникая, но являются-ли они в виде сплошной цепи нескольких кряжей или в виде высот, разделенных промежутками в несколько сот ли, монголы отчетливо распознают по одевающей их растительности, какая из гор является продолжением главного хребта". И далее: *пШэнъ-Яо* замечает, что „„Шуй-дао-ти-ган" (геогр. соч., издан. *Ци-шпо-нанем* в 1776 г), основываясь на карте Монголии, изданной при императоре Кан-си, гору, из которой выходит северный исток р. Селенги [Харатайр, ныне Тельгир (Дэльгэр)-морин], считает за начало Хангая, а ту, в которой берут начало южный исток р. Тамир и северный р. Орхона (т. е. пик Субур хаирхан) за южный конец его; горы же, с которых стекают воды системы р. Чулуту (Чилоту), за южный отрог главного Хангайского хребта. Новейшие карты переместили Хангай на восток от Орхона, что соответствует прежнему представлению о Хангае". Засим, на стр. 370 тех же примечаний говорится: „Хребет Укэк лежит в расстоянии более 100 ли на юго-запад от Хангая", и, наконец, на стр. 377, что р. Идэр (Эдер) выходит из гор Олбоцзи, лежащих к юго-западу от гребня Хангайских гор. Из этих выдержек явствует, что китайские географы представляют себе Хангай хребтом почти мери-Том II. 30^ дианального простирания, чему отвечает и VIII лист карты Китайской Тар-тарии „Нового Атласа" *д'А~ивиллй. (d'Aiwille),* изданного в 1737 году, где водораздел между реками бассейна Селенги и Кобдинской озерной котловины проведен к востоку от озера Сангин далай между 17° и 15° зап. долг. от Пекина. Если название Хангай, как имя собственное, еще не существовало у монголов XIII века, то какую же часть того нагорья, которое мы ныне называем Хангаем (см. т. I. гл. V), именовали они хребтом Тун-гат? Вероятнее всего тот южный отрог Хангайской магистрали, к западу • от которого горные долины уже настолько скудно одеты растительностью, что надо было принять особые меры, чтобы сохранить в целости весь запас их травяного покрова. Таким отрогом можно считать только Халтыр, ибо несомненно, что армия Хулагу двинулась на запад путем, пересекающим южные отроги Хангая. Согласно китайской реляции о походе Хулагу *{АЬ. Remnsat*—„Relation de 1'Expedition d'Houlagou", etc. в „Journ. Asiat", 1823, II, стр. 285) армия последнего успела пройти Хангай (высокую горную страну, в изобилии поросшую хвойным лесом) в юго-западном направлении в течение семи дней. За это время она могла выйти в долину р. Буянту.

[30] См. выше стр. 458.

[31] В одном Кухистане их оказалось свыше пятидесяти. См. *d'Ohfson,* op. cit., Ill, стр. 200.

сектанты частью рассеяны, частью истреблены на всем пространстве Ирана[32], вторая потребовала еще меньше времени, так как Багдад пал уже в феврале 1258 года.

Столь быстрое падение халифата об'ясняется столько же военными мерами, принятыми Хулагу, который двинул на Багдад огромные силы[33] и сумел без особых жертв с своей стороны овладеть важнейшими проходами в горах Загрос, сколько и изменой визиря Муайида ад-Дина Мухаммеда, о котором не переставали затем говорить: „Будь проклят богом тот, кто не проклинает Муайида".

Захваченный в плен халиф Мостасым по приказанию Хулагу был казнен; вместе же с ним прервалась и династия Аббасидов, правившая Багдадским халифатом свыше 500 лет (750—1258).

На требование Хулагу признать себя вассалом Мбнкэ-хана, Насир, правнук Салах ад-Дина[34], владетель большей части Сирии, ответил отказом[35], но не сумел организовать защиты своего государства, и оно вслед за Багдадом в 1259—1260 году без труда завоевано было монголами.

Смерть Монкэ-хана заставила Хулагу после падения крепости Харим[36] покинуть Сирию, поручив ведение дальнейших операций нойону Кит-буге, но этот последний оказался слабым противником египетского султана Куттуза, который, желая предупредить нашествие монголов на Египет, сам вторгся в Сирию и нанес им в северной Палестине в августе 1260 года столь жестокое поражение, что только небольшой их части удалось отступить в горные долины верховий Евфрата[37].

Сирия была потеряна монголами, возгоревшаяся же вскоре затем междоусобная война между Джучпдами и Хулагу помешала последнему предпринять задуманную им карательную экспедицию в эту страну. Он умер пять лет спустя к югу от города Мараги, в горах Курдистана.

Монкэ был последним признанным верховным правителем всей территории Монгольской империи. Его преемник Хубилай, в избрании которого приняли участие лишь немногие из князей, унаследовал только императорский титул, действительная же его власть не простиралась на запад далее Уйгурии и Хан-гая. Впрочем в 1303 году Чингисиды, утомленные распрями,еще раз объединились иод главенством Тимура, внука и преемника Хубилая, но единение это продолжалось недолго, и уже конец его царствования омрачен был новыми смутами. Засим, связь Востока с Западом, никогда не отличавшаяся особенной крепостью, окончательно рушилась, и Китай вновь зажил своей прежней обособленной жизнью под властью окитаившихся монголов.

Хубилай был провозглашен императором в Кай-пин-фу, городе, лежавшем на берегу Шан-ду-гола, в восточном Чахаре[38], но едва эта весть достигла Кара-корума[39], как Арик-буга, успевший к этому времени созвать своих

---

[32] *D'Ohsson,* op. cit., Ill, стр. 201—202. С тех пор, пишет *Длувейни,* сильные мира сего избавились от вечных тревог за свою жизнь, князья же Рума, Сирии и франки сверх того и от ежегодных денежных взносов, которые вымогались у них этими убийцами.

[33] Кроме войск, приведенных в Переднюю Азию Хулагу, в этом походе приняли участие как те отряды монголов, которые оставались в Персии со времени войн с Джелаль ад-Дином, так и вспомогательные контингенты, выставленные мусульманскими вассальными владениями; см., например, *d'Ohsson,* op. cit, III, стр. 259.

[34] Салах ад-Дин (Саладин; 1174—1193 г.г.)—доблестный противник крестоносцев, основатель курдской династии Эйюбидов, создавший обширную монархию, в состав которой вошли: северное побережье Африки до Туниса, Египет, Палестина, Сирия, северная Аравия и Месопотамия до границ Багдадского халифата. Разделив ее на уделы, он подготовил, однако, ее распадение, которое завершилось междоусобными войнами, с 1238 года принявшими хронический характер.

[35] В ответном письме его Хулагу заключались такие строки: „Ваше высочество мне пишете, что считаете себя орудием божьей кары, обращенным на тех, кто заслуживает его справедливый гнев, что вы нечувствительны к людской скорби, что вас не трогают человеческие слезы, и что бог исторг из вашего сердца всякое чувство жалости. В этом вы правы: это величайшие из ваших пороков, и в то же время это черты характера, которые свойственны диаволу и не должны быть присущи государю. Это добровольное признание вас позорит. , Неверные, я не поклоняюсь тому, чему поклоняетесь вы" (Коран, гл. 109, ст. 2). Вы, монголы, вы прокляты во всех книгах откровения. Вы обрисованы в них с самой отвратительной стороны. На вас указывали все посланцы божьи, и вас мы знаем с момента появления вашего на свет"... *(d'Ohsson,* op. cit., Ill, стр. 298—299; *Hammer-Purgsfall*— „Geschichte Wassaf's", 1856, стр. 83). Жестокость Хулагу и его вероломство были необычайными даже среди монголов. Рассказывают, что одного из Эйюбидов, доблестного защитника крепости Маяфаркин (лежала между Тигром и Ефратом, к северу от Диарбекра), он приказал задушить, вбивая ему в рот куски того мяса, которое вырывалось у него клещами из тела, другого, князя Салиха, защитника Моссула, он присудил к медленной смерти от палящего зноя, велев держать его под открытым небом зашитым в бараньи меха. Своим характером Хулагу резко отличался от братьев, в особенности Хубилая и Мбнкэ, который не допускал ненужных жестокостей и строго преследовал произвол даже в условиях военного времени.

[36] Лежала к западу от Алеппо.

[37] Армянские историки *Киракос* и *Вардан (Diilaurier,* op. cit., в „Journ. Asiat", V serie, 1858, XI, стр. 498, и I860, XVI, стр. 294) приписывают поражение монголов численному перевесу сил, которыми располагал султан Куттуз.

[38] Другое китайское его название было Шан-ду, у монголов же он был известен под именем Чжун-найман-сумэ. Его развалины (см. *А. Позд-неев—г* Монголия и монголы", II, стр. 19, 300—310) находятся близь (к северо-востоку) города Сюань-хуа-фу (Баин-сумэ). О нем говорится у

сторонников, также провозгласил себя императором[40]. Осенью 1260 года произошло первое вооруженное столкновение между войсками обоих претендентов на императорский престол, исход которого был настолько неблагоприятен для Арик-буги, что он принужден был оставить Кара-корум и бежать на Енисей41. Его сторонники, оставшиеся в Шэнь-си, равным образом не смогли удержаться в этой провинции и, стянув свои войска, отступили на север через Гань-чжоу, где, в долине Эцзин-гола, и встретились с спешившим им на помощь корпусом монголов под начальством одного из приверженцев Арик-буги, Алемдара[42]. Но и эта армия Арик-буги была уничтожена полководцами Хубилая, после чего ничто уже не могло помешать последнему занять и самый Кара-корум.

Для того, чтобы выиграть время, Арик-буга послал сказать Хубилаю, что раскаивается в своих поступках, считает их актом безумия и слагает оружие, но, усыпив таким образом брата, который действительно после этого вернулся в свою резиденцию Кай-пин-фу и распустил некоторую часть армии, он в конце 1261 года неожиданно напал на Кара-корум, нанес поражение его гарнизону и устремился на юг, расчитывая застать Хубилая врасплох. Своевременно извещенный, последний, однако, успел его встретить на южной окраине Гоби[43] и сильным ударом отбросил обратно в пустыню. Но Арик-буга и на эгот раз не признал себя окончательно побежденным и, узнав об отходе армии Хубилая на юг, перешел в новое наступление, которое также было остановлено, после чего ему уже не оставалось иного выхода, как вернуться в Кара-корум. Вскоре, однако, ему пришлось эвакуировать и этот город, так как в долине Орхона наступил голод, вызванный прекращением подвоза предметов продовольствия из Китая.

1262 год не принес успокоения Монголии. В ней возник новый район борьбы—Джагатайский улус[44], где его правитель,

внук Джагатая, Алгуй (Алгу), ставленник Арик-буги[45], неожиданно для последнего перешел на сторону Хубилая.

Арик-буга собрал все, что у него еще оставалось войск, и двинул эти силы на юг, но его авангард был на голову разбит Алгуем между городком Пулад[46] и озером Сайрам-нор (рут), что и приостановило его наступление. С своей

Марко Поло (см. *Минаев*—„Путешествие Марко Поло", стр. 99). Его основателем был Хубилай (в 1256 году).

[39] О нем см. ниже.

[40] *Gaubil,* op. cit, стр. 133.

[41] В долину Кемчика.

[42] У *Gaubil,* op. cit, стр. 134, сказано, что последующее столкновение их с армией Хубилая произошло к востоку от города Гань-чжоу.

[43] D'Ohsson, op. cit, II, стр. 351, пишет, „в уроч. Алча Хонгор, при холмах Худжа-булдак и озере Симултай". Несмотря на столь определенное указание, место столкновения армий Арик-буги и Хубилая остается пока неизвестным. В настоящее время одна из речек, сбегающих с западных склонов хребта Большого Хингана, к северу от озера Далай-нор, носит название Хонгор; при ее устье показывается даже озерко, но именова-лось-ли последнее в прежнее время Симултай, иными словами, то-ли это озеро, о котором говорится у d'Ohsson'a, я сказать не могу.

[44] Границами джагатайского улуса были: на юго-западе Аму-дарья до границ Хорезма (см. *Н. Веселовский*—„Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего", стр. 75; ср., однако, *Desmaisons,* op. cit, стр. 157, где говорится, что в удел Джагатаю отошла и часть земель Хорезма; то же повторяет и *Oliver*—„The Chaghatai Mughals" в „the Journ. of the Roy. Asiat. Soc. of. Gr. Brit a. IreL", new series, 1888, XX, 1, стр. 77), на северо-востоке хребет Алтаин-нуру. На северо-западе владения Джагатаидов, вероятно, не захватывали уже Чимкента, если только верно сближение наименований Сайлань „Карты северо-западных и западных владений монголов" 1331 года (прил. к II т. *Bretschneider'a.*—„Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources" и к IV т. „Труд. член. рос. дух. миссии в Пекине") и современного Сайрам *(Bfetschneider,* op. cit, II, стр. 94); но вообще эти границы, повидимому, менялись часто; так, известно, что Алгуй изгнал джучидских наместников из западной части джагатайских владений и в свою очередь подчинил своей власти такие земли, которые не были раньше под властью Джагатайского дома, именно Хорезм и северную часть Авганистана *{Бартольд*—„Очерк истории Семиречья", стр. 53). Административный центр этого улуса при Джагатае, кочевавшем в Джунгарии, находился близь г. Бишбалыка, что, впрочем, требует еще проверки, несмотря на совершенно определенное указание *Хондемира* („Histoire des khans mongols du Turkistan et de la Transoxiane", extraite du „Habib essiier" de *Khondemir* par *Defremery* в „Journ. Asiat", 1852, XIX, стр. 77), что столицей Джагатая был город Бишбалык (см. также *Bretschneider,* op. cit, II, стр. 9); позднее—в Алмалыке, который оставался им даже после того, как Хайду овладел Притянь-шаньем. Засим, уже в начале XIV столетия, столица государства перенесена была в г. Карши (см. также *Oliver,* ibid., стр. 78).

[45] Он овладел г. Алмалыком в 1261 году, отняв его у регентши Эргэнэ, вдовы Хара-Хулагу, внука и преемника Джагатая.

[46] Город Пулад (Пула) обозначен на вышеупомянутой „карте северозападных владений монголов" 1331 года к северо-востоку от Алмалыка. Он упоминается также в описании маршрута армянского царя *Гайтона 1 (Гетума* J) через Джунгарию *(Bretschneider,* op. cit., I, стр. 169, *Dulaurier,* op. cit., стр. 468; *Патканов,* op. cit., II, стр. 83), *Вильгельмом де-Рубрук* („Путешествие в восточные страны", пер. *Малеина,* 1911, стр. 104) и в некоторых маршрутах, изданных на китайском языке *{Bretschneider,* op. cit, I, стр. 17, 125, 162; *Ab. Remusat*—„Relation de 1'Expedition d'Hou-lagou", etc., в „Journ. As.", 1823, II, стр. 285; *Gaubil,* op. cit, стр. 126). *Bretschneider,* op. cit., I, стр. 17, полагает, что он находился в долине р. Бороталы, ноя склонен его искать скорее в долине р. Цзин-хэ (Джин-хо), т. е. в местности, которая со времен танской эпохи играла роль культурного центра западной Джунгарии. В это время здесь стоял город Ва-лу („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 151)—название, представляющее, может быть, лишь одну из транскрипций слова Пулад [Ву-ла, Бола, у *Рубрука*—Болат, Ву-лоу („Мэнгу-ю-му-цзи", стр. 151)]. Что Пулад играл в Джунгарии в XIII и XIV веках

стороны Алгуй в убеждении, что отбросил главные силы Арик-буги, вернулся в свою ставку па р. Или и распустил войска. Этой оплошностью воспользовался Арик-буга. Брошенный им через перевал Талки небольшой отряд занял город Алмалык, а затем, когда подошли главные силы Арик-буги, Алгуй должен был отступить на юг в направлении сперва на Кашгар, а затем—Самарканд.

Заняв Илийскую долину, Арик-буга с невероятной жестокостью обрушился на местное население, причем особенно поплатились те монгольские части войск Алгуя, которые не успели отойти в Тянь-шаньские горы; они были поголовно истреблены. Но этот акт мести не прошел ему даром, так как державшие до сих пор его сторону монгольские офицеры, возмущенные избиением своих сородичей, покинули его знамена и со своими отрядами передались Юрун-ташу, сыну Мбнкэ, стоявшему в то время во главе авангарда войск Ху-билая в долине Цзабхана[47]. Оставшись почти без войска, Арик-буга стал помышлять уже о мире с Алгуем, когда на сцену выступил внук Угэдэя, Хайду[48].

Веря легенде, что Чингис-хан утвердил за потомством Угэдея преемство императорской власти[49], лишенный не только этой власти, но и удела[50] талантливый и честолюбивый Хайду не мог помириться с выпавшей на его долю ролью главы незначительного горного племени мекрин[51], доставшегося ему по наследству от матери, и решил использовать смутное положение дел в Монголии, дабы силой взять то, что должно было ему принадлежать по праву рождения. Оп встретил поддержку у Беркая, сына Батыя[52], который одновременно вел две войны—с Хулагу и Алгуем, и с его помощью овладел долиной Эмиля, Тарбагатаем и бассейном Черного Иртыша, т. е. значительной частью тех земель, которые некогда входили в удел Угэдэя. В дальнейшем он был, однако, разбит Алгуем, и только смерть последнего помогла ему утвердиться на занятой территории. Таким образом к 1265 году вся Монгольская империя от Багдада до Пекина оказалась охваченной междоусобной борьбой, и только почти одновременная смерть Арик-буги (в 1266 году)53, Алгуя (в конце 1265 или в начале 1266 года)[54], Хулагу (в 1265 году)[55] и Беркая (весной 1266 года)[56] па некоторое время

крупную роль в качестве центра оседлости, это видно, между прочим, и из того, что *Рашид эд-Дин* („Ист. монг." „Введ.", стр. 2) называет его (Пула) на ряду с Русью, Сибирью и Таласом в числе местностей, искони служивших местожительством для тюркских племен. •

[47] У d'Ohsson'a, op. cit., II, стр. 354, река эта названа Tchabacan; то же название находим мы и на карте д'Анвиллл (VIII лист Китайской Татарии).

[48] *Вассаф (Hammer-Pur gstall*—„Geschichte Wassaf's", 1, стр. 126) характеризует его рассудительным, справедливым, счастливым князем, обладавшим большой предприимчивостью и разумом, ставившим его выше мелких ссор и дрязг. С такой характеристикой едва-ли можно вполне согласиться.

[49] Вассаф, ibid.

[50] См. выше стр. 468.

[51] Народец этот, называемый Рашид эд-Дином иначе бекирин, упоминается среди следующих племен, встреченных послом цзиньского императора Ву-іу-сунем на пути в ставку Чингис-хана (см. Bretschnelder, op. cit., I, стр. 27—28): мо-ли-си (м^-ли-ги, меркитов), хэ-ли-ги-сы (киргизов), хан-ли (канглов), гуй-гу (уйгуров), ту-ма (тумэтов) и хэ-лу (гэ-лу, см. выше стр. 341—342). За исключением уйгуров все эти племена населяли Алтайско-Саянское нагорье, тем не менее от мысли поместить там же и мекринов приходится отказаться, так как, согласно Рашид эд-Дину («Введение". О турецких и монгольских племенах, стр. 129), они жили в горах Уйгу-ристана, хотя не были ни уйгурами, ни монголами. Это свидетельство подтверждается и „Мин-ши" {Покотилов—„История восточных монголов в период династии Мин", стр. 133), где читаем: „В Хами издавна совместно живут разнородные элементы; здесь есть и мусульмане и уйгуры, в горах к северу от Хами живут еще сяо-л^-ту и M'fe-кэ-ли (мекрины). Все эти народности постоянно враждуют друг с другом, и никто из них не имеет достаточно силы, чтобы окончательно одержать верх над другими". Наконец, о мекринах (мекритах) упоминает и Плана Картши [Иоанн де Плана Карнннн,— „История Монгалов", перев. Малеина, изд. А. С. Суворина, 1911, стр. 35) в числе покоренных Чингис-ханом племен и народностей. Напомню, что еще в 1896 году („Опис. Пут. в Западн. Китай", I, стр. 484—485) я писал, что в Карлык-таге доживали свой век последние представители какого-то племени, говорящего на языке, отличном от языков монгольского, тюркского и китайского, хотя элементы этих трех языков в нем и встречаются. Не с последними ли мекринами я имел тогда дело?

[52] А не самого Батыя, как читаем у Oliver's., op. cit., стр. 94. Батый скончался в 1255 году.

[53] В 1264 году, оставленный всеми, он решился отдаться'на милость Хубилая, который предал его и сопровождавших его офицеров суду. Арик-буга был помилован, офицеры же его казнены.

[54] См. Бпртолъд—„Очерк истории Семиречья", стр. 55. Согласно Oliver'^, op. cit,, стр. 94, у которого, впрочем, очень много хронологических ошибок, Алгуй скончался уже в 1263 году. В зависимости от этой ошибки далее он пишет, что уже в 1264 году Хубилай назначил ему преемником Борака (см. ниже), что также не верно. Он при этом ссылается на Yule, который определяет время прибытия Николая Поло в Бухару, когда там уже властвовал Борак, 1264 годом. Согласно, однако, данным, содержащимся в

приостановила распри между монголами.

Хубилай хотя и не порвал совершенно с Монголией[57], но был первым Из монгольских монархов, сменившим кочевой образ жизни на оседлый, приволье степи на городскую обстановку, и отдавшим явное предпочтение обществу ученых и царедворцев, которые заменили при его дворе хотя и известных своими ратными подвигами, но грубых солдат.

В 1264 году император Хубилай официально перенес столицу своего государства из города Кара-корума[58] в Пекин[59] и, согласно китайскому обычаю, дал своей династии имя Юань (в 1271 году).

Не внеся в управление Монголией никаких существенных изменений, он все свои организаторские способности отдал делу устроения оседлого населения, которое, несмотря на некоторые реформы министра Чупая продолжало испытывать все невыгоды степного хозяйничанья. Я не буду, однако, касаться этой стороны его деятельности как принадлежащей истории Китая, а не Монголии, и укажу лишь на те из его мероприятий, которые имели общегосударственное значение. К числу таковых могут быть отнесены: учреждение двух советов из высших имперских чинов—верховного (чжун-шу-шэн), до которого восходили наиболее важные дела по внутреннему управлению государством, и тайного (шу-ми-юань), ведавшего внешнюю политику и военную организацию страны; отделение судебной части от администгративной; назначение гражданским чинам в соответствии с рангом занимаемой должности определенного денежного довольствия[60], и одновременное учреждение

книге Марко Поло, его отец должен был прибыть в Бухару в 1262 году и во всяком случае не позднее начала 1263 года, если придавать его выражениям „год" и „три года" значение лишь приблизительно точного указания на истекший период: в г. Бухаре Николай Поло прожил три года, год употребил на путь в столицу Хубилая и три года на обратный путь до города Акры, куда и прибыл в апреле 1269 года; а если так, то слова Марко Поло—„царствовал там Борак" можно относить с одинаковой долей вероятия к любому из годов периода 1262—1266.

[55] D'Ohsson, op. cit, III, стр. 406.

[56] На берегу Кура, в походе на Персию против Абаги, сына и преемника Хулагу. Поводом к этой войне, возникшей еще в 1262 году, была претензия Беркая на Азербейджан и Арран, страну к северу от реки Аракса.

[57] Он об'явил монгольский язык официальным в Китае, поручил Пагба-ламе составить монгольский алфавит (так называемое „квадратное письмо"), который с тех пор и служил государственным письмом во все время царствования в Китае монгольской династии, сделал очень много для образования монголов и т. д. Пагба, по об'яснению L. Feer („La puissance et la civilisation nwngoles au treizieme siecle", 1867, стр. 26), не собственное имя, а тибетское „hphags-pa", эквивалент монгольского „хутухта".

[58] Точнее не из Кара-корума, в котором Хубилай никогда не жил, а из Кай-пин-фу, обращенного вслед за тем в летнюю резиденцию или северную столицу, Шан-ду китайцев.

Кара-корум был основан Чингис-ханом в 1220 г. („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 482—483) и закончен постройкой при Угэдэе в 1234 г. (Брвтимейдер— „Введение" к дневнику арх. Палладия—„Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 г.г." в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", XXII, 1, стр. 32, повидимому, ошибочно относит постройку его к 1235 году, приписывая ее Угэдэю). Он расположен был к востоку от Орхона и к юго-юго-востоку от столицы Уйгурского ханства — города Кара-балгасуна (см. выше стр. 345). Его посетили: Плано Кйриини в 1246 г., В. Рубрук в 1254 г. и Марко Поло в 1275 году. По словам Рубрука, Кара-корум за выключением территории, занятой дворцовыми постройками, по своим размерам не превышал парижского предместья St. Denis (по определению Марко Поло он имел в окружности около 4^2 верст) и распадался на две части—магометанскую, в которой находился городской базар, и китайскую, преимущественно ремесленную. Сверх того имелся особый квартал, занятый казенными зданиями и в их числе государственной канцелярией. Капищ в нем насчитывалось 12, мечетей—две, церковь—одна. Весь город обнесен был глинобитной стеной, которая в каждой из четырех своих сторон, обращенных к четырем странам света, имела ворота. В настоящее время на развалинах Кара-корума стоит старейший из монгольских монастырей—Эрдени-цзу, сооруженный Абатай-ханом в 1586 г. (см. А. Позд-неев—„Монголия и монголы", I, стр, 427—428; а также Ядринцев—„Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Кара-корума" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1890, XXVI. стр. 257 seqq). Китайское его название было Хэ-нин (Хо-линь).

[59] Город, в котором поселился Хубилай, носивший у китайских историков название Дай-ду (северной столицы), был им выстроен в 3 ли к северо-востоку от Да-син-фу (Пекина цзиньской эпохи, ныне восточного квартала этого города); он имел около 60 ли в окружности. Ср. с тем, что о местоположении монгольского Пекина пишет арх. Палладий („Комментарий архим. Палладия Кафарова на путеш. Марко Поло", стр. 39). Между тем, у S. v. Fries—„Abriss der Geschichte China's seit seiner Entste-hung", стр. 240—241, читаем: „..als der letzte Monarch dieses Hauses 1279 seinem Leben selbst ein Ende bereitete, verlegte Hu-bi-lie seine Residenz von Shang-du—N. von Peking in der Nahe von Dolonnor—nach Dshung-du—jetzt Peking, und bestieg dort den chinesischen Kaiserthron".

[60] У *Марко Поло {Минаев*—„Путешествие Марко Поло", стр. 109) имеется указание, что денежное довольствие установлено было также и в войсках, причем на содержание их выделялась часть доходов той области, в которой они расположены были гарнизоном.

приказа о чинах гражданских (юй-шы-тай), нечто вроде разрядного приказа до-петровской Руси[61], имевшего высший надзор над исправным отбыванием ими государственной службы, наконец, издание свода законов Монголии собственно касались попытки его насадить в ней просвещение, для чего, по его повелению, создан был монгольский алфавит[62], открыты были учебные заведения, переведены на монгольский язык китайские классические сочинения и составлена на монгольском языке краткая история Китайской империи.

До Хубилая ни одна из религий Востока не получила первенства в Монголии и не проникла в толщу народных масс, которые оставались всецело во власти первобытной религии Средней Азии —шаманизма или „черной веры" (хара шаджин), как ее в настоящее время называют монголы в отличие от ламаизма или „желтой веры" (шира шаджин)[63]. Хубилай был первым из преемников Чипгис-хапа, изменившим вере отцов и под влиянием ученого Пагба-ламы принявшим буддизм[64], и без сомнения этот момент был решающим в деле распространения этой религии в монгольской среде.

Под покровом религиозного либерализма и терпимости буддизм проник в Монголию незаметно, без насилия и потрясений, не смутив никого резкой новизной своих догматов. Присущая ему способность к ассимиляции помогла ему ужиться с шаманизмом и сохранить монголам всех их старых богов. Отав буддистом, монгол таким образом продолжал поклоняться небу, земле, солнцу, луне, горам, рекам и опгонам, т. е. душам умерших[65], приносить им жертвы и выполнять другие обряды, и к этому внешнему культу присовокупил лишь веру в загробную нирвану и в самоусовершенствование. Приняв буддизм, Хубилай не прекращал жертвоприношений, этим богам, моля их о здоровьи и долгоденствии, и построил храм онгонам Есукэя, Чингиса, Джучи, Джагатая, Угэдэя, Тулуя, Гуюка и брата Мбнкэ; но и насадители буддизма в Монголии не нашли предосудительным усвоить многие из шаманских понятий и обрядов, лишь несколько изменив их сообразно с духом проповедуемой ими религии, и этому обстоятельству мы обязаны тем, что отрывки древней монгольской мифологии дошли до нас на письме. При таких условиях пропаганда буддизма не могла не идти успешно в Монголии, хотя возможно, что прав и Банзаров[66], высказывая предположение, что при Юанях он делал завоевания главным образом в правящих сферах и в среде монгольских сановников[67].

---

[61] Круг ведения разрядного приказа был, впрочем, гораздо шире, так как в нем сосредоточены были также и всякие „воинские дела'.

[62] См. выше стр. 482

[63] *Банзаров*—„Черная вера", стр. 4.

[64] Марко How, op. cit, стр. 113 и 114, приводит следующий рассказ о причине, побудившей Хубилая отдать предпочтение буддийской религии Как вы хотите, сказал, будто-бы, он Николаю и Матвею Поло, чтобы я стал христианином^ Все здешние христиане—невежды, представляя в этом отношении прямую противоположность иноверцам.

[65] Н. Веселовский, поставивший себе задачей об'единить известия о религиозных воззрениях древних монголов („О религии татар по русским летописям" в „Журн. Мин. Нар. Проев.", 1916, № 7), не находит об'яснения существовавшему у них культу „куста". Плана Каршми („История Мон-галов", перев. Малеина, 1911, стр. 11) свидетельствует: „Мы видели также что Оккодай хан посадил куст за упокой своей души, почему и предписал, чтобы никто там ничего не срезал"... По этому поводу Веселовский (стр. 95) задается вопросом: „Выражение „за упокой души" непонятно: и если можно об'яснить закапывание коня как погребальную тризну, то как же можно приурочить к этому событию посадку человеком куста в виде будущей жертвы для своей души? Надо думать, что в этом обряде скрывается что-то другое". Сходный обычай существует у мяо-лоло {А. О. Ивановский—„Материалы для истории инородцев юго-зап. Китая", II, стр. 16). Он об'ясняется, как мне кажется, верой, что дух умершего некоторое время витает над трупом. Для того, чтобы дать ему приют, мяо-лоло втыкают в могилу ветви сосны. Там, где, как в Монгольской степи, куст— явление не частое, это желание дать духу умершего временный приют могло вылиться в обычай, о котором пишет Плано Карлики.

[66] Op. cit. стр. 44.

[67] Если-бы было иначе, рассуждает он, если-бы буддизм пустил глубокие корни в монгольском народе, то трудно было-бы об'яснить совершенное искоренение его в Монголии после изгнания монголов из Китая.

Но был-ли он совершенно искоренен в Монголии, вот в чем вопрос. Что падение Юаньской династии в Китае, приписанное, согласно китайской версии, чрезмерному усилению невежественных лам при монгольском дворе, могло дать повод к репрессивным против них мерам и даже к серьезному преследованию буддизма, это—возможно и даже весьма вероятно, но Когда вернетесь в Рим, просите папу прислать к нам побольше людей образованных и сведущих в делах веры. См. также I. L. Moshemlus (Mosheim)—„Historia Tartarorum ecclesiastica", 1741, стр. 89.

Причины, склонившие Хубилая к буддизму, обстоятельно разобраны архим. Гурием, op. cit, стр. 89 seqq.; у него же находим мы и дату этого события—1269 год, заимствованную им из монгольского сочинения „Джи-рухэну-толта" (А. Поздпеев—„Монгольская хрестоматия", стр. 360—366). отсюда до полного искоренения последнего в пределах Монголии еще далеко. Он испытал здесь, вероятно, временную немилость подобно той, какую испытал в VIII веке в Китае, где гонения на последователей этой религии возбуждены были под предлогом, что монашество препятствует росту населения и уменьшает государственные доходы, а засим снова воспрянул и притом с такой силой, что окончательно вытеснил из страны шаманизм.

При Хубилае отменен был закон, ограничивавший служебные права буддистов в Китае, и изданы были постановления, определявшие юридическое положение буддийских монастырей и монастырских угодий.

Что касается внешней политики Хубилая, то она продолжала оставаться традиционно-агрессивной.

В 1261 году посол Хубилая был задержан сунским правительством и заключен под стражу. Этот враждебный акт послужил поводом к новой войне между монголами и китайцами, закончившейся в 1280 году полным разгромом Сунской империи и присоединением ее территории к Монгольской державе.

Впрочем, благодаря смутам в Монголии, Хубилай мог выставить силы, достаточные для войны с этой империей, лишь в 1267 году, да и то в этих войсках значительный процент выпадал на долю конгингентов, высланных с запада ил-ханом Абага и Джучидами и состоявших из арабов (?), персов, аланов, кипчаков, уйгуров и других племен[68], причем и главное командование этими силами вручено было не монголу, а китайцу Шэ-дянь-цзэ, который повел военные операции, не считаясь с монгольскими приемами ведения войны.

В октябре 1268 года он осадил город Сян-ян-фу и занял его лишь после пятилетней осады, когда обессиленный гарнизон решил, наконец, сложить оружие, положившись на слова следующего обращения к нему Хубилая: „Пятилетняя доблестная защита города доставила вам, солдаты, неувядаемую славу. Служить своему государю, не щадя жизни,—обязанность верных слуг. В том', однако, положении, в котором вы сейчас находитесь, без сил и без помощи, даже без надежды ее получить, благоразумно-ли долее упорствовать и тем обрекать на неминуемую смерть столько храбрецов? Сложите же оружие и верьте, что с вами ничего худого не случится. Мы обещаем каждого из вас определить к службе, которая будет его достойна и его удовлетворит. В этом порукой наше царское слово". Это обещание действительно было исполнено, и мужественный защитник города, генерал Люй-вэнь-хуань, был принят Хубилаем с особым почетом. Но как все это далеко отошло от еще живших в народной памяти монгольских приемов борьбы, когда доблесть поверженного врага хотя и покоряла монгольские сердца, но обрекала его на неминуемую смерть: сопротивляющийся да погибнет! Хубилай всецело находился под благотворным влиянием китайских ученых, которые не переставали ему внушать, что только варварство, кровожадность и вероломство монголов вынуждали соседние народы оказывать им упорнейшее сопротивление, и что не будь у них этих качеств, китайские города и крепости сдавались-бы им с большой охотой.

Предсказания эти частью оправдались в 1274 году и в начале 1275 года[69], когда, не допустив до штурма, при одном

[2])

лишь приближении монгольских войск, сдались Хань-ян, Хуап-чжоу, Ань-цин, Ань-дун, Чжэнь-цзян, Нин-го, Тай-пин, Гуап-дэ, Пип-цзян, Чжан-чжоу и многие другие, менее значительные китайские города[70].

В конце 1275 года монголы уже овладели почти всей страной между реками Хуай и Ян-цзы и северными частями провинции: Ху-нань и Цзян-си, следующий же год застал их в городе Цзя-син-фу на пути к столице империи Лань-апю[71]. Когда передовые их отряды вступили в предместье последней, императрица-регентша выслала им на встречу государственную печать—знак безусловной покорности[72].

Занятие столицы и пленение юного императора Гун-цзуна не отдало, однако, в руки монголов всей империи Сунов; юго-восточные ее провинции: Чжэ-цзян, Фу-пзянь, Гуан-дун, Гуан-си и часть Цзян-си остались верными династии Сунов, и, провозгласив императором девятилетнего И-вана, брата Гун-цзуна, продолжали вести с ними борьбу с той энергией, которую родит только сознание, что игра идет на последнюю ставку.

Этот момент совпал с волнениями в Монголии, вызванными происками Хайду, ликвидация которых потребовала от Хубилая огромного напряжения сил и всей энергии, на которую он был только способен.

После почти одновременной кончины виновников тех волнений, которые разыгрались в Средней Азии при

---

[68] У Рашида („Введение. О турецких и монгольских племенах", стр. 197) говорится, однако, что Баян, с 1274 года стоявший во главе монгольских войск, оперировавших в Южном Китае, был послан туда Хубилаем во главе 30.000 монголов и 80.000 китайцев. Впрочем, под именем монголов можно разуметь здесь не одних только коренных представителей этого племени.

[69] Во главе монгольских войск находился в это время уже не китаец Шэ-дянь-цзэ, скончавшийся в начале 1274 года, а монгол по происхождению, но перс по воспитанию, Баян-нойон, благородство характера которого засвидетельствовано и китайской историей (см., например, de Mailln, op. cit, IX, стр. 349 и 354).

[70] Необходимо, однако, отметить, что на ряду с этим во многих пунктах империи монголов встретило упорное сопротивление, сломить которое им стоило большого труда.

[71] Ныне город Хан-чжоу-фу.

[72] De Mailla, op. cit., IX, стр. 371

вступлении на престол Хубилая, монгольские владения успокоились не надолго.

Смерть Алгуя[73] вызвала вопрос об его заместителе. Князья Джагатайского улуса выбрали своим главой Мубарек-шаха, сына Хара-Хулагу и Эргэнэ, одно время (с 1252 по 3260 год) правившей этим улусом на правах регентши, первого из потомков Джагатая, исповедывавшего ислам, Хубилай же послал туда правителем Борака, другого правнука Джагатая. Борак сумел очень скоро расположить к себе монгольскую партию в Туркестане и уже в сентябре 1266 года нанес решительное поражение Мубарек-шаху под городом Ходжентом, после чего овладел всеми сокровищами Алгуя и Эргэпэ и провозгласил себя ханом[74]. Этим моментом воспользовался Хайду и занял своими войсками Семиречье и восточную часть Сыр-дарьинской области[75]. Первое его столкновение с Бораком было для него неудачным, но своевременно поддержанный Мэнгу Тимуром, внуком Батыя, он сумел не только отстоять занятую территорию, но и нанести Бораку в 1268 году на берегу Оыр-дарьи жестокое поражение, чем и принудил последнего согласиться на раздел Туркестана, причем существовавшее там со времени Джагатая особое гражданское управление было уничтожено[76], а входившие в его состав земли распределены между Бораком, получившим две трети всей территории, и Хайду и Мэнгу Тимуром, удовольствовавшимися остальной третью[77], но так как Борак при этом лишился также и земель, лежавших на север от Оыр-дарьи, то одновременно Мэнгу Тимуром было ему предложено поддержать силой оружия его претензии на Хорасан[78]. Таким образом уже в самом соглашении, стремившимся уничтожить поводы к междоусобиям, содержался зародыш дальнейших раздоров в семье Чингисидов, и они не замедлили возобновиться после того, как Борак с значительными силами[79] перешел Аму-дарью и вторгся в пределы Герата и Хорасана.

В решительном сражении с ил-ханом Абага он был разбит на-голову и бежал в Бухару[80]. Здесь он успел, однако, быстро оправиться и даже собрать новую армию, но послал ее не против Абага, а в Оеистан, против Ахмеда Буры, внука Джа-гатая, и Никби-Агула, внука Угэдэя, которые покинули его в тот момент, когда счастье улыбнулось противнику. Оба они были убиты[81]. Этот акт мести восстановил против него многих князей и эмиров, которые, убегая от его тирании, в большинстве перешли под знамена Хайду. Оставленный почти всеми, он умер в 1270 году[82], после чего князья его удела присягнули Хайду[83].

Мир, который засим водворился в Туркестане, не имел, однако, в себе элементов устойчивости, так как Джагатаиды искали только случая, чтобы вернуть утраченные земли, а вместе с ними и политическое могущество.

---

[73] См. выше стр. 481.

[74] Hammer-Purgstall, op. cit., стр. 128.

[75] Бартогъд—„Очерк истории Семиречья", стр.56. Согласно d'Ohsson'y, op. cit., Ill, стр. 427—428, этому предшествовали: ссора, затем соглашение между Хайду и Бораком о разделе между ними доходов с городов Бухары и Самарканда, и война, а затем тесный союз между Хайду и Мэнгу-Тимуром, но эти известия, почерпнутые d'Ohsson'ow у Вассафа, едва-ли достоверны.

[76] Повидимому, уже Чингис-хан счел целесообразным гражданское управление уделом Джагатая вложить в более надежные руки: так, у Хон-демира (В. Григорьев—„История Монголов", стр. 109) читаем: „При разделе своих владений Чингис-хан выделил Джагатаю страны Мавераннагра, земли уйгуров, области Кашгара, Бадахшана и Балха и вручил их попечениям Караджар-нойона"... Роль, которую Хондемир приписывает Кара-джар-нойону, в действительности принадлежала Махмуду ялваджу (см. Defremery—„Histoire des khans Mongols du Turkistan et de la Transoxiane" в „Journ. Asiat", IV serie, 1852, XX, стр. 388), заместителем которого еще при жизни Джагатая был его сын Масуд-бей {d'Ohsson, op. cit., II, стр. 102, 193, 194. 262, 263).

[77] При этом город Ходжент вошел в состав земель, доставшихся Бораку {Oliver, op. cit., стр. 95).

[78] Я не уверен, что изложенное выше вполне отвечает тому, что произошло в действительности, так как источники, которыми я пользовался, кратки и противоречивы.

[79] *В*ассаф (Hammer-Pur gstall, op. cit, стр. 135) определяет их в 100.000 чел.; ту же цифру дает и Хондемир (В. Григорьев, op. cit., стр. 40; Defremery—„Histoire des khans mongols du Turkistan et de la Transoxiane" в „Journ. Asiat.", IV serie, 1852, XIX, стр. 256).

[80] Hammer-Pur gstall, op. cit, стр. 134—144; d'Ohsson, op. cit., Ill, стр. 436—449; Defremery, op. cit, стр. 261—262.

[81] Hammer-Pur gstall, op. cit., стр. 144—145; d'Ohsson, op. cit, III, стр. 450.

[82] D'Ohsson, op. cit, II, стр. 451, III, стр. 451—452; Defremery, op. cit, стр. 262. Вассаф (Hammer-Pur gstall, op. cit., стр. 146) пишет, что он был отравлен; то же повторяет и Кондемир, приписывая это преступление „вероломному" Хайду. См. также Chabot—„Histoire de Mar Jabalahana III et du moine Rabban Cauma", стр. 25.

[83] Бартольд, op. cit., стр, 56 (см. также его прим. к стр. 177 соч. Стэнли Лэн-ПулЯ—„Мусульманские династии"), пишет, что Хайду стал главой всех монгольских царевичей в Средней Азии уже в 1269 году. То же утверждает и Минаев—„Путешествие Марко Поло", стр. 310, прим,

Во главе союза этих князей[84] стал Никби, внук Джагатая и преемник Борака, но его борьба с Хайду окончилась неудачно для Джагатаидов: разбитый последовательно в нескольких столкновениях с войсками Хайду, он пал, наконец, в решительном бою с ними в 1272 году. Тогда остальные князья, отчаявшись удержать за собой спорные культурные земли Бухары и Мавераннагра, решили прежде, чем отступиться от них, обратить их в пустыню, но и в этом намерении их предупредил ил-хан Абага, который, руководствуясь подсказанной ему мыслью, что доколе эти страны, служившие причиной раздора между Хайду и Джагатаидами, сохранят свое значение производительных центров, их владельцы не перестанут посягать на Хорасан, отправил в Бухару и Хорезм две армии, вменив им в обязанность не оставить там камня на камне[85]. Этот приказ был исполнен в точности, причем особенно пострадала Бухара, которая стала вновь заселяться не ранее 1280 года[86].

После кратковременного правления Тука-Тимура[87] во главе Джагатайского улуса стал, наконец, более достойный правитель, талантливый Дува[88], сын Борака, поставивший себе задачей восстановить сильно подточенные предшедшими беспорядками рессурсы страны и мирными средствами добиться утраченного могущества. Он признал верховность Хайду и в дальнейшем был всегда его верным союзником; однако его владения уже не распространялись на Самарканд и Бухару, ставшие достоянием Хайду[89].

В 1275 году Хайду выступил впервые открыто против Хубилая[90].

Он вторгся в Уйгурию и осадил город Бишбалык за отказ идыкута примкнуть к нему против Хубилая, но последний успел своевременно выслать уйгурам подкрепление, и Хайду принужден был отступить.

Хайду далеко, однако, не счел свою партию проигранной, и брожение, которое вслед затем возникло в Монголии, показало Хубилаю, что неудача, постигшая этого предприимчивого князя под городом Бишбалыком, не приостановила его стремлений к императорскому венцу. Тогда Хубилай стянул еще более значительные силы, вызвал даже некоторые части войск из южного Китая[91] и отправил их к городу Кара-коруму[92] под начальством своего сына

---

[84] *Вассаф* называет только шесть князей этого союза, в том числе четырех сыновей Борака.

[85] D'Ohsson, op. cit, III, стр. 456—457; Defremery, op. cit„ стр. 263. Oliver, op. cit., стр. 98, почему-то относит это событие к 1274 году

[86] Однако даже в первой половине XIV века (в 1333 г.), когда ее посетил Ибн-Батута (Defremery et Sufigmnetti—„Voyage d'lbn Batoutah", III, стр. 22), она представляла едва населенное невежественным народом море развалин; от ее школ не осталось и следа, и она давно уже перестала быть рассадником просвещения: „в настоящее время, говорит Ибн-Батута, в городе нет человека, который обладал-бы некоторыми знаниями или по крайней мере стремился их получить".

[87] Транскрипция d'Ohsson'a, op. cit, II, стр. 451; у Абуль-Гази (Desmaisons, op. cit, стр. 159) и Хондемира {Defremery, op. cit, стр. 264, В. Григорьев—„История монголов", стр. 113) он назван Бука-Тимуром (Буга-Тимуром).

[88] D'Ohsson, ibid.; de Mailla, op. cit, IX, стр. 390,—Toua; Defremery, op. cit, стр. 265,—Doua Sedjan, Doua Djidjen (ср. Григорьев, ibid., где то-же лицо названо Деваш или Дайзи-ханом); Desmaisons, ibid.,—Dou'i Tche-tchene; Саблуков, ibid., стр. 132,—Дуи-ходжен; Бартолъд, op. cit, ^Р- 57, по правописанию Вассафа и монгольского письма считает более правильным писать Тува (ср. d'Ohsson, op. cit, II, стр. 520); позднее он, повидимому, отказался от этого взгляда (см. Ст.тли Лэн-Пулъ—„Мусульманские династии", стр. 176, прим.), но в последнем своем сочинении—„Улугбек и его время" („Зап. Российск. Акад. Наук", VIII сер., т. XIII, №5, 1918, стр. 8) вновь вернулся к правописанию Тува.

[89] D'Obsson, op. cit, III, стр. 458; Hammer-Pur gstall, op. cit., стр. 148—149.

[90] *D'Obsson,* op. cit., II, стр. 451. В географеческом отделе „Юань-ши" (см. „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 470) говорится, что в 1264 году, когда Хайду возмутился, Хубилай преследовал его до Алмалыка, после чего для защиты края оставил здесь армию под начальством сына своего Бэй-пин-вана. То-же читаем мы у *Бретшнейдера* („Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources, II, стр. 36), но уже под 1268 годом. Тот же год дает и *Gaubil,* op. cit., стр. 147, для первого выступления Хайду против Хубилая, окончившегося поражением его войск, но вторжение князей Хайду и Дува в Уйгурию, что и было, повидимому, первым враждебным их актом по отношению к Хубилаю, а равно и поход Бэй-пин-вана, т. е. Номохана (у *СаиЬИГя*—Нань-му-ханя), на запад тот же автор (стр. 148) относит уже к 1275 году. Что этот последний год наиболее достоверен, явствует хотя-бы из того обстоятельства, что при осаде города Бишбалыка находился джагатайский князь Дува, вступивший в союз с Хайду не ранее 1273 года.

Дальнейшее изложение, в котором я придерживаюсь, главным образом *d'Ohsson'a.,* имевшего возможность исправить и дополнить китайские известия в переводах *de МаШа* и *СаиЬИГя* данными, заимствованными у *Рашид эд-Дина,* лнесколько расходится с этой версией, но в почти неразработанной истор^ Средней Азии вопреки положению, что научно только то, что не гадательно, приходится очень часто довольствоваться только гадательным. Особенно же много спорного и неясного содержит именно эпоха Хайду, которая не подвергалась еще исторической разработке.

[91] *De Mailla,* op. cit, IX, стр. 389.

[92] *Bretschneider,* op. cit., II, стр. 36. Что Номохан послан был Хуби-лаем к Кара-коруму, а не к р. Или (на Алмалык), говорит и *Марко Поло,*

Номохана.

Хайду, повидимому, предпочел уклониться от встречи с этим последним, но вместе с тем сумел поселить раздор между Чингисидами, принявшими участие в этом походе[93]. Один из последних, ПТиркэ, сын Мбнкэ-хана, сговорившись с Тук-Тимуром[94] и другими князьями, арестовал Номохана[95] и отправил его под конвоем к хану Мэнгу Тимуру, а сам передался Хайду и совместно с этим последним двинулся к Кара-коруму. К этой группе князей вскоре примкнули и некоторые из Джагатаидов и потомков Угэдэя и Арик-буги[96]. Таким. образом, на этот раз против Хубилая составилась мощная коалиция, разбить которую стоило ему больших усилий и средств.

Собрав новую армию, он вручил ее Баяну, который сумел выказать блестящие военные дарования на полях Южного Китая.

Встретив армию Ширкэ в долине Орхона[97], Баян нанес ей здесь решительное поражение[98], после чего преследовал ее за р. Тамир. В пределах Хангая он последовательно разбил затем несколько других армий, высланных против него Хайду и Дува[99], и гнал их до верховий Енисея, где также настиг и уничтожил арьергард войск Тук-Тимура, бежавших сюда из долины Толы[100]. Эти поражения вызвали не только распадение коалиции, но и кровавые распри между союзниками[101], приведшие вскоре некоторых из них с повинной к подножию Хубилаева трона. Этим Хубилай удовольствовался, но, оставив Хайду безнаказанным, он тем самым сохранил в Монголии источник постоянных интриг и волнений.

К этому же времени должно быть отнесено и насильственное выселение киргизов в Маньчжурию[102]. „Юань-ши" выставляет предлогом желание Хубилая заселить окрестности Бодунэ, но едва-ли была в таком случае надобность вспоминать о далеких киргизах; очевидно, причина лежала глубже, но она осталась нам неизвестной, как равно и все то, что происходило в Саянах после 1207 года, когда этой страной овладели монголы.

Возвращаюсь к империи Сунов.

В течение 1276 и в начале 1277 года монголы достигли очень многого в Южном Китае, и только решение Хубилая перебросить на северный фронт все полевые войска, оставив в нем только то, что было безусловно необходимо для удержания завоеванных территорий, существенно изменило положение дел на

---

op. cit., стр. 312. Ср., однако, *Gaubil,* op. cit., стр. 182, который пишет, что Номохан послан был к Алмалыку, где, будто-бы, в 1277 году и понес поражение в столкновении с Ширкэ и другими, изменившими Хубилаю, князьями. Ссылаясь на *Рашид эд-Дина, Blocbet*—„Introduction a 1'histoire des Mongols de Fadi Allah Rashid ed-Din", стр. 238, также говорит, что Хубилай отправил Номохана не к Кара-коруму, а на запад, и не только против Хайду, но и против Джучидов, дабы наказать их за противодействие торговым и посольским сношениям Китая с Персией. Наконец, у Ohver'a., op. cit., стр. 99—101, эти события изложены следующим образом: императорские войска под начальством Номохана, принявшего (согласно китайскому обычаю) титул главнокомандующего в Алмалыке, первоначально отправлены были на северо-запад, но засим продвинулись к западу, и решительное столкновение, в котором Номохан был разбит на голову и взят в плен, произошло под Алмалыком.

[93] De Mailla, op. cit, IX, стр. 390.

[94] Родословная этого князя мне неизвестна.

[95] Рашид эд-Дин— „История Чингиз-хана до восшествия его на престол", перев. Бережна, стр. 62; d'Ohsson, op. cit, II, стр. 452; Gaubil, op. cit., стр. 182, и de Mailla, loc. cit., сообщают о предшествовавшем пленению вооруженном столкновении разделившихся войск, окончившемся не в пользу Номохана

[96] Рашид эд-Дин, op. cit., стр. 62, упоминает даже о князе Давту, племяннике (?) Чингис-хана, который принял участие в этом заговоре.

[97] У de Mailla, ibid.,—Ва-лу-хуань или Оргунь (Orgoun). Аргунью эта река быть не может, и потому приходится допустить, что здесь мы имеем дело с искажением имени Орхон. Арх. Палладий („Труды член. российск. дух. миссии в Пекине", IV, стр. 404) также думает, что А-лу-хуань „Юань-ши"—р. Орхон. К аналогичному заключению пришел, повидимому, и Gaubil, op. cit, стр. 183.

[98] Согласно „Ган-му" {Gaubil, de Mailla), Ширкэ был убит в этом сражении, d'Ohsson же, op. cit, II, стр. 453, заставляет его бежать на Иртыш (?) и принимать в дальнейшем деятельное участие в распрях, возникших между союзными князьями.

[99] Gaubil, loc. cit., de Mailla, loc. cit.

[100] Где он был разбит полководцем Хубилая Тутуха, потомком одного из кипчакских князей, покоренных Батыем. Тутуха командовал войсками, набранными среди кипчаков {Gaubil, op. cit, стр. 183; de Mailla, op. cit, IX, стр. 390).

[101] Во время этих распрей погиб Тук-Тимур (он был казнен), один из самых отважных вождей коалиции.

[102] „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 171; Scbott—„Ueber die achten Kirgisen" в „Abhandl. d. k. Akad. d. Wiss. zu Berlin", 1864, стр. 461, относит это событие к 1293 году.

театре военных действий в пользу китайцев;
последние успели нанести даже монголам несколько серьезных ударов и вернули себе ряд городов, и в их числе столь важные, как Синь-хуа-фу в Фу-цзяне, Гуан-чжоу-фу (Кантов) в Гуан-дуне и Гань-чжоу-фу в южной Цзян-си[103]. Но этому успеху был положен конец, как только спокойствие в Монголии было восстановлено, и Хубилай вновь получил возможность располагать всеми силами своего государства.

Уже в конце 1277 года, благодаря, впрочем, измене китайского губернатора, Кантон был снова в руках монголов, а затем китайских полководцев, имевших возможность противопоставлять монгольским ветеранам едва обученные части, стали преследовать неудачи и в открытом поле. 1278 год прошел для них в тщетных усилиях задержать наступление монголов, которые явно стремились прижать их к берегу Южно-Китайского моря. В следующем году это последним и удалось, но и в таком критическом положении китайский главнокомандующий Чжан-ши-цзэ не захотел сложить оружия и перевел остатки своих армий на суда того флота, на котором давно уже скитался по бухтам Южно-Китайского моря последний отпрыск династии Сунов, император Ди-бин, вступивший на престол в начале 1278 года после смерти своего брата Дуань-цзуна (И-вана), не выдержавшего треволнений той страннической жизни, на которую был обречен. Примеру китайцев последовали, однако, и монголы и, нагнав их в Кантонском заливе у одного из многочисленных здесь прибрежных островов, заставили их принять бой в весьма невыгодных для себя условиях. Китайцы были разбиты (1280 г.). Сотни судов достались победителям, десятки тысяч солдат погибли в волнах водной стихии[104].

Смерть императора Ди-бина была трагической. Преданный ему сановник Лю-сю-фу посадил его себе на плечи и вместе с ним бросился в море. Оба утонули. Погиб также и доблестный Чжан-ши-цзэ, но не так, как рассказывает легенда[105], а сделав еще одну попытку вернуть империю Сунам. Он успел прорвать фронт и с несколькими кораблями уйти к берегам Тонкина. Здесь он собрал новые силы и шел с ними морем против Кантона, где хотел провозгласить императором одного из членов фамилии Чжао[106], но в пути ему пришлось вынести жестокую бурю, во время которой и погибло судно, на котором он находился.

Так пала Оунская династия, правившая Южным Китаем в течение 380 лет.

В том же 1280 году Хубилай решил покорить Японское государство, но широко задуманная военная экспедиция окончилась катастрофой: большинство отправленных с десантными войсками судов погибло во время сильнейшего шторма, спасшиеся были захвачены японцами, и только небольшой их части удалось вернуться к родным берегам[107].

Столь-же неудачной оказалась и попытка Хубилая смирить властителя Чжань-чэна (Верхней Кохинхины), державшегося в отношении Юаньского двора без должной почтительности:
столица была взята, но наследник престола удалился вглубь страны и повел защиту государства с такой энергией, что монголам, дабы не быть отрезанными от своей базы и флота, пришлось отступить, и вскоре затем и совершенно покинуть Чжань-чэн (в 1282 году)[108].

---

[103] De Mmlla, op. cit, IX, стр. 389.

[104] De Mailla, op. cit, IX, стр. 397—400.

[105] De Mailla, op. cit., IX, стр. 399—400. Другой, не менее выдающийся китайский полководец этой эпохи Вэнь-дянь-сян был взят в плен в 1279 году. Когда он был доставлен в Пекин, Хубилай принял его очень милостиво, и от его имени ему сделано было предложение перейти на монгольскую службу: „Ты выполнил в отношении своих государей все, что можно требовать от преданного министра и доблестного воина; но Китай для Сунов навеки потерян, и ничто не препятствует тебе служить с тем же рвением своему новому повелителю". Но Вэнь-дянь-сян решительно отклонил это предложение: „Препятствует честь, сказал он. Я не могу служить тому, в ком вижу главного виновника гибели Сунов. К тому же ответственность в падении империи ложится и на меня, и я без страха, с радостью приму смерть, которая да послужит последним доказательством моей преданности Сунам". Хубилай отдал его под надзор, но затем, уступая общественному мнению, возбужденному упорными слухами о готовящемся восстании китайцев в пользу фамилии Чжао, передал в руки палача. Он был казнен в 1282 году (см. de Mailla, op. cit,, IX, стр. 402, 417). Ему принадлежат следующие строки, написанные в ответ на предложение изменить Сунам: „С тех пор, как существует мир, никто еще не избег смерти. Вот почему каждый из нас должен жить так, чтобы служить предметом подражания для последующих поколений и тем самым обессмертить свое имя в истории". Его соратник и друг Лю-цзэ-цзюнь, попавший также в руки монголов, не был, однако, ими пощажен и умер в страшных мучениях на медленном огне. И много еще других имен патриотов приводит китайская история, глубокая любовь коих к родине вследствие общей разрухи не могла уже спасти империи от иноземного ига.

[106] Суны принадлежали к фамилии Чжао.

[107] *D'Ohsson,* op. cit., II, стр. 440—441; *de Mailla,* op. cit, IX, стр. 406, 409—410.

[108] *D'Ohsson,* ibid.; ср. *de Mailla,* op. cit., IX, стр. 414—415. *GaubU,* op. cit, стр. 194, относит эту экспедицию к более раннему времени, а именно к 1281 году.

В 1283 —1284 годах была покорена верхняя Бирма[109].

В 1284 же году, а затем и в следующем предпринимались малоуспешные походы в Тонкий, отказавшийся пропустить монгольские войска в Нижнюю Кохинхину[110]. В 1287 году монголы достигли там больших результатов, но в 1288 году эпидемические болезни произвели среди них такие опустошения, что остаткам их войск лишь с трудом удалось пробиться обратно в Юнь-нань[111]. Несмотря, однако, на столь неблагоприятный для монголов исход их экспедиции, тонкинский владетель не счел возможным долее поддерживать свою борьбу с могущественной Монгольской империей и покорился[112].

В 1286 году добровольно признали себя вассалами Хубилая также и правители царств Зондского архипелага[113].

В том же году Хубилай стал готовиться к второй экспедиции в Японию, но новое восстание в Монголии остановило эти приготовления[114].

Хайду сумел на этот раз привлечь на свою сторону некоторых князей, уделы коих находились в восточной части Монголии. Это были потомки братьев Чингиса—Джучи Хасара, Хаджиуна и Утджи-нойона: Сиктур, Кадан и Наян[115], к которым вскоре примкнули Шинглагар из рода Хаджиуна, Эбугэн из рода Кюлькана[116], Урук-кутэн из рода Угэдэя, и некоторые другие[117]. Наиболее сильным из этих князей был Наян.

Наян, хотя и собрал крупные силы, но, не считая их все же достаточными для наступательных действий против императорских войск, стал поджидать подхода корпусов, высланных ему в помощь Хайду. Эта нерешительность Наяна позволила Хубилаю не только воспрепятствовать соединению неприятельских армий, но и уничтожить их по частям. Отправив Баяна к Кара-коруму, он с остальными войсками, состоявшими из монголов, китайцев и кипчаков, перешел в наступление и в долине р. Ляо-хэ заставил Наяна принять бой, хотя силы последнего на много превышали его собственные[118]. Наян был разбит, бежал, но был вскоре схвачен и тут же казнен.

Эта победа была настолько решительной, что Хубилай счел дальнейшее свое пребывание в армии излишним и вернулся обратно в Пекин (в 1287 году), возложив верховное командование в Монголии на своего внука Тимура.

Этот последний в полной мере оправдал доверие деда, и в следующем 1288 году нанес союзникам последовательно два поражения: рассеял остатки войск Наяна и поразил при р. Гуйлэр[119] князя Кадана, который, присоединив к своим войскам то, что еще оставалось от армии Наяна, сделал попытку перейти в наступление. Вторично этот князь был разбит в 1289 году при р. Толе[120], после чего принужден был

---

[109] У китайцев—Мянь-дянь, у туземцев—Мранма, Миамма. *D'Ohsson,* op. cit., II, стр. 442—444; о покорении Бирмы говорится также у Марко Поло {Минаев—„Путешествие Марко-Поло", стр. 182—185).

[110] Собственно в Аннам, владения которого включали в то время Тонкин и Верхнюю Кохинхину (Чжань-чэн).

[111] De Mailla, op. cit, IX, стр. 430, 435—436; Gaubil, op. cit., стр. 208. Том II. 321

[112] De Mailla, op. cit, IX, стр. 437; Gaubil, loc. cit.

[113] De Mailla, op. cit, IX, стр. 429

[114] De Mailla, op. cit, IX, стр. 431.

[115] Наяна *de Mailla,* loc. cit., ошибочно считает потомком Билгутэй (Б-ьлгутай)-нойона, брата Чингис-хана; ту же ошибку повторяет и арх. *Палладии* („Комментарий на пут. Марко Поло по сев. Китаю" в „Изв И. Русск. Геогр. Общ.", 1902, XXXVIII, вып. I, стр. 32).

Основываясь на „Юань-ши", арх. Палладий пишет, что .владения Наяна простирались на юг до Гуан-нина, который входил в его удел" и что „по этому городу он титуловался Гуан-нин-ван, князем Гуан-нина". ' Орду его он помещает, однако, далеко к северу от этого города, так как далее замечает: „история, повидимому, соединила удел Наяна с уделом Хаданя, орда которого была смежна с Наяновой и находилась на левом берегу Амура предположительно в нынешнем городище Айхунь, близь Благовещенска". Если так, то приходилось-бы допустить, что в удел Наяна входила почти вся Маньчжурия и часть восточной Монголии (Корцинские хошуны). Гуан-нин-сян, как это пишет, впрочем, и арх. Палладий, не изменил своего названия до настоящего времени и находится в области Цзинь-чжоу, в южной Маньчжурии.

[116] Сына Чингис-хана от второй супруги Хулан-хатун.

[117] *Рашид эд-Дин*—„История Чингис-хана до восшествия его на престол", перев. *Березина,* стр. 56, 61, 79.

[118] *De Ma'illa,* op. cit., IX, стр. 433. Я не знаю, на основани и каких данных *d'Ohsson,* op. cit., II, стр. 458, утверждает обратное. Хубилай руководил этим боем из башни, которую несли четыре слона.

[119] Или Куйлэр, приток р. Толы, впадающей справа в Нонни. У *Gan-ЫГя,* op. cit, стр. 209,—Гуй-лэй.

[120] У *Gaubil'si,* op. cit, стр. 211,—р. Торо бира, правый приток Нонни.

покориться и в числе прочих восставших князей понести заслуженное наказание: он был казнен, его же удел присоединен к землям империп.

Так ликвидировал Хубилай восстание на востоке; что же касается военных действий в Хангае, то они велись здесь с меньшим успехом. Хайду удалось даже до прибытия Баяна не только разбить императорские войска, но и окружить князя Камала[121], и хотя последний, благодаря своевременной помощи Тутуха, и успел избежать плена, тем не менее общее положение дел на Орхоне настолько ухудшилось, что Хубилай, несмотря на свой преклонный возраст, ретил немедленно ехать в Кара-корум. Но он уже не застал на Орхоне Хайду, который отступил, не выждав подхода новых императорских войск.

В течение последующих четырех лет Баян не только сдерживал попытки Хайду перейти в новое наступление, но и нанес ему в 1293 году сильное поражение; тем не менее, его обвинили при дворе в преступном бездействии, и Хубилай решился его отозвать[122], послав ему на смену князя Тимура. лимур оставался, однако, недолго на этом посту, так как уже |< начале 1294 года события огромной важности призвали его (рбратно в Пекин: скончался Хубилай, и военная партия во главе с генералисимусом Баяном, согласно с волей почившего императора, пожелала иметь его своим государем.

Царствование Тимура было непродолжительным—он умер в начале 1307 года; но оно ознаменовалось миром, хотя и кратковременным, между Чингисидами и признанием его суверенной власти над всей монгольской территорией от берегов Тихого океана до Днепра, от Амура, оз. Байкала, Шибири и Твери до Ганга, Малакки и Явы. Это был момент мировой истории, когда могла считаться почти осуществленной мечта мировых завоевателей—владеть вселенной, и все-же следует отметить очень характерный факт: этот могущественнейший из монархов едва справился с восстанием, охватившим в 1301 году юго-западную часть Юнь - наньской провинции. Огромные силы были двинуты туда из Шэнь-си, Сы-чуани, Ху-нани, Гуй-чжоу и восточной Юнь-нани, потребовались почти три года войны, большие жертвы деньгами и людьми, гибель лучших офицеров императорской армии и полное раззорение края прежде, чем упорство восставших, во главе которых находились до того никому неизвестные—инородец Сун-лун-цзи и Шэ-цзё, вдова одного из туземных князьков[123], было наконец сломлено[124].

Кроме этой войны Тимуру пришлось вести еще и другую, более серьезную, на севере, против своих наследственных врагов—Хайду и Дува.

Военные действия возобновились здесь с удвоенной силой в 1297 году, но ясного представления об их ходе п последовательном развитии мы не имеем. С одной стороны известно, что Хайду в 1297 году удалось проникнуть вглубь Монголии до р. Ару[125] и кочевий монголов барннь[126], с другой, что кипчаки Тутуха, преследуя под начальством сына последнего разбитую армию Дува, перешли за западный склон хр. Алтаин-нуру и достигли в 1298 году истоков Черного Иртыша[127] Очевидно, что этому переходу в Джунгарию частей императорской армии должен был предшествовать отход на запад армии Хайду, но об этом умальчивает история; очевидно далее, что и успех полководцев Тимура был кратковременным, так как уже в исходе того же 1298 года мы застаем армию союзников снова в пределах Хангая, где ею был уничтожен обсервационный корпус императорских войск под начальством Кур-куза[128], зятя Тимура. Последствием этого, казалось-бы, благоприятного для союзников эпизода было, однако, отступление их армии за реку Цзабхан[129].

---

[121] Камала—сын Джингима, внук Хубилая.

Gaubll, op. cit., стр. 210, пишет, что Баян успел выслать на помощь князю Камала находившийся тогда в его распоряжении корпус войск, составленный из киргизов, но корпус этот, повидимому, не спас положения. Это известие несколько противоречит указанию, что Хайду разбил войска Камала до прибытия Баяна в Кара-корум. См. также Oliver, op. cit, стр. 101.

[122] Хубилай скоро, однако, убедился, что стал жертвой злостной интриги и, желая загладить ошибку, не только дал ему торжественную аудиенцию, но и возвел в сан генералисимуса, одновременно назначив первым министром и командующим императорской гвардией.

[123] Эта героиня, пишет de Madia, op. cit., IX, стр. 481, была захвачена в плен в одном из кровопролитнейших боев 1303 года и тут же предана смерти.

[124] *Gaubil,* op. cit, стр. 228; *de Mailla,* op. cit., стр. 477—482.

[125] Ару, очевидно, не полное название реки; это—имя нарицательное, указывающее, что река берет начало с северного склона хребта.

[126] *Gaubtl,* op. cit, стр. 226; *de Mailla,* op. cit, IX, стр 469. Баринь (барин, байрин)—коренные монголы. Их кочевья лежат ныне на северном берегу р. Шара-мурен, но в конце XIII века они жили еще там, где застала их эпоха Чингис-хана, т. е. в бассейне р. Селенги.

[127] *Gaulnl,* op. cit., стр. 226.

[128] Так я передаю Keurgueuz у *d'Ohssm'o.* и Ko-h-ki-sse у *Gaubil's и de. M'a ilia.*

[129] D'Ohs^oi, op cit., II, стр. 514, не называет этой реки, но я думаю, что здесь идет речь о Цзабхане, так как другой

Все эти ныне уже необ'яснимые марши и контр-марши должны быть, вероятно, поставлены в связь с результатами тех боев, которые одновременно велись на северо-западной границе владений Хайду, где против этого князя выступил Баян[130], правнук Орды, брата Батыя, наследственный правитель Белой[131] орды[132], возмущенный поддержкой, оказанной им его сопернику князю Куйлуку[133]. Эти бои, истощившие, по словам Рашида, ресурсы Баяна, должны были также отражаться и на планомерности борьбы в Хангае, заставляя Хайду перебрасывать свои силы с фронта на фронт. Впрочем, не только борьба с Белой ордой, но и другие войны могли влиять на ход военных действий в Хангае. Оба князя, Хайду и вынужденный действовать с ним в союзе Дува, представляли самый беспокойный, агрессивный элемент в ту эпоху в Монголии[134]. и не было момента, когда-бы персидские Хулагиды могли считать себя обеспеченными от посягательств на свое достояние, шедших с востока, из-за Аму-дарьи. Война в Монголии, где Хубилай и Тимур держались оборонительной тактики, не остановила, невидимому, этих посягательств, и в конце 1296 года, например, мы вновь застаем джагатайские войска под начальством Дува и Оарбана, сына Хайду, в Хоросане и Мазанде-ране[135], куда они вторглись не столько ради завоеваний[136], сколько ради грабительских целей—приобретения ресурсов для ведения операций на севере и востоке. Наконец, и союзы князей, соглашавшихся принимать участие в агрессивных замыслах Хайду, не отличались той прочностью, которая была необходима для успеха хорошо задуманной компании. Отпадение от союза иногда в самый серьезный момент было обычным в то время явлением у монголов, и такой именно случай имел место в конце 1298 года, когда на сторону Тимура перешли: один из высших офицеров армии Дува Тортога-нойон[137] и князья—Буюкур[138], сын Арик-буги, и Улус-буга, сын Ширкэ, внук Мбнкэ-хана. Вероятно, это частичное распадение союза и послужило ближайшей причиной отступления Дува за р. Цзабхап, так как изменники не замедлили обратить против него свое оружие и, нагнав его при переправе через названную реку, нанесли ему там жестокое поражение.

В 1301 году Хайду вступил в пределы Восточной Монголии с такими силами, каких ему никогда раньше не удавалось собрать: его сопровождало туда с своими контингентами войск около сорока союзных князей[139]. Но и Тимур

значительной реки (fleuve), которая потребовала бы сложной переправы, в той части Западной Монголии, которая служила театром военных действий, не имеется Вероятно, по р. Цзабхану пролегала и граница между владениями Хубилай-хана и Хайду. Рашид эд-Дин (см. Howorth—„History of the Mongols", etc., I, стр. 175— 176) говорит, что между этими владениями залегала обширная пустыня и что Хубилай в целях охраны своего государства расположил вдоль (восточной) ее окраины пять корпусов; шестой находился в пров. Тангут, близь оз. Цаган-нор, седьмой в Кара-ходжа, в Уйгурии.

[130] *D'Ohsson,* op. cit, II, стр. 515, называет его Nayan; так же называет его и *Howorth,* op. cit., I, стр. 180.

[131] *У* наших летописцев та же орда называлась „Синей" (см. 77. *Савельев*—„Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой орде в эпоху Тохтамыша", 1857, I, стр. 158—159).

[132] Улус Джучи уже при Батые распался на три части: Ватый сохранил себе Россию и Заволжье до р. Урала, а братьям Шейбану (Шейбани) и Орде отдал земли в Азии: Шейбан получил территорию к востоку от р. Урала, а именно, нынешнюю Уральскую область и большую часть Тургайской *(Desmaisons,* op. cit., стр. 191), Орда—восточную часть улуса:

остальную часть Тургайской области, северо-западную часть Сыр-дарьин-ской, Акмолинскую, западную часть Семипалатинской и, вероятно, часть Томской губернии; административный центр Белой орды первоначально, по свидетельству *Илано Карпгши,* находился к востоку от оз. Ала-куль, позднее же, как полагает *Бартолъд* („Очерки истории Семиречья", стр. 60), в начале XIV века, был перенесен на запад, в город Саганак или Сунак, развалины которого *Макшеев* („Географические книги Большого Чертежа о киргизских степях в Туркестанском крае" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.", 1880, VI, 2, стр. 30) нашел верстах в 40 к юго-востоку от Джулека и в 15 от почтовой станции Тюмен-арык на р. Сыр-дарье. См. также *Кастанье*—„Мертвые города" в „Труд. Оренбур. Учен. Архивн. Комиссии", 1911, XXIII. стр. 40—45; *Каллаур*—„Древние города—Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 году" в „Прот. засед. и сообщ. членов Турк. кружка Любит. Археол.", 1900.

[133] *D'Ohsson, op.* cit., II, стр. 515, пишет Koui'lek. Он также приходился внуком Орде. Нет, кажется, никаких данных утверждать, как это делает, следуя *Ховорсу, Стэнли Лэн Нуль,* op. cit., стр. 176, что Баян выступил против Хайду в качестве лишь союзника Тимура.

[134] *Бартолъд* в прим. к стр. 178 цит. выше соч. *Стэнли Лэн Пуля* пишет, что Хайду ограничивался в борьбе с Хубилаем только обороной своих владений. Это положительно не так: инициатива всех войн в Монголии в эпоху царствований Хубилая и Тимура исходила всецело от Хайду, да и все свои обширные владения он приобрел силой оружия, а не по праву наследства или ио выбору. Даже у *Марко Поло,* op. cit., стр. 310, встречаем такую фразу: „А Кайду все-таки делал набеги на земли великого хана".

[135] *D'Ohsson,* op. cit, IV, стр. 155.

[136] Впрочем Хайду и Дува удалось, хотя и несколько ранее, отнять у Хулагидов часть их земель в Афганистане. В 1297 году Дува проник даже в Индию до Лагора, но здесь потерпел поражение и должен был отступить; такая же судьба постигла все последующие его экспедиции в эту страну, предпринятые в 1299, в 1303, в 1304 и в 1306 годах (см. *d'Ohsson,* op. cit, IV, стр. 560—562. а также *Oliver,* op. cit, стр. 98, где, между прочим, говорится, что первый поход в Индию предпринят был Дува в 1296 году).

[137] *D'Ohsson,* op. cit., II, стр. 513, пишет Dourdouca.

[138] У *d'Ohsson'a,* loc. cit.,—Youboucour.

[139] *D'Ohsson,* op. cit, II, стр. 516; *Oliver,* op. cit, стр. 102.

послал к Кара-коруму свежие войска, поставив во главе их лучших своих полководцев под общим командованием князя Хашана[140], который Аумел не только остановить наступление армии Хайду, но и нанести ей полное поражение между р. Тамиром и Кара-корумом[141].

В том же 1301 году Хайду скончался[142]. Дува предложил выбрать ему в преемники старшего из его сыновей, Чапарая? а засим в 1303 году[143] склонил Чгангисидов, которые находились в оппозиции к Тимуру, признать верховность последнего, дабы тем устранить один из серьезнейших поводов к столкновениям между князьями; одновременно, проводя идею общего мира, он добился и их согласия решать впредь все земельные споры третейским судом.

На сколько он действовал при этом искренно, показывает дальнейшее.

Не подлежит сомнению, что уже в то время назревали события, два года спустя вызвавшие распадение улуса Хайду, и что в этот политический момент для Дува было особенно важно устранить повод к вмешательству в дела Притянь-шанъя джучидских князей, сильных той поддержкой, какую они встретили у золотоордынского хана Тохта[144]). Третейский суд при таких обстоятельствах мог сыграть видную роль, а проповедь мира отстранить от него подозрения в замыслах на гегемонию в Средней Азии.

Уже в 1305 году в Мавераннагре произошло столкновение между войсками Чапара и некоторыми из джагатайских князей, закончившееся поражением последних. Чтобы успокоить Чапара, Дува извинился перед ним за „легкомысленных юношей"[145] и настоял на внесении их дела на рассмотрение с'езда князей в Ташкенте, но прежде, чем третейский суд вынес по этому делу решение, в том же Мавераннагре возникла новая враждебная Чанару коалиция, в которой приняли участие и некоторые из князей Угэдэева рода. Союзники вторглись в долину Таласа, обратили в развалины находившиеся там города и принудили Шаха, брата Чанара, отступить на восток, где он был совершенно неожиданно для себя с тыла атакован войсками князя Дува. Разбитый на голову, он успел вывести из этого боя всего лишь 7000 человек, с которыми и присоединился к армии Байкечера, своего брата. Одновременно и на востоке дела приняли опасный для сыновей Хайду оборот: здесь, вследствие искусно проведенной интриги Дува, перешли в наступление пограничные войска Тимура, которые и потеснили Чапара на запад. Измена Медик-Тимура[146] докончила остальное, и преемнику Хайду не осталось иного выхода, как отдаться на милость Дува[147]. Таким образом без значительных жертв с своей стороны последний стал обладателем всей той территории, которая некогда входила в состав земель улуса Джагатая, и князья дома Угэдэя должны были ему подчиниться[148].

Дува скончался в 1306 году[149], почти одновременно с Тимуром. Это были последние выдающиеся монгольские монархи в линиях Тулуя и Джагатая, которых сменили ничтожные правители, недальновидные и слабохарактерные, довольствовавшиеся внешним почетом и гаремной жизнью и отдававшие управление государством в руки людей, умевших пользоваться их слабостями и пороками. История сохранила нам их имена, но уделила очень мало внимания их деяниям, которые, вероятно, и не выходили за пределы стараний укрепить шатавшийся под ними престол.

Преемником Тимура был Хашан (Хайсан), правнук Хубилая, принявший титул Хулук-хана. Он казнил вдову Тимура, императрицу / Булугань[150], пытавшуюся возвести на престол князя Ампьду[151], этого последнего и всех участников заговора с Аязем Мелик-Тимуром[152] во главе и, не совершив затем ничего,

---

[140] *De Mailla* и *d'Ohswn* пишут это имя *НпгсЪап* и Khaischan, *Gau-bi]*—Haychan, о. *Иакинф*—Хашан.

[141] *De Mailla,* op. cit., IX, стр. 479, 482; *Gaub'il,* op. cit, стр. 229— 230, пишет о нескольких кровопролитных боях, в одном из которых Дува был ранен. Поражение войск Хайду подтверждает и *Рашид ^д-Дин* (см. *Бартольд,* op. cit, стр. 58). Наоборот, *Вассаф (d'Ohsson,* loc. cit.) пишет, что Хайду вышел, как всегда, из этой борьбы победителем. *Вассаф*— неумеренный панегирист Хайду, и одно уже это обстоятельство подрывает доверие к его известию, не находящему, впрочем, подтверждения и в последующих событиях.

[142] Gimbil, loc. cit.; de Madia, loc. cit; это известие подтверждается и Джемалем Каргии {Бартольд, op. cit., стр. 59), современником Хайду.

[143] De Mailla, op. cit, IX, стр. 482—483; a'Ohsson, op. cit., II, стр. 518—519; ср. Бартольд, op. cit, стр. 60.

[144] Иначе — Тохтогу; он был сыном Мэнгу-Тимура, правнуком Батыя. Вспомогательный корпус, высланный им в помощь Баяну, состоял из двух туманов (20.000 человек).

[145] *Бартольд,* op. cit, стр. 60—61. Ср. *d'Ohsson,* op. cit, IV, стр. 557.

[146] Мелик - Тимур был сыном Арик-буги; он передался со всем своим войском на сторону Тимура *{d'Ohsson,* op. cit., II, стр. 527).

[147] Дува принял его очень милостиво и отвел ему особый юрт *(Бартольд,* op. cit, стр. 61; *Oliver,* op. cit., стр. 104).

[148] *Howorth,* op. cit, I, стр. 182. Том II. 3

[149] По словам Вассафа (Бартольд, loc. cit.), в 1307 году.

[150] Так называет ее Вассаф {d'Ohsson, op. cit, II, стр. 525), и то же имя встречаем мы в „Юань-ши"; см. Deverui—„Notes d'epigraphie mongole-chinoise", extrait du „Journ. Asiat.", 1896, sept.-oct., стр. 11—12; у Иакинфа („Зап. о Монг.", III, стр. 188)—Бают, у de Mailla—Бо-ё-у-ши, у Gaubil'a—Бо-я-у.

[151] Согласно Gaubil, op. cit., стр. 238, и Deveria, op. cit., стр. 10, он был сыном Мангалы, внуком Хубилая, согласно же de Mailla, op. cit., IX, стр. 489, сыном Тимура от наложницы.

[152] См. выше стр. 505.

достойного попасть на страницы истории[153], скончался от пьянства и истощение в 1311 году[154].

Его сменил его брат Аюр-бали-патра, на престоле—Буянту-хан. Он издал указ, воспрещавший евнухам занимать высшие должности по государственному управлению, но в следующем же году нарушил его. Желая обеспечить престол своему сыну, он выслал племянника Кушала в провинцию Юнь-нань, но тот после неудачной попытки к восстанию бежал на северо-запад, в Алтайские горы. Имело-ли это бегство какое-нибудь отношение к последующему выступлению джагатайского хана Эсэнь-буги против Буянту—неизвестно, но эта война, в которой Эсэнь-буга был дважды разбит императорскими войсками, преследовавшими его до местности Чжайр (Джаир), в Джунгарии[155], была во всяком случае единственным в XIV веке проявлением прежней вражды между восточными и западными Чингисидами. Буянту умер в 1320 году[156].

Ему наследовал его сын Шоди-пала (Гэгэн), убитый в 1323 году[157].

Вступивший затем на престол Исун-Тимур[158], отличавшийся совершенным отсутствием способностей к управлению и проявивший себя исключительной бездеятельностью, процарствовав пять лет, скончался в 1328 году[159].

Против его преемника, малолетнего князя Раджабека, восстал Джан-Тимур, внук кипчакского князя Тутуха[160], который, объединившись с некоторыми влиятельными сановниками государства, высказался за кандидатуру одного из сыновей Хашана—Тоб-Тимура или Хешила (Кушала). Междоусобная война, которая засим возникла в Китае, велась с обеих сторон с большим ожесточением, но победа вскоре все же склонилась на сторону Джан-Тимура, унаследовавшего от своего деда талант полководца. Раджабек погиб. Поплатились головой и многие из князей и сановников, стоявших на его стороне. Императором провозглашен был по желанию Тоб-Тимура, устранившего свою кандидатуру, его старший брат Хешила, но этот последний, процарствовав всего только несколько дней[161], внезапно скончался, и молва обвинила в этой преждевременной смерти Джан-Тимура, который, будто-бы, если и поднял оружие, то в защиту прав на престол Тоб-Тимура, а не Хешила[162].

Тоб-Тимур вступил на престол в 1329 году[163] и, будучи всецело обязан своим возвышением Джан-Тимуру, отдал в его руки управление государством. Насколько велики были власть и дерзость этого временщика, яснее всего доказывают следующие факты: его женитьба на вдовствующей императрице и принятие в число своих наложниц сорока девиц императорской крови. Он скончался в 1333 году, вскоре после смерти Тоб-Тимура, последовавшей в 1332 году.

Преемником Тоб-Тимура объявлен был семилетний сын Хешила—Илинджибань[164], но он скончался несколько месяцев спустя, и тогда на престол возведен был старший его брат Тогон-Тимур (в 1333 году)[165], при котором произошло изгнание монголов из Китая и воцарение в нем национальной династии Мин.

---

[153] Впрочем, при нем произведена была очень важная реформа монгольской письменности для наилучшего приспособления монгольской азбуки к изображению звуков живой монгольской речи и издан был новый „Свод законов" Китайской империи, дополненный постановлениями монгольских императоров, начиная с Чингис-хана.

[154] У Huth—„Geschichte des Buddhismus in der Mongolei", II, стр. 35, ошибочно приведен 1310 год, у S. v. Fries, op. cit., стр., 243,—1312.

[155] *Gaubil,* op. cit, стр. 249. О местности Чжайр см. выше стр. 270. Анонимный продолжатель «Истории монголов" Рашид эд-Дина (см. *d'Ohsson,* ©p. cit, IV, стр. 564—565; *Бартольд,* op. cit, стр. 64), говорит даже, что императорские войска доходили при этом до оз. Иссык-куля и р. Таласа.

[156] Он был поборником наук и образования, и при его дворе, пишет *Ковалевский* (архим. *Гурий,* op. cit., стр. 114) можно было встретить кроме туземных ученых и ученых из Самарканда, Бухары, Персии, Аравии и даже Византии. У *Huth'a,* op. cit, стр. 36, его смерть отнесена к 1319 году, у 5. *v. Fries,* op. cit, стр. 243, к 1321.

[157] При этом императоре опубликован был „Свод законов династии Юань", состоявший из 2539 статей. Его смерть ошибочно отнесена у *Huth'a.,* loc. cit., к 1322 году, у 5. *v. Fries,* op. cit, стр. 244, к 1324.

[158] Сын Гамала, внука Хубилая.

[159] У *Huth'a,,* loc. cit, та же ошибка на один год.

[160] См. выше стр. 494.

[161] У *Huth'a.,* loc. cit., сказано: пятьдесят дней.

[162] У *СанЬгРя,* op. cit., стр. 267, однако, читаем, что китайские историки обвиняют в преждевременной смерти Хешила не Джан-Тимура, а Тоб-Тимура, который, будто-бы, скоро раскаялся в своем великодушном поступке.

[163] У *S. v. Fries,* op. cit., стр. 246, в 1330 году.

[164] У *de Mnilla,* op. cit, IX, стр. 559,—Иль-Чжебэ, у Ссш/^Уя, op. cit., стр. 270,—И-линь Чжэ-бань. *Спнап-Сэцэп* дает и его тибетское имя—Рин-ченпал.

[165] У *Huth'a,* op. cit., стр. 37, в 1332 году.

Частая смена императоров, смуты при дворе, гражданские войны, господство временщиков, стихийные бедствия, выпавшие на долю Китая [6]), быстрый рост налогов, все это внесло дезорганизацию в государство; страх, который некогда внушали монголы, исчез, ореол их непобедимости померк, и китайцы почувствовали, что настало, наконец, время сбросить их иго.

Начались повсюду восстания. Явились в различных местах претенденты на императорский престол, возникли династии Тянь-вань, Ся, Хань, У и, наконец, Мин[166]. Инсургенты воспользовались появлением кометы и это космическое явление раз'яснили народу как небесное предуказание близкого наде-ния монгольской власти в стране. Монголы были терроризованы. Потеряв навык побеждать и военный опыт, оставшись монголами лишь но рождению и на себе оправдав то, что Горацием сказано было о Греции, но в еще большей мере может быть отнесено к Китаю—„Graecia capta ferum victorem cepit", они терпели поражение за поражением. Эюму не мало также способствовали как анархия, водворившаяся в империи, так и не прекращавшаяся борьба честолюбцев при дворе, доходившая до кровавых столкновений, в которых принимали участие и войска, вызванные из Монголии против китайских инсургентов.

В 1367 году весь южный и большая часть центрального Китая находилась уже во власти этих последних; в следующем войска Чжу-юань-чжана, давшего к этому времени годам своего правления название Хун-у, а династии—Мин, наступая из Нанкина, перешли через Хуан-хэ и почти без сопротивле-ния заняли Пекин. Тогон-Тимур успел до сдачи этого города перебраться в летнюю свою резиденцию—Кай-пин, но удержаться в ней не мог и в начале 1369 года удалился еще далее к северу, в город Ин-чан-лу[167], где, спустя год, и скончался (в мае 1370 года). В виду продолжавшегося, однако, наступления китайских войск его сын и преемник Биликту должен был бросить и этот последний монгольский оплот на южной окраине Гоби и бежать в Кара-кору м—момент, которым закончился первый период исторической жизни восточных ^ монголов и начался второй—до подчинения их маньчжурам в 1688 году.

Улус Джагатая переживал в XIV веке не менее беспокойный период. Уже то обстоятельство, что со смерти Дува в 1306 году до эпохи Тимура, т. е. 1370 года, в нем сменилось двадцать ханов[168] в достаточной мере характеризует то хроническое состояние смуты, в котором он находился в течение всего этого времени. Писатель первой половины XIV века О м а р и со слов лица, посетившего эту страну, сообщает о ней следующее: в Туркестане можно встретить теперь только более или менее хорошо сохранившиеся развалины; издали кажется, точно впереди — благоустроенное большое селение, окруженное пышной растительностью; приближаешься в надежде встретить людей, но находишь только пустые дома; единственные здесь ныне жители—кочевники, которые не занимаются земледелием... Это свидетельство—лучшее доказательство того состояния, в которое ввергли эту некогда цветущую область усобицы среди потомков Чингиса.

Преемником Дува был избран его старший сын Кунь-джек[169], но он процарствовал менее двух лет и умер в начале 1308 года, выдержав за это время борьбу с коалицией I князей, стремившихся, повидимому, восстановить значение ' дома Хайду. Стоявший во главе этой коалиции князь Курсебэ, потомок Угэдэя, пал в битве при Бури-баши[170], после чего и самая коалиция распалась, но идея, во имя

---

[166] Выдвинувшийся среди инсургентов своими военными и административными талантами Чжу - юань ~ чжан принял вначале титул князя У и только уже впоследствии, после взятия Нанкина и уничтожения некоторых из соперников, провозгласил себя императором, дав своей династии название Мин.

[167] Наименование „лу" соответствует теперешнему „фу" — область. Ин-чан-лу был одним из двадцати лу, на которые при Юань'ской династии подразделена была провинция Чжун-шу-шэн. Административный центр этой области находился к западу от нынешней ставки Кэшиктэн-ского княжества, на берегу озера Пу-юй-эр-хай (*Иокотилов*—„История восточных монголов в период династии Мин", стр. 2).

[168] *D'Ohsson,* op. cit, IV, генеалогическая таблица 2. Генеалогия и хронология этой ветви Чингисидов, как это, впрочем, видно будет и из дальнейшего, не всегда, однако, достоверны, и самое даже число 20 может читаться лишь приблизительно точным.

[169] Его юрт, как пишет *Бартольд,* op. cit., стр. 61, находился в Бар-кульской долине. Известие это более, чем сомнительно, ибо Карлык-таг и Баркульская долина в то время населены были, согласно *Рашид эд-Дину* и позднейшим китайским известиям, мекринами, племенем, находившимся под управлением Хайду и ее преемников. Если же так, то невероятно, чтобы где-либо по соседству находился и юрт Куньджека. Следует также иметь в виду и то обстоятельство, что до эпохи Чингис-хана Баркульская долина составляла часть владений Уйгурии, которая, как вассальное госу-дарство, продолжала еще существовать в начале XIV века, и потому, если еще и возможен был переход власти над мекринами, вассалами идыкутов Уйгурии *по наследству от матери* к Хайду, то был-бы совершенно не допустим столь неправомерный с монгольской точки зрения акт, как выделение этой долины в юрт Куньджеку. Этому противоречило бы также. и то обстоятельство, что Уйгурия входила в это время в район земель ведомства Тимура (см. *Klaproth*—„Memoires relatifs a 1'Asie", II, стр. 358; *Howorth,* op. cit, I, стр. 176).

[170] *Бартольд,* op. cit., стр. 62, полагает, что эта местность находилась где-то между Мерке и Пишпеком.

которой она составилась, не заглохла, и уже несколько месяцев спустя при -д??»— хане Талику образовался новый союз князей партии Чапара, f к которому примкнули и некоторые из сыновей Дува, считавшие переход верховной власти к Талику, правнуку Муту-ганя, сына Джагатая[171], нарушением своих наследственных прав на джагатайский престол[172]. Талику вышел победителем из нескольких столкновений с этими князьями, но засим был изменнически убит по одной версии собственными офицерами, сторонниками сыновей Дува[173], по другой — Кебеком, сыном Дува[174], который и захватил затем верховную власть в свои руки.

.^v. Воцарение Кебека не входило в планы Чапара, и он в у^ / ^ союзе с Байкечером[175], своими племянниками, сыновьями NiC^"" Уруса, и князем Тюкмэ[176] поднял против него оружие, но - был разбит[177] и бежал на восток, в Китай, где и нашел приют при дворе Хашан - хана. Тюкмэ был менее счастлив и погиб в одном из последующих своих столкновений с войсками Кебека. Несмотря, однако, на эти победы, Кебек не чувствовал *f* себя, повидимому, достаточно сильным, чтобы удержаться на боязнь за судьбу войск Кебека вследствие измены князя Яса-вура, который со всей своей армией перешел на сторону Ольджайту. Эта измена ые только свела на нет все успехи джагатайских войск в Персии, но и повела к разгрому Маве-раннагра, откуда Ясавур после победы над Кебеком вывел па юг[178] большую часть населения Самарканда, Бухары, Тармиза и других его городов.

Эсэнь-буга скончался в 1318 году[179], передав свой престол Кебеку, который перенес столицу в Нахшеб[180], получивший с того времени название Карши, что значит—дворец[181]. По словам историков, он умер в 1321 году[182] естественной смертью[183], по словам же Ибн-Батуты[184], был убит своим братом Тармаширином. Как бы то ни было, верховная власть в государстве перешла не к последнему, а сначала к его братьям—Ильчигидаю[185] и Дурра-Тимуру[186], которые впрочем царствовали недолго, так как Тармаширин занял престол, вероятно, уже в конце 1326 года[187]).

Из событий его царствования история отмечает переход его в ислам[188] и его победоносный поход в Индию, предпринятый им в 1327 году и закончившийся под стенами Дели миром, купленным у него ценой огромной контрибуции, выплаченной золотом и драгоценными камнями, которую он еще увеличил, ограбив на возвратном пути Синд и Гузерат (Гу-джарат)[189].

В 1334 году в северных частях его государства вспыхнули направленные против него беспорядки[190],

---

[171] *D'Ohsson,* op. cit., II, стр. 520; *Oliver,* op. cit., стр. 104; *Вассаф (Бартольд,* 1ос. cit.) называет его внуком Бури, казненного по приказанию Батыя в 1251 году (см. выше стр. 468).

[172] Подобные же претензии прямых потомков царствовавшей линии, несмотря на существовавшую у монголов выборную систему, выражались неоднократно и раньше и, даже более того, находили нередко поддержку в народном правосознании. Это обстоятельство дает право думать, что история застала монголов, как и турок (см. выше стр. 225), в переходную эпоху между властью по избранию и наследственной.

[173] *D'Ohsson,* ibid.; *Oliver,* op. cit., стр. 104.

[174] *Бартольд,* ibid.

[175] См. выше стр. 505.

[176] Правнуком Гуюк-хана.

[177] К югу от реки Или.

[178] Вероятно, в свой юрт, который обнимал почти всю горную часть современного Авганистана от Балха на юг, от Кандагара на восток.

[179] Этот год, впрочем, не достоверен; см. *Бартольд,* op. cit., стр. 64. Согласно *Oliver'y,* op. cit., стр. 106, он не скончался в 1318 г., а был в этом году свергнут с престола своим братом Кебеком.

[180] Из г. Алмалыка, который был столицей Хайду, Дува и его преемников.

[181] *Pet'zs de la Croix,* op. cit,, I, стр. 3, 95; *Бартольд*—„Улугбек и его время" в „Зап. Российск. Акад. Наук", VIII сер., т. XIII, №5, 1918, стр.8.

[182] По мнению *Oliver'a,* op. cit, стр. 106, этот год не достоверен, так как в Бухаре, Термезе и Самарканде найдены монеты с его именем, битые в 1322 —1324 годах. 725 год мусульманок, летосч. должен считаться последним, так как уже в 726 году появились монеты с именем Тарма-ширина.

[183] *Бартольд,* ibid.

[184] *Defremery* et *Sangmnett'i*—„Voyages d'lbn Batoutah", III, стр. 42.

[185] У *Ибн-Батуты,* op. cit., Ill, стр. 31,—Ильчакатай (Iltchacathai).

[186] У *d'Ohsson'a* — Doure-Timour, у *Dewza'uons*—DouT Timour, т. е. Дува-Тимур.

[187] *Бартольд,* op. cit, стр. 65; *idem*—„О погребении Тимура" в „Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1915, XXIII, стр. 2: согласно *Стнли Лэн Пуль,* op. cit, стр. 201,—в 1322. Том II. 331

[188] „Notices et extraits des manuscrits", etc., 1838, XIII, стр. 235 (ст. *Quatremere); Бартольд*—„0 погребении Тимура", стр. 2, пишет даже, что при Тармаширине „ислам сделался окончательно религией монгольских ханов в Мавераннагре".

[189] *D'Ohsson,* op. cit, IV, стр. 562.

[190] *Ал-Mijceeu (Бартольд* — „Туркестан в эпоху монгольского нашествия", II, стр. 55) пишет, что так как Тармаширин не соблюдал закона, то „из каждого угла поднял голову какой-нибудь мятежник".

которые он не сумел подавить, что и заставило его бежать в Газну; но на пути туда он был схвачен и возвращен в Самарканд, где и казнен[191] по приказанию Бузуна, сына Дурра-Тимура, к которому перешла тогда верховная власть в Джагатайском улусе.

Бузун властвовал всего лишь несколько месяцев, ознаме-вав свое кратковременное правление гонением мусульман и многочисленными казнями князей и эмиров. В южной части его владений восстал сын Ясавура, Халиль, севером *лё25§^м* же 1334 году овладел Дженкши, внук Дувы. Бузун был выдан Халилю своими же офицерами и казнен[192], после чего. во главе значительных сил Халиль доходил, будто-бы, не только до Алмалыка, но и взял приступом города Бишбалык и Кара-корум, где столкнулся с императорскими войсками. Подтверждения этому факту мы не находим у китайских историков, но если этот набег и предпринимался Халилем,"'?^^^^^ помог ему укрепиться не только в северной части Джагатайского улуса, где продолжал властвовать Дженкши[193], но даже и в Мавераннагре, что обнаружилось при первом же столкновении его с меликом Хуссейном, правителем Герата, его прежним союзником. Его войска отказались следовать за ним в этот поход; он был разбит, схвачен и препровожден в Герат, где и оставался жить в почетном плену до 1347 года, когда этот город на возвратном пути из Индии посетил Ибн-Батута, со слов которого излагаются эти события.

Дженкши оставался правителем северной части Джагатаева улуса[194] до 1338 года, когда был убит своим братом Ъсун-Тимуром, наслаждавшимся верховной властью не более года, так как уже в 1339 году[195] мы застаем на джагатайском престоле Али-султана, одного из потомков Угэдэя, проявившего себя чрезвычайной жестокостью и доведшего антагонизм между христианами и мусульманами до кровавых столкновений, в которых он принял участие на стороне последних; жертвой этих гонений стали и члены незадолго перед тем возникшей в Алмалыке католической миссии с епископом Ричардом Бургундским во главе[196]. В конце 1342 года его сменил Мухаммед Пулад[197], внук Куньджека, который оставался на престоле менее года, так как уже в 1343 году его занял сын Ясавура—Казан.

Казан сделал попытку восстановить авторитет ханской власти, ослабленной междоусобиями, и вступил в борьбу с эмирами, но победа оказалась не на его стороне, и в 1346 году он пал в битве с эмиром Казаганом близь города Карши[198]. Эта победа Казагана повела к тому, что последующие три джагатайских хана: поставленный Казаганом ^л им же вскоре казненный Данишменджа, потомок Угэдэя[199], Буян-кули, внук Дува, возведенный на престол в 1348 году, сумевший продержаться на нем десять лет и тем не менее все же убитый эмиром Мирзой Абдуллахом, сыном Казагана[200], и Тимур-шах, сын 'Ьсун-Тимура, процарствовавший несколько месяцев и погибший во время борьбы эмиров за власть,—не имели даже тени самостоятельности и явились лишь подставными лицами эмиров, в чьих руках сосредоточилась фактическая власть в государстве.

Власть этих ханов не распространялась, однако, уже на области, лежавшие к северу от Сыр-дарьи, где в это время правил Тоглук-Тимур.

Полная победа эмиров в Мавераннагре и в Авганистане показала и эмирам северо-восточной части государства возможность добиться того же. Самым сильным из этих эмиров в то время был Пуладчи, который управлял центральным Тяныпаньским нагорьем между озером Иссык-куль, Кучей и Кашгаром[201]. В 1348 году[202] он привез из Алмалыка в Аксу князя Тоглук-Тимура, об'явил его внуком Дувы и принудил остальных эмиров признать его

---

[191] *Ибн-Батута,* op. cit., II, стр. О. По другой версии, которую мы находим у того же автора, Тармаширину удалось спастись бегством в Индию, где первоначально он был принят с почетом, но засим по политическим соображениям выпровожден из страны. *Ибн-Батута* застал его в Ширазе, но так как он не считал для себя удобным его посетить, то не мог и удостовериться, заслуживали-ли внимания упорно носившиеся тогда слухи о самозванстве лица, выдававшего себя за Тармаширина.

[192] *Ибн-Батута,* op. cit., III, стр. 49.

[193] Об этом, между прочим, свидетельствует письмо из Рима, датированное 1338 годом и адресованное „Magnifico Principi Chansi (Дженкши) Imperatori Tartarorum in medio Imperil" *(I. L. Moshemius*—„Historia Tarta-rorum ecclesiastica", appendix, стр. 175).

2) Op. cit, III, стр. 48—51.

[194] Некоторым подтверждением тому, что Дженкши и его преемник Ъсун-Тимур правили только частью Джагатайского улуса, служит указание *Абуль-Гази^* что сменивший их Али-султан восстановил власть джагатай-ских ханов во всем Мавераннагре.

[195] Этот год не достоверен. См. *Бартольд*—„Очерк истории Семиречья", стр. 67.

[196] *Moshemius,* op. cit. стр. 118.

[197] *D'Ohsson,* op. cit, IV, генеал. табл. Джагатаидов, ошибочно считает Мухаммеда и Пулада разными лицами.

[198] *Petis de la Croix,* op. cit, I, стр. 3; *Бартольд* — „Улугбек и его время", стр. 10,—в 747 г. хиджры, что соответствует 1346— 1347 г.

[199] *Шереф эд-Дгш* называет его Дашмендже.

[200] У *Бартольда* („Улугбек и его время", стр. 12)—Абдулла, наследовавший власть отца, убитого своим зятем, в 1358 году.

[201] Он был старейшиной рода дуглат, т. е. дулу, о котором см. выше гл. V, стр. 268 и след.

[202] У *Oliver'^.,* op. cit., стр. 109, в 1347 году.

ханом[203]. В 1360 году [7]), когда в Мавераннагре воцарилась анархия, Тоглук Тимур решил воспользоваться безначалием в этой стране и с значительными силами появился под стенами Ходжента. При этом известии сильнейший из эмиров Мавераннагра Хаджи Берлас бежал в Хорасан, остальные же, и в их числе будущий повелитель Средней Азии Тимур-бек, признали его своим ханом. Но об'единение всего Джагатайского улуса под властью Тог-лук-Тимура не остановило междоусобных войн между эмирами Мавераннагра. Вероятно, необходимость положить конец этим войнам, доведшим страну до полного истощения, отчасти же желание расширить пределы своих владений за счет земель соседнего Хорасана заставили Тоглук-Тимура предпринять в 1361 году новый поход за Сихун, т. е. Сыр-дарыо. В этот серьезный в каррьере Тимур-бека момент, когда рушились наследственные владения эмиров, и от руки палача и в стычках с войсками северян гибли эти последние, он сумел не ^ только удержаться в Кеше (Шахрисябзе), но даже несколько ɹ^ увеличить это владение; и более того, когда Тоглук-Тимур назначил своего сына Ильяс-ходжу правителем Мавераннагра, он умудрился попасть в число его ближайших помощников[204]. Но засим в его жизни наступил период, недостаточно еще раз'ясненный историей, когда ему пришлось бежать из Мавераннагра и вместе с товарищем своих несчастий эмиром Хусейном, внуком Казагана, скитаться в Аму-дарьинских степях. Судьба забросила его в это время даже далеко на юг, в Сеистан, где он был тяжко ранен в ногу[205] и хотя и вылечился, но навсегда остался хромым[206].

Между тем Пуладчи и вслед за ним, в 1362 году[207], Тоглук-Тимур скончались. Наступившую после их смерти анархию не смогли потушить их преемники—эмир Худайдад[208] и Ильяс-Ходжа, и после убийства последнего[209] верховная власть перешла к Камар ад-Дину, брату Пуладчи, который для того, чтобы закрепить ее за собой, стал истреблять князей рода Дува. Этим смутным временем воспользовался Тимур-бек для захвата власти в Джагатайском улусе, и 1370 год явится равно роковым для потомков Чингиса как в восточной, так и в западной Азии.

В 1370 году господство монголов окончилось почти повсеместно на пространстве старого континента, и здесь будет уместно подвести хотя-бы в общих чертах итоги тех изменений, какие они внесли в этнологию Средней Азии.

Эпоха Чингис-хана и его ближайших преемников тем сильнее отразилась на этой последней, что ни до, ни после ее история Азии не знала более значительного перемещения народных масс, и, конечно, империя монголов заслужила скорее, чем Римская, название общего отечества всех народов— „una cunc-tarum gentium in toto orbe patria", так как в ее пределах в течение столетия арабы, иранцы, аланы, армяне и славяне вливали свою кровь в жилы восточных рас[210], а татары и чжур-чжени смешивались с сирийцами и другими семитами. Но на ряду с этими частичными перемещениями этнических групп[211], в эту же эпоху совершился в Азии и общий массовый сдвиг монголов с востока на запад.

История Азии отмечает несколько эпох подобных же народных передвижений, но до XIII века, в ее по крайней мере пределах, они совершались и в меньшем масштабе и в такой постепенности, которая в большинстве случаев не давала возможности установить хотя бы приблизительно точно начало и конец этих процессов. В последнее время были сделаны попытки найти им объяснение в явлениях физико-географических и доказать, что массовые передвижения народов являются одним из частных случаев взаимодействия природы и человека и заслуживают

---

[203] *Бартолъд*—„Очерк истории Семиречья", стр. 69. Происхождение этого князя было более, чем сомнительным. Тоглук-Тимур считался сыном одного из джагатайских эмиров; Пуладчи же об'явил, что мать его была замужем за Эмиль-ходжей, сыном Дувы, после смерти которого осталась беременной и родила Тоглук-Тимура уже в доме своего второго мужа. Ср. *Oliver,* op. cit., стр. 107—109.

[204] *Pehs de la Croix,* op. cit, I, стр. 45.

[205] *Petis de la Croix,* op. cit., стр. 55, пишет: в руку, что, конечно, ошибка.

[206] Тимур-лонг по персидски—хромой Тимур, откуда—Тамерлан.

[207] У *Oliver's.,* op. cit., стр. 109, в 1364 году.

[208] Сын Пуладчи. Согласно *Oliver'y,* он остался после смерти отца семилетним отроком и в силу уже одного этого обстоятельства не мог в 1362 году (у *Oliver's.*—в 1364 году) оказать влияния на исход вспыхнувших беспорядков.

[209] *Мухаммед-Хайдер (N. Ellas* and *E. Ross*—„theTarikh-i-Rashidi", стр. 23, гл. VIII) пишет, что в монгольских преданиях имени Ильяс-ходжи не сохранилось, из чего *Бартолъд,* op. cit., стр. 71, делает вывод, что царствование этого хана было весьма кратковременным; согласно, однако, *Шереф эд-Дину (Petis de la Croix,* op. cit., I, стр. 74, 82), Тимур-бек нанес решительное поражение Ильяс-ходже в местности Каба-Митан в 1363 году и имел с ним новое столкновение в следующем году; *Хондемир {Defremery*—„Histoire des khans Mongols du Turkistan et de la Transoxiane", в „Journ. As.", 4 serie, 1852, XIX, стр. 280—281) время его правления определяет годами 1363— 1364, когда он был убит Камар ад-Дином; см. также *Bretscbneider*—„Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources", II, стр. 226. Согласно *Oliver'y,* op. cit., стр. 109, Ильяс-ходжа был убит в 1365 году.

[210] Так, в „Юань-ши", например, упоминается под 1330 годом о военно-земледельческой колонии у гор. Пекина, насчитывавшей 10.000 русских (см. *Bretschnelder,* op. cit., II, стр. 80; арх. *Палладий* и *Бретшнейдер*—„Русь и Асы в Китае" в „Жив. Стар.", 1894, I, стр. 65—73; *Deveria*—„Notes d'epigraphie mongole-chinoise", extrait du „Journ. Asiat", 1896, sept.-oct, стр. 77).

[211] Любопытный остаток этих передвижений представляют монголы в Авганистане.(См. *Ramstedt*—„Mongolica. Beitrage zur Kenntniss der Moghol-Sprache in Afghanistan" в „Journ. de la Soc. Finno-ougr.", 1905, XXIII, № 4).

изучения с географической точки зрения. Эти попытки заслуживают того, чтобы на них остановиться, но не с тем, чтобы оттенить их положительное значение, а для того, чтобы отметить любопытный образчик раз'яснёния космическими причинами народных явлений огромной важности, выхваченных из истории и трактуемых независимо от данных этой истории.

О смене антропологических типов в Европе, а также местами и в Азии, говорят нам многочисленные древние могильники и найденные в различных условиях черепа неолитического человека; в частности в России по мере приближения к историческому времени замечается последовательная смена долихоцефалов мезо-и брахицефалами, а так как такая же смена типов обнаружена была и в остальной Европе, а также на Кавказе, то антропологи пришли к естественному заключению, что нашествия азиатских народов на Европу происходили и в эпоху полированного камня, причем, как выражается Крживицкий[212], исторические волны нашествий составляли лишь последнее звено цепи, исчезающей во мраке времен. Попытки установить эпохи таких нашествий делались[213], но на этих данных еще трудно базироваться; таким образом оперировать приходится с датами исторически известных вторжений, но ив их повторяемости нельзя уловить какой-либо определенно выраженной закономерности во времени; тем не менее, с некоторыми поправками, из которых главнейшей является то соображение, что далеко не все народные волны из Азии могли докатываться до Европы, а если и достигали ее восточной периферии, то пред сим задерживались в пути на долгие сроки, причем раз начавшийся народный поток мог продолжаться в течение одного, двух и даже более столетий (sic!), проф. Тутковский[214] находит возможным придти к следующему выводу: если считать доказанным существование вековых колебаний климата или вековых максимумов и минимумов осадков с периодом около 4^2 столетий, то очень вероятна и причинная связь между этими колебаниями *и* так называемыми нашествиями варваров на Европу. При этом проф. Тутковский заранее отказывается видеть в числе причин, вызывавших передвижение народных масс, завоевательные стремления их вождей и далее говорит, что обычно только исключительные обстоятельства заставляли номадов, уже пришедших в движение под влиянием чрезвычайных (космических) причин, объединяться под властью одного вождя, как это было при нашествиях Атиллы и Чингис-хана, причем об'единение это являлось только последствием уже предпринятого в силу необходимости похода, а не основной его причиной.

Как ни завлекательна эта гипотеза, как ни пытался проф. Тутковский обосновать ее ссылками на работы авторитетнейших ученых, все же главным ее недостатком остается ее совершенная необоснованность. Будучи перегружена малоценными доводами и, как показывает выше приведенная выдержка, предвзятыми предпосылками, она лишена необходимой ей базы, которую могла бы дать ей только история; но именно история и опрокидывает ее.

Чингис-хан, его сыновья и внуки вели свои полчища не только на запад, но и на юг и восток, туда. где народы отказывались им подчиниться, будь то степная область или культурное государство, северная тайга или джунгли тропических стран, острова океана или высокие, холодные пустыни Тибета. Чингис был таким же мировым завоевателем, каким до него был Александр Македонский, после—Наполеон, и его глубокая вера в то, что небо

---

[212] „Антропология", стр. 122.

[213] *Тг/тковский* ссылается на *Иос. Деникера* („Человеческие расы", 1896, стр. 400—401).

[214] .Географические причины нашествия варваров" в „Университетских Известиях", Киев, 1915.

Впервые вопрос о соотношении между периодическими минимумами атмосферных осадков и передвижениями кочевых орд в историческую эпоху, особенно в X—XIII веках (набеги на Россию печенегов, торков, половцев и татар), затронул, как кажется, *М. Боголепов* („Землеведение", 1908, XV, кн. I, стр. 191). Засим проф. *Тутковский* ссылается также и на проф. *Брюкнера,* который в прочитанной им в 1914 году лекции пытался установить связь между массовыми передвижениями среднеазиатских народов и сухими периодами в III, VIII, XII веках, причем, в двух случаях такое совпадение он считал, повидимому, доказанным. Ознакомиться с этой лекцией *Брюкнера* мне не удалось, но у проф. *Тутковскою* приводится следующий перечень нашествий: в III веке нашествие гуннов „ VIII „ „ венгров я XII „ „ татар.

Эти даты ошибочны, так как 1) гунны появляются в России (теснят вестготов) во второй половине IV века, поход же Аттилы через Германию, закончившийся знаменитой битвой народов в долине Труа (в 451 г.), был совершен в конце первой половины V века; 2) мадьяры только в конце IX столетия прикочевывают на берега Дуная из южно-русских степей, куда проникают из-за Волги в начале этого века, и 3) нашествие Батыя на Россию произошло в 1236 году; очевидно, что и выводы, построенные на столь ошибочных данных, не могуть быть верными.

Что касается засим выводов *Боюлепова,* то они касались подчинения человечества в своей эволюции не вековым колебаниям климата, а 35-летнему (точнее—33,з) периоду, причем проводилась та мысль, что засухи в степи вызывали вторжение кочевников в пределы России, мысль, которая едва-ли нуждалась в таких громоздких подтверждениях: китайские анналы свидетельствуют об этом неоднократно. Я остановился на труде проф. *Тутковскою* как на работе позднейшей и наиболее полно излагающей вопрос.

избрало его для установления на земле мировой империи[215], не разнилась от прегензий австрийских монархов управлять вселенной—Austriae est imperare orbi universe. Ни о каком, предшествовавшем эпохе Чингиса, движении монголов на запад история не упоминает, да и завоевательные походы Чингиса всего менее напоминают те вынужденные космическими причинами переселения народных масс, о которых трактует проф. Тутковский. Перемещение же монголов на запад, подобно перемещению турок в VI веке на восток, явилось лишь следствием завоеваний, на которые двинуло их честолюбие их вождей, т. е. именно та причина, которая так решительно отвергается Тутковским, но которая в большинстве случаев и была движущей силой народных передвижений, как это неопровержимо доказывается историей[216]. Этим я не хочу, конечно, сказать, что народные массы вовсе не вынуждались к переселениям изменением климатических условий их родины, но думаю, что такие переселения не носили массового характера и совершались столь же постепенно, как постепенно наростали минимумы осадков, уменьшавшие производительность почвы. Постепенность явления исключала внезапность действия, существенным же моментом всех „нашествий варваров" и была их внезапность. Ее могли только вызвать столь же внезапно проявившиеся силы, бесконечно разнообразные, но все же не те, на которые указывает проф. Тутковский. Несомненно, что к кочевникам более, чем к оседлым народам, применима латинская поговорка ubi bene, ibi patria, но я не вижу существенной разницы между походами Александра Македонского и Чингис-хана, между военными действиями Атиллы и Карла Великого, и не думаю, чтобы поход Батыя на Россию и Венгрию более заслуживал бы названия „нашествия", чем поход на ту же Россию Наполеона и его дванадесяти языков. Менялись времена, менялись и обычаи войны, но в обсуждаемом вопросе нас не это интересует, а причины, их вызвавшие, и я очень сомневаюсь, чтобы в космических явлениях можно было-бы отыскать основную причину наполеоновского нашествия на Москву. Вообще, мне кажется, что в этом вопросе проф. Тутковский избрал неправильный путь: не заглядывая в историю, разрешить его невозможно; к тому же „migratio gentium"—вопрос столь же сложный, как сложны и многообразны причины, вызывавшие эту миграцию, и подводить все ее случаи под общий закон— труд едва-ли не безнадежный[217].

Монголы, оперируя на всем необ'ятном пространстве Азиатского материка огромными массами покоренных ими народов, истребляя целые народности и уводя за собой в степи десятки тысяч пленных, произвели в течение XIII и XIV веков не только значительные изменения в этнологическом составе населения этого континента, но и вызвали большие перемещения народных масс и образование среди них новых народностей и политических организаций, на долю которых в дальнейшем выпала крупная историческая роль.

В духовной области их завоевания внесли также глубокие изменения, понизив уровень цивилизации в покоренных ими странах, причем всего сильнее это сказалось в культурных районах Средней Азии, где истребление туземного населения облегчило доступ в эти районы степным элементам и в значительной степени подвинуло вперед процесс их отуречения, который начался там, вероятно, в эпоху, предшествовавшую христианской эре, но развивался до XIII века очень медленно, встречая отпор в тех культурных течениях, которые шли туда с запада.

Несмотря на престиж имени монгол, несмотря на то, что в рашидово время многие племена, не будучи монголами по происхождению, стали причислять себя к этим последним, монголам в действительности удалось ассимилировать лишь ничтожную часть населения нынешней Монголии, причем эти приобретения едва-ли даже пополнили те потери, какие они, как народ, понесли на западе, где отдельные их части утонули среди тюркских народностей, получивших именно при Чингисидах значение могущественного ассимилирующего фактора. Причин этому было несколько, но главная заключалась в том, что потомки Джагатая и Угэдэя черпали преимущественно

---

[215] „Nul peuple, nul homme, n'a jamais forme un plan de conquete univer-selle aussi complet, aussi absolu que celui qui fut forme par Gengis-khan, et fidelement poursuivi par ses successeurs" (L. *Feer*—„La puissance et la civilisation Mongoles au treizieme siecle", 1867, стр. 10). Том II. 33[2]

[216] Движение гетов (так, следуя *Риттеру*, называет *Тутковский* юэчжи) произошло под давлением сначала хуннов, а затем усуней; хунны же потеснили юэчжийцев вовсе не потому, что были вынуждены к этому экономическими причинами, а потому, что в их среде народился отважный и честолюбивый князь, который стремился к завоеванию мира; иначе трудно об'яснить их походы против лесных и культурных народов. Подобной же причиной об'ясняются и все остальные случаи народных передвижений, о которых упоминает *Тутковский*, и, вероятно, даже нашествие на Египет сирийских хетов (гиксов).

[217] Как на один из таких случаев можно указать на нашествие кельтов в III веке до Р. Х. на Малую Азию, где они образовали государство Галатию. Время этого нашествия с запада, которое мало чем отличалось от нашествий степных варваров с востока, не совпадает с вековым минимумом осадков, и, таким образом, и это передвижение приходится присоединить к числу тех, которые не об'ясняются гипотезой *Брюкнера—Тутковскою*.

среди тюрков тот запас живых сил, который давал им возможность вести бесконечные междоусобные войны за верховную власть над землями, населенными арийскими племенами. По мере того, как меркло обаяние монгольского имени, росло их значение, эпоха же перехода власти в руки эмиров была временем утверждения их господства в государстве Джагатаидов и захвата ими его лучших земель.

Процесс отуречения, который с особой силой проявился тогда в пределах Джагатайского улуса, заслуживает того, чтобы уделить ему некоторое внимание.

Едва-ли не я первый[218] отметил ошибочность установившегося еще в XYIII столетии взгляда на аборигенов Восточного Туркестана как на тюрков, носителей особой так называемой уйгурской культуры. Я доказывал тогда, что первыми насельниками Нань-лу, в частности Турфанской котловины, могли быть только иранцы, и последующие исследования внесли в эту гипотезу лишь ту поправку, что иранцы населяли южную часть бассейна Тарима, северная же была занята народом, хотя и находившимся под сильным греко-бактрийским влиянием, но говорившим на наречии, близком к языкам европейским[219].

---

[218] В 1892 году („Русск. Вестн.", сент.); засим, по тому же вопросу см. „Описание путешествия в Зап. Китай", I, стр. 303 и след.

[219] На языке, носящем название языка I *Лейманл [Leiimami),* восточно-туркестанского *Hoernie* и тохарского *F. W. K. Muller'a, Sieg'a* и *Sicgling'a;*последнее название, как ошибочное, перенесено ныне на язык II *Лейманп,* т. е. хотанский VII—VIII в.в., представляющий, повидимому, один из диалектов иранского языка, почему *Hoernie* и *Стейн [A. Stem}* и предложили назвать его восточно-иранским, а *Лейман—* северо-арийским [см. *bar. А. и. Stael-Holslein*—„Tocharisch und die Sprache II" в „Изв. И. Акад. Наук", 1908, стр. 1367 и след.; *idem*—„Tocharisch und die Sprache I", там же, 1909, стр. 479 и след.; *Миронов*—„Из рукописных материалов экспедиции *М. М. Береэовскою* в Кучу" в „Изв. И. Акад. Наук", 1909, стр. 547—557; *Sylv. Levi*— „Note preliminaire sur les documents en tokharien" (языке I *Леймана)* de la mission *Pelliot* в „Journ. Asiat", 1911, XVII, стр. 138; *idem*—„Documents tokhariens de la mission *PeUwt",* и *Melllet*—„Remarques linguistiques" в „Journ. Asiat", 1911, XVII, стр. 431—464, XVIII, стр. 119—150]. Вопрос об языке восточно-туркестанцев поставил вновь на очередь тохарский вопрос (см. выше гл. II, стр. 93), разрешая его в том направлении, которое было мною предложено в 1898 г. *(Грум-Гржимайло*—„Историческое прошлое Бей-шаня в связи с историей Средней Азии", стр. 5), а именно, что тохары были иранцы, а не индо-скифы (юэчжи)—заключение, к которому пришли также *de Vnsconrellos Abren*—„De 1'origine probable des Toukhares et leurs migrations a travers 1'Asie" в „Le Museon", II, 1883, стр. 165—188, и в последнее время *M. Aur. Stein*—„Ancient Khotan", 1907, I (цит. у *бар. А. ф. Сталь-Го льет ейн*—„Сюань-дзан и результаты современных археологических исследований" в „Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", XX, стр. 19); другие, однако, ученые и в их числе *A. v. Gutschmid* („Geschichte Iran's", стр. 70 и след.), *Sylv. Levi, ф. Сталь-Го^ьстеш, Sieg, Singling, Миронов, Бартолъд* („Историко-географический обзор Ирана", 1903, стр. 13), *Н. А. Аристов* („Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям" в „Русск. Антроп. Журн.", 1904, №№ 1 и 2, стр. 20 и след.) продолжают держаться гипотезы о тождестве тохаров и индо-скифов, впервые высказанной *Las*-s'fw'OM („Indische Alterthumskunde", II, 2-е изд., стр. 381), а затем поддержанной *Yule'M* (хотя и с оговорками; см. „A Journey to the source of the river Oxus" by Captain *John Wood,* 1872, стр. XXVII; „Notes on Hwen-Thsang's account of the principalities of Tokharistan in which some Previous Geographical Identifications are Reconsidered" в „Journ. of the Roy. Asiat. Soc.", 1873, VI, стр. 95) и *Ricbthofen*'ом („China", I, стр. 439), упуская из вида два факта: 1) что, согласно свидетельству *Koppen'a* („Die Religion des Buddha", II, стр. 42; цит. у *Yule*—введение, стр. XXVIII, к „A Journey to the source of the river Oxus" by Capt. J. Wood), тибетцы и поныне называют жителей Восточного Туркестана—*thngar,* т. е. тохарами, что подтверждает и *Миньчжул-хутукта* в своей „Географии Тибета", где читаем: „Река Бакшу (Вахт) вытекает к сев.-зап. от Дисэ, находящейся в *Тодюрской* (Тохарской) стране, и, направляясь к западу, проходит через Балх, Бухару и Хиву и неподалеку от Рум впадает в море, называемое Манасарвара"... „река Сита (Тарим) выходит из сев.-зап. отрасли Гандеса, и, миновав Яркенд, впадает в Соленое море в *Тодгарской* стране Тур-фань"... и 2) свидетельства китайцев, не смешивавших тохаров и юэчжий-цев (см. *Г. Е. Грум-Гржимайло*—„Историческое прошлое Бэй-шаня", etc., стр. 5; *Slen Konow*—„Beitrag zur Kenntnis der Indoskythen" в „Festschrift fur Fr. Hirth zu seinem 75 Geburtstag"). *A. v. Le Coq* („Journ. of the Roy. Asiat. Soc.", 1909, стр. 318) высказал предположение, что язык II был языком саков. *Н. Luders*—„Die Sakas und die nordarische Sprache" в „Sitzungsber. d. k. Preuss. Akad. d. Wiss.", 1913, I, стр 406—427, дает этой гипотезе лингвистическую основу; вместе с тем однако, усматривая, что гипотеза *ф. Сталъ-Голъстеина о* тождестве языка II с тохарским находится в противоречии с защищаемой им гипо-тезой, он делает попытку ее опровергнуть, между прочим, тем доводом, что так как саки по времени предшествовали тохарам, то не невозможно, что эти последние „die Titel der Sprache ihrer Vorganger entlehnten und im Zusammenhange damit auch die Namen nach Art dieser Sprache flektierten, so wie sie sie in der griechischen Munzlegenden mit griechischen' Endungen versahen". Такие позаимствования в действительности, однако, едва-ли могли иметь место, так как, вопреки утверждению *Людерса,* известия о тохарах восходят к очень отдаленному времени: о тохарах, как народе, нахо" лившемся в тесных торговых сношениях с Индией, говорится уже в Магаб-харате. Не убедителен также и другой довод *Людерса,* а именно, его указание на отсутствие среди имен индоскифских богов таких, которые конча-лись-бы на „и". Так как тохары были не индоскифы, а иранцы, то этот аргумент утрачивает значение. Таким образом и в вопросе о саках, которым ничто не мешает быть также иранцами, смешение тохаров с юэчжами сыграло свое задерживающее влияние.

В последнее время вопрос о тохарах усложнился еще в одном отношении: *E. Sieg'y* („Bin einheimischer Name fur ToXri" в „Sitzungsber. der Berl. Akad. der Wiss.", 1918, стр. 560 и след.; цит. у *S. Felst'a.*—„Der gegen-wartige Stand der Tocharerproblems" в

Его антропологический тип определяют китайцы, которые в VI веке писали: „население городов, лежащих к западу от Гаочана, имеют глубоко сидящие глаза и выдающийся нос"[220]. Это указывает, что метисация коренного населения Восточного Притяныпанья с тюркским элементом не продвинулась еще в VI веке настолько вперед, чтобы в заметной степени изменить расовые особенности народа, говорившего на языке индо-европейской группы. Это тем более замечательно, что уже чешисцы[221], населявшие оба склона Восточного Тянь-шаня за два столетия до Р. Х., были несомненно народом смешенного происхождения (это можно заключить, между прочим, из полукочевого образа жизни северных чешисцев), дальнейшая же примесь тюркской (хунны, т^лэ) и китайской крови должна была явиться у них еще более значительной[222]. Тоже следует заметить и в отношении иранского населения южной части Таримского бассейна. Впрочем, факт крайней устойчивости иранской расы подмечен был еще акад. Миддендорфом[223], который одновременно указал, что только в одной из духовных областей иранец (таджик) с каждым годом все более теряет свою первоначальную оригинальность, это—в области языка. В Восточном Туркестане, подпавшем под власть турецких народностей в первые века христианской эры и окончательно в конце IX столетия, туземец, невидимому, давно уже успел потерять эту оригинальность и в западных частях Тарима даже ранее, чем к востоку от Карашара, где утвердились уйгуры.

Под властью уйгуров турфанцы достигли значительного материального благосостояния, и если период господства кочевников и отразился неблаюприятно на их духовной культуре, то главным образом лишь в области живописи и ваяния, которые, по заключению Грюп'веделя[224], действительно с этого времени стали клониться к упадку. В западной части бассейна Тарима, где с конца X века утвердились Караханиды, тот же процесс должен был, однако, идти значительно быстрее, так как, приняв мусульманство, Караханиды с ревностью новообращенных стали насаждать его сначала в Кашгаре, а затем и в других подвластных им городах Восточного Туркестана[225]. Под влиянием же ислама эти отрасли искусства должны были там пасть очень скоро, тогда как в Уйгурии их защищал буддизм, вероятно, до конца XIV века державшийся в этой стране; даже в начале XV века он был еще довольно силен в Хами[226].

Так как мусульманство в Восточном Туркестане насаждалось тюрками[227], то следует думать, что связанное с

„Festschrift fur Fr. Hirth zu seinem 75 Geburstag") удалось выяснить, что народность, говорившая на диалекте А, именовала себя *арси;* арси же это асианы *Трот ПочпеЯ* и, если признать правильной транскрипцию китайских иероглифов, предложенную *Franke*— народ, который стал нам известен под именем юэ-чжи—открытие весьма важное, разрешающее спорный вопрос об этой народности. Но если так, то и вопрос о тохарах получает большую определенность: так называлась та иранская народность, которая издревле населяла культурные земли в бассейнах Аму-дарьи и Тарима и которую покорили арси-юэчжи. Выше (гл. II, стр. 93) приводился уже вывод *Sten Konow'o.,* что отныне мы более уже не вправе считать тохаров и юэчжи за один и тот же народ; ясным также стало и оглавление утраченной XLII кн. *Трош Помпея,* говорившей о том, как асианы поделались царями у тохаров; в виду этого я считаю излишним останавливаться здесь на исследовании *Charpentier*—„Die ethno-graphische Stellung der Tocharer" в „Zeitschrift der Deutschen Morgenlan-dischen Gesellschaft", 1917, LXXI, стр. 347—388, в котором этот ученый приходит к выводам: 1) что юэчжи, позднее ставшие известными под именем тохаров (ту-хо-ло), были ветвью кельтов, далеко отброшенной на восток, впоследствии же образовавшей в Бактрии государство, подпавшее под власть асианов, и 2) что эти последние, усуни китайцев, отрасль иранского племени, были Предками аланов,—находящимся в резком противоречии с тем, что мы в настоящее время знаем об юэчжи и усунях. О значительной роли, какую играли юэчжи в пределах Восточного Туркестана, см. *Sten Konow,* op. cit.

[220] *Ab. Remusat*—„Histoire de la ville de Khotan", стр. 29.

[221] См. выше стр. 132, 135 и 137.

[222] Турфанская котловина подвергалась неоднократным опустошительным набегам хуннов, т^лэ и жеу-жаней и вторжениям китайцев, которые с одной стороны уводили туземцев массами в плен, с другой—заводили там свои колонии. См. выше стр. 121.

[223] „Очерки Ферганской долины", стр. 389, 402.

[224] „Bericht uber archaologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903", стр. 175.

[225] *ВвИеш* („Report of a Mission to Jarkand in 1873 under command of sir T. D. Forsyth", 1875, стр. 121—129); *Валиханов* („О состоянии Алты-шара или шести восточных городов Малой Бухарин" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", III, 1861, стр. 33); *Quatremere* („Notices et Extraits des manuscrits", etc., XIV, 2, стр. 478).

[226] *Григорьев*—„Восточный или Китайский Туркестан", стр. 333. Уйгуры, поборники манихейства (см. *Chavannes* и *Pelliot*—„Un traite mani-cheen retrouve en Chine" в „Journ. Asiat", 1913), застали буддизм крепко вкоренившимся в занятых ими культурных областях Восточного Притянь-шанья. Что засим манихейство не выдержало последующей борьбы с буддизмом, явствует из того, между прочим, что в Передней Азии буддизм настолько тесно связывался с уйгурами, что их именем стали там называть всех приверженцев этого вероучения; так, *Элъбирзали (Тизетаузен*— „Сборн. мат., относящ. к ист. Золот. орды", I, стр. 174) писал: „Узбек-хан умертвил несколько эмиров и вельмож, умертвил большое число уйгуров, т. е. лам, и провозгласил исповедание ислама"...

О том, какие корни пустил буддизм в Уйгурии, в частности в Хами, свидетельствует тот факт, что-, именно этот последний город был рассадником буддизма в Тангутском государстве (Си-ся), которое он снабжал буддийскими книгами и буддийскими монахами (Арх. *Палладий Кафаров*— „Комментарий на путешествие Марко-Поло по северному Китаю" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1902, XXXVIII, вып. I. стр. 8).

[227] По китайским сведениям, ислам стал проникать в Восточный Туркестан впрочем уже в конце VI столетия (см. *Imbauli-Huaft*—„Recueil de

этим отурчение туземного населения должно было уже в X—XI веках сделать большие успехи в тех его частях, которые подпали этому вероучению. Уйгурия, как выше было замечено, не принадлежала к числу этих последних, и найденные в ней документы на уйгурском языке не дают нам еще права думать, что тюркская речь была там господствующей в до-монгольское время[228], хотя и очень вероятно, что идыкуты, сумев слить свои интересы с интересами туземного населения, в то же время удержали при дворе родной язык и письменность, которые затем и вытесняли постепенно из государства туземные язык и письмо. Сильную поддержку последнему оказывал буддизм, но он существовал в Уйгурии как государственная религия до тех пор, пока идыкуты имели еще возможность вести самостоятельную внутреннюю политику. Это продолжалось, повидимому, до смерти императора Тимура, т. е. до начала XIY столетия[229], но засим, с упадком политического могущества Юаньской династии, Уйгурия вошла окончательно в сферу влияния Джа-гатаидов, и, вероятно, уже в конце первой половины XIY века от нее отделился Хами, оставшийся за Китаем[230], а затем идыкуты потеряли Бишбалык[231], еще позднее—западную часть Турфанской котловины[232] и остались обладателями лишь Лук-чунского района с последним в нем оплотом буддизма—городом Идыкут-шари. Когда идыкуты утратили свой титул—неизвестно, но еще в XVIII столетии их потомки властвовали над карашарскими уйгурами, тогда уже мусульманами[233].

Известий о том, когда ислам вплотную надвинулся на земли Южной Джунгарии и Турфан, мы не имеем, но едва-ли ошибемся, если свяжем это событие с падением власти уйгурских идыкутов, что, как мы только что видели, должно было случиться незадолго до эпохи эмира Тимура. К этому времени должно быть отнесено и закончание процесса отуречения туземного населения Турфанской котловины, которое сдалось не без упорной борьбы с надвигавшимся варварством, ибо современные турфанпы отчетливо помнят, что их предки явились в Турфан на смену уйгуров.

^^ Двухсотлетний период (XIII и XIV вв.) непрекращавшихся внешних и внутренних войн вызвал в степи не меньшие изменения в этническом составе его населения, чем в культурных районах, и конгломерат народностей, об'единяемых ныне под общим именем кара-киргизов, и образовавшийся в ней тогда же узбекский союз представляют лучшее доказательство тех крупнейших народных перемещений, какие произошли в Средней Азии под давлением описанных выше событий.

Узбеки (озбеки)[234] только при хане Абул-хайре[235], т. е. в конце первой половины XV столетия, получили законченную организацию, но союз их образовался на столетие раньше, о чем, свидетельствует хроника их набегов на Мавераннагр[236]. Самый, однако, факт образования союза вольных людей на сво-

---

documents sur 1'Asie Centrale", стр. 4).

[228] В числе таковых документов, доставленных" *Грюнведелем* из Тур-фана и переведенных акад. *Радяовым* на немецкий язык, имеется только один *(Grunwedel,* op. cit, стр. 193), который дает возможность определить время его составления, но и тот относится к монгольскому периоду (1348—1362 г.г.).

[229] Впрочем, уже при Хубилае Бишбалык преобразован был в губернаторство Юань-сай-фу *(Klaproth*—„Memoires relatifs a 1'Asie", II, стр. 358), хотя, вероятно, это преобразование и не затрагивало прав Уйгурии на внутреннюю самостоятельность.

[230] *Покотилов*—„История восточных монголов в период 'династии Мин", стр. 43; *Успенский*—„Несколько слов об округе Хами" в „Изв. И" Русск. Геогр. Общ.", 1873, IX, стр. 3; *Delamarre*—„Histoire de la dynastie des Ming composee par 1'empereur *Khmn-Loung",* стр. 154.

[231] Бишбалык, согласно „Тарихи Хайдери" *(Григорьев*—„Восточный или Китайский Туркестан", стр. 330), был присоединен к Могулистану в 1369 году.

[232] *Григорьев,* 1ос. cit., ссылаясь на *Кайдера Рази,* утверждает, что и Турфан был присоединен к Могулистану в том же 1369 году. Этому несколько противоречит известие о походе, предпринятом китайцами против Турфана, как отдельного владения, в 1377 году (см. *Покотилов*—„История восточных монголов в период династии Мин", стр. 97).

[233] *Klaproth,* ibid., стр. 346. Том II. 34

[234] По объяснению *Quatremere, Vambery* и *Сенковскою* это слово имеет то же значение, что и слово казак, т. е. человек свободный, не признающий над собой ничьей власти.

[235] Потомок в 11 колене Чингис-хана в линии Джучи-Шейбан; см. *Березин*—„Шейбаниада", стр. XLIX—L; *Desmaisons,* op. cit, II, стр. 192; *Ст. Л-т-Пулъ*—„Мусульманские династии", стр. 198. Согласно родословной, приводимой *О. Сенковскгт* („Supplement a 1'Histoire generale des Huns, des Turks et des Mogols", 1824, стр. 17), в 13 колене.

[236] *Quatremere*—„Histoire des Mongols de la Perse", стр. 407 (см. *Н. Весе-ловский*—„Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве", стр. 91) говорит, что первые известия об узбеках восходят к эпохе Тимур-бека;

существует, однако, мнение, что союз этот возник еще раньше, так как его связывают с именем золотоордынского хана Узбека (1312—1340)—мнение едва-ли правильное, но удержавшееся до настоящего времени (см. *Аристов*— „Заметки об этнич. сост. тюркских плем. и нар.", стр. 146—147); *Хонде-*

бодной территории, получившей впоследствии название Узбекистана[237], свидетельствует об анархии, водворившейся в степи, об обезлюдении огромных территорий и о стремлении кочевников уйти от гнета непосильных поборов и воинской повинности, которая всей своей тяжестью ложилась преимущественно на них. Так как узбекский союз образовался из беглых, то ожидать однородности его этнического состава нельзя, и действительно, он настолько пестрый, что по некоторым исчислениям количество его родов восходит до сотни, да и эта цифра не является еще окончательной[238]. Много, конечно, среди них таких родов, которые возводятся на их степень, будучи в действительности только родовыми отделами или под'отделами, немало и таких, которые возникли уже в позднейшее время, в пределах Узбекистана[239], но вместе с тем мы встречаем в их числе имена почти всех значительных родов и племен как тюркских, так и монгольских, с которыми нас знакомит эпоха Чингис-хана.

Так, в него вошли части следующих родов и племен:

тюркских и отуреченных динлинских: канглы, кипчак, киргиз, уйгур, карлык, аргын, алачин[240], тогус[241], юс[242], кучин[243], *мир*—„История монголов", пер. *Григорьева,* стр. 40, впрочем пишет: „Улус узбеков ведет свое начало от Узбек-хана". См. также *Petis de la Croix,* op. cit., I, стр. 384, II, стр. 73, 331, 355, 361; *Desmaisons,* op. cit, II, стр. 227.

тюркское, монгольское или тунгусское происхождение < кераит[244], найман, ктай[245] баргут[246], коих не установлено: монгольских: хорлас[247], нукуз, кыиот[248], джалаир[249], ойрат,

об этнич. сост. тюрк. плем. и народи.", стр. 148, сноска). Бартолъд— „Улугбек и его время", стр. 9, пишет— „каучин". Согласно Ибн-Арабшаху, это был один из четырех главных родов, поселенных в Мавераннагре.

В эпоху Чингис-хана джалаиры (джелаиры) были далеко отброшены к западу, где вошли в состав некоторых образовавшихся там народностей;

так, Радлов („Средняя Зерафшанская долина" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.", VI, стр. 65) упоминает о джалаирах как об одном из четырех составных элементов курама—народности, населяющей подгорье Тянь-шаня между Ташкентом и Ходжентом. В Западной Персии их родовые князья (иль-каны) образовали даже сильное государство с столицей в Багдаде, существовавшее с 1336 г. по 1410 г., когда оно было уничтожено Кара-Юсуфом (см. ниже гл. X); впрочем уже с 1393 года оно утратило свою самостоятельность и вошло в состав монархии Тимура (см. А, Марков—„Каталог джелаиридских монет", 1897, стр. I—XXXVIII). Джелаириды, как династия, и после 1410 года продолжала еще некоторое время (до 1431 г.) существовать, удержавшись в ничтожной части своих владений, в Арабском Ираке (Марков, op. cit, стр. XL—XLVI). В момент наибольшего своего могущества они владели всей страной между морями Каспийским, Черным, Средиземным и Персидским, а именно: частью Грудбрбёт[250], онгут[251], татар, хонкират[252], мангыт[253], монгол, хатагин[254], неизвестною происхождения: мекрин[255], минг[256], кенегес,

---

[237] Он обнимал среднюю часть нынешних областей—Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской.

[238] Наиболее полный список узбекских родов дает *Ханыков*—„Описание Бухарского ханства", стр. 58 seqq.

[239] Большинство таких родов образовано было, повидимому, оседлыми жителями, бежавшими в степь к узбекам и об'единившимися там в зем-лячьи союзы, название коих по месту прежнего жительства и давало наименование роду (кар-тау, ургенчи, бишбала (?) и т. д.).

[240] См. выше стр. 353—354. Все эти племена за исключением канглов отнесены к тюркским по давности их отуречения.

[241] Тогус—одно из алтайских племен, живущее близь Телецкого озера (см. *Радлов*—„Средняя Зерафшанская долина" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.", 1880, VI, стр. 61; ср. *idem*—„Aus Sibirien", I, стр. 213).

[242] Юс—кость среди черненых татар, живущих близь Телецкого озера (*Радлоб*— „Средн. Зерафшанская долина", стр. 62). Она же встречается среди сагайских татар.

[243] О племени кучин, которое *Petis de la Croix,* op. cit., Ill, стр. 118, считает турецким, упоминает *Шереф эд-Дин* (ср. *Н. Аристов*—„Заметки

34*

[244] В произношении керейт (см. выше стр. 410). Крайним пунктом распространения их на запад был Крымский полуостров.

[245] Это произношение вернее, чем принятая мною китайская транскрипция этого имени—кидань; последнюю пришлось удержать в виду неудобств, сопряженных с употреблением одного имени для двух народов и невозможности называть китайцев иначе как китайцами.

[246] См. выше стр. 416, если только правильно отождествление их с „беркуут", „буркут" узбеков.

[247] Это наименование перешло в тюркский язык в форме куралас. Хорласы принадлежали к той группе родов, которые, по замечанию Рашида, издревле входили в состав монгольского племени. Среди алтайских урянхайцев имеется род уриляс.

[248] Это наименование к узбекам перешло в форме кият (см. Аристов— op. cit, стр. 147; Н. Муравьев—„Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 г.г.", II, стр. 36). Ту же форму встречаем мы и в „Шейбаниаде", стр. XXXII. См. также M. Charmoy—„Expedition de Timour-i-Lenk ou Tamerlan centre Togtamiche, khan de 1'Oulous de Djoutchy en... 1391 de notre ere" в „Mem. de I'Acad. I. des Sciences de St.-Petrsbrg", VI serie, 1836, III, стр. 118.

[249] Твердых данных к включению джалаиров в число монгольских племен, впрочем, не имеется. Аристов, op. cit., pass., считает их турками.

[250] „Дурмен", „дурман" у узбеков Хивинского ханства, „дурбун" в восточной Бухаре.

[251] Онгуты были народом смешанного происхождения; см. выше стр. 306 и 382.

[252] Один из основных родов монгольского племени. В „Шейбаниаде", стр. LIV, это наименование передано не в искаженном виде, но в XIX ст. оно уже изменилось в кунград, конграт, кунрат (см. Н. Муравьев, ibid., Левшин—„Описание киргиз-казачьих орд и степей", III, стр. 9; бар. А. Каульбарс—„Низовья Аму-дарьи, описанные по собственным исследова-ваниям в 1873 г." в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.", 1881, IX, стр. 503; Н. Ханыков, loc. cit.). По этому поводу в одном из писем Дорджи Банзарова („Труды вост. отд. И. Археол. Общ.", 1857, III, вып. 2, стр. 201) читаем: ‚Хонгират есть только смягченное произношение имени хонхорат—„жители ложбин"; оттого-то по турецки это имя выговаривается то

кынгыт.

зии, Ширваном, Арраном, Арменией, Азербейджаном, Дилемом, западной частью Табаристана и Хорасана, обоими Ираками, Курдистаном, Диар-Ребиа, Диар-Модаром, Джезирэ, Луристаном и Хузистаном. Ибн-Арабгиах (Бартольд, ibid.) называет джалаиров в числе четырех главных родов, поселенных в Мавераннагре.

Число родов и племен последней группы можно было-бы значительно увеличить, но новые названия в этой рубрике едва ли прибавили-бы что-нибудь к той картине пестроты этнического состава узбекского союза, которую нам дает вышеприведенный список. Всего интереснее в нем группа монгольских племен, отброшенных на тысячи верст к западу от их родины. Онгуты, составившиеся из тюрков-шато и татар, вступили здесь вновь в среду тюрков, татары и хон-кпраты внесли сюда не только монгольскую, но и тунгусскую кровь, кыиоты—динлинскую, которая текла уже в жилах кипчаков[257], киргизов, аргынов, алачинов и, наконец, уйгуров—значительно отуреченных динлинов[258], смешавшихся сверх того и с народом, который имел „глубокосидящие глаза и выдающиеся носы" и говорил на одном из ариоевропейских иаре-чий; наконец, в Узбекистане нашли себе приют и потомки древних тохаров (кутчи) и западных иранцев (ургенчи) и тот сметанный этнический элемент, который носил имя ктай. Таким образом сюда собрались чуть-ли не со всей Внутренней Азии представители народностей, когда либо в ней живших, и так как во главе их очень скоро встали потомки Чингиса, то следовало-бы ожидать, что под их управлением возобладает монгольский язык, тем более, что в XIY веке монголы далеко еще не утратили своего политического первенства в Средней Азии. Действительность оказалась, однако, иной:

об'единяющим языком в Узбекистане стал язык тюркский. О несколько позднейшем времени А б у ль -Газ и[259] пишет, что среди узбеков монгольский язык был еще не вполне забыт, вероятно же в общем употреблении в то время был уже тот тюркский язык, язык „Шейбаниады", который пестрит монгольскими или, как их называет Б е резин[260], монголо-тюркскими словами, лучше объясняемыми исходя из языка монгольского, нежели тюркского.

Узбекский союз сыграл значительную роль в истории Средней Азии, и к нему мы вернемся в следующей главе.

конкрад, то конрад, как у киргизов". Этот род продвинулся на запад до южного Крыма, за исключением Ялтинского уезда (см. Аристов, op. cit, стр. 128), на юг—до Аму-дарьи и Сурхана (см. Минаев—„Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи", стр. 195). Бланкенна1ель, посетивший Хивинское ханство в 1793 году, доносил (см. Я. Ханыков—„Поясн. зап. к карте Аральск. м. и Хив. ханства" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", 1851, V, стр. 278), что род этот был многолюднейшим и пользовался наибольшим значением в ханстве. Ст. также M. Charmoy, loc. cit

[253] У Рашида—мангкут, которых Потанин („Очерки сев.-зап. Монголии", II, прим., стр. 59) едва-ли правильно отождествляет с мингытами. Мангытов калмыки считают предками казанских татар.

[254] У узбеков—катаган. Оставшиеся в Халхе хатагины в XVII столетии в числе восьми монгольских племен (родов) бежали в Забайкальскую область, где и осели (Разумов и И. Сосновский—„Население, значение рода у инородцев и ламаизм" в „Материалах Коммисии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области", VI, стр. 3).

[255] См. выше стр. 480—481.

[256] Миш составляет, вероятно, коренное наименование племени, известного под именем мингат, где am окончание множественного числа. Согласно „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 448, мингаты составляли один из отделов урянхайцев, что подтверждается как существованием у последних кости мингат (см. Потанин, op. cit, IV, стр. 11), так и преданием, записанным Потаниным, op. cit, II, стр. 40, со слов самих мингатов. „Впослед ствии", говорится далее в „Мэн-гу-ю-му-цзи", этот отдел был включен в одно из знамен Дзасакту-хан'овского аймака, но в 1765 году был из него выделен, передан в ведение кобдоского амбаня, преобразован в отдельное знамя и поселен к западу от гор. Кобдо. „Шэн-у-цзы" (перев. *Васильева,* прилож. к т. Ill кн. Потанина—„Очерки сев.-зап. Монг."), подтверждая факт переселения мингатов в Кобдоский район, говорит, однако, что они были выведены туда не с востока, а с запада, из прежних джунгарских владений. Тоже следует и из показаний мингатов, бежавших в русские пределы с Таласа. Большая их часть была перехвачена мунгалами, т. е. восточными монголами, союзниками маньчжур, и в 1757 г. уведена на восток *(Потанин*— „Материалы для истории Сибири" в „Чтениях в И. Общ. ист. и древн. росс. при Моск. Универс.", 1866, IV, стр. 101). Как-бы то ни было, эти мингаты составляют в настоящее время последние остатки когда-то значительного племени минг. *Потанин* хочет видеть в них потомков того народа мык или мынг, которому современные киргизы приписывают все монгольские древности. Тому же народу мык, мук или омук приписываются остатки оросительных сооружений в горах, различные там каменные кладки и проч. как в Русском Туркестане („Заметки о древних урочищах Туркестанского края" в „Туркест. Ведом." за 1879 год, № 12;

Иантусов, Н.—„Кегеньский Арасан" в „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при И. Казанск. Унив.", 1901, XVII, стр. 134), так и на далеком северо-востоке Сибири, в долине р. Колымы *{ф. Врателъ*—„Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю", 1841, I, стр. 234, II, стр. 331), и если даже допустить, что легенда о народе мук, мык или омук родилась в Алтае и отсюда уже обошла Азию вместе с рассеявшимися по ней тюркскими племенами, то все же у нас нет данных, кроме созвучия имен, чтобы считать мингов (мингатов) за одно из динлинских племен. О племени мук упоминает и *Рубрг/к* („Путешествие в восточные страны", перев. *Малеи-на,* 1911, стр. 110).

[257] См. выше стр. 57—59.

[258] См. выше стр. 18 и след.

[259] *Desmaisons,* op. cit, II, стр. 196

[260] „Шейбаниаца", стр. 74. Написана была „Шейбаниада", вероятно, в самом начале XVI века *(Березин,* op. cit, стр. 58).

Перехожу к тяныпаньским кара-киргизам или бурутам[261], которые, как это справедливо заметил еще Чокан

[261] По мнению *Радлова,* это название могло произойти от бор (баур)— имени одного из отделений рода бугу, по мнению *Аристова,* от бурю— имени одного из родов отдела адгене. Мне кажется, что вопрос этот решается иначе.
Среди качинских татар, теленгетов, сагайцев и урянхайцев наряду с костью кыргыз имеется и кость бюрют *(Н. Козьмин*—„Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае" в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1916, XIV, стр. 48), пюрют *(Н. Катаное*—„Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1898 года в Минусинский округ Енисейской губернии" в „Учен. Зап. Казан. Унив.", 1897, отд. отт., стр. 95), пюрю или бурут. Последнее правописание встречаем у *Радлова*—„Observations sur les Kirghis" в „Journ. Asiat", VI serie, 1863, II, стр. 317, *idem*—„Briefe aus dem Altai" в Erman's „Archiv fur wissenschaftliche Kunde von Russland", 1862, XXI, стр. 197, а также у *Пота нина*—„Очерки сев.-зап. Монголии", II, стр. 17, и *Самойловича*—„Турецкий народец хотоны" в „Зап. вост. отд. И. Русск. Археолог. Общ.", 1916, XXIII, которые говорят о бурутской кости у хотонов; *Словцов* („Историческое обозрение Сибири", изд. 1886, стр. 13), писавший в первой половине XIX в., утверждал даже, что в Иркутском уезде, близь Манзурки, продолжал еще в его время существовать „клочек бурутов", что доказывает, что название это является народным именем, а не монгольским искажением того или иного тюркского родового прозвания. Та же кость встречается как у торгоутов, так и хотонов (см. выше), считающихся выходцами из Притяньшанья. Последний факт указывает на то, что и там, как в бассейне Енисея, тюркские племена не отождествляли бурутов с киргизами (ср., однако, *Миллер*— „ О пис. Сиб. царства", стр. 389, который пишет, что киргизы, переведенные калмыками за Саяны, „под именем бурут (были) известны"), ниже же приводимые документы свидетельствуют, что еще в XVIII столетии не смешивали их между собой и монгольские племена. Так, в использованном уже мною выше показании мингатов говорится: в 1755 году в долине Таласа на них напали китайские войска совместно с *казаками* и *бурутами* и многих из них побили; те, кто уцелел, соединились тогда с *киргизами* (показание очень важное, свидетельствующее о том, что это те киргизы, которые в 1703 году переселены были в Тянь-шань, притом, повидимому, не одни, а в сообществе с телеутами и мингатами) и *телеутами* и сообща решили вернуться на прежние свои земли в Алтае, но в 1756 году были настигнуты китайцами и еще раз ими разбиты; тем не менее, и после этого вторичного разгрома они продолжали свой путь на север, причем некоторым киргизам и теле-утам удалось достичь намеченной цели, им же не посчастливилось, так как они были перехвачены мунгалами, которые и увели их за собой на восток, поселив в местности Хемыцык. Оттуда часть **их** бежала и добралась, наконец, до русских пределов, выдержав на пути несколько схваток с урянхами. Засим, из показаний, данных в том же 1757 году, тарским юртовским бухаретином Мирзали Шаховым *{Потанин*—„Матер, для ист. Сиб.", там же, I, стр. 160—161), о тех ценах, какие он платил за холопов в „калмыцких кошах", явствует, что и там бурутов не смешивали с киргизами; так: за бурутку 7 лет он заплатил . 17 „„„. 6 руб. . 17 „ . 10 „. 1 лошадь и денег 6 руб. „ киргиза„ киргизку 40 „ „ „
Этих данных достаточно, чтобы подтвердить вышеизложенное положение, что киргизы даже у калмыков не отождествлялись с бурутами, и если имя последних засим и было распространено на все кочевое население Центрального Тянь-шаня и Памира, то с небольшим основанием, чем имя киргиз.- Но что же это был за народ, буруты? *Банзаров* („Об ойратах и уйгурах" в „Библ. вост. истор.", I, прил. V) полагает, что бурут один из вариантов слова бурят *{Scbmidt*—„Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fur-stenhauses", стр. 473, также пишет: „Kirgisen bildeten hochst wahrscheinlich mit den *Burjaten* und Teilengud *eine* Nation, wie den jetzt noch die ostlichen Kirgisen ihren alten Namen Burat bei den Kalmuken behalten haben"); в пределах Алтайско-Саянского нагорья слово бурят действительно передается в форме пырат (см. *Катаное*—„Поездка к карагасам в 1890 году" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд, этногр.", 1891, XVII, 2, стр. 141); но если это и не так, то все-же остается несомненным, что некогда буруты жили в соседстве с бурятами в области, носившей название Барга, Баргуджин-токум. С ними соседили и ойраты, в союз коих входили киргизы (кэргут) (если, однако, такое отождествление вообще допустимо; см. ниже гл. IX), что также указывает на то, что без достаточных этнических оснований ойраты не могли перенести на тяньшаньских киргизов имени бурут, а что эти основания были, это доказывает имя *барга,* которое носит в настоящее время один из основных кара-киргизских родов [аналогичный факт: племена кырк и юсь носят общее имя марка (озеро и котловина Марка-куль);
в казачий союз они вошли под этим последним именем]. В Барге, согласно *Рашид эд-Дгту,* жили бургуты (по мнению *Банзарова*— буруты, что находит подтверждение в „Истории Чингис-хана" *Рашид эд-Дина,* где, на стр. 96, сказано: „племена урут и бурут пришли к нему и покорились"), хори и сходные с ними тумэты; все эти племена были известны под общим именем *баргут.* Баргуты-тумэты, как говорится у того же историка в другом месте („История монголов". „Введение", стр. 87), *обитали в пределах страны киргизов;* тумэты—это один из отделов баргутов-бурутов или баргу-бурутов (название баргу-буряты и до сих пор сохранилось за кулун-берскими бурятами: ср. то, что по этому поводу в одном из своих писем, опубликованных в „Тр. вост. отд. И. Археол. Общ.", 1857, III, вып. 2, стр. 201, пишет *Дордлси Банзаров),* и эта несомненная связь между обоими народами, установившаяся в Саянах, продолжалась засим и в Тянь-шане, куда буруты переселились, вероятно, в XIII веке, подчиняясь общему движению народных масс, в котором, между прочим, приняли участие и другие баргинцы—хори-буряты, осевшие в Хангае (см. выше стр. 411—412) после бегства оттуда найманов.

Хотя предлагаемая гипотеза и не настолько разработана, чтобы стать теорией и удовлетворительно ответить на все попутно возникающие вопросы [лучше с этой задачей мог-бы справиться лингвист, знакомый с фонетическими законами туземных языков; укажу, например, на интересное замечание *Ф. Корша* („Классификация турецких племен по языкам" в „Этногр. Обозр.", кн. LXXXIV—LXXXV, 1910, отд. отт.. стр. 14), который нашел, что кара-киргизы примыкают к алтайцам по одной весьма яркой черте, которая сближает **их,** между прочим, *с бурятами* и калмыками, именно следующей: если в корне находится *о* или *о,* а в следующем за корнем суффиксе—звук *а* или *е,* то эти *а или е* переходят в *о* или *о;*

Ч. Валиханов, отличаются от казаков (киргиз-казаков) в этнографическом и антропологическом отношениях, а именно, по своему происхождению, некоторым обычаям, типу и языку[262].

По словам того же исследователя[263], главную массу этого народа составляют киргизы, к которым присоединились два чуждых отдела. Один из этих отделов образуют роды кипчаков, найманов и ктаев (киданей), другой, носящий название ичкилик[264], имеет более сложный состав, свыше двадцати родов, из числа коих наиболее многочисленными являются:
таит[265], кыдырша, канды[266], канглы, кесек[267], тулус или туляс[268], бостон[269], кизыл-аяк, орго[270], кипчак и найман. Хотя некоторые из этих родов осели в Тянь-шаньских горах, вероятно, очень давно, род тулуй, например, уже в седьмом веке, после того, как китайцы, положив конец его самостоятельности, увели большую часть народа из Алтая в Хангай, в область верхняго течения Орхона (в 650 году), тем не менее, образование отдела ичкилик должно было произойти, несомненно, много позднее, так как роды канглы, кипчак, найман и аргын (кесек) могли войти в него не ранее XIII века[271], когда, вероятно, стал слагаться и род таит, состоящий, между прочим, из таких молодых костей, как кызыл-баш[272] ибарга[273]. Пэ данным, собранным К остенко[274], ичкилики, которых Аристов включает в отдел адгене, в три раза многочисленнее остальных членов этого отдела — адгене и монгуш, причисляемых уже к коренным киргизам.

Эти последние делятся на два крыла: он и с о л; крыло о н в свою очередь распадается на отделы—

например—*кол* „рука", *коль* „озеро"—множественное число от них у большинства турок—*коллар, кбльлер,* а по кара-киргизски, как и по алтайски,— *колдор, кдлъдор},* тем не менее, я думаю, что стою на верном пути к об'ясне-нию одной из сложнейших задач, которые нам ставят история и антропология Средней Азии. Действительно, кара-киргизы по своему физическому типу стоят ближе к монголам, чем все остальные тюркские народности, населяющие эту часть старого континента. Как об'яснить себе этот факт, исходя из предположения, что современные кара-киргизы в главной своей массе представляют енисейских киргизов, т. е. отуреченных динлинов, и еще более—из кара-киргизской гипотезы *Аристова* (см. выше стр. 5)? Ясно выраженный, как следует из этой гипотезы, динлинский тип поселяется на местах, занимавшихся незадолго пред тем саками, вбирает в себя их остатки, живет в постоянном контакте с арийцами, ариоевро-пейцами и уйгурами, сталкивается, наконец, с карлыками, которых мусульманские писатели характеризуют „самым статным, самым рослым и самым красивым народом" между турками, и в результате всех этих смешений, как конечный тип, современный обитатель тяньшаньских сыртов, в котором много монгольского и очень мало арийского! (Белокурый элемент среди современных кара-киргизов — редкое явление; он встречен был мною в Ошском уезде среди адгене, 77. 77. *Семеновым* и *А. И. Вилъкинсом* в окрестностях Иссык-куля). Антропология, прошлое этого народа, выска зывается против этой гипотезы и вполне подтверждает мое предположение о той роли, которая выпала на [долю выходцев из Барги в деле образования кара-киргизской народности.

В заключение этой заметки мне остается добавить, что род барга встречается как у монголов-халха, так и у киреев.

[262] „Очерки Джунгарии" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", 1861, I, стр. 197.

[263] Op. cit,, в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", 1861, II, стр. 49—50. См. также *Аристов*—„Опыт выяснения этнич. сост. кирг.-каз. Большой орды и кара-кирг."; etc., в „Живой Старине", 1894, III—IV, стр. 431 seqq., *'idem*—„Заметки об этнич. сост. тюрк. племен и народн.", стр. 122 seqq., где указана и главнейшая литература, трактующая о составе кара-киргизской народности. Позднее списки кара-киргизских родов, живущих на Памире и в китайских пределах, опубликованы были мною—„На Памирах" в „СПб. Вед.", 1897, № 302, и *бар. Маннергейм*—„Предв. отчет о поездке через Кит. Туркест. и сев. пров. Китая в гор. Пекин" в „Сборн. геогр., топогр. и стат. мат. по Азии", 1909, LXXXI, стр. 113.

[264] Один из потомков старшего сына Чингис-хана -Джучи в шестом колене, княживший в Крыму, имел прозвище Ичкили *[Desmmsons*—„Histoire des Mongols et des Tatares par Aboul-ghazi Bahadour khan", op. cit., II, стр. 187); о роде ички упоминается в „Шейбаниаде", стр. LIV.

[265] С его отделениями кара-, чал- и сарык-таит или теит. У *Шереф эд-Дина {Petis de la Croix,* op. cit., I, стр. 2) сказано, что эмир Казаган. поднявший восстание против хана Казана (см. выше стр. 515), был главой рода таит, который является, может-быть, лишь осколком большого арабского племени таит, в VIII веке осевшего в Туркестане.

[266] Среди койбалов есть кость кандык, но имеют-ли эти кандыки какое-либо отношение к ичкиликам канды—сказать трудно.

[267] Кесек или кисек один из родов племени аргын; имеется этот род (кара-кисек) и в отделе алимулы- Малой орды (см. *Левшин,* op. cit., III, стр. 8—9).

[268] В Урянхайском крае, близь Джакуля, находится хошун, носящий название адыге-тюлюш. Тот-же хошун *Потанин* называет тулюш. Вероятно, тулус—тблес орхонских надписей.

[269] Кажется, этот род находится и у казаков Средней орды (*Аристов*— „Опыт выясн. этнич. состава кирг.-каз. Большой орды и кара-кирг.", стр. 434).

[270] У теленгитов есть кость оргончи *{Потанин*—„Очерки сев.-зап. Монголии", IV, стр. 940).

[271] За исключением впрочем канглов, которые могли осесть в Тянь-шане и раньше.—

[272] Кизыл - баш—тюркское народное название персов; см. *Erman*— „Archiv fur wissenschaftliche Kunde von Russland", 1862, XXI, стр. 41.

[273] Барга *Аристов,* op. cit, стр. 438, считает коренной костью адгене, а поэтому и киргизской. По изложенным выше основаниям я не могу признать этот вывод правильным. В род таит она могла войти в XIII веке.

[274] „Военно-научная экспедиция на Алай и Памир" в „Воен. Сборн.", 1877, IV, стр. 373 (цит. у *Аристова).*

адгене и тагай[275].

Первый из этих отделов, адгене, как замечено было выше, состоит из двух родов: адгене и монгуш. Монгушей по созвучию легко было-бы счесть за остатки монголов, которые, осев в Тяныпаньских горах, примкнули к киргизам[276]; однако, это едва-ли так, ибо среди урянхайцев, населяющих долину Кем-чика, по сведениям, собранным Африкановым, Адриа-новым, Потаниным, Катановым и мною, имеются роды мунгуш (монгуш) и кара-мунгуш; если поэтому предки их были монголами, то в Тянь-шань они проникли через Саяны и всего вероятнее в составе тех киргизских отрядов, которые в союзе с карлыками заняли Аксу и оттеснили уйгуров к востоку[277]; последнее подтверждается и фактом нахождения в их составе кости сарлар, представляющей осколок урянхайского рода сарляр, сарыляр, кочующего к северу от р. Кем-чика. Адгене являются также потомками выходцев с верхнего Енисея, где до настоящего времени удержалось за одним из хошунов название адыге, представляющее лишь варьянт имени адгене (адыгене, етиген)[278]. Состав адгене подтверждает эту гипотезу, так как из числа его отделений и костей адай или ардай[279], оржак (очьджак), саттар[(сартдар у Костенко), толёс, сару и мундуз[280] входят также и в состав алтайских племен. Вместе с тем, однако, осев в Тянь-шанё, оба рода в значительной степени изменили свой первоначальный состав, приняв в свою среду иноплеменников, к числу коих следует отнести кости барга, конграт, монгулдур и монгол[281], которые могли присоединиться к киргизам не ранее XIII века.

Отдел тагай многочисленнее отдела адгене и состоит из шести под'отделов: бугу, султу, чирик, саяк, багыш (чон-и сары-багыш) и бассыз.

Согласно преданию, записанному Ф. Герном[282], бугу поселились на местах нынешних своих кочевий в Пржевальском уезде лишь во второй половине XVIII столетия, после падения Джунгарского царства, до того же времени жили где-то в горах Ферганы. Но и там они были пришлым элементом так как едва-ли можно сомневаться в том, что в их лице мы вновь встречаемся с т^лэским племенем бугу (пу-гу), которое мы потеряли из виду в IX веке после того, как их князь Цзунь, овладев Восточным Притяныпаньем, положил основание Уйгурской державе[283]. В XIII веке уйгуры принимали участие как в походах Чингис-хана, так, вероятно, и в военных экспедициях его ближайших преемников. Они принуждены были разбросать свои силы по всей Средней Азии и частью перейти на новые земли, как, например, в Харезм[284], с своими семьями и скотом; с падением же Биш-балыка и последние их остатки, сохранившие кочевой быт, покинули Уйгурию и переместились на запад. В начале XVIII века еще жили, но уже в Карашаре, какие-то уйгурские князья, управлявшие местными кочевниками уйгурами[285], но засим известия о них прекращаются, вероятно, потому, что с вступлением в киргизский союз они утратили свое народное имя,

---

[275] Согласно с этим сложилась и легенда: родоначальник киргизов Киргыз-бай, вытесненный Манасом из долины Или, должен был удалиться в южные горы, в которых и утвердилось его потомство: старший сын Атыген занял верховья Сыр- и Аму-дарьи и рек, сбегающих в Кашгарию, младший, Тогай,—окрестности оз. Иссык-куля. („Сведения о дикокамен-ных киргизах" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", 1851, V, стр. 140).

[276] За таковых их считает *Аристов,* op. cit., стр. 437—438.

[277] См. выше стр. 364.

[278] *Аристов* („Заметки об этн. сост. тюркск. плем. и нар.", стр. 123) предполагает, что наименование адгене (етиген) ведет свое начало от имен гор и реки Етиген (т. е. Утукен-иыш; см. выше стр. 217), лежащих к западу от Орхона, и что название это могло принадлежать динлинскому языку. Так как имя адгене, как народное, не успело еще затеряться в пределах Саянского нагорья, то надобность в таких розысках ныне уже отпадает.

[279] Этим именем карагасы называют монголов *(Катаное*—„Поездка к карагасам в 1890 году" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.", 1891, XVI, вып. II, стр. 221).

[280] О костях толёс, сару и мундуз у алтайцев см. *Radloff*—„Observations sur les Kirghis" в „Journ. Asiat", VI serie, 1863, II, стр. 316; *idem*— „Aus Sibirien", I, стр. 209 (сарыг), 231 (толёс, мундуз); *Потанин,* op. cit, IV, стр. 2 (мундуз, сары-тоёлес). Первые три кости по моим сведениям имеются у урянхайцев; ^см. также *Африканов*—„Урянхайская земля и ее обитатели" в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1890, XXI, № 5, стр. 51.

[281] Может быть также и бюрю (бурю); эта кость (бури) встречается и у джалаиров (см. *v. Erdmann* — „Temudschin der Unerschutterliche", стр. 172).

[282] Цит. у *Аристова* („Опыт выяснения этнич. сост. кирг.-каз. Большой орды и. кара-кирг.", etc., стр. 439). Подтверждается это известие и "Си-юй-ту-чжи" (см. *Imbault-Huart*—„Recueil de documents sur 1'Asie Centrale" в „ Publications de 1'Ecole des langues orientales vivantes", 1881, XVI, стр. 152).

[283] Среди кизильских инородцев удержалась и до сего времени кость бугу (*Я. Козьмин*—„Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае" в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1916, XLV, стр. 48).

[284] *Desmaisons,* op. cit, II, стр. 195 seqq.

[285] *Klaproth*—„Memoires relatifs a 1'Asie", II, стр. 346.

сохранив лишь родовое—бугу. Судя по костям бона[286], тблёс, конграт и монгулдур, в их современном составе имеется значительная примесь иноплеменников.

Если султу то же, что и султус[287], то Blochet считает их монголами по происхождению[288]. Перечень входящих в их состав костей указывает, однако, на их родство с алтайцами, в виду чего если монголы и первенствовали в этом союзе, то не благодаря своему численному перевесу, а тому политическому значению, какое они приобрели в эту эпоху. Эти кости следующие: мундуз, етиген (адгене?), сару, кущу, ассык, монгулдар[289] и кытай. Первые пять—коренные алтайские[290], последние две составляют иноплеменную примесь, вошедшую в состав под'отдела уже в пределах Тянь-шаня, где к нему примкнули также части багышей (чон- и уч-багыш) и совершенно новые образования в виде отделений каракчи, капай и др.

Родовой состав под'отдела чирик ясно указывает на его не алтайское происхождение; из числа его отделений только одно, карагул, встречается еще у аргынов, из числа костей также одна, тукум, у бугу. Этих отрицательных данных достаточно лишь для того, чтобы исключить чириков из числа коренных ветвей киргизского племени.

Под'отделы саяк и бассыз Аристов считает, но без твердых к тому оснований, остатками саков и юэчжи, населявших некогда Центральный Тянь-шань.

Что касается, наконец, багышей, то их родиной была Барга, „земля бурятов", если придавать значение преданию кара-гасов, выводящих свою кость ббгбше из долины Тунки[291]. Родовой их состав, в котором мы находим четыре алтайские кости из пяти наиболее характерных— сару, тблёс, мундуз и торо[292], а равно алтайские же кости—етиген, каба и ассык[293], подтверждает, однако, лишь северное происхождение багышей, не давая указаний на место образования их союза; последний окончательно сформировался, впрочем, уже только в Тянь-шане, на что указывают их роды—саяк, кытай, монгулдур, конграт и два несомненно узбекских294—кош- и уч-тамга.

Остается сказать еще несколько слов о крыле сол. Это крыло, населяющее, главным образом, бассейн р. Таласа, в своем родовом составе не имеет иноплеменных частей, которые свидетельствовали бы об его пребывании в Западном Тянь-шане уже в монгольское время. Сопоставляя этот факт с известием о переселении осенью 1703 года енисейских киргиз на р. Талас[295], естественно притти к заключению, что в крыле сол мы встречаемся с прямыми потомками этих переселенцев; неопровержимых этому доказательств привести, однако, нельзя[296].

Подводя итог вышеизложенному о кара-киргизах, мы вправе вывести заключение, что киргизское ядро этого народа очень невелико. Аристов перечисляет всего лишь восемь костей: сару, етиген, мундус,

---

[286] Так назывался отдел карлыков, если китайское „по-фу" действительно соответствует бопа.

[287] По словам N. *Ellas* (в „The Tarikh-i-Rashidi", стр. 55). Султузи был одним из 12 аймаков, признавших власть эмира ^Тимура. См. также *Blochet*—„Introduction a 1'Histoire des Mongols de Fadi Allah Rashid ed-Din", стр. 61, где упоминается племя султус.

[288] Op. cit., стр. 372.

[289] *Аристов*, op. cit, стр. 437—438, полагает, что монгулдар один из многочисленных варьянтов имени монгол.

[290] *Аристов*, op. cit, стр. 450.

[291] *A. Castren* — „Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845— 1849", стр. 389, считает ббгбше самоедским родом. Эта кость встречается кроме того у койбалов и камасинцев. Предание гласит, что ббгбше прикочевали на Енисей с востока одновременно с племенами тулай и чептей *[Castren,* ibid). *Kamanoe* („Поездка к карагасам в 1890 году" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.", XVII, 2, стр. 141, 153, 200 и 221) подтверждает это лишь для племени чептей. У русских XVII и XVIII ст. ббгбше были известны под именами бугачей, богучей (Богучеевский улус; см. „Дополнения к Актам Историческим, изд. Археографической 1 Коммиссией", VIII, № 15; „Памятники Сибирской Истории XVIII века", кн. I, № 59). Один из отделов ббгбше жил некогда и в Канском уезде.

[292] Род торо принадлежит к числу самых многочисленных у телеутов *{RacJJo/—^Aus* Sibirien", I, стр. 231).

[293] Если только можно считать каба (род этот входит также в состав адгене и бугу) за варьянт кайба, ассык—равнозначущим ассан.

[294] *Radloff,* ibid.; *idem*—„Средняя Зерафшанская долина" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этн.", 1880, VI, стр. 60.

[295] Что киргизы расселены были джунгарами не только в долине р. Или, но и в бассейне р. Таласа, явствует из показаний, опубликованных *Потаниным* в „Материалах для истории Сибири" („Чтения в И. Общ. Истор. и Древн. Росс. при Моск. Унив.", 1866, IV, стр. 80 и 101), которые относятся к двум различным событиям: прибытию киргизов в 1746 г. с р. Или в г. Семипалатинск, откуда они были засим в следующем году высланы обратно в Джунгарию, и бегству в 1755 году, совместно с теле-утами и мингатами, очевидно совершенно другой части того же народа с р. Таласа в Алтай и на Саяны, в места их прежних кочевий.

[296] В „Си-юй-ту-чжи" *(Imbaidt-Huart*—„Recueil de documents sur 1'Asie Centrale", стр. 152) очень темно говорится об особой группе киргизов, живших *некогда* в долине р. Таласа и в момент составления книги насчитывавших 4000 семейств, т. е. ту же цифру семейств (кибиток), какая выселена была джунгарами с Енисея. „Си-юй-ту-чжи" составлялось при императоре Цянь-луне (1736—1796 г.г.). К какому же времени должно быть отнесено это „некогда", если не было забыто даже имя того бия, который стоял тогда во главе этих киргизов?

кучу (кущу), ассык, каба, тблёс и торго, которые могут считаться коренными киргизскими, но тут же приводит данные, которые заставляют нас вычеркнуть из этого списка последние шесть и между ними торго, как встречающуюся только у бугу и багышей, имеющих отличное от киргизов происхождение; с другой, однако, стороны, я присоединил бы к остающимся двум еще три кости, встречающиеся только у крыла сол: беш-берен, тонторюп и кюркюрен, ибо по вышеприведенным соображениям считаю эту часть киргизского народа наиболее полно сохранившей тот родовой состав, какой киргизы имели на Енисее. Как бы то ни было, но несомненно одно: тот народный конгломерат, который носит название киргизского племени, сложился в Тянь-шане, главным образом, в монгольскую эпоху и служит не менее ярким примером, чем узбекский союз, того значительного смешения этнических элементов, какой происходил в эту эпоху на всем пространстве Средней Азии, не исключая и ее южной периферии, Ордоса, где Потанину[297] были названы следующие кости: хереит, уйгурчин, тангут, урянхит, бурят, олют, торгоут, солонут и др.

Изложенным далеко не исчерпываются все те перемены в области этнологии Средней Азии, какие внесла в нее изучавшаяся нами эпоха; но я и не мог взять на себя задачи, которая при современном уровне наших знаний прошлого Азии едва-ли могла бы быть даже выполнена сколько-нибудь удовлетворительным образом. Это—задача будущего, когда этнологические и исторические материалы удастся не только пополнить, но и классифицировать и организовать, и когда ученая критика отметет от них все недостоверное, нагроможденное ошибками прежних исследователей,—только тогда настанет, наконец, пора строить выводы на строго исторических доказательствах и выявлять свой талант в искусном и уместном пользовании ими, а пока приходится находить нравственное удовлетворение и в том, что, давая слабо обоснованную гипотезу как переходную ступень к теории, способствуешь столь необходимой в исгории Средней Азии систематизации материалов.

[297] „Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия' I, стр. 103. **Том II.**

ГЛАВА X.

Ойратский период.

(С 1370 до 1758 года).

(Продолжение).

Уйгурия умирала постепенно. С упадком политического могущества Юаньской династии эта страна, тяготевшая всегда к востоку, осталась без моральной опоры и материальной защиты и в конце XIV века принуждена была склониться перед джагатайскими ханами. Только округ Хами сохранил верность Китаю [1]) и тем положил начало расчленению государства. Возможно, однако, что как отпадение Хами, так и последующие партикуляристские течения в Турфанской котловине, приведшие к обособлению городов Турфана, Хо-чжоу и Лукчуна, были лишь следствием насильственного присоединения Бишбалыка к Могулистану [2]) и последующего низведения идыкутов Уйгурии на степень правителей области.

История Турфана, как и остальных княжеств, на которые распалась Уйгурия, до половины XV века представляется мало интересной; но с этого времени политическое значение этого

---

[1]) *Delamarre*, op. cit., стр. 154; *В. Успенский* — „Несколько слов об округе Хами" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1873, IX, стр. 3; *Покотилов*, op. cit., стр. 43.

[2]) Так называлась территория, обнимавшая земли к северу от Тяньшаня и к западу от Уйгурии, центральный Тянь-шань и Восточный Туркестан до городов Кучи и Хотана включительно, т. е. восточная часть улуса Джагатаева.

Южная Джунгария с этого времени настолько тесно сливается с Могулистаном, что китайские историки времен династии Мин перестают уже различать обе страны, давая им общее название Бишбалык (см. *Bretschneider*, op. cit., II, стр. 225).

владения быстро усиливается, что подтверждается и китайской летописью: „В начале Минской династии, говорится в „Мин-пии“ [1]), Турфан, находясь между двумя сильными государствами— Хотаном [2]) и Могулистаном, был слаб. Впоследствии же, с падением могущества этих двух соседей, он стал понемногу усиливаться и даже подчинил небольшие соседние княжества: Лючэн (Лукчун) и Хо-чжоу“. Это китайское указание требует, впрочем, значительных пояснений и исправлений, ибо Турфан возвысился не сам по себе, а потому, что могулистанские ханы, присоединив его к своим владениям в 1422 году [3]), впоследствии перенесли в него и свою резиденцию.

---

[1]) *Покотилов*, op. cit., стр. 98.

[2]) О границах Хотана времен династии Мин мы находим нижеследующее указание в китайской географии: „Le pays de Ju-thian (Хотан) est limitrophe à l'orient de la forteresse de Khiou-sian (Цюй-сянь; см. выше стр. 585), au nord de I-li-pa-li (Или-балык; так назывался иногда Могулистан), et du côté du nord-est de Sou-tcheou“ (*Ab. Rémusat*—„Histoire de la ville de Khotan“, стр. 103), иными словами, что он обнимал весь Восточный Туркестан и даже земли Ша-чжоу'ского округа, чего в действительности, как мы видели выше (стр. 584), не было. Вообще же вышеприведенное китайское указание можно понять лишь таким образом, что вассал ханов Могулистана, управлявший Восточным Туркестаном, имел свою резиденцию в Хотане.

[3]) *Бретшнейдер*, op. cit., стр. 198. *Quatremère* („Notices et exraits des manuscripts“, etc., XIV, стр. 512) приводит выдержку из сообщений мусульманского историка *Хайдер-Рази*, автора „Тарихи-Хайдери“, о Турфане, в которой говорится, что еще Хызр-ходжа присоединил к своим владениям Турфан и Караджах, т. е., повидимому, Кара-ходжа, вассальные земли Китая. В некотором противоречии с этим известием находится свидетельство китайской истории, что в 1422 году Увейс, хан Могулистана, овладел Турфаном и изгнал оттуда его владетеля Ингырча (In-ghi-rh-ch'a). Впрочем, возможно допустить, что Хызр-ходжа удовольствовался лишь обложением Турфана данью, Увейс же уничтожил и последние признаки самостоятельности Турфана.

Считаю уместным исправить здесь ошибку *Григорьева* („Китайский или Восточный Туркестан“, стр. 323), который писал, что так как китайские чиновники встретили послов Шахруха для составления списка их свите в городе Кара-ходжа (т. е. Хо-чжоу), то приходится заключить, что город этот в то время (т. е. в 1420 году) находился уже снова в зависимости от Китая. Как я уже об'яснил в одной из своих прежних работ („Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с историей Средней Азии“, стр. 84), из слов *Абд-эр-Реззака Самарканди*, на которого ссылается *Григорьев*, нельзя вывести подобного заключения: всего вероятнее, что посоль-

Мы оставили Могулистан в тот момент его исторической жизни, когда Хызр-ходжа, разбитый Тимуром, должен был признать себя вассалом фиктивного правителя Джагатайского улуса Сюргатмыш-хана [1]).

Он скончался в 1399 году, оставив после себя четырех сыновей, не замедливших вступить в открытую борьбу между собой из-за престола и власти.

Об отношениях Тимура к этим князьям нам ничего неизвестно [2]), но он выразил живейшее удовольствие, когда узнал, что его внук Мирза-Искендер, оскорбленный их высокомерием, вторгся в пределы Восточного Туркестана и разграбил в нем все города до Кучи на востоке и Хотана на юге.

Эта карательная экспедиция заставила князей смириться, но смерть Тимура (в 1405 году) и последующие волнения в созданной им империи не только вернули Могулистану его былую самостоятельность, но и позволили старшему из сыновей Хызр-ходжи, Шама-джехану, в руках которого к тому времени, повидимому, сосредоточилась вся власть в государстве [3]), взлелеять мечту об обратном завоевании Самарканда и восстановлении улуса Джагатаева в его прежних пределах. В этих видах Шама-джехан вступил даже в сношения с нанкинским двором, ища у него поддержки и помощи [4]), но преждевременная его смерть (в 1408 году) положила конец этим планам, ибо его преемник на престоле Могулистана, второй сын Хызр-ходжи Мухаммед-хан очень скоро понял, что с об'единением

ство Шахруха было встречено китайцами не в г. Кара-ходжа, а в уроч. Янчи, где как теперь проходит, так, вероятно, проходила и раньше восточная граница Турфанского округа.

[1]) См. выше стр. 547.

[2]) *Бартольд*—„Очерк истории Семиречья", стр. 75.

[3]) В показаниях о преемнике Хызр-ходжи мусульманские источники расходятся с китайскими анналами, и тогда как последние совершенно определенно указывают, что преемником Хызр-ходжи на престоле Могулистана был его старший сын Шама-джехан, некоторые мусульманские историки о нем вовсе не упоминают (см. *N. Elias* and *E. D. Ross*—„The Tarikh-i-Rashidi", „Introduction", стр. 41—46), *Абд-эр-Реззак* же явно смешивает двух братьев Шама-джехана и Шах-джехана („Notices et Extraits des manuscrits", etc., XIV, стр. 156) и заставляет первого выступать в роли действующего лица после 1408 года—года его смерти (loc. cit., стр 197 и 199).

[4]) *Bretschneider*, op. cit., II, стр. 239.

в твердых руках Шахруха [1]) власти над огромной территорией Средней Азии от Каспийского моря до Памира и от Тянь-шаня до р. Инда благоприятный момент для овладения Мавераннагром миновал безвозвратно. В соответствии с этим он резко изменил свою политику, отозвал из Ташкента войска, посланные для поддержки эмира Худайдада еще в то время, когда тот владел Самаркандом и держал в плену свергнутого им с престола Халиль-султана, и в видах предотвращения под-

[1]) После смерти Тимура его государство распалось: самаркандским престолом овладел его внук Халиль, сын Миран-шаха; Шахрух удержал за собой Хорасан, Герат, Сеистан и Мазандеран; Пир-Мухаммед, сын старшего сына Тимура, Джехангира, остался княжить в Тохарестане и Кабулистане; Омар, сын Миран-шаха, прогнав отца и заключив под стражу своего брата Абу-бекра, окончательно прибрал к рукам Азербейджан, Закавказье и земли бассейнов Тигра и Евфрата; наконец, сын Омар-шейха, второго сына Тимура, Пир-Мухаммед закрепил за собой Шираз, Испаган и Иезд, где остались правителями его братья Искендер и Рустем. Главнейшие события, способствовавшие об'единению под властью Шахруха большей части этих земель, заключаются в следующем.

Абу-бекр успел вскоре бежать из под стражи; собрав значительные силы, он овладел Тавризом и заставил Омара отступить сначала в Марагу, а затем в Испаган под защиту сыновей Омар-шейха; но последние были также разбиты, и Испаган осажден. Дальнейшим, однако, успехам Абу-бекра положило предел восстание в Азербейджане и переход Тавриза в руки мятежных эмиров. Абу-бекр принужден был бросить осаду Испагана и вернуться на север.

Одновременно с этими событиями в западной Персии не менее серьезные вооруженные столкновения произошли и в бассейне Аму-дарьи и восточном Иране, где открылись военные действия между Халиль-султаном и Пир-Мухаммедом, сыном Джехангира, который, согласно воле Тимура, должен был занять Самаркандский престол. Эта борьба усложнилась действиями внука сестры Тимура Султана Хусейна-мирзы, который, будучи послан Халилем против Пир-Мухаммеда, двинул вверенные ему войска не на юг, в Тохарестан, а на Самарканд, расчитывая врасплох овладеть этим городом и престолом. Этому вероломному плану не суждено было, однако, осуществиться, так как эмиры отказались перейти на его сторону. Хусейн вынужден был бежать к Шахруху, но был этим последним предан суду и казнен. Между тем Пир-Мухаммед был разбит Халилем и вернулся в свою резиденцию—город Балх. Почти одновременно против Шахруха подняли оружие сильнейшие из его эмиров – Сеид-ходжа и правитель Мазандерана Пир-падишах, и восстал горный округ Гур. Шахрух подавил оба эти восстания, после чего вверил управление Мазандераном, Астрабадом и Гурганом (Джурджаном) Омару, бежавшему к нему из западной Персии, где не только он, но и Абу-бекр не в силах был справиться с новой полити-

готовлявшегося Шахрухом похода на Могулистан решился даже на предательство, поразившее всех своей неожиданностью [1]): его брат Шах-джехан, предводительствовавший авангардом вспомогательного корпуса, схватил Худайдада, казнил его и переслал его голову в лагерь Шахруха. До своей кончины,

---

ческой силой—Кара-Юсуфом, вождем племени „черных баранов", который очень быстро овладел Азербейджаном и частью Ирака. Но Омар не оправдал его доверия. Тяготясь ролью вассала, он решил оружием добиться самостоятельности и с значительными силами вступил в Хорасан. Армия, на которую он так расчитывал, сложила, однако, оружие, при первой же встрече с войсками Шахруха. Вынужденный бежать, он был ранен, закован в цепи и в таком виде доставлен в лагерь Шахруха, где вскоре скончался, несмотря на установленный за ним самый тщательный медицинский уход. Столь же быстро покончил Шахрух и с другим своим противником, который стал ему угрожать со стороны Балха. Там в это время правил эмир Пир-Али-Таз, который, убив Пир-Мухаммеда, мог надеяться удержаться у власти только при условии поражения войск Шахруха. Он не решился, однако, довести дело до открытого столкновения со своим могущественным соседом и бежал в Бадахшан при первом же известии о переходе армией Шахруха западной границы Тохарестана. Засим он был убит своими же офицерами, которые, видя неудачу всех последующих его выступлений против Шахруха, постановили покинуть его знамена.

Шахрух вступил в город Балх в 1408 году, в следующем же году в Мавераннагре разыгрались события, которые отдали в его руки и бывшую столицу Тимура. Халиль-султан оказался пленником одного из своих эмиров—Худайдада, который не расчитал, однако, своих сил и должен был покинуть Самарканд при известии о подходе войск Шахруха к городу Кешу (Шахрисябзу). Самарканд встретил Шахруха как своего законного государя, следствием же сего было включение всего Мавераннагра в состав земель его государства (подробнее все эти события изложены *Абд-эр-Реззаком* в его „Matla assaadeïn ou-madjma albahrein" в „Notices et extraits des manuscrits", etc., XIV).

Для того, чтобы более не возвращаться к империи Шахруха, я здесь замечу, что в ее границы вошли: до 1415 года—Хорезм (*Абд-эр-Реззак*, op. cit., стр. 229; в виду фактов, приведенных этим историком, отпадает замечание *Н. В. Ханыкова*, высказанное им в „Дополн." к „Ирану" К. Риттера, стр. 623, что потомки Тимура не пробовали утвердиться в этой стране, подтвержденное и *Н. Веселовским*—„Очерк истор.-геогр. свед. о Хивинск. ханстве", стр. 87), Ирак-Аджеми, Фарс и Луристан, в 1416 году—Кирман и, наконец, после трех войн (в 1419—1421, в 1426 и в 1435—1437 годах) с Кара Юсуфом и его сыном Искендером—Азербейджан, Курдистан и часть Армении, управление коими сохранил, однако, за собой на правах вассала другой сын Кара-Юсуфа, Джехан-шах, правитель Багдада.

[1]) *Абд-эр-Реззак*, op. cit., стр. 155—156.

последовавшей в 1415 году [1]), Мухаммед-хан держался, однако, по отношению к Шахруху неискренней политики и даже дважды пытался, хотя и крайне нерешительно, поддержать мятежных эмиров [2]). Мухаммед-Хайдер [3]) хвалит его за его внутреннюю политику и заботы о распространении ислама среди кочевников, но что время его правления не было эпохой расцвета государственной мощи Могулистана, это явствует из факта захвата князем Эмиреком Ахмедом власти в Кашгаре, притом настолько полной, что его министру оказалось возможным осуществить передачу этой провинции Улуг-беку, сыну Шахруха, тогда наместнику в Мавераннагре [4]). Впрочем, это событие произошло в 1416 году, когда престол Могулистана занимал уже Накш-джехан, сын Шама-джехана [5]).

Этот хан, о котором не дошло до нас никаких сведений, был убит в 1418 году Вейс-ханом, сыном Шир-Али и внуком Мухаммед-хана, который должен был, однако, уступить престол своему дяде Шир-Мухаммеду, сыну Шах-джехана, правившему страной безраздельно лишь с 1421 по 1425 год, когда его смерть [6]) расчистила, наконец, дорогу к власти энергичному и мужественному Вейс (Увейс)-хану. Утвердившись в восточной части Могулистана (Бишбалыке) в 1418 году, этот князь в течение трех лет поддерживал успешную борьбу с Шир-Мухаммедом [7]), но в то же время неизменно терпел поражения

---

[1]) *Абд-эр-Реззак*, op. cit., стр. 277.

[2]) Шейх-Нур-ад-Дина, когда части посланных им вспомогательных войск переходили даже границу Мавераннагра (*Абд-эр-Реззак*, op. cit., стр. 197, 199—200), и Эмирек-Ахмеда-мирзу (*Абд-эр-Реззак*, op. cit., стр. 248), который, будучи изгнан из Андижана, нашел сначала опору в Кашгаре, а затем сумел всецело подчинить его своей власти.

[3]) *N. Elias* and *E. D. Ross* — „The Tarikh-i-Rashidi“, стр. 57—58.

[4]) *Абд-эр-Реззак*, op. cit., стр. 296.

[5]) Так—согласно *Абд-эр-Реззаку*, ibid., и китайским анналам; *Мухаммед-Хайдер* же, op. cit., стр. 57, называет его братом Мухаммед-хана. Вместе с тем этот историк, loc. cit., стр. 60, считает преемником Мухаммед-хана не Накш-джехана, а его сына Шир-Али.

[6]) Он умер естественной смертью (*N. Elias* and *E. D. Ross*, op. cit., стр. 65). Незадолго до своей кончины ему довелось защищать Могулистан от войск Улуг-бека, который требовал его покорности. В этом походе Улуг-бек доходил до Юлдуса.

[7]) В 1420 году после одного из столкновений с Вейс-ханом Шир-Мухаммед вынужден был даже бежать в Самарканд.

при всех своих столкновениях с ойратами, во главе которых стоял тогда не менее энергичный правитель Тогон-тайчжи [1]). В 1422 году, вытесненный, повидимому, Шир-Мухаммедом из Южной Джунгарии, он с своими приверженцами вторгся в Турфанскую котловину и овладел Турфаном, в окрестностях которого и поселился [2]), но засим, получив престол Могулистана, перенес свою резиденцию на запад, в долину Или. Он погиб совершенно случайно в 1428 году на берегу оз. Иссык-куля при столкновении с эмиром Сатук-ханом [3]). Последний не мог, однако, утвердиться в Могулистане и вскоре затем был убит в Кашгаре.

Появление на исторической сцене Сатук-хана было лишь одним из проявлений той анархии, которая давно уже раз'едала Могулистан. После смерти Вейс-хана, который сумел на неко-

---

[1]) *Мухаммед-Хайдер* („The Tarikh-i-Rashidi", стр. 67) пишет, что из 61 столкновения с ойратами Вейс-хан только в одном случае вышел победителем. Не говоря уже о том, что при таком поразительном неуспехе Вейс-хан был-бы не в состоянии держаться в Бишбалыке, сама по себе цифра 61 при сопоставлении с десятилетним периодом (1418—1428) боевой деятельности Вейс-хана должна возбуждать большие сомнения. К тому же *Мухаммед-Хайдер*, называя боевым противником Вейс-хана Эсэня, допустил большую хронологическую ошибку: Эсэнь родился в 1417 году (*I. Schmidt*, op. cit., стр. 153) и к моменту возникновения вооруженных столкновений между ойратами и могулами не выходил еще из пеленок.

[2]) *Покотилов*, op. cit., стр. 97—98, извлекает из „Мин-ши" указание, что турфанский князь Ингырча, изгнанный Вейс-ханом из Турфана, вскоре же при помощи китайцев вернул утраченное владение. Если вмешательство китайцев в отношения между Вейс-ханом и князем Ингырча и имело место, то могло носить лишь дипломатический характер, а засим пребывание Вейс-хана в Турфане было достаточно продолжительным, так как с его именем связывается устройство новых карысных систем (о том, что такое „карыс" см. *Грум-Гржимайло* — „Описание пут. в Зап. Кит.", I, стр. 327 и след.; *Цимбаленко* — „Кяризы Закаспийской обл"., изд. Мин. Земл. и Госуд. Имущ., 1896), значительно увеличивших посевную площадь турфанских земель.

[3]) *N. Elias* and *E. D. Ross*, op. cit., стр. 72. Он похоронен в уроч. Боробогосун Мазар, в 50 верстах к востоку от Кульчжи, за р. Боробогосун или Мазар (*Д. Федоров* — „Опыт военно-статистического описания Илийского края", I, стр. 17; цитир. в примеч. *Вл. Котвича* к перев. труду *Дьякова* — „Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в Илийском крае" в „Зап. вост. отд. Русск. Археол. Общ.", 1908, XVIII, стр. 274).

торое время приостановить ее развитие, она получила новую пищу в том положении вещей, которое создалось у трона, законными претендентами на который явились оба несовершеннолетних сына Вейс-хана—Юнус и Эсэнь-бука (Иса-бука). Оба оказались игрушкой в руках честолюбцев, которые вели вооруженную борьбу между собой до 1434 года, когда окончательно восторжествовала партия Эсэнь-буки, и Юнус бежал в Мавераннагр к Улуг-беку [1]).

Какие события внешней жизни сопровождали правление Эсэнь-буки, в точности нам неизвестно. Надо думать, однако, что возникшая при Вейс-хане борьба с ойратами не прекращалась и при его преемнике. Это можно заключить хотя-бы из того факта, что между 1452 и 1455 годами Уз-Тимур-тайчжи [2]), предводительствуя ойратами, прошел не только Могулистан и Четэ [3]), но и вторгся в пределы Кипчакского царства, откуда, повернув к югу, долиной Сыр-дарьи достиг пределов Мавераннагра и, опустошив Ташкент и северную часть этой страны, вернулся назад в Западную Монголию [4]). В 1456 году Эсэнь-

---

[1]) Улуг-бек, не находя удобным пребывание его близь границ Могулистана, выслал его в Персию, где он некоторое время и прожил при дворе Джехан-шаха, а засим переведен был в Шираз (см. *Pavet de Courteille*—„Mémoires de *Baber*“, I, стр. 19—20).

[2]) Уз-Тимур, вероятно, был известен китайцам под именем А-ши-Тимура. Он приходился внуком Эсэню-тайчжи (см. *Bretschneider*, op. cit., II, стр. 166) и был послан на запад этим последним.

[3]) Под именем Четэ, Четэйского улуса, была известна северо-западная часть улуса Джагатаева. *Дени* и некоторые другие орьенталисты производят это имя от прежде обитавшего здесь народа Ѣда, юэчжи (см. *Bretschneider*, op. cit., II, стр. 225). Эта гипотеза кажется *Григорьеву* („Вост. или Кит. Туркест.“, стр. 314) вероятной. По китайским известиям в V веке к северу от Полоны (Ферганы) существовало владение Чжешэ *(Иакинф*— „Собр. свед. о нар., обит. в Средн. Аз. в древ. врем.“, III, стр. 138); это—Ташкент. Следует также заметить, что некоторые мусульманские историки употребляют термин Четэ в качестве синонима Могулистана. Совершенно новое толкование этому географическому наименованию дает *L. Cahun* („Introduction à l'histoire de l'Asie“, стр. 44): „Les Turcs l'appelaient d'un nom commun à leur langue et à celle des Mongols: tchété, „la frontière, les Marches“. C'était là, que les anciens Turcs, et leurs prédécesseurs, les Tie-le, et les prédécesseurs des Tie-le, connus ou anonymes, faisaient séjour pour réposer leurs chevaux, reprenaient haleine avant de risquer le passage du Yaxartes“, etc.

[4]) *Howorth*—„History of the Mongols from the 9th to the 19th century“, II, стр. 688.

бука вторгся в Фергану, в отместку за что тогдашний правитель Самарканда султан Абу-Сеид, внук Миран-шаха, вызвал Юнуса из Персии и, поставив его во главе своих войск, отправил в Могулистан против брата. Юнус взял Кашгар, но при Аксу потерпел полное поражение и с трудом отступил в Фергану, где и поселился в ожидании более благоприятного момента для осуществления своих властолюбивых стремлений [1]).

Эсэнь-бука скончался в 1462 году [2]). Ему наследовал его сын Дост-Мухаммед [3]), который умер в 1468 году, оставив после себя малолетнего сына Кепека. Престол перешел к Юнусу, первой заботой которого было удалить Кепека в Турфан, где вскоре затем он и был умерщвлен.

---

[1]) В Джитыкенте, который *N. Elias* („The Tarikh-i-Rashidi", стр. 87) помещает на крайней западной границе Могулистана; всего вероятнее, однако, что он находился близь города Намангана, на месте современного селения Джиты-капа.

[2]) *Вельяминов-Зернов* — „Исследование о Касимовских царях и царевичах", II, в „Труд. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1864, X, стр. 139, ссылаясь на *Мухаммед Хайдера*, дает года правления Эсэнь-буки — $144^6/_7$—$146^1/_2$.

[3]) *Бартольд* („Очерк истории Семиречья", стр. 81) пишет: „После смерти Эсэнь-буки западная часть Могулистана (до города Аксу) перешла в руки Юнуса". У *Ст. Лэн-Пуля* („Мусульм. династии", стр. 300) также сказано, что Дост-Мухаммед наследовал власть отца только в Аксу и Турфане. Между тем, подобный вывод едва-ли верен. У *Мухаммеда-Хайдера* („The Tarikh-i-Rashidi," стр. 90) говорится по этому поводу: Когда Эсэнь-бука скончался, то падишахом стал Дост-Мухаммед. На его сторону перешел Мухаммед-Хайдер-мирза (наследный эмир кашгарский), находившийся же с последним в враждебных отношениях Саниз (Сабиз?)-мирза примкнул к Юнусу. Неоднократные попытки последнего укрепиться в Кашгаре не имели успеха. *Bretschneider*, op. cit., II, стр. 234, кратко резюмирует относящееся к Юнусу в следующих словах: на его сторону перешли многие роды (кочевников), но действительно могущественным он стал только после смерти Дост-Мухаммеда. Что владения Дост-Мухаммеда не ограничивались Аксу и Турфаном, но распространялись по меньшей мере на весь Восточный Туркестан, это видно, между прочим, и из предпринимавшегося им похода на город Яркенд, где заперлись сыновья эмира Сабиза—Омар и Абу-Бекр („Notices et extraits des manuscrits", etc., XIV, стр. 482). Из вышеизложенного, мне кажется, нельзя не вывести заключения, что после смерти Эсэнь буки Могулистан не подвергся официальному разделу, и что его действительным главой оставался Дост-Мухаммед, хотя Юнус и приобрел в нем значение как глава мятежных элементов.

В 1472 году в пределы Могулистана вторглись ойраты, которые нанесли Юнусу жестокое поражение при реке Или и преследовали остатки его армии до р. Сыр-дарьи. Юнус нашел убежище у правителя Ташкента и вернулся назад лишь после того, как ойраты покинули его земли.

Если верно, что ташкентский правитель держал Юнуса у себя в плену, и что из этого плена последний был освобожден одним из могулистанских эмиров, то уже один этот факт в достаточной мере рисует тогдашнее хаотическое состояние Могулистана. Авторитет центральной власти, стоявшей весьма невысоко и при предшественниках Юнуса, когда эмиры правили своими областями совершенно самостоятельно [1]), теперь пал окончательно, и если Могулистан и держался еще в своих границах, то лишь потому, что вся Средняя Азия переживала в то время сходное состояние государственного маразма, причем этот недуг захватил даже кочевые владения, которые за немногими исключениями проявляли себя лишь набегами, не преследовавшими иных целей, кроме грабительских. Такое внутреннее состояние государств Средней Азии давало широкий простор честолюбцам, и Могулистан не составил в этом отношении исключения. В Восточном Туркестане явился предприимчивый, одаренный военными способностями, правитель, эмир Абу-Бекр, который восстал против своего дяди, последнего эмира кашгарского Мухаммед-Хайдера-мирзы [2]), и, нанеся как ему, так и Юнусу, ряд поражений, об'явил себя в 1480 году независимым владельцем Алтышара [3]). Значительную долю

---

[1]) Со слов *Мухаммеда-Хайдера Бартольд* в своем „Отчете о поездке в Среднюю Азию с научной целью", стр. 42, 49, пишет: „Во время смут, возникших в Могулистане в половине XV века, некоторые эмиры фактически сделались независимыми владетелями и в разных местах построили себе крепости, откуда предпринимали грабительские набеги. Из них один, Мир-Мухаммед-шах, поселился в уроч. Атбаши, другой, Мир-Керим-берди, „со стороны Андижана и Ферганы, в пределах Могулистана, в местности Алабуга, на вершине холма построил крепость и стал совершать набеги на Андижан"... (наконец), эмиром Хакк-берди-Бекичеком была построена крепость в местности Койсуй, на острове среди Исык-куля, причем эмир поместил там свое семейство, чтобы обезопасить его от калмыков, а сам стал производить набеги на Туркестан и Сайрам.

[2]) Его родословную читатель найдет в „Notices et extraits des manuscrits", etc., XIV, стр. 480—481.

[3]) „Notices et extraits des manuscrits", etc., XIV, стр. 482 seqq.

самостоятельности, если только не суверенные права, присвоил себе также и властитель другой части Могулистана, турфанский султан Али, ни границы той территории, правителем которой он состоял, ни родословная которого нам неизвестны [1]).

С Турфаном имя его связывается уже с 1469 года [2]), что указывает на то, что он захватил власть в этом округе непосредственно после насильственной смерти Кепека [3]). Об его претензиях, не совмещавшихся с скромной долей мелкого вассала, каким он был в действительности, свидетельствуют как присвоение им титула „султан", так и характер его дипломатических сношений с пекинским двором, в которых он проявил требовательность, граничившую с дерзостью; так, его послы настаивали на выдаче им таких предметов в качестве даров их господину, которые, как, например, шитое драконами платье, являлись по китайским понятиям аттрибутами императорского

---

[1]) В „Тарихи-Рашиди" вовсе не говорится о турфанском султане Али, может быть, потому, что автор этого исторического труда вообще отвел очень мало места Уйгуристану и касался его дел лишь в связи с событиями, разыгрывавшимися в Кашгарии и западном Могулистане. Вся деятельность султана Али была направлена на восток, и таким образом, он мог легко остаться вне поля зрения *Мухаммеда-Хайдера*. Этого, однако, повидимому, не хотел допустить *N. Elias*, который на стр. 104 своего „Введения" к „Тарихи-Рашиди" старается согласовать китайские известия о султане Али с тем, что известно нам о властителях Могулистана той же эпохи из „Тарихи-Рашиди". Конечно, из такого сопоставления ничего не выходит. 1469 год отвечает времени, когда в Турфане еще княжил Кепек, но так как китайцы называют Ахмед-султана сыном Али-султана, то, по мнению *N. Elias*, приходится думать, что под этим именем был им известен Юнус. Странно, однако, что *N. Elias* не задал себе вопроса, почему *Мухаммед-Хайдер*, говоря так долго об Юнусе, ни слова не упомянул об его сношениях с пекинским двором и еще более о таких важных событиях, как завоевание Хамийского княжества и последующее поражение ойратов. Не сходятся и года смерти: Али султан скончался в 1478 году, а Юнус в 1487 году.

[2]) *Покотилов*, op. cit., стр. 125; *Bretschneider*, op. cit., II, стр. 195.

[3]) Указание „Мин-ши", что правителем Турфана в 1469 году был Али-султан, находится в явном противоречии с сообщаемой *Бартольдом* („Очерк истории Семиречья", стр. 81) версией о четырехлетнем правлении Кебека в Турфане. Кебек был, вероятно, убит вскоре же по прибытии в этот город, т. е. в 1468 году или в начале 1469 года. Ср. *Bretschneider*, op. cit., II, стр. 234.

достоинства [1]). При таком честолюбии вполне естественно, что Али-султан должен был чувствовать себя очень тесно в пределах Турфанского округа даже в том случае, если его власть распространялась и на соседние города—Хо-чжоу, Лукчун и Бишбалык. События в Хами позволили ему вмешаться в дела этого княжества и в полной мере проявить свои завоевательные стремления.

Хами переживал бурную эпоху: прямая линия правивших в оазисе Чингисидов пресеклась, и это обстоятельство не замедлило вызвать в стране крупные беспорядки, которые вскоре и довели ее до полного истощения сил и невозможности противостоять грабительским набегам кочевников. Наконец, перевес получил некий Ба-та-му-эрр, и ханьша Ну-вэнь-да-ши-ли, мать покойного князя, державшая сторону аньдинского князя [2]), другого претендента на хамийский престол, должна была временно удалиться в Ку-юй [3]). Событие это следует отнести к концу шестидесятых годов XV столетия, а в 1472 году, вследствие смерти князя Ба-та-му-эрр, в Хами вновь возникли междоусобия.

---

[1]) *Покотилов*, ibid.

[2]) О владении Ань-дин см. выше стр. 584—585.

[3]) О местоположенин Ку-юй мы имеем следующие сведения. Архим. *Палладий* в своем письме к А. Е. Влангали („Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1873, IX, стр. 304—306) об этом городе пишет: „Когда хамильцы были теснимы от турфаньских султанов, минское правительство построило для них особый город в 400 ли от Су-чжоу, на пути к Хами, где и поселило их. Этот город известен в китайской истории под именем Ку-юй-чэн, но сами туземцы называли его Далту неизвестно на каком языке. Через несколько времени турфаньцы двинулись на Ку-юй и поселенцы его бежали в Гань-су“. Засим у *В. Успенского* („Страна Кукэ-нор или Цин-хай“, стр. 87) мы находим следующее указание на его былое местоположение: „Река Су-лэ-хэ (Булунгир) протекает мимо Гу-юй-чэна (Ку-юй-чэна), основанного при Минской династии и называемого инородцами Дариту верхним в отличие от Дариту нижнего или восточного, на месте коего основан Юй-мынь-сянь; эти два Дариту отстоят один от другого на 250 ли“. У верхнего Дариту „река Су-лэ-хэ сливается с западным своим истоком, называемым Чан-ма-хэ, вытекающим из гор того же имени“. Это последнее название и поныне сохранилось за оазисом, лежащим при слиянии помянутых рек (см. *Коллов*—„Отчетн. письмо“ в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1895, XXXI, стр. 441). У *Delamarre*, op. cit., стр. 361, 380, 415, тот же город назван Ку-гу (Khou-kou).

Этим-то моментом, по словам китайской летописи, и решил воспользоваться Али-султан. Как и следовало ожидать, в Хами он не встретил серьезного сопротивления, но, присоединив его к своим владениям, он сразу же поставил себя в неприязненные отношения к Пекинскому двору, считавшему хамийского князя в числе вассалов Китая. Впрочем китайское правительство не обнаружило особого желания с оружием в руках выступить на защиту своих попранных прав. Это видно, между прочим, из того обстоятельства, что сперва оно пыталось натравить на турфанского султана ханьдунцев и чигиньцев [1]), и только тогда уже, когда этот план совершенно не удался, оно решилось, наконец, снарядить экспедицию против Турфана. Но поход этот ничем не окончился; экспедиционный отряд, составленный из всякого сброда, разошелся, не дойдя даже до Булунгира. Между тем легко доставшаяся Али победа над хамийцами возбудила в нем жажду к новым завоеваниям. Он напал на ойратов, разбил их и, полонив до 10,000 человек, вернулся обратно. В 1478 году он скончался, а с ним вместе закончилось и кратковременное существование Турфана как независимого владения.

Принятие титула „султан“ несомненно указывает на то, что Али, подобно Абу-Бекру, порвал свои вассальные отношения к ханам Могулистана. Как реагировал на это Юнус, нам неизвестно, но отпадение Уйгурии и Алтышара, может быть, об'ясняет нам, почему вся дальнейшая его политическая деятельность переместилась на западную окраину государства, где он имел твердую опору в испытанной преданности кочевников. Здесь он имел даже успех и, вмешавшись в междоусобную войну между Ахмедом-мирзой и Омар-шейхом, сыновьями Абу-Сеида [2]), присоединил к своим владениям в 1482 году Сайрам, а затем в 1485 году и Ташкент.

---

[1]) О княжествах Хань-дун и Чи-гинь см. выше стр. 583.

[2]) Шахрух скончался в 1447 году, оставив престол своему сыну Улуг-беку, который был убит в 1449 году, после чего государство распалось. После кратковременных царствований сыновей Улуг-бека—Абд-ал-Лятифа и Абдаллаха Мавераннагром в 1451 году овладел Абу-Сеид, внук Миран-шаха. Этому энергичному правителю удалось в период времени с 1458 по 1468 год восстановить империю Шахруха, хотя и далеко не в прежних ее размерах; но в 1468 году с его смертью в плену у Узун-Хасана, вождя племени Ак-Коюнлы (Белых баранов), она вновь распалась

Он умер в 1487 году. Но еще при его жизни то, что составляло тогда его государство, распалось на части, ибо восточная его половина, в состав которой, повидимому, уже снова вошла Уйгурия, признала своим государем его младшего сына Ахмеда. Впрочем этот последний, не стремясь к самостоятельности, до кончины отца не переставал относиться к нему как к главе государства, а засим легко подчинился и своему старшему брату Махмуду, наследовавшему вместе с титулом хана Ташкент и остальные земли Могулистана.

Ахмед-хан был воином по натуре. Крепкого телосложения, суровый и энергичный, он за свои беспрерывные войны, которые ему пришлось вести, между прочим, также и против ойратов, разбитых им во многих боях [1]), получил от последних прозвище Алачи-хан, Кровожаждущего хана [2]). Его борьба с хамийскими князьями была, однако, не столь удачной, так как привела после восстаний в 1482, 1489 и 1495 годах к признанию за ними полной самостоятельности. Полным неуспехом

и на этот раз окончательно. Из сыновей Абу-Сеида султан Ахмед удержал Мавераннагр, которым и владел до своей смерти, последовавшей в 1494 году, Омар-шейх—Фергану, Махмуд—Мазандеран, Улуг-бек—Кабул и Газну и Абу-Бекр—восточный Тохарест и Бадахшан. Что касается засим остальных иранских земель, то они перешли к Хусейну, правнуку Омар-шейха, второго сына Тимура (1469—1506 г.г.). Чтобы не возвращаться более к Тимуридам, замечу, что после смерти Ахмеда самаркандский престол перешел к его брату Махмуду, который оставался правителем Мавераннагра не более года, и что возникшие в нем после его смерти междоусобия привели к занятию края узбеками и падению династии, основанной Тамерланом.

[1]) Основываясь, повидимому, на „Тарихи Рашиди“, *Бартольд*, op. cit., стр. 83, пишет, что Ахмед-хан разбил в двух столкновениях „калмыцкого предводителя Тайджи-Эсэня“. Так как среди ойратов другого Тайджи-Эсэня кроме сына Тогона-тайчжи мы не знаем, то приходится допустить, что до Мухаммеда-Хайдера дошли лишь смутные сведения об ойратах, к которым к тому же он не сумел отнестись с должной критикой. Странно, однако, что ни *N. Elias*, ни *Бартольд* не обратили внимания на то, что одно и то же лицо не могло вести борьбу и с Вейс-ханом, начиная с 1418 года, и с Ахмед-ханом после 1485 года. Эсэнь-тайчжи родился в 1417 году и умер в 1454 году.

[2]) *Quatremère* („Notices et extraits des manuscrits“, XIV, стр. 485) переводит: „le prince sanguinaire“; *Pavet de Courteille* („Mémoires de *Baber*“, I, стр. 23)—„celui qui tue,“ *E. D. Ross* („The Tarikh-i-Rashidi“, стр. 121)—„the slaying Khan“.

окончилась также и его попытка вернуть Могулистану Кашгар и Яркенд: в 1500 году в решительном бою он был разбит Абу-Бекром [1]). Впрочем, в это время все его внимание стал отвлекать запад, где совершенно неожиданно выдвинулась новая сила—узбеки [2]).

Махмуд-хан, покорив город Туркестан в 1488 году [3]), вверил его управление узбеку Мухаммеду Шейбани-хану [4]), который несколько лет спустя вмешался в династические распри из за обладания наследством Тимура и овладел в 1500 году Самаркандом. С этим Шейбани-ханом поднялось и прикочевало из Кипчакских степей в Мавераннагр значительное число узбекских поколений, которые и осели в бассейне р. Зеравшана. Но такое усиление Шейбани-хана не входило в расчет Махмуд-хана; между эмиром и ханом возникли натянутые отношения, не замедлившие перейти в открытую вражду. Мухаммед Шейбани-хан собрал войска, переправился через реку Сыр-дарью и подступил к городу Ташкенту. В эту критическую минуту подоспел на помощь брату Ахмед-хан с 1500 чел. конницы [5]).

---

[1]) „The Tarikh-i-Rashidi", стр. 122.

[2]) Об узбеках см. выше стр. 531 и след.

[3]) *Бартольд*, op. cit., стр. 83. Год этот, однако, лишь приблизительно точен. *Мухаммед-Хайдер* относит к нему только измену Шейбани-хана самаркандскому султану Ахмеду-мирзе и его переход на сторону могулистанского хана Махмуда, решивший судьбу всей кампании и позволивший хану Махмуду овладеть гор. Туркестаном (см. *Вельяминов-Зернов*— „Исследование о Касимовских царях и царевичах", II, в „Труд. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1864, X, стр. 246). Таким образом пожалование Шейбани-хану в управление города Туркестана было, может быть, даже вынужденной платой последнему за его измену.

[4]) Шейбани-хан, основатель династии Шейбанидов, правившей Трансоксианой с 1501 по 1599 год, был внуком Абул-хайра (см. выше стр. 530, а также *Senkowski*—„Supplément à l'Histoire général des Huns, des Turks et des Mogols", 1824, стр. 20).

[5]) Это была не первая помощь, оказанная Ахмед-ханом брату. Еще раньше он прогнал из Ташкента казаков, нанеся им последовательно три поражения.

Поводом к этой войне, разыгравшейся в 1494 году, послужила, по словам *Мухаммеда-Хайдера* (*Вельяминов-Зернов*, op. cit., II, стр. 223), передача гор. Туркестана в управление Шейбани-хану, члену враждебного им Абул-хайрова рода.

Но этой вспомогательной силы оказалось слишком недостаточно;

По поводу этой вражды в „Тарихи-Рашиди“ (*Вельяминов-Зернов*, op. cit., II, стр. 151) говорится следующее.

Когда в Дешти-Кипчак утвердил свое господство Абул-хайр, некоторые султаны из рода Джучи, опасаясь с его стороны неприязненных действий, бежали в Могулистан. Среди этих султанов были Гирей и Джанибек. Эсэнь-бука, правитель Могулистана, принял их охотно и поселил на р. Чу (последнее указание я нахожу у *Бартольда*, op. cit., стр. 80; см. также *Аристов*—„Заметки об этн. сост. тюркск. плем. и нар.“, отд. отт., стр. 41). После смерти Абул-хайр-хана в узбекском улусе возникли междоусобия, спасаясь от которых многие из узбеков бежали к Гирей-хану и Джанибек-хану. Благодаря этому последние очень усилились. Так как и сами они и присоединившиеся к ним позднее были беглецами, людьми бездомными, то их прозвали казаками. Это название утвердилось за ними и осталось у них навсегда.

Так просто из распавшегося узбекского союза образовался народ, который ныне среди тюркских народностей занимает второе место по численности и с конца XVI столетия (время распадения казацкого союза на три орды нельзя считать, однако, строго установленным) разделился на три орды: Большую или Старшую, Среднюю и Малую или Младшую, которая, в свою очередь, в 1801 году выделила четвертую—Внутреннюю или Букеевскую орду. Ср. *Красовский*—„Материалы для географии и статистики России“. „Область Сибирских киргизов“, I, 1868, стр. 29 и след., где проводится мысль, что появление трех киргиз-кайсацких орд вызвано было не распадением *одного политического целого, но самостоятельным и разновременным* образованием трех обширных союзов, не имевших общей истории, но носивших общее имя казак.

Этой гипотезе *М. Танышпаев* („Материалы к истории киргиз-казакского народа“, Ташкент, 1925, стр. 56) придал большую определенность. Вот, что мы у него читаем:

„Киргизское предание приписывает Хак-Назару (то же предание находим мы и у *А. П. Чулошникова*—„Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен“, ч. I. в „Труд. Общ. изучения Киргизского края“, вып. V, Оренбург, 1924, стр. 135). деление казаков на три джузы (орды): старшую (бóльшую), среднюю и младшую (малую). Положительных данных, подтверждающих это предание нет; к тому же оно не об'ясняет, почему те или иные роды отнесены именно к старшей, средней или младшей орде. Предлагаю другое об'яснение происхождения джуз (орд)“.

Они имеют более древнее происхождение и относятся ко временам Батыя. Номинальным главой улуса после смерти Джучи остался его старший сын Орда-Ежен—*основатель Белой орды, занимавшей восточную часть* улуса, где кочевали джалаиры (?), канлы и др. более мелкие роды (т. е. племена). Здесь правила старшая линия ханов, почему и орда получила

оба брата были отброшены узбеками Шейбани-хана далеко на

название старшей. Самому младшему сыну Джучи—Токай-Тимуру (Моголу?) достались Крым и Кавказ, откуда собственно и вышли первые (? ср. с последующим) казаки или ногаи. Главную их массу составляли алчины. Младшая линия ханов утвердилась на западе; тут же образовалась и младшая орда. В промежуточной территории между владениями Орды и Токай-Тимура находились владения Батыя и Шейбака, после же смерти последнего из рода Батыя владения ханов из рода Шейбака. Здесь кочевали кипчаки, конраты, мангыты, ширины, барины, которые и составили среднюю орду. Найманы, аргыны и кереи (киреи) после ухода от Джагатаидов поселились в средней части улуса, во владениях потомков средних сыновей Джучи, почему мы и видим их в составе Средней киргиз-казацкой орды. Приставшие с восточной (?) стороны уйсыны могли быть приняты только в старшую орду. Этим поздним вступлением их в состав последней об'ясняется и то обстоятельство, что, несмотря на свою подавляющую численность, они занимают в ней место ниже джалаиров и такого незначительного рода, как ошакты.

Эта гипотеза, даже полнее обоснованная, станет приемлемой не прежде принятия другой гипотезы того же автора—о происхождении „казакской" народности. Последняя, являясь лишь полнее развитой *Левшинской* гипотезой о происхождении этой народности, существенно расходится с изложенной выше и может быть сведена к следующим положениям.

1. Общепринятое об'яснение слова „казак" лишено оснований и искать его происхождения так же бесполезно, как искать происхождение наименований: русский, араб, англичанин и т. д. (op, cit., стр. 41).

2. Коренные подроды (роды?) рода (племени?) алчын — черкеш и берш искони назывались казаками; черкесов и до сего времени соседние племена именуют казаками. О казаках упоминает император *Константин Порфирородный*, называя бассейн р. Кубани „Казахией"; русский князь Мстислав в 1022 г. покорил Тмутараканскому княжеству „косогов" и их же еще раньше, в 968 году, громил князь *Святослав* (впервые ту же мысль о тождестве косогов и казаков высказал еще граф *Потоцкий* в своем сочинении—„Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase", Paris, 1829; см. *А. Харузин*—„К вопросу о происхождении киргизского народа" в „Этнограф. Обозр.", 1895, № 3, стр. 49); согласно Никоновской летописи, монголы, при первом нашествии своем на Россию в 1223 г., прежде, чем разбить кипчаков и южно-русских князей, прошли землей „касахов"; арабские писатели *Абульфеда*, *Ибн-Батута*, *аль-Омари* и др. писали равным образом о стране и народе „Азак", помещая ее к северу от Кавказских гор; в 1397 и 1410 г.г. части крымских татар, переселившиеся в Литву, носили имя „казак"; в 1474 г. крымский хан Менгли-гирей писал царю Ивану III: „мне твои страны не воевать, ни моим уланам, ни моим князьям, ни моим „казакам"; в 1471 г. в походе на Новгород участвовал касимовский царевич Данияр со своими „казаками"; в 1481 г. на золото-ордынского хана Ахмеда

восток, в 1503 году разбиты при городе Ахсаканте [1]) и во время бегства захвачены в плен. Ахмед-хан освободился из него только

напали шибанский хан Ибак с 1.000 „казаков" и ногайские мурзы Муса и Амбрчи с 15.000 „казаков" и убили его, и т. д.

3. Тюркское племя алчын вышло из Алтайских гор, вероятно, до V века до Р. Хр.; возможно, что алазоны *Геродота* не что иное, как алчыны, т. е. казаки; „тюркские племена берендеи, торки, быть может, и печенеги, повидимому, об'единялись (?) под именем „казак" или „алчын", которые и в те еще времена делились на роды (стр. 53, см. выше п. 2) черкеш, берш, адай, тана, рамадан, тама и т. д.; косоги или казаки X, XI веков, без сомнения (?), состояли из этих родов".

4. До 1300 г. алчыны жили к северу от Кавказских гор, Азовского и Черного морей; после были переселены на восток, в низовья Волги, куда и перенесли старое название „казак" и новое—„ногай", по имени известного воителя Ногай-хана; общим их ураном было „алаш".

5 С XIV в. наименования „ногай" и „казак" распространились и на другие роды, хотя уран „алаш" принадлежал попрежнему преимущественно (?, стр. 53) алчынам; сравнительно небольшой осколок — Джаныбековская группа, состоявшая первоначально (?) из алчынов, аргынов, кереев (киреев), кыпчаков и джалаиров, оторвавшаяся от главной массы ногаев, в отличие от последних стала называться „казаками"; это первое, оформившееся Казакское ханство в составе Золотой (?) орды; при Касыме от ногаев отошла к казакам более значительная группа алчынов, возвратившаяся при Таире обратно на запад; взамен же, однако, к казакам присоединились уйсыны и киргизы (*Тынышпаев* не об'ясняет, какие то были киргизы), после гибели же Бабы—канлы, сергелы и др.

Главный недостаток этой гипотезы составляет недоказанность главнейших из ее положений; что касается приведенной в п. 2 исторической справки, то, указывая на значительную давность слова „казак", переносившегося на самые различные народные группы, она лишь подтверждает правильность об'яснения, даваемого этому слову. Не даром же имя „казак" приняли и беглецы из России. Имей оно этническое значение, как это пытается доказать *Тынышпаев*, его конечно не усвоила-бы себе русская вольница.

Версия „Тарихи-Рашиди" об образовании казацкого народа находит себе подтверждение и в его преданиях, т. к., по словам *Гродекова* („Киргизы и Кара-киргизы Сыр-Дарьинской области," т. I), современные киргизы Сыр-дарьинской области помнят еще свое узбекское происхождение.

[1]) Ахсы, Ахсикент—один из главнейших городов северной Ферганы до-монгольского периода. Он находился на правом берегу р. Сыр-дарьи, к юго-востоку от г. Чуста (см. *Лыкошин*—„Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае" в „Средн.-Азиат. Вестн.", 1896, июль, стр. 29 и след.).

в следующем 1504 году, но, вернувшись в город Аксу, там заболел и скончался [1]).

Ахмеду наследовал сын его Мансур, правивший Могулистаном с 1504 по 1544 год.

В первые же годы его правления западный Могулистан стал ареной междоусобных войн между ним и его родными братьями, Халилем и Сеидом. Воспользовавшись возникшими при этом беспорядками, на обладание Центральным Тянь-шанем стал пред'являть свои права и Абу-Бекр кашгарский. Мансур-хану удалось очень быстро ликвидировать восстание своих братьев, но компанию против Абу-Бекра он проиграл, несмотря даже на помощь, оказанную ему в этой борьбе киргизами, и принужден был отступить к Чалышу (Карашару), оставив в руках Абу-Бекра всю горную страну к югу от озера Иссык-куля. Но и этот последний не долго пользовался плодами своей победы, так как уже в 1514 году в борьбе с отважным Сеидом-мирзой потерял не только эти земли, но и престол. Последствием молниеносных побед Сеида было возвращение Алтышара под власть могулистанских ханов, так как Сеид, став его правителем, не замедлил признать суверенитет старшего брата.

В дальнейшем вся деятельность Мансура переместилась на восток.

В 1513 году он покорил Хами [2]), Ша-чжоу [3]) и Чигинь [4]). В 1518 году, не довольствуясь захватом китайских

---

[1]) Что касается Махмуд-хана, то он вернулся в Аксу вместе с братом, после же его смерти покинул этот город и поселился в Джитыкенте. Поссорившись впоследствии (в 1508 году) со своими племянниками, Халилем и Сеидом, он вынужден был бежать в Мавераннагр (в г. Ходжент), был, однако, здесь схвачен Шейбани-ханом и по его приказанию умерщвлен.

[2]) Все войны между Хами и Турфаном сопровождались эмиграцией коренных хамийцев в Хэ-си. Китайские анналы указывают даже, что в 1526 году, когда Мансур в последний раз занял своими войсками Хами, из последнего бежали все его жители и поселились частью в Су-чжоу, частью в Ша-чжоу (*de Mailla*, op. cit., X, стр, 305). Это известие подтверждается преданием современных хамийцев, которые рассказывают про себя, что они—пришлый народ (см. заметку *Матусовского* в „Очерк. сев.-зап. Монг." Потанина, I, стр. 166; *Грум-Гржимайло*—„Опис. пут. в Зап. Китай", I, стр. 317). Мансур-хан был приверженцем ислама. Не под его-ли давлением последние буддисты покинули Хамийский оазис?

[3]) См. выше стр. 584.

[4]) См. выше стр. 583.

земель, лежавших к западу от Цзя-юй-гуаня, он проник за Великую стену и осадил город Су-чжоу. Однако, осада эта должна была быть вскоре снята, так как из Турфана получились тревожные вести о нашествии на Могулистан ойратов под предводительством некоего Бо-лю-вана [1]). Из этого факта мы должны заключить, что победоносные походы Ахмед-хана нимало не ослабили ойратов, которые нет-нет да и заявляли о себе опустошительными набегами на Биишбалык.

На этот раз, впрочем, столкновение закончилось миром. Несколько времени спустя мы даже видим Мансур-хана в союзе с Бо-лю-ваном вторично нападающим на город Су-чжоу. Но затем наступил новый разлад между турфанцами и ойратами, завершившийся полным разгромом последних в 1530 году. Получив отпор на западе, ойраты устремили свои взоры на юг. По словам китайской летописи, набеги их на Су-чжоу, Гань-чжоу и Куку-норские земли участились настолько, что встревожили даже южных монголов. Этими набегами, повидимому, вызван был и тот поход Алтан-хана, о котором мне приходилось говорить выше [2]). Хотя китайцы и пишут, что ойраты принудили Алтан-хана к отступлению через Гань-су к Куку-нору [3]), несомненно, однако, одно: этот поход положил начало эпохе падения могущества ойратов, ибо в дальнейшем история упоминает лишь о таких событиях их политической жизни, которые свидетельствуют о полной дезорганизации их сил и потере ими способности к самозащите; так, под 1562 г. говорится о победоносном походе на ойратов Хутуктай-Сэцэна-хун-тайчжи, который прошел их кочевьями до р. Иртыша [4]), под 1577 г.— о потере ими политической самостоятельности [5]) и, наконец, под 1588 г.—о бегстве под напором турфанцев некоторой их части в Нань-шаньские горы [6]). На западе их положение, повидимому, было также не лучшим. Уже в 1423 году при

---

[1]) У *de Mailla*, op. cit., X, стр. 288, говорится, что Бо-лю-ван действовал по предварительному соглашению с китайским правительством.

[2]) Стр. 604.

[3]) *Успенский*, op. cit., стр. 163.

[4]) См. выше стр. 604.

[5]) См. выше стр. 604.

[6]) См. выше стр. 594.

попытке продвинуться на юг, в бассейн р. Или [1]), они потерпели полное поражение; то же повторилось и в 1525 году, когда им пришлось иметь против себя Сеид-хана кашгарского [2]); а засим они втянулись в борьбу с казаками, о неблагоприятном для них исходе которой свидетельствует титул „царя казацкого и калмыцкого", каким с 1594 года стал писаться казацкий хан Тевеккель [3]).

Бегство ойратов в Нань-шань свидетельствует о том, что в конце XVI века Могулистан был еще настолько силен, что проявлял инициативу в действиях и побеждал. Но история не сохранила нам имени того, кто в это время управлял восточным Притяньшаньем. Из преемников Мансура нам известен только его сын Шах-хан (1544—1570 г.г.), о котором упоминают как мусульманские, так и китайские историки [4]), и который пал в битве с ойратами [5]). Какая же судьба постигла это государство засим? Иезуит Гоэс, который посетил Восточный Туркестан в 1603—1605 годах, утверждает, что Турфан и Хами в его время входили в состав Кашгарского царства и управля-

---

[1]) Что вынуждало их к этому—нам неизвестно.

[2]) Во главе войск, высланных Сеид-ханом против ойратов находился его сын Абд-ар-Рашид, который за свои подвиги в делах против калмыков получил титул „гази"—воителя против неверных.

[3]) *Вельяминов-Зернов*, op. cit., II, стр. 104. Наложил на ойратов руку и узбекский хан Абдаллах (1570—1598 г.г.), шестой правитель Трансоксианы из династии Шейбанидов, о котором историк *Мухаммед Юсуф Мунши* (*Mounschi*, см. *Senkowski*—„Supplément à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols", стр. 26), пишет: „Едва вступив на престол, он покорил Туркестан и Кашгарию до границ Китая (Derbendi-Khatay; это указание не точно: узбеки вторглись в Кашгарию, но из под Яркенда должны были вернуться обратно; ср. *Бартольд*—„Отчет о командировке в Туркестан", стр. 238—239); оттуда перешел в Кипчакскую степь, доходил до Улугтага и Кичик-тага и разбил казаков и калмыков, которых и обложил ежегодною данью".

[4]) Согласно китайским известиям, Ша-хану (Шах-хану) наследовал его брат Ма-хэй-ма (Мухаммед), ранее отнявший у него с помощью ойратов часть Хамийского оазиса; но против него тотчас-же восстали три его брата, причем один из них, по имени Со-фэй (Суфи?), поспешил даже принять титул султана и от своего имени снарядил посольство в Китай, что случилось в 1573 году (*Bretschneider*, op. cit., II, стр. 198). Все это достаточно темно и не согласуется с известиями мусульманских писателей.

[5]) *Бартольд*—„Отчет о командировке в Туркестан" в „Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1904, XV, стр. 239.

лись наместником из Чалыша, т. е. Карашара [1]). Это возможно, так как со времен Сеида, третьего сына Ахмед-хана, Кашгарией правила преемственно младшая линия ханов Могулистана [2]); но это значило-бы, что центр управления государством переместился на юго-запад, в Яркенд, который одно время был столицей Кашгарии. Историки рисуют Сеид-хана очень предприимчивым человеком, что легко заключить и из факта завоевания им Памира, Бадахшана и Кафиристана; он же управлял из Яркенда всем Центральным Тянь-шанем, что делает вероятным, что еще при жизни Мансура ему был подчинен весь западный Могулистан, включая Или. При таких условиях переход суверенной власти в государстве к его преемникам на яркендском престоле являлся не только естественным, но и неизбежным. Вероятно, уже Шах-хан был только правителем восточного Могулистана и вассалом яркендского падишаха; его же преемники, если таковые были, опустились еще ниже и должны были уступить свое место наместникам, посылавшимся из Яркенда. Но такая картина перемещения суверенной власти с востока на запад все-же оставляет невырешенным вопрос о том правителе Могулистана или только Уйгуристана, который довел ойратов до необходимости искать спасения в бегстве в китайские пределы.

Сеид-хан скончался в 1533 году, передав престол сыну Абд-ар-Рашиду, правившему государством до 1566 года [3]) и прославившемуся победой над казаками, с которыми дотоле могулы не отваживались помериться силами [4]). Борьба с казаками и

---

[1]) „The Journey of Benedict Goës from Agra to Cathay" в „Cathay and the way thither", 1916, v. IV, стр. 191, 239.

[2]) При Сеид-хане города Бай и Куча находились в управлении единоутробного брата Мансур-хана—Бабачак султана (*Вельяминов-Зернов*, op. cit., II, стр. 200), но перешли-ли эти города в потомственное управление этой княжеской линии—нам неизвестно. Повидимому, нет, так как впоследствии Кучу оспаривали друг у друга потомки Сеид-хана.

[3]) Относительно года смерти Абд-ар-Рашида показания мусульманских историков расходятся довольно сильно; так, по *Эмин-Ахмеду Рази* он умер в 1565—1566 году, по *Хайдеру Рази* же—в 1570—1571 году (см. *Бартольд*, op. cit, стр. 237).

[4]) „Notices et exraits des manuscrits", etc., XIV, стр. 487.

Страшное поражение, в котором со стороны казаков пали их хан Тугул и с ним 37 султанов, было нанесено им Абд-ар-Рашидом в 1537—

киргизами [1]) продолжалась и позднее, причем казакам удалось даже после поражения Абд-аль-Латифа, сына и наместника [2]) Абд-ар-Рашида, павшего в одном из своих столкновений с Хакк-Назаром, ханом казацким и киргизским, вновь занять земли к северу от Тянь-шаня, но бассейн озера Иссык-куля долго еще служил ареной их столкновений, не выходя из под власти кашгарских владык.

Абд-ар-Рашиду наследовал на престоле Кашгарии его сын Абд-аль-Керим, который умер около 1591 года [3]). Его преемником был его брат Мухаммед-хан, шестой сын Рашида, скончавшийся в 1609 году. Его то и застал иезуит Гоэс в Кашгаре. Что Уйгуристан уже должен был в то время входить в состав того царства, которое управлялось потомками Сеид-хана из Яркенда, это явствует не только из свидетельства Гоэса, но и из попыток наместников Чалыша и Турфана добиться самостоятельности. Относительно Чалыша это им не удалось, Турфан же остался за Абд-ар-Рахимом, младшим сыном Рашида, который вел затем удачную борьбу с Шуджа-ад-Дином Ахмедом, сыном Мухаммед-хана, закончившуюся присоединением к его владениям Чалыша и Кучи. Та же, однако, борьба вызвала полную анархию в стране и вмешательство в кашгарские дела казаков, киргизов и даже ойратов.

„Быт джунгарских родов, пишет проф. А. Позднеев [4]), за вторую половину XVII века представляет собою один из самых темных периодов в истории джунгарских поколений.

1538 году (см. *Бартольд*—„Очерк истории Семиречья“, стр. 89) в союзе с шейбанидскими узбеками (*Вельяминов-Зернов*, op. cit., II, стр. 331).

[1]) Тянь-шаньские киргизы вступили на историческое поприще впервые после интервала почти в шесть столетий в 1504 году, когда во главе их встал Халиль, брат Мансур-хана (*Бартольд*, op. cit., стр. 84).

[2]) По словам *Хайдер Рази* („Notices et extraits des manuscrits“, etc., XIV, стр. 511), Абд-аль-Латиф-султан правил городом Аксу и всем остальным (?) Могулистаном.

[3]) Этот год я вывел из следующих данных: преемник Абд-аль-Керима Мухаммед-хан умер в 1609—1610 г., царствовал же 18 лет (см. *Бартольд*—„Отчет о командировке в Туркестан“, стр. 238) и таким образом вступил на престол в 1591—1592 г.; в этом же году должен был скончаться и Абд-аль-Керим.

[4]) Письмо, прилож. к книге Н. Веселовского—„Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану Ивана Унковского“, стр. 239.

Причины этой темноты лежат, конечно, отчасти в сложности самой джунгарской жизни того времени, отчасти в незначительности наших сведений о ней". Мне кажется, однако, что темнота эта окутывает всю историю калмыков от самого момента возникновения дурбэн-ойратского союза до эпохи Амурсаны. Всего же менее известна нам история вторичного усиления калмыков, связанного с падением могущества ханов Могулистана.

После смерти Эсэня, последовавшей в 1454 году, ойраты всего только однажды, а именно в 1472 году [1]), проникли за р. Или. Засим мы слышим о них очень мало, хотя надо думать, что пограничные столкновения между ними и ханами Могулистана не прекращались до 1538 года, когда им нанесен был чувствительный удар ханом Мансуром. Лишившись надежды овладеть Южной Джунгарией, калмыки, теснимые, повидимому, с востока халхасцами, с одной стороны двинулись долиной Иртыша на северо-запад и там достигли рек Ишима и Тобола [2]), с другой устремились на юг, за Нань-шань, к Куку-нору.

Эти передвижения ойратов в поисках свободных земель особенно усилились в первой половине XVII века, когда к вызвавшей их причине присоединилась другая, а именно, во главе дурбэн-ойратов встал воинственный и энергичный потомок Эсэня, глава джунгарских улусов, Хутугайту Хара-хула [3]), предпринявший об'единение всех калмыцких племен под своею властью.

Властолюбивые замыслы Хара-хулы и его сына и наследника Батура-хун-тайчжи встретили упорное сопротивление со стороны родовичей, причем наименее податливые из них дол-

---

[1]) См. выше стр. 615.

[2]) Впрочем, так далеко на запад выдвинулись торгоуты лишь в начале XVII столетия.

[3]) Царствовал с конца XVI века до 1634 года (*Иакинф*—„Истор. обозр. Ойратов", etc., стр. 44; *Pallas*—„Samlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften", I, стр. 36, пишет однако: „In den Kindheitsjahren des Charachulla und also ohngefähr zu Anfang des 17-ten Jahrhunderts waren", etc. У *Günther Schulemann* — „Die Geschichte der Dalailamas", стр. 133, смерть Хара-хулы отнесена к 1633 году. *Howorth*— „History of the Mongols", I, стр. 614, отождествляет Хара-хулу с Батуром, что я считаю достаточным лишь отметить.

жны были уклониться в стороны наименьшего сопротивления, а именно, в сравнительно слабее заселенные Прииртышские степи и на Куку-нор [1]).

В числе отделившихся от дурбэн-ойратов были Хо-урлюк, глава торгоутов, и Турубайху Гуши-хан, князь хошоутов.

Торгоуты, ушедшие почти всей своей массой на запад, недолго оставались в Семипалатинских и Акмолинских степях [2]). Теснимые здесь казаками и джунгарами, они должны

---

[1]) О внутреннем состоянии ойратских кочевий этой эпохи дает нам верное понятие нижеследующее представление теленгутского князя русским властям, сделанное в 1608 году: Калмыков уже нельзя застать на прежних кочевьях; „они не токмо с алтын-ханом (урянхайцев) и казачьей ордой в войну вмешались, но и сами между собой в несогласии; некоторые же улусы от них отпали и никого не пропускают" (*И. Фишер*—„Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием", стр. 213; *Герард Миллер*—„Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел", etc., I, стр. 412—416). См. также письмо алтын-хана царю Михаилу Федоровичу, помещенное *Ф. И. Покровским* в его соч. „Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году" в „Изв. отделения русск. языка и словесности И. Акад. Наук", 1915, XIX, стр. 299. Положение некоторых отделов западных монголов вследствие внутренних смут и внешних войн было настолько тяжелым, что их главари решились искать защиты у русских царей. Под тем же 1608 годом значится прибытие в Москву к царю Василию Шуйскому послов от мунгальских (калмыцких) тайш—Баучина Девлета и Арлая в сопровождении литвина Богдана. Следствием сего посольства был царский указ сибирским воеводам, повелевавший калмыцким тайшам в знак подданства явиться к последним и представить дань лошадьми. Для об'явления этого указа были посланы к калмыкам казаки, но они возвратились, не выполнив предписания, так как у калмыков, как выше говорилось, была война не только с монголами и киргизами (казаками), но и между собой, почему отпавшие их улусы и не допустили русских казаков следовать далее (*Щелов*—„Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 г.г.", стр. 67).

[2]) *С. Ремезов* (цит. у *Г. Е. Катанаева*—„Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях" в „Зап. З.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1893, кн. XIV, вып. I, стр. 31) пишет, что после разбития Кольцовым-Масальским в 1591 году в Ишимской степи Кучума, последний „утече на *калмыцкой рубеж* Ишима и Нор-Ишима, Оми и Камышлова, между озер в крепкие места и ту живяше сокрытно и пакостяше русским и ясачным зельне по близу Тарскаго города"... Но сибирский летописец в данном случае опередил события, так как только в 1606 г.

были податься еще далее к западу и, перейдя в 1630 году [1]) через реку Яик, заняли левое Поволжье и Уральскую область до устья реки Эмбы. Что касается хошоутов, то с частью примкнувших к ним торгоутов они ушли за Нань-шань [2]).

тарский воевода Сила Гагарин впервые донес в Москву о появлении калмыков в Тарском уезде; с этого лишь года их улусы один за другим стали появляться на Оми, по Камышлову, на Ишиме и Тоболе.

[1]) Хо-урлюк прикочевал к Эмбе и Яику в 1628 году, к берегам Волги в 1630 году („Полн. собран. законов", XXIX, № 22,135, § 1). У *А. Позднеева*—„Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия" в „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1886, CCXLIV, март, стр. 146, говорится: „по свидетельству калмыцких историков, первое посольство для обозрения русских земель было послано Хо-урлюком в 1618 году, а до берегов Волги калмыки дошли приблизительно в 1630 или даже в 1632 году". См. также арх. *Гурий*—„Очерки по истор. распр. христ. среди монг. племен", I стр. 165.

[2]) Все русские исследователи истории калмыков, пишет *А. Позднеев*, op. cit., стр. 141, держались того мнения, что калмыки выселились в Россию (и за Нань-шань), дабы сохранить свою самостоятельность, которой угрожали властолюбивые стремления Хара-хулы и Батура-хун-тайчжи создать степную монархию под своею властью. Но это мнение (см. *Рычков*—„Оренбургская топография", 1763; *Лепехин*—„Дневные записки и путешествия 1762—1763 г.г."; *Georgi*—„Beschreibung aller Nationen des Russischen Reiches", 1776; *Pallas*—цит. выше соч.; *Bergmann*—„Nomadische Streifereien unter den Kalmuken", 1804; *Страхов*—„Нынешнее состояние калмыцкого народа", 1810; *Словцов*—„Историческое обозрение Сибири", изд. 2-е, 1886, стр. 31; *о. Иакинф*—„Историческое обозрение Ойратов или Калмыков с XV столетия до настоящего времени", 1834; проф. *Ал. Попов*—„Краткие замечания о приволжских калмыках" в „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1839, XXII, 2, стр. 17—18; *Нефедьев*—„Подробные сведения о волжских калмыках", 1834; *бар. Бюлер*—„Инородцы Астраханской губернии" в „Отечеств. Зап.", 1846; *Вечерков, о. Иаков (см. Лебедев*—„Материалы для истории калмыков" в „Изв. Об. Археол., Истор. и Этногр. при И. Казанск. Унив.", 1910—1911, XXVI, стр. 90), *Костенков*—„Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губ.", 1870; *Новолетов*—„Калмыки", 1884; *Е. Чонов*—„Калмыки в русской армии: XVII в., XVIII в. и 1812 год". Пятигорск, 1912, стр. 3—5, и др.) „не сходится ни с сказаниями восточных историков (?), ни вообще с духом жизни и быта кочевых народов (?). Известно, что все кочевники живут отдельными поколениями, и каждое из этих поколений управляется своим родоначальником. Не менее обычным фактом в истории востока является то, что кочевые поколения, действуя по одиночке, никогда не чувствуют себя настолько могущественными, чтобы начать какое-либо дело помимо простого набега и грабежа, а проявляют свою силу во вне только в том случае, если явится у них

Событие это, имевшее весьма большое значение для всей

предводитель, который соединит их мелкие поколения в единый союз. Это видим мы на истории монголов и маньчжуров; то же самое находим и у ойратов. Ойраты были ничтожны до тех пор, пока в половине XV века в среде их не появился предприимчивый и деятельный Эсэнь, Он соединил ойратские поколения в один союз, и под его главенством ойраты распространили свои завоевания до Великой стены Китая. Со смертью Эсэня этот короткий, но блистательный период жизни ойратов кончился: они снова раздробились на отдельные поколения, снова сделались бездеятельны и незначительны. Так прошло полтораста лет, пока в начале XVII века не явились у них новые предводители в лице Хара-хулы и преемника его Батура-хун-тайчжи, которые снова начали об'единять ойратские поколения. Это об'единение совершенно не было стремлением к единодержавию (?) и не походило ни на подчинение вассальных владений в Европе, ни на уничтожение уделов в России. По обычаям, свойственным всем вообще монгольским поколениям, образование ими союза и, следовательно, признание над собой главенства того или другого предводителя, не налогало никаких обязанностей на подчиняющихся. Этот глава не имел прав ни собирать дань с признавших его власть поколений, ни даже вмешиваться в дела их внутреннего управлениня; поколения видели в нем только своего предводителя, под верховным распоряжением которого они могли совершать свои набеги и обогащаться путем того или другого захвата. Союзы эти иногда ознаменовывали свое существование составлением общеобязательных постановлений; но издание этих постановлений не зависело от главы сейма (ибо он не имел законодательной власти), а бывало делом всеобщего соглашения, хотя и, несомненно, начинаемого по инициативе сеймового главы. В этих случаях все дело обусловливалось именно способностями самого предводителя: были у него способности административные, как у Батура-хун-тайчжи, — поколения скрепляли свой союз изданием гражданских постановлений; имел он исключительные таланты полководца, как Чингис-хан и Эсэнь,—они ознаменовывали себя одними войнами. В истории востока мы можем, наконец, найти немало примеров и тому, что поколения, составив между собой союз, значительно обогащались и широко раздвигали пределы своих владений, даже вовсе не ведя войн; в этих случаях становится очевидным, что составление союзов было важно для кочевников не потому только, что оно доставляло им силу физическую, но и потому, что оно ободряло их нравственно. Поколение, примкнувшее к союзу, могло уже свободно предпринимать движение в ту или другую сторону, ибо оно знало, что позади его стоят еще целые орды, готовые защищать его в случаях неудачи. Таковы заключения, выводимые нами из наблюдений над исторической жизнью кочевников и дающие нам совершенно иной взгляд на причины перехода калмыков в пределы России. В самом деле, просматривая современную этому переходу историю ойратов в Зюнгарии, мы находим, что едва только об'еди-

последующей истории Тибета, нужно отнести согласно дан-

нились ойратские поколения в союзе, составившемся по инициативе и под главенством Хара-хулы, как уже началось движение их в разные стороны. Одна часть, именно поколение хошоутов, двинулась к югу и постепенно дошла до Тянь-шаня, а потом перевалила через эти горы, овладела всем Куку-нором и раскинула свои кочевья вплоть до Тибетского нагорья. Другая часть двинулась отсюда к востоку, переправилась за р. Эцзинэ и расположилась по всей Алашани. Очевидно, точно таким же образом, направился к северу и Хо-урлюк с принадлежавшим ему поколением торгоутов и занял под свои кочевья свободные степи, которые Россия уже привыкла в это время считать своей собственностью". Уход торгоутов на запад и хошоутов на юг должен был-бы ослабить ойратский союз, между тем начало XVII века „и должно почитать за самый блестящий период усиления зюнгаров. Ойраты господствовали тогда над всем пространством от берегов Каспия на западе до Алашани на востоке и от Урала на север до пределов Индии к югу. Это могущество дало им возможность вслед за сим овладеть еще Восточным Туркестаном, а в конце XVII века распространить свои завоевания на всю Монголию, так что одно лишь заступничество маньчжуров избавило эту последнюю страну от совершенного порабощения ойратскому владычеству. Оказывается, таким образом, что время Хара-хулы и Батура-хун-тайчжи есть по преимуществу период силы ойратов. Эта сила была приобретена исключительно сознанием своего единства и полнейшей солидарностью между поколениями, входившими в состав союза. Несмотря на громадные пространства, разделявшие тогда ойратов, все они постоянно находились между собой в тесных родственных и политических связях, и ни один из них не думал отделяться от своего общего союза, равно как не думал об этом и Хо-урлюк, перекочевывая в пределы России. Все это могут подтвердить нам свидетельства как русских, так и восточных исторических сказаний. Соображая те и другие, мы должны выводить, что перекочевка Хо-урлюка с его калмыками в Россию совершалась с общего ведома, одобрения и согласия всех ойратских поколений, совершалась последовательно и довольно медленно. Калмыки дошли сначала к северу до Тобола, отсюда они распространились до Яика и, перевалив через Урал, очутились на берегах Волги".

В противоречии с вышеизложенным находятся, однако, приемы закрепления ханской власти, о которых мы узнаем от того же автора (стр. 149): „Аюка, приняв в свои руки власть над калмыцкими улусами, продолжал дело их об'единения. На втором же году правления он разбил своего двоюродного дядю Дугара, захватил его вместе с сыном его Цереном, оклеветал обоих в разных преступлениях против русского царя и, отправив их в Москву, сам завладел их улусами". Засим он „продолжал распространять свою власть и обессиливать прочих калмыцких владельцев". Не вяжутся также с вышеприведенными рассуждениями *А. Позднеева* и такие допущенные им фразы, как „не сдерживаемые суровою ханскою властью,

ным, содержащимся в китайских анналах и в других, заслу-

они (князья) могли свободно предаваться распрям и мятежу" (стр. 158). Раз была „суровая ханская власть", то был и элемент принуждения в ущерб суверенным правам родоправителей. История образования кочевых государств, вопреки мнению *А. Позднеева*, представляет многочисленные примеры полного обезличения родовых правителей, и если уж касаться империи Чингис-хана, то именно на ее примере мы видим в первой стадии ее образования борьбу монголов между собой ради ограждения племенной самостоятельности от властолюбивых замыслов Чингис-хана, ряд направленных против него коалиций и в заключение – об'единение, совершенное мечом и насилием. На таком фундаменте построилась неограниченная власть хана, сопровождавшаяся не только потерей родовыми правителями своих суверенных прав, но даже уничтожением самих племен как таковых, их распылением, утратой ими индивидуальных особенностей и образованием новых этнических групп и народностей, вверявшихся управлению лиц из царствующей династии и служилого сословия. „Юань-чао-ми-ши", стр. 61, влагает в уста Чингис-хана следующие слова, обращенные к племени унгира: „Вспомните наше старинное родство и покоритесь мне; если же не хотите покориться, то бейтесь". Таким путем, т. е. силой оружия и принуждения, создалась вся монархия Чингис-хана; на тот же путь становились и все другие степные властители Внутренней Азии, так как, создавая единство власти, не могли его избежать, и несомненно, что им следовали и Хара-хула и Батур-хун-тайчжи, об'единяя под своею властью ойратов, на что, между прочим, указывает и русская запись, приведенная выше в сноске. Засим, должен еще отметить, что ясных доказательств существования союзной связи между джунгарами с одной стороны и волжскими и кукунорскими калмыками с другой я в исторической литературе не встретил (совместное выступление хошоутов, джунгар и торгоутов по призыву далай-ламы Нагван-Лозан-чжяцо на защиту желтой веры я не могу считать доказательством существования такого союза, ибо такие совместные выступления были возможны и без того племенного союза, о котором здесь идет речь) и думаю, что в виду необ'ятных пространств, разделявших все три группы западных монголов, ее и в действительности быть не могло. Наконец, мне остается еще добавить, что, указывая на господство ойратского союза от берегов Каспия до Алашаня и от Урала до Индии, проф. *А. Позднеев* впал в явное преувеличение: на добрые $^2/_3$ этой территории ойраты никогда даже не посягали. И еще: что в другом своем сочинении („Образцы народной литературы монгольских племен", вып. I, 1880, стр. 143) он, повидимому, держался иного взгляда на тот же вопрос, ибо писал: „Мы знаем, что все знаменитейшие князья ölöтов всегда преследовали одну главную цель—об'единение ölöтских поколений; отсюда естественно вытекает и то, что свои заботы они одинаково простирали не только на свой родовой улус, но и на все поколения ölöтов", чего нельзя себе представить при условии сохранения этими последними полной внешней и внутренней автономии.

живающих не меньшего доверия, источниках к 1637—1638 годам [1]).

Тибет управлялся в это время двумя владыками: светская власть сосредоточивалась в руках дэси [2]) Цзанба, духовная — в руках далай-ламы и его первого министра (диба) Сангэ.

В 1643 году [3]) диба Сангэ, окончательно разоїї-

Если, относясь отрицательно к соображениям *А. М. Позднеева*, я тем на менее не счел возможным обойти их молчанием, то причина этому та, что они были высказаны известным ученым, притом, как он думает, согласно с „духом жизни и быта кочевых народов и сказаниями восточных авторов". Впрочем, на точке зрения *А. Позднеева* стоял отчасти и о. *Никиф*, op. cit., стр. 61—63, который в факте прибытия Гуши-хана и Хо-урлюка на курилтай в Западную Монголию для совместной выработки так называемого „Степного Уложения" (в 1640 г.) видел доказательство того, что оставление обоими князьями своих родных кочевий совершилось не под давлением джунгар. Мне кажется, однако, что с'езд князей, созванный Батуром-хунтайчжи для урегулирования как взаимных отношений, так и отношений к соседям — восточным монголам, ради чего на курилтай приглашены были и халхаские князья (см. *А. Позднеев* — „Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ", стр. 131), как раз свидетельствует об обратном, будучи вызван общим утомлением от непрекращавшихся распрей.

В заключение привожу выдержку из сочинения „Краткая история калмыцких ханов" на калмыцком языке, взятую мной у архим. *Гурия*, op. cit., стр. 163—164, и свидетельствующую о вынужденном уходе торгоутов на запад: „Торгоутский тайша Хо-Ёрлёк вследствие раздоров, возникших среди ойратов, ушел в далекую землю, *избегая уничтожения своих подданных*, и поселился возле народа чужой кости, справедливо подумав: если будем воевать с ними и брать добычу, это будет лучше, чем гибнуть в междоусобиях". То же подтверждает и „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 144, где читаем: „Когда Батур-хун-тайцзи, опираясь на свою силу, стал притеснять остальных ойратов, тогда Хо-урлэк, возмущенный этим, откочевал со своим родом в Россию и поселился на р. Эцзил (Волге)".

[1]) *Успенский*, op. cit., стр. 166; *Никиф*, op. cit., стр. 46. У *Günther Schulemann* — „Die Geschichte der Dalailamas", 1911, стр. 134, это событие отнесено к началу 1637 года или даже к 1636 году.

[2]) Собственно — губернатор, ближе же — регент, светский правитель Тибета. Повидимому, тибетский историк *Jigs-med nam-mk'a* (*G. Huth* — „Geschichte des Buddhismus in der Mongolei", стр. 52, 251) ошибочно называет его царем Тибета.

[3]) Этот год нельзя считать строго установленным. *W. Rockhill* — „The Dalai Lamas of Lhassa and their relations with the Manchu emperors of China, 1644—1908" в „T'oung Pao", series III, 1910, I, № 1, отд. отт., стр. 8, полагает, что наиболее вероятным периодом завоевания Тибета Гуши-ханом хошоутов должны считаться года 1641—1643.

дясь [1]) с дэси Цзанба, убедил далай-ламу просить помощи у Гуши-хана против сего последнего. Гуши-хан не замедлил отозваться на зов живого будды [2]), но раз утвердившись в Тибете, не пожелал уже возвращать захваченную так легко власть в руки честолюбивого министра и, оставив при далай-ламе и баньчэн-эрдени в качестве советников своих двух сыновей, обложил провинцию Кам податью в свою пользу [3]). Таким образом совершилось об'единение всех земель между Бэй-шанем [4]) и Гималаями, Батаном и Лехом под властью хошоутских князей, которые первое время пользовались особым расположением маньчжурского правительства, в особенности после существен-

---

[1]) На религиозной почве: дэси Цзанба был приверженцем дореформенного буддизма (секты красношапочников) и повел упорную войну против желтой веры (см. *Rockhill,* loc cit., *Huth,* loc. cit., *Günther Schulemann*—„Die Geschichte der Dalailamas", 1911, стр. 134—135).

[2]) Пятого далай-ламы Нагван Лозан-чжяцо.

M. Courant—„L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siècles", стр. 19, пишет, не указывая источника, из которого он почерпнул это известие, что Гуши-хан предпринял свой поход в Тибет в союзе с Батуром-хунтайчжи (alias Khara-koulla!) и Хо-урлюком, вступившим уже тогда, как известно, в пределы России. То же известие мы находим, впрочем, в цитированных выше сочинениях *Рокхилля* (без упоминания, однако, имени Хо-урлюка) и *Гюнтера Шулемана*. Но *Jigs-med nam-mk'a* (*Huth,* loc. cit.), рассказывая о поражении Beri-Khan'a, союзника дэси Цзанба, и завоевании Гуши-ханом Тибета, не говорит о помощи войсками, присланной последнему Батуром-хун-тайчжи и Хо-урлюком.

[3]) *От. Иларион* — „Очерк истории сношений Китая с Тибетом" в „Труд. член. росс. дух. миссии в Пекине", II, стр. 455.

[4]) Так названа мною горная страна между Тянь-шанем и Нань-шанем.

Хошоуты кочевали не только к югу от Нань-шаня, но и к северу от него (*Успенский*, op. cit., стр. 167). „В 1660 году, читаем мы у этого автора далее (стр. 169), внук Гуши-хана, Гуньбу, сделал покушение напасть на Гань-чжоу, желая выместить на яркендском посольстве обиды, причиненные яркендцами подвластным ему кочевникам. Гуньбу кочевал за проходом Цзя-юй-гуань, в соседстве с Хами, т. е. в Бэй-тане, так что джунгарские и магометанские послы из Туркестана неминуемо должны были проходить через его владения. Когда посольство пришло в Су-чжоу, Гунь-бу решился сделать нападение; но губернатор перевел посла для безопасности в Гань-чжоу; Гуньбу, собрав тысячу всадников, двинулся на Гань-чжоу, где уже все было подготовлено, чтобы дать ему отпор, почему он и должен был возвратиться".

ной помощи, оказанной ими маньчжурским войскам в деле усмирения восстания саларских магометан (в 1653 году). Гуши-хан скончался в 1654 году [1]), передав власть своему сыну Дапи-Батуру.

Между тем на севере после смерти Хара-хулы джунгарский престол занял не менее энергичный правитель Хотохоцзинь [2]), более известный под именем Батура-хун-тайчжи [1634—1663 г.г. [3])]. Преследуя ту же цель создания сильного государства, что и его отец, он в 1635 году вступил в борьбу с казаками, которую вел упорно, но с переменным успехом; тем не менее, к 1643 году он успел распространить свои владения на запад до р. Чу [4]). Он известен как хороший администратор, и та организация, которой он снаял свое государство, оказалась настолько прочной, что позволила последнему выдержать весь последующий смутный период без ущерба для его мощи.

Имя Батура-хун-тайчжи связано с актом особого значения, а именно монголо-ойратскими законами 1640 года.

Кто был если не автором их в целом, то инициатором их собрания и представления на окончательную редакцию и утверждение сейму князей?

На этот вопрос не существует прямого ответа.

Некоторые историки категорически называют творцом их Батура, вероятно, потому, что этому сильнейшему из калмыцких князей сейм обязан был своим осуществлением. Действительно, если принять во внимание, что этого дальновидного политика

---

[1]) *Сарат Чандра Дас*—„Путешествие в Тибет", 1904, стр. 227. *Günther Schulemann*—„Die Geschichte der Dalailamas", 1911, стр. 153, приводит также дату 1654 г., но замечает при этом: „nach anderen Angaben zog er sich damals nur von den Regierungsgeschäften zurück und starb erst 1656". Последнюю дату дает и *Rockhill*—„The Dalai Lamas of Lhasa and their relations with the Manchu Emperors of China, 1644—1908" в „T'oung Pao", series III, v. I, № 1, отд. отт., стр. 19.

[2]) У *Иакинфа*, op. cit., стр. 45, — Хоно-Хоцинь. Это—опечатка, так как у *de Mailla*, op. cit., XI, стр. 79, это имя транскрибировано правильно—Khotokhotsin.

[3]) У *Pallas*, op. cit., стр. 39, читаем: „Er (Baatur) starb um 1665".

[4]) *Аристов*, op. cit., стр. 45. Я не знаю, откуда этот автор почерпнул столь точное указание. У *Фишера* („Сибирская история", стр. 444—445) говорится только, что в 1635 году глава калмыков Батур-хун-тайчжи воевал

не могли не озабочивать как отлив народонаселения, ускользавшего из под его влияния, так и недовольство многих нойонов его притязаниями на гегемонию, в особенности в виду быстро возраставшего могущества маньчжуров, то нельзя не согласиться, что именно в его интересах было приблизить к себе монгольских и калмыцких владетелей и скрепить распадавшийся ойратский союз, что могло осуществиться только на сейме. Со своей стороны и князья не могли не отнестись к его призыву иначе, как с полным сочувствием, так как и для них судьба Чахарского ханства, сильнейшего из монгольских владений той эпохи, поглощенного Маньчжурской империей, осталась не безразличной. „Единение“ на короткий срок стало общим лозунгом монголов, и призыв на сейм отвечал вполне этому лозунгу.

Из текста законов 1640 года ясно видно то участие, которое принял в их составлении Батур: они в некоторых случаях или отражают его личные интересы или интересы ойратов в ущерб интересам восточных монголов. Так, например, мы видим, что нойоны Дайчин и Цюкер, родные его братья, поставлены в высшем против других князей ранге, что долги нойона Була-тайчжи, родного его деда, прощены, что халхасцы, перешедшие к ойратам во время смут в Халхе, оставлены за ойратами, ойраты же, бежавшие при таких же условиях в Халху, возвращены к их прежним владельцам и т. д.

Если же с'езд князей был в интересах Батура-хун-тайчжи, если его влияние в принятии сеймом законов отразилось столь сильно на их редакции, то естественно допустить, что и вся предварительная работа по их составлению не обошлась без деятельного его участия или даже, что он был их творцом, а сейм лишь послушным орудием в его умелых и сильных руках.

Законы 1640 года называют также „Уставом взысканий“ — титул вполне соответствующий их содержанию, так как в огром-

---

с туркестанским (казацким) ханом Ишимом и успел даже пленить его сына Джегангир-султана; в 1643 году Батур овладел лишь двумя казацкими родами: алат-киргизским и токманским. Если „токманский“ производить от Токмак, то *Аристов*, конечно, прав. См. *Вельяминов-Зернов*, op. cit., II, стр. 378. Следует, однако, иметь в виду, что казаки Большой орды и тянь-

ном большинстве своих статей они трактуют исключительно о взысканиях и штрафах за различного рода правонарушения, общественные и частные.

Анализируя сущность как этих, так и остальных постановлений Устава, приходим к заключению, что их содержание вполне определяется основными началами, присущими патриархально-родовой жизни всех вообще народов кочевого типа. Именно, в нем выдвинуты и подчеркиваются принципы родовой иерархии и связанного с последней подчинения младших старшим, а также военно-дружинная организация племени, развившаяся на почве военных столкновений с соседними племенами, частью в агрессивных целях, частью же в целях самообороны, и, наконец, первобытные, построенные на праве сильного, обычаи и порядки экономического и социального быта. Засим, в нем формулированы установления глубочайшей древности: месть, коллективная ответственность улусов и родов за убийство и материальный ущерб, целый ряд начал семейного быта, на которых основаны такие установления, как покупка невесты, цензура ее целомудрия, обязательные браки в целях поддержания рода и проч., и не менее древние судебные постановления: гопение следа, поклёп, т. е. обвинение лица, не схваченного на месте преступления, и т. д.; наконец, установления военно-дружинного строя, в особенности же подробно развитые правила: о распределении военной добычи, охоте, кочеванье, экспедициях против общего врага и т. под. Нельзя также не отметить, что он носил явно междусоюзный характер. Действительно, как это уже отмечалось, главная его задача заключалась в скреплении, а также нормировании внешних союзных отношений между монгольскими племенами ради великой общей политической цели —дать надлежащий отпор надвигавшейся на Монголию маньчжуро-китайской волне. Этой цели Устав не достиг, но как свод монгольских правовых постановлений он пережил распадение монгольско-ойратского

шаньские киргизы, если верить показанию *Томилко Петрова* тобольскому воеводе князю Куракину, должны были утратить свою самостоятельность уже в начале XVII столетия (см. *John F. Baddeley*—„Russia, Mongolia, China being some Record of the Relations between them from the beginning of the XVII-th Century to the Death of the Tzar Alexei Mikhailovich, A. D. 1602—1676“,

союза и это потому, что, не вторгаясь в область обычного права отдельных монгольских племен, вошедших в союз 1640 года, и оставляя внутренний быт этих племен неприкосновенным, он об'единил лишь те из обычаев, которые могли считаться общемонгольскими, и только им придал силу общепризнанного закона.

И все же и он скоро отстал от жизни. Это ясно видно из потребовавшихся к нему уже в конце XVII века дополнений, известных под названием „указов и повелений Галдана хунтайчжи", а засим из факта сравнительно быстрого его забвения как в Джунгарии, так и в Халхе.

Не останавливаясь засим более подробно на этом Уставе [1]), я закончу этот краткий его анализ замечанием, что его утверждение состоялось в то время, когда восточные и западные монголы, по словам одной калмыцкой летописи, „прекратив свою прежнюю взаимную вражду, соединили свои мысли", т. е. сознали общность своих интересов и необходимость единства действий. Политическое его значение вытекает также и из той клятвы, которою связали себя участники с'езда и в их числе Батур-хун-тайчжи, Хо-урлюк и некоторые другие властители, которые сильнее других нойонов повинны были в властолюбивых замыслах. Текст ее в близкой его передаче следующий: „Не будем вводить розни в среду монголов, не будем обращаться с людьми одной с нами крови так, как с рабами, хотя-бы

---

etc., London, 1919, vol. II, стр. 217). Родословная хана Ишима, брата и преемника упоминавшегося выше Тевеккеля (стр. 626), приведена у *Левшина* — „Опис. кирг.-казач. орд и степ.", II, стр. 217.

[1]) Отсылаю читателя к имеющейся литературе, главным образом к трудам: *Ф. И. Леонтовича* („К истории права русских инородцев. Древний Монголо-Калмыцкий или Ойратский Устав взысканий", 1879; „К истории права русских инородцев. Калмыцкое право" в „Зап. И. Новоросс. Универс.", 1880, XXIX, Прилож.) и *К. Ф. Голстунского* („Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы хана Дундук-Даши", 1880, СПб.). См. также *Н. Попов*—„Ф. Леонтович—„К истории права русских инородцев. Древний Монголо-Калмыцкий или Ойратский устав взысканий"", крит. заметка в „Журн. Мин. Народн. Просв.", 1879, CCV, стр. 302—318; *Бар. Ф. Бюлер*—„Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт" в „Отечеств. Записк.", 1846 (в части, помещенной в № 11, говорится, между прочим, и об уставе 1640 г.).

они обеднели и пошли к нам в услужение; не будем отдавать дочерей их в приданое; не будем отдавать их подвластному человеку иной кости; не будем проливать их крови". Клятва эта вызвана была притеснениями более сильных князей, которые подчиняли своему влиянию и власти обедневших нойонов, лишая их всякой самостоятельности в действиях и, таким образом, увеличивая за их счет свои силы; она не имела в виду так называемый „черный народ", а только „белую кость", тех лиц привиллегированного сословия, которые, поступая в услужение, т. е. в свиту князя, тем самым утрачивали все свои права, унаследованные по праву рождения, притом в такой мере, что переставали располагать как своей собственной судьбой, так и судьбой своих домочадцев. Подобное, вошедшее в обычай у западных монголов, отношение к обедневшим лицам владетельного сословия не могло, конечно, не создавать почвы для внутренних беспорядков, но что еще важнее—побуждало незначительных владельцев, которым грозила судьба идти в услужение, искать себе защитников в чуждой монголам среде соседних властителей и затем служить уже интересам последних часто в ущерб общему делу монголов. История показывает, что клятва эта была очень скоро забыта.

История не сохранила нам имени того, кто после Батура наследовал его власть над джунгарскими улусами [1]). Этот пробел очень важен, так как не дает нам возможности с уверенностью разобраться в событиях этой эпохи. Известно лишь, что среди джунгарских родовичей не замедлили возникнуть кровопролитные распри, в которых приняли участие и князья других калмыцких племен, в том числе хошоутский Цэцэн-хан [2]), и что эти распри длились около двух лет, так как только в 1665 году полу́чил первенство в союзе один из младших сыновей Батура-хун-тайчжи—Сэнгэ [3]). Во всяком случае, если последний и не добился положения общепризнанного

---

[1]) *А. Позднеев*—Письмо, приложенное к кн. *Н. Веселовского*—„Посольство к зюнг. х.-тайчжи Ц.-рабтану кап. Ив. Унковского", стр. 241 и след.

[2]) Сын Байбагус-хана и брат Аблай-хана, кочевавшего в долине р. Иртыша.

[3]) По одним источникам—второй, по другим—пятый и даже шестой из сыновей Батура.

главы всех калмыцких племен Джунгарии, то все-же успел к этому времени об'единить под своею властью те джунгарские поколения, которые входили в состав наследственного улуса его отца. Сэнгэ отличался предприимчивостью и простер свои набеги на север до Красноярска (в 1667 году) [1]).

Сэнгэ был убит своими старшими братьями Цзотба-батуром и Цэцэном-тайчжи в 1671 году [2]). Это убийство вызвало на сцену Галдана-бошокту [3]), единоутробного брата Сэнгэ.

Галдан, получив известие о случившемся, сложил с себя духовное звание, немедленно покинул Тибет [4]) и уже осенью того же года об'явился в своих родных кочевьях, в долине

---

[1]) *Pallas*, op. cit., стр. 40. При этом он разгромил и оставшийся без правителя улус урянхайского князя Лубсана-тайчжи, о чем, между прочим, упоминается в грамоте томскому воеводе кн. Кольцову-Масальскому от 6 марта 1680 года (*Иннокентий Кузнецов* — „Исторические акты XVII столетия", стр. 51—52): „Да он-же Алтын-хан бил челом нам, великому государю: в прошлых-де годах послано к нему нашего великого государя жалованье с посланцы его, с Лезаком с товарищи, и в Томском то наше великого государя жалованье задержано и к нему в улус не отослано для того, что он от калмыцкого Сенгитайши был разорен... А наше великого государя жалованье, что послано к нему в прошлом в 175 (т. е. в 1667) году и задержано в Томске, указали отослать к нему в улусы"... В статейном списке *Павла Кулвинского* (*John F. Baddeley*, op. cit., II, стр. 234) о разгроме владений Лубсана-тайчжи калмыками сообщаются следующие подробности: „Июня в 12-день Сенга тайша с мунгалской службы в свой улусъ приехалъ, а с собой Сенга привезъ мунгалскаго царя Лоджана (Лубсана-тайчжи), детей ево трехъ сыновъ, одинъ летъ 20, а другой 15, а третей летъ 10-ти, а сестру Лоджанову за себя взялъ, а самому Лоджану царю Сенга велелъ руку правую позавить отсечь и собачья мяса Лоджану велелъ в ротъ класть и отдалъ ево Лоджана с двемя женами онгонотцкому царю, да онъ же Сенга привезъ с собой мунгалского полону добрыхъ ближнихъ людеі и кыштымовъ съ женами и зъ детми тысечи зъ две..." К этому мы будем иметь еще случай вернуться в следующей главе.

[2]) *Pallas*, loc. cit., пишет: „в январе 1671 года". Ср. *А. Позднеев*, op. cit., стр. 247, который приходит к заключению, что убийство Сэнгэ должно было произойти осенью или же в начале зимы 1671 года.

[3]) Согласно „Илетхель шастир" (перев. *Владимирова*), дебтер 95—96, Галдан принял титул бошокту в 1676 году.

[4]) По другим известиям Галдан в 1671 году был в гостях у алашаньских хошоутов.

Черного Иртыша. Хотя первоначальная деятельность его в Джунгарии и не вполне нам известна, тем не менее, некоторые факты, которые нам сохранила история, позволяют думать, что, едва вступив на родную почву, он уже принялся за осуществление своих властолюбивых мечтаний. Так, еще в том же 1671 году он сумел привлечь на свою сторону Алдара-тайчжи [1]), а года два спустя и своего брата Даньджина хун-тайчжи [2]). Усилившись таким образом, он в 1673 году об'явил войну своему дяде Цохор-убаши [3]), но был им разбит и бежал в Ала-шань, к хошоутам. Несмотря на эту первую неудачу, он к 1675 году успел уже настолько оправиться, что с успехом отразил нападение Цохора-убаши; в следующем же году нанес Цэцэн-тайчжи ряд поражений в долине р. Или [4]) и тем до такой степени устрашил Цзотба-батура и Цзорикту-хотоци [5]), что те решились бежать на Куку-нор, где и присоединились к хошоутам под фамилией Чорос [6]).

В 1678 году Галдан перенес свое оружие за пределы Джунгарии. Он проник в Ала-шань и здесь нанес решительное поражение хошоутскому князю Очирту-Цэцэн-хану, которого настиг и убил, а аймак его рассеял [7]). Некоторые поколения хошоутов успели, однако, спастись бегством в пределы Китая, откуда они возвратились в покинутые кочевья в 1686 году [8]).

---

[1]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 247—248. Как приходился он Галдану — выяснить мне не удалось. О нем рассказывается, что, будучи послан в 1675 году Цэцэном-тайчжи против Галдана, он обратил свое оружие против союзников Цэцэна—Даньджина и торгоутского князя Гумбо, кочевавших по р.р. Урунгу, Чингилю и Булугуну, и покорил их.

[2]) Согласно родословной, приведенной у *Палласа*.

[3]) *А. Позднеев*—„Монгольская летопись Эрдэнийн эрихе", стр. 175.

[4]) *Унковский* („Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-рабтану", стр. 182—183) сообщает, что Цэцэн был захвачен в плен и убит Галданом после разгрома его армии между оз. Сайрам-нором (Зютьхолем, т. е. Сутколом; см. выше стр. 479) и перевалом Талки, что, повидимому, не верно. Ср. *А. Позднеев*—„К истории зюнгарских калмыков", там же, стр. 248.

[5]) Цзорикту-хотоци—один из сыновей Батура.

[6]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 131—132.

[7]) У *А. Позднеева*—„Монг. лет. Эрдэнийн эрихэ", стр. 175, событие это отнесено к 1676 году.

[8]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 116.

К этому же времени должны быть отнесены и завоевания Галдана в бассейне верхнего Енисея [1]).

В 1679 году [2]) Галдан овладел Восточным Туркестаном. Совершилось это событие при следующих условиях.

Шуджа а-Дин Ахмед [3]) был убит в 1615 году [4]). Его смерть не прекратила, однако, смут, волновавших страну в течение последних шести лет, так как против возведенного на престол Курейш-султана [5]) тотчас же восстал сын Шуджа ад-Дин Ахмеда, правитель Кашгара, Абд-аль-Латиф Апак-султан, который взял г. Яркенд и предал смерти Курейша. Вступив засим на престол, он был вынужден возобновить борьбу

---

[1]) *Унковский*—„Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-рабтану", стр. 183, сообщает, что после победы над Цэцэн-ханом Галдан подчинил своей власти „теленгутов и киргизов и, так умножи войска,... вскоре с мунгалами войну начал". Подтверждение этому известию находится в „Дополнениях к Актам Историческим", изд. И. Археол. Коммиссией, VIII, № 15, XII, где читаем, что в 1678 году Галдан повелел 1000 чел. „быть в киргизах в Алтырском улусе, а 1000—в иные киргизы в Алтысарский улус к князцу Арначку". То же событие, отнесенное неизвестно на основании каких данных к 1679 году, упоминается и *Щегловым* в „Хронолог. перечне важнейших данных из истор. Сиб. 1032—1882 г.г.", стр. 127.

[2]) *Иакинф*, op. cit., стр. 67; *Pallas*, op. cit., I, стр. 40—41, относит взятие Хами и Турфана к 1679 году, занятие же Кашгарии и г. Яркенда—к 1680 году; *Валиханов*—„Сочинения" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.", XXIX, стр. 111, и *Беллью*—„Кашмир и Кашгар", 1877, стр. 191,—к 1678 году; Биография Зая-Пандиты (рукоп. перев. с калм., хранящ. в Азиатск. Музее Академии Наук, III, 36 bis) взятие Яркенда к 1680 году; именно, в ней говорится: „в год овцы (1679) Бошокту-хан зимовал на Иртыше..., лето же проводил в Коко-гуя; в этом году он предпринял поход против яркендцев и покорил их". Кашгарская хронология (см. *Бартольд*—„Отчет о командировке в Туркестан", стр. 250)—к 1682 г. 1679—1680 года наиболее вероятны, что видно из следующего расчета: Абдаллах (о нем см. ниже) был изгнан из Яркенда в 1668 году; сменивший его Иолбарс царствовал всего только год, после чего престол занял Исмаил, при котором и состоялось занятие края калмыками; этот последний правил Кашгарией несколько более десяти лет. *Courant*—„L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siècles", стр. 51, обращает, однако, внимание на факт прибытия в 1681 году турфанского посольства в Пекин, что едва-ли могло иметь место, если-бы край этот уже в то время был занят джунгарами.

[3]) См. выше стр. 628.

[4]) По другим источникам в 1617 году (см. *Бартольд*, op. cit., стр. 243).

[5]) Он был сыном Юнус-султана, младшего сына Рашида.

с Абд-ар-Рахимом, который сумел привлечь на свою сторону казацкого хана Ишима. Этот союз не дал, однако, перевеса в силах Абд-ар-Рахиму, и борьба с переменным успехом длилась в течение нескольких лет. Города Бай и Аксу переходили из рук в руки, но все же остались за Апак-ханом так же, как и гор. Куча; что касается Чалыша, то он окончательно отошел к Турфану.

Апак-хан скончался в 1626—27 или в 1627—28 году, после чего престол перешел к его племяннику Султан-Ахмеду Пулад-хану; но этот последний был вскоре низложен своим братом Кылыч-ханом, правившим государством несколько более двух лет. После его смерти народ вновь призвал на ханство Пулада.

Между тем скончался и Абд-ар-Рахим-хан. Его преемник Абдаллах воспользовался смутами между потомками Мухаммед-хана и овладел Байем, Аксу и Кашгаром. Пулад-хан принужден был бежать из Яркенда, после чего столица государства в 1636 году [1]) открыла свои ворота победителю. Таким путем в Восточном Туркестане вновь восстановлено было единодержавие.

Первые годы правления Абдаллах-хана заполнены были столкновениями с киргизами, джунгарами, андижанцами, у которых он отнял-было город Ош, и, наконец, болорцами [2]). Эти внешние войны, которые распространили „славу Абдаллаха по всему миру“, пришлось, однако, вскоре прекратить, так как в самой семье Абдаллаха, отличавшегося излишней подозрительностью, стали возникать серьезные размолвки, завершившиеся изгнанием его из Яркенда в 1668 году его сыном Иолбарсом. Этот последний был, однако, в следующем году убит,

---

[1]) Согласно *Махмуду бен-Вели*; по другим источникам в 1638 году (см. *Бартольд*, op. cit., стр. 246).

[2]) *Мухаммед-Хайдер (Бартольд*—„Кафиристан в XVI веке“ в „Средн.-Азиатск. Вестн.“, 1896, июль, стр. 55) так определяет границы Болористана: на востоке—Кашгар и Яркенд, на севере—Бадахшан, на западе—Кабул и Ламган (Лагман) и на юге — Кашмир. Хотя в отношении стран света эти границы несколько и ошибочны, тем не менее Болористан определен ими вполне точно: он обнимал Кафиристан (Кяфиристан) и Читраль. Болоры—кафиры, правильнее—кяфиры. См. *М. Терентьев*—„Кто такие болоры?“ в „Среднеаз. Вестн.“, 1896, май, стр. 47 и след

и на престол вступил Исмаил, брат Абдаллаха. С ним в Яркенд прибыл и Апак-ходжа, сын ходжи Ишани-Каляна, которому суждено было впоследствии сыграть видную роль в судьбах Кашгарии.

XIV и XV столетия замечательны для среднеазиатского мусульманства появлением в его среде многих учителей, которые еще при своей жизни приобрели ореол святости. Города Самарканд и Бухара были в эту эпоху средоточием религиозной учености Востока, и развившийся там казуизм достиг, наконец, и Кашгара. Один из потомков Мухаммеда, происходивший в ближайшем колене от Имама Ризы, ходжа Махдуми-Аазам [1]), приобрел богословскую известность в Бухаре. По приезде в первой половине шестнадцатого столетия [2]) в г. Кашгар, он был встречен здесь народным уважением и получил от кашгарских ханов обширные земельные угодья. После его смерти его сыновья, ходжа Ишани-Калян и ходжа Исхак-Вали, были почтены таким же уважением и сделались религиозными патронами мусульман Восточного Туркестана. С этого времени ходжи стали пользоваться большим значением в этой стране, причем образовались две партии, отличавшиеся не столько существом учения, сколько характером и качествами лиц, стоявших во главе их. Последователи Ишани-Каляна стали называться Ишкия, а последователи Исхака-Вали—Исхакия;

---

[1]) Более подробные сведения об этом ходже и его потомках, поселившихся в Восточном Туркестане, можно найти у *Вельяминова-Зернова*, в его "Исследовании о Касимовских царях и царевичах" („Труды вост. отд. И. Археол. Общ.", XII, вып. I, прилож. 1, стр. 193 и след.), где приводится извлечение из „Тезкереи ходжаган", а также в „The History of the Khojas of Eastern Turkistan", summarised from the „Tazkira-i-khwa-jagan" of *Muhammad Sadiq Kashghari* by the late *R. B. Shaw*. Edited by N. Elias в „Journ. of the Asiat. Society of Bengal", 1897, LXVI, part I, supplement главн. обр. „Epitome of the memoirs of the Khojas", стр. 31—57.

[2]) *Григорьев* — „Вост. или Кит. Туркестан", стр. 355. *Наливкин*— „Краткая история Кокандского ханства", стр. 50, дает определенное указание: „Махдум-Азам был уроженцем Касана, жил по большей части в Самарканде и похоронен неподалеку от этого города, в Дахбиде, в 1542 г.". Из слов *Беллью* („Кашмир и Кашгар", 1877, стр. 190) можно вывести заключение, что это духовное лицо посетило Кашгарию между 1533 и 1542 годами. Тот-же автор, называя его Маулан-ходжа Касани, говорит, что Махдуми аль-Азим было лишь его почетным прозвищем.

впоследствии же первыми усвоено было название „белогорцев“, а последними—„черногорцев“ [1]).

Вскоре после зарождения этих партий проявилась и вражда между ними, сперва, конечно, лишь на религиозной почве, но затем, когда круг каждой партии значительно расширился, когда все население Алтышыра разделилось на два неприязненные лагеря, к религиозным распрям присоединились уже и стремления к политическому преобладанию.

Вероятно, в 1678 году Исмаил-хан, ревностный черногорец, принудил Апак-ходжу [2]), главу белогорской партии, человека, пользовавшегося большим влиянием среди кашгарского населения, покинуть отечество. Ходжа пробрался в Кашмир, оттуда в Тибет, представился далай-ламе и успел настолько расположить его в свою пользу, что тот отправил его к Галдану с письмом, в котором излагалась просьба помочь Апаку утвердиться в Кашгаре [3]). Галдан воспользовался случаем и вторгся в пределы Восточного Туркестана.

Он встретил в нем лишь слабое сопротивление, чему способствовали как нахождение в рядах его армии Апака ходжи, так, вероятно, и вынужденный переход на его сторону внуков Абд-ар-Рахим-хана [4]).

Их отец Сеид-Баба-хан после того, как Абдаллах овладел яркендским престолом, получил в удел г. Хами [5]), но затем смерть брата Абул-Мухаммеда отдала в его руки Турфан и

---

[1]) *Валиханов*, op. cit., стр. 110.

[2]) *Вельяминов-Зернов* пишет Афак.

[3]) *Валиханов*, op. cit., стр. 111; ср. *Бартольд*—„Отчет о командировке в Туркестан“, стр. 250. В „Тезкереи-ходжаган“ (*Вельяминов-Зернов*, op. cit., стр. 203) не говорится о далай-ламе, а соответственное место излагается так: „он пробрался в Китай, в место, называемое Джу, где застал брагманов; их он успел склонить на свою сторону, и те дали ему от себя к калмыцкому владельцу Бушуд-хану (Бошокту) грамоту, в которой приглашали его помочь ходже Афаку завоевать Яркенд и Кашгар“.

[4]) См. выше стр. 628.

[5]) Согласно „Истории Кашгарии“ неизвестного автора (*Бартольд*, op. cit., стр. 250—251), Сеид-Баба-хан, будучи еще только правителем Хами, предпринял поход против Китая и, напав на Хэ-си, взял города Су-чжоу и Гань-чжоу, после чего предполагал даже идти на Пекин, но события на родине (вторжение туда турфанцев) помешали осуществлению этого намерения. Я не нахожу в китайских анналах подтверждения этому факту.

Чалыш, в которых он утвердился, однако, не сразу [1]); тем не менее, последующее, более, чем двадцатилетнее [2]), правление его протекло, повидимому, при полном спокойствии в крае, и только уже после его смерти в нем вновь возникли смуты, вызванные его сыновьями, боровшимися за власть. Этот момент совпал с предпринятым Галданом походом на юг, за Тянь-шань.

Заняв Турфан и решив спор между братьями в пользу старшего из них, Абд-ар-Рашида, он двинулся затем на запад в сопровождении всех трех сыновей Сеида-Баба-хана, которые вели свои вспомогательные отряды. Впрочем, в этих контингентах войск Галдан едва-ли нуждался, так как, благодаря содействию сторонников Апака-ходжи, ни Кашгар, ни Яркенд не оказали джунгарам серьезного сопротивления [3]). Взяв последний, Галдан поручил его управление Рашиду, Апака оставил в Кашгаре, хана же Исмаила увел с собой в Джунгарию.

Эти распоряжнеия не внесли, однако, успокоения в умы населения Кашгарии. Апак-ходжа не замедлил поссориться с Абд-ар-Рашидом, вследствие чего оба были вытребованы к Галдану, и на престол вступил брат Рашида, Мухаммед-Эмин [4]). Но и этот последний недолго продержался против интриг Апака и погиб в вооруженном столкновении с его приверженцами, поспешившими вслед затем провозгласить ханом своего духовного главу.

Апак царствовал несколько более года и передал престол своему сыну Яхья, о насильственной смерти которого несколько месяцев спустя существуют две версии: по одной он был убит вдовой Апака-ходжи, желавшей предоставить престол своему

---

[1]) См. *Бартольд*, loc. cit.

[2]) Согласно кашгарской хронологии (*Бартольд*, loc. cit.), он правил Турфаном 25 лет; если, однако, считать годом вступления калмыцких войск в Турфан 1679-й, то менее 22 лет.

[3]) В „Тезкереи-ходжаган“ (*Вельяминов-Зернов*, op. cit., стр. 203) говорится однако: „Сын Исмаилов Бабак-султан выступил на встречу неприятелю, но был разбит и сам погиб на поле сражения“. Засим, когда калмыки выступили из Кашгара к югу „Исмаил вышел против них с сильным войском“, но проиграл сражение и бежал.

[4]) В „Тезкереи-ходжаган“ (op. cit., стр. 205) события эти излагаются несколько иначе.

сыну Мехди [1]), по другой—калмыками [2]). Как бы то ни было, освободившийся таким образом престол занял вновь член ранее царствовавшей династии, младший брат Абд-ар-Рашида, Мухаммед-Мумин, более известный под именем Ак-баш-хана.

Кашгар не пожелал, однако, подчиниться этому хану и поставил у себя правителем ходжу Ахмеда, одного из сыновей Яхья-ходжи. Тогда в противовес ему Мухаммед-Мумин вызвал в Яркенд ходжу Данияла, правнука ходжи Исхака, который во время господства Анака-ходжи в Кашгарии принужден был жить в Фергане.

Прибытие Данияла в Яркенд послужило сигналом к возобновлению борьбы между белогорцами и черногорцами, Кашгаром и Яркендом. Кашгарцы призвали на помощь кара-киргизов, яркендцы—казаков. В происшедшем столкновении кашгарцы и киргизы были разбиты, но яркендцы, не использовав своей победы, вернулись обратно; в результате же Мухаммед-Мумин должен был уступить свой престол казацкому султану Хашиму и бежать в Индию. Но и Хашим продержался в Яркенде недолго: восстание в этом городе заставило его вернуться в Семиречье и отдало всю власть в руки Данияла-ходжи.

Между тем кара-киргизы вновь вступили в Кашгарию, и на этот раз взяв г. Яркенд, поставили в нем ханом кашгарского правителя Султан-Ахмед-султана [3]). Тогда яркендцы обратились за помощью к Галдану [4]), который с вспомогательными войсками из Аксу и Кучи взял Кашгар и, поставив там правителем не хана, а указанное народом лицо с титулом хакимбека, не оставил и Данияла в Яркенде. Оба ходжи должны

---

[1]) *Валиханов*, op. cit., стр. 112; „Тезкереи-ходжаган", op. cit., стр. 210.

[2]) *Бартольд*, op. cit., стр. 253.

[3]) Согласно „Тезкереи-ходжаган" (op. cit., стр. 216), лицо, так титуловавшееся, тождественно с Ахмедом-ходжей, о котором говорилось выше; едва-ли в этом тождестве можно, впрочем, сомневаться. Ср. *Валиханов*, op. cit., стр. 112.

[4]) События, приведшие калмыков в Кашгарию, излагаются в „Тезкереи-ходжаган" (op. cit., стр. 215) несколько иначе; именно, говорится лишь, что после нескольких лет благополучного управления страной Даниялом-ходжей, в нее неожиданно вторглись илийские калмыки, желавшие отомстить кашгарцам за поражение, нанесенное им несколько лет тому назад бывшим ханом Мухаммед-Амином (Эмином).

были разделить одинаковую участь и в роли почетных узников поселиться в Джунгарии [1]).

Пока все изложенное происходило в Алтышаре, Галдан продолжал свои завоевания на западе.

Еще в 1598 году казацкий хан Тевеккель, пользуясь беспорядками, сопровождавшими падение Шейбанидов в Мавераннагре, овладел городами Ташкентом и Туркестаном (Ессы) [2]) со всей окрестной страной. С тех пор эти города почти постоянно находились в руках казаков, так как Астраханская династия [3]), сменившая бухарских Шейбанидов, была не в силах вытеснить их из завоеванного ими края. Только после того, как на сцену выступили новые их враги в лице джунгар, казаки начали понемногу слабеть. Слабость эта и принудила их впоследствии, т. е. уже в XVIII столетии, покинуть сначала Ташкент, а потом и Туркестан (Ессы) с близь лежащими городами, и искать спасения в подданстве России [4]).

Выше указывалось, что уже Батур-хун-тайчжи отнял в 1643 году у киргиз-казаков Илийский бассейн до реки Чу [5]). Последовавшие затем среди ойратов смуты, о которых говорилось выше, приостановили дальнейшее их движение на запад, но оно стало неизбежным [6]) после того, как Галдан-

---

[1]) *Валиханов*, ibid.

[2]) И даже на короткое, впрочем, время Ферганой и Самаркандом (*Вельяминов-Зернов*, op. cit., II, стр. 348 и след.).

[3]) После завоевания русскими в 1554 году Астраханского ханства низложенный владетель Яр-Мухаммед бежал вместе с своим сыном Джаном в Бухару, где и нашел приют у Шейбанида Искендера, который выдал за Джана свою дочь. Родившийся от этого брака Баки-Мухаммед и положил начало Астраханской династии, известной также под именем Джанидской (см. *Лэн-Пуль*, op. cit., стр. 232). Баки-Мухаммед занял бухарский престол в 1599 году после смерти Шейбанида Абдаллаха II. Его преемники правили Бухарой, Самаркандом, Ферганой, Балхом и Бадахшаном в течение большей части XVII века, но затем могущество их стало постепенно падать: около 1700 года от их владений отделилась Фергана, где образовалось Кокандское ханство, в 1752—Балх и другие заречные владения; наконец, в 1785 году Мангыты (правившая до 1918 года династия) отняли у них и Бухару.

[4]) *Вельяминов-Зернов*, op. cit., II, стр. 382.

[5]) Стр. 637.

[6]) *Вельяминов-Зернов*, op. cit., II, стр. 380—381.

бошокту вновь об'единил под своею властью большинство калмыцких родов [1]).

В 1681 году Галдан-бошокту проник за р. Чу, прошел вдоль северного подгорья Западного Тянь-шаня и осадил г. Сайрам, но не мог его взять. В 1683 году он отправил к нему новое войско, которое, однако, едва-ли имело бо̀льший успех, хотя и захватило в плен двух казацких султанов. Осенью того же года он покорил тянь-шаньских кара-киргизов и проник в Фергану, где воевал в течение последующих двух лет, причем один из его отрядов доходил, повидимому, до р. Мургаба, на Памире, и даже до Сарыкола [2]). В том же 1685 году его полководцем Рабтаном был взят и разрушен Сайрам [3]).

В 1688 году Галдан впервые вступил в Халху [4]), чем и положил начало войнам, обессилившим оба отдела монголов и сделавшим их легкой добычей маньчжуров.

О ближайшем поводе и начале военных действий в Халхе в монгольской летописи „Эрдэнийн эрихэ“ говорится [5]): намереваясь овладеть Халхой, Галдан обольстил сына Цэнгуня [6]), Шара̀, и предложил ему повоевать Чихунь-дорчжи-хана [7]), вследствие чего Шара̀ отправился на соединение с Галданом в уроч. Гурбан хэгэрь. Так как за Шара̀ последовали и его родственники, тайчжи Дэкдэхэй, Цзотба и другие, то Чихунь-дорчжи-хан рассердился и, погнавшись за Шара̀, Дэкдэхэй и прочими, схватил их и предал смерти.

---

[1]) *Аристов*—„Заметки об этнич. сост. тюркск. плем. и нар.“, стр. 45, пишет, что калмыки уже в 1652—1658 годах утвердились на Таласе, но не указывает источника, откуда он заимствовал это сведение.

[2]) В долине Ак-байтал мне указывали место, служившее сборным пунктом для калмыцких отрядов. Вообще о калмыках еще не забыли на Памире.

[3]) *А. Позднеев*—„К истории зюнгарских калмыков“, прил. к кн. „Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-рабтану И. Унковского“, стр. 249—250. См. *de Mailla*, op. cit., XI, стр. 284—285, где говорится о взятии кроме того войсками Галдана Самарканда и Бухары. Тоже повторяет и *Günther Schulemann*—„Die Geschichte der Dalailamas“, 1911, стр. 157.

[4]) С завоевательными целями; о предшедших же набегах его на Халху будет говориться ниже.

[5]) Стр. 63.

[6]) Дзасакту-хана.

[7]) Тушету-хана.

Галдан в своем письме к императору Кан-си также писал, что повод к войне подал Чихунь-дорчжи, который первым нарушил прежние дружеские отношения, существовавшие между братскими народами, и убил ни в чем неповинных данников (?) джунгарских властителей [1]).

Неудовольствия между обоими правителями имели, однако, более давнее происхождение и восходили к тому времени, когда Галдан был еще занят об'единением под своею властью западных монголов. Чихунь-дорчжи вступился за своего родственника Очирту-Цэцэн-хана [2]) и как в 1678 году, так и в следующем, предпринимал, хотя и с небольшими силами, набеги на пределы джунгарских владений. Независимо от сего, разлад между Галданом и халхаскими правителями должно было внести и дело хотохойтского князя Лубсана-тайчжи [3]), который, бу-

---

[1]) *А. Позднеев*—„Монг. летоп. Эрдэнийн-эрихэ", стр. 205. У *Никифа*, op. cit.. стр. 68—70, приводится другой повод к войнам Галдана в Монголии. Вот, что он пишет: „В сие время возник в Халхе между Тушету-ханом и Чжасакту-ханом спор по разделу земель. Галдан принял сторону последнего как слабейшего и обиженного. Китайский двор обязанностью считал защитить Тушету-хана, как добровольно ему поддавшегося (?); почему, желая достигнуть своей цели побочными путями, в 1684 году предложил далай-ламе употребить свое посредничество к примирению враждующих сторон... Далай-лама уверил пекинский кабинет, что он обязанностью почитает стараться о примирении враждующих ханов и на сей конец уже отправил в Халху своего посланника... Для совещания назначен был конгресс в Халхе, куда в 1687 году с'ехались три хутухты: один посланником от далай-ламы, другой посланником от Галдана, третий был ургинский Чжэбцзун-дамба, родной брат Тушету-хана. Последний хотя на конгрессе был в качестве хозяина, но в заседании занял место выше Галданова посланника, который счел сие умышленным оскорблением и отказался от совещаний. Таким образом, конгресс вместо примирения ссорящихся кончился новою ссорою; а сего только и ожидал Галдан, чтоб иметь какой-нибудь предлог к вооруженному посредничеству".

[2]) См. выше стр. 643.

[3]) Хотохойты, как замечено было выше (стр. 604), жили смешанно с урянхайцами, занимая поросшую лесом горную область от вершин Тэса до Селенги. Как образом жизни, так и характером, угрюмым и диким, они мало напоминали халхасцев. Их главным источником существования была охота, а не скотоводство. Лес был их родной стихией, и в нем они находили приют и надежную защиту после частых грабительских набегов на ближайшие кочевья халхасцев. Вместе с урянхайцами они отошли в удел седьмому сыну Гэрэсэнцзэ—Саму-буйме, иначе Отхон-нояну, а засим их

дучи изгнан в 1662 году из своих владений соединенными силами халхаских князей, искал сначала защиты у русских властей, а засим признал себя вассалом Галдана. Благодаря поддержке последнего, он был в 1682 году восстановлен в своих правах, но, не доверившись искренности своего сюзерена дзасакту-хана Цэнгуня, занял по отношению к нему явно оборонительное положение. Тогда Цэнгунь решил покарать мятежного вассала и выслал против него значительный отряд войск под начальством своего сына Шарà. Лубсану и на этот раз удалось спастись бегством к ойратам, но его семья и имущество попали в руки победителя. Дело этим, однако, не кончилось, так как Галдан счел себя оскорбленным самоуправным поступком Цэнгуня и, не получив должного удовлетворения, направил в Халху несколько карательных экспедиций [1]). По этому поводу в бурятских летописях говорится [2]), что уже в 1683 году войска Галдана-бошокту вторглись в Халху, и что Ашабагатские тайчжи, кочевавшие тогда между Алтаин-нуру и Хангаем, пытавшиеся было, но неудачно, отразить два корпуса этих войск, вынуждены были бежать в Россию, границу которой и перешли в 1684 году. Эти факты свидетельствуют, что к концу восьмидесятых годов XVII столетия отношения между халхаскими князьями и Галданом были уже весьма обостренными; если же Галдан и воздерживался от немедленного

земли составили северную часть Дзасакту-хановского аймака, но каковы были их отношения к центральной власти, видно из следующих слов китайского летописца: если была у них нужда и требовалась материальная помощь, то они являлись верными слугами и защитниками своего сюзерена, в противном случае грабили его самого (*А. Позднеев*, op. cit., стр. 168). Эринчин, известный под именем Лубсан-тайчжи, был одним из наиболее своевольных хотохойтских правителей и, будучи признан маньчжурами в 1655 году одним из восьми цзасаков, т. е. главных правителей Халхи, тал держать себя крайне заносчиво. В 1662 году он вмешался в спор о престолонаследии в Дзасатку-хановском аймаке и, напав на ханскую ставку, убил избранного уже на престел Ваншука. Это убийство окончательно восстановило против него халхаских князей, которые и вынудили его бежать к ойратам. Это тот мунгальский Алтын-Лоджан-хан, который числился русским подданным. К нему нам предстоит еще возвратиться. Он вел свой род от Саму-буйма, сына Гэрэсэнцзэ, и был сыном Омбо-эрдэни.

[1]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 181.

[2]) *А. Позднеев*, ibid.

осуществления своих агрессивных замыслов, то это могло зависеть от той позиции в спорных вопросах Халхи, которую занял император Кан-си, прилагавший не мало стараний к тому, чтобы добиться мирного разрешения возникавших конфликтов как между хошунными правителями Восточной Монголии, так и между этими последними и Галданом. Одним из таких конфликтов, порожденным давним спором о возвращении тушету-ханом дзасакту-хану бежавших от последнего его данников со всем их имуществом, воспользовался и Галдан, склонив дзасакту-хана Шарà перейти на его сторону, дабы совместно „повоевать Чихунь-дорчжи-хана“, как о том повествует летопись „Эрдэнийн эрихэ“. Союз этот предупрежден был Чихунь-дорчжи, но это и заставило Галдана приступить к давно уже им подготовленным военным действиям [1]).

Начало их было, однако, для него неудачно, так как посланный им весной 1688 года отряд под начальством Дорчжи-чжаба был на голову разбит Чихунем-дорчжи. Тогда Галдан стал лично во главе своих войск. С 30.000 армией он перешел через Хангайские горы, и, не встречая нигде серьезного сопротивления, достиг р. Керулюна. При одном лишь слухе об его приближении халхасцы, бросая на произвол судьбы свое достояние, бежали на юг, ища защиты у маньчжуров [2]). Паника и анархия, охватившие Халху, поставили в самое затруднительное положение энергичного Чихуня-дорчжи, который только с трудом мог сосредоточить в долине р. Байдарика [3]) сравнительно небольшие силы халхасцев своего и Сайн-ноинновского [4])

---

[1]) Еще в 1685 году, чтобы быть ближе к Халхе, он перенес свою ставку из долины р. Или к Алтайским горам, дорбётам-же предписал продвинуться еще далее к востоку, до низовий р. Кобдо, где и завести пашни, дабы иметь наготове достаточное количество провианта для будущей армии (*А. Позднеев*, op. cit., стр. 188); засим, он послал в Халху в большом числе своих эмиссаров, дабы сеять там смуту (*А. Позднеев*, op. cit., стр. 189) и т. д.

[2]) Только немногие из них искали спасения в бегстве на север, к границам и в пределы России (см. *А. Позднеев*, op. cit., стр. 193); еще менее халхасцев успело добраться до Куку-нора (см. *В. Успенский*—„Страна Кукэ-нор или Цин-хай“, стр. 172).

[3]) См. т. I, стр. 383, сноска 6.

[4]) Это выражение не вполне точно, так как Сайн-ноин'овский аймак, как таковый, выделен был из состава земель Тушету-хан'овского аймака

аймаков. Тем не менее, это обстоятельство побудило Галдана не только остановить дальнейшее наступление своей армии, но и повернуть от Керулюна назад. Оба войска сошлись близь озера Ологой [1]), где и произошло генеральное сражение, длившееся три дня и решившее судьбу Халхи окончательно. Чихунь-дорчжи был разбит, бежал к сунитской границе и, собрав здесь сейм князей, об'явил, что дальнейшее самостоятельное существование Халхи невозможно, а потому ей остается только вступить в чье-либо подданство: России или Китая. Большинство сейма, следуя за своим председателем Чжэбцзун-дамба-хутухтой [2]), склонилось на сторону последней державы, и осенью 1688 года главная масса халхаских правителей присягнула маньчжурам.

Более деятельное вмешательство последних в монгольские дела стало с этой поры неизбежным; тем не менее, император Кан-си медлил приступить к решительным действиям, и только тогда уже, когда все средства к мирному улажению монгольско-ойратской распри были исчерпаны, он отдал, наконец, приказ маньчжурским войскам выступить за границу.

лишь в 1724 году; но титул сайн-ноин существовал с конца XVI в., когда он впервые пожалован был далай-ламой Тумэнкиню, сыну Нунуху и внуку Гэрэсенцзэ. Здесь говорится о той части Халхи, которая впоследствии вошла в состав Сайн-ноин'овского аймака, а в 1688 году находилась в управлении князя, носившего этот титул.

[1]) *А. Позднеев* — „Монголия и монголы", I, стр. 209—210 и 498—499. В „Материалах для истории Халхи", прил. к летописи „Эрдэнийн-эрихэ", стр. 198, тот же автор пишет, что когда Галдан достиг р. Толы, то Чихунь-дорчжи преградил ему дальнейший путь, но в происшедшем при оз. Улугай кровопролитном и упорном бою был разбит и бежал на юг, к сунитской границе. Я принял вторую версию как позднейшую.

[2]) В пояснениях к „Мэн-гу-ю-му-цзи," стр. 329, приводится следующая речь, будто-бы, по этому поводу сказанная хутухтой: „Русские не исповедуют буддийской религии; их обычаи, язык и одежда не сходны с нашими, и потому вступление в подданство России не есть план, обещающий продолжительное спокойствие. Лучше со всеми аймаками вступить в подданство Китая, под властью которого мы можем снискать вечное счастье". Следует, однако, заметить, что свое решение поддаться маньчжурам хутухта принял, повидимому, не без колебаний, так как одновременно он отправил послов и к Головину; но послы эти опоздали своим возвращением (см. *Бантыш-Каменский* — „Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год", 1882, стр. 59).

Первое столкновение маньчжуров с джунгарами закончилось не в их пользу. Их полководец Аранай, имевший в своем распоряжении, главным образом, сборные отряды восточных монголов, был разбит на голову, последствием чего было вторжение галдановских войск в кочевья внутренних монголов. Почти не встречая сопротивления, Галдан дошел до уроч. Улан-бутун, находящегося всего лишь в 700 ли расстояния от Пекина [1]). Но здесь он столкнулся с главными силами маньчжуров, которые и нанесли ему жестокое поражение (в 1690 году). Джунгары бежали. Китайский летописец говорит, что „Галдан бежал на север Шамо как безумный". Оно, повидимому, так и было. Галдан бежал, не зная ни дня, ни ночи; он потерял почти всех своих верблюдов, весь свой обоз; умерших дорогой от голода и изнеможения было такое множество, что когда он, наконец, прибыл к р. Кобдо, от его многочисленной армии едва осталось несколько тысяч воинов [2]).

Это поражение хотя и не заставило Галдана расстаться с мечтою о покорении Халхи, тем не менее было столь полно, что ему понадобилось не менее четырех лет, чтобы уврачевать раны и собрать достаточно сильную армию для нового нападения на своих восточных соседей.

Летом 1695 года он переправился через реку Орхон и быстрыми переходами направился в долину Керулюна; на этот раз он не посмел, однако, приблизиться к границам Китайской империи и, ограбив цэцэн-хан'овцев, вернулся обратно.

Кан-си решился выступить против джунгаров лишь в следующем году. Лично предводительствуя средним корпусом маньчжурских войск, он встретился с Галданом на берегах р. Керулюна; но Галдан не осмелился дать здесь сражение императорской армии и отступил к р. Толе, где, однако, неожиданно для себя столкнулся с западной армией маньчжуров, которая, преодолев чрезвычайные трудности и потеряв при этом около половины лошадей, только что прибыла сюда из Нин-ся [3]). Тем не менее маньчжуры одержали настолько пол-

---

[1]) *А. Позднеев* — „Монг. лет. Эрдэнийн эрихэ", стр. 215.

[2]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 218.

[3]) Битва произошла в уроч. Цзу-модо, находящемся к востоку от г. Урги и к северу от р. Толы. По словам китайцев, это урочище служило издавна местом кровавых столкновений. Здесь, будто-бы, разбил и минский

ную победу, что Галдан бежал с поля битвы всего лишь во главе нескольких десятков всадников [1]). Почти одновременно другая армия Галдана под начальством его полководца Арабтана была на голову разбита хотохойтским князем Гэндуном [2]).

Но все эти неудачи не сломили упорства Галдана, который, будучи доведен даже до такой крайности, при которой главной заботой являлся уже вопрос о дневном пропитании [3]),

---

император Юн-ло Аруктая (*А. Позднеев*, op. cit., стр. 249). Но это едва-ли не ошибка, ибо р. Тола, за которой укрылся Аруктай, могла быть только притоком Нонни, а не Орхона (см. выше стр. 580). *Никитф*, op. cit., стр. 84, помещает это уроч. к северо-востоку от современной Урги. *Леонтиев*— „Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами", стр. 51, который „выписал" сообщаемые известия из китайской истории, пишет, однако, что „местечко Джемодо", где потерпел поражение Галдан, находилось „у реки Керулуна", а не Толы. Интересное описание как похода маньчжурских войск через пустыню, так и битвы при Цзу-модо содержится в реляции ти-ду *Инь-хуа-сина*, приведенной *А. Поздневым* в прилож. II к цитир. выше труду.

[1]) Эти победы маньчжуров об'ясняются, главным образом, превосходством их вооружения. У джунгар почти вовсе не было тогда ружей, маньчжуры же располагали даже артиллерией. Впрочем, в битве в уроч. Цзу-модо и силы противников были далеко не равны. Китайцы пишут, замечает *Никитф*, op. cit., стр. 84, что Галдан имел здесь всего лишь 10.000 войска, тогда как в обоих корпусах маньчжурской армии насчитывалось 35.000 солдат. Галдан был разбит, попав в засаду, причем потерял здесь убитыми 2.000 чел. и лишь 100 чел. пленными.

[2]) После вторичного бегства Лубсан-тайчжи к ойратам (см. выше стр. 653) хотохойты оставались без правителя до 1685 года, когда на сейме в уроч. Хурѣнь-бэльчир (на карте *d'Anville*—„Nouv. atlas de la Chine", VIII feuille de la Tartarie Chinoise, это название—„Kouren pertchil" дается реке системы Байдарика) в это звание возведен был тайчжи Гэндун-дайчин. В борьбе с Галданом он оказал маньчжурам большие услуги, хотя присягнул Кан-си и позднее других халхаских цзасаков (в 1693 году). Он умер в 1696 году, передав управление хошуном своему сыну Сончжин-Сэнгэ. Что касается Лубсан-тайчжи, то дальнейшая его судьба была следующей: вернувшись в 1682 году в ставку Галдана, он оставался при последнем недолго и бежал в Тибет под защиту далай-ламы; но засим решил передаться маньчжурам, явился в Пекин в 1692 году и здесь был зачислен в свиту императора с титулом фу-го-гуна; он умер в 1696 году (в 1697?) на пути в Монголию, в составе той армии, которая направлена была против Галдана („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 112).

[3]) Он даже вынужден был откомандировать своего сына Сэбтэн-балчжура в Хами для сбора провианта, но эта экспедиция оказалась столь же неудачной, как и все его начинания последнего времени.

не соглашался склонить свою голову перед могущественным маньчжурским монархом, делавшим ему с этою целью самые лестные предложения. Это вынудило Кан-си отправить против него в 1697 году новую армию [1]). Галдан не дождался, однако, ее подхода к Хангайским горам и, как говорят, отравился [2]).

---

[1]) Император Кан-си велел поставить в Куку-хото два каменописных памятника, в которых о своих войнах с Галданом говорит следующее: „Обстоятельства, при которых выходил я с войсками за Великую стену, следующие: когда халхасцы и ölёты, рассорившись, начали между собой войну, я не был в силах смотреть, как уничтожаются массы народа, и послал к ним посла, приказав прекратить войну. Но Галдан, преследуя халхасцев, переступил линию моих караулов и двигался, причиняя беспокойство в хошунах Уржумуцин и др. Элбэк-цинь-ван дал сражение в уроч. Улан-бутун и на голову разбил Галдана. После того, когда Галдан дал клятву перед кумиром будды, что он ни в каком случае вновь не поднимет оружия, я тотчас же возвратил войска многих дорог. Впоследствии, однако, Галдан нарушил свою клятву и отправился на свидание с Намчжал-тоином к р. Хэрулэну. В силу таких обстоятельств я в год красной мыши (1696 г.) собрал крупные силы, выступил за Великую стену и во главе войска пошел по средней дороге. Когда мы достигли р. Хэрулэна, то ölёты подожгли припасы своей многочисленной армии и бежали. Нарочито отправленные мною по западной дороге войска встретили их в уроч. Цзун-модон и разбили их на голову. Дамба, Хашига и другие, собрав свой народ, приняли подданство, Галдан же бежал. Зимой я, вновь собрав войска, отправился в Ордос и потребовал покорности. Подданные Галдана один за другим покорились; но Галдан не подчинился; поэтому я в год красноватой коровы, собрав еще раз войска, двинулся в горы Лань-цзюй-сюй-шань. Когда засим я отправил по разным направлениям части этих войск и офицеров, Галдан, будучи доведен до крайности, умер. Жена, дети и подчиненные его все вошли затем в подданство“ (*А. Позднеев*—„Монголия и монголы“, II, стр. 61—62).

[2]) *Pallas*, op. cit., I, стр. 41; *Иакинф*—„Историческое обозрение Ойратов или Калмыков“, стр. 87; *А. Позднеев*, op. cit., стр. 257; *Унковский*—„Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-рабтану, стр. 186; *Ковалевский*—„Правление Кан-си“ в „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1839, XXII, 2, стр. 90; *Инь-хуа-син*, loc. cit.; „Relation de la Boucharie“ (реляция шведского офицера), прилож. к атласу *d'Anville*, стр. 11. Следует, однако, отметить, что лица, которым всего скорее надлежало-бы знать условия, при которых скончался Галдан, ни словом не упоминают о том, чтобы смерть эта последовала от самоотравления. Так, главнокомандующий маньчжурской армией писал императору Кан-си: „Le séssan Eleute Tsikir (ойратский зайсан Цигир), à qui je demandai ensuite quel avait été le genre de mort du Kaldan, me répondit: le Kaldan tomba malade le 13 de la troisième lune à la

Его сподвижник Даньцзила [1]) взял тогда его прах, жену и детей и с ними направился в становище Цэван-рабтана, но по пути туда изменил свое решение и задумал передаться маньчжурам. Осуществить это намерение ему, однако, не удалось, так как, будучи настигнут отрядом Цэван-рабтана, он должен был бросить все и искать спасения в бегстве. Таким образом, уже на долю Цэван-рабтана выпала обязанность представить Кан-си Галданов прах и его семью [2]). Тогда, говорит китайский летописец,

---

pointe du jour et mourut la nuit suivante: nous ne savons point de quelle maladie" (*de Mailla*, op. cit., стр. 279). Генерал Хонанта, командовавший *другим корпусом, расположенным в Хами, доносил в свою очередь*: „Le mahométan, porteur de la lettre de Tarhanbec, à qui je demandai de quelle maladie était mort le Kaldan: ce prince, repondit il, voyant que les peuples de Koentchar lui avaient manqué de parole, se livra aux accés de la plus noire mélancolie; il n'écouta plus que son désespoir et passa plusieurs jours sans qu'on pût le persuader de prendre de la nourriture. Il lui survint un violent mal de tête; au fort des douleurs il fit appeler Tantsila et le 13, sur le midi, il expira" (*de Mailla*, ibid., стр. 282). Наконец, китайский посол, которого известие о смерти Галдана застало в ставке Цэван-рабтана, рапортовал так: „Le Kaldan a été frappé d'une mort presque subite" (*de Mailla*, ibid., стр. 292).

[1]) Даньцзила был сыном Ончона, младшего брата Галдана.

[2]) У *А. Позднеева*, op. cit., стр. 257, читаем: „Даньцзила спешил представить ко двору его труп, его жену и его детей, но Цэван-рабтан напал на Даньцзилу у гор Алтайских и, отняв у него его драгоценные подарки (т. е. труп, жену и детей Галдана), представил их от себя императору". Но факт передачи Цэван-рабтаном императору Кан-си праха Галдана и членов его семьи получает совершенно иное освещение, если мы обратимся к подлинным документам, касающимся этого дела и опубликованным *de Moyriac de Mailla*, op. cit., XI, стр. 292—304.

На требование Кан-си выдать семью и останки Галдана Цэван-рабтан отвечал: „Quand à la fille de ce rebelle, ce n'est point l'usage des Eleutes d'étendre leur vengeance sur les filles de leurs ennemis; et les cendres du Kaldan, quand même on les remettrait entre les mains de l'empereur, ne pourraient rien ajouter au triomphe de Sa Majesté". Когда и на повторное требование, мотивированное необходимостью, согласно существующему в Китае обычаю, истребить весь род бунтовщика, Цэван-рабтан отвечал отказом, то ему было послано письмо, в котором император Кан-си, между прочим, писал: „Si vous refusez de le faire, non seulement vous perdrez dans mon esprit tout ce que vous avez fait ci-devant pour obtenir mon amitié, je vous interdirai encore toute communication avec la Chine et ne permettrai plus à aucun de vos sujets d'y venir faire le commerce". Но и эта угроза не имела желанного действия. Цэван-рабтан отвечал: „J'ai déjà fait entendre plus

все на восток от Алтая [1]) стало принадлежать империи, и пределы Халхи были отодвинуты на запад на тысячу ли. В Джунгарии же утвердился Цэван-рабтан.

Цэван-рабтан был сыном Сэнгэ. Убедившись, что Галдан ищет его смерти [2]), он в 1690 году бежал от него в Тур-

---

d'une fois aux envoyés de l'empereur, que, suivant la coutume de nous autres Eleutes, notre vengeance ne s'étend pas jusqu'aux os d'un ennemi mort, ni jusqu'à ses femmes et ses filles. Cependant comme je craindrais en refusant cette satisfaction à l'empereur, qu'il conçût quelque fâcheux soupçon contre moi, je remettrai ces tristes restes du Kaldan qu'il me demande. Pour ce qui est de Tchontsihaï, fille de ce malheureux han, outre qu'elle est ma cousine germaine, encore un coup, notre vengeance, à nous autres Eleutes, ne s'étend point aux personnes du sexe, et je prie l'empereur de ne point incister sur cet article". Но Кан-си оказался неумолимым, и Цэван-рабтан должен был исполнить его волю.

[1]) В 1703 году по распоряжению Кан-си дзасакту-хан'овцы, бежавшие на Куку-нор, были возвращены на север и поселены в Алтае, на урочищах, прилегающих к Черному Иртышу, и по р. Урунгу (см. *А. Позднеев*, op. cit., стр. 271).

[2]) *Pallas*, op. cit., I, стр. 42; *Иакинф*, op. cit., стр. 65; *А. Позднеев* — „К истории зюнгарских калмыков", стр. 252. Это наиболее распространенная версия причины разрыва между Цэван-рабтаном и его дядей Галданом. Мне сдается, однако, что распространителем этого слуха явился сам Цэван-рабтан, который таким путем хотел оправдать главную причину своей ссоры с дядей, коренившейся в его непомерном властолюбии. *Унковский* передает нам, что Цэван-рабтан был в отсутствии, когда Галдан решился устранить со своего пути обоих племянников. Как убил он Соном-рабтана—неизвестно. Одни говорят, что при помощи веревки, другие—яда, третьи, что он погиб после единоборства с подговоренным Галданом силачем. Как бы то ни было, об этом факте Цэван-рабтан узнает только по возвращении в ставку Галдана и после свидания с этим последним от какого-то ламы. Все это крайне неправдоподобно. Во всяком случае при соображении всех обстоятельств дела не следует упускать из вида, что помимо Соном-рабтана и Цэван-рабтана у Сэнгэ был еще третий сын—Данжим Умбу, на жизнь которого, насколько то нам известно, Галданом покушения сделано не было. У *de Mailla*, op. cit., XI, стр. 224, приведена другая причина ссоры Галдана с Цэваном-рабтаном: „La cause des démêlés de ce dernier (т. е. Цэван-рабтана) avec le Kaldan venait de ce que celui-ci avait enlevé à Tséouang-rabdan la princesse Hohaï, qui lui était promise en mariage. D'ailleurs, en 1688, le Kaldan, étant venu camper à Op, Sounomou-rabdan, frère de Tséouang-rabdan, qui l'accompagnait, mourut subitement. Tséouang-rabdan, qui soupçonna le Kaldan d'être l'auteur de sa mort, marcha contre lui à la tête de 5,000 hommes, le défit, et le poursuivit jusqu'au

фан [1]). В Турфане он собрал своих приверженцев, после чего,

---

pays de Pouctacrin-habitchar. Il répondit au Kaldan, qui lui envoya demander la cause de cette attaque imprévue, que c'était pour le punir de l'affront qu'il lui avait fait en enlevant la princesse Hohaï, et venger la mort de son frère. Après la défaite de son ennemi, Tséouang-rabdan entra dans ses états et enleva sa femme avec une partie de ses sujets; depuis ce temps leur inimitié s'était accrue au point qu'ils étaient devenus irréconciliables". Эти слова принадлежат ойратам, передавшимся маньчжурам. Эта же версия помещена и в „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 442, где, впрочем, не говорится о военном столкновении между Цэван-рабтаном и Галданом.

[1]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 252, полагает, что этот факт служит надежным доказательством тому, что Турфан ни в это, ни в предшествовавшее этому событию время не находился в зависимости от Галдана. Он подкрепляет свой вывод нижеследующими местами летописи „Ван-гун-сай илэтунь улабунь": „В 1646 г. турфанцы добровольно подчинились маньчжурам. В 1667 году Кан-си утвердил правителем Турфана Кумуда. В 1671 году этот Кумуда за преданность маньчжурскому делу был повышен в своем звании. В 1686 году он со своими турфанцами по повелению Кан-си охранял кочевья поддавшегося в ту пору маньчжурам Хороли".

Не говоря уже о том, что эти известия не укладываются в рамки того, что нам известно о судьбах Турфана в период времени с 1646 года по 1679 год (см. выше стр. 647), когда этим краем, согласно вышеизложенному, овладел Галдан, из их числа только последнее может иметь ближайшее отношение к затронутому *А. Позднеевым* вопросу; но совместить его с тем, что дает нам история Притяньшанья, тем менее возможно, что именно в это время Галдан был на верху своей славы и могущества; к тому же нам неизвестно, ни кто был этот Хороли, кочевья которого приходилось охранять Кумуде, ни кто из правителей Турфана был носителем этого имени. В самом же факте присоединения Турфана к владениям Галдана сомневаться нельзя как в виду вышеизложенного (стр. 647), так и в виду следующих свидетельств китайской истории.

„В 18 году царствования хана Кансия (в 1679 году) Галдан чинил приступ к Турфану" (*Леонтиев* — „Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами" (выписка из кит. ист.), 1777, стр. 7).

„В своей речи к высшим сановникам государства император Кан-си сказал: „Галдан был сильным противником. Отнятые им у мусульман города в числе 1200 и среди них Самарканд, Бухара, Сайрам, Яркенд, Кашгар, Турфан и Хами, а также захваченные им земли бурутов как нельзя лучше свидетельствуют об его военных талантах и храбрости его войск. Халха напрасно старалась противопоставить ему свои силы: в течение одного года он успел рассеять их и уничтожить (*de Mailla*, op. cit., XI, стр. 284—285).

воспользовавшись тем обстоятельством, что все силы Галдана

„На вопрос Цэван-рабтана, добровольно-ли он признал себя вассалом Китая, хамийский князь отвечал, что к этому склонил его император, который дал ему понять, что после поражения Галдана сюзеренные права последнего на Хами должны перейти к нему, победителю джунгаров" (*de Mailla*, op. cit., XI, стр. 269).

„Когда китайский посол в 1692 году прибыл в Хами, то в 5 ли от города его остановили (напали) джунгары" (*de Mailla*, op. cit., XI, стр. 165),

Считая, что вышеприведенными свидетельствами истории вполне устанавливается факт присоединения Галданом к своим владениям Хами и Турфана, я решаюсь далее утверждать, что тогда как Хамийское княжество уже в 1696 году отделилось от Джунгарии, Турфан не переставал и в последующее время нести иго калмыков (ср. *Klaproth*—„Abhandlung über die Uiguren", стр. 47—51). Заключаю я это из того факта, что Цэван-рабтан пред'явил хамийскому вану требование выслать в Турфан людей, принадлежавших к свите несчастного сына Галдана (см. выше, стр. 657), схваченного хамийцами и представленного Кан-си, которые противозаконно, будто-бы, были задержаны им в Хами в качестве пленных. См. также карту *Уиковского* и текст, стр. 191, где говорится: „войска китайские шли через пограничный город Камыл, который с Контайшею граничит к городу Турфану"; а также *А. Позднеев*, op. cit., стр. 259.

Что касается года бегства Цэван-рабтана в Турфан, то я остановился на 1690 году в виду следующих известий:

Передавшиеся маньчжурам ойраты донесли правительству богдохана, что Соном-рабтан скоропостижно скончался в 1688 году.

В 1690 году император Кан-си, который внимательно следил за событиями в Монголии, послал узнать у Цэван-рабтана, скитавшегося в изгнании, о причине ссоры его с дядей" (*Иакинф*, op. cit., стр. 73; *de Mailla*, op. cit., XI, стр. 153).

Первое посольство, отправленное Цэван-рабтаном в Китай, прибыло ко двору в 1691 году.

Между тем *А. Позднеев*, op. cit., стр. 251, пишет: „Я могу, как мне кажется, указать совершенно точно год бегства Цэван-рабтана из Зюнгарии. Я нашел его, читая изданный на маньчжурском языке дневник китайского посланника Боочжу, командированного к Цэван-рабтану в 1702 году. Боочжу влагает, между прочим, в уста Цэван-рабтана следующие слова: „после того как убежал я от Галдана в лето лошади"... Соображая все, как пред'идущие, так и последующие обстоятельства, мы находим, что Сэнгэ был убит, а Галдан возвратился из Тибета в Зюнгарию в год свиньи—1671; после этого года свиньи ближайшие годы лошади падают на 1678 и 1690 года. Но в 1690 году мы видим Цэван-рабтана уже сильным зюнгарским князем и следовательно бежать от Галдана он мог только в 1678 году". В другом своем исследовании („Монг. летоп. Эрдэнийн эрихэ", стр. 275) тот же автор, однако, писал: „после поражения

отвлечены были к востоку, перешел на Бороталу, где и укрепился [1]). После поражений, понесенных Галданом в Халхе, все земли к югу и западу от р. Иртыша перешли фактически под его управление, а засим по мере того, как Галдан утрачивал своих сторонников, его силы росли, так что к моменту кончины Галдана он явился естественным преемником его власти над джунгарскими поколениями [2]).

Войны Галдана совершенно истощили страну [3]). Но Цэван-рабтан не дал ей времени оправиться или не имел возможности этого сделать, так как, едва утвердившись на престоле, должен был выступить против казаков [4]). Чем окончился этот

Галдана при Улан-бутуне (в 8 луне 1690 г.) Цэван-рабтан *тайком вернулся* в Или, расположил свои кочевья на р. Боротале и *с помощью семи своих друзей* начал собирать своих рассеянных данников", что, казалось бы, вовсе не свидетельствовало о тогдашней „силе" Цэван-рабтана; да к тому же в 1678 году ему было всего лишь 13 лет, так как он родился в 1665 г. (*Pallas*, op. cit., I, стр. 42), *Унковский* же сообщает нам, что во время покушения Галдана на жизнь своих племянников все сыновья Сэнгэ „были уже в возрасте и в службе быть имели при дяде своем начальными людьми, паче же Цаган-Араптан и Солом-Араптан в службе счастие имели" (стр. 184).

[1]) Так как Цэван-рабтан пробыл в Турфане лишь короткое время, то понятна и ошибка *Унковского*, заставившего его бежать из галдановой ставки прямо на р. Бороталу. Впрочем, в ту же ошибку впали и китайцы („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 137).

[2]) Только этим обстоятельством и можно об'яснить то бедственное положение, в каком очутился Галдан после своего поражения на р. Толе, а также его бегство на северо-запад, а не на запад, в Тарбагатайские горы или на берега р. Или. Маньчжуры, покорив Галдана, овладели и всеми его землями. Ясно, что тогда они уже не простирались к западу от вершин Урунгу и Черного Иртыша и что там властвовал Цэван-рабтан.

[3]) *А. Позднеев*—„Монг. лет. Эрдэнийн эрихэ", стр. 275; *idem*—„К истории зюнгарских калмыков", стр. 262; *Иакинф*, op. cit., стр. 90.

[4]) В письме на имя Кан-си Цэван-рабтан писал в 1698 году (*Леонтиев*—„Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами", стр. 67—68): „1) что войну имеет он Раптан с Хазаками поневоле; 2) что прежде всего сын хана Хазацкого Текея (Тявки) был в полону у Галдана, и Галданом отослан к Далай-Ламѣ; 3) что потом Текей (Тявка) просил его Цэван Раптана о сыне своем, чтоб от Далай Ламы высвободил и к нему доставил, и что по прозбѣ сей он Цеван Раптан исполнил, и сына его к нему Текею (Тявке) отослал с 500 чело-

поход, в точности нам неизвестно [1]), хотя мы и имеем указание на то, что победителями остались джунгары [2]).

В 1702 или в начале 1703 года [3]) часть волжских торгоутов под предводительством Санджи-чжаба, третьего сына Аюки-

---

веками; но он в благодарность всех оных 500 человек перерубил, и еще по том убил моего, писал Цеван Раптан, князя, а князеву жену с детьми и с людьми, всего более ста кибиток, увез к себе; 4) что он Текей (Тявка) чинил нападение на Цеван Раптанова шурина, Аюки Ханова сына на дороге, который вез к нему Цеван Раптану в замужество сестру свою, и 5) что перехватил к себе несколько Российских купцов, кои от него Цеван Раптана следовали назад в Россию".

Этот хан Тявка был сыном Джегангир-султана и внуком Ишим-хана, сына Шигаева (см. *Левшин*—„Опис. кирг.-кайс. орд и степей", II, родосл. табл. I при стр. 62). Он почти всю свою жизнь провел в борьбе с ойратами, но успеха в ней, повидимому, не имел (*Вельяминов-Зернов*, op. cit., II, стр. 380—381). В 1718 году он одновременно с казацкими ханами, Каипом и Абул-хайром, прельщенный сибирским губернатором кн. М. П. Гагариным, присягнул на подданство России, но вскоре затем скончался. По словам *Левшина*, op. cit., II, стр. 63—64, при одном лишь имени его сердце киргиз-кайсака наполняется благоговением и признательностью, ибо он успокоил их после гибельных междоусобий, он остановил кровопролитие, длившееся несколько лет, он побудил силой своего ума и своей справедливостью повиноваться себе, он об'единил слабые роды и укротил сильные и дал всем законы, которые и до ныне (1832 г.) не пришли еще в забвение.

[1]) *Иакинф* — „Историческое обозрение Ойратов или Калмыков", стр, 90.

[2]) *De Mailla*, op. cit., XI, стр. 359; *А. Позднеев*—„К истории зюнг. калм.", стр. 257.

[3]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 256; *Pallas*, op. cit., I, стр. 69, событие это относит к началу 1704 года. См. также хранящуюся в Московском архиве Мин. Иностр. Дел „выписку из дел о Зенгорском народе и т. д.", лист (143) I, согласно которой событие это произошло в 1701 году. В указе коллегии иностранных дел 2 ноября 1749 г., № 412, „об отклонении сватовства Нурали-хана с зюнгорским владельцем" [*И. И. Крафт*— „Тургайский областной архив" („Описание архивных документов с 1731 по 1782 г., относящихся к управлению киргизами"), 1901, стр. 26, № 93] об этом событии говорится: „калмыцкий хан Аюка отдал дочь свою Сотерджава в замужество за зюнгорского владельца и сам женился на его родственнице Дарме-бале; вследствие этого сватовства сын Аюки, Санжип, в 1701 году увел в Зюнгарию 15.000 кибиток волжских калмыков, отчего зюнгарцы усилились, а калмыки стали приходить в бессилие; кроме того и ханша Дарма-бала старалась всех калмыков увести в Зюнгарию".

хана, бежала в Джунгарию [1]). Цэван-рабтан поспешил воспользоваться благоприятно слагавшимися для него обстоятельствами и, выслав Санджи-чжаба из Джунгарии [2]), его подданных задержал и затем расселил по разным улусам [3]). Китайцы пишут, что, усилившись таким образом, он стал надменно сноситься с пекинским двором. Действительно, имеется основание думать, что именно в это время Цэван-рабтан замыслил об'единить всех ойратов и восстановить прежние границы Джунгарии. Известно, что до времени возникновения восточных войн Галдана джунгары занимали своими кочевьями оба склона хребта Алтаин-нуру до низовий р. Кобдо [4]); после же поражения

---

[1]) Торгоуты, как кажется, остановились в долине р. Каратал. Цэван-рабтан обманным образом захватил Санджи-чжаба в горах Алтын-Емель (см. *Унковский*, op. cit., стр. 188).

Причины, побудившие Санджи-чжаба бросить заволжские степи и откочевать во главе 15.000 кибиток торгоутов на восток, подробно рассказаны *Бакуниным* в его рукопис. соч.—„Опис. калмыцк. народов", etc. (см. арх. *Гурий*—„Очерки по истории распростр. христ. рел. среди монг. племен", I, стр. 190—191); это были семейные раздоры. *А. Позднеев*—„К истории зюнг. калм.", стр. 253—257, приводит иную версию причин, заставивших Санджи-чжаба покинуть родные кочевья, едва-ли более достоверную. Вообще, с сыновьями у Аюки-хана было много неприятностей и забот. Старший из них, Чактур-чжаб поднял даже против него оружие и принудил его в 1701 г. бежать за р. Яик (Урал), и если эта семейная ссора не получила затем дальнейшего развития, то лишь благодаря вмешательству кн. Б. Голицына, который выступил посредником между отцом и сыном. Чактур-чжаб скончался в 1722 году, за два года до смерти Аюки-хана.

[2]) Согласно „выписке из дел о Зенгорском народе", лист (144) 2, Цэван-рабтан отправил Санджи-чжаба обратно к Аюк-хану под конвоем.

Санджи-чжаб вскоре затем умер при крайне загадочных обстоятельствах, хотя обвинять в его смерти отца и нет оснований; не следует забывать, что почти одновременно с ним от какой-то, повидимому — заразной, болезни скончались и младшие его братья—Гунделек и Рабтан.

[3]) *Унковский*, op. cit., стр. 188—189; „Выписка из дел о Зенгорском народе" и т. д., лист (144) 2.

[4]) *А. Позднеев*—„Монг. лет. Эрдэнийн эрихэ", стр. 276, пишет, что ойраты жили смешанно с халхасцами в местности Улан-гом (Улан-ком) и по рекам Кему и Кемчику. Едва-ли так. Территория по Кему и Кемчику находилась под управлением урянхайских князей уже в начале XVII века, что, между прочим, видно и из показания русского посла *Василия Тюменца* (*И. Фишер*—„Сибирская история", etc., стр. 264), в котором говорится: „...а по Кемчигѣ кочуют золотой царь... а наѣхали мы на золо-

и смерти этого властителя халхасцы далеко продвинулись на запад и вытеснили их из верховий Урунгу и Черного Иртыша [1]). На эти-то земли и пред'явил свои притязания Цэван-рабтан, заявив пекинскому правительству, что места к востоку от р. Или до Кеми и Кемчика искони принадлежали джунгарам и должны бы подлежать возврату. Маньчжуры, получив это дерзкое требование, ответили на него отказом; одновременно же приняли меры к защите земель в области Алтайских гор от посягательств на них властолюбивого хана.

Меры эти сводились, главным образом, к укреплению пограничной линии в области Кобдоского бассейна и бассейна Черного Иртыша. Но сюда Цэван-рабтан и не направил своих главных сил. Превосходно знакомые с характером и особенностями этой страны, его полководцы, располагавшие ничтожными силами, держались здесь особой тактики; не доводя дела до решительного сражения, они старались беспокоить маньчжуров мелкими стычками, появлялись то здесь, то там, и хотя всегда побитые, они тем не менее с полным успехом исполняли свою задачу—удерживать неприятеля за Урунгу и Иртышом [2]). Преимущественное же свое внимание Цэван-рабтан отдал югу, где хошоуты, продолжавшие владеть всей территорией от Гималаев до Ала-шаня, стали заметно поддаваться маньчжурскому влиянию.

В эту эпоху Тибет переживал смутное время. Диба все еще не мог помириться с мыслью играть в Тибете подчиненную

това царя у озера и имя ему тому озеру Упса", а также из донесения *Ивана Петлина* (*И. Фишер*, op. cit., стр. 267—268); несомненно, что они властвовали там и в позднейшее время, и если в эпоху Галдана урянхи и хотохойтский хошун и должны были передвинуться к востоку, то все же едва-ли можно допустить, что именно в это время ойраты и тем более халхасцы могли занять освободившиеся на Кемчике земли. Впрочем, уже со времен Батура-хун-тайчжи джунгарские властители не переставали пред'являть права на земли к западу и югу от р. Енисея (см. *И. Фишер*, op. cit. стр. 441).

[1]) См. выше стр. 660.

[2]) *De Mailla*, op. cit., XI, стр. 540. К различным эпизодам этой со стороны джунгар оборонительной войны должны мы, без сомнения, отнести те победы маньчжурских и халхаских войск, о которых так много рассказывают нам монгольские летописи; см. *А. Позднеев*, op. cit., стр. 277—285.

роль, навязанную ему еще Гуши-ханом [1]). Интригуя против преемников последнего и их покровителей—маньчжуров, он играл в распрях Кан-си и Галдана видную, но двусмысленную роль. Поражение и смерть Галдана поколебали, но не нарушили его планов. Успев завлечь в сети своих интриг и Цэван-рабтана, он в то же время решил действовать за свой риск и страх, и когда его попытка отравить лацзан-хана [2]) не удалась, он выступил против него с войском, но был им разбит, схвачен и казнен (1705 г.) [3]).

Лишившись в лице диба деятельного союзника, Цэван-рабтан тем не менее не оставил своего намерения овладеть кочевьями хошоутов. С этою целью он решился занять Хами и в 1713 году под пустым предлогом вторгся в этот оазис. В следующем году он на голову разбил высланную против него китайскую армию в уроч. Отун-го-цзы, иначе Дун-Янь-чи [4]), преследовал ее до Хами, взял этот город и подверг всю страну полному разорению [5]). Засим он предпринял ряд вторжений

---

[1]) Хотя *В. Успенский*, op. cit., и *о. Иларион*—„Очерк истории сношений Китая с Тибетом“ („Труды член. росс. дух. миссии в Пекине“, II) и пишут, что диба, погубивший тибетского правителя Цзанба, продолжал заправлять делами в Тибете и в начале XVIII столетия, тем не менее, протекший шестидесятилетний период времени не может не возбудить на этот счет некоторых сомнений.

[2]) Лацзан-хан—титул. Потомки Гуши-хана, правившие в Тибете, именовались лацзан-ханами, на Куку-норе же и в Ала-шане—очирту ханами (*А. Позднеев*, op. cit., стр. 313).

[3]) *О. Иларион*, op. cit., стр. 467.

[4]) *Унковский*, op. cit., стр. 191, подробно описывает это сражение. На всем пространстве между Хами и Турфаном подходящим для засады местом может быть только котловина Отун-го-цзы; сюда же выходит и так называемая калмыцкая дорога. Описание ее и всей окрестной страны читатель найдет в моих книгах—„Опис. пут. в Зап. Китай“, I, стр. 242—243, и III, стр. 228.

[5]) У *Григорьева* („Вост. или Кит. Туркестан“, стр. 361) сказано: „поразив китайцев, калмыки вслед затем овладели Турфаном и раззорили Хами“. Откуда почерпнул *Григорьев* это известие о Турфане—мне неизвестно. *А. Позднеев*, op. cit., стр. 283—284, излагает первые военные действия между джунгарами и маньчжурами отлично от того, что известно из других источников. Я укажу здесь лишь на три неточности, вкравшиеся в это изложение: 1) взятие г. Хами Цэван-рабтаном он относит к 1715 году, между тем как из приводимого в другом его сочинении („К ист. зюнг.

в пределы хошоутовских владений, однако без особенного успеха. Но наряду с этим он задумал и привел в исполнение беспримерный по своей смелости план. Расчитывая застать лацзан-хана врасплох, он в ноябре 1716 года отправил в Тибет отряд в 6000 человек под предводительством Цэрэн-дундоба с приказанием идти на Лхассу через Тэнгринорский проход [1]). Положительно неизвестно, где шел Цэрэн-дундоб с своим отрядом до гор. Хотана; но надо думать, что он прошел через г. Аксу [2]). „Вступив затем в Хотанскую область, Цэрэн уклонился в горы, чтобы миновать степные места, где обитал народ монгольского племени; опасаясь, чтобы здесь не открыли его отряда и не дали о том вести китайским караулам [3]), он шел только ночами, а днем скрывался в глубоких долинах. В дальнейшем своем пути отряд джунгаров должен был потерпеть много от сурового времени года, от трудных переходов через снежные горы, под влиянием сильно разреженного воздуха на высоком бесплодном плоскогории Тибета и от недостатка про-

---

калм.", стр. 260) указа Кан-си, данного в 1714 году, явствует, что Хами был уже тогда взят джунгарами; 2) что нахождение китайских гарнизонов в Турфане и Урумчи до 1715 года не подтверждается из других источников (см. *M. Courant*—„L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles", стр. 79, который, ссылаясь на китайский источник, относит занятие г. Турфана китайцами к 1721 году: „mais l'année suivante (1721), une sédition de la population musulmane permit aux Chinois de s'installer à Tourfan") и в частности тем же указом Кан-си, где говорится о занятии джунгарами Хами, но не Турфана и Урумчи, и 3) что поход через Тибет Цэрэн-дундоба состоялся не в 1717, а в 1716 году (ср. „К ист. зюнг. калм.", стр. 263).

[1]) *Grosier*—„De la Chine, ou Description générale de cet empire", 3ième édit., 1818, II, стр. 65, ошибочно относит время этого похода к 1714 году.

[2]) *Палладий Кафаров*—„О торговых путях по Китаю и подвластным владениям" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", 1850, IV, стр. 256. Дальше я продолжаю его словами. См. также *St. Julien*—„Notices sur les pays et les peuples étrangers" в „Journ. Asiat.", 4 série, VIII, стр. 246. *Klaproth* („Relation des troubles de la Dzoungarie", etc., в „Magasin Asiatique", 1826, II, стр. 190) замечает, что калмыцкий отряд шел через болота, окружающие оз. Лоб; если так, то едва-ли путь его в области бассейна Тарима мог пролегать через Аксу и Хотан.

[3]) Передовой пост китайцев стоял в уроч. Гас; см. „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 475; ср. *Успенский*, op. cit., стр. 93.

вианта и фуража [1]). Наконец, в августе месяце 1717 года [2]) джунгары вышли на Тенгри-нор". Сторонник Цэван-рабтана Шандурчжаб открыл им ворота Будалы. Цэрэн-дундоб, вступив в столицу Тибета, схватил и умертвил лацзан-хана, после чего двинулся на север, к Куку-нору, избивая всюду родственников лацзановых. Разгром хошоутских улусов продолжался в течение всего следующего и начала 1719 года. Но в этом году Цэрэн-дундоб был отовсюду окружен хошоутскими и маньчжурскими войсками, которые наступали на него по трем дорогам: из Западной Монголии, из Синина и из Да-цзян-лу, через Литан; разбитый, теснимый отовсюду врагами, Цэрэн-дундоб с остатками своего отряда должен был искать спасения в бегстве и прежней дорогой вернуться в Джунгарию. Тибет остался во власти маньчжуров. Так безрезультатно окончился поход, подобного которому не знает история Средней Азии.

Не менее крупную неудачу потерпел Цэван-рабтан и в Джунгарии. В 1719 году он лишился княжеств Хами и Турфана, в 1720 же году должен был допустить переход императорских войск и на северные склоны Тянь-шаня [3]). Это последнее обстоятельство заставило Цэван-рабтана покориться и просить мира, по заключении которого Кан-си вывел свои войска из Джунгарии, оставив, однако, сильные гарнизоны в Турфане, Хами и Баркуле. Такие же гарнизоны были поставлены и к западу от Цзя-юй-гуаня, причем из этих земель образован был военный округ Чи-цзинь [4]), в 1726 году преобразованный в приставство Цзин-ни-тин с гражданским в нем управлением.

В 1722 году император Кан-си скончался. Этим моментом решил воспользоваться внук Гуши-хана Лубцзан-даньцзинь для

---

[1]) Путь, пройденный Цэрэн-дундобом, настолько труден, пишут китайцы, что им очень редко пользуются; торговые караваны, идущие из Восточного Туркестана в Тибет, избирают кружный путь через Ладак. См. „Цзинь-дин Синь-цзян чжи-лё" в перев. *St. Julien* в „Journ. Asiat.", 4 série, 1846, VIII, стр. 246.

[2]) *Палладий Кафаров*, l. c.; ср. *А. Позднеев*—„К ист. зюнг. калм.", стр. 263.

[3]) *А. Позднеев*—„Монг. лет. Эрдэнийн эрихэ", стр. 288. Баркульская долина, впрочем, еще в 1715 году была занята маньчжурскими войсками; см. „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 481.

[4]) См. выше стр. 583, где вкралась опечатка: округ был упразднен в 1726 г.

того, чтобы устранить влияние Китая на дела Тибета и Кукунора. Положившись на поддержку Цэван-рабтана и ламы Цаган-Номыин-хана, пользовавшегося неограниченным влиянием среди тангутов, он в 1723 году собрал сейм, на котором и предложил свергнуть иго маньчжуров. Но предложение это встречено было далеко не всеми князьями сочувственно. Тогда Лубцзан-даньцзинь неожиданно напал на протестовавших и, поразив их, заставил бежать в пределы Китая. Одновременно до 200 тысяч тангутов и тибетцев вторглись в Синиискую область, предавая все на своем пути огню и мечу. Положение стало серьезным. Но маньчжурские власти не растерялись и рядом решительных мер быстро подавили мятеж. Лубцзан-даньцзинь, будучи неоднократно разбит, бежал в Джунгарию, где и нашел приют у Цэван-рабтана.

Это восстание дало повод маньчжурам реформировать самоуправление кукунорских монголов, разделив их по числу родов на знамена и отделив от хошоутов (21 знамя) торгоутов (4 знамени), хойтов (1 знамя), чоросов (2 знамени) и халхасцев (1 знамя). Одновременно от Тибета отняты были округа Батан и Литан и в Лхассу посланы были маньчжурские чиновники и гарнизон. Засим в 1726 году для всех 48 родов фаней (тангутов) [1]) учреждены были управления в городах Гуй-дэ-тин и Сюнь-хуа-тин. Всеми этими мерами маньчжуры добились установления более устойчивого положения дел в Тибете и в области Куку-нора. Лишенные единого главы, монголы уже не в силах были организовать сколько-нибудь серьезного восстания; последние повторялись все реже и реже; народ быстро терял свою воинственность и, наконец, погрузился в сон и апатию, которые и привели его мало-по-малу в состояние, которое даже китайцами признано было жалким. Так шэнь-гань-цзунь-ду На-яньчэн в 1822 г. доносил: „Монголы большею частью разбежались и кочуют вблизи городов, ища защиты (от фаней). Особенно много их бродит без занятий и без средств к жизни

---

[1]) Наименование тангут, присваиваемое в настоящее время инородцам Амдо и Куку-нора, едва-ли правильно. Живущие здесь поколения, говорящие на одном из тибетских диалектов, отличны по происхождению от тех тангутов, которые некогда составляли главный элемент населения Тангутского царства. Остатки последних населяют только Нань-шань и северное подгорье последнего.

по области Синин, в местности Даньгар и уезде Да-тун, и по округам Гань-чжоу, Лян-чжоу и Су-чжоу, прося милостыню. Бедность между ними невообразимая и возбуждающая крайнее сострадание; собрать их и водворить среди них какой-либо порядок нет никакой возможности. Земли к северу от Хуан-хэ на несколько тысяч ли совершенно опустели, и по ним всюду и свободно разгуливают степные (ѣ) фани, переселившиеся с южного берега этой реки [1]), собираясь толпами и производя грабежи" [2]).

В 1723 году один из сыновей Цэван-рабтана, Шуно-даба, победоносно закончил войну с казаками, отняв у них утраченный после Галдана Сайрам, а также города Туркестан и Ташкент [3]), а четыре года спустя Цэван-рабтан скончался, передав престол сыну своему Галдан-цэрэну, при котором война между маньчжурами и джунгарами возобновилась.

Поводом к этой новой войне подали сами джунгары своими разбойничьими набегами на пределы Китая [4]).

---

[1]) Желтая река была положена северной границей земель ѣ-фаней в 1726 году. На левый ее берег эти последние перешли в 1796 году. С этих же пор стремление их к Куку-нору не прекращалось, и в настоящее время, несмотря на принимавшиеся против них репрессивные меры, они вытеснили монголов даже из ближайших окрестностей озера.

[2]) *В. Успенский*, op. cit., стр. 185. Эти слова На-янь-чэна могут служит эпилогом краткой истории кукунорской ветви западных монголов; к ним нам уже не придется более возвращаться.

[3]) *Унковский*, op. cit., стр. 193. *Pallas*, op. cit., стр. 43, называет Шуно-даба Лузанг-шуну. *Левшин*—„Описание киргиз-кайсацких орд и степей", II, стр. 69, ошибочно приписывает этот поход Галдан-цэрэну, причем приводит следующие слова известного киргиз-кайсацкого старшины Букенбая: „Мы бегали тогда от калмыков, башкиров и сибирских и яицких казаков как зайцы от борзых собак". Большая орда принуждена была тогда покориться джунгарам, и только небольшой ее части вместе с немногими родами Средней удалось своевременно откочевать к г. Ходженту. Средняя орда ушла за Сыр-дарью к границам Самарканда, Малая—в пределы Бухары и Хивы. Но тут киргиз-кайсаки по отсутствию свободных земель долго оставаться не могли. Соединенными силами они попытались вернуть свои земли, но вскоре были вновь отброшены к западу и ушли на Эмбу, Орь и Ую (*Левшин*, op. cit., II, стр. 69—72). *Балкашин*—„Трактаты России с Китаем", стр. 42, пишет, что в 1723 году джунгары покорили не только Большую орду и часть Средней, но и Западный Туркестан, что не точно, так как на юг от Ташкента они в то время не проникали.

[4]) Так, например, в 1729 году джунгары сделали попытку уничтожить маньчжурскую заставу в уроч. Гас (*Успенский*, op. cit., стр. 183). Это

В 1729 году император Юн-чжэн двинул против них две армии: одна из них должна была оперировать в Тянь-шане [1]), другая в Западной Монголии. Одновременно же были усилены гарнизоны в Гуй-хуа-чэне и на озере Гас [2]).

Первое столкновение соединенных сил маньчжуров и монголов Халхи с джунгарами окончилось победой последних. Полководцы Галдан-цэрэна—старший и младший Цэрэн-дундобы, нанесли цзянь-цзюню Фурданю жестокое поражение при озере Даин-гол [3]), после чего, минуя только что основанный китайский город Кобдо [4]), вторглись в Халху. Последовавшее здесь разделение сил погубило, однако, джунгаров. Их отряды во всех последующих стычках с халхасцами были разбиты и с большим уроном должны были отступить обратно в Джунгарию.

В отместку за эти поражения Галдан-цэрэн двинул против халхасцев новую армию, которая в следующем 1732 году под его личным предводительством из долины Черного Иртыша перешла на северный склон хребта Алтаин-нуру. Грабя встречные кочевья, джунгары достигли р. Орхона, но здесь их настиг халхаский князь эфу Цэрэн, который и нанес им решительное поражение [5]). Преследуя их по пятам, эфу Цэрэн вторично разбил Галдан-Цэрэна при монастыре Эрдэни-цзу, где убито было джунгар и затем, при отступлении их к Ор-

---

урочище, одноименное с находящимся к западу от Цайдама, следует искать на р. Гас, системы Кобдо, которую я отождествляю с р. Суок.

[1]) На долю этой армии выпало вытеснить джунгаров из пределов Восточного Притяньшанья, что она и выполнила, заняв всю территорию на запад до Урумчи—наименование, появляющееся в китайской исторической и географической литературе, как кажется, впервые лишь в 1717 г. На карте *Рената* этого названия нет.

[2]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 475.

[3]) Хотун-хурха-нор, которое, как мне кажется, вполне правильно отождествляется *А. Позднеевым*, op. cit., стр. 336—337, с современным Даин-голом. В „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 449, несомненно это озеро названо Хатунь. *Иакинф*, op. cit., стр. 98, называет его Хотон-нор.

[4]) Он был основан в 4 луне 1731 года (см. *А. Позднеев*, op. cit., стр. 335; ср., однако, *его же*—„Монголия и монголы", I, стр. 304), перенесен же на берег р. Буянту в 1762 году.

[5]) При Кэрсэн-чилуту („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 410; *А. Позднеев*—„Монг. лет. Эрдэнийн-эрихэ", pass.).

хону, потоплено в этой реке до 3000 человек [1]). За всем тем, благодаря бездеятельности маньчжурских генералов, стоявших лагерем на р. Байдарике и у крепости Ха-линь [2]), Галдан-цэрэну удалось спасти остатки своей армии и без дальнейших потерь добраться до р. Биджи, протекавшей уже в джунгарских пределах [3]). Несмотря на столь чувствительные поражения, мир, заключенный в 1735 году [4]) с пекинским правительством, оказался для Галдан-цэрэна более выгодным, чем можно было рассчитывать: он получил даже обратно земли между р. Урунгу и гребнем Алтая (Алтаин-нуру) [5]).

---

[1]) Река Орхон, поглотившая столь значительное число джунгар, получила от императора Юн-чжэна княжеский титул (туше-гуна) и ежегодное содержание в сумме 300 лан серебра, которое в день чествования реки эрдэни-цзу'скими ламами и хошуном тушету-хана и бросалось в ее быстрые воды (*А. Позднеев*, op. cit., стр. 358).

[2]) Я затрудняюсь с точностью указать местоположение этой временной крепостцы, но несомненно, что она составляла звено той укрепленной линии, которая во время войн с джунгарами в ограждение Халхи устроена была маньчжурами. Имея крайними опорными пунктами Кобдо на северо-западе и укрепление на р. Онгин на юго-востоке, она проходила вдоль южного подгорья Хангая с укреплениями в долинах рек Туин-гол, Дзак и Байдарик и засим перебрасывалась на северный склон хр. Алтаин-нуру, повидимому, южнее озера Шаргин-цаган-нор, где был выстроен военный городок Цаган-сулѣ (*П. Попов*—„Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 407, переводит Цаган-сор).

Об этом эпизоде у *Иакинфа*, op. cit., стр. 100, читаем: „Хан (эфу-Цэрэн) немедленно сообщил китайскому военачальнику в Хуху-хота, чтобы выступил с своими войсками во фланг элютам, но сей никак не согласился оставить вверенный ему пост, несмотря на то, что солдаты с городских стен видели, в каком беспорядке элютская конница проходила мимо города".

[3]) Несомненно—Биджен-гол, река, стекающая с южного склона Гобийского Алтая; см. т. I, стр. 52 и 300.

[4]) В период времени между 1732—1735 годами маньчжуры не переставали деятельно укреплять границу. С этой целью был, между прочим, построен в 1733 году город Улясутай („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 374), в начале 1735 года возведена была крепость на р. Орхоне (*А. Позднеев*, op. cit., стр. 365) и, наконец, тогда же разработан был перевал Кошеты-дабан под колесный путь между Баркулем и Хами („Цзинь-дин Синь-цзян чжи-лё", перев. *St. Julien* в „Journ. Asiat.", 4 série, 1846, VIII, стр. 239).

[5]) Граница направлялась от вершин Кемчика к хребту Алтаин-нуру по линии, которая остается нам неизвестной, засим шла гребнем этого хребта примерно до верховий р. Урунгу, откуда поворачивала на юг

Вызванное войной с Китаем отвлечение значительных сил от западной границы государства и последующие неудачи Галдан-цэрэна возродили у казаков надежду вернуть утрачен-

---

и пересекала Восточный Тянь-шань, оставляя к западу Турфанскую область; на юге она упиралась в уроч. Гас. Таким образом, г. Турфан, занятый было маньчжурскими войсками, возвращался джунгарам. Впрочем, область эта потеряла уже тогда значение важного опорного пункта, так как после бегства в 1732 году князя Эмина-ходжи со всем своим народом в Ша-чжоу (*Klaproth*—„Abhandlung über die Uiguren", стр. 47 и 51; *Ab. Remusat* – „Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale", стр. 66; *Иакинф*—„Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана", стр. 112) она едва-ли могла служить источником довольствия значительной армии.

Не соответствовавший результатам военных действий договор этот об'ясняется желанием пекинского правительства положить конец изнурительной войне, требовавшей от государства таких расходов, к которым оно не было подготовлено. В стремлении облегчить себе победу над джунгарами маньчжуры пытались привлечь на свою сторону Россию, но потерпели при этом неудачу, что видно из следующего места „Выписки из дел о Зенгорском народе" и т. д., лист (144) 2: „Сколько же Китайское государство при оной бывшей с Зенгорским народом войне, соседство сего народа и силу его для себя опасными почитало, оказывается из того, что бывшее здесь в 1731 году китайское посольство в том одном намерении сюда и отправлено было, чтоб склонить здешнюю сторону (т. е. русское правительство и волжских калмыков) в сей их войне воз'иметь участие, и притом выпросить находившегося тогда в здешних калмыках зенгорского владельца Галдан Череня брата называемого Шуну, рожденного от Галдан Череневой мачехи, Аюкиной дочери, который по смерти отца их хонтайши и при вступлении в Зенгорское владение Галдан Череня, за опасностью от него, туда бежал, токмо на то не поступлено, а оставлено китайцам самим с ними управляться в таком по большей части рассуждении, что между тем по отзыву Зенгорского владельца Галдан Череня отправлен был к нему посланником майор Угримов и уповался через него все бывшие с сим Зенгорским народом дела привесть к окончанию".

Во что обходилась китайскому народу война с джунгарами, явствует из следующей справки, приводимой *А. М. Позднеевым* в его „Ответе Н. И. Веселовскому" („Журн. Мин. Нар. Просв.", 1903, часть CCXXXVI, отд. 2, ср. 294—295): „В 61-м году правления Кан-си в государственном казначействе Китая было запасного капитала 800 слишком тысяч лан. При Юн-чжэне до начала войн с Чжунгарами мало по малу набралось до 60 миллионов лан; но со времени начала этих войн правительство должно было израсходовать на них большую половину капитала, так что к началу царствования Цянь-луна в казначействе находилось не более 24 миллионов лан. Итак война с Чжунгарами стоила Юн-чжэну 36 милли-

ные ими перед тем земли. Хотя они и успели в этом [1]), но удержаться в них не могли: уже около 1738 года Галдан-цэрэн напал на Большую орду, разгромил ее и покорил [2]); засим, в 1741 году он предпринял против казаков новый поход и в своем преследовании последних достиг р. Ори [3]). Последующие четыре года жизни Галдан-цэрэна Джунгария пользовалась полным спокойствием, после же его смерти (в 1745 году) [4]) стала очагом междоусобий, которые и подготовили быстрое падение этого царства.

онов лан запасного капитала помимо того, что поглощала все годовые доходы Китая, да и этого еще мало. В пятой цюани „Шэнь-у-цзи" находим, что именно в 1731 году, т. е. после поражения армии Фурданя, в Китае „приведен был в действие закон о пожертвованиях (он носил обязательный характер, замечу я от себя) и об'явлена была продажа должностей и званий". Последняя финансовая мера приводилась в действие только в самых крайних случаях, когда все источники государственных доходов, обычные и чрезвычайные, оказывались недостаточными для покрытия расходов казны.

У *Иакинфа*, op. cit., стр. 101, статья договора, говорящая о границе, изложена так: Алтай и озеро Упса должны служить границей между Халхой и Джунгарией—указание, которое не способствует раз'яснению вопроса о направлении границы.

[1]) *Левшин*, op. cit., II, стр. 71.

[2]) *Левшин*, op. cit., II, стр. 79.

[3]) *Иакинф*—„Истор. обозрение Ойратов", стр. 102; *Левшин*, op. cit., стр. 148 (Средняя орда кочевала в то время по рекам Ори и Ую). У *Pallas*, op. cit., стр. 43, событие это отнесено к 1742 году.

[4]) У *Chappe d' Auteroche*—„Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en MDCCLXI", Amsterdam, 1770, t. II, стр. 463,—в 1746 году; тот же год находим и в „Выписке из дел о Зенгорском народе" и т. д., лист (146)3, хранимой в Московском архиве Министр. Иностр. Дел. Вероятно, опираясь на эту выписку и *П. И. Рычков* („История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии" в „Сочин. и Перевод., к пользе и увеселению служащ.", 1759, генварь, стр. 15) писал о Галдан Чирине (см. „Реестр" и т. д., прилож. к июньской книжке, стр. 556), что он „под Киргис-Кайсак неоднократно подбирался, как то в 1746 году немалое число войска своего до самой Орской крепости за ними посылал, однако удержан от того со стороны Оренбургской комисии".

Это вторжение Галдан-цэрэна в пределы киргиз-казацких степей затронуло интересы России, которая считала Среднюю орду в числе своих вассальных владений. Оно вызвало указ оренбургскому губернатору Неплюеву такого содержания: В указе государственной коллегии иностранных дел от 8 августа 1742 г. за № 504 было изображено, что хан Средней орды Абулмамет,

Его преемник Цэван-дорчжи Нам-джал [1]) был убит [2]) в 1750 году старшим своим братом Ламой-дарчжи [3]), который

Барак батырь и султан Аблай предались в подданство зюнгорского владельца Галдан Цырена, которому не только аманатов от себя дали, но и дань платить обязались. Сверх того, Галдан Цырен с угрозами требует, чтоб хан и Меньшей орды Абулхаир прислал аманатов и платил дань. Вследствие сего предписывается обоих ханов от подданства зюнгорскому владельцу добрым словом отвести, для чего ханы должны удалиться от зюнгорских жилищ и нападение на зюнгорские улусы не делать; зюнгорскому же владельцу отвечать, что ханы Абулхаир и Абулмамет давно вступили в русское подданство и что поэтому ему не надлежит призывать их к себе в подданство, а тем более требовать подати, а в случае нападений следует жаловаться русскому правительству (*И. Крафт* „Тургайский областной архив", „Описание архивных документов с 1731 по 1782 г., относящихся к управлению киргизами", 1901, стр. 9, № 32). Как исполнен был Неплюевым этот указ—сведений не имеется; но как-бы он ни был им исполнен, успеха русский протест в степи не имел, что видно из следующего указа по тому же делу, посланного Неплюеву годом позднее: В виду того, что, по донесению майора Миллера, зюнгарский владелец киргиз на свою сторону привлекает, а с киргиз Большой и Средней орды, как с своих подданных, берет дань со ста кибиток по лисице и надеется склонить на свою сторону Абулхаир-хана, предписывается употреблять меры по своему усмотрению к верности, ибо в таком великом отдалении и с такими легкомысленными народами почти ни о чем точно предписать невозможно, а надлежит обращаться так, чтобы в непоколебимом подданстве их содержать.

[1]) Так пишет *Klaproth*—„Relation des troubles de la Dzoungarie", etc., в „Magasin Asiatique", 1826, II, стр. 189; у *Никифа*, op. cit., стр. 105—Нямгял; *Pallas*, op. cit., I, стр. 43, называет его Ачжан-ханом; то же имя находим мы и в „Тезкереи-ходжаган" (*Вельяминов-Зернов*—„Исследование о Касим. цар. и царев." в „Тр. вост. отд. И. Археол. Общ.", 1887, XII, вып. I., прилож. I, стр. 223); *Chappe d'Auteroche*, loc. cit., —Tsebek-Dorjou.

[2]) *Никиф*, op. cit., стр. 106; *Klaproth*, ibid.; *de Mailla*, op. cit., XI, стр. 545. *Pallas*, op. cit., I, стр. 44, пишет, что Цэван-дорчжи Нам-джал был не убит, а только ослеплен и сослан на житье в один из городов Восточного Туркестана, к чему „Тезкереи-ходжаган" (op. cit., стр. 224) присовокупляет: „в г. Куджар, где он и умер". *Chappe d'Auteroche*, op. cit., стр. 463, о постигшей его участи говорит следующее: „Galdan-Tcheren designa pour son successeur son fils Tsebek-Dorjou, âgé de 17 ans; mais les pricipaux Seigneurs n'aimant pas ce jeune prince, le dépossédèrent, lui crevèrent les yeux et le reléguèrent dans la Petite Boukarie, où il fut assassiné". Ту же версию находим мы и в „Выписке из дел о зенгорском народе" и т. д., лист (146) 3, хранимой в Моск. архиве Мин. Иностр. Дел.

[3]) Лама-дарчжи был сыном наложницы.

с титулом Эрдэни-лама Батур-хун-тайчжи и принял власть в свои руки. Уже будучи ханом, он умертвил второго своего брата Цэван-дапи и Даву, сына младшего Цэрэн-дундоба [1]), чем, однако, не устранил всех своих соперников на джунгарский престол. Против него выступил Даваци, внук Цэрэн-дундоба старшего, за спиной которого орудовал столь известный впоследствии Амурсана. Лама-дарчжи был убит [2]), и Даваци провозгласил себя ханом. Но с его воцарением смуты в Джунгарии не прекратились. Против него поднял оружие тайчжи Номохонь-цзиргал, который и принудил его бежать к Амурсане на р. Эмиль. Однако и Номохонь-цзиргал не удержался на престоле. Он был схвачен Амурсаной и казнен. Даваци снова вернулся на р. Или. Из боязни, однако, быстро возраставшего могущества Амурсаны, который стал явно стремиться к захвату ханской власти, он порешил заблаговременно с ним покончить. Но Амурсана ушел на Иртыш.

Амурсана хотя и приходился Галдан-цэрэну внучатным племянником, но так как был хойтом по происхождению [3]), то и не мог найти поддержки своим притязаниям среди чоросских родовичей. Отчаявшись составить себе среди этих последних сильную партию, он решился передаться маньчжурам [4]), дабы

---

[1]) Цэрэн-дундоб младший был внуком тайчжи Бума, седьмого сына Батура-хун-тайчжи.

[2]) Эти внутренние смуты не отразились, повидимому, на могуществе Джунгарского царства, так как именно к этому времени (к 1751 году) относится разгром калмыками при горе Улу-тау казаков Средней орды; потеряв очень многих пленными, эти последние едва успели откочевать к р. Ори и Мугоджарским горам, где и смешались с казаками Малой орды (*Левшин*, op. cit., II, стр. 200).

[3]) Согласно тому, что пишет о рождении Амурсаны *Иакинф*, op. cit., стр. 97, он приходился Галдан-цэрэну родным племянником, будучи сыном его сестры Ботолок и хошоутского князя Даньчжуна, сына лацзан-хана тибетского, казненного Цэван-рабтаном за волхвование. К хойтам он был причислен после того, как был усыновлен своим отчимом, хойтским князем Вэйчжен Хотоци.

Передавая это известие, о. *Иакинф* не обратил внимания на следующее несоответствие дат. Даньчжун был казнен в 1716 г., беременная же Ботолок была вторично выдана замуж Галданом-цэрэном, т. е. не ранее 1727 г. и таким образом, преждевременно родившийся у хойтского князя Вэйчжэна сын Амурсана не мог быть сыном Даньчжуна.

[4]) В 1754 году (*Иакинф*, op. cit., стр. 109). С ним одновременно передались маньчжурам и некоторые тайчжи дорбётов и хошоутов.

с их помощью достичь желанной цели — верховной власти в Джунгарии. Но император Цянь-лун, который тогда занимал китайский престол, разгадал его замыслы и, если и помог ему свергнуть Даваци [1]), то вовсе не для того, чтобы передать затем власть в его руки [2]). Согласно его инструкциям, маньчжурские генералы остались в стране в роли правителей, предоставив Амурсане лишь право титуловаться хошунным правителем и помощником илийского цзянь-цзюня.

Таким образом надежды Амурсаны рушились. Но это был не такой человек, чтобы примириться с постигшей его неудачей. Он поднял восстание и на первых порах имел успех: два маньчжурских генерала, видя себя не в силах сопротивляться, отравились, третий бежал на восток и укрылся в г. Баркуле. Таким образом вся Джунгария вновь очутилась во власти джунгаров, но не надолго, так как уже в начале следующего 1756 года подоспевшие новые силы маньчжуров быстро и почти без сопротивления прошли всю Джунгарию и вступили в долину р. Или [3]). Амурсана бежал к казакам.

Но маньчжуры не успели еще утвердиться в стране, как новые волнения среди джунгар, вспыхнувшие одновременно с восстанием в Халхе [4]), поставили их в крайне опасное поло-

---

[1]) После поражения своих войск при горе Кара-тау, к югу от реки Кеген (см. *И. Ф. Бабков*—„Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875. Разграничение с Западным Китаем 1869 г.“, 1912, стр. 193; не гора-ли это Кэдын, о которой пишет *Никифф*, op. cit., стр. 111, помещая ее в 270 верстах на запад от города Или?), Даваци бежал через перевал Муз-арт в гор. Уч-Турфан, где и был схвачен желавшим выслужиться перед маньчжурами правителем (хаким-беком) этого города. Вместе с Даваци был схвачен и Лубцзан-даньцзинь (см. выше стр. 669—670). Оба были затем препровождены в клетках в Пекин.

[2]) В „Выписке из дел о Зенгорском народе“ и т. д., лист (148) 5, впрочем, читаем: „а Амурсанань при том при всем обнадежен был с китайской стороны учиненным быть и настоящим в Зенгории владельцем“.

[3]) В „Дай-цин И-тун-чжи“ сказано: „Генерал Цэрэн преследовал Амурсану до Талкинского перевала“ (перев. *St. Julien* в „Journ. Asiat.“, 4 série, 1846, VIII, стр. 389).

[4]) Это восстание было вызвано как непомерными расходами, ложившимися на тех из хошунных правителей, через владения коих пролегал военный тракт в Западную Монголию, так и казнью князя Ринцинь-дорцзи, который, как потомок Чингиса, не мог подлежать такой мере наказания по суду.

жение. Почти все их отряды были или истреблены или рассеяны. На их счастье, однако, среди главарей калмыцкого народа не только не было единодушия в действиях против общего врага, но даже возникли кровопролитные столкновения. Чжана-гарбу убил своего дядю, хана чоросского Галцзана-дорцзи [1]) и овладел его кочевьями; в свою очередь он был умерщвлен Галданом-дорчжи. Но и Галдана-дорчжи не замедлила постигнуть та же участь. Он был схвачен и казнен тайчжи Даву, который и поспешил переслать его голову императору Цянь-луну [2]). С своей стороны Амурсана, вернувшийся в Джунгарию, пользуясь раздорами среди чоросских князей, стал собирать вокруг себя своих приверженцев и, достаточно усилившись, готовился уже об'явить себя ханом, когда ему противостал с своими свежими силами генерал Чжао-хой.

Чжао-хой был единственным из маньчжурских генералов, который не потерялся среди треволнений и беспорядков, охвативших Джунгарию, и сумел без потерь отступить с р. Джиргалана [3]) на соединение с высланными ему свежими подкреплениями. Место его встречи с Амурсана в точности неизвестно [4]), но последний, узнав о подходе главной массы импе-

---

Своевременно принятыми суровыми мерами маньчжуры очень быстро подавили это восстание. Некоторые известия о нем имеются, между прочим, и в донесениях русских агентов, посылавшихся в Монголию для разведочной службы, причем эти известия в некоторых деталях расходятся с китайскими сообщениями о ходе тех же событий (см. *Сычевский* — „Историческая записка о Китайской границе" в „Чтен. в И. Общ. Истории и Древностей Российских при Моск. Ун.", 1875, кн. II, главным образом, стр. 141—142, 154—155, 166). В русских донесениях особенно подчеркиваются: предательство некоторых монгольских князей и лиц высшей духовной иерархии, а засим мстительность маньчжурских властей, которая простиралась даже на ничем неповинных малолетних детей казненных „бунтовщиков".

[1]) После поражения Даваци, когда Джунгария оказалась во власти маньчжуров, император Цянь-лун разделил ее на четыре ханства по числу господствовавших там поколений: чорос (джунгар), хошоут, хойт и дёрбёт. Галцзан-дорцзи был одним из этих четырех назначенных тогда ханов.

[2]) *De Mailla*, op. cit., XI, стр. 566.

[3]) Вероятно, здесь говорится не о местности к востоку от Кульчжи, а о правом притоке Текеса, где находилась летняя резиденция чоросских ханов.

[4]) *Иакинф*, op. cit., стр. 123, говорит только, что Амурсана соединился с прочими князьями на р. Боротала. Во всяком случае встреча его

раторских войск, не довел даже дела до столкновения. Он бежал сначала к казакам, а затем, преследуемый Фу-дэ по пятам, боясь предательства со стороны Аблай-хана [1]), в Россию. Здесь он заболел оспой, от которой и умер [2]).

Между тем, генералы Чжао-хой и Фу-дэ продолжали свои завоевания в Притяньшанье, причем Фу-дэ прошел до крайних западных пределов джунгарских владений, т. е. до Сайрама и Ташкента [3]). В следующем же году (1758) эти генералы привели в исполнение „план, достойный твердой политики китайского кабинета“ [4]), т. е. произвели поголовное избиение джунгарского племени на всем пространстве между Сайрамом [5])

с Чжао-хоем не могла произойти далеко отсюда; ср. *de Mailla*, op. cit., XI, стр. 556.

[1]) О роли казаков в войнах Амурсаны с маньчжурами и в частности Аблай-хана, который, изверившись в успехе Амурсаны, решил купить благосклонность императора Цянь-луна предательством своего бывшего союзника, см. *Imbault-Huart*—„Recueil de documents sur l'Asie Centrale“, стр. 120, 121, 142; также *В. Вельяминов-Зернов*—„Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азиею со времени кончины Абул-хайр-хана (1748—1765 г.)“, 1853, стр. 101—103, 202, и „Выписку из дел о Зенгорском народе“ и т. д., лист (162) 19, хранящуюся в Моск. арх. Мин. Иностр. Дел.

[2]) Тело Амурсаны препровождено было в Кяхту для пред'явления китайцам и там похоронено (*Абрамов*—„Областной город Семипалатинск“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1861, I, стр. 112). Полная переписка с китайским правительством по поводу выдачи праха Амурсаны приведена в „Выписке из дел о Зенгорском народе“ и т. д., где она составляет главное ее содержание.

[3]) „Дай-цин И-тун-чжи“, перев. *Klaproth*'а в „Magasin Asiatique“, I, стр. 89. Согласно „Си-юй-ту-чжэ“ (*Imbault-Huart*, op. cit., стр. 190—191), Фу-дэ достиг Ташкента, преследуя в 1758 году мятежного K'azak Sira. Это имя (Казак Шара; см. *Иакинф*, op. cit., стр. 118 и 122) носил один из калмыцких зайсанов (князей), присягнувший было маньчжурам, а засим присоединившийся к мятежу.

[4]) Слова *Иакинфа*, op. cit., стр. 124.

[5]) *Иакинф*, op. cit., стр. 125, думает, что Фу-дэ шел, избивая калмыков, от оз. Сайрам-нор, а не от города Сайрама; но такое предположение ошибочно уже потому, что между Сайрам-нором и Боробогосуном могло кочевать всего лишь несколько десятков семейств чоросов. а не весь джунгарский народ. Что джунгары в XVIII веке кочевали в западных частях Александровского хребта и в горах Кара-тау, видно из следующего места „Дай-цин И-тун-чжи“: Талас лежит к западу от Или. Прежде (ancien-

и уроч. Боробогосун [1]). Одновременно избивились калмыки и далее к востоку, в южной Джунгарии [2]). Эта бесчеловечная мера навела ужас на все калмыцкое население Притяньшанья. Несчастные, избегая неволи [3]) и смерти, искали убежища у своих заклятых врагов—казаков, киргизов, в городах Восточного Туркестана; некоторые, боясь и тут быть застигнутыми неумолимыми преследователями, бежали еще дальше—в Тибет. Десять тысяч семейств ушло в пределы России [4]). Таким образом сокрушено было могущество джунгар. Их царство пало, и земли их вошли в границы Маньчжурской державы, причем для закрепления за последней новых ее владений в занятом крае был построен ряд укреплений и городов [5]), в которых

---

nement) здесь пасли свои стада джунгары и дёрбёты". См. также *Балкашин*—„Трактаты России с Китаем", стр. 42.

[1]) „Они обыскали все места, куда только беззащитные старики, женщины и дети могли укрыться в сию несчастную для них годину, и до единого человека предали острию меча" (*Иакинф*, op. cit., стр. 125). См. также *de Mailla*, op. cit., XI, стр. 559.

При этом, как пишут, погибло до миллиона народа.

[2]) *De Mailla*, op. cit. XI, стр. 561.

[3]) „Les restes furent distribués aux Mantchéoux et aux Mangous qui en firent leurs esclaves" (*de Mailla*, ibid.) См. также *Ст. Липовцов*—„Уложение Китайской палаты внешних сношений", II, стр. 146, § 145.

[4]) *Иакинф*, op. cit., стр. 126 и 229; *Левшин*, op. cit., II, стр. 250, пишет, что в Россию успели бежать только калмыки поколений дербет, хойт и хошут в числе 10.000 кибиток; у *de Mailla*, ibid., сказано, что в Россию бежало 20 тысяч семейств калмыков; ту же цифру дает и *Chappe d'Auteroche*, op. cit., II, стр. 467. В указе военной коллегии от 30 июля 1758 г. (*И. Крафт*—„Тургайский областной архив", стр. 56, № 182) говорится о 2529 душ об. п. зюнгоров и при них 2022 лошадях и 48 верблюдах, перешедших Сибирскую линию. Далее, в указе правительствующего сената от 17 сентября 1758 г. (*И. Крафт*, op. cit., стр. 59, № 188) перечисляются 2 зюнгорских и 6 торгоутских владельцев, которые с 1000 киб. (ок. 5000 душ) перешли в русское подданство. Наконец, в указе коллегии иностранных дел от 5 мая 1759 г. (*И. Крафт*, op. cit., стр. 67, № 204) упоминается зюнгорский нойон Шерен, который по принятии русского подданства высказал желание кочевать отдельным от волжских калмыков улусом, что указывает на значительное число бежавших с ним в русские пределы калмыков.

[5]) В 1762 году основаны были города: Суй-дин-чэн (Суй-дун) и Нинюань-чэн (Кульчжа); в 1764 году Хой-юань-чэн (Новая Кульчжа, впоследствии разрушенная дунганами); в 1765 году на месте нынешнего Урумчи

и были размещены гарнизонами знаменные войска. Одновременно тяньшаньским кара-киргизам и казакам, признавшим маньчжурское подданство [1]), было дозволено занимать опустевшие калмыцкие земли [2]).

построен был военный укрепленный лагерь, в 1773 году перестроенный и сделанный окружным городом—Ди-хуа-чжоу; в том же году возведены были укрепления—Ци-тай (преобразовано было в уездный город в 1776 г.) и Фоу-кан (равным образом преобразовано было в уездный город в 1776 г.); в 1766 году основан был Чугучак („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 452; *Матусовский*—„Географическое обозрение Китайской империи", стр. 317, относит основание этого города к 1758 году; в русской географической литературе впервые встречаемся с этим названием в 1771 году; см. *Гельмерсен*—„Поездка... поруч. *Арефия Незнаева* из кр. Усть-Каменногорской в г. Хобдо в 1771 году" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ." 1868, IV, стр. 296); в 1772—Гу-чэн; в 1776 году—Манас (Су-лай) и, наконец, в 1781 году—Кур-карасу (см. „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 465—467, 484—486; *Никифф*—„Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана", стр. XXXVI и 99; „Journal Asiatique", 4 série, 1846, VIII, стр. 391—392).

[1]) „Magasin Asiatique", I, стр. 110, 113, 116; „Journ.Asiatique", 4 série, VIII, стр. 409; *Никифф*, op. cit., стр. 144.

[2]) *Левшин*, op. cit., II, стр. 83.

ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	**Нужно исправить:**
На 23 стран.	*статья*	*статью*
— 25 —	калькуттѣ	Калькуттѣ
— 26 —	съ землѣ	къ землѣ
	миръ	міръ
	Но примѣру	По примѣру
	1809	1909
— 34 —	высшихъ заведеній	высшихъ учебныхъ заведеній
— 36 —	дервитскіе	дервишскіе
— 38 —	европевской	европейской
— 44 —	останется за нами	побѣда останется за нами
— 53 —	текущаго 1812 года	минувшаго 1912 года
— 56 —	твердосью	твердостью
	относилось	относились
— 57 —	поддерживаютъ	поддерживаетъ
— 58 —	также	такъ же
	Столицу Персію	столицу Персіи
— 63 —	мусхафовъ	масхафовъ
— 65 —	явленіямъ	явленіемъ
— 97 —	похожія начертанія	похожія по начертан[illegible]
— 99 —	ученикъ приказалъ	учитель приказалъ
— 105 —	о мактазѣ	о мактабѣ
— 114 —	1812	1883
— 130 —	колыбези	колыбели
— 136 —	изучаемато	изучаемаго
	книками	книгами
— 141 —	Ахзарской	Азхарской
— 151 —	сукъектъ	субъектъ
— 153 —	не читается	(лишнее сло)
— 157 —	Первый годъ	Первый м[illegible]
— 158 —	учащійся	учащій
— 159 —	голосъ признаетъ	признает[illegible]олосъ
— 161 —	уллабъ	туллабъ
— 165 —	признанія	призва[illegible]

— 167	—	75000	7500
— 172	—	Тилляяри	Тиллякори
— 175	—	съ саду	въ саду
— 179	—	1910	1510
— 180	—	1920	1912
— 181	—	Барадуръ-ходжа	Бахадуръ ходжа
— 183	—	народнаго училища	народныхъ училищъ
— 185	—	Маугумъ-ишанъ	Магзумъ ишанъ
— 186	—	Даніяровъ	Даніяръ
— 189	—	и содержится не очень	и содержится не очень за ботливо
— 205	—	извлеченно	извлеченное
— 212	—	въ Индо-китаѣ	въ Индо Китаѣ
— 213	—	не пропорціально	не пропорціальна
— 215	—	Шайбанъ-ханъ	Шайбани ханъ
		Даулятъ Кушбег	Даулятъ-Кушбеги

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Наименование	Стр.
Предисловие		I-VI
Глава I	Предисторический период	1
Глава II	Хуннский период (с начала III в. до Р.Хр. до конца I в. по Р.Хр.	79
Глава III	Сяньбийский период (с начала II до половины VI в. по Р.Хр.)	141
Глава IV.	Турецкий период (с половины VI в. до 745 г.)	208
Глава V.	Турецкий период (с половины VI в. до 745 г.). *Продолжение.*	268
Глава VI.	Период быстрой смены господствующих народностей (с 745 г. до половины XII в.)	331
Глава VII.	Монгольский период (с половины XII в. до 1370 г.)	401
Глава VIII.	Монгольский период (с половины XII в. до 1370 г.). *Продолжение.*	466
Глава IX.	Ойратский период (с 1370 до 1758 г.)	546
Глава X.	Ойратский период (с 1370 до 1758 г.). *Продолжение.*	606
Глава XI.	Западная Монголия под маньчжурским владычеством (с 1758 по 1911 гг.)	683
Глава XII.	Образование Монгольского государства. Урянхайский вопрос.	746
Приложение 2.	Линии монгольских кяриузов	821
Алфавитный указатель имен авторов		829
Алфавитный указатель родов.		
Алфавитный указатель географических названий.		
Алфавитный указатель личных имен.		
Опечатки и другие погрешности.		

ГЛАВА XI.

Западная Монголия под маньчжурским владычеством.

(С 1758 до 1911 года).

Император Шунь-чжи, пользуясь слабостью Халхи и готовностью ее правителей ради ничтожных материальных выгод поступаться своими суверенными правами [1]), успел уже к 1655 году настолько подчинить ее своему влиянию, что без особых затруднений провел ряд мер по ее управлению. К числу таких мер следует отнести: деление ее на восемь вместо прежних семи уделов [2]), причем вновь утвержденным цзасакам „милостиво разрешено было“ принести свою присягу на верность маньчжурскому дому „в княжеском приказе“ [3]); возложение ответственности за политические преступления в Халхе лишь на некоторых из ее правителей, чем нарушалось равенство между цзасаками, и, наконец, введение в скрытой форме

---

[1]) Еще *В. Григорьев*—„Поход Александра Великого в Западный Туркестан“ в „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1881, сент., стр. 49, высказал мысль, что „кочевники, на деле не терпящие над собой никакой чуждой власти“, тем не менее „с большой готовностью предлагают свое подданство“, и вся история наших дипломатических сношений с азиатскими племенами, в частности с алтын-ханами, может служить тому подтверждением. Ту же мысль, но еще решительнее, высказал и *Н. Веселовский* в своей рецензии на книгу А. М. Позднеева—„Монгольская летопись Эрдэнийн-эрихэ“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“, CCXXXIII, отд. 2, стр. 253, 255).

[2]) *Леонтиев*—„Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами“, стр. 6; *А. Позднеев*—„Монгольская летопись Эрдэнийн-эрихэ“, стр. 160—161.

[3]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 58.

жалованья князьям, которые стали получать, начиная с 1655 г., взамен представляемой ими дани [1]) ежегодные „подарки" в количествах, определявшихся особо к тому времени изданным положением [2]).

Эти мероприятия указывают, что уже с 1655 года Халха поступила под протекторат Маньчжурской империи, и что 1688 год [3]) лишь оформил сложившиеся фактически взаимные отношения между Монголией и этой империей. Тем не менее, император Кан-си обставил акт присоединения Халхи к Китаю грандиозными торжествами и выехал в 1691 году в Долон-нор, куда были собраны для присяги халхаские князья, в сопровождении всей своей гвардии и многочисленной свиты.

Показав столь наглядным образом свое могущество, Кан-си на первой же аудиенции утвердил представлявшихся ему князей в их новых маньчжурских титулах [4]), которые должны были заменить прежние монгольские, а затем увеличил число хошунных правителей до 37 и урегулировал в пределах возможного земельный вопрос.

Реформы 1691 года этим ограничились, но засим по мере того, как крепло маньчжурское влияние в Монголии, пекинским правительством стали проводиться в ее жизнь такие

---

[1]) Получившей название—„девять белых", ибо ограничивалась одним верблюдом и восемью лошадьми белой масти. Впоследствии право представления в дань „девяти белых" (у-юнь шань-ян) сохранено было лишь за тушету- и цэцэн-ханами и ургинским богдо-гэгэном (см. *Липовцов*—„Уложение Китайской палаты внешних сношений", 1828, I, стр. 198, § 327).

[2]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 162.

[3]) См. выше стр. 655.

[4]) Сообразно с значением князей им пожалованы были следующие почетные титулы: два китайских—ван и гун, с разделением на две степени каждый, и два маньчжурских—бэйлэ и бэйсэ в следующей градации по нисходящей степени: цинь-ван (хошой-цинь-ван), ван (цзюнь-ван, дорой-цзюнь-ван), бэйлэ (дорой-бэйлэ), бэйсэ (гусай-бэйсэ), тушэ гун (улус-ун-тушэ-гун), гун (улус-тур-тусалакчи-гун). Эти титулы сопровождались иногда почетными эпитетами, как эрдэни, дархан, тушету, дайчин, судзукту, далай, ачиту, батор или обозначением прежней должности—амбань, сайт и т. д. Некоторым из князей не было пожаловано почетных титулов и они стали именоваться просто цзасаками, т. е. правителями. Князьям, не имевшим уделов, присвоено было тогда же одинаковое звание тайчжи с разделением на четыре степени (см. *Котвич*—„Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии", стр. 18—19).

мероприятия, которые вели к дальнейшему ограничению автономных прав халхаских цзасаков. К началу XVIII столетия [1]) следует отнести: лишение их права самостоятельного сношения с правительствами соседних держав и из'ятие из их компетенции особо важных гражданских дел и тех из уголовных, которые влекли за собой смертную казнь. Засим, в те части монгольского делопроизводства, которые требовали сношений с Пекином, введен был маньчжурский язык, а чтобы облегчить халхасцам в этом отношении их задачу, в 1717 году был издан монголо-маньчжурский словарь, послуживший впоследствии средством к ознакомлению халхасцев со всеми важнейшими образцами маньчжурской литературы [2]).

В 1725 году [3]) верховное распоряжение делами аймака передано было сейму цзасаков. До того времени в делах внутреннего управления аймаком [4]) ханская власть была, вероятно, неограниченной, и коль скоро дело касалось интересов целого аймака хану принадлежало право распоряжения действиями цзасаков. Реформа 1725 года лишала ханов этой власти, низводя их на степень рядовых хошунных правителей, чем завершалась принятая еще императором Шунь-чжи система управления Монголией путем дробления ее сил и разобщения политических интересов ее правителей.

Дробление Халхи на хошуны достигло к этому моменту таких пределов [5]), которые сами маньчжуры должны были признать не отвечающими более их интересам, ибо, способ-

---

[1]) Ко времени не позднее 1719 года. *Кушелев* („Монголия и монгольский вопрос", Спб., 1912, стр. 47), неизвестно, на основании каких данных, совершенно определенно указывает на этот год.

[2]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 293.

[3]) К этому году должно быть отнесено издание закона; в жизнь же последний вошел не ранее 1727 года.

[4]) К числу таких дел, между прочим, относились: распределение между хошунами обязанностей по отбыванию натуральных повинностей, а также налогов, постоянных и случайных, подлежавших сбору на общественные надобности; принятие отчетности в расходовании общественных сумм; решение в первой инстанции тяжебных и иных дел, возникавших между хошунными правителями, и др.

[5]) Император Кан-си, приняв в свое подданство 24 удельных князя, в 1691 году, как мы видели выше, увеличил их число до 37, к концу же своего царствования до 72.

ствуя обнищанию народа, оно в дальнейшем могло повести лишь к необходимости поддерживать его существование за счет имперской казны. Тем не менее, еще в том же 1725 году из Тушету-ханов'ского аймака был выделен Сайн-ноин'овский аймак в составе 19 хошунов—число, которое после 1761 года возросло до 24, не считая уделов восьми владетельных хубилганов.

Налогов в Монголии введено не было; но кроме почтовой и караульной они обязаны были отбывать и воинскую повинность, причем на Халху распространена была та же военная организация, которая в XVII веке была введена среди южных монголов.

Разбив в 1633 году армию Ликдан Батур-хана и уничтожив Чахарское ханство, маньчжуры включили чахаров в число восьми императорских знамен, из остальных же южных монголов образовали милицию, приурочив ее организацию к административному и родовому делению на сеймы или корпуса и хошуны или дивизии. В Халхе эта милиция поставлена была, однако, под главное командование маньчжурских генералов, носивших титулы цзянь-цзюней и цань-цзань-да-чэней [1]).

В эпоху войн с джунгарами цзянь-цзюни руководили в Халхе лишь военными операциями, но со второй половины XVIII столетия, когда Джунгария вошла в состав земель Маньчжурской империи, они получили и значение высших гражданских чиновников, контролировавших местное управление и представлявших определения монгольских князей со своим заключением на утверждение в Пекин. Время не только не умалило, но к явному ущербу княжеской власти даже усилило их влияние на направление дел в Монголии, и к началу XX

---

[1]) Об этом бо́льшем подчинении центральной маньчжурской военной власти халхаской милиции свидетельствует „Шэн-у-цзи" (*Васильев*—„Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии", прил. к кн. Потанина—„Очерки сев.-зап. Монг.", III, стр. 322), где читаем: „Войска четырех халхаских аймаков зависят от цзянь-цзюня в Улясутае; войска дурбэтов, новых торгоутов и хошоутов подчинены кобдоскому цань-цзань-да-чэню. Когда случится надобность, то эти главнокомандующие докладывают императору и распоряжаются ими. Это несходно с внутренними цзасаками, где войска зависят от собственных ханов и князей в каждом аймаке".

столетия их роль в местной жизни уже не отличалась от той, какую играют китайские генерал-губернаторы в районах, населенных инородческими племенами, управляемыми наследственными князьками [1]). Едва-ли даже монголы не стали к этому времени одной из самых раболепных народностей Небесной империи.

Лишение монголов права сноситься по пограничным делам с правительствами соседних держав, перешедшая вследствие сего в Пекин обширная переписка с русскими властями о порубежных столкновениях, захвате земель и самовольных переходах границы при неопределенности этой последней и невозможности, в виду этого, придти иногда к полюбовному соглашению, как следствие же нарастание взаимного неудовольствия, выдвинули срочный вопрос о размежевании двух империй, сошедшихся в своем поступательном движении в той полосе Азии, на которую простирали свои иногда вполне обоснованные претензии халхасские власти.

Этой назревшей потребности до известной степени удовлетворил Буринский трактат 20 августа 1727 года и два приложенных к нему разменных письма от 12 и 27 октября того же года „о разводе по силе Буринского договора между Российским и Китайским государствами границы, начиная от Кяхты в левую сторону до вершины реки Аргуни [2]) и в правую до Шабина-Дабага и до Контайшина владения“ [3]). Граница, им установленная, удержалась до настоящего времени без существенных исправлений [4]), но правильность ее нанесения на наши карты к западу от озера Косогола стала с некоторых пор вызывать столь горячо высказываемые сомнения, что было бы в несоответствии с задачами настоящего труда обойти их молчанием. Оставляя, однако, изложение своих соображений

---

[1]) За исключением, однако, некоторых частей восточного Тибета, где китайская власть проявляет себя очень слабо.

[2]) Граница с Монголией и Маньчжурией к северу отсюда, по р. Аргуни и через р. Шилку по р. Горбице и Становому хребту, установлена была Нерчинским договором 27 августа 1689 года.

[3]) „Сборник договоров России с Китаем“, изд. Мин. Иностр. Дел, 1889, стр. 11—43.

[4]) Последние коснулись только самого восточного ее участка, примыкающего к р. Аргуни, и в бассейне этой реки.

по этому поводу до следующей главы, я ограничусь пока замечанием, что для нашей ближайшей задачи —обзора народных передвижений в Западной Монголии с конца XVIII столетия, то или иное решение этого вопроса не имеет существенного значения, ибо до 1911 года Урянхайский край хотя и жил обособленной жизнью, но не выходил из под управления китайских властей и всегда считал себя составной частью Китайской империи. После присоединения Джунгарии пекинское правительство не сочло необходимым и своевременным продолжить размежевание с Россией к западу от перевала Шабин-дабага—упущение, свидетельствовавшее о малой населенности Алтая и малом значении, которое придавалось в то время китайцами этой окраине. Но уже одновременно горные долины в бассейнах Катуни и Бухтармы стали заселяться беглыми и так называемыми „каменщиками"—выходцами из России, притом настолько прочно, что с этим фактом пришлось вскоре считаться как русским, так и китайским властям. В 1790 году тридцать бухтарминских и других алтайских деревень этих засельщиков, „прослышав о беспредельном милосердии" Екатерины II, пожелали присоединиться к России, и в силу рескрипта на имя сибирского генерал-губернатора Пиля от 15 сентября 1791 года это присоединение тогда же состоялось [1]), хотя долина р. Бухтармы в то время признавалась еще столь мало русской, что в инструкции графу Головкину [2]) особо рекомендовалось добиваться открытия порубежной торговли на северо-западной границе Китайской империи [3]),

---

[1]) *Н. Ядринцев*—„Раскольничьи общины на границе Китая" в „Сибирском сборнике", 1886, I, стр. 39—40; *Гагемейстер*—„Статистическое обозрение Сибири", 1854, II, стр. 55—56; *Принтц*—„Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости", etc., в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", 1867, I.

[2]) *В. Вагин*—„Посольство графа Головкина в Китай в 1805 г." в „Изв. Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1872, III, № 3, стр. 133, 140.

[3]) Эта граница пересекала долину реки Бухтармы в урочище Красные ярки, в шестидесяти верстах выше Бухтарминской крепости и устья этой реки, где расположен был китайский пост. Впрочем, права китайцев на Бухтарму не считались, повидимому, в то время бесспорными, ибо иначе трудно об'яснить себе приказ 1760 года „о занятии в Сибири мест от Устькаменногорской крепости по р. Бухтарме и далее до Телецкого озера; о построении там в удобных местах крепостей и о заселении той

в долине р. Бухтармы. В 1860 [1]) и 1864 [2]) годах это фактическое занятие русскими засельщиками наиболее ценных частей Алтайского нагорья, при выяснившейся для противной стороны невозможности документально доказать свои права на владение этой территорией, сыграло решающую роль в спорном вопросе, и он был разрешен в пользу России: Китай принужден был отодвинуть свою границу в этом участке далеко на восток и уступить нам всю горную территорию к северу от гребня Большого Алтая.

Впрочем, возможно также, что после легких побед маньчжурского оружия в Средней Азии, когда огромные территории вошли в состав Китайской империи [3]), нежелание размеже-

---

страны по рекам: Уде, Ульбе, Березовке, Глубокой и по прочим речкам, впадающим в оные и в Иртыш реку русскими людьми до 2.000 человек". („Полн. Собр. Зак.", XV, № 11, 124; *Щеглов*—„Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири", стр. 263; „*Колонизация Сибири* в связи с общим переселенческим вопросом", изд. канц. комит. министров, 1900, стр. 37). Вероятно, осуществление этого приказа встретило затруднения, так как в 1795 году последовало новое его подтверждение („Колонизация Сибири", etc., стр. 38).

Согласно „Синь-цзян-чжи-лё" („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 443), китайская граница в области Иртыша должна была переходить эту реку ниже устья р. Бухтармы—указание едва-ли верное, так как в начале XIX ст. пограничным пунктом считалось устье реки Нарыма (см. *Путинцев*—„Voyage de Boukhtarminsk à Gouldja ou Ili" в „Magasin Asiatique", 1825, I, стр. 176).

[1]) При заключении Пекинского договора 2 ноября 1860 года.

[2]) При заключении Чугучакского соглашения 1864 года и при последовавшем в 1869 году разграничении от горного перевала Улан-даба до гор Мус-тау в Саурском хребте. *И. Ф. Бабков*, уделяющий значительную часть своей книги („Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875", 1912) событиям, предшествовавшим переговорам с китайцами о разграничении, только мимоходом упоминает о вольной русской колонизации Алтайских земель, не придавая ей, повидимому, особого значения, что, конечно, составляет существенный пробел в собранном им интересном материале о постепенном продвижении русского элемента вглубь Средней Азии; впрочем, он главное внимание уделяет степи, населенной казаками, и очень мало Алтаю, где китайское влияние сказывалось сильнее.

[3]) После завоевания Джунгарии Восточный Туркестан должен был-бы наследственно стать достоянием маньчжуров. Но в 1754 году там разыгрались события, которые вынудили Цянь-луна оружием подчинить себе эту страну.

ваться с Россией было делом расчета, продиктованного пекинскому правительству надеждой еще более отодвинуть на запад

Даниял-ходжа оставался в почетном плену у калмыков (см. выше стр. 649) до 1720 года, когда Цэван-рабтан не только возвратил ему свободу, но и вверил его управлению всю Кашгарию. После смерти же Даниала страна эта была разделена на четыре удела: Аксу, Кашгар, Яркенд и Хотан, правителями которых поставлены были его сыновья. Один из последних, Юсуф-ходжа кашгарский, воспользовавшись смутами в Джунгарии и успев вовлечь в свои замыслы остальных князей Алтышара, свергнул в 1754 году джунгарское иго (подробное изложение этих событий мы находим в „Тезкереи ходжаган", op. cit., стр. 226 и след.). Таким образом, когда маньчжуры овладели Джунгарией, Кашгария уже перестала входить в число земель, подвластных джунгарам.

Первые попытки маньчжуров овладеть Восточным Туркестаном относятся к 1755 году. В то время в горах Боро-хоро жили в изгнании два сына помянутого выше (стр. 649) Ахмеда-ходжи. Старшим из них Бурхан ад-Дином и решил воспользоваться Цянь-лун для своих целей.

Когда по Кашгарии разнеслась весть, что Бурхан ад-Дин выступил к городу Аксу во главе соединенных сил маньчжуров и калмыков, приверженцы белогорской партии стали стекаться к нему в огромном числе. Он без сопротивления овладел Уч-Турфаном и Аксу, разбил здесь с помощью передавшихся ему киргизов и кашгарцев высланные из Яркенда войска, и, преследуя черногорских ходжей по пятам, подступил к Кашгару. Юсуф-ходжа незадолго перед тем скончался, и кашгарцы, стоявшие всегда на стороне белогорских ходжей, с радостью отворили перед победителями ворота.

Бурхан ад-Дин не задержался в Кашгаре. Не давая черногорцам времени оправиться от поражения, он выступил против них со всеми своими силами и осадил Яркенд. Благодаря измене, город был вскоре взят. Ходжи черногорской партии бежали, но были настигнуты, захвачены в плен и казнены (спасся бегством в Индию только сын Юсуфа—Назар-ходжа). Таким кровавым путем удалось, наконец, Бурхан ад-Дину восстановить единодержавие в Алтышаре. Но его угнетало сознание своей зависимости от маньчжур. Проведя всю свою молодость в плену, испытав всевозможные унижения и достигнув теперь свободы и власти, он желал уже пользоваться ими неограниченно. Таковы были причины первого бунта кашгарцев. Бурхан ад-Дин плохо, однако, расчитал свои силы. После незначительного столкновения, в котором победа оказалась на его стороне, он во всех последующих боях с маньчжурскими полководцами Чжао-хой'ем и Фу-дэ был разбит и, сдавая город за городом, должен был, наконец, искать спасения в бегстве. Он бежал в Бадахшан, но там был убит местным владетелем.

Присоединение Восточного Туркестана к Китаю состоялось в 1759 г.

пределы государства, включив в него как казацкие земли [1]), так и бассейн Сыр-дарьи [2]).

---

[1]) Повод к такой надежде подал образ действий их султанов и ханов: Аблай-султана, присягавшего России в 1740 году, русского ставленника Нур-Али-хана, его брата Иль-Али (Ирали)-султана, Султан-Мухаммеда, одного из наиболее сильных султанов Средней орды, Абу-л-Фаиз-султана, Батыр-султана и др., которые поспешили склониться перед императором Цянь-луном и в 1763 году отправили в Китай своих послов с „данью" (*Вельяминов-Зернов*—„Истор. известия о кирг.-кайсаках и сношениях России с Ср. Аз. со врем. конч. Абул-хайр-хана", стр. 210); наиболее же влиятельный из них, Аблай-султан, не только лично встретил маньчжурские войска, но и признал себя подданным маньчжурского монарха, вследствие чего Цянь-лун приказал тогда же внести в число подвластных ему земель и те, которые находились под кочевьями Аблай-султана, этому же последнему выслать грамоту на княжеский титул и календарь (*Тимковский*—„Путешествие в Китай через Монголию", I, стр. 253; *Левшин*, op. cit., II, стр. 211). Насколько изменились после занятия Джунгарии маньчжурскими войсками отношения киргиз-казаков к России, видно, между прочим, и из следующего секретного (вероятно, циркулярного) указа 27 января 1756 года по пограничным укреплениям:... „Ныне посыланной от него, господина действительного тайного советника (оренбургского губернатора Неплюева), с весны в Среднюю киргиз-кайсацкую орду к Аблай-султану тамошней толмач Матвей Арапов, возвратясь, доносил, что киргиз-кайсаки той орды своими авантажами, над зенгорскими калмыками одержанными, весьма возгордели и по управе с зенгорцами против сибирского края похваляются, да и сам Аблай-султан в письме своем к нему, господину действительному тайному советнику и кавалеру, присланном непристойные претензии задает, и тако ноне с стороны сибирской, наипече при верх-иртышских и на новой ишимской линии, также и в прочих пограничных сибирской губернской канцелярии жительствах от тех киргиз-кайсак опасности иметь надлежит" (*Ватин*—„Минусинский край в XVIII веке", 1913, стр. 201—202).

[2]) После побед Фу-дэ и Чжао-хой'я кроме казацких султанов признали себя вассалами императора Цянь-луна: родовые правители тяньшаньских киргиз (*Imbault-Huart*—„Recueil de documents sur l'Asie Centrale", стр. 153—155, 162—164) и беки Коканда (*Imbault-Huart*, op. cit., стр. 169), Андижана (*Imbault-Huart*, op. cit, стр. 178), Маргелана (*Imbault-Huart*, op. cit., стр. 179) и Намангана (*Imbault-Huart*, op cit., стр. 180). Не довольствуясь этим, Цянь-лун приказал готовиться к походу на Самарканд, но этому походу не суждено было осуществиться. Известия о делаемых приготовлениях встревожили весь мусульманский мир и побудили казацких султанов и кокандского и ура-тюбинского беков (биев) просить помощи у могущественного кандагарского владетеля Ахмед-шаха Дуррани. Последний не остался глух к этой просьбе и, несмотря на свою войну

Как бы то ни было, существование между двумя империями территорий, населенных кочевыми племенами, чувствовавшими приближение конца своей независимости и стремившимися продлить последнюю ценой двоединства, но в то же время недисциплинированными и своевольными, создавало условия, нетерпимые для России [1]), которая в эту эпоху против воли правительства надвигалась на Среднюю Азию стихийно, подталкиваемая к захвату новых земель народным инстинктом, который не могли сдержать учреждавшиеся в то время укрепленные пограничные „линии". Как мы ниже увидим, на восток от Шабин-дабана русских колонизаторов не сдержала даже и установленная государственная граница, на западе же Россия широко использовала возможность продвинуться к югу и в шестидесятых годах прошлого столетия, учтя благоприятный поли-

---

с сейками, выслал в 1763 году вспомогательный корпус на защиту Ташкента. Обстоятельство это заставило Цянь-луна приостановить отправку войск на запад, а вскоре затем его внимание отвлекли новые беспорядки в Кашгарии. Слухи о приготовлениях Ахмед-шаха к войне с маньчжурами проникли и в Россию, находившуюся тогда в крайне обостренных отношениях к Китаю. Они дали повод к секретному указу Екатерины II от 28 ноября 1763 года, который заканчивался следующими словами:... „Если все сие основательно, то бы стараться не худо-бъ было пограничным командирам с ханом Агаметцою медиятное или немедиятное знакомство свести; оно для нерчинской экспедиции (Россия замышляла тогда военную экспедицию на Амур) современем годилось-бы, ибо рано или поздно, а необходимо будет сократить господ китайцев, а в сем случае и был-бы хан Агаметца такою меделянскою собакою, которую бы на них во время и кстати пустить можно" (*Трусевич*—„Посольские и торговые сношения России с Китаем", стр. 59; см. также *П. Крафт*—„Тургайский областной архив", стр. 102, № 278. и стр. 105, № 284).

[1]) Большинство сибирских городов выросло на месте прежних острогов и крепостей, которые создавались в ограждение русских культурных районов от набегов кочевников. Так, Омск, например, основан был „для калмыцкого береженья", ибо набеги кочевников не только участились, но и простирались под самую Тару, причем особенно страдали подвластные России барабинские татары (*Катанаев*—„Историческая справка о том, как и когда основан город Омск", в „Вестн. Омск. городск. обществ. управления", 1916, № 7). Такова же была цель постройки и всех других крепостей по Иртышу, а равно укрепленных линий (Иртышской форпостной, Оренбургской и связывавшей их „Горькой", построенной в 1752 году), постепенно, по мере поступательного движения русской колонизации, вдвигавшихся в степь.

тический момент, далеко отбросила Китай от того рубежа, на который простирал свои виды император Цянь-лун. Впрочем, на отмежеванную при этом территорию Россия имела не менее прав, чем Китай, ибо после принятия в 1730 году в подданство казаков Малой орды [1]) ей присягнули: в 1731 году —Шемяка, хан Средней орды [2]), и в 1738—Иолбарс, хан Большой орды [3]).

Во второй половине XVIII и в первой XIX столетия степь между Алтаем и Небесным хребтом, к западу от Джунгарского Алатау, находилась, однако, еще в полном обладании кочевников, и здесь продолжали нарождаться события, находившие отражение как в наших пределах, так и в соседней Монголии. К их изложению и надлежит нам теперь перейти.

---

[1]) *П. Рычков* — „История Оренбургская", etc., в „Соч. и перев. к пользе и увеселению служ.", 1759, генварь, стр. 14 и 35, февраль, стр. 103.

[2]) В выс. указе от 10 июня 1734 г. (приведен *П. Рычковым* в его „Истор. Оренб." в "Соч. и перев. к пользе и увеселению служ.", 1759, февр., стр. 105) говорится: „Нам, великой государыне... известно, как в 1731 году ты Шемяки хан, в бытность посланного нашего в Киргис-Кайсацкую орду мурзы Тевкелева в подданство наше вступил и в верности нам присягу учинил"... *Левшин*, op. cit., II, стр. 103, ошибочно относит это событие к 1732 году. В выс. указе от 2 мая 1749 г., № 151, об утверждении султана Нур-Али ханом киргиз-казацким (*И. Крафт* — „Тургайский областной архив", стр. 22, № 85) говорится, что Средняя орда вступила в русское подданство в 1640 году. В 1740 году присягали правители Средней орды: Барак, Абу-л-Мухаммед-хан и Аблай-султан; первые два вторично в 1744 г. (*И. Крафт*, op. cit., стр. 15, № 56), Аблай-султан в 1762 году вместе с Абу-л-Файз-султаном (*Щеглов*—„Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири", стр. 269; см. также „Выписку из дел о Зенгорском народе" и т. д., лист (160) 17). Что русское правительство нисколько не преувеличивало значение этих присяг, видно из следующего места указа правительствующего сената от 17 октября 1744 г., № 1290: „и хотя такие присяги по состоянию киргиз-кайсацкого народа в содержании их и не есть твердое и надежное основание, однако, через то право их должности и подданства ея величеству толь паче подтверждается особливо при нынешних кон'юнктурах, когда зюнгарский владелец всеми образы старается, чтобы их на свою сторону преклонить и от подданства российского отторгнуть" (*И. Крафт*, loc. cit.).

[3]) „Полн. Собр. Зак.", X, № 7657. Сему предшествовала отправка (в 1734 году) Абу-л-Хайр-хану похвальной грамоты за приведение в российское подданство киргиз-кайсаков Большой орды и Аральского хана („Полн. Собр. Зак.", IX, № 6567). См. также *П. Рычков*, op. cit., ibid., стр. 107.

Китайские историки свидетельствуют, что поголовному избиению калмыцкое население подверглось лишь в южной Джунгарии, в долине Или и в подгорной области Западного Тянь-шаня, т. е. на территории, составлявшей юрт джунгар и хойтов [1]). Но и к северу отсюда, в области Тарбагатая, Черного Иртыша и озера Зайсана степь опустела, так как кочевавшие там дёрбёты, потеряв опору в джунгарах, занятых междоусобной войной, и слишком слабые, чтобы одним сдерживать казаков, еще в 1753 году ушли на восток, где, с разрешения маньчжурских властей, и заняли южное подгорье Хангая в долинах рек Дзака, Байдарика и Туин-гола [2]).

Яркую картину того, что творилось в 1753—1756 годах в джунгарских степях, рисует показание Сеид Касимова от 18 июня 1756 г. [3]).

Казаки Большой и Средней орд, доносил он, „алчные к добыче“, не прекращают своих грабежей, несмотря на попытки Даваци оградиться от их набегов устройством кордона. Следствием этих набегов является быстрое обезлюденье страны, население которой уже сократилось на одну треть. Особенно дерзки стали они после того, как у них укрылся Амурсана, их силами добивающийся престола в Джунгарии [4]). В степи число пленных калмыков растет со дня на день. В Малой орде их получают уже „за столь прибыльный промен или торг“,

---

[1]) Большая часть хойтов, впрочем, избегла этой резни, так как около 10.000 их кибиток еще в 1756 году откочевало на Волгу.

Никифф, op. cit., стр. 136, пишет, что дёрбёты кочевали не только в бассейне Иртыша, но и в долине Таласа. О судьбе этих дёрбётов нам ничего неизвестно; возможно, однако, что здесь идет речь о том отделе дёрбётов, который, по словам „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 451, кочевал к западу от Или, по соседству с казаками. В 1755 году этот отдел принужден был бросить свои кочевья и перейти на свободные земли в бассейне Черного Иртыша, но здесь оставался недолго и после того, как бежал за Алтай, был по распоряжению китайских властей переведен в Восточную Монголию, где и поселен в Хулун-буир'ском округе.

[2]) „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 444, 446—447.

[3]) *В. Вельяминов-Зернов*—„Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-хайр-хана (1748—1765 г.)“, стр. 225.

[4]) У *Никифа*, op. cit., стр. 121, также сказано, что „Амурсана противостал маньчжурам с войсками киргиз-казачьими“.

что Айчувак-султан, завлеченный примером и заранее предвкушая успех, собирается со своими подданными выступить осенью (1756 года) в поход против ойратов...

Китайское правительство, мирволившее казакам до тех лишь пор, пока питало агрессивные замыслы на Фергану и не чувствовало себя достаточно прочно в завоеванном крае, в 1764 году круто изменило свои отношения к этому народу и, забывая ранее данное разрешение селиться в Джунгарии [1]), об'явило Аблаю, что впредь не допустит каких-либо самовольных вторжений в пределы Джунгарии. Одновременно же, не без китайского, конечно, ведома тяньшаньские киргизы напали на тех из казаков, которые успели уже использовать данное разрешение, и, полонив многих, остальных принудили бежать из занятых ими кочевий [2]).

Этот поворот в китайской политике очень быстро понят был казаками, Аблай-султан же по этому поводу высказал: „так как нам нельзя более ждать ничего доброго от китайцев, то следует решительно перейти на сторону русских, дабы тем

---

[1]) См. „Выписку из дел о зенгорском народе“ и т. д., лист (162) 19; *И. Крафт*—„Тургайский областной архив“, стр. 54, где под № 179 приводится содержание указа коллегии иностранных дел от 6 мая 1758 г. за № 442, и, между прочим, говорится: „Султан Средней орды Аблай присылал в Оренбург нарочных с письмами, в которых извещал, что китайцы призывают киргиз Средней орды кочевать в зюнгорской степи, что богдыхан присылал к нему, Аблаю, своих посланцев с об'явлением о желании богдыхана иметь Аблая „вместо сына“ и что китайцы для привлечения киргиз предполагают учредить при уроч. Ирень-кабырга такой же торг, как и в Оренбурге.“ В 1763 году указом императора Цянь-луна казакам Средней орды было подтверждено дозволение: 1) переходить в свободные земли в Илийской долине при условии ежегодной уплаты в подать одной лошади с каждой сотни и одного барана с каждой тысячи; 2) производить торг в городах Кульчже и Чугучаке и 3) отправлять послов в Пекин (*Щеглов*—„Хронол. перечень важнейш. данных из истор. Сиб. 1032—1882 г.г.“, стр. 275), но уже в 1764 году этот указ был отменен, причем ближайшие тому причины остаются нам неизвестными. *Валиханов*—„Сочинения“, etc., стр. 310—311, относит отмену указа к 1762 году, что уже потому неверно, что известное посольство казацких ханов и султанов в Пекин (см. выше стр. 691) состоялось лишь в 1763 году. Несомненную хронологическую ошибку делает и автор „Сю-юй-ту-чжи (*Imbault-Huart*, op. cit., стр. 125).

[2]) *Вельяминов-Зернов*, op. cit., стр. 230.

заслужить их мощное покровительство". Однако, тот-же Аблай уже в 1774 году пытался, хотя и тщетно, переманить на свою сторону русских башкиров, четыре же года спустя при принятии грамоты на ханский титул отказался от новой присяги, выставив предлогом опасение навлечь на себя гнев богдохана [1]).

Что до 1764 года положение дел в Джунгарии не отличалось существенно от очерченного в показании Сенда Касимова, явствует из неосуществившейся попытки дёрбётов вернуться в свои родные кочевья в бассейнах Черного Иртыша и озера Зайсан-нор. Покинув Хангай в 1756 году, они уже в следующем году должны были вновь бежать на северные склоны хребта Алтаин-нуру, где и заняли, с разрешения китайских властей, урянхайские земли к северу от р. Кобдо [2]).

Эти вынужденные передвижения дёрбётов, которых особенно поддерживали маньчжуры за их верность присяге [3]), отразились весьма серьезно на дальнейшей судьбе урянхайцев, ибо, заняв территорию от р. Теса и оз. Уса до р. Кобдо и хр. Сайлюгем, дёрбёты разобщили между собой оба крыла

---

[1]) Привожу содержание весьма характерного высочайшего указа оренбургскому губернатору от 4 октября 1779 года по поводу уклонения султана Аблая от прибытия на торжество возведения его в ханское достоинство (*И. Крафт*, op. cit., стр. 129, № 347):

„Все старания призвать хана Аблая в Петропавловскую крепость для принятия присяги на верность службы и для вручения ему высочайшей грамоты и других знаков ханского звания оказались тщетными: он уклонился от поездки под разными предлогами, а с посланными к нему офицером и переводчиком обходился очень грубо и допустил их к себе только один раз".

„По разведкам оказалось, что Аблай оставался приверженным Китаю, имел в орде и лично у себя в плену много русских людей, которых по требованиям не выдавал и дозволял грабить русских и азиатских купцов. Уклонившись от принятия присяги, Аблай пожелал сохранить за собой свободу действий, чтобы делать русским всякие пакости".

„Вследствие этого предписано не выдавать Аблаю грамоту и другие знаки на ханское достоинство, а чтобы этот варвар сильнее почувствовал негодование, вызванное его поступками, велено прекратить выдачу ему жалованья".

[2]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 445.

[3]) Они перешли в китайское подданство в 1753 году („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 137).

этого народа [1]), направив их жизнь в различные русла. Что, однако, алтайские и енисейские урянхайцы составляют части одного и того же народа, это доказывает как их общее племенное имя сойн, так и сохранившийся еще кое-где у алтайцев их коренной теленгитский или сойнский язык [2]).

Урянхайцы, несмотря на значительные размеры территории, находившейся некогда в их обладании, простиравшейся от вершины Иркута [3]) до Иртыша [4]), никогда не играли видной роли в истории. Они не имели даже своих туземных князей и только однажды, об'единенные с хотохойтами под властью халхаских князей, достигли некоторого политического значения. Для нас этот момент получил в последнее время особый интерес в виду попыток связать с ним так называемый „урянхайский вопрос“ [5]), который по своей природе не под-

---

[1]) Кажется, уже до 1755 года урянхайцы делились на два административно не связанные между собою отдела (См. *Klaproth*—„Asia polyglotta“, стр. 147).

[2]) *А. Позднеев* —„Монголия и монголы“, I, стр. 363.

[3]) См. ниже стр. 700.

[4]) В исторической литературе имеется целый ряд известий, свидетельствующих о том, что в XVIII столетии Алтайские горы до устьев Бухтармы и Курчума заселены были урянхайцами. Ограничусь следующими выписками из „Материалов для истории Сибири“, печатавшихся *Потаниным* в „Чтениях в И. Общ. Истор. и Древн. Российск. при Моск. Унив.“, 1866: „В августе месяце 1757 года против урянхайцев, отогнавших казенный табун из под стен Устькаменногорской крепости, была выслана команда из 106 человек при одной мортире, но этой команде пришлось с потерями отступить, так как против нее неприятель выставил значительные силы“ (IV, стр. 94). В ноябре того же года бежавшие к нам мингаты показывали: назад тому 27 дней напали-де на них урянхайцы по ту сторону Бухтармы и отбили всех лошадей; кочевья этих урянхайцев лежат за Иртышом против устья р. Бухтармы (IV, стр. 101).

[5]) Весьма сомнительная, как мне кажется, заслуга *поднятия этого вопроса в печати* принадлежит *В. Попову*, который, приписывая себе возвращение (sic!) Урянхайского края России („Новое Время“, № 14783 от 21 мая 1917 года), стал даже писаться Попов-Урянхайский! Но первый, кто после некоторого промежутка времени вновь поднял его в петербургских канцеляриях, был *Г. Н. Сафьянов*, и среди вопросов, которые предстояло мне выяснить в том же 1903 году при поездке, по поручению министра финансов Витте, в Западную Монголию и Урянхайский край, был, между прочими, и этот вопрос.

лежал-бы обсуждению corum populo; но раз он был вынесен из недр дипломатических канцелярий на страницы повременных изданий, на меня, как на лицо, задачей которого явилось составление истории Западной Монголии и Урянхайского края, выпала обязанность дать этому вопросу верное освещение и свести с того скользкого пути, на который он был поставлен. Он мог бы быть разрешен в соответствии с той культурной миссией, которая выпадала до сих пор в Азии на Россию, но только тем стихийным путем, коим она следовала здесь до последнего времени [1]), аргументация же материалом, хотя и почерпнутым преимущественно из прошлого этой страны, но не прошедшим через горнило исторической критики, не может дать той основы, которая необходима для принятия решений государственного значения, и это, повидимому, понял В. Н. Васильев, закончивший свою статью — „Урянхайский пограничный вопрос“ [2]) призывом и историкам. Последующее, освещающее историческую сторону вопроса [3]), служит ответом на этот призыв.

В свидетельстве, подписанном Лорецом Лангом и другими лицами, принимавшими участие в заключении Буринского договора, говорится об урянхайцах [4]): „Урянхи суть народы непостоянные и перебегают своим кочеванием по хребтам и горам по нескольку недель ходу, некогда в Российскую Империю, а некогда в Мунгальскую землицу, и где остановятся кочеванием, тому платят по пяти соболей ясаку, дабы их назад не требовали; и таких урянхов обретается на обе

---

[1]) Эти строки написаны были в 1916 году. Несколько времени спустя урянхайский вопрос был решен в соответствии с теми новыми началами, которые дали России события 1917 и последующих годов.

[2]) „Журнал Мин. Народного Просвещения“, новая серия, 1912, XXXVIII, № 4.

[3]) Как уже замечено было выше, во всей своей полноте этот вопрос будет мною разобран в следующей главе; часть-же историческую, дабы не нарушать принятого мною плана изложения истории Монголии, приходится, к сожалению, выделить. Но это даст нам в дальнейшем возможность приступить к его изложению на той основе, которой так не доставало лицам, стремившимся его разрешить sit venia verto слишком по-военному.

[4]) *Н. Бантыш-Каменский* — „Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г.“, изд. Флорин ским, 1882, стр. 345.

стороны так далече, что по нескольку недель расстояния, а равное-ль число таких перебещиков у одной и другой империи, о том подлинно не ведаем".

Из этого свидетельства явствует, что определенных данных о пределах той территории, которую занимали урянхайцы в начале XVIII столетия, ни у нашего посланника графа Рагузинского, ни у китайских уполномоченных не было; но такое неведение должно было всецело относиться лишь к северной границе этой территории, ибо южная, соприкасавшаяся с халхаскими кочевьями, не могла не быть известной монголам. Не следует забывать, что урянхайцы и хотохойты (хото-гайту) достались в удел седьмого сына Гэрэсэнцзэ—Отхон-нояна, после чего их кочевья вошли в состав земель Дзасакту-хан'овского аймака, образовав его северную окраину, и что таким образом к югу от их территории лежал уже пояс земель, находившихся на строгом учете [1]). Иное дело—север, где ширилась необ'ятная тайга, населенная мелкими племенами бродячих охотников, которая давала полную возможность уходить если не на „несколько недель расстояния", как пишет Лоренц Ланг, то все же достаточно далеко от коренных мест своих кочевий; и нет сомнений, что сойоты, привлекаемые там обилием зверя, широко этим пользовались.

Еще Иван Фишер писал, что сойоты (саяны) живут по обоим склонам Саянского хребта [2]) к югу от тубинцев [3]), т. е.

---

[1]) Маньчжуры, как известно, оставили почти неприкосновенными установившиеся в Монголии порядки, но, заботясь о прочном устроении своей империи, они решили урегулировать эти порядки, подчинив их вполне определенным нормам. Они сохранили у монголов деление на уделы с наследственными князьями во главе, но рядом частных и общих распоряжений закрепили число этих уделов, отведя им для кочевок определенные территориальные районы и строго воспретив выход за их пределы. Вследствие этого вся Монголия оказалась вскоре-же после 1688 года точно отграниченной от других областей. Все эти границы были обозначены в натуре, но для европейцев они и до сих пор остаются мало известными. Правда, в распоряжении монгольских князей имеются карты отдельных княжеств с указанием их границ, но карты эти, представляя собой менее даже, чем схематический рисунок, имеют весьма относительную ценность; к тому-же они тщательно берегутся в княжеских управлениях и получить их очень трудно.

[2]) „Сибирская история", etc., стр. 256.

[3]) Op. cit., стр. 458.

между Амылом и Енисеем. Засим, у того же историка находим известие, что в 1652 году сойоты, соединившись с телесами, угрожали Кузнецку [1]) и разграбили весь Кузнецкий уезд [2]). Впоследствии, вероятно, совместно с маторами [3]), кочевавшими по Амылу, они должны были податься на юг, ибо кн. Анакидзе [4]) и Шварц [5]) встретили их только в долине Уса, главным образом ниже устья р. Иджима. Некогда они жили и к востоку от истоков Амыла. Встреченные Кастреном [6]) в 1848 году в долине р. Иркута сойоты рода иркит [7]) сообщили ему, что в прежнее время они кочевали в Нижне-Удинском [8]) уезде, откуда и перешли на Тунку [9]), и что некоторые

---

[1]) Op. cit., стр. 461.

[2]) Op. cit., стр. 467.

[3]) *Castrèn*—„Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849", стр. 322. *Пестерев* („Magasin Asiatique", I, стр. 132—133) встретил в 1773 году маторов не только по верхнему Амылу, но уже и по ту сторону государственной границы, в верховьях р. Ут. Ныне эти маторы (маты) слились уже с сойотами, образовав среди них отдельный род [см. *Райков*—„Отчет о поездке к верховьям реки Енисея" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1898, стр. 449; *Е. Яковлев*—„Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и об'яснительный каталог Этнографического отдела Музея" („Описание Минусинского Музея", вып. IV, 1900, Минусинск), где, на стр. 19, говорится, что „мады" еще помнят, что некогда жили на землях нынешней Сагайской думы, и что, несомненно, часть сойотских родов жила прежде в нынешних Минусинских степях и была вытеснена оттуда в составе той волны, которая отхлынула на юг после прихода туда русских].

[4]) „Поездка к границам Монголии" в „Изв. Сибирск. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", I, № 2—3, стр. 53.

[5]) „Труды Сибирской экспедиции И. Русского Географического Общества", отдел математический, стр. 109 и след.

[6]) Op. cit., стр. 396.

[7]) *Потанин*—„Очерки сев.-западн. Монг.", IV, стр. 2,7, пишет, что кость иркыт—самая многочисленная среди алтайцев и теленгитов и что иногда это название встречается в соединении с сойон—иркыт-сойон.

[8]) Напечатано: в Верхне-Удинском; что это, однако, описка, видно хотя-бы уже из того факта, что урянхайцы кочевали в начале XVIII века в бассейне р. Уды; последнее подтверждается и донесением графу Рагузинскому красноярских властей (см. ниже гл. XII).

[9]) Это переселение должно было произойти ранее 1805 года, так как в этом году *Klaproth* (см. „Asia polyglotta", стр. 151) посетил Тунку с тою целью, чтобы ознакомиться с языком местных сойотов. Поездка была неудачной, но небольшой словарь этого языка, который оказался *тюркским*,

из их сородичей продолжают и ныне жить в горах по рекам Оке, Гаргану, Холбе (Хороку) и Хоншуну (Ханчину), другие спустились в низины (Буха-горхон), где настолько смешались с бурятами, что утратили подобно им, тункинцам, свой язык и обычаи; впрочем, они еще помнили как свое родство с карагасами, так и то обстоятельство, что их предки были данниками китайцев. Встретились также с сойотами в наших пределах в верховьях Осы (Онота) и Иркута (у оз. Ильчир), в долинах Ханчина и Ирленка, системы Урика, и на Ботугольском гольце Радде [1]), Фабрициус [2]), Н. Щукин [3]), Черский [4]) и Гартунг [5]), им же посвятил небольшую заметку и Можаев [6]), который различает здесь между ними даже две отличные народные группы: кончинских и верхнеокинских сойотов. Что эти сойоты были давними засельщиками указанных мест, явствует из замечания Рашид эд-Дина [7]), что урянхиты в эпоху Чингис-хана жили в Барге, по-соседству с тумэтами и хори-бурятами. Все эти указания очень важны, так как с несомненностью устанавливают, что некогда и к северу от Саянского хребта сойоты занимали обширную терри-

---

он получил впоследствии (в 1810 г.) от *Спасского*, который имел случай встретить этих сойотов. К началу семидесятых годов прошлого столетия часть их уже перешла в православие, обрусела и смешалась с русским населением Тунки (см. *Ровинский* - „О поездке на Тунку и на Оку до Окинского караула“ в „Изв. сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, I, № 4 и 5, стр. 48). О том, что в XVIII столетии язык тункинских сойотов был тюркским, свидетельствует и *Büsching* „Erdbeschreibung“, Th. I, стр. 845 (Hamburg, 1787). (Цит. по *Катанову*—„Опыт исследования урянхайского языка“).

[1]) „Berichte über Reisen im Süden von Ost-Sibirien“ в „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens“, XXIII, 1860, стр. 34.

[2]) „Саянский край“ в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1899, XXXV, стр. 104.

[3]) „Краткий обзор поездки на коренное месторождение нефрита, на верховья рек Онот и Урик“ в „Изв. вост.-сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1905, XXXVI, стр. 86.

[4]) *П. Семенов, И. Черский и Г. ф. Петц*—„Саянское нагорье“, etc. (Риттер—„Землеведение Азии“, дополн. к т. V, I, 1894), стр. 203 и след.

[5]) Ibid.

[6]) „Заметка о мунгалах“ в „Изв. вост.-сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1905, XXXVI, стр. 82—84.

[7]) „История монголов“. „Введение“, стр. 141.

торию, пределы которой на севере терялись в глубокой тайге [1]).

Обширность горно-лесных пространств, находившихся под властью урянхайцев и хотохойтов [2]), при их сравнительной малочисленности не обеспечивала им политического преобладания среди монголов; но, конечно, в глазах мелких народностей алтайско-саянской тайги легко могло сложиться то представление о богатстве и могуществе их властителей, которое дало основание величать их алтын-ханами, „золотыми царями", титулом, на который, будучи вассалами дзасакту-ханов и только с 1655 года [3]) дзасаками, они не имели абсолютно никаких прав.

Этот титул, присвоенный урянхайским властителям в русских дипломатических актах [4]) и официальной переписке, но совер-

---

[1]) Подводя итоги литературным известиям о сойотах, *К. Горошенко* („Сойоты" в „Русск. Антроп. Журн.", 1901, № 2, стр. 64—65) также пишет: „Имеющиеся на-лицо исторические и другие данные показывают, что число сойот по эту сторону Саянского хребта еще в начале XIX века было довольно значительно; о них тогда трактовалось, как об отдельном народе; но со временем, вследствие очень невыгодного положения двоеданцев двух великих империй, сойоты постепенно отступали к самой границе и большинство их перешло ее совсем и осело на территории, гораздо раньше занятой главной массой того же самого народа. Эта постепенность, с какой переходили сойоты с русской земли на китайскую, и легкость, с какой они там находили себе место, могут служить хорошим доказательством того, что между сойотами, заселявшими некоторые места на русской стороне Саян и их соседями на китайской территории существовала прочная связь".

[2]) Кроме этих племен в области верховий Енисея жили и другие племена, находившиеся в зависимости от урянхайских правителей. Выше я уже упоминал о маторах в верховьях р. Ут или Угут; Василий Тюменец встретил ту же народность западнее, вероятно, в бассейне р. Кемчика и притом к югу от стойбищ сойотов (*Н. Фишер*, op. cit., стр. 256). Другой русский посол Василий Старков (*Н. Фишер*, op. cit., стр. 496; *Ю. Арсеньев*— „Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году", стр. 188), на том же Кемчике столкнулся с мингатами. Последних китайцы („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 445, 448) считают, впрочем, лишь отделом урянхов, да то же говорят и их собственные предания (см. *Потанин*, op. cit., II, стр. 40). См. о них ниже.

[3]) См. выше стр. 653.

[4]) См., например, присяжный лист алтын-хана Омбо-эрдэни, приведенный в „Исторических актах XVII столетия", изд. *Инн. Кузнецовым*.

шенно неизвестный в Монголии и Китае, создавал им у нас такой ореол могущества и политического значения, какого у себя на родине они не имели. Не выделяясь же из среды других удельных князей Халхи, они не могли занять и особого места в истории, которая если иногда и упоминает о них, то лишь постольку, поскольку их деятельность отражалась на общем положении дел в Западной Монголии и Присаянской тайге [1]).

Когда скончался Отхон-ноян, сын Гэрэсэнцзэ, получивший в удел земли урянхов и хотохойтов, нам неизвестно, как равно неизвестны и имена его преемника и того „алтын-хана", который в 1608 году, в период смут, охвативших Западную Монголию, был изгнан калмыками из своего улуса [2]). Это было первое известие, дошедшее до Москвы об алтын-ханах и царстве, властители которого носили „гордое имя золотого царя" [3]),

---

[1]) Эти строки были уже написаны, когда, пять лет спустя, мне довелось познакомиться с обширным трудом *John F. Baddeley*—„Russia, Mongolia, China being some Record of the Relations, between them from the beginning of the XVII-th Century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich A. D. 1602—1676", etc., in folio, London, 1919, который, между прочим, пишет, следующее об алтын-ханах (т. II, стр. 46): „По сравнению с прочими правителями кочевых племен алтын-ханы в истории Сибири обрисованы особенно ярко частью вследствие того, что, благодаря своей бо́льшей силе и положению среди других местных властителей, они имели возможность влиять в ту или другую сторону на отношения между русскими и (саянскими) киргизами, частью вследствие преувеличенного мнения об их могуществе. Титул „алтын-хан", в русском переводе—„золотой царь" вносит понятие о богатстве и высоком положении его носителя, и хотя при более близком знакомстве с кочевниками Убса-нора (Усуа-нора) это представление должно было утратиться, тем не менее значение алтын-ханов в качестве врагов или союзников осталось для русских прежним".

Преувеличенное значение, какое придавалось в России алтын-ханам (урянхайским) до некоторой степени об'яснялось и явным смешением их с чахарскими владыками; так, например, в показании *Томилко Петрова* тобольскому воеводе князю Куракину говорится: „А Алтын царевич в одном совете с китайским царем и кочевье его по одной реке *от Китайского государства в пети днях*, а калмыцким людем он силен, емлют с калмыков китайский царь и Алтын-царь ясак по 200 верблюдов да по 1.000 лошадей и овец на год со всякого тайши"... (*John. F. Baddeley*, op. cit., II, стр. 218).

[2]) *Ю. Арсеньев*, op. cit., стр. 8.

[3]) *Г. Миллер*—„Описание Сибирского царства", etc., стр. 412.

восемь же лет спустя русское правительство завязало уже с алтын-ханом дипломатические сношения и отправило к нему послом казацкого атамана Василия Тюменца.

Имя того алтын-хана, который в 1616 году правил урянхами, согласно показанию Тюменца, было Ирденей или Кумганчей [1]), т. е. Омбо-эрдэни, об энергии и предприимчивости которого свидетельствует его набег на южных монголов, под город Куку-хото, осуществленный с согласия дзасакту-хана в 1650 году [2]); ему же пришлось отражать и вторжение Харахулы, которому около 1620 года [3]) он нанес жестокое поражение [4]). Василий Тюменец явился к нему до этого столкновения, в тот, однако, момент, когда властолюбивые стремления Хара-хулы, успевшего уже об'единить под своей властью многие ойратские поколения [5]), вполне определились, и естественно, что при таких условиях к предложению белого царя стать под его державную руку и получать милостивое его жалованье [6]), взамен чего требовались лишь разрешение сво-

---

[1]) Это имя писалось также Кум-ханчей и Кунганчей. *Howorth*— „History of the Mongols", I, стр. 457, полагает, что имя того алтын-хана, которого застал Тюменец, было Шолуй (Sholui)-Убаши-хун-тайчжи и что он приходился отцом Омбо-эрдэни и дедом Лобсану, вступившему на престол в 1657 г.

[2]) *А. Позднеев*—„Монг. летоп. Эрденийн эрихэ". Едва ли, впрочем, в виду преклонного возраста он мог принимать личное участие в этом походе.

[3]) Известие об этом столкновении дошло до русских в 1621 году. В донесении казака *Толмачева* („Русск. Историч. Библ.", II; *Г. Е. Катанаев*—„Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях" в „Зап. зап.-сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1893, XIV, стр. 38) об этом событии говорится: „А калмыцкий большой тайша Каракула ходил к Алтыну-Царю войной, а людей с ним ходило 4 тысячи и улус Алтын-Царя повоевал и полону взял много и, взяв, пошел назад. и Алтын-Царь послал на переем к тому Каракуле тайше 4 тысячи людей и 3 тысячи сзаде и у тайши Каракулы людей всех побил и Каракула ушел с сыном"...

[4]) *И. Фишер*, op. cit., стр. 315.

[5]) См. выше стр. 629.

[6]) Значение, какое монгольские князья, располагавшие крайне ограниченными источниками доходов, всегда придавали этой статье своих договоров с китайскими монархами, общеизвестно. Омбо-эрдэни не составил в этом отношении исключения и особенно даже настаивал на присылке

бодного транзита русских товаров в Китай и содействие в обуздании непокорных енисейцев, было им принято с чувством полного удовлетворения и с тем большей готовностью, что уже самый факт прибытия посла могущественной державы, а засим проявленная ее монархом инициатива дипломатических сношений и официальное его величание ханским титулом значительно поднимали его удельный вес среди прочих халхаских князей [1]).

Присяжный лист Омбо-эрдэни выдал царю Михаилу Федоровичу, однако, лишь в 1633 году [2]), и притом уже после того,

---

ему „государева жалованья". О том обирательстве, какому подвергались наши послы в его ставке, см. *И. Фишер*, op. cit., стр. 490—491.

[1]) К тому же, может быть, он также надеялся склонить русского царя к совместным действиям против джунгар, что, между прочим, видно из его письма к Михаилу Федоровичу (*Ф. И. Покровский*—„Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году" в „Изв. отд. русск. языка и словесности И. Акад. Наук", 1915, XIX, стр. 299).

[2]) *Инн. Кузнецов*, op. cit., стр. 1—4. Что до того времени он не придавал значения своей присяге на верность царю Михаилу Федоровичу, это видно из его письма к царю, которое, как пишет *Ф. И. Покровский*, op. cit., стр. 300, произвело в Москве неприятное впечатление, так как там поняли, что он не считает себя подданным русского государя, как это можно было заключить из слов первых его послов. Предложение союза, обращение его к царю, как к особе, равной ему по своему положению, показалось в Москве настолько смелым, что там решено было не допускать впредь в Россию азиатских послов без предварительного опроса их о целях их миссии. „А будет толко вперед от Алтына царя или ис Китайсково или Мугалсково государства учнут приходить к вам в Томской город послы или посланники собою, и вы бъ велели им быти в с'езжей избе, и их роспрашивали подлинно: для каких дел пришли, и о чем государей их у нас, великого государя, будет прошение, и *хотят ли государи их быти под нашею царскою высокою рукою*, и какую нам дань давати учнут, и грамоты с ними есть ли, и о каких делех, или что с ними будет словесной приказ,—о том бы есте о всем распрашивали их подлинно и писали к нам к Москве с нарочными гонцы, а тем послом велели побыти у себя в Томском городе, и приставов к ним приставили, и корм велели давати до нашего указу"... Если у послов алтын-хана требовалось предварительно осведомляться, *желает-ли их государь „быти под царскою высокою рукою"*, то ясно, что в Москве в то время, т. е, в 1619—1621 г.г., еще не считали алтын-хана в числе вассалов московского царя.

как фактически лишился своих владений [1]) и поселился в Абаканской долине и в прилегающих к Енисею частях Минусинской степи, т. е. на территории, находившейся если не в обладании, то под протекторатом России [2]). Мог ли он при таких условиях избежать выдачи этого листа, судить в настоящее время трудно, но его сын Эринчин был, с своей точки зрения, конечно, прав, отказываясь от выдачи подобного же листа и соглашаясь лишь на суверенитет России при условии немедленной помощи войсками против его внешних врагов [3]). Этого последнего условия принято не было, и тем самым договор 1633 года должен был бы считаться аннулированным со всеми вытекавшими отсюда последствиями; если же, тем не менее, граф Рагузинский счел возможным вооружиться им, как аргументом в защиту русских претензий на часть сойотских земель, то это еще не значит, что и китайские делегаты признали за ним соответственное значение [4]), и действительно, Банты ш-Каменский удостоверяет [5]), что тех уступок, которых граф не мог добиться у китайцев на 48 конференциях, комиссар Колычев добился на месте во время хода разграничительных работ к западу от Кяхты.

---

[1]) Он бежал от джунгар, занявших вслед затем бассейн Кемчика.

[2]) Арины и качинцы приняли русское подданство в 1608 году, теленгиты, маторы, тубинцы и джесары (повидимому, один из отделов киргизов) в 1609 году, абаканские же киргизы покорены были в 1616 году, хотя сибирские воеводы считали их русскими подданными уже начиная с 1606 г., да и в грамоте царя Михаила Федоровича, отправленной к алтын-хану в 1620 году, говорилось, что *киргизы с давнего времени находятся в числе русских данников*, почему хан и не должен вмешиваться в их дела и требовать с них ясака.

[3]) *И. Фишер*, op. cit., стр. 523.

[4]) Хотя в своей об'яснительной записке, приложенной к Буринскому договору, граф Рагузинский и замечает, что своими „претензиями", почерпнутыми из сибирских архивов, „наипаче же подданством Алтын-хана и его сына Лозона Хана" он „китайцев при всех конференциях в великую конфузию приводил", но это хвастливое замечание едва-ли не было ему продиктовано его самообольщением, ибо при желании китайцы могли-бы забросать его подобными же документами и среди них одним очень важным, а именно, ленною грамотой, в силу которой „Лозон Хан", лично принесший в 1655 году присягу на верность маньчжурскому дому в пекинском княжеском приказе, получил свой удел и звание цзасака.

[5]) Op. cit., стр. 148.

Омбо-эрдени скончался в 1657 году [1]), в то время, когда его сын Эринчин, более известный под именем Лубсан-тайчжи, Лоузан или Лозон-хана, покорив киргизов и татар томского уезда, подготовлял отряд для вторжения в русские пределы [2]). Фактически давно уже владея престолом, переходившим к нему при жизни отца [3]), Эринчин, тем не менее, не решился продолжать своих завоеваний к северу от Саян и поспешил вернуться на Кемчик, дабы в зародыше прекратить те волнения, которые обычно возникали в стени при смене правителей. Это ему удалось, но засим его внимание отвлекли, повидимому, события, происходившие в Халхе.

В 1660 году он отказался от присяги на верность России по форме, предложенной ему русским послом боярским сыном Степаном Гречаниным, вменяя себе за бесчестие писаться холопом русского государя, два же года спустя, преследуемый халхасцами [4]), бежал за Саяны в Качинскую степь, ища защиты у русских властей.

Его положение в этот момент было более трагическим, чем положение его отца в 1633 году, ибо тот бежал от калмыков, сохранив все права на урянхайский престол, он же эти права утратил, лишившись их согласно постановлению сейма халхаских князей [5]). При таких условиях он мог принять в любой форме присягу и действительно ее принял

---

[1]) *И. Фишер*, op. cit., стр. 516—517.

[2]) Этот факт свидетельствует, что уже до официального отказа от договора 1633 года Эринчин нарушил его в основном его положении, и только случайность (*И. Фишер* пишет, что только божье провидение спасло тогда русское дело в Сибири от тяжкого испытания) остановила его от уничтожения его на деле.

[3]) В 1655 году, как выше указывалось, он присягал даже императору Шунь-чжи как удельный князь и тогда же был назначен цзасаком.

[4]) *Ю. Арсеньев*, op. cit., стр. 179, ошибочно пишет, что, теснимый черными калмыками (т. е. ойратами), он перекочевал с реки Абакана еще далее на север, в Качинскую степь. Повод к этой ошибке могли дать вторжения джунгарского хун-тайчжи Сэнгэ в пределы Саян: в 1663 году, когда им были покорены теленгиты, и в 1667 году, когда пострадали, между прочим, и земли бывшего улуса князя Эринчина (см. выше стр. 642).

[5]) См. *А. Позднеев* — „Монг. лет. Эрдэнийн-эрихэ", стр. 169, 180, где, впрочем, говорится лишь о том, что Лубсан-тайчжи был изгнан из Халхи соединенными силами халхаских князей.

в 1664 году в русской редакции, испросив лишь право писаться впредь „мунгальским царем“ [1]), но этот вассальный акт не носил и не мог носить характера договора на землю, что тогда только и могло интересовать русское правительство. Скрыв от последнего то положение, в какое ставило его решение халхаских князей, Эринчин, в свою очередь, не добился у него того, на что более всего расчитывал—военной силы, которая помогла бы ему вернуть утраченный престол. Тогда он передался своим прежним врагам и отдал себя под покровительство Галдана.

Дальнейшая судьба Эринчина нам уже известна [2]): в 1682 г. он был восстановлен в своих правах, но едва принял бразды правления в Урянхайской земле, как вновь был изгнан оттуда дзасакту-ханом Цэнгунем и на этот раз уже окончательно, остальные же пятнадцать лет своей жизни он провел в скитаниях и умер, состоя в свите Кан-си.

С уходом Эринчина с исторической сцены прекратились и русские сношения с алтын-ханами [3]). Его преемники: избранный сеймом в Хурѣнь-бэлчире тайчжи Гэндун (1685—1696 г.г.), его сыновья родной - Сончжин - Сэнгэ (1696—1703 г.г.) и приемный—Бубэй [4]) и, наконец, сын последнего—Банди, всецело поглощенные борьбой с джунгарами, перенесли свое внимание на юг и, слив свои интересы с интересами Китайской империи, явились деятельными пособниками маньчжур в их стремлении покорить своей власти ойратов [5]). Только внук Бубэя Цэнгунь-чжаб изменил традиционной политике урянхайских князей этой линии; возмущенный непосильными

---

[1]) „Полн. Собр. Зак.“, I, № 367.

[2]) См. выше стр. 657.

[3]) После посольства Степана Гречанина в 1660 году наблюдается тридцатилетний перерыв в наших сношениях с западными монголами по Саянскому участку границы; засим, в 1692 году был отправлен туда послом Матвей Юдин, но ему пришлось иметь дело уже с джунгарским хун-тайчжи Галданом.

[4]) Сведений о годе его смерти в опубликованных материалах по истории Халхи не имеется. Он упоминается в последний раз под 1726 г., когда по поручению пекинского правительства ездил осматривать пограничную линию в Алтайских горах („Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 404).

[5]) Их военные подвиги занесены в историю; см. *А. М. Позднеев*, op. cit., стр. 192, 212, 253, 258, 279 и 281.

для народа требованиями пекинского правительства, он самовольно покинул в 1756 году вверенный его охране кордон пограничных военных постов и поднял знамя восстания [1]); но уже шесть месяцев спустя он был схвачен и казнен, после чего урянхайский престол вернулся к прежней линии князей, а именно, к внуку Омбо-эрдэни—Ванбо-дорчжи, который за свои военные заслуги пожалован был в 1757 году званием цзюнь-вана [2]). Однако в его удел кроме халхасских родов входили уже только хотохойты и небольшая часть урянхайцев, кочевавших в котловине озера Сангин-далай и к югу от хребта Танну-ола, в долине Теса [3]); что касается остальных частей урянхайского народа, который в эпоху войн Галдана рассеялся на огромных пространствах Алтайско-Саянского нагорья, то они уже с начала XVIII столетия утратили единство власти, и после бунта Амурсаны, в котором приняли участие и некоторые из их

---

[1]) *M. Courant* — „L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles", стр. 110; „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 103.

[2]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", loc. cit.

[3]) Хотя в „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 404, и говорится, что Бубэй властвовал над всей страной к северу от хр. Танну-ола и к западу от р. Кемчика, тем не менее уже этот князь управлял далеко не всеми урянхайцами, что, между прочим, видно из его доклада императору Кан-си, в котором он доказывал, что свою самоуверенность джунгары черпают в силах подвластных им урянхайцев, которых в виду сего и надлежит склонить, путем-ли убеждений или силой оружия, к принятию маньчжурского подданства. Цитируя это донесение, *А. Позднеев*, op. cit., стр. 279, сопровождает его следующей заметкой: „После войн Галдана урянхайские поколения явились в совершенном брожении; одна часть их поддалась маньчжурам, другая осталась в джунгарском подданстве, третья, наконец, не признавая над собой ничьей власти", кочевала на пространстве Монголии отдельными хотонами. „В таком положении урянхайские поколения раскинулись на громадном пространстве от берегов Кема (Енисея) и Кемчика до верховьев р. Или(?)", и маньчжуры постоянно опасались мятежа со стороны в особенности тех урянхайцев, которые жили в Халхе и „которые уже по одному родству своему (?) легко могли войти в связь с джунгарами". „Помимо сего опасения маньчжуров поддерживались и тем беспокойным характером, которым отличались урянхайские поколения, то признавая над собой маньчжурское подданство, то снова нападая на маньчжурских же данников—халхасцев". Смирить их вызвался хотохойтский бэйлэ Бубэй, который в союзе с четырьмя князьями заставил одного из подчинявшихся прежде маньчжурам и самого влиятельного из урян-

старшин, и последующего подчинения их маньчжурам [1]), у них введен был институт назначаемых управителей, поставленных сперва под ближайший надзор главы Сайн-ноин'овского аймака [2]), а засим кобдоского хэбэй-амбаня и улясутайского цзянь-цзюня по принадлежности [3]).

хайских князей, Хурулмая, перекочевать на Тес. Засим, об урянхайцах в „Эрдэнийн-эрихэ" еще говорится: „Несмотря на желание правительства восстановить мир, вышеупомянутый урянхайский цзайсан Хурулмай восстал и бежал из хошуна Бубэя к джунгарской границе (стр. 321). Бубэй тотчас же отправил своего сына Эринчина для поимки Хурулмая, а сам отправился на Енисей и Кемчик, где захватил и казнил всех сотоварищей Хурулмая, принимавших участие в бунте" (ibid).

Что урянхайцы воевали в XVIII веке под знаменами джунгарских хун-тайчж, об этом свидетельствует нам и китайская история. Приведу лишь одно из таких свидетельств, интересное в том отношении, что указывает на высокие военные качества урянхайских войск, которые учитывались и джунгарами; именно, часть отборных войск, отправленных Цэван-рабтаном в 1716 году в Тибет (см. выше стр. 668), состояла из урянхайцев (*M. Courant*, op. cit., стр. 78).

[1]) Это подчинение, притом яко-бы добровольное, *о. Аввакум* на основании известия, почерпнутого в „Зерцале маньчжурской словесности" (см. выше стр. 579), относит к 1755 году. Я сомневаюсь в точности этой даты, так как еще в 1758 году мингаты, входившие в урянхайский союз, были настолько явно враждебно настроены против маньчжур, что последние были вынуждены выслать против них дорбётские войска (см. ниже стр. 712). Впрочем, и у *А. Позднеева* в его „Замечаниях на дневник о. Палладия по Монголии, веденный в 1847 году" („Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", XXII, I, стр. 213) я встречаю ту же дату—1755 год, „когда маньчжуры выступили для подчинения урянхайцев", но засим у него же говорится о последующих походах против урянхайцев.

[2]) *M. Courant*, op. cit., стр. 78, 102.

[3]) В настоящее время те из алтайских урянхайцев, которые остались в китайском подданстве, по прежнему управляются чиновником, назначаемым амбанем города Шара-сумэ; что касается енисейских урянхайцев, то подробнее современное административное их устройство изложено в вып. 1 т. III настоящего труда, здесь же я замечу лишь, что время, когда высший надзор над урянхайцами и некоторыми другими племенами, обитающими ныне в Западной Монголии, из'ят был из ведения халхаских ханов и сосредоточен в ямунях Кобдо и Улясутая, должно быть отнесено к 1768 году, когда в Кобдо учрежден был инородческий приказ—Ли-фань-юань. Ср., однако, *А. Позднеев*—„Монголия и монголы", I, стр. 305, где говорится, что высшее управление дорбётами перенесено было в г. Кобдо в 1766 году. По выделении в 1907 году из территории Кобдоского нового Алтайского округа большая часть алтайских урянхайцев вошла в состав

Изложенным исчерпывается все то существенное, что сообщает нам история о прошлом урянхайцев, в котором, как видит читатель, не имеется точек опоры для тех, кто на исторической основе пытался-бы разрешить урянхайский вопрос в интересах России, как они понимались до 1917 года.

Засим перехожу к другим народностям, которые после поступления Западной Монголии под скипетр маньчжурских монархов или вселились в нее или же там остались, будучи коренными ее обитателями.

К югу от кочевий дёрбётов, между озером Хара-усу, системы Намюра, и рекой Кобдо, поселились мингаты (мингыты), некоторые сведения о которых сообщены были выше [1]). Это родственное дёрбётам племя [2]) подверглось уже в очень отдаленную эпоху расчленению, ибо среди племенных групп, доставшихся в 1550 году в удел ордосскому князю Бадма-самбава, правнуку Даян-хана, упоминаются и мингаты [3]); если же минг то же, что мингат, то части этого племени были отброшены на запад, где вошли в XIV веке в узбекский союз. В эпоху войн Галдана они испытали новое расчленение: часть их уведена была джунгарами с Кемчика на Талас. Мингатский хошун, о котором здесь идет речь, несомненно представляет потомков этих таласских мингатов, которые в 1757 году возвращены были на восток [4]) и включены в состав Дзасакту-хан'овского аймака [5]), а засим, в 1765 году, выделены из него и поселены к северу от Кобдо [6]) с подчинением непосредственно хэбэй-амбаню Кобдо [7]). Во главе этого хошуна стоит

этого последнего (см. *Брунерт* и *Гаельстром*—„Современная политическая организация Китая", 1910, стр. 377).

[1]) Стр. 533—534.

[2]) См. т. III, главу V.

[3]) *I. Schmidt*—„Geschichte der Ost-Mongolen", etc., стр. 209. То же известие находится и в „Мэн-гу-юань-лю" („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 309).

[4]) *Потанин* – „Материалы для истории Сибири" в „Чтениях в И. Общ. Истор. и Древн. Российских при Моск. Универс.", 1866, IV, стр. 101.

[5]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 448.

[6]) В „Шэн-у-цзы" (пер. *В. П. Васильева*, прилож. к т. III кн. Потанина—„Очерки сев.-зап. Монг.", стр. 329) говорится лишь, что мингаты были выведены из джунгарских земель и поселены в Кобдо; в „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 449, ошибочно сказано—к *западу* от Кобдо.

[7]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", loc. cit., *Липовцов*—„Уложение Кит. палаты внешн. сношн.", I, стр. 72, § 96.

ные выборное лицо, утверждаемое в своей должности правителя центральной властью в Урге. Что касается кемчикских мингатов, то судьба их в точности нам неизвестна, так как после поражения, нанесенного им дёрбётами в 1758 году при реке (?) Уланом, они успели бежать [1]), но куда в „Мэн-гу-ю-му-цзи“ не говорится, вероятно же, обратно на верхний Енисей, где затем они и растворились среди урянхайцев [2]) и хотогайту [3]).

К югу от кочевий мингатов, между реками Кобдо и Буянту, расположились своими кочевьями ölёты, все известия о которых ограничиваются следующим замечанием Хэ-цю-тао: Кобдоские ölёты, говорит он, образуют одно знамя. С тех пор, как тайчжи Дамбай за свои преступления лишен был титула, они остались без родового правителя и были подчинены амбаню Кобдо [4]). Некоторые сведения о них приводятся мною в V главе III тома настоящего труда.

Об ölётах, как члене той группы монгольских племен, которая получила название ойратской, я имел уже случай высказаться раньше [5]).

Следующая мелкая народность, населяющая Кобдинский район в пределах бывших джунгарских владений—цзахачины. Это не этнографическое название, а, по об'яснению „Мэн-гу-ю-му-цзи“ [6]), нарицательное имя, прилагавшееся у джунгар к тем военным частям, которые составляли гарнизон пограничных постов [7]). В пятидесятых годах XVIII столетия эти охранные войска во главе с джунгарским зайсаном Мамутом присягнули маньчжурам и, будучи засим сняты с караульной алтайской линии, поселены южнее ölётов на обоих склонах хребта Алтын-нуру: на северо-восточном—в бассейне р. Цэнкир-гола [8]),

---

[1]) „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 139.

[2]) *Потанин*—„Очерки сев.-зап. Монг.“, IV, стр. 11.

[3]) *Потанин*, op. cit., II, стр. 25.

[4]) „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 487.

[5]) См. стр. 566 и след.

[6]) Стр. 486.

[7]) На то, что джунгарские хун-тайчжи содержали пограничные караулы, указывает и капитан *Унковский*—„Посольство к зюнгарскому хунтайчжи Цэван-Рабтану“, стр. 20, 23, 27 и 150.

[8]) См. т. I, стр. 340.

на юго-западном—в бассейне левых притоков р. Булугуна и по р. Бодунчи. Потомки зайсана Мамута, титуловавшиеся гунами, до последнего времени удерживали власть лишь над частью цзахачинов, находившейся в родстве с княжеской линией, остальные же цзахачины управлялись на общем с алтайскими урянхайцами основании.

Между кочевьями алтайских урянхайцев, казаков-киреев [1]) и цзахачинов, занимая бассейн правых притоков среднего течения Булугуна и низовья как этой реки, так и Чингиля, расположены кочевья хошоутов и торгоутов, вернувшихся из России в Джунгарию в 1771 году [2]). „Мэн-гу-ю-му-цзи“ [3]) относит их к той группе калмыков (торгоутов), которая в 1758 году во главе с Цэрэном бежала в Россию [4]) и с ним же вернулась обратно. Подстрекательству этого Цэрэна от. Иакинф [5]) и тот же китайский источник [6]) приписывают решение хана Убаши переселиться в Илийские степи; но в этом усомнился уже император Цянь-лун [7]), а засим и русские исследователи вопроса о бегстве волжских калмыков на восток [8]), базируясь на официальных документах, не придают этому подстрекательству, если оно даже и было, никакого значения. Расходятся „Мэн-гу-ю-му-цзи“ и русские историки также и в том, что Цэрэн был не торгоутским, а хойтским князем, ближайшим родственником Амурсаны [9]), и что увел он на Волгу не торго-

---

[1]) Кириеи, впрочем, еще не проникали в XVIII веке так далеко на восток; бассейн Черного Иртыша находился в то время всецело в обладании урянхайцев, которые, как мы видели выше (стр. 697), разбросались своими кочевьями на запад до устья р. Бухтармы.

[2]) Бежали в 1758 году, до Волги же добрались лишь в 1761 году (*Иакинф*—„Историческое обозрение Ойратов“, стр. 229).

[3]) Стр. 145.

[4]) См. выше стр. 681.

[5]) Op. cit., стр. 229. См. также *А. Попов*—„Краткие замечания о приволжских калмыках“ в „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1839, XXII, 2. стр. 23.

[6]) „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 155.

[7]) *B. Bergmann*—„Nomadische Streifereien unter der Kalmüken in den Jahren 1802 и 1803“, I, стр. 175.

[8]) *Новолетов*—„Калмыки“; *А. Позднеев*—„Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия“ в „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1886, CCXLIV, март; *B. Bergmann*, op. cit., I, стр. 146 seqq.

[9]) *B. Bergmann*, op. cit., I, стр. 172.

утов, а хойтов, дёрбётов и хошоутов [1]). Как бы то ни было, династия торгоутских князей (цзюнь-ванов), правящая ныне алтайскими торгоутами, ведет свое происхождение от этого Цэрэна.

Хошоуты поселены были между Чингилем и Булугуном к северу от торгоутов в том же 1771 (1772) году. Они образуют одно знамя и управляются цзасаком, носящим титул тайчжи первой степени.

Кроме частей перечисленных выше калмыцких племен в пределах Алтая поселены были также и хойты, которые вошли в состав дёрбётского аймака. С начала XVII века они кочевали в Тарбагатае [2]) по соседству с дёрбётами; когда же последние откочевали в пределы Халхи [3]), то и им пришлось покинуть свои родные кочевья; они ушли на юг, в Эрень-хабирга. Здесь они оставались, однако, лишь до 1756 года, когда, прослышав об отводе дёрбётам земель между р. Кобдо и оз. Усуа-нором, испросили у маньчжуров разрешение переселиться туда же [4]). На северных склонах Алтаин-нуру они заняли земли по реке Кобдо ниже устья Суока [5]).

С отводом земель торгоутам закончено было заселение Алтая, опустевшего после поголовного истребления джунгар в 1758 году, причем, однако, остались незанятыми земли в бассейне Черного Иртыша, составлявшие до 1756 года достояние дёрбётских князей; хотя в последующие засим годы на них и стали претендовать урянхайцы, но по свой малочисленности они не смогли выделить туда достаточного числа поселенцев, и таким образом на западной периферии Китайской империи осталась втуне лежащая территория, служившая серьезной приманкой для казаков Средней орды, которые, будучи отброшены джунгарами в бесплодные Прибалхашские

---

[1]) *Левшин*, op. cit., II, стр. 250; *Никифф*, op. cit., стр. 229; *Ал. Попов*, op. cit., стр. 22.

[2]) Они явились здесь преемниками торгоутов, ушедших на Иши в 1618—1620 году.

[3]) См. выше стр. 694, 696.

[4]) „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 141.

[5]) Это я заключаю из замечания „Хуй-дянь-ту-шо“ („Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 449), что река Кобдо, приняв реку Гас, которую я отождествляю с рекой Суок, проходит по хойтским владениям.

степи и остановлены в своем стремлении на восток указом Цянь-луна 1764 года [1]), не переставали мечтать о степном приволье подгорий Алтая в бассейне Черного Иртыша.

К концу XVIII столетия северной границей казачьих (киргиз-казацких) земель были форпостные линии—Оренбургская [2]) и Ишимская или Горькая [3]). В Омской крепости последняя примыкала к Иртышской, вытянутой по правому берегу Иртыша до устья Нарыма [4]), где русские владения сходились с китайскими, также оберегавшимися военным кордоном. Этот последний шел, несколько отступя, по левому берегу р. Иртыша [5]), после чего огибал озеро Зайсан-нор, переходил на речку Чорга (Джетты-арал), с нее на вершину р. Уласты и по перевалу Хабар-асу пересекал Тарбагатайский хребет. Спустившись к китайскому посту Вэй-тан-цзы [6]), он

---

[1]) См. выше стр. 695.

[2]) Образована была в 1735 году. Начинаясь у Каспийского моря, она шла вверх по р. Уралу до его истоков, сворачивала здесь на восток и, следуя далее долиной р. Уй, заканчивалась Елабужским форпостом на р. Тоболе.

[3]) Постройка ее относится к 1752 году. Она проходила через Петропавловск от Тобола до Омска. См. *Макшеев*—„Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских", Спб., 1890, стр. 85.

[4]) *Путимцев*—„Voyage de Boukhtarminsk à Gouldja ou Ili" в „Magasin Asiatique", 1825, I, стр. 176; *Макшеев*, op. cit., стр. 86.

[5]) Первый китайский пост находился здесь на южном склоне Калбинского хребта близь р. Каинды, следующий—у восточного конца оз. Булаккуля, системы Кулуджика, третий—в уроч. Котон-карагай и последний перед оз. Зайсан-нор—на р. Буконь.

[6]) О местоположении этого поста имеются три различные указания: *Путимцев* (см. *В. А. Обручев*—„Дневные записки переводчика Путимцева и переводчики этих записок" в „Изв. Русск. Географ. Общ.", 1917, LIII, стр. 60—61) пишет, что „Выитанзы" лежал в 23 верстах к западу от Чугучака, что побудило *Обручева* поместить его на р. Кара-бота, в 8 верстах к юго-западу от русского сел. Бахты; *Лучич*—„Тарбагатай" в „Изв. Мин. Ин. Дел", 1913, I, стр. 143 и след., ссылаясь на то, что под именем Вэй-тан-цзы у китайцев и поныне известно сел. Бахты, полагает, что последнее образовалось на месте прежнего пикета Вэй-тан-цзы; наконец, в ст. 11 Чугучакского договора мы читаем: „...следуя по пикетной дороге, вести границу по пикетам... Кара булак, Бакту, Вей-тан-цзы (по русски—Кок-тумà), Мачиту" и т. д., что указывает во 1) на то, что Вэй-тан-цзы не может быть отождествлен с сел. Бахты (хотя и существовало два китайских пикета, носивших это имя—летний и зимний Бахты), и во

следовал далее на южную оконечность озера Ала-куль и северный конец Балхаша [1]), откуда, охватывая кочевья казаков племени дулат, перебрасывался на р. Чу. Засим дальнейшее направление китайской границы нам неизвестно.

Кроме кочевий дулатов этот кордон замежевывал и земли атбанов, джеланров и той части киреев, которая населяла бассейн Иртыша выше устья Нарыма [2]). Эти-то кирей, поведшие за собой и другие кирейские роды, а также найманов, кочевавших на левом берегу Иртыша выше Семипалатинска, и стали на правах китайских подданных продвигаться на восток, захватывая здесь не только свободные земли, но и участки пастбищ в бассейне Черного Иртыша, на которые заявили свои права урянхайцы [3]). О времени и ходе этих захватов мы не

---

2) что он лежал на нынешней государственной границе и, таким образом, не мог находиться в 23-х верстах к западу от Чугучака.

[1]) Чем руководились китайцы, устанавливая такую пограничную линию, неизвестно, но как наследники по праву победителей джунгар, они могли претендовать на значительно большую территорию, ибо джунгары в XVIII веке несомненно владели всей степью до р. Чар-Гурбан, восточной оконечности гор. Чингиз-тау, нижнего Баканаса и северного берега оз. Балхаш. На эту былую джунгарскую границу указывают и сохранившиеся еще здесь названия: Баш-караул в вершине Чар-Гурбана, Уртакараул и Аяк-караул на Семипалатинско-Сергиопольском тракте близь бывшего Ащи-кульского пикета (*И. Бабков*—„Воспоминания о моей службе в Западной Сибири", стр. 142). Но и эта китайская пограничная линия не представляла чего-либо твердо закрепленного, на что указывает одновременное существование двух пикетных линий: так называемой линии постоянных караулов (чан-чжу-карунь) и внешних (цзянь-цзэ), которые установлены были, если верно передаваемое *И. Ф. Бабковым*, op. cit., стр, 218, со слов китайских комиссаров указание, уже во времена императора Цянь-луня, дозволившего казакам пользоваться территорией между ними.

[2]) *Аристов*—„Заметки об этнич. сост. тюркск. плем. и народн.", отд. отт., стр. 99.

[3]) В этом движении на восток кроме китайско-подданных казаков (киреев) приняли, повидимому, участие и части русско-подданных киргиз-казаков, в числе 15.000 кибиток переселившихся в 1789 и 1797 г.г. в русские пределы, к Устькаменогорску, где и заняли земли по обоим берегам Иртыша (см. *А. И. Макшеев*—„Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских", 1890, стр. 134 и 136). Капитан *Андреев* (*Г. Н. Потанин*—„О рукописи капитана Андреева о Средней орде, писанной в 1785 году" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.",

имеем известий, но без сомнения не без влияния на него оказалось и русское поступательное движение вглубь Киргиз-казацкой степи.

Приемы, к которым в начале XIX столетия прибегало русское правительство для расширения имперских пределов в южной Сибири, были те же, что и в предшедшие времена; они сводились к попыткам слияния туземного кочевого населения с главными представителями русского элемента в крае—сибирскими казаками, и к увеличению численного состава сибирского казачьего войска, отдельные части которого, расположенные гарнизонами в укреплениях Ишимской и Иртышской линий, служили как-бы базами русской гражданственности в степи.

В видах сближения кочевых инородцев (главным образом киргиз-казаков) с смежным русским населением в 1808 году администрациею сибирского казачьего войска было предположено привлечь заречных киргиз-казаков на внутреннюю сторону казачьих линий с целью перечисления желающих из них в казачье сословие для образования оседлых населенных пунктов и для развития между кочевниками земледелия [1]); окончательная же выработка в законодательстве плана занятия Заиртышской степи была закончена в 1822 году с изданием „Устава о сибирских киргизах“ [2]). Согласно этому Уставу, вся степь, вошедшая в состав вновь тогда образованной Омской области, была разделена на внутренние и внешние округа, причем первые охватывали поселения крестьян и казаков, распо-

---

1875, XI, вып. 2, геогр. изв., стр. 108) сообщает, что роды киреев череучи и каракас, населяющие в настоящее время, как это указано будет в вып. 2 т. III, область бассейна Черного Иртыша, в начале второй половины XVIII ст. кочевали еще на правом берегу Иртыша, при устье Нарыма, т. е. 300 верст западнее, и что еще далее к западу с центром на р. Чар-Гурбан, впадающей с юга в Иртыш несколько выше Семипалатинска, размещались другие части той же народности.

[1]) Этой мере предшествовал указ 30 сентября 1797 года, коим разрешалось киргиз-казакам селиться внутри империи, чем они и воспользовались, перейдя на правую сторону р. Иртыша, в Кулундинскую степь, в числе 15.000 кибиток (*Красовский*—„Материалы для географии и статистики России“. „Область сибирских киргизов“, 1868, I, стр. 96).

[2]) „Полн. Собр. Зак.“, XXXVIII, № 29,127 (Прилож. к „Учреждению управлений Сибирских губерний“, loc cit., № 29,124).

ложенные к северу от Сибирской (Ишимской) форпостной линии, внешние же должны были открываться по мере поступательного движения русских казаков вглубь степи [1]). Открытие этих последних округов, последовавшее очень скоро после издания Устава [2]), создало необходимость образования

---

[1]) Уставом предписывалось по мере распространения порядка в киргизских землях выдвигать вперед Сибирскую форпостную линию, но каждый раз не иначе, как с утверждения правительства, пока *оная не утвердится на действительной государственной границе* (§ 316).

[2]) В 1824 году были открыты округа Кокчетавский и Каркаралинский; дальнейшее же образование новых округов было приостановлено в виду энергичного протеста китайского правительства, вызванного как принятием нами в подданство китайского вассала, одного из султанов Большой орды, джелаира Сюк-Аблай-хана, кочевавшего между реками Или и Караталом и искавшего у нас защиты против кокандцев, так и отправкой в 1825 году, во исполнение принятых на себя обязательств по отношению к султану Сюк-Аблай-хану, казачьего отряда на р. Каратал. Хотя русское правительство и не признало за китайцами прав на Каратальские земли, но во избежание конфликта с Срединной империей все-же отозвало казаков с этой реки и одновременно предписало сибирским властям воздержаться от новых предприятий в Киргиз-казацкой степи. Впрочем, поступательное движение наше в Семиречье вскоре возобновилось, притом уже по настоянию самих казаков. В 1828 году китайский вассал, гун Сарт-Ючин, один из султанов Средней орды, изнемогая в борьбе за первенство власти с другим султаном той же орды Сиванкулом, обратился к генерал-губернатору Западной Сибири с просьбой образовать из его земель внешний округ, а на р. Большой Аягуз учредить окружный приказ. Так как эта река пересекала торговый путь из Сибири в Чугучак, то предложение Сарт-Ючина, дававшее нам возможность на нем укрепиться было принято, приказ учрежден, сам-же султан назначен в нем председателем (в 1831 году).

Такой оборот дела вынудил Сиванкула откочевать с своими приверженцами в китайские пределы, откуда он и стал предпринимать набеги на принявших русское подданство казаков и грабить русские караваны, направлявшиеся из Сибири в Чугучак и Кульчжу. Вместе с тем он сумел вызвать сильное брожение в русской части степи, закончившиеся только в 1841 году после его поражения и захвата в плен.

Пленение Сиванкула имело большое влияние на умиротворение края. Бежавшие казаки начали возвращаться к своим кочевкам и даже ближайшие родственники Сиванкула ходатайствовали о принятии их в русское подданство. Формирование волостей пошло после этого более успешно, и вслед за Аягузским к 1838 году образованы были Акмолинский, Баянаульский и другие округа (*Красовский*, op. cit., I, стр. 104; *Макшеев*, op., cit., стр. 94).

постоянных оседлых поселений при возникавших в степи окружных приказах, и первыми колонизаторами таких районов явились переселявшиеся туда в составе небольших партий казаки сибирского линейного войска. Такое распространение русского управления в степи вызвало неудовольствие среди султанов наиболее влиятельных киргиз-казацких племенных групп, перешедшее в конце тридцатых годов XIX столетия в открытый мятеж, который продолжался около десяти лет [1]).

Дальнейшее движение наше вглубь Семиречья вызвано было появлением к югу от Балхаша в начале 1846 года шаек знаменитого в истории Западной Сибири Кенисары Касимова.

Кенисара был внуком султана Аблая. Он мечтал об'единить всех казаков и, слившись с Хивой, образовать единое мощное государство. Неудачный поход в Хиву, предпринятый со стороны Оренбурга в 1839 году графом Перовским, ослабил в степи влияние русского имени и создал благоприятную почву для осуществления этого плана.

Не вдаваясь в подробное изложение хода той борьбы, которую пришлось вести русскому правительству с этим отважным султаном (этот ход довольно подробно изложен у *Недзвицкого*—„Узун-агачское дело", изд. Семиреч. статист. комитета, 1910, у которого я заимствовал и вышеприведенные строки; см. также *Красовский*, op. cit., I, стр. 105—108; *Н. Середа* — „Бунт киргизского султана Кенисара-Касимова (1838—1347)" в „Вестн. Евр.", 1870, № 8 и 9, и ст. *Л. Арсанского* в „Совр. Летоп.", 1869, № 22 и 24; засим, беспорядкам в Киргизской степи было посвящено немало статей и заметок и в различных органах повременной печати: „Голос", 1868, №№ 99, 278; 1869, № 95; 1870, №№ 23, 112, 127 и 141; „Бирж. Вед.", ряд ст. в 1869 г.; 1870, № 13; „Оренб. Губ. Вед.", 1869, № 13 „Русск. Инвал.", 1869, №№ 40, 119, 123; „Моск. Вед.", 1869, № 68; „Всеобщ. Газ.", 1869, №№ 11 и 45; „Всемирн. Иллюстр.", 1870, № 53; „Вестн. Евр.", 1869, № 10 и др.), я замечу лишь, что подавить вызванное им брожение среди казацких орд на всем пространстве Киргиз-казацких степей, совпавшее с движением, поднятым Сиванкулом, стоило России не малых усилий. Оно улеглось только после того, как весной 1847 г. Кенисара был разбит под Токмаком кара-киргизами и, взятый ими в плен, обезглавлен.

Восстание Кенисары показало, что, лишь находясь среди казачьих кочевий и имея в своем распоряжении достаточно сильные отряды, возможно расчитывать на скорое замирение степи и быть везде готовым ко всяким случайностям; поэтому правительство решило приступить к постройке ряда укреплений со стороны Оренбургской линии, увеличить число укрепленных пунктов со стороны Сибирской и начать заселение Семиреченского края русским элементом. Это и было засим приведено в исполнение.

[1]) „Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом", изд. канц. Комит. Министров, 1900; стр. 84.

Желая положить конец брожению среди киргиз-казаков, русское правительство обратилось к мысли о необходимости значительно увеличить численность русского элемента в Киргиз-казацкой степи, с каковою целью в 1848 году и было водворено в Кокчетавском уезде 3600 крестьян внутренних губерний России и малороссийских казаков [1]). Характер этой колонизации был, впрочем, почти исключительно военный, о чем можно судить потому, что крестьян-переселенцев предполагалось зачислить в казаки, поселив между ними небольшие части последних.

Дальнейшие попытки колонизации степной территории, постепенно присоединяемой к России, относятся к 1857 году, когда было предложено желающим из крестьян западно-сибирских губерний переселяться в южные части Западно-Сибирского генерал-губернаторства с зачислением в казаки Сибирского линейного войска. Позднее туда же направлены были при значительном пособии от казны как те сибирские уроженцы, за которыми числились крупные недоимки, так и самовольно переселившиеся в Сибирь выходцы из губерний Европейской России. Несмотря на эти меры, обширные пространства Киргиз-казацких степей заселялись все же медленнее, чем то было необходимо правительству, которое видело в этой колонизации могучее средство умиротворения кочевников. Она пошла, однако, быстрее после того, как занято было северное подгорье Тянь-шаня и образована была в 1865 году новая Туркестанская область между Аральским морем и озером Иссык-куль.

Первое известие о восточной границе той территории, которую успели занять киреи на южном склоне Алтая, дает нам Сосновский [2]), который в 1872 году застал их уже на Кране и даже еще далее к востоку, в бассейнах верховий Черного и Голубого Иртышей. По словам Потанина [3]), они тогда же перешли как на северный склон хребта Алтаин-нуру, так и в бассейн реки Булугуна. В 1903 году я застал их еще далее к востоку, в долине реки Делюн, т. е. уже в бассейне

---

[1]) „Колонизация Сибири“, стр. 85.

[2]) „Отчет Булун-тохойской экспедиции“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1875, V, стр. 587.

[3]) „Очерки сев.-зап. Монг.“, II, стр. 2.

реки Буянту системы оз. Хара-усу. Здесь, как, впрочем, и к востоку от реки Крана, они поселились на землях, отнятых ими у урянхайцев, но, тяготясь своим нелегальным здесь пребыванием и стремясь навсегда упрочить за собой занятую территорию, они в 1882 году обратились к пекинскому правительству с ходатайством о своем перечислении из Тарбагатайского в Кобдоский округ и наделении в пределах Алтая территорией, которая отвечала-бы их нуждам. Перечисление их в Кобдоский округ состоялось, повидимому, условно тогда же [1]), земельный-же вопрос не был вырешен окончательно еще и в 1892 году [2]). С 1905 года, когда последовало выделение Алтайского округа, они отошли в ведомство амбаня г. Шарасумэ [3]).

Абак-киреи были последней народностью, вселившейся, точнее было-бы сказать, вернувшейся на Алтай, опустевший после событий второй половины XVIII столетия, а затем Западная Монголия вступила в такую фазу своего бытия, которая прошла совершенно бесследно в ее политической истории, и лишь восстание дунган на короткое время нарушило тот покой, в котором она пребывала.

Долгий мир должен был-бы в значительной степени поднять народное благосостояние в Западной Монголии; в действительности, однако, этого не случилось, так как монголы, оставшись неподвижными в культурном отношении и не предприняв ничего для развития производительных сил своей страны, лишились возможности идти в уровень с быстро возраставшими требованиями жизни. Этой теме отводится довлеющее ей место в следующем, третьем, томе этого труда, теперь же я перехожу

---

[1]) Однако до 1909 года спор между тарбагатайским амбанем и, по наследству от кобдоского, алтайским амбанем о том, кому из них должны быть подведомственны киреи, находящиеся под управлением одного князя, но кочующие как в Алтае, так и в Тарбагатае, окончательно разрешен еще не был; см. о сем гл. VIII третьего тома настоящего труда, а также *Сыртланов*—„Материалы по Западному Китаю, собранные во время поездки из Урумчи на Алтай в 1909 году" в „Сборнике географ., топограф. и статист. материалов по Азии", вып. LXXXVI, 1913, стр. 99—100.

[2]) *А. Позднеев*—„Монголия и монголы", I, стр. 288—290. Позднейших сведений по этому предмету я получить не мог.

[3]) *Брунгерт* и *Гапельстром*—„Современная политическая организация Китая", стр. 377.

к последнему эпизоду политической жизни Западной Монголии под управлением Дай-цинского дома —народным волнениям в Западном Китае и в этой стране и вызванному ими вмешательству русских в китайские дела.

С 1849 по 1880 год Китайская империя пережила ряд внешних [1]) и внутренних войн [2]), которые потрясли ее до осно-

---

[1]) С англо-французским союзом в 1857—1858 и в 1860 годах. Всего подробнее на русском языке эти события изложены в книге *Д. Мертваго*— „Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем по 1860 год", СПб., 1884 (с 14 планами и картами).

[2]) Восстание, получившее в европейской литературе название тайпинского (см. *Д. Позднеев*—„Тай-пинское восстание в Китае" в „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1898, июль) по имени династии „Тай-пин", принятого вождем инсургентов Хун-сю-цюанем, с 1849 по 1864 год; засим, восстание нянь-фэй'ев с 1853 по 1868 год и, наконец, мусульман—на юге, в Юньнани, с 1855 по 1873 год и на севере, в Шэнь-си, Гань-су и Синь-цзяне, с 1860 по 1879 год. Последнее, носящее название дунганского, сопровождавшееся падением китайской власти в Восточном Туркестане, на Или и в Джунгарии, сопровождалось образованием двух государств: монархии Якуб-бека в Восточном Туркестане и султаната в Илийском крае.

Сведения о дунганском восстании можно почерпнуть в следующих трудах: *И. Бабков*—„Воспоминания о моей службе в Западной Сибири", 1912, стр. 289, seqq.; *Bellew*—„History of Kashgar" (см. также *Беллью*— „Кашмир и Кашгар", 1877, стр. 193 seqq.); *Boulger*—„The life of Jakoob Beg", 1878; *В. П. Васильев*—„Две китайские записки о падении Кульчжи и о занятии ее русскими" в „Русск. Вестн.", 1872, № 5; *М. Венюков*— „Заметка о населении Чжунгарского пограничного пространства"; *idem*— „Материалы для военного обзора современных русских границ в Азии", стр. 415—419; *Н. Веселовский*—„Бадаулет Якуб-Бек, аталык Кашгарский" в „Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1899, XI; *А. Гейнс*—„О восстании мусульманского населения или дунганей в Западном Китае" в „Воен. Сборн.", 1866, № 8, и в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1866, II, стр. 75—96; *Григорьев*—„Вост. или Кит. Туркестан"; *Грум-Гржимайло*— „Опис. пут. в Зап. Кит.", I и II; *Дьяков* и *Котвич*—„Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в Илийском крае" в „Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1908, XVIII; *Катанов*—„Китайский бунтовщик Чи-чи-гун" в „Изв. общ. Археол., Ист. и Этногр. при И. Каз. Унив.", 1894, XII, стр. 448; *Костенко*—„Чжунгария" в „Сборнике геогр., топогр. и статист. матер. по Азии", 1887, XXVIII; *Куропаткин*— „Кашгария"; *Липинский*—„О ходе беспорядков в Северной Монголии в 1870 году" в „Изв. сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1871, II, № 4, стр. 20—31; *П. Н. Пантусов*,—„Война мусульман против китайцев", Казань, 1880 1881; *idem*—„Сведения о Кульджинском районе за 1870—

вания, заставив пекинское правительство, едва успевшее подписать тогда мирные договоры с европейскими державами, обратиться к помощи европейцев для обратного завоевания отпавших провинций. На Монголии, и притом весьма существенно, отразилось только восстание дунган [1]), последовательный ход которого был следующий.

Очагом его был город Хуа-чжоу, лежащий в восьмидесяти верстах к востоку от Си-ань-фу; отсюда оно разлилось на огромное пространство провинций Шэнь-си и Гань-су и достигло Синь-цзяна в 1862 году.

Первый период этого восстания характеризуется почти повсеместным поражением китайцев. Пекинское правительство, истощившее государственные ресурсы на десятилетнюю борьбу с внешними и внутренними врагами, не в состоянии было своевременно противопоставить инсургентам достаточных сил; момент был упущен, и, несмотря на энергию и предприимчивость, проявленную китайским главнокомандующим генералом То, китайцам

1871 годы", Казань, 1881; *Н. Петровский*—„Отчет за 1885 год" в „Сборнике геогр., топогр. и статистич. матер. по Азии", 1886, XXII; *Пржевальский*—„Монголия и страна тангутов", I; *idem*—„Из Зайсана через Хами в Тибет"; *Пясецкий*—„Путешествие по Китаю", II; *Рихтофен*—„Письмо из Си-ань-фу в пров. Шэнь-си" в „Сборн. геогр., топогр. и статистич. матер. по Азии", 1886, XXII; *В. Успенский*—„Восстание дунган в Манасе" в „Сборнике консульских донесений", 1900; *Д. Федоров*—„Опыт военно-статист. описания Илийского края", I; *Imbault-Huart*—„Recueil de documents sur l'Asie Centrale", стр. 54—58; *Р. Ша (Shaw)*—„Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара" („Visits to High Tartary, Jarkand and Kashghar", 1871).

[1]) Ни происхождение имени дунган, которое не было этническим, ни те элементы, которые сложили эту народность, не могут еще считаться вполне установленными. Повидимому, однако, мы должны будем остановиться на гипотезе арх. *Палладия* („О магометанах в Китае" в „Трудах член. росс. дух. миссии в Пекине", IV), высказавшегося в том смысле, что дунгане (он называет их „китайскими магометанами"—название, которого следует избегать, так как кроме дунган в Китае имеются и другие приверженцы религии Мухаммеда, в этническом отношении не имеющие с ними ничего общего)—потомки тех мусульман Передней и Средней Азии, которые в эпоху Чингис-хана в качестве военнопленных (ученых, ремесленников) и торговых людей помимо своей воли или добровольно водворились в Китае и затем сплотились там, образовав замечательный народ или общину людей без национального единства, но твердо связанных узами религии.

с трудом удалось отстоять Си-ань-фу, удержать одну из переправ через Желтую реку и вытеснить дунганские отряды из южной Шэнь-си. В 1866 году генерал То пал в одном из столкновений с дунганами, заступивший же его место Цзо-цзун-тан повел операции столь неудачно, что сразу-же лишился той территории, которую успел отвоевать генерал То. Только весной 1870 года китайское правительство нашло, наконец, возможным отправить сильное подкрепление в Шэнь-си в составе 22 батальонов по европейски обученных солдат, численностью 500 человек в каждом, снабженных артиллерией и новейшим европейским оружием, вверив этот корпус впоследствии столь известному государственному деятелю Ли-хун-чжану. Одно уже известие о приближении этих войск, сломивших упорное сопротивление тай-пин'ов, значительно улучшило положение Цзо-цзун-тана, когда-же батальоны Ли-хун-чжана, в штабе которого находились и французские офицеры, переступили границу Шэнь-си, дунгане стали быстро очищать город за городом и всей своей массой отступили в Гань-су. Но Ли-хун-чжану не пришлось закончить дело усмирения дунганского восстания. Он был спешно вызван в Пекин для улажения нового конфликта с европейцами, возникшего на почве беспорядков в Тянь-цзине (в 1870 году), и его отряд передан был генералу Лю. Этот последний не поладил, однако, с Цзо-цзун-таном и приостановил преследование дунган на границе Гань-су.

Войска, которые находились в распоряжении Цзо-цзун-тана, хотя и были многочисленнее войск генерала Лю, но воору-

---

Что десятки тысяч пленных ремесленников и художников (при взятии Самарканда из этой категории пленных монголами отправлено было на восток 30.000 человек, после падения Гурганджа—100.000 человек, Нишабура 400 человек и т. д.), связанных таким прочным цементом, как ислам, и селившихся „лагерями", т. е. отдельными слободами, не должны были бесследно исчезнуть в Китае, это—очевидно; что с другой стороны свободные в своих передвижениях торговцы и ученые, будучи элементом привиллегированным и к тому же едва-ли многочисленным, не могли-бы сплотиться в такую народность, как дунганская, это также очевидно; вот почему, вопреки мнению *Бартольда* („Ответ *Г. Е. Грум-Гржимайло*" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", XXXV, стр. 700 и след.), я продолжаю думать, что я нисколько не разошелся с арх. *Палладием*, высказав в своем сочинении—„Опис. пут. в Зап. Китай", II, стр. 65, что гипотеза о происхождении дунган от уведенных монголами в плен уроженцев Самарканда,

жение их оставляло желать многого; оно было даже хуже, чем у дунган, которые успели к тому времени захватить несколько казенных транспортов с европейским оружием, высланным в Лань-чжоу-фу; к тому же у него было мало конных частей, тогда как у дунган преобладала неуловимая для правительственных войск легкая кавалерия. При таких условиях задача, возлагавшаяся на этого генерала, требовала, может быть, именно той осторожности, с какою он вел свои операции. К тому же он не мог не видеть, что дело дунган в Гань-су, как и в Шэнь-си, было проиграно: без опытных полководцев, без общего плана борьбы, главное же, без руководящей идеи восстания их отряды, предоставленные самим себе и действуя порознь, постепенно утрачивали связь с народом и из борцов за идею свободы превращались в шайки разбойников. Время было союзником китайцев, и Цзо-цзун-тан показал, что он умел ждать.

В 1871 году он прогнал дунган за Хуан-хэ, в следующем овладел сильнейшим их оплотом в Гань-су — городом Синин-фу, а вскоре затем перешел в его руки и город Су-чжоу. Гань-су была очищена от дунган, и с этого момента операции правительственных войск перекинулись в Синь-цзян и в Западную Монголию, на которую, после занятия Хами отрядом отважного дунганского партизана Баян-ху, легло тяжелое бремя довольствовать и доставлять перевозочные средства войскам, военным транспортам, курьерам и почте, направлявшимся из Китая в Баркуль через Калган, Улясутай и Кобдо [1]). Западная Монголия вошла тогда в огромные долги, с которыми не успела

Бухары и других городов турано-иранского Запада принадлежит этому синологу. Впрочем, в позднейшем своем сочинении—„Туркестан в эпоху монгольского нашествия“, II, стр. 470, тот же автор, приведя известие *Джувейни*, что после падения Гурганджа ремесленников в числе 100.000 человек монголы увели в „восточные страны, где и образовали из них большое число поселений“, замечает: „возможно, что эти хорезмийские переселенцы были предками дунган или что предки дунган под их влиянием приняли ислам; как известно, дунгане и теперь все—шафииты; исторические известия показывают, что последователи этого толка в начале XIII в. были в Хорезме сильнее, чем в других местах“.

[1]) *Шишмарев*—„Донесение о положении Монголии“ в „Сборн. геогр., топогр. и статист. материал. по Азии“, 1886, XXII, стр. 155.

расчитаться и к 1911 году, и в этой ее задолженности Шишмарев видит основную причину ее обнищания [1]).

К тому времени, когда Цзо-цзун-тан вступил в пределы Синь-цзян'ской провинции, дунгане успели уже утратить в ней первенствующую роль; она перешла в Кашгарии к Якуб-беку, в Кульчжинском районе—к Абиль-оглы, во власти же дунган оставалась лишь разворенная и обезлюженная часть Джунгарии между Манасом и селением Му-лэй [2]) и оазис Хами. Этот последний был занят одним из старших офицеров армии Цзо-цзун-тана—генералом Лю-цзинь-таном в 1876 году, а засим обратное завоевание утраченных китайцами областей в Джунгарии и Восточном Туркестане, благодаря анархии, которая охватила страну после убийства Якуб-бека [3]), пошло очень быстро и завершилось взятием Кашгара в 1878 году.

О ходе этой компании нам мало известно, но, повидимому, занятие Синь-цзяна китайцами произошло в следующем порядке.

После поражения кашгарских войск в 1876 году под городом Гумуди [1]) и отступления Якуб-бека под защиту стен крепости Даванчин, город Урумчи оказал лишь слабое сопротивление. Упорнее защищался Манас, но и он после непродолжительной осады был взят, причем китайцы жестоко расправились с гарнизоном. Слух об этой расправе и о надвигавшихся на Восточный Туркестан огромных силах китайцев побудил многих патриотов искать спасения своей родины в добровольном ее подчинении Китаю. Первый пример в этом смысле подал Турфан, а засим с повинной к Цзо-цзун-тану и Лю-цзинь-тану явились депутаты и от некоторых других городов Восточного Туркестана. Бек-кулы-бек, старший сын Якуб-бека, видя полнейшую невозможность при таком обороте дел держаться с наличными силами против китайцев, решил сократить

---

[1]) Ibid.

[2]) См. *Грум-Гржимайло* — „Опис. пут. в Зап. Китай", III, стр. 241.

[3]) Если верить народной молве—Ниязом, хаким-беком хотанским; но *Мирза Ахмед*, автор воспоминаний об Якуб-беке, опубликованных *Н. Веселовским* в „Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.", 1899, XI, стр. 102, утверждает, что Якуб-бек скончался от удара в присутствии Нияз-бека-дадхи, *яркендского* бека. В конце апреля 1877 г. его еще застал *Н. М. Пржевальский* („От Кульчжи за Тянь-шань и на Лоб-нор" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1877, стр. 325) в Корле. Он скончался 17 мая.

[1]) См. *Грум-Гржимайло*, op. cit., III, стр. 272.

фронт и, оставив без защиты Карашар, Кучу и Аксу, оттянул свои войска в укрепление Марал-баши. Этим отступлением решил воспользоваться китайский генерал Ю-Ху-эн. Преследуя кашгарцев, он не дал им времени сосредоточиться и укрепиться в этом важном стратегическом пункте и овладел им быстрым ударом, после чего, дождавшись подхода сюда войск Лю-цзинь-тана, со всем своим корпусом устремился вверх по реке Яркенд-дарье. Заняв здесь без боя Яркенд, он затем через открывший ему ворота город Янги-Гиссар направился на Кашгар, к которому и прибыл одновременно со второй колонной китайских войск генерала Хуан-Ван-хуна, наступавшей с севера через Уч-Турфан. Высланный Бек-кулы-беком в помощь Кашгару отряд, силой около 4000 человек, был обращен китайцами в бегство, после чего этому городу не оставалось уже иного выхода, как сдаться на милость победителя. Почти одновременно пал и Хотан. Так завершилось обратное завоевание китайцами Восточного Туркестана и Джунгарии до Манаса; что касается остальной части Джунгарии, то здесь имели место следующие события.

Волна дунганского восстания докатилась до г. Чугучака в 1864 году [1]); при этом город значительно пострадал, население разбежалось, русская фактория была уничтожена, и наше консульство, учрежденное в нем в 1852 году, должно было переселиться в станицу Урджарскую.

В западной и северной Джунгарии, населенной преимущественно кочевниками-буддистами, не примкнувшими к инсургентам, смутная эпоха шестидесятых и семидесятых годов вызвала довольно сложные явления, проявившиеся, главным образом, в народных передвижениях, мелких столкновениях и взаимных грабежах, в конечном же результате поведшие к анархии, которая в 1869 и 1870 годах распространилась и на Западную Монголию, куда проникли бродячие шайки дунган, покушавшиеся несколько раз на Кобдо и успевшие разграбить Улясутай [2]). В виду разгрома калмыцких кочевий

---

[1]) *Щетинин* — „О современном состоянии вооруженных сил Китая в Тарбагатайской и Илийской областях“ в „Сборн. геогр., топогр. и стат. матер. по Азии“, XXIV, стр. 81.

[2]) По словам *А. Позднеева* („Монголия и Монголы“, I, стр. 70), одна из джунгарских шаек добралась в 1870 году даже до Урги, но при

в Тянь-шане, часть ölётов бежала в русские пределы, откуда возвратилась в долину Текеса лишь в 1885 году; в русские же пределы, к Борохудзиру, а засим в Тарбагатай, бежали также многие из сибо и солонов; покинула свои земли на Боротале и часть чахаров, искавшая спасения от мусульман в Булун-тохое и в долине реки Кобук. Но наряду с этим движением народных масс из Илийского края происходило передвижение их и в обратном направлении; так, еще в конце 1870 года, т. е. до занятия его русскими войсками, туда прибыла часть алтайских торгоутов, бежавшая от дунган, вторгшихся в Западную Монголию. Наконец, к этому же времени относится и переселение барлыкских ölётов в долину Крана. Переселение это связано с именем одного из видных деятелей той эпохи, который оставил значительный след в местной истории. Я имею в виду ламу-воина Цаган-гэгэна, который выдвинулся в 1865 году, когда во главе собранного им отряда калмыков, едва насчитывавшего пятьсот человек, он ворвался в Чугучак и быстро очистил его от инсургентов [1]). Ободренный этим успехом, он стал преследовать шайки дунган на всем пространстве северной Джунгарии и Западной Монголии, где доходил до Кобдо и Улясутая. В 1867 году он разгромил кочевья киреев байджигитов, принимавших участие в нападении на Чугучак, и, преследуя их, перешел не только русскую границу, но и ограбил в наших пределах несколько киргиз-казацких волостей. Возникшая по этому поводу дипломатическая переписка закончилась только в 1869 году после выраженного пекинским правительством согласия уплатить потерпевшим киреям 240.000 рублей. В 1869 году Цаган-гэгэн обосновался в местности Тулта, на левом берегу реки Крана, где и построил монастырь Шара-

---

этом, повидимому, особо большого материального ущерба халхасцам не нанесла. *И. Ф. Бабков* — „Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875“, стр. 530, относит наступление дунган на Ургу к 1872 году — дата более верная. Ср. *Липинский* — „О ходе беспорядков в Северной Монголии в 1870 году“ в „Изв. сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1871, II, № 4, стр. 24 и след.

[1]) Около этого времени он принял видное участие в сосредоточении китайских сил в местности Булун-тохой, где тогда-же заложен был город, носящий это название (*И. Ф. Бабков*, op. cit., 356—357). С уходом из него войск, он захирел и ныне насчитывает всего лишь сотни две жителей.

сумэ [1]). Его дружина положила основание монастырской слободе, а засим в Тулту, под его защиту, стали стекаться и уцелевшие от поголовного избиения китайские уроженцы южной Джунгарии. Таким образом возникло в Алтае крупное поселение, получившее в 1907 году, после образования особого Алтайского округа, официальное название города Чэн-хуа-сы. Сюда же в начале семидесятых годов прикочевала из Тарбагатайского округа и часть барлыкских олётов, положившая совместно с китайцами начало земледелию в крае. Последним военным предприятием Цаган-тэгэна был его поход в Западную Монголию в 1870 [2]), вероятнее же в 1871 году, на защиту Улясутая.

Вторжение Цаган-тэгэна в наши пределы было не единственным нарушением русско-китайской пограничной черты, установленной Чугучакским договором 1864 года [3]). Байджи-

---

[1]) *Сосновский*—„Отчет Булун-тохойской экспедиции" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", 1875, V, стр. 602. *А. Позднеев*, op. cit., I, стр. 287, относит это событие к позднейшему времени: „В период около 1874 года, читаем мы у него, сюда (т. е. в долину Крана) прибыл возвратившийся из похода к Улясутаю Цаган-тэгэн, который задумал основать свой монастырь в верховьях (?) Крана и начал постройку Шара-сумэ, более известного у нас под именем Тулты". Эта ошибка в дате тем страннее, что кап. *Матусовский* (см. Потанин— „Очерки сев.-зап. Монг.", I, стр. 30—36) не только застал в июле 1873 года самого Цаган-тэгэна в Шара-сумэ, но и нашел уже законченными постройкой как монастырь, так и род крепости, в которой жил этот партизан, не говоря уже о слободе, служившей пристанищем для лиц его свиты и войск.

[2]) *Сосновский*, op. cit., стр. 602. У *А. Позднеева*, op. cit., стр. 281, находим такую же ошибку в дате, как в предшедшем случае, так как он пишет, что Цаган-тэгэн прибыл со своим войском в Улясутай в 1872 году.

[3]) Этот договор, определивший направление русско-китайской границы от перевала Шабин-дабага на запад и юг, был заключен на основании ст.ст. 2 и 3 Пекинского дополнительного договора 1860 года, в силу коих граничная черта на запад должна была проходить вдоль китайских пикетов от Саянского хребта до озера Зайсан-нор, далее—поперек Тарбагатая и затем, следуя направлению хребтов, до гор Тэнгри-шань, поднимающихся южнее озера Иссык-куля, и по этим горам до Кокандских владений.

В соответствии с этим наша государственная граница была установлена по направлению водораздельной линии хребтов: Саянского и Сайлюгемского до перевала Улан-даба, Большого Алтая до верховий реки Курчума, Курчумского и горной группы Сары-тау до ее южного

гиты и некоторые роды атбанов Большой орды, прельщенные отсутствием сильной власти в Джунгарии, бежали в китайские пределы и приняли там деятельное участие в разгроме китайских поселений и калмыцких кочевий, но этим они не ограничились и вскоре стали вторгаться также и в наши пределы, грабя здесь торговые караваны и киргиз-казацкие стойбища. Одновременно стали проникать в Семиречье и эмиссары Абиль-оглы, стремясь поднять туземное население против России. Гордый и запосчивый тон, который при этом был принят султаном Абиль-оглы в отношении пограничной русской администрации, вступавшей с ним по этому поводу в переписку,

---

отпрыска, выклинивающегося в степи; озера Зайсан-нор она достигала в урочище Чакильмес, от этого же пункта шла на восток к устью Кальджира, где поворачивала на юг, пересекала пески и от Каратальского поста охватывала бассейн реки Кендерлык; в верховьях этой последней она пересекала Саур и далее шла на запад гребнем Тарбагатая до перевала Хабар-асу (Хамар-дабана). Этот пункт был последним, установленным русско-китайской разграничительной комиссией ибо с падением города Чугучака и переходом Джунгарии в руки дунган она должна была прекратить свою деятельность.

Вполне определенно выраженное в дополнительном договоре 1860 г. включение озера Иссык-куля в наши пределы имело своим основанием фактическое занятие нами его бассейна после славного Узун-агачского дела, в котором Г. А. Колпаковский, находясь во главе ничтожного отряда, нанес решительное поражение кокандской армии и скопищам киргиз и казаков под общим командованием опытного полководца кокандского генерала Канаат-ша. Этому столкновению с кокандцами предшествовали следующие события, служившие ответом на бунт Кенисары (см. выше стр. 719) и на вызванные им волнения в Киргиз-казацкой степи (см. *Недзвицкий*—„Узун-агачское дело“; *П. П. Семенов*—„Поездка из укр. Верного через перевал у Суок-тюбе и ущелье Буам к зап. оконечности оз. Иссык-куль в 1856 г.“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.“, I; *Н. Абрамов*—„Алматы или укрепление Верное“, там же; *idem*—„Город Копал с его округом“, там же; „Сборник договоров России с Китаем“, изд. Мин. Иностр. Дел):

В 1847 году было основано укрепление Копал, преобразованное в 1854 году в окружной город Семипалатинской области.

В 1851 году заключен был с китайцами Кульчжинский торговый договор, крайне важный для нас в том отношении, что ст. 6 этого договора пекинское правительство устраняло себя от какого-либо вмешательства в дела, возникавшие к западу от линии китайских караулов, иными словами отказывалось от своих прежних притязаний на киргиз-казацкие земли, предоставляя их всецело усмотрению русского правительства.

его неуступчивость и нежелание входить с нами в какие-либо соглашения, явное укрывательство беглецов из наших пределов и все усиливавшееся брожение среди кызаев, населявших Лепсинский уезд, побудило, наконец, русское правительство в 1871 году занять Кульчжинский район и тем положить конец таранчинскому государству. После слабого сопротивления организованного таранчами [1]), султан Абиль-оглы сложил оружие и 22 июня сдался генералу Колпаковскому без всяких условий. „Если богу угодно, сказал он при этом, чтобы русские владели Кульчжей, то я не смею противиться его святой воле и передаю власть в руки русского генерала“ [2]).

Оккупация Илийского края нашими войсками не была посягательством на временно утраченную китайцами территорию; это был дружеский акт по отношению к правительству соседней державы, одно из проявлений той помощи, которая ему

В 1854 году положено было основание укреплению Верное, в следующем—станицам Урджарской, Лепсинской и Больше-Алматинской, в которых поселены были частью сибирские линейные казаки, частью крестьяне из внутренних губерний Европейской России и Сибири.

В 1856 году киргизы племени бугу (богу), разбитые сары-багышами, обратились к русским военным властям с ходатайством о помощи; после принятия ими русского подданства отряд полковника Хоментовского был выдвинут к озеру Иссык-кулю, где и занял наблюдательный пост на восточном побережье этого озера.

В 1858 году основаны были станицы: Софийская, Надеждинская и Каскеленская.

В виду продолжавшихся враждебных столкновений между сары-багышами и бугу русские власти вынуждены были в 1859 году отправить второй военный отряд к озеру Иссык-кулю; одновременно же было основано Кастекское укрепление.

В 1860 году русские отряды проникли в целях защиты киргизов бугу с одной стороны на южное побережье озера Иссык-куля и в горы Терской Ала-тау, с другой—в бассейн Текеса; в июне того же года полковник Циммерман нанес кокандскому главнокомандующему Рустем-беку решительное поражение к западу от Кастекского укрепления, после чего в августе и в начале сентября овладел кокандскими крепостями Токмаком и Пишпеком, которые и предал разрушению.

[1]) См. *И. Ф. Бабков*, op. cit., стр. 525—527, 536.

[2]) *М. Венюков*—„Заметка о населении Чжунгарского пограничного пространства“, отд. отт., стр. 1. Кульчжа возвращена была китайцам в марте месяце 1882 года, разграничение же было закончено к 16 октября того же года.

нами оказывалась, начиная с 1871 года, и без которой Китаю, вероятно, не удалось-бы столь быстро потушить в Синь-цзяне пламя восстания; так, чтобы дать китайцам возможность продвинуться на запад, опираясь на наши военные силы, в Ургу был выслан русский отряд, а чтобы облегчить условия переотправки китайских войск через пустынную Монголию, им навстречу были высланы в сопровождении сильных русских отрядов транспорты хлеба [1]).

Эти дружеские услуги не были, однако, оценены в Пекине в той мере, в какой они того заслуживали [2]), и последующие события показали, что благодарность столь же чужда китайским политическим деятелям, как и их европейским собратам.

Восстановив свою власть в Кашгарии, Китай возбудил переговоры с нашим правительством о возвращении Илийского края. Ведение этих переговоров поручено было сановнику Чунхоу. Так как между Россией и Китаем кроме илийского вопроса к тому времени набралось не мало дел пограничных, торговых и иных, то решено было воспользоваться пребыванием этого сановника в России, чтобы восполнить пробелы в действовавших трактатах с Китаем.

По Ливадийскому договору, явившемуся результатом переговоров с Чун-хоу, Россия должна была получить более широкие права по торговле в Монголии; выговорены были также: право транзита китайских товаров из Хань-коу через Западный Китай в Россию и право открытия двух новых консульств в пределах Китайской империи; наконец, подтверждена была статья Айгунского договора о праве плавания русских судов по реке Сун-

---

[1]) Для прикрытия одного из таких транспортов весной 1876 года был послан во главе казачьей сотни впоследствии столь прославившийся, как полевой исследователь Центральной Азии, *М. В. Певцов*, опубликовавший по возвращении своем из экспедиции отчет под заглавием „Путевые очерки Чжунгарии“в „Зап. зап.-сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1879, I. С одной полусотней он проследовал тогда до города Гу-чэна, а другую оставил в городе Булун-тохое для конвоирования следующих хлебных транспортов.

[2]) Что они не были навязаны Китаю, это явствует из факта обращения пекинского правительства к нашему посланнику в Пекине с официальной просьбой о помощи, чему предшествовало пять посольств илийского цзянь-цзюня к семиреченскому губернатору Г. А. Колпаковскому с тою же просьбой (*И. Ф. Бабков*, op. cit., стр. 298—299).

гари, и на западе исправлялись дефекты нашей границы в области Иртыша и Или [1]); сверх того Китай обязывался уплатить нам 5 миллионов рублей золотом в возмещение расходов по оккупации и умиротворению Илийского края.

Условия Ливадийского договора, несмотря на их крайнюю умеренность, возбудили неудовольствие в китайских правительственных сферах. Китайские цензоры, Цзо-цзун-тан, князь Чун, отец богдохана Гуан-сюй, делавший еще тогда свою политическую карьеру Чжан-чжи-дун и некоторые другие китайские сановники повели энергичную атаку на князя Гуна, покровительствовавшего посланнику Чун-хоу, и вынудили правительство богдохана отказаться от ратификации договора и обнародовать смертный приговор посланнику Чун-хоу за превышение полномочий. Созванное засим общее собрание высших чинов государства возбудило вопрос о средствах для ведения войны с Россией [2]). Но это шовинистское направление продержалось недолго, ибо действительность скоро убедила и оптимистов, насколько Китайское государство было истощено предшедшими смутами: высочайшие указы о сборе войск и увеличении налогов [3]) остались неисполненными, вызвав серьезные беспорядки в ближайших к Пекину округах Китая, казна не была пополнена, несмотря на энергичные попытки увеличить местные поступления. При таких условиях и взвесив как твердое положение, занятое в этом деле нашим правительством, отказавшимся вести переговоры с маркизом Цзэном, преемником Чун-хоу, до тех пор, пока последний не будет помилован, так и совет великобританского посланника искать мирной развязки конфликта с Россией, министры богдохана принуждены были пойти на уступки—согласиться на помилование Чун-хоу и заключить с нами трактат на основах Ливадийского договора.

Этот трактат, подписанный 12 февраля 1881 года, носит название С.-Петербургского и вместе с приложенными к нему „Правилами для сухопутной торговли“ составляет то согласие-

---

[1]) Неверно, однако, утверждение *Паркера* („Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней“, перев. Грулева, 1903, СПб., стр. 181), что обольщенный крайними любезностями в Ливадии Чун-хоу из'явил согласие на уступку всей Илийской провинции.

[2]) *Коростовец*—„Китайцы и их цивилизация“, стр. 56.

[3]) Главным образом торговых пошлин—ли-цзын'я.

ние, которое до последнего времени определяло юридические и экономические отношения между обоими государствами.

На основании этого трактата:

1) к России отошли территории: в области Черного Иртыша - между реками Кальджиром и Алкабеком, и в Илийском бассейне—между реками Борохудзиром и Хоргосом на правом берегу р. Или и район сел. Кольджат на левом ее берегу, в общем 21.600 кв. верст;

2) устанавливалась граничная черта между Россией и Кашгарией от истоков р. Нарын-кол до перевала Уз-бель к востоку от оз. Кара-куль [1]);

3) сумма, подлежавшая внесению в русскую казну в возмещение понесенных ею расходов по оккупации Илийского края, увеличивалась с 5 до 9 миллионов рублей металлических;

4) выговорено было право открытия консульств, кроме двух новых в городах Су-чжоу и Турфане, также в городах Кобдо, Улясутае, Хами, Урумчи, и Гу-чэне, с той, однако, оговоркой, что эти последние пять консульств могут открываться по мере развития в крае русской торговли и не иначе как по соглашению с китайским правительством [2]);

---

[1]) В натуре она была установлена до перевала Бедель в 1882 году, отсюда же до перевала Узь-бель в 1884 году.

[2]) Ст. X трактата („Сборник договоров России с Китаем", стр. 230). В городах Су-чжоу и Турфане русские консульства не открывались. Неудачно намеченные в этой статье консульские города и ею же установленное условие открытия консульств второй очереди *„по мере развития в крае торговли"* в связи с текстом ст. XII того же трактата, гласящей о праве китайского правительства, с согласия, впрочем, России, отменить льготу беспошлинного ввоза русских товаров в внестенный Китай, *„когда, с развитием торговли,* возникнет в том необходимость", дали повод к длительной дипломатической переписке, ибо китайцы, сопоставляя обе статьи, ставили условием открытия новых консульств в Западной Монголии и Синьцзян'ской провинции введение там таможенного обложения русских товаров. Они рассуждали так: вы требуете открытия новых консульств, ссылаясь на развитие вашей торговли; но если так, то статья XII договора дает нам, в свою очередь, право настаивать на своевременности подчинения пошлинам ваших товаров. Они ловили нас на неудачной редакции договора, но так как мы добивались не учреждения консульств второй очереди, а лишь замены для местопребывания консулов одних городов другими—отдаленного от границы Су-чжоу более к ней близким Улясутаем и знойного Турфана более благоприятным в климатическом отношении

5) право беспошлинной торговли, предоставленное ст. 2 „Правил для сухопутной торговли с Китаем 1862 г." русским в Монголии, распространялось и на Синь-цзян'скую провинцию Китая;

6) город Су-чжоу открывался для русской торговли на тех же основаниях, как и город Тянь-цзинь [1]);

7) уменьшался оклад вывозной китайской пошлины на низшие сорта чая, и, наконец, ст. XVIII этого трактата подтверждалось постановление Айгунского договора о праве плавания русских судов по реке Сунгари.

Конфликт между Россией и Китаем, вызванный Ливадийским договором, заставил китайцев обратить самое серьезное внимание на необеспеченное положение своих северных окраин, в частности Маньчжурии, которая оставалась в своих северных

Урумчи, что сугубо подчеркивалось, то в конце концов правительству богдохана пришлось уступить. Консульство в Урумчи было открыто в 1896 году, в Улясутае—в 1908 году. В начале 1911 года те же статьи договора 1881 года послужили вновь предметом переписки между Петербургом и Пекином (см. „Известия Министерства Иностранных Дел", 1912, I, стр. 113 – 152), закончившейся принятием китайским правительством русской точки зрения в этом вопросе (о сем см. ниже). Принятие это было вынужденным и дало повод китайской прессе обратиться к вай-ву-бу с целым рядом упреков; привожу здесь наиболее характерную выдержку из одной из газетных статей в переводе, сделанном в русской миссии в Пекине.

„(Китайское) министерство иностранных дел (вай-ву-бу) должно во всех переговорах с иностранцами прежде всего сообразоваться с постановлениями договоров и вести дело постепенно, зрело обдумывая каждый свой шаг. Если же затягивать решение важных вопросов и дожидаться, когда со стороны заинтересованной державы последует ультиматум, то понятно, что в конце концов уже поздно будет рассматривать вопрос по существу и придется лишь думать о том, как ответить на пред'явленный ультиматум, причем заранее можно сказать, что в таком случае все требования иностранной державы будут удовлетворены. Такой именно характер носило последнее беспрекословное согласие вай-ву-бу удовлетворить все требования России, которая решилась, наконец, прибегнуть к угрозе".

[1]) Эта статья (третий абзац ст. XIV договора) заменила собой статью Ливадийского соглашения, устанавливавшую транзитную торговлю России с городами Внутреннего Китая через город Су-чжоу и города Синь-цзяна. Для этой торговли Петербургский трактат удержал только один прежний путь через Калган, Тун-чжоу и Тянь-цзинь, и это была единственная серьезная уступка китайцам, допущенная нами в 1881 году.

частях крайне слабо населенной и совершенно незащищенной от нападений северного врага, т. е. России [1]).

Не касаясь военных мероприятий, тогда-же проведенных в ней Китаем [2]), я упомяну лишь об одной мере, которая имела большое значение и для всей северной Монголии; это— отмена запрещения селиться в ней китайцам, которое было издано в половине XVII столетия, когда маньчжурское правительство, дабы изолировать маньчжуров и монголов от влияния китайцев, доверять коим оно не имело тогда оснований, об'явило ряд постановлений, направленных к тому, чтобы воспретить им не только селиться на землях кочевников, но и отпускать последним товар в кредит, опутывая их долгосрочными ростовщичьими процентами. Около столетия эти постановления, преследовавшие суровыми карами, до смертной казни включительно, их нарушителей, применялись к северу от Великой стены очень строго; но с конца XVIII столетия, после того, как маньчжуры успели настолько слиться с китайцами, что восприняли их мировоззрение и принципы их внутренней и внешней политики, монголы же, по выражению императора Цянь-луна [3]), „сильно упали и ослабели от ламского влияния“

---

[1]) Если верить Паркеру, то открытие границ Маньчжурии для китайской иммиграции вызвано было представлением английских официальных лиц. Вот, что мы читаем у него („Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней“, стр. 181) по этому поводу: „Лишь в 1888 году, после того, как этот край (Маньчжурию) посетили английский консул и английские офицеры, было обращено внимание китайского правительства на плодородную эту окраину и на опасное заблуждение, кроющееся в робкой политике, усвоенной относительно Маньчжурии. С тех пор маньчжурские провинции получили новое административное устройство и были приняты энергичные меры к заселению и обработке этого обширного края в возможно кратчайший срок, дабы создать его обороноспособность на почве его собственного экономического развития и обеспечить таким образом в самой стране достаточно сильный отпор в случае нашествия России“.

[2]) Главным образом они выразились в постройке арсеналов и в перевооружении войск, расположенных в Мукденьской и Гириньской провинциях. Засим намечено было устройство военных поселений в долине Аргуни, но к осуществлению этой меры приступлено было много позднее, в начале текущего столетия.

[3]) Арх. *Палладий*—„Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 г.г.“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.“, XXII, I, стр. 42.

и перестали быть угрозой Серединной империи, запрет китайцам селиться в степи утратил прежний смысл и должен был уступить давлению земельной нужды в самом Китае. Законами первых маньчжурских монархов пришлось поступиться и внести в них ряд поправок, которые фактически отменили их для монгольской территории к югу и востоку от Гобийской пустыни. Но Маньчжурия, Халха, Кобдоский район и территория урянхайцев оставались под запретом до последнего времени [1]), и только в текущем столетии пекинское правительство не только совершенно отменило этот запрет, но и энергично повело колонизацию китайскими выходцами пустопорожних земель Халхи и Маньчжурии [2]), сопровождая ее мероприятиями, которые, будучи направлены против России, ложились всей своей тяжестью, главным образом, на монголов. К числу таких мероприятий следует отнести и изданные в конце 1910 и в начале 1911 года указы: 1) о немедленном взыскании и уплате всех сумм, причитавшихся с монголов русским купцам, каковое распоряжение вызвано было запрещением дальнейшей русской торговли в кредит [3]), и 2) о приведении пограничных караулов в соответствующее их назначению состояние [4]).

---

[1]) Торговая эксплоатация китайцами северных монголов началась, впрочем, очень давно, притом едва-ли не при содействии местной китайской администрации, и только в Урянхайский край китайские торговые фирмы были допущены позднее, именно в 1901 году, согласно представлению улясутайского цзянь-цзюня.

[2]) По словам издающейся в Шань-дунской провинции газеты „Бохай-бао", пекинское правительство для того, чтобы придать переселенческому делу в Халхе бóльшую планомерность и систематичность, тогда же решило учредить особую должность главноуправляющего переселенческим делом в Монголии (цит. по „Дальневост. Обозрен.", 1911, № 3, от 31 янв., стр. 25). Одновременно „Бюро по монгольским делам" возбудило в Пекине ходатайство об учреждении в Халхе (в Урге) торгово-промышленного банка в целях колонизации этой страны и извлечения пользы из ее богатств (*Кушелев* — „Монголия и монгольский вопрос", СПб., 1912 г., стр. 54).

[3]) Это распоряжение, вызвавшее резкий русский протест в Пекине и встретившее в своем исполнении большие технические затруднения, не было, впрочем, приведено в исполнение; но самый факт его издания крайне характерен для истории русско-китайских отношений того времени.

[4]) По сведениям издающейся в Харбине китайской газеты „Юань-дун-бао", пекинское правительство тогда же поручило губернаторам погра-

Эти мероприятия китайцев вызвали глухой ропот в Халхе,

ничных частей империи командировать на границу достаточно умелых и сведущих чиновников для обследования современного ее состояния. Этим чиновникам было предложено выяснить следующие вопросы:

1) Сохраняются-ли в целости пограничные столбы и не замечается-ли у России стремление расширить свои пределы за счет китайской территории.

2) Установить характер и причину последних пограничных недоразумений и указать на способ их разрешения.

3) Выяснить современную организацию военной охраны границ и ее недочеты.

Кроме того в Пекине решено было немедленно сформировать три дивизии для размещения их гарнизонами в Урге, Кобдо и Улясутае.

Вызывающий образ действий китайского правительства, продиктовавший России дальнейшее ее поведение в монгольском вопросе, всего резче был выражен в ноте вай-ву-бу от 20 июля 1909 года („Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу", 1914, № 43), в которой утверждалось, что введение в Монголии китайской администрации упраздняет договорные права России в этой стране.

Насколько обострились отношения Китая к России к началу 1911 г., явствует также и из той дипломатической переписки, которая опубликована в „Известиях Министерства Иностранных Дел" за 1912 г., т. I, стр. 113—152; из числа помещенных здесь весьма важных документов считаю достаточным привести только следующие три: 1) начальный, вызвавший означенную переписку, 2) второй ультиматум русского правительства и 3) заключительный, вынужденный, ответ вай-ву-бу.

1) Телеграмма посланнику нашему в Пекине от 30 января 1911 г., пред'явленная вай-ву-бу 3 февраля:

„Благоволите сделать китайскому правительству следующее заявление.

„Происходившие за последнее время переговоры убедили императорское правительство в нежелании китайского правительства считаться с постановлениями торгового договора 1881 года; одни из этих постановлений игнорировались китайским правительством и его местными агентами, другие истолковывались в смысле, не отвечавшем ни духу, ни букве этого договора. Императорское правительство пришло к заключению, что продолжение издавна существующих дружеских связей между Россией и Китаем невозможно при таком отношении китайского правительства к договору 1881 года, и озабоченное поддержанием и укреплением этих связей, считает необходимым ныне же заявить о вышесказанном и просить китайское правительство безотлагательно подтвердить свое согласие соблюдать следующие пункты, изложенные в строгом соответствии с постановлениями трактата 1881 года и с положенными в основание договорных русско-китайских отношений принципами:

когда же в 1911 г. в Пекине решено было перейти от арен-

1. Ни договор 1881 года, ни какие-либо иные международные акты не ограничивают права русского правительства устанавливать самостоятельные ввозные и вывозные тарифы по границе с Китаем, исключая 50 верстной полосы вдоль этой границы; в пределах же полосы сказанной ширины по ту и другую сторону всей сухопутной границы между Россией и Китаем взаимно установлен беспошлинный ввоз и вывоз произведений почвы и промышленности всей территории другой договаривающейся стороны.

2. Русские подданные на всей территории Китайской империи пользуются правами административно-судебной внеземельности и потому в административном и судебном отношениях подлежат исключительной юрисдикции российских властей. Сообразно этому все гражданские дела, в которых тяжущимися сторонами являются русские и китайские подданные, разбираются смешанными судами из русских и китайских судей.

3. В Монголии и областях Застенного Китая, лежащих по обе стороны Тяньшаньского хребта, русские подданные имеют права свободного передвижения, проживания и беспошлинной торговли товарами всякого происхождения, без обложения ее в явном или скрытом виде и без стеснения ее монополиями или иными запретительными мерами.

4. Кроме уже имеющихся консулов российское правительство имеет право назначить своих консулов в Кобдо, Хами и Гу-чэн. Хотя осуществление этого права зависит от соглашения с китайским правительством, но возникновение ряда тяжебных дел между русскими и китайскими торговцами в округах названных городов должно служить достаточным доказательством невозможности откладывать осуществление этого права.

5. Российские консулы должны быть признаваемы в своем официальном качестве в пределах своего консульского округа китайскими властями, которые не могут отказываться от совместного с ними разбора тяжебных дел между русскими и китайскими подданными.

6. В городах Монголии и Застенного Китая, где российское правительство имеет право учредить свои консульства, т. е. в Кульчже, Чугучаке, Урге, Улясутае, Кашгаре, Урумчи, Кобдо, Хами и Гу-чэне, а также в Калгане, русские подданные могут приобретать землю и возводить на ней постройки.

„Императорское правительство считает долгом предупредить китайское правительство, что оно будет рассматривать отказ подтвердить переименованные в вышеуказанных шести пунктах или хотя-бы в одном из них обязательства как доказательство нежелания поддерживать с Россией добрососедские, основанные на договорах отношения. В таком случае императорское правительство предоставит себе свободу избрать все доступные ему меры для восстановления попираемых Китаем договорных прав российского правительства и русских подданных". *Сазонов.*

2) Телеграмма посланнику нашему в Пекине 10 марта 1911 года.

ной системы, которая оставляла за монголами право распоря-

(Нота должна была быть пред'явлена вай-ву-бу с таким расчетом, чтобы, при трехдневном сроке на ответ, последний мог быть сообщен в письменной форме нашему посланнику не позднее 15 марта).

„Происходившие в течение последнего месяца переговоры убедили императорское правительство, что китайское правительство путем умолчаний и уклончивых ответов стремится отвергнуть положения, изложенные в русской ноте 3 февраля. Так, в памятной записке, переданной императорскому посланнику 6 марта, китайское правительство, уступая с одной стороны нашим повторным настояниям и соглашаясь с тем, что учреждение российского консульства в г. Кобдо не должно быть поставлено в зависимость от введения таможенных пошлин, с другой стороны умалчивает о других консульствах, учреждение которых предусмотрено ст. 10 С.-Петербургского договора, и о монополиях, которые вводятся в Синь-цзянской провинции вопреки трактатам с державами, и говорит, что в деле торговли местными произведениями русские торговцы будут поставлены в одинаковые условия с китайскими, причем оставляет без внимания договорное право русских торговать в Монголии и Западном Китае без уплаты каких-либо пошлин или налогов.

„Сознавая всю бесплодность такого рода переговоров, в которых китайское правительство ищет лишь ограничить русские договорные права путем доводов, от которых оно само принуждено затем отказываться, императорское правительство видит себя вынужденным ныне положить конец этим ничем не оправдываемым затяжкам и просить китайское правительство формально подтвердить правильность и согласованность с договорами всех положений русской ноты 3 февраля. Только после такого подтверждения императорское правительство может согласиться войти в обсуждение вопросов о введении пошлинного обложения о создании особого режима для торговли чаем или каких-либо иных частичных изменений договора 1881 года.

„Императорское правительство согласно ждать ответа на настоящую свою ноту до 15 марта ст. стиля, но предупреждает, что в случае неполучения к этому сроку исчерпывающего удовлетворительного ответа по всем шести пунктам ноты 3 февраля, оно вернет себе свободу действий и возлагает на китайское правительство ответственность за проявленное последним упорство".

3) Ответное сообщение вай-ву-бу (телеграмма Коростовца 14 марта 1911 года).

„Я имел честь получить сообщение ваше от 1 марта с. г., в коем значилось, что ответ вверенного мне министерства (вай-ву-бу) от 5 сего марта умалчивает об учреждении других российских консульств, предусмотренных С.-Петербургским договором 1881 года, и о монополиях, которые вводятся в Синь-цзянской провинции вопреки трактатам с державами, и оставляет без всякого внимания договорные права русских подданных

жения землей, к безвозмездному выделу участков, пригодных под культуру и поселения [1]), предварительно при этом усилив

торговать без уплаты каких-либо пошлин или налогов. „Только после формального подтверждения", значится далее в сообщении, „российское правительство может войти в обсуждение вопроса о введении пошлинного обложения" и других. Вверенное мне министерство считает долгом в ответ на вышеуказанное заявить, что оно уже подробно высказало свою точку зрения на затронутые ныне вопросы в сообщениях своих от 6 февраля и 5 марта с. г., каковые, в сущности говоря, не требуют каких-либо подтверждений. Ныне, в виду требования вашего превосходительства, министерство приступит к желаемому подтверждению, дабы удалить искусственные недоразумения. Касательно учреждения консульства в Кобдо, Хами и Гу-чэне вверенное мне министерство в первом ответе своем, ссылаясь на ст. 10 договора, выразило свое полное желание на посылку консулов в означенные пункты. Во втором ответе своем оно соглашалось на учреждение консульства в Кобдо, имея в виду ваше заявление, изложенное во второй ноте, касавшейся исключительно Кобдо, и отнюдь не отрицало права учреждать консульства в других, помимо Кобдо, пунктах, предусмотренных договором. По вопросу о монополиях в Синь-цзянской провинции вверенное мне министерство имело честь об'яснить во втором ответе своем, что русскоподданные, торгующие во всех пунктах, расположенных к югу и к северу от Тянь-шаньского хребта в Застенном Китае, будут поставлены в одинаковые без всяких дальнейших ограничений условия с китайцами, причем заявление „одинаковые условия без дальнейших ограничений" свидетельствуют о том, что Китай не стремится к каким-либо монополиям. Рассматривая в первом своем ответном сообщении вопрос о беспошлинной торговле русско-подданных в Монголии и Западном Китае, вверенное мне министерство заявляло, что Китай строго руководствуется постановлением ст. 12 договора 1881 года, чем и признало ясно права временной беспошлинной торговли русских подданных в Монголии и Западном Китае; такое признание отнюдь не может быть названо „оставлением без внимания договорных прав". В общем дружеские отношения между Китаем и Россией установились с давних пор; во всех делах, возникающих на границе, обе стороны всецело руководствуются договорными постановлениями и скрепляют взаимную дружбу. Исходя из этой точки зрения, китайское правительство и не выставило никаких возражений против всех пунктов, изложенных в русской ноте 3 февраля с. г., желая согласоваться с действиями русского правительства, основанными на договорных статьях. Подтверждая, таким образом, формально правильность и согласованность русских требований с договором, я имею честь просить вас о вышеизложенном довести до сведения русского правительства".

Этот ответ был признан в Петербурге удовлетворительным.

[1]) Прецендентом для сего послужила колонизация китайцами отчуждаемых в силу распоряжений пекинского правительства без предвари-

китайский гарнизон в Урге, то халхасцы усмотрели в этом посягательство не только на свое исконное достояние—землю, но и на свободу, и немедленно реагировали на эти незаконные, по их мнению, начинания пекинского правительства [1]). Они решили об'единиться вокруг своего духовного главы ургинского богдо-гэгэна для защиты своих прав и интересов и послать депутацию в Россию с ходатайством о поддержке [2]).

Депутация эта в составе князя Ханда-дорджи, да-ламы Цэрэн-Чимэта и Хайсана [3]) прибыла в Петербург в начале августа 1911 года и была выслушена здесь с большим вниманием [4]). Засим Россия, сочтя необходимым поддержать порядок в сопредельных частях Монголии, вступила с пекинским правительством в переговоры о сохранении исторически сложившегося там строя и о недопущении туда китайских колонистов. Эти переговоры были, однако, прерваны вспыхнувшей в Китае революцией, и монголы поспешили воспользоваться этим благоприятным политическим моментом [5]). 18 ноября

тельного соглашения с их владельцами „пустопорожних" земель, входящих в состав территории восьми чахарских знамен (см. *А. Позднеев* — „Монголия и монголы", II, стр. 45—46).

[1]) Видную роль при этом, повидимому, сыграло ламайское духовенство, которое умелой агитацией вызвало большой под'ем энергии и решимости у халхаских князей.

[2]) *Вл. Котвич* — „Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии", прилож. к карте Монголий, сост. по данным Коростовца и изд. картограф. завед. А. Ильина, стр. 13; кап. *Харламов* — „Иркутский военный округ", II, „Монголия", 1914, стр. 32.

[3]) У *И. Майского* — „Современная Монголия", Иркутск, 1921, стр. 254, он назван по титулу—Дженон-бэйсэ.

[4]) Что касается Китая, то попытка монголов прибегнуть к заступничеству России вызвала там бурю негодования, нашедшую отражение в приказе ургинского амбаня Сан-до, который, указывая халхаским князьям на благодеяния, которые им оказывались императорами Дай-цин'ского дома, и на допущение их депутатов в представительные учреждения государства, клеймил их попытку вынести внутренний конфликт на суд соседней державы прямой изменой; в заключение он взывал к их благоразумию и требовал строгого расследования всего инцидента, дабы выяснить виновников смуты.

[5]) Из четырех аймаков Халхи первыми отделились от Китая аймаки Тушету-хан'овский и Цэцэн-хан'овский. Западные аймаки, Дзасактухан'овский и Сайн-ноин'овский, примкнули к ним не сразу, а после некоторых колебаний и разногласий, которые, впрочем, скоро были улажены

в Урге была провозглашена независимость Монголии, а 16 декабря на престол был торжественно возведен ургинский богдо-гэгэн с приобщением ему титула „многими вознесенного“ [1]).

Этот акт сопровождался об'явлением монгольскому народу следующего содержания:

С некоторого времени китайцы и маньчжуры сражаются между собой во внутренних провинциях Китая, и очевидно, что близко уже время, когда имя маньчжурской династии Дай-цин угаснет. Наша родина, Монголия, издавна была независимой страной. Поэтому мы не можем не стремиться к независимости, дабы править народом согласно с его установлениями и обычаями. С этого дня ни маньчжуры, ни китайцы не должны более принимать участия в управлении страной. Мы лишаем их занимаемых ими должностей как высших, так и низших, как военных, так и гражданских, и повелеваем им немедленно покинуть страну; иначе говоря, мы изгоняем всех чиновников (бывшего китайского правительства) из пределов Монголии. Что касается купцов и прочих обывателей, к какой-бы национальности они ни принадлежали, то они спокойно могут продолжать свое дело и ежедневную работу. Мы собрали сюда войска с единственной целью защиты нашего великого ламы, нашей религии и нашего народа и с целью охраны порядка в государстве. Мирному населению нет причин чего-либо опасаться. Но если среди него найдутся люди, которые, пожелав использовать нынешнее переходное время, пойдут против нас или станут предаваться грабежу и насилиям и иным образом нарушать порядок, то они понесут заслуженное наказание без всякого снисхождения. Пусть каждый: монгол, русский, тунгус и китаец прочтет это об'явление и примет его к сведению.

Засим, в дополнение к этому об'явлению, богдо-гэгэном был издан указ, в котором оповещалось: 1) что образ государственного правления в Монголии будет строго согласован

[см. *Коншин* — „Монгольское государство“ в „Нов. Врем.“, № 13102, от 2 сентября 1912 года, а также „Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу“ („Оранжевая книга“), 1914, №№ 5 и 7].

[1]) *Вл. Котвич*, ibid.; кап. *Харламов*, op. cit., стр. 35, относит это событие к 15 декабря; ту же дату находим мы и у *Ю. Кушелева* („Монголия и монгольский вопрос“, стр. 72).

с требованиями религии; 2) что кандидатами в правительственные чиновники могут быть только лица господствующей религии; 3) что желающие остаться в Монголии китайцы (колонисты) обязаны принять законы этой религии; 4) что во всех торжественных случаях будут вывешиваться новые монгольские флаги; 5) что высшие государственные чины получат форменную одежду по русскому образцу, низшие же чиновники должны сохранять монгольское платье, отбросив все то, что составляло принадлежность китайского обмундирования, и 6) что существующие налоги и пошлины упраздняются впредь до установления новых на основании законов, вырабатываемых по соглашению с Россией.

К движению, поднятому в Тушету-хан'овском и Цэцэн-хан'овском аймаках, присоединились вскоре и другие части Халхи. 16 декабря сдал монголам оружие улясутайский цзянь-цзюнь, 1 января 1912 года подняли восстание баргуты Хулунбуирского округа [1]), а 6 августа того же года был взят штурмом город Кобдо [2]), и, таким образом, вся северная Мон-

---

[1]) 1 января баргуты потребовали от хайларского дао-тая удаления из ямыня и разоружения восьмидесяти человек местного гарнизона. Ночью дао-тай бежал на территорию Китайской Восточной железной дороги, и с 2 января монголы стали господами положения во всем Хайларском округе; в руках китайцев оставалась еще крепость Лу-бин-фу, находившаяся близь железнодорожной станции „Маньчжурия", с гарнизоном в 250 прекрасно обученных и вооруженных китайских солдат, но и она сдалась монголам 23 января, хотя осаждала ее толпа плохо вооруженного сброда, едва-ли превышавшая численность гарнизона (Кап. *Харламов*, op. cit., стр. 35).

[2]) Об этом событии у *Ан. Каллиникова* („Национально-революционное движение в Монголии". Москва, 1926, стр. 28) читаем: „Маньчжурский амбань не желал сдавать власти монголам, и кобдоскиее дорбёты были в нерешительности: выступить-ли им против Китая или же оставаться под его властью. Их колебания разрешил калмык Дамби-Джанцян или Джа-лама, который, об'явив себя перерожденцем последнего героя монгольской независимости Амурсаны, увлек в борьбу с китайцами все (?) население Кобдоского округа. Он быстро мобилизировал до 5.000 кобдоских монголов и осадил 6 мая 1912 года гор. Кобдо. 6 августа этот город сдался войскам Джа-ламы, на следующий день пала и крепость. Шедшие на выручку китайские отряды из Гу-чэн'а и Шара-сумэ запоздали и остановились на зимовку в 300-х верстах от Кобдо, где и оставались в бездействии до следующего года".

голия от Хингана до Алтайских гор [1]) оказалась об'единенною под властью ургинского богдо-гэгэна.

Этими событиями завершился свыше чем 150-тилетний период нахождения Западной Монголии под маньчжуро-китайским управлением [2]), и последующее должно составить уже новую главу в ее истории.

---

[1]) Присоединение к Халхе Западной Монголии до Алтайской магистрали совершилось далеко не спокойно и к тому же не во всех ее частях добровольно.

По удостоверению правителя Алтайского округа торгоутского вана Палта (см. *Коншин*—„Беседа с князем Палта" в „Нов. Врем.", № 13660, от 23 марта 1914 года), монгольская смута принесла Западной Монголии много бедствий: „Кобдоский округ постигло полное раззорение и настоящий голод. Халхасцы, об'явив о присоединении Кобдоского округа к вновь возникшему Монгольскому государству, стремились подчинить себе и Алтай. Силой оружия им этого сделать, однако, не удалось, на добровольное-же присоединение не пошли сами алтайцы. Когда стало известно о заключенном Россией в Урге договоре (о нем см. в след. главе), то монголы всего Западного края (Синь-цзяна), населяющие Или, Тарбагатай и Алтай, заявили в Пекине протест по поводу слова „Монголия", допущенного в договоре. В ургинском соглашении почему-то говорится о всей Монголии. Но даже Кобдоский округ не может быть целиком включен в договор, заключенный халхаскими князьями. В Кобдоском округе два сейма. Дёрбётский цинь-ван действительно заявил о согласии Сайн-дзаягату'ского сейма на присоединение к Халхе, хотя и у него не все князья были с ним солидарны; сейм-же Чин-сэтхильту самым решительным образом отказался от слияния с Халхой". Поэтому, по мнению вана Палта, включение в договор о Монголии всего Кобдоского округа было явной ошибкой. Тем не менее, он был вынужден по поручению своего правительства подписать пред'явленное ему консулом Кузьминским соглашение о том, что войска обеих сторон не будут переходить вершин Алтайского хребта, чем республиканское правительство санкционировало включение спорной территории до Алтайской магистрали в состав автономной Монголии.

[2]) Не всей той территории, однако, которая под этим именем служит предметом настоящего труда: юго-западные склоны хребта Алтаин-нуру, т. е. бассейны р.р. Урунгу и Черного Иртыша, остались в составе земель Китайского государства и с административным центром в г. Шара-сумэ продолжают составлять так называемый Алтайский скруг, образованный в 1907 году. Откололась от Западной Монголии и ее северная часть— Урянхайский край, который с 1912 года был принят под покровительство России, ныне же составляет отдельный политический организм.

ГЛАВА XII.

Образование Монгольского государства.

Урянхайский вопрос.

Положение, которое должно было занять русское правительство в монголо-китайском конфликте, раз'ясняется следующим местом речи министра иностранных дел С. Д. Сазонова в государственной думе 13 апреля 1912 года.

„Одним из последствий разразившейся во всем Китае смуты было отложение от него Монголии или скорее северной ее части, так называемой Халхи. Провозгласив свою независимость, монголы обратились к России с просьбой о поддержке".

Для того, чтобы уяснить себе положение, которое в этом случае должно было занять русское правительство, надлежит иметь в виду следующее.

„Монголия велика; ее племенной состав разнообразен; географически и административно положение отдельных ее частей различно. Те монгольские области, которые прилегают к Внутреннему Китаю и Маньчжурии, так называемая внутренняя Монголия, отчасти уже вошли в состав китайских провинций и во всяком случае подверглись сильному китайскому влиянию. В значительной своей части (?) внутренняя Монголия тяготеет к южно-маньчжурской железной дороге, и в этой ее части создались японские интересы. Географически (?) и административно вся восточная часть внутренней Монголии принадлежит к Маньчжурии и несомненно рассматривается державами как составная часть последней [1]). Попытка об'единения

[1]) Это заявление очень важно. Представители иностранных держав, непосредственно заинтересованные в округлении территории Китайской республики за счет монгольских земель, могут, конечно, не считаться

внутренней и внешней Монголии, разобщенных географически [1]) и живущих уже давно в совершенно различных условиях существования, едва-ли могут привести их к возможности общей политической жизни [2]). Напротив, северная Монголия, Халха, отделенная от Китая пустыней Гоби, до сих пор сохранила свой самобытный строй; жители ее попрежнему ведут кочевой образ жизни и управляются своими князьями; китайцев там немного, и они составляют скорее (?) пришлый элемент. Попытки нарушить этот строй вызвали протест со стороны монголов Халхи и повели к их отложению от Китая. Во главе этого движения стал ургинский хутухта, сумевший об'единить монголов для общего дела.

„Переворот в Урге и последовавший за ним переворот в Улясутае, центре западной Халхи, совершились бескровно [3]):

с историей и географией (ибо, вопреки мнению С. Д. Сазонова, область Большого Хингана к югу от восточной китайской железной дороги, занятая кочевьями монголов, *географически* отнюдь не тождественна с территорией Шэн-цзин'ской и Гириньской провинций Маньчжурии), которые в этом случае против них, но, казалось-бы, иное положение в этом вопросе должны были занять русские дипломаты, которые обязаны были помнить, что то, что отходит от Монголии к Китаю, навсегда утрачивается и Россией, выбывая из сферы ее торгово-политического влияния.

[1]) Если *Сазонов* говорит здесь о той части внутренней Монголии, которая тяготеет к южно-маньчжурской железной дороге, то едва-ли географически она может считаться разобщенной с остальной Монголией.

[2]) Весь этот абзац было-бы осторожнее не произносить в политической речи, так как под ним нельзя подписаться знакомому с Монголией и монголами. Из его сопоставления с следующим как будто выходит, что внутренняя Монголия утратила свой самобытный строй, оставила кочевой образ жизни и более не управляется своими князьями. Не это, конечно, имел в виду сказать министр Сазонов.

[3]) Хотя Сазонов говорит здесь только об Улясутае, но имеет в виду несомненно всю Западную Монголию, где, однако, переворот совершился далеко не бескровно. Вот, что, например, пишет кап. *Харламов*—„Монголия", стр. 428: „В 1911 году почти весь город (Кобдо) был разрушен и до 1913 года был полон разлагающимися трупами". Засим, в телеграмме нашего посланника Крупенского от 23 сентября 1912 г. [„Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу" („Оранжевая книга"), 1914, № 2], передающей сообщение китайского правительства, читаем: „Русское правительство неоднократно протестовало против отправления китайских войск в Монголию. Такие же возражения были сделаны и относительно Кобдо и Алтая, хотя посылка туда китайских войск не являлась

требование удалиться, пред'явленное монголами китайским властям, было ими выполнено беспрекословно. Уже по одному этому можно судить, как слаба была китайская власть над Халхой: она держалась разрозненностью монголов и престижем памяти великих завоевателей первой эпохи маньчжурской династии [1]). Но со своей стороны и Халха не подготовлена своей историей к самостоятельному государственному бытию. Кочевники по образу жизни, привыкшие в течение столетий [2]) повиноваться пекинскому правительству, монголы Халхи не имеют ни войска, ни финансовой организации, ни деятелей, без которых невозможно, немыслимо самостоятельное государство. Оторвать их от Китая, значит поэтому взять на себя задачу создать из них государство, задачу тяжелую, требующую крупных денежных затрат и огромного труда. А тем временем Халха была-бы под постоянной угрозой обратного завоевания китайцами, и на нас лежала-бы обязанность защищать ее силой нашего оружия. Полный разрыв между Халхой и Китаем поставил-бы нас перед дилеммой: или оккупировать ее или уйти оттуда и вновь допустить туда китайцев на правах завоевателей. Этой дилеммы мы постарались избегнуть и согласились на посредничество между китайцами и монголами для заключения между ними такого компромисса, который удовлетворял-бы в пределах возможного желание халхасцев сохранить свой самобытный строй и желание Китая восстановить свой суверенитет в Монголии. Зная недоверие монголов к китайским обещаниям и предвидя, что мир в Халхе, столь необходимый для наших там торговых интересов, наступит только тогда, когда халхасцы будут сознавать, что оба их сильных соседа, Россия и Китай,

---

аггресивным актом, а была необходима для предупреждения распространения беспорядков на эти округа". Сдача китайцев монголам прошла, таким образом, не везде так легко, как в Урге и Улясутае.

[1]) Я не стремлюсь полемизировать с Сазоновым, но все же считаю необходимым привести здесь взгляд монгола—князя Палты на международное положение Монголии, в котором угадывается причина сильной власти, какой пользовалось до 1911 года в Монголии китайское правительство, имевшее за собой весь Китай: „Такому *маленькому народу*, как монголы, трудно существовать самостоятельно среди таких великих держав, как Россия и Китай, и мне кажется, что для монголов выгоднее быть присоединенными к той или другой из этих держав".

[2]) Точнее, несколько более двух столетий: с 1688 по 1911 год.

согласились относительно их участи, мы предложили наши дружеские услуги для установления и проведения в жизнь тех мер, которые потребуются для блага этой страны",

Задача, которая ставилась г. Сазоновым, заключалась, таким образом, в создании „сохраняющей самобытный строй" Монголии под „суверенитетом" Китая, причем пределы автономии первой и власти второго не предрешались. Путь к достижению этой задачи намечался, как посредничество России в улажении китайско-монгольских отношений. Последовательным рядом усилий задача эта была достигнута, но достигнута несколько иным путем, чем предполагалось. Это изменение пути оказало в свою очередь влияние на пределы разграничения между „самобытным строем" Монголии и „суверенностью" Китая, притом в такой мере, что с 1915 г. мы уже не в праве были больше употреблять эту терминологию и должны были говорить о монгольской „государственности" и лишь о „сюзеренитете" Китая [1]).

Изменение средств решения монгольского вопроса вызвано было образом действий китайского правительства.

Соглашаясь на посредничество России в своем споре с монголами, оно поняло его иначе, чем в Петербурге, и полагало, что оно должно будет ограничиться дружеской помощью русского консула при предстоявших им переговорах в Урге с монгольским правительством; когда же до его сведения доведена была программа России [2]), с которой оно не сочло возможным согласиться, то оно прибегло к обычному методу своей дипломатической техники—к затягиванию переговоров. Это вынудило, наконец, русское правительство в августе 1912 г., т. е. после 11 месяцев бесплодных переговоров, заменить посредничество прямыми переговорами с несуществовавшим еще тогда с формальной точки зрения Монгольским государством [3]),

---

[1]) Бар. *Б. Нольде*—„Международное положение Монголии" в газете „Право", 1915, №№ 34 и 35 от 23 и 30 августа. Этими статьями я широко пользуюсь и в дальнейшем изложении событий, сопровождавших образование Монгольского государства.

[2]) Эта программа сводилась к трем главным положениям: 1) сохранению в Халхе туземного управления, 2) недопущению ввода туда китайских войск, и 3) воспрещению колонизации монгольских земель китайцами, каковые положения имели целью помешать образованию на границе с Россией сильного в военном отношении государства.

[3]) Бар. *Б. Нольде*, op. cit.

мотивы какового решения изложены в письме Сазонова уполномоченному для ведения переговоров с монгольским правительством И. Я. Коростовцу от 23 августа 1912 г. [1]), где читаем:

...„Мы согласились выступить посредниками между китайским правительством и ургинским хутухтой и неоднократно указывали китайцам на нашу готовность содействовать их примирению с монголами, если Халхе будет обеспечено сохранение ее самобытного строя. Однако все наши попытки в этом направлении не привели к сколько-нибудь осязательным результатам. Пекинское правительство прибегло к уклончивости с явным рассчетом устранить посредничество России. Сея рознь между князьями Монголии [2]), китайцы стали затем подготовлять военную экспедицию, чтобы покончить силою с монгольскою самостоятельностью.

„Убедившись в невозможности договориться с китайцами, не желающими считаться с изменившимся положением в Монголии, императорское правительство решило войти в непосредственное сношение с ургинским правительством и, путем соглашения с ним, установить условия, гарантирующие автономию Халхи.

„Этим самым мы признаем Монголию договаривающейся стороной и санкционируем ее притязание на автономию. Подобный оборот дела не будет неожиданностью для китайского правительства. Оно давно предвидит наше решительное выступление в монгольском вопросе, что, между прочим, можно заключить из сделанного нам Китаем оффициального заявления, что он не признает никаких соглашений, заключенных Монголией помимо центрального правительства“.

Начатые в Урге 23 сентября 1912 г. переговоры с монгольскими министрами, в основу которых легли русские проекты политического и торгового соглашения с Монголией, прошли не без шероховатостей, так как монголы добивались во 1) полной независимости и во 2) чрезвычайно широко намечали границы своего будущего государства, включая в него Баргу и внутреннюю Монголию [3]).

---

[1]) „Оранжевая книга“, № 1.

[2]) Это подтверждается и позднейшей телеграммой Коростовца („Оранжевая книга“, № 14).

[3]) „Оранжевая книга“, № 6.

Оба вопроса представляли, конечно, очень существенное для монголов значение, но так как русское правительство находило возможным вести монгольское дело лишь в общих рамках русской внешней политики, то о включении в соглашение тех монгольских земель, которые успели уже войти в сферу японских интересов, не могло быть и речи. Засим и в вопросе о независимости Монголии домогательства монголов были отклонены, так как можно было надеяться достигнуть соглашения с Китаем по монгольскому вопросу, лишь уступив ему фикцию сохранения его верховных прав над этой страной.

Монгольские министры сдались и подписали соглашение и приложенный к нему протокол о торговле только после того, как им категорически было заявлено, что Россия не возьмет на себя обязательства силою отстаивать их пожелания [1]). Это событие произошло 21 октября 1912 г. [2]), самое же соглашение заключалось в следующих четырех пунктах [3]):

Ст. 1. Российское правительство окажет Монголии свою помощь к тому, чтобы она сохранила установленный ею автономный строй, а также право содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации своих земель китайцами.

Ст. 2. Повелитель Монголии и монгольское правительство предоставят русским подданным и русской торговле по прежнему пользоваться в своих владениях правами и преимуществами, перечисленными в прилагаемом протоколе. Само собою разумеется, что другим иностранным подданным не будет предоставлено в Монголии более прав, чем те, которыми пользуются там русские подданные.

Ст. 3. Если-бы монгольское правительство сочло нужным вступить в отдельный договор с Китаем или другим иностранным государством, то новым договором ни в коем случае не могут быть нарушены или изменены статьи настоящего соглашения и протокола без согласия на то российского правительства.

---

[1]) „Оранжевая книга“, № 10.

[2]) „Оранжевая книга“, № 23.

[3]) „Оранжевая книга“, № 24, стр. 24; „Собрание узаконений и распоряжений правительства“, 1912, ст. 2288; „Извест. Мин. Иностр. Дел“, 1913, I, стр. 47—48.

Ст. 4. Настоящее дружественное соглашение войдет в силу со дня его подписания.

Одновременно с подписанием этого акта и протокола о торговле Коростовец передал монголам декларацию следующего содержания: „Императорское правительство признает за собой право определить, на какие области, кроме самой Халхи, распространяются даваемые монгольскому правительству гарантии автономных прав“ [1]).

Это соглашение возводило Монголию на степень государства, но характер ее независимости определялся в нем формулой весьма гибкой. Было лишь установлено, что она сохранит свой автономный строй и будет иметь национальное войско. Этого, конечно, недостаточно, чтобы наполнить собой полный круг государственной самостоятельности. Незанятую часть круга было заранее решено заполнить китайским содержанием в той мере, в какой он не заполнялся особыми правами, которые были выговорены соглашением в пользу России, а именно, русской гарантией автономии, правами русской торговли и правом России возражать против всяких соглашений Монголии, хотя-бы с Китаем, противоречащих ургинскому акту. При указанной растяжимости формулы автономии данное Монголии международное положение могло сочетаться с более или менее широкою властью Китая, но события привели к тому, что китайские права оказались достаточно узкими [2]).

На предложение русского правительства присоединиться к принципам ургинского соглашения китайцы ответили, что они не могут признать силы за соглашением, заключенным иностранной державой с одной из составных частей их государства [3]), но, дабы не обострять положения, согласны продолжить переговоры на следующих основаниях [4]):

Русское правительство должно уважать как полный территориальный суверенитет Китайской республики над Монголией, так и суверенное ее право вести или направлять все переговоры с иностранными державами по всем вопросам, касаю-

---

[1]) „Оранжевая книга“, № 25.

[2]) Бар. *Б. Нольде*, op. cit.

[3]) „Оранжевая книга“, №№ 27—30; подобные же заявления делались ими и раньше.

[4]) „Оранжевая книга“, № 41.

щимся Монголии и относящимся как к торговле, так и к другим предметам, и в то же время принимает на себя обязательство не вмешиваться и не препятствовать каким бы то ни было мерам, которые могли-бы быть приняты в любое время правительством Китайской республики с целью поддержания прежнего порядка управления внешней Монголией: с своей же стороны правительство республики заявляет, что оно будет придерживаться обычаев, существовавших при бывшей Цинской династии, при осуществлении своего права контроля над управлением внешней Монголии и не будет без предварительного принятия в соображение желания населения этой страны посылать внезапно туда свои войска, учреждать там новые должности и покровительствовать колонизации территории внешней Монголии мерами, до сих пор в ней не применявшимися.

Этот контр-проект соглашения, как явно неприемлемый для России, не обсуждался; не обсуждались и два следующих китайских предложения [1]), равным образом стремившиеся вернуть Монголию к statu quo и редакционными изменениями вложить в русский проект соглашения иное содержание, и только после того, как русское правительство решительно заявило, что, вынужденное считать переговоры не достигшими цели, оно возвращает себе свободу действий в монгольском вопросе [2]), китайцы пошли на уступки, и 23 октября 1913 года [3]) уполномоченными обоих правительств была подписана в Пекине декларация следующего содержания:

I. Россия признает, что внешняя Монголия находится под суверенитетом Китая.

II. Китай признает автономию внешней Монголии.

III. Признавая исключительное право монголов внешней Монголии самим ведать внутренним управлением автономной Монголии и решать все касающиеся этой страны вопросы, относящиеся к торговой и промышленной областям, Китай обязуется не вмешиваться в эти дела и посему не будет содержать там никаких гражданских или военных властей

[1]) „Оранжевая книга", №№ 47 и 50.

[2]) „Оранжевая книга", № 75.

[3]) „Оранжевая книга", № 104.

и будет воздерживаться от всякой колонизации этой страны. Условлено, однако, что командированный китайским правительством сановник может проживать в Урге, имея при себе необходимый подчиненный штат и конвой. Кроме того китайское правительство в случае надобности может содержать в некоторых местностях внешней Монголии, подлежащих определению при предусмотренных в V статье настоящего соглашения переговорах, агентов для защиты интересов своих подданных.

Россия с своей стороны обязуется не содержать войск во внешней Монголии за исключением консульских конвоев, не вмешиваться в какую-либо отрасль управления этой страной и воздерживаться от ее колонизации.

IV. Китай выражает готовность принять добрые услуги России для установления своих отношений с внешней Монголией согласно вышеизложенным началам и постановлениям русско-монгольского торгового протокола 21 октября 1912 года.

V. Касающиеся интересов России и Китая во внешней Монголии вопросы, порождаемые новым положением вещей в этой стране, составят предмет последующих переговоров.

Приложенные к этому соглашению ноты, формальная обязательность которых была равна обязательности соглашения, установляли следующее [1]):

1. Россия признает, что территория внешней Монголии составляет часть территории Китая.

2. Что касается политических и территориальных вопросов, то по ним китайское правительство будет уславливаться с русским правительством путем переговоров, в которых власти внешней Монголии будут принимать участие.

3. Предусмотренные в V статье декларации переговоры будут происходить между тремя заинтересованными сторонами, которые в этих видах изберут место, где с'едутся их делегаты.

4. Автономная внешняя Монголия будет состоять из областей, находившихся в ведении китайского амбаня в Урге, улясутайского цзянь-цзюня и китайского амбаня в Кобдо. В виду того, что не существует подробных карт Монголии и что границы административных делений этой страны неопределенны,

---

[1]) Ibid.

условлено, что определение границ внешней Монголии, равно как и разграничение между Кобдоским и Алтайским округами, составят предмет позднейших переговоров, предусмотренных в V статье декларации.

Из текста этих двух актов явствует, что оба договаривавшиеся правительства не считали их достаточными для завершения дела образования Монгольского государства: статья V декларации предусматривала необходимость нового для сего акта, статья же 3 разменной ноты выговаривала право участия в соответственных переговорах делегата монгольского правительства. Эта последняя статья, принятая по желанию русского правительства, согласно настойчивым о том просьбам богдо-гэгена [1]), и не замедлившая благоприятно повлиять на общественное мнение в Монголии, где с тревогой воспринимали известия о ходе русско-китайских переговоров, определявших дальнейшую судьбу их государства, оказалась весьма плодотворной, ибо устранила необходимость в последующих переговорах делегатов обоих правительств, русского и китайского, с министрами богдо-гэгэна в Урге.

Местом конференции делегатов избрана была Кяхта, где 25 мая 1915 года и было подписано так называемое „тройное соглашение об автономной Внешней Монголии“ [2]), основным положением которого (ст. 1) было признание монгольским правительством пекинской декларации и нот, обмененных между Россией и Китаем 23 октября 1913 года. Сохранен был также этим соглашением и русско-монгольский торговый протокол 21 октября 1912 года. Что касается русско-монгольского договора, то умолчание о нем в кяхтинском соглашении формально вычеркивало его из числа обязательных для заинтересованных государств постановлений, сохраняя за ним лишь историческое значение; но это обстоятельство, по мнению бар. Б. Нольде [3]), едва-ли представляло пробел по существу, ибо если ургинский политический договор и оставался основным актом в истории монгольского вопроса, то с формальной точки зрения он уже

---

[1]) „Оранжевая книга“, №№ 68 и 81.

[2]) „Собр. Узак. и распор. прав.“, 1915, № 221, ст. 1712, где оно озаглавлено: „Русско-Китайско-Монгольское соглашение по вопросу о международном положении внешней Монголии“.

[3]) Ibid.

утратил свое значение. Он давал монгольской государственности формулу весьма растяжимую, и только пекинский акт определил более точно ее содержание; все же, что было создано пекинским актом, вошло и в кяхтинское соглашение, в виду чего, если-бы последнее и подтвердило силу ургинского договора, то это ровно ничего не добавило-бы к существу дела.

Значение кяхтинского соглашения для Монголии было очевидным, ибо этим актом не только Россия, но и Китай признали ее договаривающейся стороной. Как этот момент, так и сохранение в силе русско-китайского договора, предрешали все его содержание, которое вылилось в следующих положениях:

I. Внешняя Монголия признает над собой сюзеренитет Китая [1]). Россия и Китай признают автономию внешней Монголии, составляющей часть китайской территории (ст. 2).

II. Автономная Монголия не имеет права заключать с иностранными державами международных договоров, касающихся политических и территориальных вопросов (ст. 3). Все такого рода вопросы разрешаются в порядке, предусмотренном ст. 2 нот, обмененных между Россией и Китаем 23 октября 1913 г.

---

[1]) Формула *сюзеренитет* устанавливает между политическими единицами гораздо более поверхностную связь, чем та, которую выражают подлинным понятием власти — *суверенитетом*. Все договоры о сюзеренитете построены на той основной мысли, что вне определенно выговоренных в них полномочий сюзерена вассальная политическая единица пользуется полной автономией и самостоятельно определяет свою политическую жизнь. Сюзеренитет с точки зрения современного договорного права есть как-бы презумпция полноты прав подчиненного государства: за исключением немногого, что предоставлено сюзерену, все принадлежит вассалу. (бар. *Б. Нольде*, ibid).

Так понимало значение сюзеренитета и русское министерство иностранных дел, что явствует из телеграммы Сазонова от 25 октября 1913 г. нашему дипломатическому агенту в Урге. („Оранжевая книга", № 106; см. также № 75), где читаем: „Признаваемый нами сюзеренитет Китая над Монголией является скорее юридической связью между двумя странами, ибо он не лишает монгольское правительство права внешних сношений по всем вопросам, не исключая даже политических, обязуя его лишь вести переговоры по этим последним при участии китайского правительства".

Что китайцы давали себе также ясный отчет в значении формулы сюзеренитет, это явствует из их повторных попыток заменить этот термин термином суверенитет (см. „Оранжевая книга", 48 и 50).

III. Россия и Китай признают за автономным правительством внешней Монголии исключительное право ведать всеми делами своего внутреннего управления, а равно и заключать с иностранными державами международные договоры и соглашения по всем вопросам, касающимся торговли и промышленности автономной Монголии (ст. 5).

IV. Россия и Китай обязуются не вмешиваться в существующий во внешней Монголии автономный строй внутреннего управления (ст. 6).

Остальные засим статьи соглашения трактовали о правовых, административных и торговых вопросах весьма существенного практического значения, но которые уже не имели прямого отношения к политическому статуту Монголии [1]). Что касается вышеприведенных положений, то по поводу одного из них, составляющего содержание второй половины ст. 5 соглашения, надлежит заметить, что практика немногих лет монгольской автономии дала ему более широкое толкование, чем то позволяет текст статьи, ибо, признанный в силе ургинский торговый протокол 1912 года кроме вопросов торговли и промышленности разрешает и ряд вопросов правовых и административных, которые тем самым отнесены были к области непосредственных дипломатических сношений Монголии с иностранной державой без участия в них Китая. Засим 17 октября 1914 г., т. е. до подписания кяхтинского соглашения, Россией и Монголией были заключены два договора: 1) о постройке будущих железных дорог в Монголии [2]), коим монгольское правительство, между прочим, обязывалось „в силу глубокодружественных отношений к великому Российскому государству“ не выдавать железнодорожных концессий иначе, как по соглашению с русским правительством, и 2) об устройстве телеграфной линии между пунктом Монды и г. Улясутаем [3]) средствами русской казны, причем концессионеру—главному управлению почт и телеграфов предоставлялось право эксплоатации и полного распоряжения на линии (ст. 1), гарантировалось на пятьдесят лет или до времени выкупа монгольским

---

[1]) Бар. *Б. Нольде*, op. cit.

[2]) „Собр. узак. и распор. правит.“, 1914, № 294, стр. 2719.

[3]) „Собр. узак. и распор. правит.“, 1914, № 294, стр. 2720.

правительством (ст. 9) непроведение конкуррирующих линий (ст. 4) и отдавалось на будущее время преимущественное право по проведению новых линий (ст. 5). Оба эти договора несомненно значительно расширили буквальное понятие договоров о торговле и промышленности, из чего следует, что содержание ст. 5 кяхтинского соглашения не обняло всех тех прав монгольского правительства по непосредственным сношениям с правительствами иностранных держав, которыми фактически оно уже пользовалось к моменту подписания соглашения. Таким образом в области международных сношений монгольское правительство в действительности владело очень широкими правами, которые обнимали все, что не могло быть подведено под понятие политического и территориального договора в самом узком значении этих слов. Лишь такие договоры должны были подлежать некоторому контролю со стороны сюзерена [1]).

На вопрос о том, представила-ли внешняя Монголия в силу кяхтинского соглашения государство в общепринятом значении этого слова и какое положение заняла она среди других государств, бар. Б. Нольде [2]) дает следующий ответ.

Итог прав, полученных внешней Монголией, это — полная ее независимость во внутренних государственных делах и свобода внешних сношений в вопросах торговли и промышленности. „Этого достаточно, чтобы налицо было государство, достаточно, какой-бы из двух одинаково законных критериев государства мы ни брали — государственно-правовой или международно-правовой. С первой точки зрения внешняя Монголия стала государством потому, что ее высшая государственная власть совершенно самостоятельна и независима в пределах очерченного ей ее международной учредительной хартией ведомства. Не менее существенна и международно-правовая точка зрения: внешняя Монголия стала несомненно государством в смысле международного лица. Ее правоспособность не полна, но нельзя отрицать эту правоспособность. Она может договариваться с другими государствами и поддерживать с ними

---

[1]) См. бар. *Б. Нольде,* op. cit.

[2]) Ibid.

дипломатические сношения в широко истолкованных практикой пределах „торговли и промышленности“ [1]), включая сюда все правовые и административные вопросы. Но и за пределами их, там, где, по выражению договоров, начинаются вопросы „политические и территориальные“, она, хотя и подчиняясь контролю, в то же время не может оказаться связанной никакими обязательствами помимо своей собственной воли“.

„Признанию внешней Монголии государством не препятствовало то, что ее территория называлась в договорах частью территории Китая. Это положение не значило, конечно, что у внешней Монголии не имелось своей территории: очерченные в договорах области [2]) были одновременно, во-первых, территорией Монголии и, во-вторых, территорией Китая. Совершенно ясно первое: монгольская земля являлась публично-правовой собственностью Монгольского государства. Но что значило второе? Из договора совершенно ясно, что монгольская территория признавалась китайской потому только, что Китай обладал в отношении Монголии сюзеренными правами. Это вывод, который часто делался из сюзеренитета и в предшествующей практике, и едва-ли мы ошибемся, если скажем, что к нему в особенности применимо то, что говорилось в дипломатической записке о сюзеренитете: речь шла о „чисто юридическом“ положении, иначе говоря, о формальном и лишенном самостоятельного содержания, дополнительном, выражении установленной договором связи между Китаем и внешней Монголией“.

Во главе Монгольского государства стал Богдо-Чжебцзун Дамба-хутухта — титул, который, согласно ст. 4 кяхтинского соглашения, жаловался ургинскому богдо-гэгэну президентом Китайской республики; он же титуловался Эдзэн-ханом, т. е. ханом - повелителем, каковым в действительности он и должен был считаться, ибо хотя все важнейшие дела и подлежали рассмотрению хуралдана (курултая), т. е. с'езда удельных

---

[1]) Это выражение не вполне точно, так как „практика“ не следовала за соглашением, а, как мы видели выше, предшествовала ему, и то обстоятельство, что она не нашла себе достаточно яркого отражения в ст. 5 соглашения, следует, может быть, отнести к упущению русских и монгольских делегатов кяхтинской конференции.

[2]) В ст. 11 кяхтинского соглашения, повторяющей ст. 4 нот от 23 октября 1913 года, обмененных между Россией и Китаем.

князей, но так как последний лишен был права окончательных решений, то мог рассматриваться лишь как высшее учреждение совещательного характера. Еще меньшее значение, как законодательный орган, имел так называемый кабинет министров, состоявший из председателя, его помощника и пяти членов—министров: финансов, внутренних дел, иностранных дел, военного и юстиции; его решения, даже по ничтожнейшим вопросам, подносились на утверждение богдо-гэгэна, который, давая свою санкцию как законам, так и распоряжениям, являлся тем самым неограниченным монархом Монголии—главой власти законодательной и исполнительной.

Наименее ясным вопросом в государственной организации Монголии являлось преемство верховной власти; но после событий 1924 г. вопрос этот отпал и может быть оставлен без обсуждения.

Исполнительная власть в Монгольском государстве была предоставлена министрам, которые имели товарищей и канцелярии с довольно многочисленным штатом служащих. Министры были избраны богдо-гэгэном из числа удельных князей и высших иерархов ламайского духовенства [1]), которые дали необходимый контингент азиатски образованных лиц и для замещения высших служебных должностей во вновь тогда возникших в Урге государственных установлениях. Что касается местных управлений, то последние остались не реформированными. Нововведением в этой области явился лишь институт комиссаров, посылавшихся с чрезвычайными полномочиями (с правом постановлять смертные приговоры) в районы, которые по своей отдаленности и местным условиям требовали особого внимания центрального правительства; такой комиссар или наместник управлял, например, Кобдоским округом [2]); до 1914 г. такие-же комиссары существовали в Барге [3]) и той части южной Мон-

---

[1]) Из числа последних назначен был министром упоминавшийся выше да-лама Цэрэн-Чимэт, получивший титул Чин-судзукту цинь-ван ламы. Ему вверено было управление ведомством внутренних дел; засим, министром иностранных дел назначен был Хандачин-ван, военным—Далай-ван, финансов—Тушету-хан, юстиции—Намсарай-гун.

[2]) *Котвич*, op. cit., стр. 21.

[3]) На основании соглашения 1915 года между Россией и Китаем Барга осталась в китайском подданстве на следующих условиях:

голии, которая примкнула к Халхе. В общем, однако, следует сказать, что до 1919 г. организация правительственного аппа-

---

Ст. I. Хулунбуир (Барга) образует особую область, непосредственно подчиненную центральному правительству Китайской республики. Тем не менее, в случаях необходимости и в видах ускорения сношений хулунбуирские власти могут сноситься с главной властью Хэйлунцзянской провинции, в ведении которой они будут находиться.

Ст. 2. Фудутун Хулунбуира назначается декретом президента Китайской республики и пользуется правами губернатора провинции. Фудутуны могут быть назначаемы исключительно из числа пяти ухэрид Хулунбуира и из местных чиновников не ниже III-го класса.

Ст. 3. В управлении фудутуна учреждаются два отдела: правый и левый. Один из начальников этих отделов избирается фудутуном, а другой — министерством внутренних дел. Они утверждаются в должности центральным правительством Китайской республики. На места начальников отделов могут быть назначаемы чиновники Хулунбуира не ниже IV класса.

Ст. 4. В обычное время все военные надобности Хулунбуира обслуживаются исключительно местной милицией. Фудутун обязан отдавать отчет центральному правительству во всех мерах военного характера, которые будут им приняты с указанием их причин.

В случае возникновения в Хулунбуире беспорядков, подавление которых местная власть признает для себя непосильным, центральное правительство может отправлять туда отряды своих войск, предупреждая о сем заблаговременно русское правительство. По восстановлении порядка эти отряды отзываются с территории Хулунбуира.

Ст. 5. Поступления от всех взимаемых в Хулунбуире налогов, равно как и все доходы этой области, предназначаются на удовлетворение местных нужд, за исключением, однако, доходов от морских таможен и от соляной монополии, каковые поступают в распоряжение центрального правительства. В конце каждого года фудутун обязан представлять отчет центральному правительству о всех собранных его управлением суммах, равно как о данных им расходных назначениях.

Ст. 6. Уроженцы Хулунбуира и Внутреннего Китая, принадлежащие к земледельческому и торговому сословиям, могут свободно передвигаться и проживать как в Китае, так и в Хулунбуире. Они будут пользоваться одинаковыми правами без всякого различия.

Принимая, однако, во внимание, что земли Хулунбуира являются общей собственностью всего его населения, китайцы могут приобретать там земельные участки лишь на правах временной аренды и только в местах, где местные власти признают такое землепользование не противоречащим интересам скотоводства туземного населения.

Засим ст.ст. 7 и 8 соглашения предусматривают порядок приобретения в Барге разных концессий и права в этом отношении Китая по утверждению таких концессионных договоров.

рата в Монголии далеко еще не была закончена, как не были в ней осуществлены и некоторые из намечавшихся еще в 1912 г. мер к поднятию производительных сил страны [1]).

С 1917 года, параллельно с усилением политического влияния Китая, русское влияние в Урге пошло на ущерб, что, между прочим, выразилось и в упразднении в ней управления русского советника при монгольском правительстве. В 1918 г.,

---

В 1920 году это соглашение о Барге декретом китайского правительства было аннулировано. Так как акт этот является односторонним решением Китая, изданным в порядке внутреннего управления государством, то вопрос о ценности его, как документа, имеющего международное значение, должен считаться открытым (*А. М. Баранов* — „Барга" в „Вестн. Маньчжурии", 1925, № 8—10, стр. 26).

[1]) Последующее излагается мною по необходимости кратко. Хотя опубликованного достаточно, чтобы установить в общих чертах ход событий в Монголии (но не в Урянхайской земле) за период времени с 1918 до 1925 г., но освещение, даваемое этим событиям, настолько односторонне, что обязывает меня быть крайне осторожным в изложении даже фактической стороны совершавшегося. Мы слишком еще к нему близки, чтобы разобраться в нем с тою об'ективностью, которая обязательна для историка.

Данные для излагаемого ниже взяты мною из следующих сочинений и материалов: *И. Майский* — „Современная Монголия", Иркутск, 1921 г.; *Вл. Котвич* — „Среди монгольских племен" в журн. „Восток", 1923, кн. 2; *Ан. Каллиников* — „Революционная Монголия", Москва; *idem* — „Национально-революционное движение в Монголии", Москва, 1926; „Третий с'езд монгольской народной партии" с вступ. ст. *И. Генкина*, Урга, 1924; „Протоколы I великого хуралдана Монгольской народной республики" в „Биллютене № 26 полпредства СССР в Монголии", Улан-Батор-хото, 1925; *Вакеберг* — „Конституция революционной Монголии", Иркутск, 1925; *С. Шойжелов* — „Западная Монголия" в журн. „Новый Восток", 1923, № 4, стр. 156—161; *idem* — „Национально-освободительное движение в Монголии" там-же, 1924, № 6, стр. 245—254; *idem* — „Переломный момент в истории национально-освободительного движения в Монголии" в журн. „Жизнь Бурятии", 1925, № 3—4, стр. 4—11; „Роль Японии в панмонгольском движении" в журн. „Новый Восток", 1922, № 2, стр. 591—603; „Борьба за русский Дальний Восток" [Сборник материалов под ред. *Б. Шумяцкого*, 1922, Иркутск (очерк V—„Монголия")]; *Нацов* — „Итог работ пленума ЦК монгольского революционного союза молодежи" в журн. „Жизнь Бурятии", 1925, № 3—4, стр. 106—108; *idem* — „IV с'езд монгольского революционного союза молодежи", там-же, № 5—6, стр. 135—140; *Рыскулов* — „Великий Хуралдан Монголии" в журн. „Новый Восток", 1925, № 8—9, стр. 215—219; *А. М. Баранов* — „Барга" (историческая справка) в „Вестнике Маньчжурии", 1925, № 8—10, стр. 16—26 (Харбин).

поддерживая сепаратистские стремления атамана Семенова, японцы одновременно выбросили и лозунг об'единения всех монгольских племен в единое государство—„великую Монголию", расчитывая таким путем ввести в сферу своего непосредственного влияния всю огромную территорию Центральной Азии [1]).

Идея панмонголизма была горячо воспринята некоторой частью бурятской интеллигенции, которая сформировала при штабе атамана Семенова монголо-бурятскую дивизию и сгруппировала в Чите активное ядро сторонников панмонгольского движения [2]). 25 февраля 1919 г. в этом городе открылась созванная по их инициативе конференция представителей некоторых монгольских племен под председательством Нейсэ-гэгэна. Отсутствовали халхасцы, куку-норские, алтайские и тянь-шаньские монголы. Это существенное обстоятельство не помешало, однако, конференции вынести решение о создании великого Монгольского государства от Байкала [3]) до Тибета, от Тянь-шаня до

---

[1]) В статье „Роль Японии в панмонгольском движении", составленной А. Ф. С—ким по материалам общего архива НКИД, читаем: „успешно осуществляя задачу подчинения своему влиянию русских дальневосточных окраин, Япония, искусно пользуясь слабостью омского правительства и честолюбивыми замыслами одного из виднейших деятелей „сибирской атаманщины"—атамана Семенова, одновременно развернула широкую программу „натиска на запад", которая намечала об'единение южной части Забайкалья, русского Дальнего Востока, всей Монголии—от Сибири до Тибета, и северной Маньчжурии в одно государство. Эта монголо-бурятская держава, по мысли Японии, должна была отдать в руки японцев весь центр и северо-восток Азии, отрезать Сибирь и Россию от Великого океана и создать базис для установления владычества Японии на Азиатском материке. В случае удачи этого плана предполагалось втянуть в орбиту японского влияния если не весь Китай, то по крайней мере Китай северный".

Пособником японцев в этом деле явился атаман Семенов, бурят по происхождению. В телеграмме от 28 марта 1919 года послу в Париже (для Сазонова) омское правительство сообщало: „Семенов играет в руку Японии ибо хотя японское правительство официально и держится в стороне в этом деле, но японские военные круги заинтересованы в создании состояния смуты в соприкасающихся с нашей территорией краях, которое оправдывает бессрочное оставление в наших пределах японских войск и их влияние".

[2]) *Ан. Каллиников*—„Революционная Монголия", стр. 68.

[3]) Атаман Семенов заявил на конференции, что земли Забайкальской области принадлежат России, причем из его слов можно было понять,

Б. Хингана, и выработать его конституцию. Посланная вслед затем Нейсэ-гэгэном в Ургу депутация с предложением богдогэгэну принять трон будущей монархии [1]) не была, однако, принята этим последним, и этого оказалось достаточно, чтобы убедить японское правительство в ошибочности принятого им курса в монгольском вопросе [2]); делегация, посланная временным правительством великой Монголии на версальскую конференцию, была им задержана в Токио, непосредственные сношения между главой этого правительства Нейсэ-гэгэном и микадо допущены не были, негласный руководитель конференции майор Суцзуи и представитель японского командования при атамане Семенове кап. Куроки были отозваны; вместе с тем и атаман Семенов, обещавший снабдить будущую монгольскую армию оружием и устроить временному правительству долгосрочный заем в 6.000.000 лан под обеспечение полезных ископаемых Монголии, должен был взять обратно свои обещания. Под влиянием этих неудач Нейсэ-гэгэн [3]) решил принудить Халху силой оружия примкнуть к панмонгольскому движению, и поход на Ургу был об'явлен.

Но панмонгольское движение переживало уже в это время процесс разложения. Барга отказалась принять участие в этом походе, а затем и между бурятами и внутренними монголами возникли трения, приведшие их 7 сентября 1919 г. к вооруженному столкновению. Временное правительство великой Мон-

---

что они не могут войти в состав Монгольского государства, и те из бурят, которые примкнули к движению, должны будут из них выселиться.

[1]) Это предложение было едва-ли искренним, так как одним из постановлений читинской конференции было: „Образ правления Монгольского государства—конституционно-монархический или республиканский—должен быть установлен учредительным собранием, вопрос о котором будет обсуждаться впоследствии". Едва-ли можно сомневаться в том, что это постановление было известно хутухте.

[2]) Отказ Халхи вступить в состав монгольской федерации государств должен был показать японскому правительству, что время для осуществления этого проекта еще не настало.

[3]) Эта мысль была, повидимому, внушена ему атаманом Семеновым, который в свою очередь, как доносил об этом вице-консул в Хайларе, действовал и в данном случае согласно желанию японского генерального штаба. Если так, то нельзя говорить и об изменившемся к этому времени курсе японской политики в монгольском вопросе.

голии распалось, а вскоре затем и глава его Нейсэ-гэгэн был схвачен, судим и расстрелян китайцами.

В Китае в это время власть находилась в руках партии Ань-фу, возникшей еще в 1916 году и об'единившей в своих рядах виднейших японофилов страны [1]). Идя на буксире японской политики, аньфуисты усмотрели в желании Нейсэ-гэгэна вступить в непосредственные сношения с микадо формальный повод для нарушения кяхтинского соглашения 1915 г. и в июле 1919 года ввели в Ургу свои войска под начальством комиссара по заведыванию северо-западной границей республики ген. Сюй Ши-чжэна, который и принудил богдо-гэгэна подписать петицию об обратном принятии его вместе с его подданными под высокую руку Серединного государства. Монгольское правительство было распущено, министерства расформированы, монгольские войска разоружены, 22-го же ноября президентом Китайской республики обнародован был декрет, в котором об'являлось как о безоговорочном подчинении Монголии Китаю и полном отказе ее от дарованных ей автономных прав, так и о готовности китайского правительства войти по этому поводу в особое соглашение с Россией, как заинтересованной стороной, по восстановлении в ней нормального порядка вещей.

С восстановлением в Монголии китайского управления вернулись туда и бежавшие из нее в 1911 году китайские купцы и банкиры, которые и не замедлили пред'явить хошунам иски об убытках, выразившихся в цифрах, общий итог которых на много превысил все движимое имущество Халхи.

Поддержанное и Пекином требование возвращения китайцам аннулированных революцией 1911 года кабальных долгов не могло, конечно, помирить монгольскую массу с потерей независимости, несмотря даже на попытки китайского правительства ввести в управление страной некоторые реформы в духе европейской цивилизации—новый суд, школы и т. д.; в Монголии создалась атмосфера общего недовольства, брожение умов, искавших выхода из возникшего тяжелого положения; в Улясутайском районе, где на сцену вновь выступил Джа-лама [2]), дело дошло

---

[1]) Она пала в 1922 году после того, как Цао-кунь и генерал У Пэй-фу овладели Пекином.

[2]) Этот авантюрист, успевший собрать вокруг себя значительное число почитателей и образовать хошун, не признававший над собой ничьей

даже до военных столкновений с китайцами с исходом, далеко не всегда благоприятным для последних. Это была та почва, на которой возникла и быстро окрепла монгольская народно-революционная партия, поставившая себе задачей освобождение родины от чужеземного ига, в чем-бы последнее ни выражалось. Но прежде, чем этой партии довелось выступить в активной роли, Монголии пришлось пережить следующие события.

В Сибири в это время шло отступление колчаковской армии на восток. Некоторые части этой последней должны были при этом перейти границу и укрыться в Монголии. Сюда же отступили тункинские казаки и остатки войск атамана Семенова под начальством Унгерна ф. Штернберга. Одновременно гражданская война в Китае стала принимать явно неблагоприятный оборот для партии Ань-фу. Испытанные ею поражения заставили японское правительство еще раз изменить свою тактику в монгольском вопросе. Японцы не только лишили аньфуистов своей поддержки, но и дали понять Унгерну, что если он овладеет Ургой и обратит ее в опорный пункт против красной армии, то они не откажут ему в своей поддержке. Явно эта поддержка выразилась в том, что к его штабу были прикомандированы в качестве политических эмиссаров несколько японских штабных офицеров, скрытно — в снабжении его отряда материальными средствами.

Унгерн, имея в составе своего отряда русских, китайцев — выходцев из Маньчжурии, и монголов Цэцэн-хан'овского аймака, после кровопролитного боя 6 января 1921 года занял Ургу. Китайцы бежали. Одновременно же они должны были покинуть и город Кобдо, где оперировали части русских войск под начальством Анненкова и Дутова. Верный своему обещанию монголам, бар. Унгерн вернул богдо-гэгэну утраченное им положение главы государства, а затем, толкаемый на этом пути японцами, приступил и к работам по об'единению под управлением Урги всей Монголии, причем ставил целью союза

власти, ни монгольского правительства, ни китайской, стал с июня 1921 года оплотом тех элементов, которые не мирились с совершавшимся в Монголии, и, поддерживая смуту в государстве, тем препятствовал планомерной работе его правительства. В виду сего в Урге было принято решение его устранить, что и было исполнено одним из членов народной партии. Он был убит в феврале 1923 года.

между Халхой и южной Монголией образование „ядра, вокруг которого могли-бы сплотиться племена монгольского корня“ и которое могло-бы послужить „обороной военной и моральной от растлевающего влияния Запада, одержимого безумием революции и упадком нравственности во всех ее душевных и телесных проявлениях“ [1]).

В этом он не успел. Советские войска в союзе с теми монгольскими отрядами, которые впоследствии составили кадры монгольской народно-революционной армии, вступили в Монголию и, тесня Унгерна, заставили его покинуть Ургу, которую и заняли 6 июня 1921 г. Неудачи, преследовавшие Унгерна, несмотря на проявленную им лично „выдающуюся храбрость“ [2]), вызвали деморализацию в рядах его войска, бегство и сдачу некоторых его частей. Захваченный 22-го июня в плен, Унгерн был отправлен в Ново-Николаевск, предан здесь суду революционного трибунала и по приговору последнего расстрелян.

С июня 1921 года хозяином положения в Монголии стала народная революционная партия, которая и удерживает это положение до настоящего времени. Эта партия стала складываться в Монголии вскоре же после занятия китайцами Урги [3]). Ее основателями были: Сухэ-батор, бывший наборщик и солдат, писарь Данзан [4]), лама, затем публицист, Бодо [5]) и др., число которых было вначале настолько невелико, что даже годом позднее, на первом с'езде партии собралось всего лишь 23 ее члена.

Первые ее шаги неизвестны, но, вероятно, они обратили на себя внимание китайцев, так как некоторым из входивших

---

[1]) Выдержка из инструктивного письма Унгерна одному из его агентов в Пекине. См. *Ан. Каллиников*—„Национ.-рев. движ. в Монг.“, стр. 40.

[2]) *Ан. Каллиников*, op. cit., стр. 49.

[3]) *Ан. Каллиников*—„Револ. Монг.“, стр. 73, пишет, что она возникла в Урге в ноябре 1919 года, *И. Генкин* же в предисл. к изд. полпред. СССР в Монголии книжке „3-й с'езд монгольской народной партии“, стр. XI, пишет: „в ноябре 1919 года была аннулирована автономия Монголии, а *спустя три месяца* в Урге стала складываться народная роволюционная партия“.

[4]) Впоследствии за различные злоупотребления был расстрелян.

[5]) В сентябре 1922 года был в числе других заговорщиков, покушавшихся на свержение народного правительства, по приговору суда расстрелян.

в ее состав лиц пришлось покинуть Ургу и бежать в Россию, где они и вступили в связь с организациями коммунистического интернационала и российской коммунистической партии.

В дальнейшем партия проходила через следующие этапы:

1) Совещание в Кяхте, признанное впоследствии первым с'ездом народно-революционной партии. На нем была выработана платформа партии, 13 марта избрано временное народно-революционное правительство Монголии и положено основание организации монгольской армии.

2) Взятие после кровопролитного боя с китайской военной частью, занимавшей Маймачэн [1]), этого города [2]), переименованного вслед затем в Алтын-булак.

3) Занятие совместно с сибирскими войсками Урги и дальнейшая, совместная с ними же, борьба с остатками колчаковской армии, продолжавшими под начальством Бакича, Казанцева, Кайгородова и др. держаться еще в некоторых пунктах Западной Монголии [3]).

4) Организация правительственного аппарата в Монголии при удержании в ней монархического строя и проведение в жизнь реформ, направленных к демократизации управления и обновлению ее жизненного уклада в духе европейской цивилизации. К числу таких реформ относились:

Постепенное уничтожение феодально-теократических отношений в стране: отмена крепостной зависимости и „албы“ [4]); закон о местном самоуправлении, которым уничтожались все административно-судебные права князей и духовных властителей; уничтожение института наследственной княжеской власти.

---

[1]) Это были последние китайцы из состава тех, которые в 1919 г. в числе 10.000 чел. под начальством ген. Сюй Ши-чжэна заняли Монголию.

[2]) Монгольская „армия“ насчитывала в это время в своих рядах только 500 чел. добровольцев; к концу 1921 года численность ее возросла до 2.000 сабель; к моменту же созыва великого хуралдана она состояла из четырех пограничных полков, одной кавалерийской бригады, одного пулеметного полка, одного сводного артиллерийского дивизиона, кадровых ургинских частей военного училища и нескольких отдельных кавалерийских частей (эскадронов), квартировавших в различных частях государства.

[3]) Эвакуация сибирских войск из Монголии была произведена в марте 1925 года.

[4]) См. т. III, вып. I, стр. 382 и след.

Отделение церкви от государства и в связи с этим как отмена правительственных субсидий монастырям, так и обязательных для населения сборов на религиозные нужды.

Преобразования в шабинском ведомстве, направленные к уравнению в правах и обязанностях шабинаров с остальным населением Монголии.

Организация постоянной армии.

Упорядочение финансов страны: учреждение монгольского торгово-промышленного банка; преобразование податной части; введение водочной монополии и монополии на торговлю древесным углем, что было поставлено в связь с государственной охраной лесных богатств страны; организация госпосевов на Харе и в Тарячин хошуне; учреждение государственного ломбарда; открытие бухгалтерских курсов; введение государственного кооператива.

Демократизация судопроизводства; отмена пыток и телесных наказаний; устройство домов заключения, отвечающих тем требованиям, которые пред'являются к ним в культурных странах.

Устройство начальных школ, средней школы в Урге и там-же народного университета. Учреждение Ученого комитета, одной из задач которого должно быть собрание и систематизация исторических сведений о Монголии.

Улучшение ветеринарно-зоотехнической части, которая образована была в Монголии еще при прежнем правительстве; открытие ветеринарно-фельдшерской школы в Урге.

Все эти мероприятия свидетельствуют, что хотя богдо-гэгэн и продолжал после занятия Урги советскими войсками по прежнему возглавлять Монгольское государство, но что фактически вся полнота власти в стране перешла уже в руки правительства, избранного из числа членов народной партии: богдо-гэгэн царствовал, но не управлял. Ему сохранен был внешний почет [1]), но его престиж и значение пали в Урге

---

[1]) В газете „Призыв“ от 9 августа 1922 года следующим образом описывается празднование в Урге первой годовщины деятельности народного правительства: „К часу дня к центральной кумирне прибыла роскошная карета, в которой находились богдо-гэгэн и Эхэ-Дагини (его любовница). К этому времени собрались и выстроились в одной группе министры, в другой—товарищи министров, а в третьей—ответственные работники

до того, что даже в ламской среде стали раздаваться голоса, высказывавшиеся против дальнейших перерождений ургинских хутухт и отрицавшие у гэгэнов право на святость. Расчищалась таким путем почва для новой революции, для перехода от конституционной монархии, какой фактически стала Монголия в июне 1921 года, хотя ее конституция стала вырабатываться годом позднее, к республике. Смерть хутухты, последовавшая 20 мая 1924 года, ускорила это событие, сделав ненужным насильственный переворот, и Монголия совершенно безболезненно перешла от монархического государственного строя к республиканскому. 3-го июня ЦК народной партии единогласно постановил, не отлагая решения вопроса до созыва великого хуралдана

1) передать печать богдо-хана правительству для хранения и

2) ввести в стране республиканский строй без президента, как главы государства, предоставив всю верховную власть великому хуралдану и избираемому последним правительству.

Великий хуралдан был созван в ноябре 1924 г. Важнейшим из его актов была следующая декларация, вошедшая первой главой в конституцию Монголии.

1. Монголия об'является независимой народной республикой, в которой вся власть принадлежит народу. Народ осуществляет свою верховную власть через посредство великого народного хуралдана и избираемого последним правительства.

2. Основная задача Монгольской республики заключается... в укреплении основ республиканского нового порядка на основе полной демократизации управления.

правительственных учреждений, все—в строгом соотношении с званием одетые в парадные формы: в вышитые парчей мундиры, шапки с перьями и проч. Богдо-хаган переменил костюм ламы на светский мундир монарха и по длиннейшему ковру из желтого шелка, держа под руку супругу, вошел в роскошно убранную тронную залу. Министры держали небольшие курительные свечи. Когда богдо-хаган и Эхэ-Дагини уселись на золоченые троны, все присутствующие встали на колени и сделали три поклона. После этого премьер-министр прочел и вручил богдо-хагану адрес, в котором излагался ход борьбы за восстановление монархии... После этого премьер и все остальные министры поднесли богдо-хагану и Эхэ-Дагини мандал и всевозможные подарки..." (*Каллиников*—„Национ.-рев. движ. в Монг.", стр. 62—63).

3. В осуществление подлинной власти народа по управлению государством и закреплению вышеоб'явленного государственного строя подтверждаются следующие начала: а) вся земля и ее недра, леса, воды и их богатства в пределах территории Монгольской народной республики, согласно существующему обычному бытовому порядку Монголии, соответствующему принципам установленного строя, являются народным достоянием; частная собственность на них не допускается; б) все международные договоры и обязательства о займах, заключенные монгольскими властями до революции 11 года (1921 г.), как насильно навязанные [1]), признаются аннулированными; в) в виду того, что задолженность частных лиц и учреждений [2]) иностранным ростовщикам, образовавшаяся со времени иностранного господства на основе круговой поруки, явилась весьма тяжелым бременем для хозяйства страны и народных масс, считаются правильными постановления правительства как об аннулировании остатков указанной задолженности, так и об уничтожении института круговой поруки; г) сосредоточение в руках государства единой хозяйственной политики страны и введение государственной монополии внешней торговли как одно из условий раскрепощения народных масс и утверждения народной власти; д) в интересах сохранения полноты власти за народом и устранения всякой возможности реставрации власти внешних и внутренних эксплоататоров подтверждается вооружение трудящихся путем образования монгольской народной революционной армии, а также необходимость введения всеобщего военного обучения молодежи; е) в целях обеспечения свободы совести церковь отделяется от государства и об'является, что религия есть частное дело каждого гражданина;... к) в целях обеспечения народу доступа к знаниям Монгольской народной республикой ставится

---

[1]) Не ясно, какие из внешних займов народное правительство Монголии считает насильно ей навязанными.

[2]) До сих пор опубликованные переводы монгольских документов страдают, повидимому, неточностями и местами требуют даже стилистических исправлений. В данном случае трудно понять, что имелось в виду, когда писалось о долгах *учреждений на основе круговой поруки*. К тому же круговая порука была уничтожена, а долги китайцам аннулированы еще в 1912 году.

задача введения в стране бесплатного обучения; л) Монгольской народной республикой признается равноправие всех граждан государства независимо от их национальности, религии и пола; ...м) отменяются титулы и звания бывших владетельных и служилых князей и дворян (тайчжи), а также владетельные права хутухт и хубилганов [1]); н) в виду того, что трудящиеся всего мира стремятся к уничтожению в корне капитализма и к достижению социализма (коммунизма), внешняя политика народной республики трудящихся Монголии проводится в полном соответствии с интересами и основными задачами угнетенных малых народов и революционных трудящихся всего мира.

4) Верховная власть в Монгольской народной республике принадлежит великому народному хуралдану; в период между сессиями великого хуралдана — малому хуралдану, а в период между сессиями последнего — совместно президиуму его и правительству.

5. Ведению верховных органов власти Монгольской народной республики подлежат: а) представительство республики в международных сношениях, ведение дипломатических сношений, заключение политических, торговых и других договоров; б) изменение внешних границ Монгольского государства; об'явление войны и заключение мира [2]); в) заключение внешних и внутренних займов; выдача внешних займов; г) руководство внешней и установление порядка внутренней торговли;

---

[1]) Как нельзя было-бы сказать—епископов и духовенства, так нельзя сказать и „хутухт и хубилганов", так как хутухта—один из титулов, жаловавшихся хубилганам; можно подозревать здесь пропуск слова „остальных" или „других" хубилганов (гэгэнов). В этой же статье очевиден и другой пропуск: если отменяются владетельные права только у хубилганов, то стало-быть они сохраняются у князей, лишающихся, как и прочие дворяне, только своих титулов. Отношу и этот промах к неточностям перевода.

[2]) Далее в этом пункте говорится: „ратификация международных договоров". Выделение „ратификации" в особый пункт от „заключения" политических и других договоров с государствами—непонятно. Великий хуралдан может только ратифицировать договоры, и в этом смысле следует понимать выражение п. *а*—„заключать договоры", которые без ратификации, т. е. утверждения их верховной властью государства, представляют лишь проекты соглашений между контрагентами. Таким образом, выходит, что оба пункта—*а* и *б* разными словами определяют одно и то же право великого хуралдана.

д) организация плана народного хозяйства республики, предоставление, изменение и отнятие концессионных [1]) прав; е) организация транспортного и почтово-телеграфного дела; ж) строительство и руководство военными силами Монгольской республики [2]); з) утверждение государственного бюджета республики, установление денежной и кредитной систем, выпуск денежных бумажных знаков и чеканка монеты; к) установление общих начал землепользования, установление границ аймаков и хошунов [3]); установление правил пользования недрами, лесами и другими естественными богатствами страны; л) установление основ судоустройства, а также разработка и проведение в жизнь уголовного и гражданского законодательства; м) установление положения о народном образовании [4]); н) установление общих мероприятий в области охраны народного здравия; о) установление системы мер и весов; п) организация статистики республики.

6) Утверждение и изменение основных законов республики подлежат исключительному ведению великого хуралдана.

Об'явление Монгольского государства республикой и созыв великого народного хуралдана — моменты образования новой Монголии, ее первые шаги по избранному монгольским народом новому пути, начало новой главы в ее новой истории, которая—дело будущего; моя же задача—осветить ее прошлое, на этом может считаться законченной [5]).

---

[1]) Добавлено: „монопольных". Это — неясно.

[2]) Этот пункт редактирован очень глухо, и его содержание в русской передаче не совсем ясно.

[3]) Логическим последствием лишения князей их владетельных прав на хошуны и аймаки явилось изменение названий последних по именам наиболее характерных для каждого из них географических предметов — рек, гор и пр. Это было произведено до августа 1924 года (см. „3-й с'езд монг. нар. партии", стр. 69).

[4]) Редакция этого пункта не ясна.

[5]) Ставя здесь точку, считаю уместным привести следующие слова *И. Генкина*: „Было-бы заблуждением думать, что примыкающие к коминтерну монгольская народная партия и союз молодежи являются социалистическими организациями. Для пролетарского коммунизма и для марксистских воззрений в полуфеодальной и пастушеской Монголии, конечно, нет места. И если п. 4 кяхтинской платформы народной партии и говорит

Согласно статье 11 кяхтинского соглашения, подтвердившей статью 4 нот, обмененных между Россией и Китаем 23 октября 1913 года, в состав внешней Монголии должны были войти области, находившиеся в ведении китайских амбаней в Урге и Кобдо, и цзянь-цзюня в Улясутае. Это довольно туманное определение территории нарождавшегося государства [1]) дополнялось постановлением о будущем формальном разграничении между Китаем и автономной Монголией. Что касается северной границы, то она не обсуждалась кяхтинской конференцией, ибо уже в 1912 году послужила предметом особого соглашения российского и монгольского правительств, согласно которому Урянхайский край переходил под протекторат России как земля, ставшая после событий 1911 года „бесхозяйной", но „которая нуждалась в насаждении в ней русской государственности, обратившись в колонию русских людей, которые, следуя историческому ходу русской колонизации, давно уже успели ее освоить, претворив силой своего смелого духа и упорного труда в часть русской территории".

Каррутерс, посетивший в 1910 году верховья Енисея, высказал следующую мысль [2]): „в физическом, политическом и экономическом отношениях бассейн этот скорее принадлежит России, нежели Монголии, и неизбежное завладение этим районом рано или поздно Сибирью можно легко себе представить".

С 1912 года можно было это считать уже совершившимся фактом, но его давно предвидели, к нему давно стремились местные деятели, и этими стремлениями следует об'яснить их попытки доказать русские исторические права на эту землю.

о „твердых основаниях революционного социализма", которыми будет руководствоваться новая партия, то это больше характеризует личные убеждения одного из составителей (или переводчиков) партийной платформы, чем мировоззрение широкой массы членов монгольской народной партии".

Эти строки писались *И. Генкиным* в 1924 году.

[1]) Амбани в Кобдо и Урге хотя и пользовались правом непосредственных сношений с Пекином, но подчинены были цзянь-цзюню в Улясутае; ему же подчинен был и правитель образованного в 1907 году Алтайского округа, а равно урянхайские земли, отошедшие, как говорится ниже, в 1912 году под протекторат России. Таким образом, определение об'ема территории автономной Монголии, даваемое ст. 11, крайне неопределенное.

[2]) „Неведомая Монголия," I, стр. 102.

Слово „история“ значит „поиск истины“; вот почему история находится в непримиримом противоречии с тенденцией, с стремлением группировать только факты, согласующиеся с предвзятым решением. Поступая так, можно, конечно, добиться временного успеха проводимой идеи, и чем темнее и сложнее вопрос, тем ярче может быть этот успех. Но к вопросу урянхайскому нет нужды подходить этим путем, и это ясно понял помянутый выше английский исследователь, писавший [1]): Тот факт, что урянхайцы остаются маленьким народом, населяя страну великих возможностей, готовую принять и вместить многочисленное население, принадлежащее мужественному и прогрессирующему народу, указывает на то, что они не обладают чудодейственной силой возрождения и несомненно находятся на верном пути постепенного вымирания, а при таких условиях „окончательное присоединение этого края к России является лишь вопросом времени“ [2]). И затем далее [3]): „Считая совершившимся фактом установление автономии Монголии под протекторатом России, мы можем смело предсказать неизбежность крупных и коренных перемен в образе жизни монголов и всего будущего монгольской расы. Монголия станет, а фактически, может быть, она уже стала, страной оживленной деятельности и прогресса, тогда как до сего времени она была страной застоя и подавленности“. Русские деятели нахлынут в пределы страны; „здесь будут построены железные дороги, а незанятые сейчас никем земли будут отведены для нужд земледелия, и пустыня оживет. Создадутся облегченные условия для торговли, выгодные как для монголов, так и для русских“. „Эксплоатация минеральных богатств Россией сама по себе явится нововведением колоссальной важности и произведет значительный переворот в смысле изменения отношений монгольского народа к его управителям“. Летаргия, в которой он пребывает, будет нарушена, и, мы надеемся, рано или поздно совершенно исчезнет. „В этом отношении прецендентом может послужить история бурят, которые со времени их подчинения России возделывают землю, занимаются разными видами торговли, изучают русский язык, попадают даже на государствен-

---

[1]) Op. cit., I, стр. 151.

[2]) Op. cit., I, стр. 217.

[3]) Op. cit., I, стр. 338—339.

ные должности и вообще живут хорошо и зажиточно". Влияние России, вне сомнения, имеет в Монголии значительное преимущество перед китайским влиянием, и можно думать, что монголы всецело подпадут этому влиянию, что поведет к умалению гнета ламайского духовенства—основной причины упадка монгольской расы. „Я вполне отчетливо представляю себе этот народ живущим в новых для него условиях, возрождающимся к новой жизни [1]), как-бы вновь воскресающим для того, чтобы стать попрежнему достойным уважения и зажиточным кочевым народом, играющим роль государства буфера между двумя великими государствами Россией и Китаем".

Те же мысли о культурной роли России в Азии высказывались англичанами, впрочем, и ранее. Так, еще в 1865 году „Daily News" [2]) поместила статью по поводу наших завоеваний в Средней Азии, где, между прочим, говорилось: „Естественным следствием нынешнего положения России должно быть постепенное расширение" ее территории и „владычества над некультурными племенами областей, лежащих за южными границами ее азиатских владений. Весьма трудно в точности определить южную границу Российской империи", ибо „в Азии за влиянием немедленно следует владычество" [3]). К тому же „есте-

---

[1]) *Каррутерс* не смешивает урянхайцев с монголами; здесь речь идет о последних.

[2]) № 144. Цитир. у *Казанцева*—„Описание киргиз-кайсак", стр. 152, который пользовался переводом, помещенным в „Сыне Отечества" за 1865 г., в № от 17 июня. См. также „Athenaeum" за тот же 1865 г., поместивший статью о культурной миссии России в Средней Азии, кончавшуюся такими строками: Каждый непредубежденный англичанин должен с глубоким сочувствием и интересом следить за поступательным движением русской цивилизации в Центральной Азии. Эта цивилизация движется вглубь самых варварских и наименее известных стран земного шара, и когда Россия приблизится, наконец, к Хорасану, Кабулу и Индии, то прекратится и невольничество и похищение людей, а с средне-азиатской торговли спадут опутывающие ее ныне оковы („Отечеств. Записки", 1865, август, стр. 170).

[3]) Положение, что „в степях, по самому свойству их обитателей, приходится следовать правилу: *ничего или все*, высказывали и многие русские деятели; в их числе *Венюков* („Общий обзор постепенного расширения русских пределов в Азии и способов их обороны", стр. 13) называет генералов Катенина, который ехал в Оренбург с предвзятой мыслью приостановить наше поступательное движение в Азии, и Безака, который также

ственное движение такой державы", как Россия, не зависит от случайностей войны: и поражения и победы в равной степени способствуют ее успехам. „Если-бы Россия подчиняла себе в Азии народности просвещеннее русской, если-бы она нападала на народ с благородными наклонностями, то, может быть, мы пожелали бы ей неудачи; но здесь этого нет". Государства, которые она поглощает, не более, „как географические термины", и „развитие русского могущества в таких странах столь же естественно, как обычное чередование дня с ночью". Оно не только естественно, но и выгодно для нас. Если-бы продвижение России на юг было расчитано на то, чтобы ослабить наше положение в Индии, то мы имели-бы право желать его остановки, да и то нам следовало-бы занять место России в цивилизации Азии; но ведь этого по отзывам вполне компетентных лиц нет, и все опасения наши в этом отношении совершенно напрасны [1]).

в 1861 году не хотел идти далее г. Ташкента; обстоятельства оказались сильнее их, и им пришлось вскоре признать ошибочность своих предвзятых суждений. То же, по словам *И. Ф. Бабкова*, случилось и с генерал-губернатором Дюгамелем, который находил необходимым воздерживаться от завоевательных замыслов даже по отношению к Коканду, что и высказал в одном из заседаний комитета по средне-азиатским делам, но и ему пришлось подчиниться естественному ходу событий.

Благодаря, однако, уму, твердости, энергии и широкому государственному взгляду на дело первых генерал-губернаторов Западной Сибири, генералов Капцевича, Вельяминова, кн. Горчакова, и позднее—Гасфорда, предуказанное Сперанским поступательное движение наше вглубь Средней Азии проводилось под руководством министерства иностранных дел с замечательной выдержкой и последовательностью. В шестидесятых годах прошлого столетия перед нами весьма остро стал вопрос: где в Средней Азии мы должны остановиться. События показали, что он разрешен был удовлетворительно, но на трудность такого решения указывал еще в своем известном циркуляре 2 ноября 1864 года кн, Горчаков, который, между прочим, писал: „величайшая трудность при движении цивилизованных государств в землях Средней Азии, когда они, подобно России, приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без общественной организации, заключается, главным образом, в умении во время остановиться"...

[1]) Наконец, те же мысли о культурной роли России в Средней Азии с не меньшим беспристрастием высказал и *Hellwald* в своем известном сочинении—„Die Russen in Centralasien", Wien, 1869, где, на стр. 120—121, читаем: „Следом за русскими войсками идет и наука, все исследуя,

Занятие нами Урянхайского края является последним актом стихийного продвижения русской народной массы в Сибирь, и как таковой с точки зрения суда истории едва-ли может подвергнуться осуждению. Действительно, говоря словами P. Leroy Beaulieu, было бы неестественно и несправедливо, если бы культурные народы Запада, накопляя сокровища знаний, искусств и цивилизации, теснились и задыхались на тех небольших пространствах, которые когда-то были их обиталищем, в то время как в обладании небольших общин дикарей, невежественных, грубых и беспомощных как дети или дряхлых, угасающих народностей, лишенных энергии и неспособных на

все изучая, беспрестанно подвигаясь вперед. То, что двадцать еще лет тому назад было темною тайною, о чем говорилось лишь гадательно, наука же с особой сдержанностью, теперь лежит перед нами открытою книгой. Занавес порван, перегородка упала, и все, что было полнейшею неизвестностью, в немного лет рассеялось в ничто перед русскими воинами. Центральная Азия с ее пустынями и степями, с ее снеговыми и обледенелыми горными массами, о которой еще недавно ходили только темные сказания, открылась не только для науки, но и для европейской предприимчивости и цивилизации". Маньчжурия, говорит он дальше, должна покориться России, Монголия—признать ее протекторат. Тогда России останется лишь провести железнодорожный путь, который связывал-бы обе ее периферии, западную с восточной, и в ее руках окажется огромного значения торговый мировой путь, охватывающий больше половины земного шара. Совершенно фантастично предположение, что Россия, подвигаясь к центру Азии, имеет в виду грозить Индии, и столь-же мало обоснованы страхи, что, усиливаясь в Средней Азии, она тем самым наносит удары Турции, дабы засим овладеть Константинополем и таким путем разрешить в свою пользу восточный вопрос. Одно лишь допустимо. Это—установление ею торговой гегемонии в целой Азии. „Но как-бы мы ни смотрели на различные цели, преследуемые Россией, как-бы ни относились к движению русских вглубь Азии, не следует забывать одного: подобно тому, как к русским знаменам прикреплены были исследования науки, за победоносным полетом русского черного орла неизбежно следует культура. Россия в Азии выполняет истинную культурную миссию, так как приобщает восточные народы к европейскому кругу идей. Для Азии Россия—синоним культуры и цивилизации, и мы, непричастные к этой ее миссии, должны в этом случае признать, что присоединение новых территорий к культурной жизни цивилизованных рас—это важнейшая из выгод, „какую когда-либо человечество извлекало из военных предприятий со времени походов в те страны Озириса и Александра Македонского".

сложную деятельность, оставались необ'ятные пространства годных под культуру земель...

Становясь на эту точку зрения, нам незачем было-бы искать исторических прав на урянхайские земли, как мы не искали их, когда занимали западный Алтай и киргиз-казацкие степи. Но вопрос о Засаянском крае едва-ли к пользе русского дела в Азии вышел за пределы переписки канцелярий и, попав на страницы повременной печати, утратил здесь, благодаря стремлению некоторых авторов связать с ним свое имя, должную ему об'ективность изложения и в предвзятом освещении получил характер совершенно незаслуженного обвинительного акта против прежних правительственных агентов; в то же время он настолько потерял в своей ясности, и его толкователи столь затемнили историю края, что я нахожу себя вынужденным посвятить ему заключительные страницы настоящего тома.

Ровинский [1]) был, кажется, первым, высказавшим сомнение в добросовестности действий графа Рагузинского и комиссара Колычева при проведении русской государственной границы в 1727 году. Свои обвинения он формулировал следующим образом.

На карте Шварца показаны две реки Ханги: одна течет в Монголии в оз. Косогол, другая в наших пределах в р. Иркут против Хангинского караула. Этой последней вовсе не существует; в р. Иркут течет здесь р. Монда, по которой местные жители и называют караул не Хангинским, а Мондинским. Название, однако, Хангинского караула встречается во всех актах прошлого столетия. Судя по названию, должно заключить, что этот караул был когда-то на р. Ханге. Это подтверждает предание как наше, так и монгольское, что на реке Ханге или на Косоголе было когда-то русское население, был, как говорят монголы, каменный город, который уничтожен после проведения границы в 1728 году. Сохранилось также у монголов предание, что гун Сава (т. е. князь Сава Владиславич Рагузинский) или его чиновник за боченок золота отодвинул русскую границу вглубь Сибири. Наконец, в Никольской церкви,

---

[1]) „Изв. Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1870, I, №№ 4 и 5, стр. 45.

в бывшей Тункинской крепости, есть образ Николая чудотворца, о котором говорят, что он принесен с Косогола. То же самое следует сказать и о Нарин-хоройском карауле, который находится на притоке р. Оки, р. Гаргане, тогда как р. Нарин-хоро течет в Монголии. Эти факты ясно указывают, что русская граница когда-то была дальше в Монголии.

В этом Ровинский, однако, ошибся.

Высочайший указ о постройке города или острога на восточном берегу озера Косогола и заселении этого берега русским элементом был дан иркутскому коменданту в январе 1716 года [1]). В январе следующего года этот указ был подтвержден, причем коменданту Ракитину было предписано по его получении без промедления ехать на озеро для выбора места под город [2]). Как указ был исполнен, сведений не имеется, но уже в 1721 году в Пекине было получено донесение, что вследствие энергичного протеста местных властей поселившиеся было на берегу Косогола русские в числе ста человек покинули выстроенный ими острог, предварительно предав его разрушению [3]).

Дело это было настолько громкое, что собранная три года спустя в городе Селенгинске „обоюдная комиссия для развода спорных меж между Россией и Китаем“ не могла его не учесть, и если тем не менее не снабдила графа Рагузинского материалами, подтверждавшими русские права на Косогол, то, вероятно, потому, что их тогда еще не было; да и самое добровольное оставление русскими Косогольского острожка после указа 1717 года, требовавшего защиты его оружием, хотя-бы для сего пришлось выдержать осаду, свидетельствует о том, что в этом вопросе русское правительство было принуждено отступить.

Что касается засим первоначального расположения караулов, то мне кажется, что решать вопрос о былом их местонахождении, руководствуясь их названиями—прием едва-ли годный в такой стране, как Монголия, где собственные названия очень однообразны и где приходится часто наталкиваться

---

[1]) „Памятники Сибирской истории XVIII века“, II, стр. 84.

[2]) Ibid., стр. 169.

[3]) *Бантыш-Каменский*—„Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год“, стр. 97.

на несколько названий для одной и той же местности. Лучшим доказательством сему служит тот же Хангинский караул, получивший свое название не от речки, а от перевала Ханги (Обосарым), как впоследствии получила его и расположенная под ним Хангинская таможенная застава. Равным образом и Нарин-хоройский караул назван был по русской речке Нарин-хорэ, ибо, вопреки мнению Ровинского, речек, носящих это название, две: одна, сбегающая с Гарганского перевала на юг, в Монголию, другая—на север, системы Оки [1]).

Незаслуженно также брошено Ровинским по адресу графа Рагузинского и тяжкое обвинение в продажности и предательстве, ибо неподкупность его достаточно засвидетельствована теми муками и угрозами, коим он подвергся в Пекине [2]), да и напутственная речь императора Юн-чжэна свидетельствует, что он видел перед собой не корыстолюбца, готового продать свою родину, а человека сильного, достойно защищавшего порученное ему дело [3]).

---

[1]) См. *Комаров*—„Поездка в Тункинский край и на озеро Косогол в 1902 году" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1905, XLI, стр. 83 и след.

[2]) *Бантыш-Каменский*, op. cit., стр. 133 и след. *П. Шумахер*—„Наши сношения с Китаем (с 1567 по 1805)" в „Русск. Архиве", 1879, кн. II, стр. 175, 176, 178.

[3]) *Бантыш-Каменский*, op. cit., стр. 137. Существенное место этой речи следующее: „О всех делах, что ты говорил с нашими министрами, я известен, и что здесь дело не кончено, ты не печалься. Я посылаю с тобой на границу добрых министров, которым велел праведным посредством все окончить. А тебе приказываю моим и твоей императрицы указом, хотя ты и не мой подданный: поступай праведно и склонно и почитай интересы равномерно как твоей императрицы, так и мои, *не держа все одну сторону*, но обе, то все благополучно и радостно кончишь".

Противоречит этому предположению и реляция, отправленная Рагузинским в Петербург по возвращении из Китая, в которой он доносил, что государство Китайское не в такой силе, как о нем думают и как многие историки оное возвышают; что богдоханом мало довольных, ибо пуще римского Нерона свое государство притесняет и уже несколько тысяч людей уморил и несколько миллионов ограбил и в конец раззорил; многих иезуитов казнил и срыл их церкви; что народ его помирает с голоду, и не видно в нем ни силы, ни храбрости, ни разума; что непостоянство, гордость, лукавство и трусость занимают все их упражнение, так что будь у нас на границе сила, можно было-бы все сделать по своему... Да и теперь если китайцы на что и соглашаются, то вовсе не из миролюбивых намерений, а из боязни войны... (*П. Шумахер*, op. cit., стр. 177).

Вопрос о неестественности нашей государственной границы к западу от оз. Косогола и о возможности, оставаясь на почве Буринского договора, дать ей направление, более отвечающее нашим интересам, был возбужден ранее выступления Ровинского, а именно, в 1856 году, когда до золотопромышленников дошли вести об открытии золотоносных площадей близь озера Косогола [1]). Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Муравьев-Амурский, ознакомившись с вопросом по делам своей канцелярии, не согласился, однако, с мнением докладчиков о возможности придать желательное для нас толкование договору 1727 года и не дал дальнейшего хода их домогательству.

Засим, тот же вопрос, хотя и в несколько иной форме, возник на южной границе Енисейской губернии, где русские золотопромышленники, пользуясь отсутствием надзора за границей и ее неопределенностью в этом участке, уже с 1838 г. стали искать золото в бассейне реки Систыг-кема [2]). Спокойное владение возникшими здесь приисками в течение десятков лет дало им повод, начиная с восьмидесятых годов прошлого столетия, делать заявки приисков и по другим притокам Енисея: Ортат-кему, Темир-суку, и др. Жалобы на захват русскими золотоносных площадей в бассейне Бей-кема впервые со стороны урянхайских властей поступили лишь в 1879 году, но прямых последствий эти жалобы не имели, и дело ограничилось перепиской между нашей миссией в Пекине и китайскими министрами [3]). Тем не менее, с этого времени наши золотопро-

---

Так не мог писать человек, подкупленный китайским золотом.

В заключении не могу не привести отзыв *Gaston Cahen* („Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730)", Paris, 1912, стр. 195) о Рагузинском, который уже с начала XVIII века служил России на дипломатическом поприще: „Jamais la Russie n'a encore trouvé pareille intelligence, pareille compétence et pareil dévouement à ses intérêts dans ses négociations avec la Chine".

[1]) *Венюков*, op. cit., стр. 32. По тому же вопросу высказался засим одновременно с Ровинским и купец *Веселкин* (см. „Урянхи и географические сведения о южной границе Минусинского округа" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1871, VII, мелк. изв., стр. 117—118).

[2]) См. том I, стр. 531.

[3]) Справка из дел канцелярии иркутского генерал-губернатора, составленная заведывавшим в 1914 году пограничными делами *А. П. Серебрянным* и любезно им мне переданная для использования в настоящем труде.

мышленники стали действовать осторожнее, вступая даже в соответственные соглашения с сойотами. Стремясь в то же время выяснить пограничный вопрос и боясь как-бы их заявки не оказались впоследствии незаконными, они обратились в 1879 году к министрам иностранных и внутренних дел с ходатайством, воспользовавшись происходившими тогда в Петербурге переговорами с китайским послом Чун-хоу по Кульчжинскому вопросу, выговорить новую граничную черту с Китаем если не по хребту Танну-ола [1]), то по крайней мере по правому берегу р. Енисея [2]). Это ходатайство, как слабо мотивированное просителями и несвоевременное, было министерством иностранных дел отклонено. Тогда в 1881 году золотопромышленники обратились в министерство государственных имуществ с просьбой раз'яснить, следует-ли считать местности, расположенные вдоль рек Ут, Уюк и Темир-сук свободными от поисков и заявок золотых розсыпей; но и это ходатайство не получило удовлетворительного разрешения „за необозрением на месте положения поименованных речек и неимением документальной карты границы". С своей же стороны генерал-губернатор Восточной Сибири нашел возможным предоставить золотой промысел в Засаянском крае его естественному течению, что и высказал во всеподданнейшем отчете за 1881 год [3]).

Вопрос этот в такой постановке привлек внимание императора Александра III и по его повелению подвергся рассмотрению в особом совещании, которому поручалось вывести его из того неопределенного положения, в каком он до тех пор находился.

Поручение это было выполнено совещанием, однако, только отчасти, ибо оно не могло не считаться с враждебным России настроением правительственных и общественных сфер в Китае, раздраженных необходимостью пойти на большие уступки

---

[1]) Впервые на хр. Танну-ола, как на естественную южную границу Сибири, указал еще *Весселкин* („Урянхи и географические сведения об южной границе Минусинского округа" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1871, VIII, отд. „мелк. извест.", стр. 117).

[2]) *Щеглин* — „Справка по урянхайскому вопросу", рукоп.

[3]) Ibid.

и подписать Петербургский трактат 1881 года[1]). Тем не менее оно все же признало желательным установить предельную граничную черту для отвода приисков, предварив, однако, заинтересованных лиц, что как отвод, так и разработка золотоносных площадей в означенной местности могут по политическим обстоятельствам быть приостанавливаемы и даже вовсе прекращаемы без всякого от казны за то вознаграждения.

Несомненно, что это постановление было сознательным нарушением того принципа раздела спорных территорий, который был положен в основу Буринского договора, вменявшего в обязанность комиссарам, ведшим разграничительные работы, вершин хребтов держаться и по средине делить и за границу причесть[2]), но оно продиктовано было интересами государства, которое должно было считаться не с вожделениями золотопромышленников, а с ясно обнаружившимся к тому времени колонизационным движением на юг широких масс русского народа. Как-бы то ни было, но это постановление разрешая сойти с водоразделов, все же внесло в пограничный вопрос новый элемент неустойчивости, и с этим не замедлили столкнуться местные деятели при попытках осуществить его на деле.

Во исполнение постановления особого совещания иркутским генерал-губернатором Анучиным образована была комиссия для определения предельной пограничной черты. Основываясь на сведениях, представленных Ясенским о пограничной местности, означенная комиссия таковою предельной чертою признала линию, соединяющую вершины сопок, наиболее выдающихся к югу между каждыми двумя пограничными знаками, причем вершины речек Ортат-кема, Кули-кема и друг., по которым были сделаны заявки, оказались находящимися в пределах России[3]). Вместе с тем, однако, она не нашла возможным предуказать для каждого отдельного случая, как далеко от вершин речек вниз по их течению могли-бы допускаться отводы, оставя разрешение таких вопросов усмотрению местных агентов правительства, с той, впрочем, оговоркой, что в ограждение интересов казны от возможных претензий золотопромышлен-

---

[1]) См. выше стр. 733 и сл.

[2]) „Сборник договоров России с Китаем“, 1889, стр. 13.

[3]) *Церерин*, ibid.

ников в случаях, если-бы приписки оказались впоследствии на китайской территории и явилась бы необходимость прекратить их разработку, с них надлежало бы перед отводом площадей брать подписку о невчинении исков к казне об убытках в соответственных случаях.

Это заключение комиссии создало полную неопределенность в вопросе об отводе площадей, в виду чего генерал Анучин командировал на Саянское нагорье чиновника особых поручений Осташкина для освещения этого вопроса и выяснения данных относительно действительного направления граничной линии, которая одна только и должна была служить основой для отвода площадей [1]).

Осташкин исполнил это поручение и посетил все пограничные знаки от 18 до 24 [2]), причем нашел, что они находятся на тех именно местах, где указывались ландкартой 1728 года, что при знаках оказались каменные плиты с надписью на каждой „граница отсюда" и что об их существовании знали золотопромышленники, когда подавали свою записку министру иностранных дел о неопределенности границ и просили министра государственных имуществ раз'яснить им вопрос о пограничной полосе, сознательно тем вводя правительство в заблуждение [3]).

Совсем к другому заключению пришел горный инженер Боголюбский. Осмотрев знаки 24, 23 и 22 и не отвергая подлинности первых двух, он нашел 22 знак на вершине р. Оджи, а не там, где нашел его Осташкин—на хребте Хонин-дабага. По мнению Боголюбского самая карта 1727 года и поставленные, согласно ей, знаки 20, 21 и 22 неверны,

---

[1]) Ibid.

[2]) Согласно Буринскому договору эти знаки были поставлены:

18—Тенгиса реки на вершине, на хребте Эргик-Таргак-тайга на левом конце;

19—на вершине Бедикема реки на хребте Торос-дабага;

20—на хребте Эргик-Таргак-тайга на правом конце на вершине Уса реки на реке Кынзымеды;

21—Ус реку пересекши по течению на правой стороне;

22—на хребте Хонин-дабага;

23—на устье реки Кемкемчика бом, и

24—на Шабине-дабага.

[3]) *Церерин*, op. cit.

потому что составлялась эта карта не при самом проводе границы комиссаром Колычевым, а спустя 3—4 года геодезистами, которые не были на месте истинных знаков или по невозможности их достигнуть или по неимению проводников. Поэтому Боголюбский полагал, что границу России с Китаем следует считать не по тем урочищам, которые поименованы в трактате 1727 года и названия которых сохранились до нашего времени, а по вероятному пути следования разграничительной комиссии—мимо оз. Косогола и правым берегом Енисея через Доро-кем, Ий-сук, Хамсару, Систыг-кем, Ут, Оджу, Туран, Уюк и далее до Кемчика [1]).

Из того же доклада Боголюбского усматривается, что подлинность найденных Осташкиным знаков 20, 21 и 22 им заподазривается на том основании, что в семидесятых годах XVIII столетия сержант Пестерев тщетно искал их в течение десяти лет и засим наугад заменил их крестами на кучах камней, каковые знаки и могли быть впоследствии ошибочно приняты за пограничные; казаки же, обязанные наблюдать за исправным состоянием границы, поддерживали эти знаки, выдавая их за пограничные с своекорыстною целью не пускать за их линию зверопромышленников. Странной также кажется Боголюбскому неравномерность расстояний между пограничными знаками, принятыми за таковые Осташкиным, ибо тогда как между 20 и 21 расстояние 19 верст, между 21 и 22—18 верст, расстояние между 19 и 20 составляет 386 верст, почему Боголюбский и полагает, что знаки 20 и 21 следует искать не в верховьях Уса, а по той тропе, по которой, как он думает, следовали пограничные комиссары, а именно, к востоку от р. Систыг-кема где-нибудь близь р. Тенгиса, Доро-кема или Ий-сука, причем он допускает, что проводники комиссаров намеренно (?) смешали Ий-сук с Усом рекой. Это предположение, как он думает, подкрепляется следующим соображением: в „разменном письме“ относительно 20 и 21 знаков сказано: „Ергик-таргак-тайга на правом конце Уса реки, на вершине Кынзымеде [2]), на хребте поставили два знака“, следовательно, говорит Боголюбский, если комиссары,

---

[1]) Ibid.

[2]) „Сборник договоров России с Китаем“, стр. 42; ср. стр. 43, знак 20: текст редактирован здесь несколько иначе.

поставив 20-й знак, шли с правого берега Уса, то, пересекши Ус, должны были поставить 21-й знак на левом его берегу, между тем на карте разграничения он обозначен на правом [1]).

Как ни шатки данные, приведенные Боголюбским в защиту своей гипотезы, все же они колебали выводы Осташкина. Тем не менее, ген. Анучин принял последние, что видно из его телеграммы министру государственных имуществ от 21 ноября 1883 года: „Результаты командировки в верховья Енисея самые неудовлетворительные для заявителей, так как все граничные знаки найдены и были известны заявителям, повидимому, желавшим ввести власти в заблуждение“ [2]).

Документы по этому делу, одновременно препровожденные ген. Анучиным в Петербург, были подробно изучены в министерстве иностранных дел, в результате чего в этом министерстве составлена была записка „о направлении пограничной черты между 19 и 24 знаками на запад от Кяхты“, которая может быть кратко реферирована в следующих словах.

Не соглашаясь с мнением иркутской комиссии по пограничному вопросу, что государственная граница должна была-бы следовать по прямым линиям между наиболее выдающимися сопками к югу от Саянского гребня, авторы записки особое внимание уделяют выводам Боголюбского, но и их считают несостоятельными.

Как выше было замечено, Боголюбский свой вывод о направлении государственной границы построил, главным образом, на том соображении, что положение пограничного столба на реке Ус не соответствует договорному описанию.

Для выяснения этого противоречия проф. Захаровым был сделан новый перевод монгольского текста „разменного письма“, причем оказалось, что соответственное место этого текста следует читать: „Ус реку пересекая“... вместо—„Ус реку пересекши“... Это указывает, что комиссары ставили знаки не после того, как пересекли Ус, как сказано в переводе 1727 г., а в то время, когда пересекали его, и поэтому могли поставить один знак на правом берегу, другой—на левом, как это и обозначено на карте 1728 года. Что именно реку Ус пересекла

---

[1]) *Церерин*, op. cit.

[2]) Ibid.

государственная граница, явствует также и из рассмотрения китайско-монгольской карты, где исток этой реки показан на вершине Кынзымед, о чем упоминается в договоре и разменном письме. Такова фактическая сторона вопроса, совершенно опровергающая означенный вывод инженера Вогулюбского. Но и другое его предположение, а именно, что при проведении границы имелась в виду не река Ус, а Ийсук или какая-нибудь другая река, по мнению составителей записки, не более обосновано. Оно опровергается китайско-монгольской картой, но и помимо сего приводимые им доводы очень шатки. Он основывает свое положение на том факте, что 20-й знак находится в 386 верстах от 19-го, тогда как 20 от 21 и этот последний от 22-го всего лишь в 20 верстах. Но если вчитаться в разменную запись и принять во внимание, что при установке знаков комиссары должны были руководствоваться топографическими условиями местности, то становится вполне очевидной и причина такой неравномерности в расстояниях между знаками, которая к тому же и не единственная на русско-китайской границе, ибо, например, расстояние между 13 и 14 знаками составляет всего лишь 5 верст, а между 17 и 18—113 верст. Действительно, в разменной записи говорится [1]): „Тенгиса реки, на вершине Эргик-Таргак-тайга, на левом (т. е. восточном) конце, на дороге, на верху поставили два знака“, а далее: „Бедикема реки на вершине Торос-дабага, на дороге, на верху поставили два знака; Эргик-Таргак-тайга на правом конце Уса реки, на вершине Кынземеде, на хребте поставили два знака“. Ясно, что 18 и 20 знаки поставлены на обоих концах непроходимого леса [2]), тянущегося по хребтам Эргик-Таргакских гор, 19-й же на одном из возвышенных пунктов хребта. Естественно, что, имея такую

---

[1]) „Сборн. догов. России с Китаем“, стр. 42.

[2]) Хотя северный склон Саянского хребта к востоку от вершин Уса действительно одет почти сплошным лесом, но в данном случае авторы записки очевидно имели в виду нарицательное „тайга“, сопровождающее собственное имя Эргик-Таргак. Словом „тайга“ алтайские инородцы обозначают, однако, не „лес“, а высокие горы, гребень коих поднимается за пределы лесной растительности. Таким образом, оно вполне соответствует русскому „голец“ (*Верещагин*—„По восточному Алтаю“ в „Алтайском Сборнике“, 1907, VI, стр. 81).

географическую границу как хребты, поросшие непроходимым лесом, комиссары не встречали надобности ставить знаки до того места, где кончается этот непроходимый лес. Вообще ни одно из трех толкований направления государственной границы: иркутского совещания, Осташкина и Боголюбского, не было признано авторами записки удовлетворительным.

Министерство иностранных дел оставило, таким образом, вопрос о точном определении границы открытым впредь до разрешения следующих двух вопросов: 1) где были поставлены разграничительной комиссией пограничные знаки и 2) какую линию—водораздельную прямую или иную следует принимать за пограничную между каждыми двумя знаками. Для освещения этих вопросов в 1892 году была послана в Усинский край под начальством Перетолчина новая экспедиция; в ожидании же результатов последней иркутскому генерал-губернатору графу Игнатьеву, сменившему ген. Анучина, было раз'яснено, что все сделанные по верховьям правых притоков Енисея отводы и заявки могут быть утверждены при условии, если они удовлетворяют требованиям закона и не выходят за предельную черту, фактически уже занятую золотопромышленниками [1]).

Экспедиция Перетолчина начала свои работы от знака 23 и кончила у 20. При этом произведена была глазомерная с'емка всего пути.

Пограничный знак 23 был найден на левом берегу Енисея в том виде, как он описан у производившего в 1883 году осмотр знаков Осташкина; подлинность его несомненна. Знаки же 22, 21 и 20, указанные Осташкиным, состоят из невысоких куч земли, вблизи которых, несмотря на самые тщательные поиски, экспедиция не нашла никаких признаков китайских знаков, хотя из разменного письма 1727 года видно, что на каждом отмеченном пункте границы ставились два знака: русский и китайский. Очевидно, знаки, найденные Осташкиным, позднейшего происхождения, как и указывает на это Боголюбский, предполагавший, что знаки эти поставлены были Пестеревым после тщетных его поисков настоящих знаков. 22-й знак экспедиция нашла в верховьях р. Оджи на том месте,

---

[1]) *Церерин*, op. cit.

которое было указано Боголюбским. Он представлял кучу камней высотой около $2^1/_2$ аршин. В некотором расстоянии от него высился другой такой же знак, китайский, с сохранившимися на нем тремя деревянными дощечками с надписями на монгольском языке о времени осмотра его местными властями. Засим, вследствие позднего времени экспедиция вынуждена была прекратить дальнейшее исследование пограничной черты, и вопрос о точном определении границы, таким образом, вновь не получил разрешения.

В виду сего в 1897 году была отправлена в Саяны еще одна экспедиция под начальством корпуса топографов полковника Баранова, которая произвела очень подробное обследование пограничного района и нашла несомненно подлинный 20 знак, но за поздним временем поиски 21-го знака должна была прекратить.

Для пополнения этого пробела в 1899 году был командирован усинский пограничный начальник Александрович; но поездки его как в означенном, так и в следующем году, оказались безрезультатными [1]).

Командировкой Александровича заканчиваются попытки правительства восстановить правильное начертание государственной границы; но хотя направление граничной линии за отсутствием точных сведений о местонахождении 21 знака до сих пор строго и не определено, тем не менее, общее ее направление все-же вполне выяснено, причем, оказалось, что граница проходит по тем урочищам и хребтам, которые поименованы в Буринском и Кяхтинском договорах; домогательства-же наших золотопромышленников перемещения пограничной черты далее на юг переносили, как справедливо выразился генерал Куропаткин в своем отзыве по этому делу, пограничный вопрос в сферу работ об изменении границы, но не ее восстановления согласно букве упомянутых трактатов [2]).

Как говорилось выше, наряду с стремлением золотопромышленников к захвату южных склонов Саянских гор, туда же с конца семидесятых годов стали направляться и русские люди, искавшие на Улу-кеме прочной оседлости. Но если

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

в вопросе о русской золотопромышленности в Засаянском крае правительство вынуждено было прибегать к компромисным решениям, то еще труднее давалось ему решение вопросов, вызывавшихся „самовольным“ заселением русскими крестьянами урянхайских земель. И действительно, в этом отношении мы не видим у него определенной политики, ибо оно то возвращало обратно в Россию целые партии переселенцев, то как-бы закрывало глаза на неудержимое движение их за Саяны. Стремясь придти к какому-нибудь определенному решению по этому вопросу, иркутский генерал-губернатор в декабре 1899 года представил его на разрешение министра внутренних дел, причем высказал, что если правительством поселения русских в Засаянском крае признаны будут желательными, то для сего надлежало-бы войти с китайским правительством в соглашение, так как, согласно трактатам, в пределах Китайской империи русские могут селиться и строиться лишь в тех городах, где имеются консульства; не урегулированное же дипломатическим путем самовольное водворение русских в пределы Урянхая может вызвать повторение явлений, имевших место в семидесятых годах, когда многие русские торговые заведения были разграблены и сожжены, и было убито несколько человек русскоподданных.

Министр внутренних дел, не решая возбужденного вопроса в окончательной форме, высказал, однако, в письме от 30 января 1900 года на имя генерал-губернатора Горемыкина, что „в отношениях с азиатскими государствами не вполне применимы общие начала международного права“, в виду чего он и полагал-бы не возвращать из Урянхайского края русских поселенцев, в будущем же обязывать таковых выбирать от усинского пограничного начальника установленные билеты на право пребывания в Урянхайской земле [1]).

На таких условиях до 1912 года жили в Засаянском крае все русские скотопромышленники, торговцы и крестьяне, успевшие к этому году образовать там многие поселения и даже деревни: Туран и Уюк с населением свыше 400 душ обоего пола в каждой, Джакуль—200 душ и т. д. [2]), причем, однако,

---

[1]) Ibid.

[2]) Более подробно русское колонизационное движение за Саяны будет изложено в X гл. III т.

более строптивые из них и неуживчивые, по требованию урянхайских чиновников, выселялись обратно в Россию.

В 1894 году Китайская империя вступила в вооруженное столкновение с Японией, закончившееся в апреле 1895 года бесславным миром в Симоносеки, а засим в 1898 году пекинское правительство вынуждено было передать Цзяо-чжоу Германии, Порт-Артур России и Вэй-хай-вэй Англии. Престиж Китая падал все ниже и ниже, вспыхнувшее же в 1900 году боксерское движение, повлекшее за собой оккупацию Пекина войсками европейских держав и Японии, уронило его окончательно. Этот политический момент был учтен русскими колонизаторами края, которые в своих действиях стали менее считаться со взглядами китайских властей. Одновременно в их среде стало быстро крепнуть сознание, что Урянхайская земля никогда не принадлежала Китаю, и что правительство последнего и само никогда не считало ее китайской территорией, так как установило линию монгольских караулов не вдоль той границы, которая принимается Россией за государственную, а к югу от хребта Танну-ола. При таком настроении умов начался усиленный захват русскими урянхайских земель и стали производиться поиски золота на всем пространстве Засаянского края. Так, именно в это время были сделаны заявки на разработку золота по рекам Тапсе, Караллых-кему и друг. и азбеста в районе Кемчика.

Заявители на разработку азбеста Кононов и Хапров, воспользовавшись неопределенностью выражения, допущенного советом главного управления Восточной Сибири в журнальном его постановлении от 2 октября 1885 года в отношении определения местности, на которой может разрешаться условная разработка золота [1]), просили в 1902 году управление государственными имуществами Енисейской губернии о выдаче им дозволительного свидетельства на производство разведок азбеста в долине бассейна Кемчика, как в местности, находящейся на южном склоне Саянского хребта. Свидетельство было им выдано; но вскоре же обнаружилось, что долина реки Кем-

---

[1]) Соответственная часть этого постановления читается так:... „лица, которым дозволена будет разработка золота *на южном склоне Саяна*, обязуются принимать на себя“ и т. д.

чика не принадлежит к числу спорных земель и должна рассматриваться как территория, находящаяся за пределами государственной границы. Тогда к ним пред'явлено было требование о возвращении свидетельства.

Видя, что у местных властей нельзя будет добиться разрешения на разработку золотоносных площадей, находящихся на левом берегу Енисея, другой заявитель Г. П. Сафьянов выехал в 1903 году в Петербург и подал докладную записку министру финансов Витте, в которой, доказывая, что государственная граница должна была-бы проходить по хребту Таннуола, домогался получить право на добычу золота в долине Тансы. Ходатайство его было уважено на условиях, определенных советом главного управления Восточной Сибири [1]); что же касается соображений его о граничной линии, то они оставлены были без последствий. Засим было пересмотрено и ходатайство Кононова и Хапрова, которое было также удовлетворено. Но когда по их заявкам приступлено было в 1905 г. к отводу площадей, то местные урянхи не допустили работ отводчиков, прося их удалиться из долины Кемчика, как из территории, не принадлежащей России. Летом 1906 года при новой попытке сделать таковые отводы в присутствии усинского пограничного начальника и окружного горного инженера урянхайские власти не только не позволили приступить к работам, но и силой принудили отводчиков удалиться [2]).

В том же году, в виду поднятого в печати вопроса об ошибочном проведении границы по Саянскому хребту, в правительственных сферах создалось течение в пользу пересмотра урянхайского вопроса, но запрошенный по сему предмету посланник наш в Пекине, Покотилов, нашел время для возбуждения его неподходящим. Сверх того, опираясь на записку драгомана военного комиссара в Гирине Мосина по вопросу об урегулировании нашей границы в Усинском крае [3]), он донес министру иностранных дел, что „нарушение границы

---

[1]) Главнейшим из этих условий была выдача обязательства в том, что если по политическим соображениям признано будет необходимым прекратить дальнейшую разработку приисков, то таковая будет немедленно прекращена.

[2]) *Церерин*, op. cit.

[3]) Я не имел возможности ознакомиться с содержанием этой записки.

в Усинском крае произошло с нашей стороны, что значительное число русских подданных пользуется разного рода угодьями на китайской стороне Саян, и что при таких условиях возбуждение дипломатическим путем переговоров об исправлении границы поведет лишь к немедленному обнаружению допущенных правонарушений", чем несомненно воспользуется иностранная пресса, дабы поднять шум о желании России компенсировать на западе свои потери в Маньчжурии. С этим мнением Покотилова согласился и государь [1]).

Отзывом Покотилова закончилась официальная переписка по урянхайскому вопросу, который засим оставался в неопределенном положении до 1911 года, когда неожиданные события в Китае разрешили его в том направлении, которое наиболее соответствовало русским интересам: в ноябре 1911 года совет министров признал, что наилучшим способом его решения было-бы постепенное усиление в Засаянском крае русского экономического и культурного влияния, но без каких-либо активных с нашей стороны действий к занятию этого края, в соответствии с чем заботам подлежащих министров было поручено принять меры к усилению там русского элемента, к открытию в местных русских селениях школ, к постройке в них церквей, организации врачебной, ветеринарной и агрономической помощи и т. д.; позднее же, с принятием по договору 21 октября 1912 года автономной Монголии под покровительство России, он получил еще более определенную постановку. Введение в Китае республиканского правления, провозглашение монгольской независимости и изгнание из Кобдо и Улясутая китайских властей, в управлении коих находился Урянхайский край, имели своим последствием прекращение какой-бы то ни было зависимости урянхов от Китая; что касается Монголии, точнее Халхи, то последняя равным образом не могла пред'явить на них никаких прав [2]); таким образом, Урянхайская земля оказалась в сущности бесхозяйной, что должно было в высшей мере способствовать насаждению в ней русской государственности, потребовало от русского правительства мер к защите интересов осевшего там русского населения и побудило министерство иностранных дел напра-

---

[1]) *Церерин*, op. cit.

[2]) „Особый журнал совета министров 3 января 1913 года".

вить русскую политику по отношению к этому краю в сторону постепенного и, так сказать, стихийного закрепления его за Россией. В 1914 году, когда Урянхайский край стал под эгиду России, исполнились, наконец, на короткое, впрочем, время в отношении бассейна р. Енисея слова Петра Великого, об'явленные двести лет перед тем (в 1715 году) калмыцкому хунтайчжи:.. „реки Обь и Енисей и Лена искони сибирские, и от устья, где впали в Северное море, и до гор, из которых те реки потекли; також которые реки впали в них, то те земли, откуда потекли те реки, земля царского величества“ [1])...

Этот исторический очерк урянхайского вопроса делал-бы излишним разбор доводов защитников гипотезы о более южном, согласно Буринскому договору, направлении государственной границы, если-бы в числе этих доводов не было таких, которые представляют интерес с точек зрения исторической и географической.

Выше я имел уже случай заметить [2]), что наши права на верховья Енисея не могут покоиться на шертных граматах, выданных алтын-ханами Омбо-эрдэни (Кумганчеем) в 1633 году и его сыном Эринчином в 1664 году, ибо оба князя фактически не владели уже тогда территорией, которую отдавали под протекторат России. Эти граматы были своего рода комендации, которые подписывались лишенными своих владений вассалами дзасакту-ханов в надежде на военную помощь русских царей и которые засим нарушались ими в виду неоказания им этой помощи. Во всяком случае маньчжуры могли-бы пред'явить более ценные документы, ибо не следует забывать, что Эринчин за себя и отца приносил присягу императору Шунь-чжи в Пекине, где и получил в 1655 году свое звание цзасака.

Засим В. Попов [3]) и Баранов [4]) приводят в доказательство того, что „русские владели урянхами“ уже с 1689 г. договор, заключенный в этом году с старшинами урянхайских родов нашим послом Головиным.

---

[1]) „Памятники сибирской истории XVIII века“, II, № 22, стр. 67.

[2]) Стр. 705—708.

[3]) „Урянхайский край“, стр. 7.

[4]) „Урянхайский вопрос“, стр. 10. На стр. 27 приложен и текст договора, из ст. 2 коего видно, что он касается монголов Забайкалья.

Но это — недоразумение.

Табунутские саиты, заключившие в январе 1689 года в гор. Нерчинске договор с нашим послом Головиным о подданстве России и выдавшие тогда же шертную грамату, опубликованную в „Полн. Собр. Законов“ под № 1336, никакого отношения к урянхайцам не имеют, ибо „саит“ не значит „сойот“: саит — монгольское нарицательное, соответствующее русскому — сановник [1]) и маньчжурскому — амбань [2]). О табунутах проф. О. М. Ковалевский пишет [3]): табунитов или табангутов правильнее называть табунангутами по имени предка их Далык-гуна, который при Сэцэн-хане был старшим чиновником и одновременно его зятем, т. е. табунаном. От него пошли роды табунангутских бурят, расселившихся по Селенге в силу договора, заключенного при Головине [4]).

Обстоятельства, при которых саиты табунангутов подчинились России, были следующие.

В восьмидесятых годах XVII столетия положение русских в Забайкалье стало тяжелым. В 1685 году пришлось бросить Албазин и хотя в следующем он и перешел вновь в русские руки, но маньчжуры удвоили свои усилия. Император Кан-си требовал очищения Амура, угрожая войсками Забайкалью, и мутил монголов, которые переживали в это время трудную эпоху войн с Галданом, делавшую их послушным орудием в его руках. Этому обстоятельству следует приписать вызы-

---

[1]) См. хотя-бы *К. Стуков* — „Очерки монголо-бурят, кочующих в Восточной Сибири“ („Зап. сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1865, VIII), где, на стр. 148, пояснено, что сайт значит вельможа.

[2]) Предположение, не сойоты-ли табангутские (табунутские) саиты, с которыми Головин в 1689 г. заключил договор, насколько мне известно, впервые высказал д-р *И. Шендриковский* („Материалы к антропологии бурят“, СПб., 1894, стр. 22), но он был более осторожен, чем полк. *Попов*, и не решился построить на нем свои выводы.

[3]) *Словцов* — „Историческое обозрение Сибири“, 2-е изд., II, стр. XI—XII.

[4]) Ср. *Стуков*, op. cit., стр. 123. Большая часть этих табунангутских бурят вошла с 1762 года в состав Забайкальского казачьего войска и окончательно слилась с русским населением в 1851 году после реорганизации этого войска (*А. Суров* — „Казаки“ в „Энциклоп. Словаре“ Брокгауза и Ефрона, 1894, т. XIII, стр. 889; *Андриевич* — „Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года“, Спб., 1887, стр. 14).

вающее поведение Сайн-Очир хана, потребовавшего от селенгинских властей возвращения селенгинских, иркутских, верхоленских и балаганских людей, его прежних данников [1]). При столь неблагоприятных для России обстоятельствах в 1687 году окольничий Головин прибыл на Селенгу во главе сильного эскорта, насчитывавшего 2.000 человек солдат [2]). Пока велись сношения с Пекином о месте с'езда уполномоченных Головину пришлось вступить в борьбу с вторгшимися в Забайкалье монголами [3]). В 1688 году он удачно отразил монгольский отряд силой в 4.000 человек, оперировавший под Удинском и Селенгинском, в начале следующего года нанес у Селенгинска новое поражение монголам и, таким образом, восстановил поколебавшееся уже положение русских в Забайкалье [4]). Тогда же он столкнулся на реке Хилок с табунутами, разбил их и принудил их саитов вступить в русское подданство [5]).

Какое значение придали этому договору Головина с табунутскими саитами полковник Попов, „открывший" этот доку-

---

[1]) „Дополнения к актам историческим", X, № 67, XI, № 43 (прилож. к вып. 5 „Материалов" высочайше учрежденной под председательством ст.-секр. Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области, стр. 9—10).

[2]) Ф. А. Головин выехал из Москвы в январе 1686 г. В его свите находились стольник Алексей Сенявин и пять бояр московских, полковники: Ф. Скрипицин, П. Грабов, А. Смаленберг, подполковник С. Богатырев, майор, капитан, поручики, прапорщики, пять стрелецких сотников при 500 стрельцах да двое под'ячих, один из Посольского приказа, другой от Большой Казны. Сверх того при нем же назначено быть Нерчинскому воеводе И. Власову и дьяку С. Корницкому, а по проезжей грамоте велено ему брать из разных сибирских городов и острогов служилых людей со всею ратною амуницией до 1.500 человек (*И. Шумахер*—„Наши сношения с Китаем" в „Русск. Архиве", 1879, II, стр. 150; ср. *G. Caben*—„Histoire des rélations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730)", Paris, 1912, стр. 36, сноска 2).

[3]) Они даже напали на него под Нерчинском и держали засим город в осаде в течение 12 недель (с начала января до 27 марта 1688 г.). См. „Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел", т. IV, № 208, стр. 623—625; цит. по *G. Caben*, op. cit., стр. 44 и сн. 2.

[4]) *В. Андриевич*—„История Сибири", 1889, II, стр. 48.

[5]) *Щербачев*—„Исторические сведения", вып. 5 „Материалов" высоч. утв. под пред. ст.-секр. Куломзина ком. для иссл. землевлад. и землепольз. в Забайк. обл., стр. 14.

мент, и, что гораздо важнее—особое совещание по урянхайскому вопросу, созванное в Иркутске, явствует из протокола этого совещания под которым стоит и подпись Попова, где говорится:

„Изучение вопроса, кто из урянхов и кому платил подать в 1726 году, накануне заключения Буринского договора, очень важно. Вопрос этот не освещен с достаточной полнотой, но из архивных работ Попова доложены следующие данные:

„Прилагаемый при сем договор урянхов с Россией, заключенный в 1689 году 12 марта, гласит: ст. 2. о подданстве их России, в ст. 3: урянхи у прежних из владельцев китайских, мунгальских и гэгэн-хутухты не должны состоять, в ст. 5: в казну великих государей российских с себя ясак давать поголовный по вся годы соболями".

„Из этого документа можно предположить, что табунутские сайоты (по китайски (sic!)—урянхи) перешли в русское подданство (в 1689 г.) значительно раньше Буринского договора 1727 г. и перешли даже те, которые раньше платили подати китайским и монгольским ханам, а равно и богдогэгэну. Следовательно в момент заключения договора России с Китаем означенные урянхи принадлежали России" [1]).

---

[1]) Не могу, кстати, не отметить другую очень странную ошибку того же протокола. Под п. 2 говорится: „Из материалов, собранных графом Рагузинским перед заключением Буринского договора, можно получить следующее сведение, доставленное ему в 1726 году от пограничных властей относительно урянхов (сойот): по вершинам р. Енисея до устья р. Хара-Бурени, т. е. Тоджинские, Салджакские и Модинские сойоты, платят ясак России по пяти соболей (донесение 1726 г. 10 апреля из Красноярска)".

Р. Хара-Бурень—приток р. Уды, впадающий в нее близь бывшего Удинского караула. Таким образом, в донесении из Красноярска говорилось об урянхайцах, *кочевавших к северу от Саянского хребта;* причем же тут в таком случае это—„т. е. Толжинские, Сальджакские и Модинские сойоты"? С такими грубейшими, будем считать—*не намеренными* ошибками, мне не доводилось еще встречаться в официальных бумагах. Вообще, однако, чтобы не заслужить обвинения в желании уклониться от ответа на самые существенные пункты вопроса, выдвинутого *В. Поповым* в его книге „Второе путешествие в Монголию 1910 года", ч. III, „Исследование границы на участке Кяхта—Алтай (Урянхайский вопрос)", я выписываю здесь эти пункты в том виде, в каком они им формулированы (стр. 56—60):

„2) Страна эта (п. 1; верховье Енисея) принадлежит России с 1617 г. по договорам России с алтын-ханом, владевшим этой страной".

Значение и ценность этих договоров пояснены выше.

„3) Урянхи—сойоты, ныне населяющие эту страну, с 12 марта 1689 г. особым договором обязались платить подати (ясак) соболями, действительно платили России дань в 1726 году, а именно, урянхи хошунов Тоджинского, Сальджакского, Модинцы, Ойнарские и Кемчикские, а урянхи хошуна Бесь—монгольскому князю, урянхи же хозутские платили в обе стороны: России и монгольскому князю Да-вану".

Предшедшее исчерпывающим образом поясняет этот пункт, в основу которого легли грубейшие ошибки.

„4) В Буринском и Кяхтинском договорах между Россией и Китаем установлена государственная граница на западе от Кяхты до владений калмыцких (Убса-нор) и обозначена географическими пунктами, которые хотя и с трудом, но можно найти на месте и ныне".

Именно *В. Попов*, op. cit., стр. 32, полагает, что современная р. Тайрис могла бы быть Тенгиз Буринского договора, Ганцган-модо (ключ)—Кензе-модо (река), Дергэ-даба—Таргак, Гурбан-будшек—Гурбия, Шеби-гол—Шабин-даба, Найрин-даба—Наран-хоро, Нукуотогойту-нуру—Нукуту-даба. Предоставляю судить филологам, насколько такие догадки могут служить базой защищаемой им гипотезе.

В числе документов, которыми подкрепляется этот пункт, имеется и ссылка на „китайскую с'емку государственной границы 1903 года". Замечу по этому поводу, что намечаемая монгольскими пикетами яко-бы *государственная китайская граница* уже потому не может соответствовать той, которая проведена была согласно Буринскому договору, что последняя должна была держаться гребней водоразделов (хребтов), между тем как по словам рапорта шт.-кап. *Августуса* (см. *В. Попов*, op. cit., стр. 77) „она в натуре проведена не по водоразделу главного хребта Танну-ола и Алтая, а идет от Джустыта на Чигиртей и Харык, пересекая горные массивы Сейлюгема и Байрема в сев.-вост. направлении и дальше по котловине оз. Урю-нора на хр. Цаган-Шиботу и по южным отрогам хребта Танну-ола".

„5) Китайская граница проведена в том же 1727 году от Кяхты по Джединскому хребту, южному берегу Косогола и по южному склону хр. Танну-ола, каковая граница обозначена на месте и имеет пограничные знаки, охраняется пограничной стражей и считается государственной и признана договором 1881 г. На ней можно найти и географические названия (п. 4)".

Что линия монгольских караулов вдоль южной подошвы хр. Танну-ола была учреждена до заключения Буринского договора, об этом будет сказано ниже; что же касается ссылки *В. Попова* на договор 1881 года, в котором указаны некоторые монгольские караульные посты в качестве пропускных пунктов, то это обстоятельство не может считаться аргументом доказательной силы, ибо далеко не всегда пропускные посты располагаются на самой границе (примеры: Закавказье, Закаспийская область), в данном же случае китайское правительство воспользовалось уже готовой органи-

писал другой защитник идеи о проведении русской государ-

зацией, учитывая, между прочим, и то обстоятельство, что тем же договором были подтверждены русские права на беспошлинный торг в Монголии. Русское правительство считало даже совершенно бесцельным при таких условиях устанавливать какие-либо посты на том же участке границы, тем более, что ее недоступность, слабая населенность Hinterland'a и отсутствие торных торговых путей действительнее всяких постов и таможенного кордона защищали ее от проникновения через нее контрабанды. Все же с китайской стороны допущена была в этом случае грубая ошибка, о чем подробнее будет говориться ниже, в приложении 2-ом.

В. Попов ссылается также на стр. 355 „Мэн-гу-ю-му-цзи". Но что же мы там читаем? А именно только то, что в 1727 году китайский император для пресечения споров о границе, а также для удобства надзора за пограничной торговлей (там, где она, конечно, производилась) признал необходимым заключить договор с Россией, последствием чего было установление границы и учреждение в обе стороны от Кяхты пограничных караулов с возложением обслуживания их на монголов и солонов. А затем к сему добавляется: *„напротив этих караулов Россией также учреждены были пикеты"*. И вот можно было-бы поставить *В. Попову* вопрос: где же учреждены были эти русские пикеты—на северном-ли склоне Саян или на северном склоне хребта Танну-ола? Что маяки от № 19 до № 23 и при них караулы учреждены были в 1727 году вдоль северного склона Саянской магистрали и существовали там в натуре, это явствует, между прочим, и из приказа того же года графа Савы Владиславича, который дошел до нас в изложении советника Троицкосавского пограничного правления *Сычевского* [„Историческая записка о Китайской границе" в „Чтен. И. Общ. Истор. и Древн. Российских при Моск. Унив.", 1875, кн. II, стр. 25 (сообщ. *Баснипым*)].

„19 маяк (на хребте Торос-дабага) был поручен каргинского рода шуленге Сырен-Минхилееву, туралицкого рода шуленге Аларбан Инову да шараицкого рода шуленге Бургоцу-Кутуеву в десяти юртах; оным определено пограничное смотрение до указу; а велено им стоять в урочище на вершине Уды реки (в Нижнеудинском уезде)".

„Маяки: 20, 21, 22 и 23 (последний на левой стороне реки Енисея) были поручены малому бахамницкого рода ясаулу Харанкыру в десяти юртах того роду под надзиранием красноярского служивого Алексея Чашкова; а велено им стоять на вершине речки Оя (впадающей с правой стороны в реку Енисей)".

Приказа о надзоре с вершин Ои за пограничной линией по хребту Танну-ола, вследствие его невыполнимости, нельзя навязывать таким лицам, как комиссар Колычев; его не оправдало-бы даже полное незнакомство последнего с физико-географическими условиями страны.

„Основанная таким образом", пишет далее *Сычевский*, стр. 105, „пограничная власть и стража, охранявшая границу, существовала почти

ственной границы не по гребню Саянского магистрального

без всякого изменения до времен Селенгинского коменданта и бригадира Варфоломея Валентиновича Якоби, определенного на границу в 1741 году. Якобию была вручена пограничная власть, бывшая до его времени у Иркутского вице-губернатора".

Но уже 9 марта 1759 г. сибирский губернатор Соймонов доносил правительствующему сенату, между прочим, следующее (ibid., стр. 193): „Не меньше жъ того опасности подверженными состоят некоторые места, имеющиеся от Сибирских линий: от восточного края Кузнецкой до западного Иркутской линии на расстоянии 360 верст, где *никаких карaулов* не имеются; чему всему для наиглавнейшего усмотрения всепокорнейше подношу при сем карту. А хотя по справке в Губернской канцелярии и оказалось, что в прошлых годах, по определению бывшего губернатора генер.-м. Сухарева, определен туда пограничным досмотрщиком дворянин Мельников для содержания и охранения тех мест, однако же с недовольным числом людей, а именно: велено ему иметь в своей команде только кузнецких пять, да красноярских пять казаков, итого десять, да из находящихся там иноверческих ясачных родов брать по 30 человек. Какие же при разграничении послом графом Рагузинским в том пустом месте учреждения были, такого известия *еще не отыскано*"...

И, повидимому, Соймоновым отыскано не было: миновала опасность китайского вторжения, оставлена была и забота о „пустом месте" на государственной границе вверенной управлению его области.

„6) По тому же Буринскому договору 1727 г. урянхи сойоты, платившие России подати во время заключения договора, перешли к России, а платившие обоим государствам освобождены от платы. Поэтому уже на картах 1730 и 1758 г.г. русская граница проходит южнее Урянхайской земли, но не совпадает с границей китайской, сбразовав уже тогда спорную территорию (?), правда, весьма незначительную (собственно кочевья хозутских урянхов, живущих около оз. Косогола, что и вполне понятно, так как они платили подать двум сторонам (?) и подлежали освобождению)".

В. Попов ссылается при этом на донесение из Красноярска и других мест, насколько же основательно, это мы видели выше. Засим он указывает также на карты *Скобельцина* 1730 г., губернатора *Соймонова* и майора *Лихарева* 1758 г. По поводу этих карт надлежит заметить следующее:

Карта губернатора Соймонова (см. выше) представляет не вновь составленную карту, а „ландкарту, сочиненную" тем же „геодезистом Петром Скобельциным с товарыщы", вероятно, в 1726 году, с тех пор хранившуюся в губернской канцелярии и лишь пересланную Соймоновым в 1759 году в коллегию иностранных дел (*G. Cahen*—„Les cartes de la Sibérie au XVIIIe siècle" в „Nouvelles Archives des Missions scientifiques et littéraires", nouv. série, 1911, fasc. I, стр. 160). Таким образом, ссылка на „карту губернатора Соймонова" отпадает. Остается карта Скобельцина, экземпляр которой, хранящийся в московском архиве министерства ино-

хребта, как она проводилась до последнего времени, а по гребню

странных дел, имеет следующую надпись: „Чертеж присланной в Коллегию иностранныхъ дѣлъ из Сибирской губерніи изъ Тобольска отъ вице-губернатора Ивана Болтина при доношеніи его отъ 27 генваря полученном въ Москвѣ апрѣля 9 дня 1730 году сочиненнои геодезистомъ Скобелцинымъ о јркуцком селенгинском нерчинском уездах да отчасти ј о илимскомъ уѣзде".

Скобельцин с тремя товарищами был послан для производства топографической с'емки в области, которые имелось в виду замежевать в пользу России сибирским губернатором князем Долгоруким. С'емка была им закончена и нанесена на карту к 27 мая 1728 г., о чем Л. Ланг и донес в Петербург. Представленная им засим графу Рагузинскому, она была признана последним неудовлетворительной и требовавшей существенных дополнений, в виду чего Скобельцин и Баскаков были вновь отправлены в Монголию по маршруту: р. Иркут, оз. Косогол, верховья Енисея, Абакан. (*G. Cahen*—„Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730)", стр. 207). В их инструкцию входило: 1) определение географических координат, 2) собрание сведений физико-географического и этнографического характера и 3) розыск в области верхнего течения Енисея у р. Еленгуса (Элегеса) каменных идолов, что, вероятно, имело значение в связи с той перепиской, которая незадолго перед тем велась с китайским правительством относительно идола в бассейне р. Оки. Картографический материал, который доставили Скобельцин и Баскаков, был передан геодезисту *Зиновьеву*, использовавшему его при составлении для графа Рагузинского карты Сибири. Экземпляр последней, хранящийся в московском архиве министерства иностранных дел, имеет следующие надписи: 1) „Збиралъ сию ландкарту с описи гѣодезиста Петра Скобелцына с товарыщи и с печатныхъ ланкартъ і с разных чертежей і рисовалъ гѣодезистъ Михайло Зиновьевъ", и 2) „Лантъ карта Сибирской провинціи прислана отъ комисара господина Колычова при его доношеніі јз Селенгинска маия отъ 24, которая получена в Сан Петербурге августа 22 дня 1727 г.". Эта карта была пред'явлена китайским уполномоченным с нанесенной на ней пограничной линией, представлявшей *максимум* русских требований. Линия эта проходила от оз. Далай-нора по Керулюну и Толе, пересекала засим долину Орхона и вдоль р. Эгина достигала южной оконечности оз. Косогола; в области верховий Енисея она упиралась в Улу-кем близь Джакуля. От этих требований пришлось отказаться, как в свою очередь отказались от своих требований и китайцы, и линия по Саянскому хребту составила то компромисное решение вопроса, которое в равной степени удовлетворило обе стороны. Такова история вопроса, которая совершенно устраняет сомнение *В. Попова* (op. cit., стр. 43) в „особенной ценности и точности главнейших документов разграничения: разменного письма, реестра пограничных знаков и ландкарты" графа Рагузинского.

хребта Танну-ола и гор, служащих восточным его продолжением,

„7) Китайская империя не имела права захватывать в 1759 году урянхов сойотов, так как они принадлежали (sic!) России, находились севернее китайской государственной границы".

На этот пункт отвечает история. Но сам по себе факт вмешательства урянхайцев в китайско-калмыцкую борьбу и последующие репрессивные меры маньчжуров, перенесших военные операции в бассейн верхнего Енисея, не вызвавшие дипломатической переписки между петербургским и пекинским правительствами, не свидетельствует-ли 1) что кемчикские урянхи не считали себя русскими подданными и 2) что в этих военных операциях ни русские пограничные власти, ни маньчжуры не видели нарушения постановлений Буринского договора?

„8) Граница по Саянскому хребту, очевидно, русским комиссаром 1727 г. Колычевым фактически не проводилась, иначе одним из сотрудников Рагузинского топографом Скобельциным в 1730 году не была-бы составлена карта, в которой Урянхайская земля входила в Россию. Это предположение подтверждается и архивными документами, в которых фактическое проведение границы не подтверждается".

Раз'яснения по этому пункту даются ниже.

„9) Фактически пограничные знаки по Саянскому хребту установлены сержантом Пестеревым с 1772 года, несмотря на то, что в 1730 и 1768 г.г. мы границу считали по Танну-ола".

Не *мы*, а топограф *Скобельцин* и губернатор *Соймонов*. Что касается действий комиссара *Пестерева*, то их выясняют следующие выписки из его реляции, опубликованной *Klaproth*'ом в „Magasin Asiatique".

1) „Так как никто не проезжал вдоль границы от *одного знака до другого*"..., которые, таким образом, в натуре существовали, притом на границе, признававшейся *Пестеревым* за таковую.

2) . . . „Засим, по р. Шинде *вышел вблизи Шадатского караула к пограничному знаку* Хонин-дабага...", который существовал, но граница от которого в обе стороны намечена не была и никто из туземцев указать ее не мог.

3) . . . „Не ожидая китайских комиссаров, отправился *к знаку при устье Кемчика*...", который, таким образом, также не установлен был Пестеревым, как пишет *В. Попов*. а существовал в натуре.

4) „В 1775 г. я выехал из Таштыба к Шабин-дабага . . . на вершине Тосльı поставил крест, который сойоты на следующий же год уничтожили, приписав ему гибель скота зимой...".

5) „В 1779 г. был на берегах Иджима и Уса, *где нашел деревянный крест*, вместо которого поставил новый...".

Эти выписки не дают оснований к выводу, сделанному *В. Поповым*.

„10) Путаницу в пограничном вопросе мы утвердили нашими неудачными исследованиями позднейшего времени: Осташкина, Баранова, Александровича и др., а в особенности разграничением на Алтае в 1864 г.,

В. Н. Васильев [1]). Оперируя большей частью бесспорными, хорошо подобранными фактами, он дал полную сводку того, что можно было сказать в пользу этой идеи, и так как он заимствовал у Г. П. Сафьянова [2]), В. Попова, Родевича [3]) и др., писавших по урянхайскому вопросу, все то, что допускали здравый смысл, ближайшее знакомство с предметом исследодования и, повидимому, хорошая школа, им пройденная, то я буду считать вопрос исчерпанным, разобрав его доводы.

когда наши комиссары, следуя с юга от Зайсана по Алтайскому хребту, и не имея сведений о существовании китайской границы по Танну-ола, только благодаря полному незнакомству с географией страны (?!) и договорами (?!), от караула Юстыд пошли не по Танну-ола, а на север в Урянхайскую землю до так называемого (sic!) Шабин-даба".

На эти строки можно было-бы только заметить, что в свою очередь в них *В. Попов* обнаружил более, чем во всем остальном, полное незнакомство свое с предметом, который взялся обсуждать.

„11) Ландкарта, копия с которой имеется у нас, и, судя по надписи, составлена будто-бы (sic!) в 1728 году топографами, едва-ли заслуживает силы государственного документа, тем более, что подлинной карты я не нашел в московском архиве, и китайцы очевидно ее не имеют, ибо в противном случае они давно уничтожили-бы границу по Танну-ола, а на север в Урянхайскую землю до так называемого Шабин-даба" (?).

„12) Позволяю себе утверждать, что возвращение Урянхайской земли в состав русской территории будет не новым захватом чужой территории, а восстановлением своих прав на нее; а признание границы по Танну-ола не изменением границы, а исправлением ее, так как со стороны Китая владение Урянхайской землей с 1759 г. следует считать незаконным захватом нашей территории. Очевидно, и сами китайцы считали Урянхайскую землю незаконно захваченной, что подтверждается существованием границы по Танну-ола. Нужно полагать, что захват территории Урянхайской земли есть дело местных китайских властей. Китайское же правительство очевидно, сознавая это, не решилось из боязни осложнений с Россией окончательно санкционировать захват и уничтожить границу по Танну-ола, но, пользуясь неосведомленностью России, оставило вопрос об окончательном присоединении течению времени. Таким моментом китайцы сочли очевидно 1909 год, когда хотели выгнать (sic!) русских из Урянхайской земли".

После всего вышеизложенного и в виду последующего изложения вопроса я оставляю оба эти пункта без комментария.

[1]) „*Урянхайский пограничный вопрос*" в „Журн. Мин. Народн. Просв." нов. сер., XXXVIII, 1912, № 4, отд. 4, стр. 55—103.

[2]) „Обзор пограничной линии России с Китаем от оз. Косогола на зап. до Шабин-дабага", рукоп.

[3]) „Очерк Урянхайского края", 1910.

Основным и самым сильным из таких доводов следует, как будто, считать то положение, что пограничные знаки по Саянскому хребту западнее речки Нарин-хорэ были поставлены не смешанной русско-китайской разграничительной комиссией, которая фактически лишена была возможности это выполнить за краткостью находившегося в ее распоряжении срока (с 29 августа, когда комиссар Колычев выбыл в командировку с речки Буры, до 10 октября, когда он на нее возвратился), а позднее, путем поперечных заездов из Сибири до определенных пунктов проектированного водораздельного пограничного хребта, причем русские приняли за таковой по незнанию существования хребта Танну-ола, хребет Саянский, а китайцы опять-таки по незнанию существования хребта Саянского—хребет Танну-ола [1]), где,

---

[1]) Op. cit., стр. 79. По поводу этого предположения замечу:

Долина Улу-кема—Кемчика столь широка, хребты Саянский и Танну-ола так относительно ее высоки, что слить оба хребта в один не могли ни русские, ни китайцы, которые, не следует забывать этого, были знакомы с долиной верхнего Енисея и Саянским хребтом уже со времен Танской династии. *В. Н. Васильев* ссылается на русские карты—*Ремезовскую*, помещенную в его „Чертежной книге“ 1701 года, на карту *Кирилова* 1734 года, составленную на основании материалов, собранных разграничительной комиссией гр. Рагузинского, наконец, на копию карты гр. Рагузинского, хранящуюся в архиве министерства иностранных дел; „на этих картах на Танну-ола нет и намека, хотя по соседству (?) показаны многие незначительные (?) горные возвышенности“, а на „Генеральной ландкарте Российской империи 1745 года обозначено даже оз. Убса с рекой Тесью“ (ibid., стр. 78). На это можно было-бы возразить, что в ту эпоху горы наносились на карты весьма несовершенным образом, что маршрут Скобельцина (см. выше стр. 802), доставившего картографический материал для карты Рагузинского, не обнимал долины р. Тес, что „Генеральная карта о Россійскои Имперіі сколько возможно было исправно сочиненная трудом Івана Кирілова Обер-Секретаря Правительствующа Сената в Санктпетербургѣ 1734“, как составленная не специалистом (см. *G. Cahen*—„Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siècle“ в „Nouvelles Archives des Missions scientifiques et littéraires“, 1911, fasc. I, стр. 194—195), не могла отвечать требованиям даже того времени и, наконец, что „Генеральная ландкарта 1745 г.“, как и остальные 19 карт „Атласа Россійского, сочиненнаго по правиламъ географическимъ и новѣйшимъ обсерваціямъ стараніемъ и трудами И. Академіи Наукъ в Санктпетербургѣ 1745 года“, не могли не заключать некоторых существенных дополнений, взятых из работ иезуитов и атласа д'Анвилля. К тому же наименование „Танну-ола“ для хребта, носящего ныне это название, не было, как, впрочем, и теперь,

подобно русским, и расставили свои пограничные знаки. При этом русские, руководствуясь данными, содержащимися в Буринском договоре, спроектированном, повидимому, на основании неточных карт с неизвестно откуда взятыми, в действительности же никогда не существовавшими названиями хребтов, и инструкцией, принуждены были ставить знаки „на ближайших (к чему?) заметных перевалах в предположении, что раз по договору горы с такими названиями в данной местности значатся, то следовательно где-нибудь тут же по близости и должны быть“ [1]). Что касается китайцев, то, как они разрешили поставленную им задачу, в статье В. Н. Васильева не об'ясняется, но так как нельзя же закрывать глаза на то обстоятельство, что рядом с русским текстом договора имеется и монгольский, в котором никогда не существовавшие

известно туземцам. Так назывались лишь высоты где-то далеко на востоке, в верховьях Ха-кема, горы же в истоках Барлыка и к востоку от этой реки у китайцев были известны под именем Алтая. Что Засаянский край мог быть, однако, лучше известен русским начала XVIII столетия, чем то кажется *В. Н. Васильеву*, это явствует из того, между прочим, факта, что русские купцы уже с начала этого века находились в правильных торговых сношениях с населением Кобдинской Монголии (*Ватин*—„Минусинский край в XVIII веке“, стр. 164), а, стало быть, и Засаянского края, как промежуточной области.

Еще тверже обстоит дело с Саянским хребтом. Атлас *d'Anville*, в основу которого легли китайские карты и семилетние (1708—1715) картографические работы иезуитов *Bouvet, Regis, Jartoux, Fredelli, Bonjour Fabri, Cordosa, du Tartre, Gerbillon, Henderer*'а и *de Mailla*, был издан в 1737 г. (отдельные карты Азии в 1731—1737), т. е. десять лет спустя после подписания Буринского договора, и хотя на его картах северной Монголии бассейн верхнего Енисея и нанесен с большими погрешностями, но все же главные элементы последнего—Улу-кем (Кем) с слагающими его истоками—Ха-кемом (Шишкитом), Бей-кемом (Чус-уту) и Хамсарой (Уком), а равно и цепь гор, идущая вдоль правого берега Хамсары, налицо, причем также показаны—прорыв Енисея через Саянский хребет и сбегающая с северного его склона река Ус под ее современным названием; над прорывом же сделана следующая надпись: „*Cette partie-ci occupée par les Russes*, est plus connuë par la voye de la Russie que par celle de la Chine“, свидетельствующая 1) что миссионеры имели возможность оценить большую точность русской карты, представленной гр. Рагузинским конференции, и 2) что для них не было никаких сомнений в том, откуда пошла по Буринскому договору русская территория.

[1]) Op. cit., стр. 74.

названия хребтов должны же значиться, то он приводит замечание Родевича [1]), что „упоминающиеся (в договоре) названия хребтов могут найтись и в системе Танну, ибо названия эти мало характерны“ (?).

В. Н. Васильев отступил от присущей ему, повидимому, осторожности, решившись заявить, что „ни один сойот, ни один карагас на всем протяжении Саянов не назовет вам горы, имя которой было-бы тождественно с приведенными в договоре“ [2]). Я уже отметил выше [3]), что горный инженер Боголюбский указывал на совершенно обратное, а именно, что названия урочищ, поименованных в трактате 1727 года, сохранились полностью в Саянах до настоящего времени, и дальнейшее служит хорошим тому подтверждением:

Знак 18. *Хребет Эрик-Тариак-тайга.* О нем см. ниже.

„ 19. *Хребет Торос-дибага*—название, повидимому, и доныне не изгладившееся из народной памяти, о чем свидетельствует рассказ карагаса, уроженца верховий Кана, притока Уды, записанный полк. *Бобырем* [4]).

„ 19. *Речка Бедикем*, у полк. *Бобыря*—Бедый-кем, носит в настоящее время название Бидий-сук, если только верна была запись топографа, ведшего с'емку этой части хребта [5]); протекает озеро Бат-нор и впадает в р. Кизи-кем, приток Хамсары. Совершенно напрасно *В. Н. Васильев* [6]) смешивает эту речку с Бей-кемом.

„ 20. *Хребет Эрик-Тариак-тайга*—наименование, которое несомненно присваивалось некогда той части Саян, которая лежит к востоку от р. Коярта, ибо и до наших дней оно удержалось в несколько искаженном русскими имени „Иргаки“, присваиваемом, по словам *П. Крылова* [7]), венчаю-

---

[1]) Цитир. выше его соч., стр. 111—112.

[2]) Op. cit., стр. 69.

[3]) Стр. 786.

[4]) „Примечания“ к статье Клеменца—„Новый путь из Минусинского округа на Бирюсинские золотые прииски“ в „Изв. вост.-сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1890, XXI, стр. 70.

[5]) См. карту, прилож. к вып. I. „Военно-геогр. и военно-статист. опис. пригран. полосы“.

[6]) Op. cit., стр. 76.

[7]) „Путевые заметки об Урянхайской земле“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1903, XXXIV, № 2, стр. 20. См. также *Шварц*—„Труды Сибирской экспедиции“, отд. матем., который первый ввел наименование Иргаки для этой части Саян в географическую литературу. *Паллас* (*Риттер*—

щей хребет горной группе из пяти острых вершин, напоминающих поднятые пальцы руки, откуда произошло, будто-бы, и самое название [1]). Если так, то это название может служить хорошим ответом *Родевичу* и *Васильеву*, не усмотревшим ничего характерного в отдельных наименованиях Саянской магистрали.

Знак 20. *Гора и речка Кынзымеды*. О них говорилось выше [2]).

„ 22. *Хребет Хонин-дабана*—название, сохранившееся до наших дней за частью Саянской магистрали к западу от реки Коярт [3]).

Засим еще один довод, говорящий не в пользу соображений В. Н. Васильева.

Проект Буринского договора вырабатывался при участии таких знатоков края, как цинь-ван Цэрэн, который только что перед тем (в 1726 году) совершил свой инспекторский об'езд алтайской границы, причем, повидимому (на это указывает участие Бубэя, правителя урянхайцев [4]), в этом об'езде), посе-

---

„Землеведение Азии", III, стр. 434) со слов местных жителей пишет, что левый берег р. Уса образует хр. Хойнин-дабан и что с дороги через левобережные горы виднеется вдали на востоке разорванная скалистая масса Ирген-Таргэк; это уже очень близкая передача названия Эргик-Таргак. *Г. Сафьянов* („Эпизод из странствий по Монголии" в „Вост. Обозр.", 1883, № 7, стр. 9) дает еще более близкое название горам к северу от места слияния р.р. Блилялика с Систыг-кемом, а именно, он называет их Ергик (Ерчак в первом случае—очевидная опечатка)-Иргак-тайга.

[1]) *Klaproth* (*Риттер* — „Землеведение Азии", III, стр. 435) пишет, что Эргик-Таргэк — наименование тюркское (а не монгольское, как думает *В. Н. Васильев*, op. cit., стр. 70) и означает „гребень с вырезками".

[2]) Стр. 788.

[3]) *Шварц*, ibid.; *Веселкин* — „Урянхи и географические сведения о южной границе Минусинского округа" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1871, VII, стр. 117 и след.; *Венюков* — „Барометрическая нивеллировка *Падерина* в Монголии" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1876, XII, 2, стр. 135; *Мосин*—„Гипсометрические наблюдения во время путешествия от Урги к западу" и т. д., обраб. *Фритче*; *Паллас* см. выше; *Klaproth* — „Asia polyglotta", стр. 149, дает выписку из дневника *Мессершмидта* (от 3 февраля 1725 года), где со слов „калмыка", уроженца долины Уса, говорится: перейдя Ус, приходится подниматься на горы Хойнин-дабан.

[4]) Об этом Бубэе находим следующее замечание в „Записках" *графа Рупзинского* (*Сычевский*—„Историческая записка о Китайской границе" в „Чт. в И. Общ. Ист. и Древн. Российских при Моск. Унив.", 1875, кн. II стр. 134): „Четвертый правитель, называемый Бубебѣли (Бубэй-бэйлэ), кочующий при границе Красноярского дистрикта, поставляет вооруженной

гил и незадолго пред тем занятый урянхайцами Кемчик [1]). Недопустимо, чтобы этот выдающийся монгольский деятель [2]), имевший среди других своих помощников также и князей Дзасакту-хан'овского аймака [3]), ничего не знал о Саянском хребте и решился подписать акт, столь близко касавшийся интересов его сородичей, составленный на основании одних лишь русских, не проверенных монголами сведений.

Остается еще сказать, как, повидимому, организованы были разграничительные работы на Саянах.

Еще в 1726 году учреждена была в Сибири постоянная комиссия для развода спорных меж [4]). Ее работы до нас не дошли, но едва ли можно сомневаться в том, что они послужили материалом для составленной в 1727 году под непосредственным наблюдением графа Рагузинского карты пограничной с Китаем полосы Сибири. В одной из пометок коллегии иностранных дел на докладной записке графа Рагузинского говорится [5]): „понеже уже давно указы в Сибирь отправлены для учинения ландкарты, того ради может быть, что оная к приезду его, д. ст. сов., к границам уже и готова будет". Хотя предположения коллегии и не оправдались в полной мере, так как Рагузинскому пришлось послать две новые партии геодезистов для восполнения пробелов, все-же он застал картографические работы настолько подвинувшимися вперед, что ко дню открытия занятий конференции карта оказалась законченной, включая и местности, которые должны были служить об'ектом

конницы 5.000; суть наилучшие войска мунгальские и называются урянхи понеже кочуют у р. Уры"... Из этих слов следует, что и граф *Рагузинский* не считал урянхайцев Бубэя-бэйлэ, кочевавших в бассейне р. Урея или Шерги, системы Шишкита (см. т. I, стр. 106), русскими подданными.

[1]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 404.

[2]) О нем *Хо-цю-тао* („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 365) сообщает: „Цэрэн пользовался милостями трех маньчжурских государей и таким расположением их и славою, какими в течение двухсот лет не пользовался ни один из подвластных князей".

[3]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 103 — 104.

[4]) „Полн. собр. закон.", VII, № 4429; *Щеглов* — „Хронол. перечень важнейших данных из ист. Сибири", стр. 179.

[5]) *Бантыш-Каменский* — „Дипломат. собр. дел между Российским и Китайским госуд. с 1619 по 1792 г.", стр. 459.

соглашения, и в их числе столь важную в обсуждаемом ныне вопросе долину Уды [1]).

Несомненно, что уже на конференции решено было вести границу по водоразделам, и на обязанности комиссара Колычева [2]) оставалось лишь наблюсти, чтобы пограничные знаки были действительно там поставлены. Он это и выполнил, причем в сторону России отошли земли, которые составляли до того времени угодья монгольских данников, и только в этом смысле следует толковать замечание Бантыш-Каменского [3]), что комиссару Колычеву удалось достичь результатов, каких не мог достигнуть граф Рагузинский на 48 конференциях, приобретая для России 250 новых ясачных соболиных данников и такие земли, „о которых ни в Буринском договоре, ниже в данной ему инструкции предписано не было“.

Переходя засим к вопросу о том, как справился Колычев с возложенной на него задачей по установке пограничных знаков от Кяхты до Шабин-дабага, можно лишь с уверенностью сказать, что лично он не об'ехал границы на всем указанном протяжении. Вероятно, на нем лежала лишь обязанность сделать сводку трудов своих помощников, которые к моменту подписания обеими сторонами Буринского договора находились уже на порученных им участках границы. Заключаю это из сопоставления следующих дат: тогда как указы об учреждении караульной службы при первых двух пограничных знаках, ближайших к Кяхте, и при 9—14 знаках последовали 23 сентября 1727 года, такой же указ о службе при знаках 3—5 был отдан 3 того же сентября, т. е. на 20 дней раньше; засим соответственный указ относительно 6—8 знаков был послан 6 января 1728 года, относительно 15—19 знаков—17 апреля, относительно 20—23 знаков 19 апреля и относительно 24 знака—24 ноября 1727 года [4]). Так как время издания этих указов не отвечает последовательности хода разграничительных работ, если-бы они велись одной партией, то приходится

---

[1]) *Бантыш-Каменский*, op. cit., стр. 488.

[2]) Колычев был не новичек в деле разграничения, так как ранее он же вел разграничение с Польшей и Турцией.

[3]) Op. cit., стр. 148.

[4]) „Сборн. догов. России с Китаем“, стр. 42—43.

остановиться на предположении, что таких партий было несколько (шесть), и приказы отдавались по мере поступления от них донесений о закончании работ по установке знаков, причем, как и следовало ожидать, из участков более доступных, с Шабин-дабага—раньше, чем с вершин Уса и Уды, хотя, может быть, и из этих последних мест предварительные краткие извещения об установке знаков были получены комиссаром настолько своевременно, что это дало ему возможность уже 27 октября 1727 года обменяться записями с китайскими уполномоченными [1]).

Частью разбираемого вопроса, не легко поддающеюся раз'яснению, является участие китайских уполномоченных в разграничительных работах колычевских партий; когда и каким путем достигли они всех шести участков, на которые разбита была проектированная конференцией русско-китайская пограничная линия к западу от Кяхты? Само собою разумеется, что предположение В. Н. Васильева, что русско-китайская разграничительная комиссия, проработав от Кяхты до Косогола, вернулась отсюда обратно в Кяхту и здесь обменялась записями, предоставив незаконченную на две трети работу довершить своим преемникам, и что именно тогда-то русские повели расстановку знаков по Саяну, а китайцы—по Танну-ола, должно быть оставлено хотя-бы уже потому, что у нас нет оснований обвинять Колычева, утверждавшего в разменном письме от 27 октября 1727 года, что им к этому времени закончена была установка пограничных знаков от Кяхты до Шабин-дабага, в служебном подлоге, да едва-ли на такую сделку пошли-бы и китайские делегаты.

Для того, чтобы покончить с этим, наиболее сильным из доводов В. Н. Васильева, остается еще выяснить, какое отношение к рассматриваемому вопросу имеет линия монгольских караулов, расположенная вдоль южной подошвы Танну-ола.

---

[1]) Что наша государственная граница проводилась Колычевым по гребню магистрального Саяна (хребта Ергик-Таргак-тайга), это подтверждает и предание верхне-окинских сойотов, предки которых принимали участие в работах по сооружению пограничных знаков, почему и получили название *обошиов*, от слова „обо", что значит „горка камней" (см. *Можаев*— „Заметка о мунгалах" в „Изв. вост.-сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1905, XXXVI, стр. 84).

Военный кордон в долине Теса был учрежден незадолго до прибытия Мессершмидта в Сибирь [1]), т. е. приблизительно за десять лет до заключения Буринского договора, в видах ограждения Халхи от вторжений джунгар, владевших тогда бассейнами Кемчика и нижнего Улу-кема. Засим, для защиты урянхайцев, вскоре же затем занявших эти бассейны, от тех же джунгар этот кордон был продолжен на запад и усилен частями войск цзасака Бубэя [2]). Несомненно, что в китайской исторической литературе найдутся и другие факты, свидетельствующие, что военный кордон между Тесом и хребтом Танну-ола возник до и, стало-быть, совершенно независимо от работ русско-китайской разграничительной комиссии, но для нас и этих свидетельств достаточно, чтобы в связи с вышеизложенным придти к заключению об ошибочности выводов, построенных на предположении, что монгольские караулы обязаны своим происхождением неосведомленности китайских делегатов, участвовавших в работах по проведению русско-китайской границы.

Монгольские караулы вдоль хребта Танну-ола пережили время особенно развившейся в Азии в XVIII веке охраны угрожаемых территорий военными кордонами [3]), может быть, потому, что Урянхайский край в податном отношении находился всегда на особом положении, будучи обязан вносить ежегодную подать мехами, от чего освобождены были остальные кочевники Монголии; и маньчжурское правительство, дорожа

---

[1]) *Риттер*—„Землеведение Азии", III, стр. 489.

[2]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 405. Terminus ad quem—1720 год, когда Цэван-рабтан принужден был просить мира, одним из предлагавшихся им условий коего было возвращение ему бассейна Кемчика.

[3]) Такой военный кордон из казачьих постов сохранился, впрочем, еще и у нас в Зайсанском приставстве. О былых китайских кордонах вдоль северных склонов Алтаин-нуру и р. Цзабхан см. выше стр. 673, а также *А. Позднеев*—„Монголия и монголы", I, стр. 351. Впрочем, такие же кордоны сохранились и до наших дней кое-где в остальной Монголии; так, *Г. Н. Потанин* („Поездка в среднюю часть Большого Хингана летом 1899 года" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1901, XXXVII, вып. V, стр. 402) упоминает о монгольских пикетах на границе между хошуном халхаского князя Джу-вана и землями баргутов; *Н. В. Малыбин* („Предварительный отчет о поездке в Восточную Монголию и застенные части Китая" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1901, XXXVII, вып. 1, стр. 39) о караульной линии в горах Б. Хингана и т. д.

этим доходом, более тщательно, чем остальную Монголию, охраняло Урянхайскую землю от торговой ее эксплоатации китайским купечеством. От этой опеки оно отступило только в 1901 году [1]), и с этих пор роль монгольских караулов свелась, как сообщил мне сопровождавший меня в 1903 году дёрбётский цзагин, к охране дёрбётских кочевий от разбойничьих банд урянхайцев, считающихся первыми конокрадами в мире [2]).

Перехожу к следующему доводу В. Н. Васильева, о котором мне приходилось, впрочем, уже писать выше [3]).

Вопрос идет об урянхайцах, которые, согласно документам, относящимся к делу разграничения, должны были-бы занимать по обе стороны государственной границы большие районы, до нескольких недель ходу в поперечнике, чего в действительности нет, если границу вести по Саянам. Но если вести ее и по хребту Танну-ола, то результат получился-бы тот-же с той только разницей, что в ущербе оказались-бы китайцы. Ошибка В. Н. Васильева кроется в том, что исходным пунктом своих рассуждений он берет современный район расселения урянхайцев, между тем в начале XVIII века

---

[1]) О сем подробнее говорится в т. III.

[2]) Приводя мнение *Г. П. Сафьянова*, что направление государственной границы с Китаем должно хотя-бы уже потому совпадать с гребнем хр. Танну-ола, что вдоль южной подошвы последнего проходит линия монгольских караулов (мунгальских маяков), *Ф. Я. Кон* („Усинский край" в „Зап. красноярского под'отдела вост.-сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.", 1914, II, вып. 1, стр. 16) замечает: „Это указание имело-бы несомненно огромное значение, если-бы было установлено, что „мунгальские маяки" имеют значение именно пограничных знаков, а не внутренней межи между отдельными провинциями Китая, как в разговорах со мною *настаивали сойоты*" (курсив мой), и о чем, замечу тут-же, *писал и Г. П. Сафьянов*, когда еще не задавался целью найти доказательства ошибочности проведения государственной границы по гребню Саянского кряжа. Я разумею следующее место его записки, помеченной 1879 годом, выдержки из которой мы находим у *Катанова* в его „Библиографическом указателе", приложенном к „Опыту исследования Урянхайского языка", стр. 1455: „Так как переход за границу и урянхайцам и дурбетам воспрещен, *для чего и устроена линия, охраняемая пикетами*, то дурбеты, чтобы гнаться за урянхайцами предварительно должны выхлопотать себе пропуск (через эту линию)".

[3]) Стр. 698—699.

оно было иным. Не говоря уже о том, что мы встречаемся с ними в это время в долине р. Бухтармы [1]), они жили тогда еще по южному склону хребта Абакапского [2]), по Енисею ниже устья Кемчика [3]), и по вершинам его правых притоков на восток до устья р. Хара-Бурени, притока Уды [4]), что, конечно, значительно увеличивает пределы ныне занимаемой ими территории. Таким образом, и этот довод В. Н. Васильева должен считаться отпавшим.

Следующий свой довод он строит на таких соображениях. В „Мэн-гу-ю-му-цзи“ в двух случаях, когда говорится о северных границах знамен Сайн-ноин'овского и Дзасакту-хан'овского аймаков, употреблены выражения: „соприкасаясь с пограничными караулами“, причем под таковыми разумеется монгольская пикетная линия вдоль южной подошвы хребта Танну-ола. Засим, сопоставление китайских известий о территории, которую занимали урянхайцы в XVIII веке, с данными по тому же предмету, содержащимися в новом издании „Всеобщей географии Китая“, вышедшем в 1842 году, показывает, что реки Бей-кем и Ха-кем указываются в ней впервые как область кочевий урянхов. Оба эти факта, по мнению В. Н. Васильева, доказывают, что китайцы в XVIII веке „не считали Урянхайский край своей землей“ [5]) и „только в прошлом столетии, спустя более века по разграничении, удостоверившись в ошибочности проведенной нами границы, решились, повидимому, включить в свои пределы“ сперва дархатов, а засим и остальных урянхайцев.

Не говоря уже о том, что argumenta e silentio вообще не убедительны, в данном случае они являются мало пригодными еще и потому, что „Мэн-гу-ю-му-цзи“, из которого

---

[1]) См. выше стр. 697.

[2]) Донесение графу Рагузинскому из Кузнецка от 22 апреля 1726 г. В выше цитированном протоколе иркутского совещания по урянхайскому вопросу приводится догадка, что в этом донесении речь идет, вероятно, о кемчикских сойотах. Вероятного в этом, однако, очень мало. Следует читать так, как донесено.

[3]) Ibid.

[4]) Донесение графу Рагузинскому из Красноярска от 10 апреля 1726 года.

[5]) Op. cit., стр. 97.

Васильев черпает свои сведения, — сочинение, трактующее об урянхайцах лишь по стольку, по скольку эти последние приходили в соприкосновение с монголами. Что касается тех мест „Мэн гу-ю-му-цзи", где говорится о „пограничных караулах", то по их поводу можно лишь сказать, что П. С. Попов — единственный из русских синологов, переведший таким образом иероглифы „бянь-ка" [1]). Но если даже перевод его и верен, то все же не следует забывать, что „Мэн-гу-ю-му-цзи" не официальный документ, а творение двух китайских ученых, не чуждое грубых ошибок.

Засим В. Н. Васильев обращается и к историческим данным, извлекая их все из того же источника — „Мэн-гу-ю-му-цзи", и так как среди них он не находит указаний, свидетельствующих о том, что Урянхайский край когда-либо входил в район военных действий маньчжуров или что край этот иным образом был ими приобретен, то делает отсюда вывод, что у Китая нет ни исторических, ни завоевательных прав на эту землю.

Даже если ограничиться „Мэн-гу-ю-му-цзи", то к подобному выводу придти невозможно, ибо на странице 404 этого сочинения мы читаем: „поэтому-то Цэрен-рабтан (Цэван-рабтан), указывая в своем докладе на то, что земли по Кэм-кэмчику принадлежали прежде чжунгарам, просил о возвращении их ему; богдохан не из'явил на это согласия". Но наши сведения об истории Западной Монголии и Урянхайского края к счастью не ограничиваются содержанием „Мэн-гу-ю-му-цзи", и если внимательно прочесть предшедшие страницы, начиная с конца девятой главы, то в них отыщется достаточно данных для того, чтобы установить исторические права Маньчжурского дома на урянхайский народ, перешедшие к нему после 1688 г., притом именно на ту его часть, которая населяет область вершин Енисея [2]). Quod erat demonstrandum!

---

[1]) *А. О. Ивановский* — „Кочевья Сайньноянновского аймака" в кн. Потанина — „Очерки сев.-зап. Монголии", III, стр. 284, *Андреевский* — „Кочевья Чжасакту-хановского аймака", там же, стр. 299, пишет „бянь-хэ". Оба эти переводчика, работавшие, как кажется, под наблюдением проф. *В. П. Васильева*, придают этим иероглифам значение имени собственного, не поясняя впрочем, к чему оно относится.

[2]) В числе народов, полученных в удел от Даян-хана его сыном Гэрэсэнцзэ, значились как урянхи, так и киргизы (если хэрэгут то же, что кэргут), т. е. кочевники, жившие в бассейне верхнего Енисея.

Смущает, наконец, В. Н. Васильева и некоторая часть документов, относящихся к разграничению. Вот, что он пишет [1]).

„Что хребет, по которому должна была пройти граница согласно договору, представлялся значительно южнее Саянов, указывают и другие данные. В том же свидетельстве [2]) имеется такое место: „ныне россиане приблизились так далече в мунгальскую землицу по всем уездам несколько дней хода, а негде и несколько недель, где ныне знаки пограничные благополучно поставлены и граница разведена с Российской империи расширением... во многих местах великим числом пустых мунгальских земель (которые были между мунгальскими знаки и российских подданных владением) к Российской Империи ныне приобщены"... Свидетельство это несомненно должно относиться к границе к западу от Кяхты, в частности именно к Саянскому району, так как к востоку, начиная почти от оз. Косогола и до самой р. Аргуни, принята старая граница времен царя Алексея Михайловича (см. „карту постепенного изменения границ Азиатской России", приложенную к книге М. Венюкова —„Опыт военного обозрения русских границ в Азии"). Словцов даже прямо указывает на этот район. Он говорит: „на западе от Кяхты, по взаимной-ли уступчивости или по неточному сведению ханств Саин-Ноинского и Урянхайского, знатные пространства земли приурочены к Российскому владению" (кн. I, стр. 433). Если так, если действительно к нам приурочены „знатные пространства" „на несколько дней хода, а негде и несколько недель", то где-же могут быть эти земли севернее Саянского хребта?".

Васильев приводит выдержку из документа, озаглавленного „Свидетельство агента Ланга, разных чиновников, посольскую составлявших свиту, пограничных обывателей, данное чрезвычайному в Китай посыланному посланнику графу Саве Владиславичу о постановлении им по трактату 20 августа 1727 года при речке Буре весьма прибыточной для Российского государства границы". Я позволю себе дополнить его цитату. Весь абзац читается так:

„Мы нижеподписавшиеся, свидетельствуем:...

---

[1]) Op. cit., стр. 85.

[2]) *Бантыш-Каменский*, op. cit., стр. 344.

„Второе: что старая граница в каждом уезде, тому ныне тридцать лет, когда состоялся мирный договор между великим русским послом графом Ф. А. Головиным и китайским послом Самгуту при Нерчинском, — была так далече в российской земле, что ныне россияне приблизились так далече в мунгальскую землицу по всем уездам несколько дней хода, а негде и несколько недель, где ныне знаки пограничные благополучно поставлены и граница разведена с Российской империи расширением".

Что здесь говорится о Забайкальском участке границы, а не об участке к западу от Кяхты, явствует из ссылки на Нерчинский трактат, каковая ссылка в противном случае была-бы совершенно неуместной. Нерчинский трактат установил границу по р. Аргуни до Абагатуевской сопки [1]), оставив всю местность к западу от нее неразграниченной [2]), и кто-бы и как-бы засим не вел тут границу, она ни в коем случае не могла-бы претендовать на название „старой границы времен царя Алексея Михайловича". Что проведенная согласно Буринскому договору между Абагатуевской сопкой и Кяхтой государственная граница отрезала от Монголии в пользу России значительные участки земли [3]), это видно из пункта четвертого цитированного выше документа, в котором читаем: „что по нынешнему разграниченью, колико нам известно, не токмо все крепости, но и села, слободы и пустоши, ко оным надлежащие, остались действительно в российском владении, и не токмо не притеснены, но во многих местах великим числом пустых мунгальских земель (которые были между мунгальскими знаки и российских подданных владением) к Российской империи ныне приобщены". Полагаю, что если речь идет

---

[1]) „Сборн. догов. России с Китаем", стр. 30.

[2]) Ст. 2 Нерчинского договора („Сборн. догов. России с Китаем", стр. 4).

[3]) Я полагаю, что показание „несколько дней хода, а негде и несколько недель" следует относить к замежеванным территориям вдоль государственной границы, а не вглубь страны. В приводимой ниже „Сказке бывших при разграничении" определение площади замежеванной территории сделано яснее: от р. Кантегира (в обе стороны) вдоль границы восемь дней, на север, к реке Абакану, три дня хода.

о русских селах и монгольских знаках [1]), то это отнюдь не может относиться к Саянам и тем более к Засаянскому краю. Что касается ссылки на Словцова, то она не имеет значения, так как последний лишь констатировал факт, засвидетельствованный „сказкой бывших при разграничении“ [2]), в которой читаем: граница от Бургутейской полуденной сопки в правую сторону до Шабин-дабага „учинена против прежнего владения подданных людей Российской империи с великим пространством, и от Мунгальского владения заграничены многие земли, которые никогда не бывали; а именно: от реки Хан Тенгери (Кантегира) в расстоянии верховою ездой в длину дней на восемь, а широтой до реки Абакану дни на три; а те места во владении Российской империи никогда не бывали; а когда российские люди кузнецкого ведомства в те места для звериных промыслов, как русские промышленные да и ясашные люди, ходили, и в тех местах китайского владения, Цыцынвана Соеты, их побивали и грабили; также те места для звериных промыслов самые угодные; а промышляют в тех местах зверей соболи, лисицы, белку, разсамаху, выдру и бобры. И с такою учиненною и пространною границею подданные российские ясашные люди, також и русские промышленные весьма довольны и радостны, что божиим вспоможением и счастием его величества оная граница так учинилась“.

„Сказку“ Васильев сопровождает таким замечанием: на первый взгляд она мало понятна (?). „Из того, что места эти были для звериных промыслов самые угодные, явствует, что речь идет о Саянах. Из упоминания же названий реки Абакана и Хан-Тенгери определяется, что здесь говорится, повидимому, о площади, заключенной между реками Енисеем, двумя притоками его Абаканом и Хан-тенгыром и хребтом Сабинским (Шабин-дабага). Но в таком случае лишь южная, гористая половина этой площади годна для звероловства; северная-же часть — степь, где никаких соболей, конечно, не водится. Это раз. А кроме того, площадь эта так невелика, что о каких бы-то ни было „знатных пространствах“ в несколько

[1]) О монгольских караулах и маяках, существовавших до проведения русско-китайской границы, см. разменное письмо от 12 октября 1727 г. („Сборн. дог. России с Китаем“, стр. 28; *Бантыш-Каменский*, op. cit., стр. 348—350).

[2]) *Бантыш-Каменский*, op. cit., стр. 363.

недель хода не может быть и речи. Приходится думать, что подписавшие эту бумагу сотрудники комиссара Колычева по разграничению сообщили лишь о районе, который мог быть ранее известен кому нибудь из них, как, например, кузнецкому сотнику И. Жижину (остальные — почти все селенгинские служилые люди и инородцы [1]) — вряд-ли могли знать что-нибудь); о приобретениях же в других районах умолчали по своему незнанию, так как, не пройдя на запад далее Косогола, они и не могли знать ничего о Саянском районе".

Эта часть статьи В. Н. Васильева очень далека от исторического об'ективизма. В „Сказке" не говорится „о знатных пространствах в несколько недель хода"; это определение выхвачено им из книги Словцова и документа, подписанного агентом Лангом и другими, относящегося, как мы уже видели выше [2]), к Забайкалью, где действительно, согласно разменному письму от 12 октября 1728 года [3]), пустые земли, лежавшие к северу от монгольских караулов и маяков между Ара- и Убур-Хадаин-усу и Цаган-ола и столь пространные, что на них было установлено 48 пограничных знаков, были на половину замежеваны в пользу России; а если не говорится, то становятся лишними и высказываемые им по поводу „сказки" соображения. Не было также у В. Н. Васильева оснований утверждать, что лица, ее подписавшие, сделали это, не будучи лично знакомы с местностью, о которой в ней говорится, ибо в Саяны западнее оз. Косогол они-де не проникали.

Для того, чтобы покончить с доводами В. Н. Васильева мне остается еще разобраться в вопросе, на столько-ли сомнительны имеющиеся на Саянах пограничные знаки от 18 до 23, как об этом писали все защитники более южного направления русско-китайской границы; но вопрос этот уже исчерпывающим образом разобран был выше, в виду чего я считаю свою задачу историка законченной.

Я нисколько не отрицаю, что Урянхайский вопрос очень сложный, вполне понимаю те чувства, которые побуждали В. Попова, В. Н. Васильева и других отдавать ему

---

[1]) *Васильев* не поясняет, почему подписавшихся под „Сказкой" инородцев он причисляет к селенгинским уроженцам.

[2]) Стр. 817.

[3]) „Сборн. договор. России с Китаем", стр. 28.

время и труд, но продолжаю думать, что со стороны названных исследователей этого вопроса было крупной ошибкой выносить его на страницы повременной печати. Предвзятая мысль, что русское правительство, в частности министерство иностранных дел, оставалось в этом вопросе инертным, заставила их, повидимому, взять на себя роль того „внешнего влияния", которое должно было вывести „петербургские канцелярии" из этого состояния. Однако изложенная выше история урянхайского вопроса, для полноты которой я по весьма понятным причинам не мог использовать всех имевшихся в моем распоряжении материалов, как мне кажется, в достаточной степени опровергает эту предвзятую мысль. Скажу более. Именно в этом вопросе бывшее министерство иностранных дел, которое, сказать кстати, столь часто служило об'ектом несправедливых нападок, проявило и должную осторожность и должную последовательность, ту мудрость, которую несомненно отметит история, беспристрастный суд которой заставит будущие поколения русских людей с признательностью вспоминать имена не тех лиц, которые брали на себя роль „внешних влияний", толкая русское правительство на явно опрометчивые действия, а тех, которые в этот исторический момент руководили внешней политикой России.

Линия монгольских караулов.

В п. 4 „Свидетельства агента Ланга, разных чиновников, посольскую составлявших свиту, (и) пограничных обывателей, данного чрезвычайному в Китай посыланному посланнику графу Саве Владиславичу (Рагузинскому) о постановлении им по трактату 20 августа 1727 году при речке Буре весьма прибыточной для Российского государства границы“ [1]) говорится: „По нынешнему разграничению, колико нам известно, не токмо все крепости, но и села, слободы и пустоши, ко оным надлежащие, остались действительно в российском владении, и не токмо не притеснены, но во многих местах великим числом пустых мунгальских земель, которые были между мунгальскими знаки и российских подданных владением к Российской империи ныне приобщены“.

Из этого следует, что линия монгольских караулов на восток от Кяхты до Абагатуевской сопки и на запад до Архан-бурала существовала ранее заключения Буринского договора 1727 г., и, может быть, именно это обстоятельство помогло графу Рагузинскому настоять на проведении государственной границы по линии этих караулов.

Засим выше уже говорилось [2]), что военный кордон в долине Теса был образован за десять лет до заключения Буринского договора в видах ограждения Халхи от вторжений джунгар, владевших тогда западной частью бассейна верхнего Енисея. Возможно также, хотя у нас и нет тому прямых доказательств [3]), что и монгольские пикеты далее на восток, от

---

[1]) *Н. Бантыш-Каменский* — „Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государством с 1619 по 1792 г.г.“, стр, 344.

[2]) Стр. 812.

[3]) Эти караулы упоминаются в „Шуй-дао-ти-ган“, но это обстоятельство не разрешает вопроса о времени их учреждения, так как названное

Джинджилика до Хатхул-бома, были учреждены вне всякого отношения к Буринскому договору, в целях защиты халхаских кочевий от набегов хото-гайту, которые в ту эпоху жили несколько севернее ныне занимаемой ими территории, в лесах верховий Ха-кема, и отличались от монголов как своим образом жизни, так и характером, буйным, угрюмым и диким [1]).

В виду изложенного нет причин удивляться тому, что линия монгольских караулов является пограничной только в участках: Абагатуй—Кяхта, Кяхта—Архан-бурал и Чиргэтэй-Чангистэй, оставляя весь участок государственной границы по Саяну открытым. Охрану здесь пограничных знаков, как и самой границы, маньчжурское правительство возложило на тоджинцев подобно тому, как русское правительство, до образования Абаканской караульной линии и форпостов к востоку от Шадата, возложило ее на местных инородцев; о том же, в какой мере добросовестно относились урянхайские власти к порученному им маньчжурским правительством делу, свидетельствует как оказанный ими прием Е. Пестереву, так и те затруднения при об'езде границы, какие он встретил в пределах Тоджинского хошуна [2]).

К ст. 2-й „Правил для сухопутной торговли“ приложен список пограничных пунктов, через которые могли проезжать русские подданные, отправлявшиеся для торговли в Китай. Этот список, в котором параллельно были приведены наименования монгольских караулов и ближайших к ним русских, способен был породить и порождал много недоразумений. Неизвестно, чем руководствовались его составители; несомненно

китайское сочинение было издано в 1761 г. То же следует сказать и по поводу следующего места „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 406: „Река Дэльгэр берет начало на южной стороне гор Танну, на север от караула Сибари“, так как автор этих строк *Хэ-цю-тао* умер в 1862 г.

[1]) *А. Позднеев*—„Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ“, стр. 168.

[2]) См. его „Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях как российских ясачных татарах, так и китайских мунгалах и соiотах, деланные с 1772 по 1781 год в бытность его под названием пограничного комисара при сочинении карты и при отыскании пришедших в неизвестность трактованных пограничных знаков и самой пограничной между Российской империей и Китайским государством черты, лежащей от Иркутской губернии через Красноярский уезд до бывшего Зенгорского владения“ в „Нов. ежем. сочин.“, 1793, ч. LXXIX—LXXXII.

лишь то, что, принимая его, китайский уполномоченный, сановник Цзэн, обнаружил полное незнакомство с географией своего отечества и совершил ошибку, которая могла-бы быть с успехом использована в целях отторжения от Китая всей территории бассейна верхнего Енисея. Она же была причиной последующей примирительной и уступчивой политики, какой вынуждено было держаться китайское правительство в урянхайском вопросе.

В этом списке русскому выпускному Хангинскому караулу противопоставлен впускной китайский (монгольский) караул Бэльтэс (в списке—Былтыс), Окинскому—китайский (монгольский) караул Цзай-гол. Между тем между Хангинским караулом и караулом Бэльтэс, разделенными пространством в 265 верст, в 185 верстах от Хангинского находится неупоминаемый в списке монгольский караул Хатхул-бом, расположенный в пункте расхождения дорог по монгольским хошунам и на кратчайшем торном пути в г. Улясутай [1]). Бэльтэс не обладает этими преимуществами. К тому же он оставлял без точного контроля торговое движение не только по всему восточному побережью оз. Косогола (этот недостаток имел-бы и караул Хатхул-бом), но и на огромном пространстве к югу и юго-западу от этого озера, что и заставило китайцев, в отступление от договорного постановления, перенести визу русских паспортов ближе к границе, в так называемый Хангинский курень. Еще большее расстояние—320 верст по долготе и 175 верст по широте отделяет Окинский караул от караула Цзай-гол, не говоря уже о том, что между обоими этими пунктами не только никогда не существовало торгового движения, но не было даже соединяющего их пути: здесь лежит труднодоступная горная территория, весь лесной массив Шишкита, заселенный дархатами, тоджинцами и другими группами урянхайской народности. Еще страннее встретить среди впускных китайских постов караул Джинджилик, расположенный по меридиану в 350 верстах от русской границы и оставляющий перед собой открытой всю территорию урянхайских владений.

---

[1]) Совещанием по вопросам о развитии русских торговых сношений, собиравшимся иркутским генер.-губернатором Л. М. Князевым в 1912 и 1913 г.г., этот путь намечался для обращения его в колесный и проведения вдоль него телеграфной линии.

Требование являться для получения разрешения на торговлю в пункт, расположенный в 350 верстах от границы, не служит-ли доказательством тому, что ставящее его правительство не считает себя заинтересованным в том, что совершается в полосе земли, лежащей перед этим пунктом, в данном случае на всем пространстве Урянхайской земли? Этот логический вывод из ошибки сановника Цзэна был сильнейшим из доводов тех русских деятелей, которые требовали перенесения государственной границы с Саяна на хр. Танну-ола. Нерешительный же образ действий китайских правительственных агентов, уклончивый характер их письменных с нами сношений в вопросах, касавшихся Урянхайской земли, служили, по их мнению, дальнейшим подтверждением правильности вывода, что китайское правительство не располагает документальными данными, подтверждающими китайские права на бассейн верхнего Енисея. Мне кажется, однако, что такой образ действий китайцев в урянхайском вопросе диктовался им боязнью их обнаружить допущенный ими промах при заключении договора 1881 года; что касается их прав на Урянхайские земли, то они в достаточной мере были освещены на предшедших страницах [1]).

В заключение этой справки привожу полный список караулов на всех пяти [2]) участках монгольской пикетной линии, составленный в бывш. министерстве торговли и промышленности [3]) на основании следующих источников: „Русско-монгольского переводчика халхаского наречия“ Р. Бимбаева [4]) и монгольской схематической карты [5]).

---

[1]) См. гл. XI, стр. 697 и сл., и гл. XII, стр. 774—820.

[2]) Участок Хулудзуху—Кяхта приводится мною здесь в тех видах, чтобы сделать общим достоянием работу, уже произведенную, притом на основании весьма мало доступных источников.

[3]) В числе других материалов этот список вошел в состав секретной записки, представленной междуведомственному совещанию по вопросу об укреплении русского влияния в Монголии.

[4]) Изд. в Троицкосавске в 1910 г.

[5]) Этот список был уже использован *Вл. Л. Котвичем* в его „Кратком обзоре истории и современного политического положения Монголии“, приложенном к карте Монголии, составленной *И. Я. Коростовцем*, 1914 г.

Транскрипция секр. записки мин. торг. и пром.	Иные транскрипции и названия:	Назв. соотв. русск. караулов согласно списку, прилож. к „Правилам".
	I участок.	
Хулудзуху	Хубольчжиху [1])	Старо-Цурухайтуйский
Мунху-тологой		
Дзэринту	Дзеринтуйн [2])	Цаган-Олоевский
Мугэдзэгэ	Моокгэдзэгэ [1]) Мугэджиг [2])	Ключинский
Хуа-оботу		
Улинту	Улянту [1])	Кулусутаевский
Дорлок	Доролок [1])	Часучеевский
Турхэнэк		
Догтор		
Хорин-нарасу		Дурулгуевский
Тосок		
Хурца	Хураца [1])	Тохторский
Бэрхэ		
Ологон	Олхон [3])	
Баян-хэрэ	Баяндарга [1]) Баян-дурага [2])	
Нагацу		
Хильбар		
Халун	Хирхон [3])	
Хумули		
Хусулук		
Ашингу	Ашинга [1])	Ашингинский
Ху-гэ	Хуя [3])	
Минджи	Миндза [1])	Медзинский
Уялга		Шарагольский
Худэр	Кудара [1]) Худэри [2])	Кударинский
Чинтай	Чиктай [2])	
Гиран	Киран [4])	
Бура	Кяхта [1])	Кяхта

---

[1]) Согласяо списку, приложенному к ст. 2-ой „Правил для сухопутной торговли".

[2]) *Котвич*, op. cit.

[3]) Согласно списку, приведенному в книге *Бимбаева*.

[4]) На стр. 31 экземпляра „Краткого обзора", etc., полученного мною от автора, *В.л. Л. Котвичем* внесено исправление: „Гиран (Гилян-нур)"— Гилян-нур вычеркнуто и заменено—Киран.

	II участок.	
Цаган-усу		
Хара-худжир		Боцийский
Хабтагай		
Чжиргэтэй		Желтуринский
Ордого	Ортохо [1])	Харацайский
Тумурун		
Эрин-цалма	Ирекчилам [1])	Хамнейский
Архан-бурал		
	III участок.	
Улиган	Ойлган [3])	Ключевский
	Уюлет [1])	
Дархиту	Даргинтуй [5])	
Хуху-тологой		
Хатхул-бом [6])		
Бэльтэс	Бэльтыс [7])	Хангинский
	Былтыс [1])	
Цаган-булун	Цаган-булук [5])	
Агар	Ахари [8])	
	Агари [5])	
Шибар	Сибари [9])	
	Сибир [10])	
	Шавыр [5])	
Цзай-гол	Цзай-гыл [11])	Окинский
Хачик		
Баян-булук	Баин-булук [5])	
	IV участок.	
Джинджилик	Дзиндзилик [5])	
Эрсун		
Самгалтай		

---

[5]) Так название этого караула передано на 40-верстной карте генерального штаба.

[6]) На карте, приложенной к книге *Родевича* — „Очерк Урянхайского края", 1910, наименование Хатхул ошибочно перенесено на Хангинский караул, а название последнего на караул Хатхула бом.

[7]) Транскрипция *П. С. Попова* („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 406).

[8]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 406.

[9]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 406.

[10]) Так транскрибирует *В. Васильев*. См. Потанин — „Очерки сев.-зап. Монголии", вып. III, стр. 254, примечание.

[11]) *Котвич*, op. cit., приводит это название в скобках, не указывая, откуда он его заимствовал.

Алаг-обо	Алак-обо [12] [13])
	Алык [5])
Оргиху-булук	Орхаху-булак [13])
	Урчжиху-булах [14])
	Орикхо [5])
	Оргохо [15])
Цацаргана	Цициргана [16])
	Чицаргана [13])
	Цыцергана [5])
	Чичиргына [17])
	Ухук [17])
Хандагайту	Хандагатайту [5])
Боро-чихиту	Боройчигету [13])
	Боргучайту [5])
	Борой-чихиту [18])
	Бергучайту [17])
	Бор-ичеты [17])
Ботогони-холой	Ботогон-голаі [13])
	Бодхон-холой [5])
	Ботхон-хола [17])
Урун-нор	Урук-нур [13])
	Урю-нор [5])
	Юрук-нур [17])
	Харьги [17])

V участок.

Чирсэтэй	Чигерсутей [13])
	Чигирста [17])
	Чигитэй [5])
Хату-улясутай [19])	Хату-улясуту [13])
Хак-нор	Хагур [13])
	Как [5])

---

[12]) „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 451.

[13]) Транскрипция *Б. Я. Владимирцова*. См. его „Об'яснения к карте с.-з. Монголии, составленной монголами“ в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1911, XLVII, вып. VII—X, стр. 493.

[14]) „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 451.

[15]) Приведено у *Котвича*, op. cit., в скобках.

[16]) „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 451.

[17]) Приведено у *Котвича*, op. cit., в скобках. Откуда заимствовал он это название, мне неизвестно.

[18]) *Котвич*, op. cit. „Боро-чихиту“ исправлено в „Борой-чихиту“.

[19]) В списке монгольских караулов, приложенном к ст. 2 „Правил“, показан между караулами Джинджилик и Суок караул Юстыд (правильнее, повидимому, писать Юстут; см. *Радлов*—„Торговые сношения России с За-

	Тошинта [17])
Суок	Согок (Суок) [20])
	Хагучин-сугок [13]) [21])
Ойгор-нор	Галуту-Ойхор-нор [22])
	Тергенту [13]) [23])
	Тархаты [5])
Галуту-нор	Джидар [13])
Ухэк [24])	
Чандагайту	Чиндыгатуй [5])
Урулу	
Чангистэй	Чингистай [5])
Нарин	
Хара-тарбагантай	Тарбагатай [5])
Хула-адзарга	
Хони-майлаху	

После провозглашения независимости Монголии, в виду установившихся с Россией дружественных отношений, было решено снять караулы на всех участках кроме четвертого, а их земли передать в заведывание ближайших хошунных властей.

падной Монголией и их будущность" в „Зап. И. Р. Г. О. по отд. статист.", 1871, II, стр. 345; ср., однако, стр. 346, где *Радлов* пишет Юстыт), который был упразднен уже в 1865 г., так как на основании ст. I Чугучакского договора граница прошла по гребню Сайлюгема и Юстыд отошел к России. Странная ошибка не только с китайской, но и с нашей стороны.

Монгольский караул Юстыд перемещен был в местность Хату-улясутай, по которой и получил затем это название.

[20]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 450.

[21]) На монгольской карте, доставленной в Петербург А. В. Бурдуковым в 1910 году, показаны два пикета Сугок—Хагучин Сугок и Шине-Сугок.

[22]) Нет-ли здесь ошибки переводчика, соединившего два пикета Ойхор-нор и Галуту-нор в один Галуту-Ойхор-нор?

[23]) На монгольской карте, о которой говорилось выше, показаны два пикета Тергенту в близком один от другого расстоянии.

[24]) Караул Ухэк и последующие 7 пикетов были упразднены в 1865 г.

В XVIII столетии (см. *П. Гельмерсен*—„Поездка полкового квартирмейстера поручика *Арефия Незнаева* из крепости Усть-Каменогорской в г. Хобдо в 1771 г." в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1868, IV, стр. 293 и сл.) дорога из долины Бухтармы выходила на караул Чангистэй и далее следовала через караулы: Урулу (у *Незнаева*—Урул), Чандагайту (Чиндагатуй), Ухэк (Укыстуй), Галуту (Галатуй), Анхирю (Ойгор-нор?), Суок (Сугук) и Бургасу, откуда шел уже почтовый тракт в Кобдо.